Бабье царство.

Хроники Бета-Мира - 5

Анатоль Нат

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Рассказ про баронессу Изабеллу де Вехтор, занесённую ветром лихих перемен хрен знает куда, и там пребывающую…

- Глава 1 Дела важные, денежные
- Глава 2 Выезд в долину
- Глава 3 Мятеж
- Глава 4 Месяц спустя…
- Глава 5 Нарастающие неурядицы…
- Глава 6 Давно отложенная поездка…
- Глава 7 Банк. Книги товарища Фадеева…
- Глава 8 Возвращение с проверки филиалов
- Глава 9 Лунный пейзаж поля битвы
- Глава 10 Великий Озёрный путь в 1000 вёрст
- Глава 11 Далеко в предгорьях Большого Камня
- Глава 12 Звенят ручьи, кричат грачи… Пришла весна и сердце тает…
- Глава 13 Весенняя, радостная
- Глава 14 Найм…

Глава 1 Дела важные, денежные

***Фокс.* ***

Раннее утро одного из коротких предзимних дней затянувшейся поздней осени, барон Ивар фон Дюкс, Советник баронессы Изабеллы де Вехтор, медленной, расхябанной походкой никуда совершенно не торопящегося человека, неспешно двигался по узкой, извилистой улочке в южной части города. Он направлялся на встречу с баронессой.

Рядом с ним ловко, чуть косолапой походкой, переваливался с ноги на ногу огромный, медведеобразный ящер — Ли Дуг.

— "Ли Дуг! — наконец-то озарило барона, весь путь от своего дома и до жилища баронессы мучительно пытавшегося вспомнить имя одного из фактических глав трёх ящеровых кланов, прижившихся в городе.

За каким чёртом тот ещё затемно сегодня с утра заявился к нему домой и зачем потащил в гости к Изабелле, барон так до сих пор и не понял. Здоровая хитрая ящерица ловко уходила от ответа. Барон про себя молча выругался.

Ловко прыгая через постоянно встречающиеся по пути большие глубокие лужи, оставшиеся на грязной улочке после недавно прошедшего ливня, барон про себя тихо матерился. Он не понимал зачем этой наглой ящерице, просто так никогда ничего не делающей, понадобилась столь формально официальная встреча с баронессой, да ещё и обязательно в его присутствии. Не понимал и оттого немного нервничал, подозревая что для них с баронессой эта встреча ничем хорошим не кончится.

Широко распахнув входную дверь, Советник, не обращая внимания на смущённо запнувшегося на пороге ящера, уверенной походкой близкого баронессе человека прошёл через тёмные сени и уверенно постучал во внутреннюю межкомнатную дверь.

Не дожидаясь ответа и ни на минуту не задержавшись, слегка наклонив голову, чтоб не стукнуться головой о низкий дверной косяк, как бы невольно кланяясь низкой притолоке, уверенно распахнул дверь.

— Баронесса!

Возмущённый вопль Советника, казалось, слышен был на другом краю города.

— Баронесса, что вы делаете? — его возмущённый вопль, раздавшийся над головой баронессы, был полон искреннего

недоумения.

— Что вы там ищете? — повторил он вопрос, подходя поближе и с улыбкой на лице, разглядывая торчащий из-под кровати округлый и изящный зад баронессы, туго обтянутый домашней, мягкой льняной юбкой.

Изабелла, пыхтя и отдуваясь, задом наперёд вылезла из узкого прохода, оставленного между стеной и стоящей в углу кроватью и, отставив в сторону длинную швабру, которой она яростно тыкала куда-то под кровать, возмущённо уставилась на барона.

— Что я тут делаю, я знаю, — раздражённо фыркнула она, отбросив со лба сбившийся локон русых волос.

Выйдя на середину комнаты и уперев левую руку в бёдро, она, подбоченясь, гневно уставилась на барона, раздражённо постукивая зажатой в правой руке шваброй по полу.

— А вот что вы здесь делаете? Как вы сюда вошли, барон, хотела бы я узнать. Да к тому же, без моего разрешения. Кто вас сюда пустил?

— Дверь была открыта, баронесса, — невозмутимо соврал барон. — Мы стучали, стучали. А потом услышали какую-то возню в комнате и решили вас побеспокоить. Так всё же, что вы там делали, баронесса.

— Фокс, зараза, — устало махнула Изабелла рукой, присаживаясь на край кровати из-под которой только что вылезла, — забился в угол и не желает вылезать. Наверное, с полчаса его выковыриваю, а он, как сквозь землю провалился, — устало пожаловалась Изабелла. — Наверное, там какая-то дыра в стене, сколько ни тыкала, а его всё нет.

— Фокс, это вот этот рыжий и наглый лис, что ли? — барон, улыбнувшись, ткнул пальцем куда-то за спину баронессы.

Там, преспокойно развалившись на большой подушке, сидел вальяжный, здоровущий лис с драными, обгрызенными ушами и преспокойно вылизывал свою шёрстку, как будто какой-то огромный рыжий кот на хозяйской кровати. Судя по его довольной физиономии, он уже давно там сидел и с любопытством наблюдал за домашними развлечениями хозяйки.

— Ага! — Воплю, раздавшемуся в этот момент в землянке, наверняка могли бы позавидовать боевые слоны Ганнибала, или иерихонские трубы, пытающиеся разрушить очередной библейский городок.

— Вот, ты где!

Возмущённая баронесса, сердито топнув ногой, коршуном набросилась на довольно вылизывающегося лиса и, схватив того за рыжее, рваное ухо, потащила куда-то на кухню.

— Баронесса!

Советник, потрясённый подобной безцеремонностью, возмущённо уставился ей вослед.

— Разве так можно обращаться с животным.

До ящера, потрясённого подобным обращением со страшным, известным по легендам животным, которого все в его окружении до судорог почему-то боялись, из кухни донёсся гневный вопль баронессы:

— Куда морду воротишь, поганец. Сюда смотреть, кому сказала.

Громкий, возмущённый вопль баронессы заглушил слабый протест Советника, пытающегося ещё что-то ей сказать.

— Вот мыши. Те, что здесь, в ловушке ЭТО мыши, а не та здоровенная дрянь, что ты мне на кровать каждое утро таскаешь. Сколько раз тебе можно повторять, чтобы не тащил в дом всякую гадость.

Буквально через пару минут в дверях кухни показалась раскрасневшаяся, взъерошенная баронесса, с возмущённо довольным видом так и продолжавшая одной рукой тащить за ухо лиса. В другой, за голый хвост брезгливо отставив чуть в сторону. как боевым флагом, она размахивала какой-то ненормально большой мышью-переростком.

— Вот полюбуйтесь, — потрясла она перед носом гостей своей добычей. — И до чего обнаглела рыжая сволочь. Только представьте себе, тащит в дом всяких крыс, а мышей, которые меня доводят до бешенства своим писком, не ловит. Мерзавец! Совсем разбаловался.

Разгневанная баронесса, широко размахнувшись, ловко швырнула дохлую крысу в стоявшее возле входной двери мусорное ведро и, бросив ухо так и продолжавшего довольно лыбиться лиса, присела на скамейку возле обеденного стола.

— Ух, — облегчённо вздохнула она, переведя дух, — совсем запыхалась.

— Вот так мы и развлекаемся каждое утро, — пожаловалась она барону. — Крыс развелось, жуть просто. Каждое утро Рыжик ловит по две, по три штуки. Как будто их сюда кто приваживает.

— Это, вы баронесса, называете крысами? — раздался от двери голос Ли Дуга, отошедшего в сторону.

— А что это, по-вашему? — довольно агрессивно повернулась к нему баронесса, слегка отклонившись в сторону и старательно высматривая того за спиной стоящего перед ней Советника. — По-вашему это мышь переросток? Да ещё с зубами под два вершка? Это и есть натуральная крыса, раз вы этого не знаете. Я что, по-вашему, крысу от мыша не отличу.

— Значит, до этого дня, крыс вы толком то и не видели, — задумчиво констатировал ящер, внимательно рассматривая что-то в мусорном ведре. — Тогда всё становится ясно.

— Что вам ясно? — подозрительно уставился на него Советник, переглянувшись с удивлённо посмотревшей на него баронессой.

— Что это вы так внимательно рассматриваете, эту гадость? — недовольно проворчал он, подходя поближе и бросая косой взгляд на то, что ящер рассматривал в мусорном ведре, брезгливо отстранившись чуть в сторону.

— Значит, вы тоже никогда не видели крыс, — удовлетворённо констатировал ящер. — Так вот, к вашему общему непросвещённому сведению, это не крыса. И тем более не мышь. И уж никак не переросток.

Ящер, бросив ещё один хмурый взгляд на мёртвое животное, которое разглядывал в мусорном ведре, брезгливо отстранил ногой ведро поближе к двери и, молча пройдя на кухню, загремел там рукомойником.

Вернувшись обратно в комнату, он, не нарушив установившегося недоброго молчания, быстро прошёл к столу и, усевшись напротив баронессы, уставился ей прямо в глаза.

— На вашем месте, баронесса, я бы тщательно вымыл руки. Желательно раза три и с мылом.

— Это ядовитая зубатка, чтоб вы знали, а никакая не крыса. Вид, в этих краях совершенно не встречающийся. Очень редкое животное. Эндемик. Внешне очень похожа на крысу. Если раньше никогда её не видеть, то отличить от обычного серого пасюка, практически невозможно. Встречается небольшими, изолированными популяциями в вольном проживании только на северном побережье континента.

— Очень редкая и опасная тварь. Очень!

— Укус для человека смертелен. Даже простое касание человека к её шёрстке при определённых условиях: к примеру, болезненный человек или ослаблен недавно перенесённой болезнью или ещё что, может вызвать мгновенное появление трудно выводимых волдырей, которые следует немедленно обработать особым раствором одного, также довольно редкого северного растения. В противном случае, если сразу не обработать раны, это может привести к мучительной смерти от удушья.

Изабелла растерянно, слёгким недоумением посмотрела на свои изящные, голые по локоть ручки, на которых не было ни грязи, ни каких-либо страшных волдырей, ничего.

— Некоторые спецслужбы культивируют зубатку для особых

случаев, — продолжал меж тем стращать её Ли Дуг, — таких как устранение неугодных им людей по внешне естественным, неопределимым причинам. Один из таких питомников по нашим сведениям находится где-то в дельте реки Северный Стрый. Это нам известно ещё со времён нашего там проживания.

— В некоторых, не слишком образованных кругах, не понимая что происходит, смерти от укуса ядовитой зубатки даже придумали мистическое название "Проклятие Трофейщика".

— Слава богу, баронесса, что эта тварь вас не покусала, а вы, хоть и касались её голой рукой, но она уже на тот момент была мертва. Говорят, мёртвые, они не так опасны. Хотя, — недоумённо пожал он своими камнеподобными плечами, — точно этого никто не знает. Как вы понимаете, свидетелей не сохранилось, — мрачно ухмыльнулся он, продолжая нагнетать атмосферу. — Или, Вам баронесса невероятно повезло.

— Но руки я вам всё же настоятельно советую вымыть. И обязательно с мылом.

— Да, вообще то, укусила, тварь такая, — невольно пожаловалась Изабелла, растерянная таким напором.

Выставив вперёд ножку и приподняв слегка кончик платья, оголяя щиколотку, показала на свежий, ещё не заживший до конца маленький шрам на большом пальце правой ноги. — Вот, тварь такая, за палец недавно цапнула, пока Фокс её не придушил. И ещё до того было пару раз, кусали. Правда, не эта, а другие. Но это было ещё раньше, дня два, три назад. И тех тварей мы давно уже закопали на заднем дворе. Я же вам сказала, каждый день, твари, появляются и мы с Рыжиком с ними боремся.

Ящер, какими-то дикими, широко раскрытыми глазами уставился на ногу баронессы и, забывшись шагнул к ней вплотную. Изабелла, заметив бешеный взгляд ящера, устремлённый на её голые ноги, мгновенно смутилась и быстро убрала ногу под скамейку, прикрыв юбкой.

— Баронесса, — ящер дикими, широко распахнутыми, не верящими глазами смотрел на подол её платья, — этого просто не может быть. Укус этой твари для человека смертелен. Может быть, вы ошиблись, и вас кто-то другой покусал?

— Ну вот ещё, — тут же возмутилась баронесса, - А это что, по-твоему?

Донельзя возмущённая, мгновенно забыв всю свою стеснительность, она ткнула прямо под нос ящеру кулак с выставленным вверх средним пальцем. — Тоже скажешь, что это мне померещилось?

— Только что, прямо перед вашим приходом, эта тварь прямо за средний палец тяпнула. Та самая тварь, что ты в ведре

рассматривал. Вон, даже кровь ещё не засохла, — сердито потыкала она пальцем прямо в нос ящеру. — Чего, собственно, я на Рыжего так разоралась? Совсем обленился. Перестал крыс ловить. Ладно мыши, на них мышеловки есть. Но крысы! Каждое утро ходят у меня по постели, как у себя по дому. Кусаются, — возмущённая баронесса от заново накатившего раздражения, даже притопнула ножкой.

— Стала бы я иначе такого милого рыжика гонять, кабы он не разленился и вовремя придушил эту тварь.

Забывшись, баронесса машинально потрепала по холке так и сидящего рядом с ней лиса, по довольной наглой роже которого было явственно видно, что тот совершенно доволен своей жизнью и претензий к баронессе по поводу его мифических гонений, не испытывает совершенно, считая, по-видимому, не стоящим внимания. На его хитрой лисьей морде было разлито абсолютное блаженство, как у сытого кота, обласканного хозяйкой.

— Сколько мы с рыжиком этих крыс передушили, — тяжело вздохнула баронесса, — жуть просто. Если всё вместе собрать, наверное здоровущая бочка будет. И откуда только берутся, — недоумённо пожала она плечами.

— Зато гляньте, какая у него шёрстка стала, — баронесса, неожиданно переключившись, с наслаждением погладила лиса по выгнувшейся спинке, от чего тот с довольным урчанием выгнул её ещё больше. — Откормился красавец на этих крысюках. А был то тощи-ий, — жалостливо, с отчётливо слышимыми бабьими завываниями, протянула она. — Но как он их люби-и-ит, — протянула она, ласково потрепав лиса по макушке. — Настоящий лисий деликатес.

Ящер, так и стоя перед баронессой, напряжённым хриплым голосом резко перебил её восторги по поводу шерсти какого-то лиса.

— Баронесса, — тихим злым голосом снова обратился он к ней. — Хватит придуриваться. Я вас серьёзно спрашиваю, не кусала ли вас эта тварь? Хотя, — неожиданно облегчённо перевёл он дух, отстраняясь от баронессы, — я и так вижу, что нет.

— Что-то я с вами видимо совсем от испуга заговорился, — пожаловался он Советнику, постепенно приходя в весёлое настроение. — Если бы она её укусила, то баронесса давно бы померла, а она жива, живёхонька. Нам бы такое железное здоровье, — совсем уже весело рассмеялся он.

— Ящер! — перебил его излияния напряжённый голос баронессы. — Или как там тебя, Ли Дуг?

По напряжённому голосу баронессы было понятно, что веселье ящера как-то совершенно не понравилось баронессе, и

она мгновенно перешла из весёлого, благодушного состояния в весьма раздражённое.

— Тебе, тупая ящерица, достаточно ясно, определённо и совершенно однозначно было сказано, что та тварь, что ты разглядывал в ведре, и подобная ей, дважды кусала меня. Один раз два дня назад за палец ноги, а второй раз сегодня рано утром, не далее двух часов назад, за палец правой руки. И до этого пару раз ещё было, но то не считается. Так, простые царапины.

— У тебя, Ли Дуг что, плохо со слухом? У тебя там серные пробки?

— Так почисть их! — рявкнула она в полный голос на невозмутимого ящера.

— Баронесса, — снова остановившийся возле мусорного ведра ящер медленно повернулся к баронессе и, глядя ей в глаза прямым жёстким взглядом, флегматично поинтересовался. — А почему вы до сих пор живы?

— Что? — растерялась от неожиданности Изабелла.

— То, — хмыкнул ящер. — Все люди, кого кусала подобная этой тварь, всегда умирали. Всегда. Все. Никаких исключений.

Ящер так и продолжал стоять в дверях землянки, держась возле ведра с крысой. Видно было что он не собирается выпускать предмет разговора из-под контроля.

— Вы же, баронесса, до сих пор почему-то живы. И даже вполне здоровы. Более того, на меня изволите ругаться, хотя, давно уже должны были бы лежать в леднике, дожидаясь часа своего погребения.

— Вот ещё, — растерянно передёрнула плечами баронесса. — Что я там не видела. Там холодно, — совсем растерялась она.

— Баронесса, — неожиданно перебил её ящер, — а что это у вас за спиной такое?

— Где? — недоумевающая баронесса окинула пространство за своей спиной рассеянным взглядом и удивлённо повернулась обратно к ящеру.

— Что вы имеете в виду? — совсем растерянно поинтересовалась она. — Там ничего нет.

— Что у вас, во-он в той миске?

Кивнув куда-то за спину баронессы, Ли Дуг неспешно направился к столу, за которым та устроилась. Недоумённо посмотрев на невозмутимого ящера, Изабелла повернулась обратно к столешнице и не найдя на ней ничего для себя необычного снова недоумённо посмотрела на него.

— Да что тебя, интересует то? — недовольно заметила она, нахмурив свои брови.

— Миска у вас, баронесса, с чем? — терпеливо

поинтересовался ящер, с невозмутимым видом останавливаясь возле стола.

— Со сливками, — удивлённо посмотрела на него баронесса. — Довольно таки вкусные сливки. Я такие, раньше никогда не встречала. Мне их каждое утро Дашка приносят, по просьбе некоего небезызвестного вам барона Сидора, — ядовитым голосом добавила она, бросив косой, враз озлившийся взгляд на хмурого Советника. — Известная вам всем личность. Ну, мы их, с рыжиком на пару и наворачиваем каждое утро по фунту на двоих.

— Угощайтесь, — пододвинула она миску поближе к ящеру. — Их много.

— Баронесса, — ящер внимательно осмотрел содержимое миски и, насмешливо уставившись ей прямо в глаза, осторожно заметил, — вообще-то это не слива. Это некое растение под общераспространённым названием шишко-ягода.

— Ну и что, — тут же недовольно перебила его баронесса. — Знаю я что это не слива а шишко-ягода. Ну и что? Слива или шишкоягода? Да какое мне дело до местного названия какой-то сливы, если мне она нравится, и меня вполне устраивают её вкус.

— Хоть какая-то польза от этого вашего господина, — недовольно буркнула она, снова сердито зыркнув на Советника.

— Не только баронесса, не только, — по довольной роже ящера можно было судить о том, что он нашёл что-то такое, что ему чрезвычайно понравилось.

— Вы должны быть очень благодарны господину Сидору за то, что вам приносят эти ягоды.

Ящер с довольным и многозначительным видом устроился за столом и с огромным удовольствием бросил одну ягодку себе в пасть.

— Как хорошо! Забытый вкус, — от удовольствия, ящер даже блаженно прикрыл глаза.

Слегка покачиваясь на стуле, он немного посидел, посасывая ягоду и явно наслаждаясь вкусовыми ощущениями. Потом, как-то странно хрюкнув, набросился на ягоду в миске и не остановился, пока полностью не опорожнил её.

— Да, баронесса, — протянул он задумчиво, аккуратно выплёвывая последнюю косточку в подставленную ладонь, — с мужем вам явно повезло. — И, оторвав свой взор, полный глубокого сожаления от опустевшей посуды, добавил:

— Если бы не эта ягода, которую вы так небрежно обозвали сливкой, то лежали бы вы сейчас, точно где-нибудь в леднике, ожидая своего погребения. А так, вас спасло неумеренное пристрастие к сладкой ягодке. Два фунта, или говоря по местному, что-то около пары кило ягоды в день, — покачал он

головой, — это много. Это очень, очень много. Ктобы мог подумать…, - задумчиво добавил он, бросив на баронессу внимательный, изучающий взгляд. — Такой эффект?

— Да что вы пристали ко мне со своим мужем, — баронесса в раздражении топнула ногой. — Говорите, зачем пришли и убирайтесь. Мне тут только вашего присутствия не хватает. И так уже порядком поднадоели со своей охраной, что торчит возле землянки день и ночь, топает всю ночь возле двери, пыхтит, и вообще, спать не даёт.

— Даже удивительно такое недружелюбие у вас баронесса к своему мужу, — понимающе усмехнулся ящер, внимательно глядя на раскрасневшуюся от гнева баронессу. — А ведь он, фактически, спас вашу жизнь, приучив к этой ягоде и договорившись о её ежедневных поставках вам к столу.

— Вас, не касаются ни я, ни мои отношения с человеком, кого вы все называете моим мужем. Вам понятно? — баронесса, сердито сузив глаза, гневно уставилась на невозмутимого ящера.

— Хорошо, — ящер с невозмутимым видом кивнул головой. — Оставим в покое ваши семейные дела. Нас они действительно не касаются. Но…, - бросил он на неё короткий, внимательный взгляд. — Странно, что вам неизвестны обстоятельства давней попытки отравления собственного мужа. Неужели, он вам ничего не рассказывал?

— Даже до нас докатились слухи об этом происшествии…

— Странно, странно, что вам ничего неизвестно.

Ящер с задумчивым видом, уставился на окончательно смутившуюся баронессу пронзительным взглядом своих больших, навыкате глаз, и, немного помолчав, добавил:

— Ну, да ладно. Оставим это. В конце концов, — вальяжно, с нотками некоторой барственности в голосе заметил он, — это действительно ваши личные взаимоотношения в вашей семье. Хорошо, хотя бы то, что он обеспечил вас ягодой. А то бы эта крыска резко сократила срок вашей жизни, баронесса. Удивительно кто-то настойчив в своём желании избавиться от вас, баронесса.

— У вас часом нет недоброжелателей, проживающих в дельте Северного Стрыя? — с отчётливо различимыми насмешливыми интонациями полюбопытствовал он. — А то эти крысы, можно сказать, прямое указание на Подгорное княжество, весьма известное в относительно узких кругах подобными развлечениями. Ничего не желаете мне рассказать?

Советник, всё последнее время молча внимательно наблюдавший за препирательствами баронессы с ящером, наконец-то оторвался от дверного косяка, который всё это время

подпирал и прошёл к обеденному столу, стоявшему посреди комнаты.

— Может, это всё-таки не её пытались убить? — обратился он к ящеру, бросив лишь мимолётный взгляд на съёжившуюся за столом бледную баронессу. — Вообще-то это землянка Марьи Корнеевой, известной местной банкирши. А за последнее время у неё в городе появилось множество недоброжелателей. Особенно в среде местной городской старшины. Мало кому из них нравится жёсткая финансовая политика, проводимая самым крупным в этом городе банком. Да и то влияние, которое она начинает постепенно приобретать, многим из местных очень не нравится.

— Не-ет, — задумчиво протянул ящер. — Не похоже. Всем известно, что она здесь давно не живёт. Как нет здесь в последние месяцы и самого господина Сидора. Любому местному жителю это прекрасно известно.

— А профессор? — тут же уточнил Советник. — Он, так вообще множеству людей за последние полгода любимые мозоли отдавил? Особенно этим его последним делом по уничтожению шпионов. Много народу тогда пострадало. Могли и отомстить.

— Нет, — резко обрубил ящер. — Именно баронесса является центром атаки. Тот, кто завёз сюда этих крыс, хорошо знал, кто ему нужен. Целили именно в баронессу. Вот только они явно не знали о её пристрастии к шишко-ягоде, как и о том, что господин Сидор позаботился о том, чтобы баронесса постоянно получала её на завтрак. Этим он, фактически, защитил её от отравления.

— Они явно не знали, что и её нельзя уже отравить. Да, — с задумчивым видом ящер покивал головой, глядя на баронессу пустым, рассеянным взглядом. — Очень похоже на то, что они не знают о всех свойствах шишко-ягоды.

— Поэтому я и говорю, что вам, баронесса, удивительно повезло с вашим мужем. Кто ещё, кроме него мог бы подумать о том, что к вам попробуют подобраться столь экзотическим способом.

— Крысы, — ящер задумчиво пожевал своими чудовищными зубами кусочек ветки, извлечённый из кармана, как видно, специально на подобный случай. — Их в городе много. И на них никто, никогда не обращает внимания. Ловко! — С искренним восхищением покрутил он головой. — Очень ловко!

— А ведь, если ядовитую зубатку хорошо не знать, то по внешнему виду её никогда не отличишь от обычного серого пасюка, — задумчиво пробормотал он себе под нос.

— Баронесса, — повернулся он к ней. — А когда ваш муж будет обратно?

— К-куда обратно? — от неожиданного вопроса Изабелла

растерялась, мучительно покраснев.

— Как куда? — удивлённо посмотрел на неё ящер. — Домой, конечно. Ведь это же его дом? — подозрительно уставился он на совершенно смутившуюся баронессу. — Или вы ему не жена? — настороженно уставился он на неё.

— Жена, жена, — не дав баронессе открыть рот, поспешно перебил её Советник. — И это, действительно, его дом, уж в этом то, вы можете не сомневаться. Просто их отношения, к нашему сожалению, далеки от идеальных. Всё-таки, брак был заключён в сложных условиях кризиса на землях баронессы, что не могло не наложить определённый отпечаток на их отношения.

— Но сейчас положение выправляется. Так что, отношения в их семье, я думаю, скоро наладятся.

— Ну что ж, — кивнул головой ящер, бросив на Советника пронзительный оценивающий взгляд. — Ваше объяснение меня вполне устраивает. А то до нас стали доходить нехорошие слухи о разладе в семье Главы нашего клана и у нас возникли определённые подозрения на счёт ваших отношений. И насчёт возможности вашей дальнейшей охраны, баронесса.

— Как вы, надеюсь, понимаете, у нас хватает своих дел, а подобные предприятия по охране требуют привлечения слишком многих сил и отвлечения их от других важных дел. Поэтому меня и направили выяснить, жена ли вы господина барона, или нет. Если нет, то мы снимаем охрану. Если да, то усиливаем её, для предотвращения подобных инцидентов, — ящер кивнул в сторону мусорного ведра.

— Ну, в общем-то, я сказал всё, что хотел, — ящер неторопливо встал и направился сторону двери. — И учтите, барон, — медленно проговорил он, задержавшись ненадолго у двери и развернувшись обратно в сторону барона. — Я, конечно, плохо разбираюсь в тонкостях человеческих отношений, но громкие вопли типа: "Я ему не жена!", хорошо могу различить даже я со своим тугим слухом. Полагаю, вам не хочется однажды узнать, что ваши бывшие друзья, неожиданно превратились в ваших нынешних врагов. А мы, ящеры, как вы, надеюсь, знаете, не прощаем обмана. Ни от друзей, ни от недругов.

— В общем, — усмехнулся ящер, — что хотел, я всё сказал.

Затем, внимательно посмотрев ещё раз на барона, он перевёл взгляд своих пронзительных глаз на Изабеллу и, не спуская его с застывшей каменной статуей баронессы, распахнул дверь.

— Слушай ты, ящер, — тихий, звенящий от напряжения девичий голос, неожиданно раздавшийся в землянке, на миг задержал его в дверях. — Ты сказал, что у вас есть много других дел, кроме того, чтоб охранять меня. А это, я так понимаю,

следует расценивать, как отказ от выполнения взятых вами на себя обязательств.

— Ну, — Ли Дуг, повернувшись обратно к баронессе, с любопытством на неё посмотрел, — можно считать и так.

— Не будем друг другу лгать, баронесса, — холодно усмехнулся он. — Вы не жена господина Сидора, а он вам не муж. Поэтому, если вы нуждаетесь в услугах охраны, то вам следует за них заплатить, только и всего. И вперёд, как это обычно и делается. За прошедшее время, тоже следует заплатить, — ещё более холодно усмехнулся он.

— Ну что ж.

Изабелла, с кривой гримасой на лице, мрачно смотрела на стоящего перед ней ящера и, зло глядя на него, заметила.

— Я заплачу. А потом, чтобы духу твоего поганого здесь больше не было. Ни тебя лично, ни твоих вонючих рептилий.

— И запомни, ящерица! Никто не смеет мне угрожать, или указывать, с кем мне жить, и как себя вести. Я и раньше успешно справлялась со своей защитой. Сама! Справлюсь и теперь, без вашей помощи. И мне совершенно не требуются охранники с завышенным уровнем претензий, типа, это я буду делать, а этого я не буду делать. И тебе следует вспомнить, что я лично от вас никакой охраны не требовала и даже не просила. И поэтому все претензии ко мне можешь забрать себе обратно и засунуть туда, откуда у тебя ноги растут. Тебе всё понятно, зубоголовая прозелень?

— Ну вот, теперь и я сказала всё, что хотела.

Раскрасневшаяся от гнева баронесса так и не сдвинулась с того места на котором сидела и, вперив в застывшего в дверях ящера гневный взгляд, тяжело дышала, мучительно стараясь справиться со своим гневом и окончательно не сорваться.

Ящер, за время монолога баронессы так и не произнёсший ни единого слова, молча смотрел на баронессу, а потом, насмешливо хмыкнув, развернулся и вышел, тихо буркнув напоследок:

— Вот же попалась парочка. Ох, и намаемся же мы с обоими.

Бледный, как сама смерть Советник тихо выдохнул из груди воздух, которым он боялся даже дышать последние несколько минут, и медленно прошёл к сидящей за столом баронессе.

Демонстративно покряхтев якобы старческими костями, он устроился за столом напротив неё и с любопытством взглянул на сидящую напротив, красную от гнева баронессу.

— Узнаю кровь Вехторов, — хмыкнул он едва слышно. — Наконец-то. А то я, в последнее время, стал как-то забывать, что это такое.

— А он прав, однако, — кивнул он в сторону закрывшейся

двери. — Намается он с тобой.

— Их никто сюда не тянул, так что нечего им хныкать. Ишь, скотина, чем заинтересовался. Жена я ему или не жена. Да, какое его собачье дело, — так и не успокоившаяся баронесса, вскочила со скамьи и, нервически ломая руки, забегала по комнате.

— Барон, — неожиданно остановилась она напротив. — Когда мы отсюда уедем?

Во взгляде баронессы читалось неописуемое чувство накопившейся усталости и безысходности и, одновременно, готовность пойти на любые трудности, лишь бы вернуться обратно домой.

— Я так больше не могу. То, что меня пытались в очередной раз убить, для меня не новость. Ну, убьют и убьют. В конце концов, смерть, это тоже часть жизни. Днём раньше, днём позже, какая разница, — устало и равнодушно махнула она рукой.

— Нет, баронесса, — Советник мгновенно напрягся, стряхивая накатившую после разговора с ящером какую-то расслабленность и схватив её за руку, остановил мечущуюся по комнате баронессу.

— Нет, баронесса, — повторил он. — Вам нельзя умирать. Вы последняя из прямых наследников баронов де Вехтор. И вы должны сохранить свой род. И я не позволю вам умереть.

— Как? — устало посмотрела на него баронесса, опускаясь рядом с ним на скамейку. — Мы застряли в этом Богом забытом городе. По крайней мере, до следующей весны, точно. И в качестве кого? Приживалов! Мы дворяне древнего и уважаемого рода. Мы имеем баснословное состояние, а влачим жалкое существование в какой-то жалкой полуземлянке, какого-то богом забытого городка на краю человеческих земель. И ради чего? Ради каких-то мифических прав на какие-то земли, на которые мне, по большому счёту, наплевать. Мне надо, чтобы меня просто не трогали, а мне приходится делать вид, что я валяюсь в постели с каким-то уборщиком, лишь бы кто-то не заметил, что у нас фиктивный брак.

— Как видите, ящеры прекрасно во всём разобрались.

— Ни в чём они не разобрались, — грустно улыбнулся барон. — Просто у них закружилась голова от возможностей, открывшимся для них в этом городе. Не забывайте, баронесса, что раньше они влачили жалкое полуголодное существование на краю змель Подгорного княжества, и фактически не могли использовать ни свои знания, ни умения. А тут им предоставлено полное раздолье. Их рвут на части. Они здесь нарасхват. У них каждый специалист на счету, вот они и озаботились тем, чтобы скинуть с себя подобное обременение и сосредоточиться на

заработках. Отсюда же и требование оплаты услуг по охране, чего раньше не было.

— А уехать сейчас мы не можем, — обречённо вздохнул он. — Я бы и сам с радостью отсюда убрался, но… Путь по реке перекрыт амазонками. А у нас, баронесса, не слишком тёплые с ними отношения, чтоб они безпрепятственно пропустили нас к себе обратно. И ещё, по поводу ящеров, — барон ненадолго задумался, слегка нахмурив брови. Затем продолжил: — Думаю, они подойдут сегодня же вечером с этим счётом. Они явно торопятся. Видимо, у них образовался какой-то срочный заказ, на котором им надо сосредоточить все свои силы. Вот они, и пытаются избавиться от вашей охраны, баронесса. Ну, и заодно заработать. Ведь они же сказали, что не надеются на возвращение господина Сидора. Вот и торопятся урвать всё, что только можно. Кто знает, как к ним будут относиться потом, в случае весьма вероятной смерти данного господина.

— Мерзость! — тихо проговорила баронесса, брезгливо поморщившись и отведя взгляд в сторону.

Стараясь не глядеть в глаза барона, она тихо прошептала:

— Какая же это мерзость, барон! Не успел человек уехать, а они уже торопятся освободиться от обязательств перед ним.

— Поверьте, баронесса, у них есть для этого веские основания, — тихо проговорил Советник. — В те места, куда так необдуманно подались господа Сидор с Димоном, никто в трезвом уме старается не соваться. Даже местная Старшина, не самые худшие воины, к слову сказать, старается лишний раз не появляться в этой части Приморья. Даже имперские легионы боятся лишний раз туда сунуться.

— А ещё точнее будет сказать, — тихо заметил барон, — что они не верят в своё будущее здесь без господ Сидора с Димоном. А в их возвращение они верят ещё меньше. Так что, баронесса, Вам стоит только немного подождать, не подвергая себя опасности путешествия по опасно враждебной реке, и вы скоро станете вдовой. Тогда и разводиться не потребуется.

— Барон! — баронесса гордо подняла свою склонённую голову и гневно посмотрела на него. — Мне не нравятся подобные разговоры. И не нравится подобное поведение. Ни вас, ни ящеров. Как бы я не относилась к этому человеку, что бы между нами не происходило, но юридически он является моим мужем. И относиться к нему подобным образом я вам не позволю. Это унижает не только его, но и меня, как его жену. Это бросает тень на нашу фамилию. И я подобного никому не позволю. Ни вам, ни ящерам, ни кому либо ещё. Запомните барон это раз и навсегда. Иначе… Иначе я вас заставлю, — негромко, но жёстко

произнесла она.

Гневно посмотрев на Советника, она поднялась со скамейки и вышла в другую комнату, хлопнув напоследок дверью так, что зазвенели стёкла в окнах.

Барон почесал в задумчивости затылок, потом, глубоко задумавшись, прошёлся несколько раз по комнате, что-то обдумывая, и тихо хмыкнув себе под нос, вполголоса пробормотал:

— Да-а, барон, характерец то Вехторов вылазит всё больше и больше. Ох, и намаюсь же я с ней.

— Баронесса!

Неожиданно замерев посреди комнаты, барон громко крикнул в сторону закрытых дверей внутренних комнат.

— Баронесса, я ухожу! Буду вечером. Так что, если не хотите, чтобы у вас внезапно под носом появились ящеры, закройте за мной дверь.

И громко хлопнув входной дверью, вышел на улицу.

*Вечер. **

Вечером, перед входной дверью землянки, на изящной резной деревянной скамейке сидела укутанная в роскошную шубу из беличьего меха баронесса и терпеливо ждала прихода ящеров. Как и обещал, обратно Советник вернулся ещё до сумерек, и теперь, недовольно ёжась от холода, сидел рядом с ней, терпеливо ожидая прихода ящеров. Заметив, показавшихся в воротах их жилого комплекса утреннего визитёра, он мрачно хмыкнул.

— Вот, видите, — тихо заметил он баронессе. — А я был прав. Им не хочется тратить на вас время, поэтому они и придумали всю эту ерунду с настоящей и ненастоящей женой. Ишь, сволочи, как засуетились. Явно какое-то выгодное дельце подвалило.

Баронесса, мрачно посмотрев на него, молча протянула руку к подошедшим ящерам и, ни слова не говоря, приняла какую-то бумагу, протянутую Ли Дугом. Углубившись в чтение, она спустя пару минут скептически хмыкнула. Подчеркнув ногтём какую-то строчку, она медленно подняла голову и посмотрела ящеру прямо в глаза.

— Это что? — спокойным ледяным тоном поинтересовалась она. — Это счёт за услуги по охране или требование на содержание?

— Э, — замялся ящер, не совсем понимая, что баронесса

имеет в виду. — Вообще-то это счёт, — всё же решил уточнить он.

— Так вы что? — баронесса брезгливо отстранилась от резкого звериного запаха, пахнувшего на неё от наклонившегося близко к ней ящера. — Вы Главу своего рода охраняете ещё и за деньги? Не знала, — с кривой улыбкой, исказившей её губы, недовольно заметила она. — А вы уверены, что когда он вернётся, ему понравится то, что вы тут понаписали?

— Это не имеет значения, — недовольно буркнул ящер. — Он не вернётся. Из таких поездок не возвращаются.

— Вы так в этом уверены? — сразу насторожившись, Изабелла внимательно посмотрела на сразу занервничавшего ящера, недовольного задержкой и неуместными по его мнению вопросами.

— Абсолютно, — сердито буркнул её собеседник. — Такой мизер охраны. Такая слабая подготовка взятых с собой воинов. И это в южном и юго-восточном Приморье?

— Он не вернётся. Прошлый наш Глава пропал и с вдвое большим числом охранников. А тут вообще, чуть ли не половина малоопытные подростки. Да ещё эти ваши молокососы егеря, набранные в последний момент с бору по сосенке и никем толком не обученные. Что они смогут сделать, если возникнет нештатная ситуация. Ни-че-го, — по слогам выговорил он. — Жаль, конечно, молодых, что наших, что ваших, но уже тут ничего не поделаешь. Требование Главы клана — закон.

— В результате, — недовольно проворчал он. — Теперь нам надо самостоятельно заботиться о выживании своего клана.

— Не высокого же вы, однако, мнения о Главе своего клана, — брезгливо скривив губы, вымолвила баронесса. — И пары месяцев не прошло, а вы его уже похоронили.

— Это реальность, — сухо оборвал её ящер. — реальность, не зависящая от нашего и вашего мнения. Короче, баронесса, платите за вас двоих и мы пошли. У нас масса ещё своих дел и нет ни времени, ни желания тут с вами препираться. У нас на шее висит подряд на строительство моста для усадьбы Городского Головы в Волчьем Урочище, а вы тут задерживаете нас своими сантиментами. Давайте побыстрей разочтёмся и расстанемся. Чтобы нам не тратить больше времени на охрану всяких…, - ящер замялся, не зная какое слово поприличней подобрать, но его выручила баронесса.

— Всяких никчёмных, пустоголовых жён, вы хотели сказать. Я вас правильно поняла? — глянув на него злыми, прищуренными глазами, ледяным тоном уточнила она.

— Правильно, баронесса, правильно, — согласно кивнул головой довольный ящер, не обратив ни малейшего внимания на

её тон. — И давайте побыстрей определяться, а то нас Голова ещё сегодня ждёт.

— Значит так, дорогие мои, — тихо промолвила баронесса, мрачно посмотрев на ящера.

Холодному голосу баронессы, наверное, позавидовали бы позавидовали бы папанинцы, у которых под их задницами разваливалась льдина в тёплой воде Гольфстрима, если бы таковые были в этом мире. Но, поскольку никаких ни Арктики, ни папанинцев в этом мире не было, то весь сарказм баронессы пропал втуне, что не замедлило сказаться на её настроении. Оно мгновенно приобрело откровенно мерзкий характер, каковой она незамедлительно и обрушила на забывшихся рептилий.

— Поскольку никто со мной до сего дня ничего не согласовывал, да и не спрашивал, то оплачу я вам только свою часть охраны, раз уж пообещала это сделать. Остаток же того, что вы тут насчитали, спросите с самого господина Сидора, когда он вернётся. В то же, что он вернётся, я, в отличие от вас, верю. Вот тогда то мы и узнаем о его реакции на вашу попытку заработать на его охране.

— Баронесса, — недовольно поморщился ящер, — ну что вы, право слово, мелочитесь. Вы вообще на сегодняшний день самая богатая женщина этого города, да пожалуй что и всего этого края. Что для вас с вашими-то доходами какая-то пара сотен золотых. Заплатите уж сразу, за обоих. Вот мы и будем тогда в расчёте, а то…

Ли Дуг на миг прервался, недовольно пожевав своими страхолюдными зубами.

— Вернётся, не вернётся, чего гадать, — недовольно проворчал он. — Ждать до весны, чтобы вам доказать, что он не вернётся, это несерьёзно.

— Серьёзно то, — презрительный голос баронессы прервал его излияния, — что никто вас о подобной услуге не просил. Ни я, ни мой муж барон де Вехтор. Вы свою охрану навязали ему сами, насколько я знаю, — усмехнулась она. — Поэтому, или получаете только то, что вам дают, или не получите вообще ничего. Ваша инициатива с охраной наказуема. Так и будем считать. Тем более что вы фактически не справились со свой работой.

— Деньги, — пресекла она попытку ящера что-то возразить, — получите завтра в полдень, после того, как я посещу банк.

— Ежели же вы и впредь вздумаете возмущаться, — снова пресекла на попытку ящера что-то вставить в её монолог, — то я пересмотрю ваши расценки. А то, я тут вижу, — баронесса

брезгливо, двумя пальчиками, за угол, подняла перед собой небрежно смятый ею лист представленного отчёта, — вы особо не скромничали и выставили мне такие расценки, по которым не работают даже охранники вашей же собственной императрицы. Дороговато вы себя цените. И вы напрасно думаете, что я не имею представления об уровне цен на подобные виды услуг.

— Так вот, ящер, — баронесса наклонилась поближе к нему, вплотную приблизив его лицо к себе, — ваши расценки выше среднего уровня цен, минимум вдвое. А качество работ, как мы с вами успели убедиться сегодня утром на примере с крысами, не выдерживает никакой критики. Плохо работаете, и много берёте, дорогие ящеры, — мрачно скаламбурила она. — Дорогие ящеры, дорого берут, — откровенно нагло пропела она прямо в глаза мрачному ящеру.

— До завтра! — снова оборвала она того, опять попытавшегося что-то сказать. — Приходите ближе к обеду, рассчитаемся.

— И, надеюсь, больше ни вас, ни ваших охранников возле своей землянки я не увижу, — крикнула она вдогонку ящерам, быстрым шагом поспешивших покинуть двор.

Баронесса, откинувшись на спинку скамейки, проводила спины быстро уходящих ящеров неприязненным взглядом, а потом повернулась к Советнику, так и застывшему за её спиной.

— Что? — глядя на него сердитым взглядом, спросила она. — Вам что-то не понравилось?

— Не переусердствовали ли вы, баронесса? — Советник встревожено посмотрел вслед уже скрывшимся за столбами ворот ящерам и невольно перевёл дух. — Всё же, какая никакая, а охрана была. Теперь же придётся озаботиться наймом новых охранников.

— Толку с них, — брезгливо передёрнула та плечами. — Вы же сами заглядывали в их отчёт.

Баронесса брезгливо, двумя пальчиками взяла за угол брошенный на лавку отчёт и протянула Советнику.

— Если забыли, то освежите себе в памяти, — бросила она. — Нет ничего, за что бы они не взяли денег. Даже стоптанные яовые сапоги и те включили, — поморщилась она. — Во, — ткнула она пальчиком куда-то в середину списка. — Набойки на каблуки включили, крохоборы. Никогда раньше не встречала ни подобной мелочности, ни подобной алчности.

— Но…, - попытался что-то возразить Советник.

— Завтра, барон, завтра, — баронесса устало поднялась со скамьи и направилась обратно в землянку.

— Что-то я быстро уставать стала, — тихо пожаловалась она,

виновато посмотрев на барона. — Видимо укусы этой твари, даром не проходят. Давайте все вопросы, что остались вам непонятны, отложим на потом. Всё равно утром в банк, проверить счета. Потом и поговорим.

*Баронесса и бронь.**

Следующее утро стало воистину утром неожиданностей. Это хмурое, фактически уже зимнее позднее утро стало первым днём, когда Советник, её Советник, первый раз в её жизни о чём-то серьёзном её попросил. Первый раз!

Невероятно, но это действительно был первый за всю её жизнь случай, когда её Советник действительно её о чём-то попросил. Серьёзно попросил, без обычных для него шуток и подначек на её молодость и прочие благоглупости. Как о деле крайне для себя необходимом и важном.

Белла широко раскрыв глаза, изумлённо смотрела на странно мнущегося возле большого стола в гостиной пожилого барона. Таким своего немолодого уже, полного собственного достоинства Советника она никогда в своей жизни не видела.

Барон попросил её помочь ему в его безуспешных усилиях все три последних месяца приобрести у местных кузнецов стеклянную бронь, производимую из материалов компании, фактически возглавляемой её мужем.

— Хорошо, — сухо кивнула головой Изабелла. — Я посмотрю что тут можно сделать.

Просьба была ей неприятна. Надо было идти и разговаривать с кем-нибудь из этой недружелюбной компании. И скорее всего придётся говорить с Марьей Ивановной Корнеевой, раз уж Белла собралась идти сегодня с утра в банк.

Как Белла и поняла, именно к этому визиту и была приурочена странная просьба барона. И ещё, как она догадалась, связано это было и со всем вчера произошедшим с ящерами. Похоже, сам барон тоже не слишком обольщался их перспективами в этом городе, потому, видимо и поторопился со своей просьбой.

Впрочем, и самого Советника она прекрасно понимала. Без неё, пусть и формальной, но официальной жены господина Сидора, имеющего к компании, производящей так необходимую Советнику бронь, самое прямое отношение, у того бы совсем ничего не получилось. В лучшем случае, чего он мог добиться, его бы поставили в общую очередь на получение основного доспеха, самой собственно брони. О полном же доспехе, включавшем

поножи, наручни, шлем и прочие, прочие изыски, наглухо закрывающие рыцаря, ему оставалось бы лишь мечтать. Получить полный доспех в комплекте, как Советник хотел, для него было практически невозможно.

Изабелла хоть и не принимала участия в делах этой компании, но что там происходит, была наслышана. И про борьбу, разворачивающуюся в городе за обладание каждым подобным доспехом, была уже достаточно хорошо проинформирована, тем же Советником. Самой ей такого было не надо. Полный комплект аналогичной амуниции, да ещё в комплекте со сдвоенным ящеровым арбалетом, да с невесомым стеклянным броневым щитом, ей достался даром, в виде свадебного подарка от господина Сидора, правда, с изрядным опозданием от дня свадьбы, как она не раз потом вставляла шпильку своему муженьку. Но зато подогнанный точно по фигуре и сидящий как влитой.

Впрочем и шпилька та не доходила до предмета назначения. Этот Сидор просто пропускал все её шпильки мимо ушей, по большей части равнодушно игнорируя. Такое его поведение было неинтересно.

Поскольку до сего дня комплект брони был ей как бы не нужен и не понимая чем владеет, она и не придавала этому факту большого значения, равнодушно относясь к его наличию. Неожиданная, удивившая её просьба барона резко поменяла всё.

Сказав, что посмотрит что можно для него сделать, Белла решила немедленно сходить в арсенал компании и там на месте посмотреть что есть в наличие. И из-за чего собственно идёт весь этот сыр бор. Потому как, несмотря на то что она владела полным комплектом брони, до сего дня она даже ни разу не распаковала чехол, в котором всё было завёрнуто ещё при доставке. И как оно выглядит на самом деле, не имела ни малейшего представления.

В этом бедном, нищем, как она до сего дня считала арсенале, Изабелла была уже второй раз. Про первый ей сейчас не хотелось даже вспоминать, особенно про неожиданные и глупые мысли по поводу девиц приятеля Сидора Димона, после посещения арсенала ещё долго преследовавшие её.

Эти воспоминания были особенно неприятны. Особенно когда она поняла что на самом деле явилось причиной её тогда отвратительного настроения. Ревность, банальная глупая ревность, как бы ей ни хотелось в том себе признаваться.

Теперь же, когда она знала что на самом деле лежит перед ней, она уже совсем другими глазами смотрела на окружающие её металлические стеллажи с каким-то, как она до сего дня считала мусором…

Бронь! Это была та самая стеклянная бронь, за обладание которой у неё на глазах в городе начинают разворачиваться нешуточные баталии, в которые постепенно втягивают и её. И которая, даже по самым скромным ценам, если верить тому что она до того слышала, стоит в сотни, если не в тысячи раз больше, чем знаменитый, самый дорогой микльдатский пластинчатый доспех.

— "А тут их…, - Изабелла окинула внимательным взглядом окружающие её высокие, до самого немалого потолка стеллажи. Такого… богатства она себе ранее, до этого момента даже представить не могла. Здесь лежали миллионы. Золотом!

— Ого! — тихо прошептала она. — Какая же я была тогда дура.

Хорошо, что её в тот момент никто не видел. Выражение лица её было — лучше было постороннему на неё в тот момент не смотреть.

И ещё она поняла что визит Советника был только первой ласточкой. Её неумолимо втягивало в творящиеся в городе вокруг этой странной компании дела. И поняла что ей теперь не отсидеться в стороне, в покое её не оставят. И выхода она не видела.

Да и то, в каком виде всё здесь было никак нельзя было оставлять. Никакой охраны, никакого порядка. Безалаберность, весьма характерная для её мужа, неожиданно вывело её из себя. Подобное равнодушие к столь ценному имуществу раздражало.

Да и ещё был один положительный для неё момент. Наведение здесь в арсенале порядка было хоть какое-никакое занятие. А делать ей было совершенно нечего.

Вот она наведением здесь порядка и займётся.

Только поначалу спросит у профессора на то разрешение. А то видела она, КАКИМИ глазами он на неё смотрел. И если бы не его возраст…, то она бы и по своей комнате передвигалась исключительно в полном рыцарском доспехе, включая рыцарского коня, копьё и шпоры, вооружённая чем только можно, вплоть до заколок для волос.

Тот так её явно ненавидел, настолько много в его взгляде было откровенного презрения и неприязни, что лучше было лишний раз с ним не встречаться. Хотя, виделись они часто. тот по просьбе…

— "Опять! — поймала себя Изабелла на всё той же мысли. — Опять по просьбе её мужа, профессор занимался с ней повышением её знаний по химии".

Это конечно было интересно, но всё равно полностью не занимало её свободное время. Делать откровенно говоря, в городе

было нечего. А после отъезда господина Сидора в Приморье стало совсем откровенно тоскливо.

Ожидаемого облегчения для себя, связанного в её представлении с отъездом барона почему-то не наступило.

Изабелла каждый день мучительно думала — почему. Почему так происходит? Почему, казалось бы давно ожидаемое избавление, наконец-то призошедшее — фактически таковым не было. Почему с отъездом этого ненавистного ей человека она не чувствовала никакого облегчения. Совершенно. Даже скорее наоборот. Ей стало чего-то не хватать. И она уже с ужасом начинала понимать что ей не хватает именно того самого человека, которого она, как сама себя убедила, жутко ненавидела.

Как только предмет ненависти пропал из её глаз, ей тут же стало почему-то его не хватать. Это было странно.

В первые дни, сразу последовавшие за первым же утром после отъезда её мужа, баронесса пребывала в каком-то непонятном лихорадочном, нервически приподнятом возбуждении. Безликие, незапоминающиеся дни, тянувшиеся какой-то невнятной, пустой чередой, были на удивление однообразны, но вся душа её пела. Онанаконец-то избавилась!

Ненавистный ей человек, так досаждавший и так дико раздражавший её одним своим присутствием, исчез с её глаз. И баронесса буквально летала по комнате, пребывая в состоянии какого-то лихорадочного, нервного возбуждения.

Лишь иногда, ловя на улице спиной насмешливые, всё понимающие взгляды соседок, баронесса досадливо морщилась, презрительно кривя нос и всем видом своим выражая то отношении, которое она к ним всем всегда питала. Лёгкое презрение в странной смеси с раздражением что приходится на эти мелочи внимание своё обращать.

Не их было дело что у неё за дела творятся с её мужем, и почему она скачет радостная тогда, когда её муж только-только покинул дом. Одним словом — чего лезут.

Помогало плохо.

И с каждым прошедшим днём несвойственное обычно ей состояние дурного, непонятного веселья постепенно сходило на нет. И пришёл день, когда она задумалась.

А так ли уж ей здесь было плохо?

Отсутствие на месте постоянно раздражающего фактора в лице Сидора, постоянно, одним фактом своего присутствия путающим мысли, сразу всё расставило по своим местам.

Оказалось, что без того, чего она так упорно добивалась и в конце концов добилась, не особо то здесь в городе было и хорошо. В душе образовалась какая-то сосущая пустота и с каждым

прошедшим днём дыра в душе всё росла и росла, пока в ней не образовалась настоящая, всё поглащающая чёрная дыра. Пока она наконец-то не приняла настолько чудовищные масштабы, что баронесса всерьёз уже озаботилась — чем бы ещё заняться, чтобы только постоянно не думать об этом человеке. Занятия по химии с профессором, чем она было увлеклась последние недели, как-то уже стало надоедать.

Изабелла понимала, что ей следовало бы немедленно найти себе какое-то дело, иначе скука и тоска незнакомого города могли свести её деятельную натуру в могилу, настолько ей невыносимо было сидеть и ничего не делать.

И наведение порядка а семейном арсенале могло бы стать таким интересным делом, способным занять её хоть на какое-то время. Просьба Советника оказалась как никогда вовремя.

*Визит дворянки. **

Хмурым предзимним утром что-то слишком затянувшейся осени, Марья Ивановна Корнеева, стояла мрачная, словно грозовая туча возле окна в своём кабинете и по какой-то непонятной для себя причине пребывала в самом мрачнейшем за все последние месяцы настроении. Самом отвратительном из всех возможных. Правда, причина этого никоим образом не крылась в делах собственно банка, которым она последнее время командовала весьма успешно и давно уже единолично. Главное, если отбросить всю словестную шелуху, она никак не могла разобраться в себе самой.

Последние пару месяцев, как бывший Глава Правления банка "Жемчужный" господин Кидалов передал ей все дела в банке и она уже официально, и не только де факто, но и де юре превратилась в самостоятельного управляющего, внутри её всё это время почему-то нарастало какое-то глухое, скрытое беспокойство. Но не только это непонятно что беспокоило её. Беспокоило её реакция городской Старшины, соучредителей банка на произошедшее. Те непонятно как-то затаились.

То же, что сделал управляющий, фактически самовольно назначив её на собственное место, её беспокоило мало. Она считала что тот поступил правильно. Неожиданно, нетривиально, но вполне, по её мнению допустимо а, самое главное — правильно.

Увидав, что Маша, ранее, в старой своей жизни ещё на Земле не по наслышке знакомая с банковским делом, прекрасно справляется с возложенными на неё функциями, он практически сразу самоустранился от ведения дел в банке. Фактически, с первого же месяца работы он передал ей всю полноту власти в банке. Занявшись какими-то своими, важными для его семьи делами, и, в конце концов, впрочем вполне естественно, в дальнейшем и официально закрепил её фактический статус.

После непродолжительного периода, когда она не могла прийти в себя от свалившейся ей буквально на голову сумасшедшей ответственности, Маша постепенно оправилась и, втянувшись в хорошо знакомое дело, постепенно наладила работу, до того довольно вяло текущую. И теперь она вертела банковскими активами, а заодно и активами своего клана так, что, в отличие от прошлого, с банком боялись даже связываться, а с Машей стали здороваться ещё только едва завидя её где-нибудь в конце улицы. Причём те, кто раньше её в упор не замечал.

Поэтому, её удивительно отвратное настроение этого утра, ну никак не могло быть связано с делами самого банка. А вот с чем, она никак не могла для себя определить. Вроде, всё идёт хорошо, но что-то явно было не так. Она это нутром чувствовала.

Придя сегодняшним утром, как обычно, раньше всех в банк, она немного посидела в своём кабинете. Потом, дождавшись прихода основных работников и начала трудового дня, отправилась с инспекцией по отделам, мучительно выискивая причину своего нынешнего отвратительного настроения.

— " Это я от Сидора с Димоном дурных привычек нахваталась", — мрачно думала она, уже по второму разу заглянув в бухгалтерию и тем введя тамошних девиц в состояние тихой паники и лихорадочной суеты.

Не найдя в бухгалтерских документах причину своего отвратительного настроения, она всё так же молча, двинулась дальше, гоня перед собой по банку волну тихого ужаса своим мрачным, задумчивым видом.

— "У них ведь то же самое, — думала она про себя. — Как только портится настроение, а, не дай бог, полезет чёрный юмор, так значит всё, что-то будет не так".

— " Ба-а-а, — мысленно протянула Маня, заметив в кассовом отделе получающую деньги баронессу де Вехтор. — Никак наша мамзелька явилась за своими капиталами".

Рассеянно окинув её фигуру задумчивым взглядом не такой уж и молодой и достаточно опытной женщины, она невольно заметила кое-какие изменения в её фигуре, пока ещё не явные, но весьма и весьма характерные.

Мысленно хмыкнув про себя, она, старательно не показывая своей заинтересованности, вежливо поздоровалась с баронессой и пригласила её зайти к ней в кабинет. Как она тут же пояснила той, для согласования кое-каких неотложных финансовых вопросов.

На удивление, та охотно согласилась, чего раньше никогда не было.

— "Никак будет что-то просить, — догадливо ухмыльнулась Маша про себя. — Раз наша мамзелька стала покладистая, значит, ей что-то надо. Интересно, что?" — Маша мысленно довольно ухмыльнулась. Раз что-то будет просить, то можно будет и отказать. Не стоит отказывать себе в удовольствии пнуть лишний раз гонористую девчонку.

Предупредительно распахнув перед ней дверь своего кабинета, Маша вежливо пропустила баронессу вперёд, ещё раз сзади окинув критическим взглядом её слегка изменившуюся фигуру.

— Что-то вы зачастили к нам, госпожа баронесса, — заметила она, проходя следом за ней в комнату. — Траты на жизнь большие, или уезжать собрались? — полюбопытствовала она, с искренним интересом глядя на неё

— Ни то, ни другое, — мрачно возразила ей баронесса. — Надо ящеров рассчитать, а то вздумали брать с меня деньги за охрану. Да такие, что и их императрица за подобное не платит. Да и работают они, — недовольно поморщилась баронесса, — спустя рукава, если не сказать хуже. Тут у меня какого-то крыса ядовитого обнаружили, да и то, только после того, как мы с Фоксом его придушили, — мрачно пожаловалась она.

— Слышала, слышала, — задумчиво протянула Маша, не сводя с неё серьёзных, внимательных глаз. — Весь город гудит. Ядовитая зубатка, зубчатка…., или что-то вроде того?

— Да, — безразлично пожала плечами баронесса. — Что-то вроде того. Мне теперь уже без разницы, вроде того, или вроде сего. Тем более, что больше они нам не попадались.

— Что-то мне не нравится ваше настроение, баронесса, — хмыкнула Маня. — Уж не заболели ли вы часом? Как вы последнее время себя чувствуете?

— Спасибо никак, а точнее отвратительно, — раздражённо отозвалась баронесса. — Тошнит постоянно по утрам, аппетит чего-то пропал, да и вообще, всё как-то плохо. Да и кому до этого, есть какое дело. По-моему только господина Сидора, в своё время, одного и интересовало моё самочувствие. Но стоило только ему уехать, как всех тут же перестало интересовать и я, и моё самочувствие.

— А вы изменились, баронесса, — задумчиво ещё раз окинув её внимательным взглядом, заметила Маня, устраиваясь за рабочим столом в своём любимом кресле. — Мне кажется, или вы на самом деле поправились?

— Вы знаете, госпожа банкирша, да! Поправилась. А с чего, никак не пойму, — раздражённо пожала Изабелла плечами. — Да и вообще, никак не пойму, что происходит, — недоумённо ответила ей раздражённым голосом баронесса, глядя на Маню немного растерянным взглядом. — Уже есть прекратила, практически совсем, хоть есть хочется последнее время, просто зверски. А всё равно полнею и полнею. Разносит, как на дрожжах. Боюсь, как бы я не заболела чем-нибудь редким, в этих ваших диких краях, — раздражённо заметила она.

— Если ты, милочка, чем и заболела, — усмехнулась Маня, насмешливо глядя повеселевшими глазами на встревоженную баронессу, — то отнюдь не таким уж и редким здесь заболеванием. Беременная ты, — широко улыбаясь, заявила она в

широко распахнутые глаза баронессы.

— Как же так, — растерялась та. — Ведь господин Сидор говорил, что с одного раза ничего не будет.

— С одного? — требовательно глядя на неё смеющимися глазами, вопросительно подняла бровь Маня.

— Ну да, с одного, — согласно кивнула головой растерянная баронесса. — Только и было то один раз перед его отъездом в эту их экспедицию, или как подобное предприятие у вас тут называется? — вопросительно взглянула она на Маню. — И то, только для того, чтобы не было так заметно, что мы не муж и не жена. Правда, он меня совсем измучил за ночь. Всё ему было мало. Но он говорил, что это всё равно считается за один раз.

— Ай да Сидор, ай да сукин сын, — покачала головой Маня, уже чуть ли не в открытую смеясь. — Замусорил мозги, обдурил-таки наивную девку.

— Это какую такую девку он обдурил, — сразу подобравшись, разгневанная баронесса упёрла ручки в бока, уже понемногу начиная понимать, как и во что она влипла.

— Угомонись, — махнула на неё рукой Маня. — Уже не девку. И уже не наивную.

— Так. Это? — баронесса в ужасе стала щупать свой округлившийся живот и налившиеся груди. — Это? — круглыми от ужаса глазами она смотрела на Маню.

— Ага! — покивала головой Маня, довольно улыбаясь. — Это оно! То самое!

— Убью мерзавца, — неожиданно разом успокоилась баронесса и добавила, гневно прищурив глаза. — Как только на глаза мне попадётся, так сразу и убью.

— Правильно, — согласно кивнула головой Маня. — Таких надо убивать. Его и друга его Димона, такого же мерзавца. Чтоб не дурили бедным девочкам головы, а потом не сматывались в очередную экспедицию, сроком на полгода, а то и на год. И не оставляли дома без присмотра беременных жён.

— Как на полгода? Как на год? — ахнула баронесса, встревожено уставившись на неё. — А я? Как же я? Он что, бросил беременную жену и смотался?! — в бешенстве заметалась она по Маниному кабинету. — И ни слова мне не сказал? Ну погоди! Пусть только домой вернётся, убью гада.

Про то что ещё совсем недавно она считала своё замужество чисто фиктивным, баронесса напрочь позабыла. Ей было не до того.

— Вот именно, — задумчиво протянула Маня, глядя на баронессу грустным взглядом. — Пусть только вернётся, — добавила она тихо.

— Вернётся, — мрачно глядя на неё, с шальным огоньком в глазах, уверенно заявила баронесса. — Что бы вы все по этому поводу не говорили, не думали, а он вернётся. Такие, как он, всегда возвращаются. Пусть только посмеет не вернуться, — потрясла она в ярости кулачком. — Я ему покажу, с одного раза ничего не будет. Я ему покажу, семь раз за раз, это будет один раз.

— Да не расстраивайтесь вы так, баронесса, — попыталась её успокоить Маша. — Он, конечно, придурок, раз бросил такую женщину и смотался куда-то в Приморье. Но никуда он не денется. Вернётся. Такая уж он натура неугомонная. Придётся вам привыкать.

— Что я должна делать? — удивлённо уставилась на неё потрясённая до глубины души баронесса. — Привыкать?! — ахнула она. — Да за кого вы меня принимаете? Я ему что, жена?

— А кто? — с ехидным любопытством посмотрела на неё Маша.

— Э, — замялась в растерянности баронесса. — Всё равно это как-то неправильно. Так не должно быть. Надо срочно организовать погоню, — остановилась баронесса посреди комнаты. — Надо немедленно его вернуть. Вернуть и наказать, — требовательно уставилась она на Маню. — Это что такое? — гневно ткнула она пальцем себе в живот.

— По-моему, — глубокомысленно протянула Маня, — это молодой Вехтор, или молодая Вехтор. А может и оба, судя по первоначальному объёму, — глубокомысленно заключила она, со смехом глядя на схватившуюся в ужасе за голову баронессу.

— Как же это вы, баронесса, были так неосторожны, — вопросительно посмотрела на неё Маня. — То всё кричали прислуга, прислуга, знать не желаю. А тут раз, и пузо надуло.

— Я уже и не знаю, — обречённо сказала баронесса, глядя на Маню грустными коровьими глазами. — Раньше всё вокруг казалось каким-то другим, как-то всё воспринималось по-другому. Я всё боялась, что заметно будет, что мы не супруги, что это как-то помешает восстановлению меня в правах на мои родовые земли и имения. А теперь я уже ничего не знаю, — обречённо глядя на Маню, тихо промолвила баронесса. — Я ему такого наговорила, что самой стыдно. Но хуже всего то, что я припомнила ему свою кузину, — баронесса горестно вздохнула и жалобно посмотрела на Маню. — Может, Советник всё-таки был не прав? И нет ничего страшного в том, что я припомнила её конюха?

— Какого ещё конюха? — озадаченно посмотрела на неё Маня. — Причём здесь ваша кузина и её конюх.

— Ну, — замялась баронесса, упорно глядя в пол и не подымая глаз, — я сказала, что ничего страшного в том нет, если в первый раз это сделаешь с прислугой. Что моя кузина это впервые сделала со своим конюхом и ничего, ей понравилось. А Сидор, как-то странно на меня посмотрел и сказал, что и с золотарём это для меня будет в самый раз.

Баронесса, тяжело вздохнув, подняла взгляд на Маню и невольно отшатнулась, поражённая тем странным выражением, что проступило на лице у Мани.

— И что? Вот так прямо глядя ему в глаза и сказала, конюха? — аж крякнув от раздражения, переспросила её Маня. — А Сидор согласился и на золотаря?

Маня, с каким-то непонятным выражением, смотрела на баронессу, как на какое-то редкое чудо.

— Милочка, — тихо обратилась она к ней, — ты в своём уме? Кто же говорит такое мужику, да ещё ложась с ним в постель. Я удивляюсь, как он вообще после этого захотел с тобой дело иметь? — Маня поражённо покрутила головой. — Нет! Наверное, ты родилась в рубашке.

— А что тут такого? — испуганно глядя на неё и невольно съёжившись, тихо переспросила баронесса. — Что я такого сказала? Ведь моя кузина действительно сделала это с конюхом, — уже с отчётливо видными истерическими нотками в голосе проговорила она.

— Успокойся! — резким, сердитым голосом оборвала начинающуюся истерику Маша.

— Вот что я тебе скажу, бабонька, — с мрачным видом хмыкнула Маня. — Если по возвращению из этой его экспедиции, Сидор на тебя взглянет хотя бы раз, то я буду о-очень этим удивлена. Я его знаю уже не первый год. И не второй, и не третий. Так вот учти. Он тебе этого не простит. Никогда! Чтобы тебе все вокруг иного не говорили. Чтобы он сам тебе не говорил, но это твоё сравнение его с конюхом, он тебе никогда не забудет. Запомни это, милочка. А уж эти его постоянные ссылки на золотаря, так это только ты на них не обратила внимания. Ох, ты бабонька и дура.

— Кстати, — усмехнулась Маня, — ты хотя бы догадываешься, почему он сравнил себя с золотарём?

— Да я даже не знаю, кто такой этот ваш золотарь, — недовольно буркнула баронесса, шмыгнув носом, — наверное, ювелир какой-то, раз с золотом работает. Вы тут все постоянно хвастаетесь тем, что у вас золота полно. Наверное, поэтому он и сравнил себя с золотарём, чтоб подчеркнуть какой он у вас богатый. Хвастун! — раздражённо буркнула она. — У меня всё

равно золота больше.

— Милочка! — протянула, хватаясь за голову, Маня. — Да золотарь, это у нас тот, кого вы у себя называете ассенизаторами или говночистами. Тот, кто говно вывозит и отхожие места чистит, понятно тебе! И повелось это сравнение, ещё с тех давних времён, когда мы разгребали кучи отбросов и рыбьей требухи, наводя порядок на рыбных тонях у местных толстосумов, в период массовой заготовки икры.

— И вспоминает он об этом только в исключительных случаях, когда его кто-нибудь сильно достанет и разозлит. Вроде, говорилось поначалу в шутку, а потом стало верным признаком того, что он в бешенстве. Так что милочка, я тебе не завидую. Бросит он тебя, как пить дать бросит. Если уже не бросил, — расстроенно заметила она.

— В общем, бабонька, я тебе вот что скажу, что если раньше он за тобой бегал, то теперь, по возвращению, пошлёт он тебя, как у нас говорят, нахрен. Готовься.

— Ну и подумаешь, — нервно передёрнула плечами баронесса, — лишь бы детей не забрал, а там может и катиться, — сверкнув слезами, неожиданно набежавшими на глаза, тихо проговорила она, шмыгнув носом. — Мы и без него обойдёмся.

— Каких детей? — непонимающе уставилась на неё Маня.

— Как каких? — снова шмыгнула носом баронесса. — Ты же сама сказала, что я беременная, — удивлённо посмотрела на неё баронесса. — А сама я чувствую, что у меня будет двойня. Ну и вот.

— Угу, — хмыкнула Маня. — И часа не прошло, а она уже всё чувствует, — тихо рассмеялась она. — Ну, ты, милочка, и даёшь.

— Мне мать рассказывала, — упрямо наклонила голову баронесса, — что когда она была беременна моими братьями, она сразу поняла, что их будет двое. Как её ни разубеждали, а она стояла на своём. Так и получилось, родилось двое.

— Куда ж они потом делись? — осторожно поинтересовалась Маня. — Ты же, вроде, как одна на белом свете? И у тебя, окромя Советника, родни вообще нет.

— Почему нет? Есть! — поморщилась невольно баронесса. — Только очень дальняя и мы с ней не знаемся. Хотя, было бы лучше, чтобы этих скотов совсем не было, — мрачно добавила она.

— Так вот, — продолжила она в ответ на заинтересованный взгляд Маши. — Когда отец погиб, их взяли якобы на воспитание наши дальние родственники. По решению Баронского Совета, конечно. Это общепринятая практика, поскольку считается, что

одна мать не может воспитывать мальчиков, — тоскливо глядя на помрачневшую Маню, жалобно проговорила баронесса. — А потом они оба погибли. Якобы случайно. Одного на охоте медведь тут же задрал, буквально через пару месяцев. А второго брата неожиданно взбесившаяся лошадь сбросила, ушибся насмерть. Всё вроде представлено, как смерть по естественным причинам, но мать говорила, что убили их вслед за отцом, чтобы извести весь наш род. Так и осталась я последняя в роду.

— Как же тогда тебя никто не взял на воспитание? — недоверчиво посмотрела на неё Маня.

— А меня и взяли, — шмыгнула носом баронесса, постепенно успокаиваясь. — Мой дядя. Тот самый, кого вы знаете, как моего Советника, барон Ивар фон Дюкс. Только вот он стал жить не у себя, а в нашем замке, вопреки воле тех самых дальних родственников.

— Он меня очень любит, — тихо проговорила баронесса, грустно глядя на Машу. — Только поэтому я и жива до сих пор.

— Понятно, — задумчиво протянула Маня. — Значит, в случае твоего развода с Сидором, у тебя ваш какой-то там Баронский Совет, в полном соответствии с вашими же законами, может преспокойно отобрать детей, якобы на воспитание. А ты ничего и не сможешь сделать? Я правильно тебя поняла? — Маня с задумчивым видом уставилась на баронессу.

— Нет, — отчаянно затрясла головой баронесса. — Ты ничего не поняла. Не может, а отберёт. Повторяю. Не может отобрать, а отберёт.

— У нас очень много врагов и очень мало друзей, особенно в Баронском Совете, — грустно сказала баронесса, опять зашмыгав носом. — Так что, никаких "может", не будет. И я даже думаю, что если Сидор и не захочет со мной разводиться, по каким-то своим причинам, то его заставят это сделать.

— А вот тут ты, девонька, не угадала, — задумчиво протянула Маня. — Заставить нашего Сидора сделать что-либо из того, что он не хочет, — Маша насмешливо покрутила головой. — Это вообще, из области фантастики. Да и не завидую я тем, кто попытается его заставить, — выделила Маша последнее слово. — Если его заставлять делать что-то из того, что он не хочет, он, милочка, просто звереет. А когда он звереет, он идёт вразнос. И тогда даже я не хотела бы стать у него на пути. Снесёт и не заметит, — грустно проговорила она. — Были прецеденты.

— Ну а по поводу будущих претензий вашего Баронского Совета, мы можем кое-что сделать и прямо сейчас, — усмехнулась Маша. — Буквально здесь и немедленно. Как раз сейчас для этого есть все возможности. Дашка! — неожиданно в полный голос,

Маня рявкнула в закрытую дверь своего кабинета.

Буквально через секунду, дверь отлетела в сторону, распахнувшись и громко хлопнув по стене. Перед ошарашенной громким криком баронессой предстала деловитая Машина секретарша Даша уже с блокнотом и карандашом в руке.

Дашка прекрасно знала, что если в голосе её подруги появляются подобные ледяные нотки, то являться перед её глазами следует мгновенно, чтобы она там не делала, хоть сидела на унитазе.

— Дарья, — по-деловому, тут же обратилась к ней Маша, вставая из-за стола и начиная нервно ходить по кабинету. — Сегодня в банке должен ошиваться кто-то из наших ящеров. Они как раз должны получать деньги на строительство новой дороги. Немедленно ко мне, любого!

— Бурусый, гад, как раз толкается в приёмной, — тут же быстро оттараторила Дашка. — Надоел уже совсем. Что-то ему надо с тобой согласовать было. Вот уже полчаса топчется, а я его не пускаю.

— Немедленно сюда, — ткнула пальцем в стол Маня и, немного успокоившись, уселась обратно в своё кресло.

— Яволь, натюрлих, я, я, — дверь кабинета громко стукнула, захлопнувшись за мгновенно испарившейся из кабинета Дашкой.

— И прекрати, наконец-то называть его Бурусый, а то он ругается, — Маша кричала она уже в плотно закрытую дверь скрывшейся за ней Дашки.

— Здравствуйте Бус Ур Гр-лян, — холодным голосом приветствовала она, сразу же появившегося в дверях ящера. — Присаживайтесь, — холодно кивнула она на свободное кресло недоумённо посмотревшему на неё ящеру.

— Вы знаете, кто это? — холодно кивнула она на испуганно съёжившуюся в кресле баронессу.

— Баронесса Изабелла де Вехтор, жена барона Сидора де Вехтор, — по военному чётко доложил ящер, вскочив с кресла и вытянувшись во фрунт, в то же время глядя на строгую Машу, чуть ли не смеющимися глазами.

— Помимо этого, — усмехнулась Маня, сразу оценив игру Бурусого, — это ещё и мать детей Сидора. И есть веские основания полагать, что ей грозит нешуточная опасность. Особенно в её новом для неё положении матери.

— Надеюсь, вы слышали эту историю про ядовитую зубатку, — внимательно посмотрела она на сразу настороженно подобравшегося ящера. — Поэтому, вы должны связаться с кланом Сидора и совместно организовать её охрану. Так, чтобы её враги даже близко боялись к ней подойти.

— Вот оно что, — задумчиво протянул ящер, с интересом глядя на испуганно вжавшуюся в кресло баронессу. — Значит, семья Сидора увеличивается, — констатировал он.

— Надеюсь, Госпожа Маша, у нас с вами одинаковый взгляд на врагов наших друзей? — настороженно посмотрел он на неё. — Хороший враг — это мёртвый враг, — и замолчал, напряжённо ожидая реакции.

— Ещё лучше, когда их нет совсем, заранее, — тихо, медленно и отчётливо выговаривая слова, проговорила Маня.

Дождавшись медленного ответного кивка ящера, явно разделявшего подобные взгляды на врагов, она добавила, жёстко глядя ему прямо в глаза:

— Хорошо только то, когда все твои враги лежат в могиле.

— Я понял, — кивнул головой Бус Ур. — Я извещу мастеров Сидорова клана. И с сегодняшнего дня приступаем к совместной охране объекта. Но, до того мне надо было бы согласовать кое-какие моменты охраны с профессором и временной главой другого клана. По меньшей мере, на период пока господин Сидор в отъезде.

— Мне надо также безотлагательно решить вопросы со строительством дороги, что вы нам предложили, — тут же ящер стал разворачивать какие-то документы, что держал всё это время в руках.

— Вкратце, — остановила его Маня. — Как вы видите, — кивнула она на сидящую рядом баронессу. — У меня нет сейчас времени.

— Вкратце? — Бус Ур перестал копаться в бумагах и посмотрел на Маню. — Надо заменить мосты с каменных, на деревянные. Это съэкономит первоначальные вложения и ускорит работу. Тогда мы сможем намного быстрей закончить всю дорогу. Ну а уже потом, через пару лет, можно будет спокойно поменять временные деревянные мосты на капитальные, каменные. Уже без спешки.

— Принимается, — согласно кивнула головой Маня. — Но размер сметы можете не менять. Высвободившиеся средства пустите на устройство дополнительных мотов, там где раньше планировалось обойтись бродами.

— Что-то ещё? — вопросительно взглянула она на ящера.

— Ещё, в кланах недовольны тем, что стеклоброня не поступает в наши кланы, — осторожно посмотрев на неё, заметил Бус Ур.

— Броня получит только охрана баронессы и никак иначе, — отрезала Маня. — На других пока не хватает. И ещё долго не будет хватать, если мы не наладим постоянную торговлю с

Приморьем или с Империей ящеров и не сможем, наращивая объёмы торговли, одновременно вкладывать получаемые доходы в развитие производства.

По договору, все брони что делают мастерские Кондрата Стальнова продаются исключительно ими же. Мы с них получаем только свою долю в деньгах. Плюс ещё конечно то, что пока не можем сами производить. Наколенники, налокотники, пояса, перчатки, шлемы и прочую ерунду, столь приятную мужскому военному сердцу.

А тем, кто недоволен, передайте, что для стеклоброни нужны деньги, деньги и ещё раз деньги. А помимо денег ещё куча всяческих, редких присадок и оборудования, которых у нас просто нет. И вместо того, чтобы ругаться, пусть лучше поищут их в окрестных горах, чтобы не тащить всё это за тридевять земель.

— Тогда всё, — ящер торопливо встал, поклонился Мане и ошарашенной таким его поведением баронессе, торопливо вышел за дверь.

— Ну, — Маня насмешливо посмотрела на баронессу. — Посмотрю я на того, кто посмеет теперь отобрать у тебя детей. Правда, — замялась она, — тут есть одна тонкость, может быть для тебя и неприятная.

Маня, усевшись поудобнее в кресло, посмотрела внимательно на баронессу. А потом, спустя буквально минуту подумав, медленно добавила.

— Охранять тебя и твоих детей, они будут только пока ты жена Сидора. А вот если ты вздумаешь с ним развестись, то детей у тебя отберут уже они, как детей Сидора. Правда, за жизнь их ты можешь не беспокоиться. Они скорее умрут, чем допустят их гибель. Но, что отберут это точно. Отобрав — отдадут в род мужа. Даже, если он сам этого не захочет, ему всё равно придётся заниматься их воспитанием. Так что, чтобы не допустить подобного, надо нам искать пути и выходы для вашего примирения. Чтобы он тебя по возвращению всё же не бросил, а носил на руках и лелеял. Ну, — задумчиво посмотрела она на баронессу, — это только при условии того, что тебе оно надо. Если же нет, то попробуем придумать что-нибудь другое.

— Девочку какую посимпатичней ему подсунем, чтоб тебя быстро позабыл, — хитро прищурив глаза, Маша с любопытством наблюдала за реакцией баронессы. Она не подвела.

— А это возможно? — пряча взгляд, тихо спросила её баронесса. — Не девочка, а помириться? Всё-таки я ему такого наговорила, что даже Советник за голову хватался и ругал меня последними словами.

— Как я сказала, — грустно заметила Маня. — Будем искать

пути и подходы.

— Кстати, — задумчиво протянула Маня. — Поскольку ты де юре жена Сидора, то тебе необходимо исполнять и его обязанности, пока его нет. Иначе стороннему наблюдателю многое совершенно непонятно. Как, мол, так, муж отправился в дальний поход, а его жена не занимается делами своей семьи. Это весьма подозрительно, особенно в вашем случае, баронесса. Поэтому, пока он где-то бродит, тебе надо бы начать заниматься его проектами. К тому же, людей у нас постоянно не хватает, так что давай ка, ты бабонька, включайся в семейное дело. Как у вас там будет потом, я не знаю, но пока ты здесь, будь любезна, соответствовать общим правилам.

— К-каким таким правилам, — настороженно и немного растерянно посмотрела на неё баронесса. — Вот и Советник мне постоянно твердит, чтобы я не сидела дома, а придумала себе какое-нибудь занятие. Только вот какое такое дело я могу здесь придумать, когда никого и ничего здесь не знаю.

— Вот, кстати, — спохватилась она. — Мой Советник меня просил походотайствовать перед вами на предмет приобретения им без очереди комплекта стеклоброни. А то его, без объяснения причин даже в очередь не ставят. Советник полагает это оттого, что он дворянин и барон. А баронов у вас, как я поняла, здесь не любят, — грустно констатировала она.

— Не проблема, — отмахнулась Маша. — Сделаем. На той недели, как посвободней бедет и сделаем. Сейчас ж, давай о другом.

Маша на целую минутку задумалась, оценивающе глядя на Изабеллу, а потом, видимо на что-то решилась.

— Со слов твоего же Советника, ты весьма неплохо разбираешься в земледелии. Он говорил, что ты сама, единолично вела подобные дела в своём поместье. Так может, съездим в Райскую Долину, и ты посмотришь, как там идут дела и не надо ли чего улучшить, или что по-другому сделать.

— Потом…

Ненадолго прервавшись, Маня несколько минут рассматривала баронессу с сомнением в глазах, и, видимо на что-то решившись, продолжила:

— Если ты вела у себя дома хозяйство, то может, что и подскажешь по проблемам с нашими спиртоводочными заводами. Внешне, там всё хорошо, но мне кажется, что что-то идёт не так. Вот и Сидор, всё собирался ими вплотную заняться, да всё никак руки у него не доходили. Да и я сама, дура, надо честно признаться, — Маша грустно вздохнула, — тогда категорически противилась, чтобы он лез в мою сферу деятельности. А потом эта

эпопея с лошадьми началась, так вообще не до них стало.

— Понимаешь, — опять не секунду замялась на. — Внешне то, конечно, там всё нормально. Заводы работают, продукцию производят. Качество напитков отменное, но что-то мне там не нравится. Я это нутром чую. Чего-то не хватает или идёт не так как надо, а заняться и разобраться этим, некому. Вот ты и займись.

— С Долиной то уж Димкины девочки как-нибудь разберутся, а вот с заводами, кроме тебя некому.

— У меня дома был, конечно, небольшой опыт работы с винными заводами, как и у всех наших баронов, — внимательно глядя на Машу, осторожно начала баронесса. — Но уж очень небольшой. Да и не думаю я, что хоть что-то понимаю в этой вашей спиртоводочной технологии, — ошарашенно уставилась на Маню окончательно запутанная баронесса. — Что мне там делать то? Водку эту вашу пить?

— Зачем же пить, — повеселела Маня. Она уже поняла что договорилась. — Приедешь, посмотришь. Может что-то свежим взглядом заметишь. А потом мне расскажешь. Вот тогда-то мы вместе и покумекаем, что делать и как.

— Потом ещё одно, — задумчиво посмотрела она на неё. — Не хочется ли тебе, милочка плюнуть в тарелку супа этим твоим ящерам. За то, что они вздумали с тебя брать оплату за охрану, о которой, как я прекрасно осведомлена, никто их не просил. Да и Сидор всячески сопротивлялся этой их охране. А оказывается, они ещё хотят и деньжат с этого поиметь, — задумчиво протянула она. — Ну, ну. Я им устрою Бородино и Ватерлоо вместе взятые.

— Не желаешь, присоединиться? — вопросительно посмотрела она на баронессу.

— К чему? — ошарашенно уставилась на неё Изабелла недоумённым взглядом.

— Думаю, что у нас есть прекрасная возможность хорошенько вдарить им по их любимому месту. По кошельку, — усмехнулась Маша. — Раз уж они ради постройки какого-то моста бросают охрану жены Главы собственного клана, то деньги для них много значат. Вот мы им по этому их слабому месту и вдарим.

— Но как!? — Баронесса с загоревшимися глазами, вцепилась судорожно руками в подлокотники своего кресла и даже чуть привстала с него, с нетерпением ожидая, когда Маща посвятит её в свой план.

Неторопливо пройдясь по комнате, Маня насмешливо посмотрела на неё и неожиданно спросила.

— Ведь ты же, юридически, его жена. Ну, Сидора нашего! — пояснила она немного раздражённо на недоумённый взгляд

Изабеллы. — Не так ли? И на этом основании имеешь полное право на те проценты, что должен выплачивать своему Главе клан со всех сделок, им совершаемых. Это соответствует тем условиям договора, что первоначально был заключён между ними. Причём, заметь, по их же собственной инициативе. Никто их за язык не тянул.

Раньше мы, как-то не спрашивали эти проценты, как с сирых и убогих. Но, теперь, как я погляжу, они уже вполне оперились и могут выплачивать положенное содержание.

Вот, мы и заставим их выплатить этот процент. Тот самый процент Сидора

Вот в таком ключе мы им это и преподнесём. Есть положенный процент. Есть кто его должен платить. Есть кому положено его платить. Есть наконец-то банк, где открыт счёт у господина Сидора, которому положено платить. Вот, пусть и положат на его счёт все причитающиеся ему денежки. А ты, как его официальная жена и наследница, проследишь за точным выполнением этого пункта их договора. Хватит уж им зажимать своего бедного и обиженного жестокими и жадными ящерами Главу, — усмехнулась Маша, хищно прищурив глаза.

И тут уже не важно, есть ли их Глава на месте, или погиб где-то. Пусть платят. По крайней мере, до тех пор, пока сами не докажут, что он погиб, платить обязаны.

Вот это живо собьёт спесь с них и поставит на место. Ну, как? Согласна? — Маня, остановившись перед креслом баронессы, вперила в неё свой пронзительный взгляд и замолчала, выжидательно глядя на неё.

— Хорошо, — спокойно отозвалась баронесса, поднимаясь с кресла и встав прямо напротив Маши, — Думаю, что этого занятия мне вполне хватит на ближайшие полгода, — чуть улыбнулась она краешком губ. — По крайней мере, да приезда господина Вехтора, когда смогу сдать ему все дела, уж точно.

— Вот и отлично, — удовлетворённо кивнула головой Маня и, неожиданно что-то вспомнив, добавила в спину повернувшейся к выходу баронессы. — Завтра утром! Завтра поутру жду вас, баронесса, у банка. Лошадей и коляску я обеспечу.

Нет, стой, — остановилась он. — Завтра нет. Лучше я потрачу пару деньков и получше подготовлюсь к визиту. А потом мы их посетим, — хищно прищурилась она.

Визит к ящерам. *

Занятый по просьбе профессора какими-то непонятными

химическими анализами, весь следующий день у Изабеллы прошёл в какой-то непонятной суете и бестолковой, изматывающей возне. Самое ужастное в этом было что сама Изабелла, при всём её дотаточно хорошем образовании, совершено не понимала что делает, а профессор не потрудился ей объяснить. Так день и пролетел. Бестолково и незаметно.

— Это же самое время Маша провела максимально эффективно, собрав за день абсолютно все сведения по работам, проведённым ящерами в городе за всё прошедшее со дня их соглашения время. И к концу рабочего дня уже имела на руках подробнейший перечень всех доходов, полученных ящерами за отчётный период.

— Поэтому, Маша посчитала себя к визиту готовой и, следующим же утром, подхватив Изабеллу, вымотанную до невозможности вчерашним бестолковым днём, они вдвоём отправились в Ящеров Совет.

— Конечно, обе они предполагали, что их появление может вызвать там фурор, но такого ажиотажа и суеты среди своей охраны, они даже представить себе не могли. Как только их охрана из ящеров поняла, куда они направляются, так ящеры устроили фирменный саботаж. Приставленный к Изабелле десятник приложил буквально титанические усилия чтоб как можно незаметнее, но их задержать. Ссылаясь на какие-то совершенно незначительные и пустые поводы для отсрочки, он старательно забалтывал и тянул время.

— Однако, и так злая на ящеров баронесса, едва заметив, что и так порядком поднадоевший ей десятник, попытался отправить кого-то из своих подчинённых вперёд, явно чтобы предупредить своих об их скором визите, она так зло рявкнула на него, что у того от растерянности буквально отвалилась челюсть.

— Так десятник и простоял какое-то время, в недоумении пялясь на раскрасневшуюся от гнева баронессу, не зная, то ли не слушать её и отправить подчинённого вперёд, или же всё-таки не нарываться. Не смотря на то, что теперь никто из ящеров как бы и не оспаривал прав баронессы на супружество с их главой клана, но статус самой баронессы в их глазах похоже совершенно не поменялся. Как считали её бесполезным приобретением для клана и ошибкой своего Главы, так и продолжали считать, не ставя ни во что. В отношениях лично к ней, у них так и не появилось ни малейшего, не то чтобы уважения, даже элементарной вежливости не было.

Вот и теперь, глядя на эту застывшую ошарашенную физиономию десятника, было прекрасно видно, насколько тот растерян. Но растерян не оттого, что его как бы поставили на

место, кстати, непонятно за что, а оттого, что расфуфыренная кукла, каковой они все считали баронессу, неожиданно заговорила. Как будто это был не живой человек, а какой-то вдруг заговоривший манекен.

— Но всё-таки это был хороший воин. Поэтому, он чуть ли не мгновенно стряхнул с себя накатившее наваждение и, насмешливо оскалившись, собрался, было явно что-то надерзить, как вдруг встретившись с Изабеллой глазами замер.

— Маша, разозлённая, как и баронесса, наглым поведением ящеров, собралась уже вмешаться, как неожиданно заметила странный взгляд ящера и, несколько растерянно переведя взгляд на Изабеллу, сама замерла от неожиданности.

— На застывшего столбом ящера смотрела не слабая юная девушка, каковой она была ещё минуту назад, а профессиональный, матёрый убийца, которому для того, чтобы вот сейчас, немедля не отрубить дерзкому и наглому ящеру голову, не хватает малейшего повода. Малейшей зацепки, ухватившись за каковую, можно было одним махом снести эту дурную бошку. И сабелька, маленькая, изящная сабелька, с чуть, чуть выдвинутым из ножен лезвием, теперь уже не смотрелась изящной безделушкой, игрушкой, лежащей на коленях баронессы. Теперь это было смертоносное грозное оружие, готовое в один момент смахнуть голову наглеца.

— Что изменилось, Маня так и не поняла, но того, что увидел сам десятник, хватило ящеру для того, чтобы молча и безпрекословно подчиниться. И весь недолгий путь до их Совета, он старательно избегая даже приближаться к Машиной коляске, держась в самом конце отряда.

— Так, молча, они и добрались до того места.

— Представительство ящеров городские власти устроили хоть и на другой улице, но неподалёку от бывшей землянки Маши, или теперь барона Сидора. в самом глухом и самом, наверное, замызганном и грязном углу города. Наверное, из всех возможных, это было самое ветхое строение, которое только и смог найти Городской Совет для представительства ящеров в городе. Тем самым невольно показав своё истинное к ним отношение.

— Наверное, если бы можно было найти ещё что-нибудь, намного хуже, то нашли бы. Но, видимо дерьмовее ни места, ни самого здания у Городского Совета на тот момент не нашлось. Вот потому-то ящеры и перебивались, хоть ещё и во вполне целой и добротной, но уже достаточно ветхой избушке.

— Сказать, что их обоюдный визит не произвёл в Ящеровом Совете фурор, это, значит, не сказать ничего. Как только Машина

коляска подкатила к скособоченному крыльцу, которое никто до сих пор так и не удосужился привести в порядок, как на сие косое произведение плотничьего искусства вывалился весь Ящеровый Совет в полном составе и в немом изумлении уставился на Маню с баронессой.

— Маша с Изабеллой, наверное, добрую пару минут наслаждались видом ошалевших рож ящеров, растерявшихся от неожиданности, а потом Маша, слегка прищурив глаза и насмешливо посмотрев на собравшихся, негромко поинтересовалась:

— Ну? И долго я буду сидеть в этой коляске? Сколько вы будете на меня пялиться? Может быть, вы всё же дадите мне возможность из неё выбраться, и не будете толпиться на крыльце, пуская от удивления пузыри и не пуская меня в дом.

— Госпожа банкирша, — мгновенно расплылся в льстивой улыбке Ли Дуг, первым пришедший в себя. — И госпожа баронесса, — с едва заметной заминкой, и значительно более холодным тоном выговорил он. — Мы рады вас видеть. Но всё же сразу хотел бы поинтересоваться, чем вызван ваш визит?

— Он столь неожиданный и необычный, — тут же зачастил он, поняв, что его слова можно двояко истолковать. И как радость от неожиданного визита друзей, и как нежелание их видеть у себя в доме.

— Чуть заметно улыбнувшись, и ничего ему не ответив, Маша медленно поднялась с дивана коляски, а потом степенно и не спеша, вышла из неё. Неторопясь, дождавшись пока выйдет из коляски и баронесса, они вдвоём поднялись на крыльцо. Пройдя по узкому тёмному коридору, Маша с Изабеллой попали в небольшую обшарпанную комнату Совета.

— Прошу прощения, Марья Ивановна, — рассыпался мелким бесом перед Машей Ли Дуг. — Прошу прощенья. Но, к сожалению, это единственное наше общественное помещение в этом городе, — с отчётливо проступившим в голосе фальшивым сожалением поведал он.

— Так всё-таки, — поинтересовался Ли Дуг, услужливо пододвигая Маше единственное в комнате роскошное кресло, и с умилением наблюдая, как она там с удобством устраивается. — Чем вызван ваш столь ранний и необычный визит?

— Чем же он так для вас необычен? — равнодушно поинтересовалась баронесса, стоя в дверях комнаты и окидывая беглым взглядом непритязательную обстановку. — Вполне рядовая инспекционная поездка к нерадивым плательщикам. Всего делов то.

— Какая? — неуверенно посмотрел на неё Ли Дуг,

недоумённо переглянувшись с остальными членами Совета.

— Та самая, та самая, господин Ли, — покивала головой Маша. — Инспекционная, к нерадивым. И не делайте вид, будто ничего не понимаете.

— Должен признать, что мы действительно ничего не понимаем, — вопросительно взглянул на них Уно Бер, в настоящее время исполнявший обязанности Главы Сидорова клана, на период отсутствия и Сидора, и Ван Гур-Бера. — Какая инспекция? К каким неплательщикам? — недоумённо уставился на он Машу, как-то умудрившись одновременно с этим совершенно проигнорировать баронессу.

— Баронесса, бросив на Уно спокойный, равнодушный взгляд, прям как на заговоривший предмет мебели, молча прошла в дальний угол комнаты и, взяв там стоящий одиноко, даже на один только вид, хлипкий стул, со стуком поставила его рядом с роскошным креслом, предложенным Маше. Небрежно, однако, совершенно расковано, не обращая никакого внимания на изумлённо наблюдавших за её действиями ящеров, она преспокойно уселась на хлипкий, тут же жалко перекосившийся под её небольшим весом стул, издавшим отчаянный, пронзительный скрип, и недовольным, совершенно недружелюбным тоном, поинтересовалась.

— Где деньги?

— К-какие деньги? — глядя на неё расширенными от изумления глазами, слегка запинаясь от неожиданности, враждебно поинтересовался Ли Дуг. — Никто из нас у вас ничего не брал, не занимал, и вы нам ничего не давали.

— Где деньги, положенные Главе Клана на содержание, — презрительно глядя на то место где он стоял, словно в пустоту, холодно поинтересовалась баронесса. — Никак решили, что если Главы клана на месте нет, то можно и не платить? Не выйдет. Прошло уже достаточно времени, что вы находитесь здесь, в городе. Вы вполне уже смогли обжиться. Вот, — обвела она жалкое помещение презрительным взглядом, — даже домик себе во владение успели от города получить. Так что пришло время платить налоги. Раньше мы вас не трогали, принимая во внимание ваше тяжёлое, можно сказать бедственное положение, но теперь пришла пора вернуть то, что задолжали. И это касается всех вас троих, — закончила она, как будто заколотив последний гвоздь в крышку их гроба.

— Если бы в этот момент за окном прогремел гром средь ясного неба, то и тогда бы эффект, произведённый на ящеров, был бы не таков, как от короткой, эмоциональной речи баронессы. По ошарашенным рожам ящеров было отчётливо видно, что они

просто поражены тем, что ЭТА кукла заговорила. И самое неприятное оказалось, что она врезала им по самому больному для них в настоящее время месту, по деньгам.

— Э-э-э, — замялся Ли Дуг, бросив в сторону баронессы косой, неприязненный взгляд. — Должен признать, что мы как-то упустили это из виду.

— Упустили?! — в один голос воскликнули баронесса с Машей, одновременно переглянувшись.

— Позвольте с вами не согласиться, — насмешливо прищурившись, баронесса посмотрела прямо в глаза ящера. — Это называется, вообще-то, по иному, — ядовито заметила она. — Это больше похоже на то, что вы отказываетесь платить.

— И потом, — плавным движением руки, Маша мягко остановила разгневанную баронессу. — Что это ещё за история с оплатой за охрану баронессы? Да ещё по расценкам, чуть ли не вдвое, превышающие действующие в городе?

— Это я к вам обращаюсь, Ли Дуг, — уставилась она ледяным взглядом на растерявшегося от такого напора ящера. — Отвечайте! На каком основании вы выставили счёт на оплату охраны баронессы? Да к тому же воспользовались тем, что на месте отсутствует её муж, барон Сидор де Вехтор! Никак решили дополнительно заработать?!

— Вот список всех ваших доходов за прошедшее время, — Маша выложила на стол принесённый с собой длинный перечень, составленный ею накануне. — Потрудитесь ознакомиться, проверить, и если чего не хватает, дополнить. Я уж тут по кланам не разделяла, так что вы уж, будьте так любезны, уточните кому из нас сколько положено, а потом нам доложите.

— По физиономии бедного Ли Дуга было прекрасно видно, что тот просто не знает куда провалиться. На скуксившейся роже ящера было аршинными буквами написано, что он совершенно не ожидал подобной реакции на свои поступки со стороны слабой, по его мнению, женщины, но одновременно на ней же и выступало полное нежелание признания своей вины.

— Однако же косые взгляды двух других присутствующих здесь ящеров, ясно давали понять, что все прекрасно поняли истинную подоплёку того, что жена главы одного и официальный глава другого клана так неожиданно, и так не вовремя, вспомнили о своих правах и положенных им процентах. И о том, что виновному ещё не раз придётся серьёзно пожалеть о том, что он вынудил женщин вспомнить об обязательствах по отношению к ним.

— Бедного Ли Дуга оставалось только пожалеть. Однако ни у одного из присутствующих не появилось даже мимолётной мысли

о том. Крупные капли пота, выступившие на ящеровой роже, яснее ясного показывали, что он прекрасно понял значение косых взглядов, бросаемых на него товарищами, и в ближайшем будущем не ожидает для себя ничего хорошего.

— Уважаемая баронесса, госпожа банкирша, — неожиданно раздался голос молчавшего до того Уно Бера. — Мы прекрасно поняли суть ваших претензий, и обещаю, что не позже чем через пару дней мы разберёмся с произошедшим недоразумением. И со счётом на оплату услуг по охране и по поводу невыплаты положенных вам процентов. Включая и отсутствующего здесь господина Димона, конечно, — ящер низко склонил голову в уважительном поклоне.

— Если же у вас это всё, то мы хотели бы остаться одни, дабы быстрее разобраться с возникшим недоразумением, — Уно нехорошо покосился на вильнувшего взглядом Ли Дуга.

— Насмешливо улыбнувшись, Маша поднялась с кресла, перед тем любовно, с едва сдерживаемой усмешкой погладив его подлокотники, и, сопровождаемая молчаливой баронессой, которая не соизволила даже попрощаться, они вышли из комнаты Совета.

— Неторопливо выйдя на крыльцо Ящерового Представительства, Маша с удовольствием потянулась, словно сытая кошка, только что сожравшая мышку, и, повернувшись в сторону молчаливой баронессы, полюбопытствовала:

— Ну? — выговорила она с довольным видом, демонстративно не обратив внимания на почтительно вышедших провожать их членов Ящерова Совета. — Как мы им задницы надраили? Неплохо?

— Для начала, неплохо, — согласно кивнула баронесса, повернувшись назад и внимательно посмотрев на стоявших там ящеров, а потом, под удивлённо-растерянным взглядом Маши, добавила. — Но это только начало. Их ещё строить и строить, чтоб гуще шерсть нарастала.

— Ну что ж, — хмыкнула Маша, удивлённо хмыкнув. — Это уж потом, а сейчас предлагаю, раз уж мы так рано освободились, посетить наших девочек, Димкиных жён то бишь. Раз уж мы вдвоём собрались и так рано освободились, то не мешало бы проверить, как там идут у них дела. Девчонки молодые, как бы не упустили чего. А то нам потом Сидор с Димоном устроят местное Ватерлоо.

— Ну, — пожала плечами баронесса, — не знаю, что такое Ватерлоо и зачем его надо устраивать, но почему бы и нет. Всё одно день потерян, податься некуда и делать мне дома совершенно нечего. А сидеть одной в землянке и тупо пялиться

на стены надоело до озверения. Поехали! — беспечно махнула она рукой.

— А пожалуй нет, — внезапно повернулась Маша к Изабелле. — Сделаем по другому. Заглянем ка лучше в наш знаменитый коптильный цех, а потом к бондарям на лесопилку. Точнее — наоборот. Сначала на лесопилку, потом в коптильню заскочим. Световой день нынче короток, так что времени нам хватит только на что-то одно. Или в долину, или туда. А коптильня вообще практически рядом с городом. Успеем засветло вернуться.

— А в долину мы пожалуй прокатимся завтра с утра. Ты как? Не против? — повернулась она к Изабелле.

— Да мне всё равно, — безразлично пожала та плечами. — В коптильню, так в коптильню. На лесопилку, так на лсопилку. А в долину действительно лучше ехать с утра. Хотя, насколько я знаю, лесопилка тоже не ближний свет. Не говоря уж о коптильном цехе.

— А мы накоротке, — улыбнулась Маша. — Туда — обратно. Только посмотрим и домой. Если туда ехать с делами, то ехать действительно надо с утра. Но дел там пока особых нет, так что мы мухой туда-сюда смотаемся, а на завтра ещё что-нибудь решим.

— Как план? — улыбнулась она, устраиваясь поудобнее на диване в коляске.

— Больше не кивнув даже на прощанье хмурым, недовольным ящерам, они обе вместе отбыли на экскурсию.

— Обратно же возвращались уже глубоко под вечер, когда солнце уже давно село и после заката прошло не менее пяти часов.

— Ну, извини, Белла, — устало повинилась Маша перед Изабеллой. — Давно не была, забыла как это далеко. Да и брать уже надо было не коляску, а сани. Но саней у меня нет, — тут же призналась она. Так что, если автра ехать, поедем снова в коляске.

— Ты как? — вопросительно глянула она на измотанную долгой дорогой Изабеллу.

— Что-то меня виды зимней природы, припорошенной снегом дороги, зимнего леса, да пары сараев в которых что-то визжит и что-то делает куча потных, ругающихся матом мужиков больше не прельщают, — усмехнулась Изабелла.

— Если только не посмотреть куда девается та огромная масса бочек, что заготовили вам бондари на лесопилке. Вы что, правда все их собираетесь заполнить хлебным вином? — неверяще посмотрела она на Машу. — Зачем?

— Э…, - в некоторой растерянности протянула Маша, не зная как ответить. — Ребята наши говорили так делают виски.

— Что? — непонимающе подняла на неё взгляд Изабелла. — Виски, это что такое?

— По-нашему, самогонка, — запинаясь, пояснила Маша. — Самогонка, разлитая в дубовые бочки и выдержанная там несколько лет. Три, пять, десять, восемнадцать лет. Ну и так далее. Чем дольше держать, тем виски получается лучше.

— Наверное, — с большой долей сомнения в глазах посмотрела она на Изабеллу.

— Честно скажу, не знаю. Сама никогда не пила ничего подобного. Так что чем они отличаются, сказать не могу. Что три, что пять, что двадцать пять, по мне однох…, - замялась она от большого желания выругаться матом. — В общем, мне плевать в чём там разница. Люди наш продукт пьют, хвалят. Мне этого хватит. А что там они хотят того или иного, это пусть Сидор с Димоном экспериментируют. Это их идея заливать самогон в бочки. Вот вернутся, ты их и спросишь зачем и почему они это делают.

— По мне, лишь бы быстрей продать. А выдерживать даже пять лет, как они хтят минимальный срок, я бы не стала, — сердито буркнула она. — Лезут, куды не просют. Дегустаторы, — окончательно расстроилась оа, потеряв к разговору всякий интерес.

— Кстати, раз уж зашёл о том разговор, так может завтра не в долину к девочкам поедем, а совершим коротекую экскурсию на винокуренный завод. Посмотришь на месте что это такое.

— Вот там действительно есть что посмотреть. И стены, и постройки, не то что два длинных сарая на пилораме. И пруд он там огромный забабахал. Почто что как на пилораме, а то и даже побольше. Там вообще есть что посмотреть.

— Может, туда для начала съездием? — бросила она косой взгляд на Изабеллу. — А долина что. Ну долина и долина. Земля и земля. Там даже горы пеньков больши нет — спалили. Совсем смотреть не на что.

— А то действительно, объяснять как делается это виски, не видя самого предмета разговора — замучаешься. Сидор там такого накрутил, что даже я порой путаюсь. Мужики они вообще странные люди, инопланетяне какие-то.

— Ну так как?

— Да мне всё равно, — пожала плечами баронесса. — Единственно что, мы же планировали на завтра ещё заехать не вашу коптильню?

— А! — раздражённо махнула рукой Маша. — нечего там

смотреть. Это я не подумав предложила тебе её посетить. Там уже давно ничего интересного нет.

— Был у нас цех. Настоящая сказка, одно загляденье, — Маша тяжело, грустно вздохнула. — Отобрали. Голова со Старостой подловили на одной мелочи и отобрали. Мы его постепенно всстанавливаем, конечно, но до былого там ещё дажеко.

— А вот на винокуренном заводе есть что посмотреть. По крайней мере, его то, как раз пока ещё не отобрали, — тихо, практически едва слышно проговорила она.

— Ты же, помнится как-то обмолвилась, что и у себя в имении занималась винокурением? — Маша более внимательно присмотрелась к Изабелле.

— У нас практически все этим занимаются, — сухо, на грани вежливости неожиданно отрезала Изабелла. — По крайней мере, так говорит мой Советник.

— Тогда до завтра, — Маша остановила коляску возле глухих, запертых ворот двора бывшей своей усадьбы. Посмотрев как усталая Изабелла осторожно выбирается из коляски, уточнила.

— Так завтра как? Сюда подъехать или возле банка встретимся?

— Лучше возле банка.

— Изабелла сладостно потянулась, разминая затёкшие за время долгого пути кости.

— Пройдусь с утра, кости разомну, — помахала она Маше ручкой, скрываясь в калитке.

Дорога на винокуренный завод. *

— Ранним утром, безмятежно позёвывающая Маня подъехала к зданию банка в самом центре города и застала на крыльце разгневанную баронессу в окружении группы ящеров, чуть ли не приплясывающую от нетерпения.

— Вы явно не торопитесь, госпожа банкирша, — ядовито заметила та, сердито разглядывая и Машу и её коляску. — Уже солнце давно встало, а вы всё ещё спите.

— Что-то вы сегодня рано встали, Изабелла, — улыбнулась Маша, глядя на отбивающую на морозе чечётку баронессу. — Да и нервничаете вы что-то сегодня много.

— Вы о чём думали, когда натравили на меня своих ящеров, — тут же набросилась на неё баронесса, даже не ответив на приветствие. — Вы хотя бы представляли себе, что это за

звери. Да они мне проходу не дают. В доме стало даже страшно находиться. Набились в землянку и везде стали устанавливать свои порядки. Мне даже в туалет теперь нельзя выйти без предварительного обследования помещения каким-нибудь ящером.

— Да они даже в дырку выгребной ямы заглядывают и ворошат там палкой, — с тихим ужасом в голосе, проговорила баронесса, глядя на Маню широко открытыми глазами. — Где такое видано?

— Привыкайте, баронесса, — улыбнулась Маня. — Теперь так будет всегда. Я поначалу тоже никак не могла к подобному привыкнуть, а потом, ничего, приспособилась. Вот и вы приспособитесь.

— Так это что, — с тихим ужасом в голосе спросила её баронесса, — на всю жизнь?

— Нет, — покачала головой Маня. — Только на время вашего замужества с господином Сидором. Поскольку вы теперь будущая мать его детей и вынашиваете его ребёнка, то охранять вас будут, как зеницу ока. Привыкайте.

— Надеюсь, Советник теперь доволен, — насмешливо заметила она, глядя на разгневанную баронессу. — А то он в последнее время ходил какой-то сам не свой, всё опасался за вас и ваше драгоценное здоровье. Теперь то он может быть спокоен, — хмыкнула насмешливо Маня.

— Не упоминайте про этого мерзавца в моём присутствии, — гневно уставилась на неё баронесса. — Вы бы только видели его гнусную рожу, когда ко мне в землянку ввалилась дюжина ящеров и заявила, что они теперь являются постоянными телохранителями ребёнка своего господина. Сидора то есть.

— Баронесса злыми глазами глядела на Маню и нервно теребила тонкий, кожаный поясок на своём платье.

— Так этот мерзавец прямо расцвёл улыбкой, словно цветок на помойке, — гневно топнула она ногой. — И тут же начал перед ними услужливо прыгать, советуя, где и как им лучше расположиться в моей землянке, чтобы перекрыть все опасные, как он выразился направления. А надо мной буквально т рясётся. Белочка то, Белочка сё, — передразнила она Советника, безобразно скривив личико.

— А тут ещё и этот ваш профессор, вражина, заявился с другой партией ящеров. Ваших ящеров, между прочим, — ядовито уточнила баронесса.

— Так они ещё и поспорили. Кто из них имеет больше прав на охрану. Ваш клан, госпожа банкирша, — баронесса ещё раз бросила ядовитый взгляд на Маню, — или клан господина

Вехтора.

— Победил, конечно, клан Вехторов, — неожиданно довольно заметила баронесса. — Как имеющий больше прав на моё тело.

— Да, да, — покивала она головой. — Так вот прямо один из них нагло и заявил, — разгневанная баронесса стояла прямо перед коляской Мани и, уперев руки в бока, сердито смотрела на неё снизу вверх. — У них, мол, больше прав на моё тело. Как будто меня это тело не касается, меня там не было и моё мнение ничего больше не значит.

— Ну это всё? — устало спросила Маня, жалостливо глядя на баронессу. — Если всё, то поехали. Солнце уже высоко, а без ящеров нам теперь из города не выбраться. А они, сама знаешь, какие бегунцы. Только пешком и только неторопясь. Так что только к полудню будем на месте, хоть ехать не так уж и далеко.

— Возмущённо фыркнув и так ничего больше не добавив, баронесса забралась в Манину открытую коляску и с удобством устроилась напротив. Проехав совсем немного и только, только покинув город, она наконец-то не выдержала затянувшегося, на её взгляд, молчания и затараторила снова:

— Что мне здесь нравится, — тут же заявила она, как только они проехали городские ворота, — так это то, что не надо везде ездить верхом. Боже, — схватилась она за голову, — как мне это всё у нас надоело. Стоило только куда собраться, так обязательно закладывай парадный выезд и обязательно верхом на лошади, да ещё в этом дурацком женском седле. Как будто не существует никаких других способов передвижения. Хотя бы даже пешком.

— А их надолго хватит? — тут же переключила она своё внимание на трусивших по обоим краям дороги ящеров.

— Надолго, — мрачно ответила ей Маня, начиная уже уставать от постоянной трескотни баронессы. — Считайте, что на весь день. А если вам здесь так нравится, то и оставайтесь. Вам здесь будут только рады. Тот же господин Сидор, — насмешливо заметила она, бросив искоса взгляд на баронессу.

— А, — отмахнулась от неё баронесса. — Нужна я ему. Да здесь у него бабёнок незамужних, сотни. Так и бегают за ним, так и бегают. Сидор то, Сидор сё, — грустно заметила она. — Даже то, что он уехал, их не останавливает. Постоянно в дом приходят, спрашивают господина Сидора.

— Вот и отлично, — насмешливо заметила Маня. — Вот тебе и ещё одно маленькое дельце, требующее твоего постоянного внимания. Так называемые сидоровы вдовы. Он со всеми так и не успел разобраться, так что ты ими и займёшься.

— И не спорь со мной, — резко перебила она попытавшуюся что-то возмущённо воскликнуть баронессу. — Кроме тебя всё

равно некому этим заниматься.

Добившись, таким образом, молчания баронессы, от возмущения потерявшей даже речь, Маня, наконец-то, смогла сосредоточиться на своих мыслях и ощущениях.

Вслушиваясь внутрь себя, Маня с удивлением обнаружила, что неясное чувство тревоги и беспокойства, угнетавшее её последнее время, куда-то пропало и ничем больше себя не проявляло. Даже, как ни странно, у неё улучшилось настроение, несмотря на то, что баронесса изрядно её утомила своей пустой болтовнёй.

— "Ба-а! — мысленно протянула Маня. — Да у девочки же элементарная нехватка общения. Сенсорный голод. Боже, страшно даже представить, что она пережила за последние полгода одинокого сидения в землянке".

— "Хм, — мысленно одёрнула она себя, глядя из-под прищуренных глаз на глазеющую по сторонам баронессу, уже всю извертевшуюся на диване коляски, — ну, допустим и не пол года, а всего только…. М-да, — мысленно почесала она затылок, бегло пересчитав прошедшие месяцы. — Считай, что это и есть пол года. Даже поболе будет пожалуй, — вдруг всерьёз задумалась она, в памяти восстанавливая прошедшее время. — Ну да, май, когда её Сидор привёз, — мысленно стала она загибать пальцы, — июнь, июль. В конце августа, кажись, Сидор с Димоном вышли в поход. Если вообще не в сентябре".

Маша чуть вслух не зашипела в сильнейшем раздражении на саму себя. В памяти ничего не складывалось. Один, два месяца куда-то постоянно проваливались и ни за что зацепиться было невозможно, слишком прошедшее после пригона табунов время было какое-то безликое, незапоминающееся. Из него помнилось лишь одно — работа, работа, работа.

— "Плюс ещё пара, тройка месяцев после их ухода, — упорно пыталась она хоть за что-то зацепиться в своих подсчётах. — Сейчас же у нас ноябрь или уже декабрь? — с тоской посмотрела она на голые, окружающиех дорогу деревья. — Бли-и-ин. Не поймёшь. То ли осень ещё, то ли уже зима. Как время летит. Всего ничего времени прошло, — грустно подумала она, — а как всё изменилось. Уже зима. Куда мы катимся?"

— "Бедная девочка, — мыслями вернулась она снова к баронессе. — Ведь за всё это время ей и поговорить то было не с кем. Друзей нет, подруг нет, мужа, хоть липового, и того уже нет. Из всех людей, с кем можно пообщаться, один только Советник. Да и тот старый козёл, — сердито обругала она про себя старого барона. — Озабочен каким-то бредом: "Великим Делом Возрождения Погибшего Баронства", а чтоб побольше внимания

девочке уделить, так его нету. Совсем старый пердун последних мозгов лишился. А несчастной девочке элементарно не с кем было поговорить", — сочувственно подумала Маня, глядя на надувшуюся и расстроенную баронессу.

— "У неё банальный сенсорный голод", — наконец-то поняла на проблемы баронессы. — "Хотя, — мысленно усмехнулась она. У нас, девочек, это называется недотрах. Ну, да ничего, — вдруг сразу повеселела она. — Вот это-то как раз лечится на счёт раз. Сидор вернётся — враз вылечится".

Исчерпав все возникшие вопросы, они обе надолго замолчали и весь оставшийся до завода путь провели молча, хотя у каждой нашлось бы, по крайней мере, с десяток интересующих обеих тем.

Но ни та, ни дугая не были достаточно близкими подругами и только сложившиеся обстоятельства временно свели их на какое-то время. Пока — вместе. Потом — вряд ли.

*Винокуренный завод. **

Как Маша и рассчитала, на место они прибыли точно в полдень. Солнце как раз стояло высоко в зените, когда они наконец-то выехали из-под тёмного полога ещё по осеннему сумрачного леса на слегка припорошенную снегом белую, ярко освещённую полуденным солнцем, просторную, не до конца расчищенную вырубку левого пологого склона широкой речной долины. На противоположном, высоком обрывистом берегу небольшой речушки, разделяющей вырубку на две неравные части виднелся обширный комплекс каких-то деревяных построек, обнесённых даже на вид высокой и мощной оградой.

— Вот полюбуйтесь, — тут же ткнула в ту сторону своим пальчиком Маша.

— Речка Рожайка. А за ней, собственно, и есть наш винокуренный заводик.

Маша, гордо подбоченясь, довольно смотрела на Изабеллу, удивлённо рассматривающую открывшуюся перед ними обширную, плоскую вырубку, сияющую голой плешью на месте бывшего здесь ещё недавно густого лиственного леса. Следы былого лесного величия гордо высились сложенными по краю вырубки высокими штабелями аккуратно раскряжёванной и тщательно рассортированной древесины.

— Вам что, баронесса, не нравится? — удивлённо спросила Маша, заметив странную реакцию баронессы.

Недоумённо подняв брови, Изабелла застыла в коляске, рассматривая открывшийся пейзаж и пребывая в некоторой растерянности. Она явно не знала что Маше ответить.

Грязная извилистая лесная дорога, по которой они только что ехали, неожиданно выскочила на высокую и широкую песчаную насыпь объездной дороги, где легко могли разъехаться и три таких коляски, как у них. И теперь, тихо шурша металлическими ободьями по плотно утрамбованному песку, она бодро скользила левым краем вырубки, по широкой дуге огибая открывшееся перед ними обширное пустое пространство.

Внизу у реки, куда уходила дорога, у подножия высокой и широкой плотины, перегородившей долину в самой узкой её части, как раз по левому краю вырубки, плескался узкий и длинный, вытянутый вдоль русла реки извилистый пруд. Площадью уже сейчас в несколько квадратных десятин, он, судя по высокому сухому гребню плотины, был далеко ещё не до конца наполнен водой. И по обоим берегам перегороженной реки

выделялась широкая полоса тёмной, перекопанной земли — не до конца расчищенное ещё будущее ложе водоёма. Там с чем-то возились несколько групп каких-то мужиков, увлечённо, с матом, засыпающих многочисленные ямы и ровняющих берега будущего пруда.

По противоположному его краю, на значительном удалении от русла, шла трёхсаженной высоты земляная насыпь с крутыми откосами и с устроенной поверху мощной деревянной крепостной стеной. От подножия откоса насыпи будущий пруд отделяла пока ещё широкая ничем не застроенная, полоса чистой земли — при нужде прекрасно простреливаемое пространство из нависающих над стеной бойниц верхнего стрелкового яруса.

Весь верх стрелковой галереи был перекрыт широким крытом щепой навесом, защищённый от пожара пятивершковым слоем плотно утрамбованной глины.

По гребню плотины шла широкая, хорошо накатанная дорога, другим своим концом упирающаяся прямо в надворотную башню оборонительной стены завода с узкими въездными вратами. И над плотиной, над всем обширным комплексом заводских построек впечатляющим колоссом возвышалась высокая, массивная сама надвратная башня, резко выделяясь на общем плоском фоне.

От плотины въездную башню отделял широкий, пока ещё сухой ров, с перекинутым через него подъёмным деревянным мостом с толстыми, массивными железными цепями по краям.

Фактически, это был не завод, а большое и серьёзное военное укрепление, способное при нужде выдержать сильный штурм.

— Жаль, что так до сих пор и не достроили.

— Что? — рассеянно повернулась к Маше Изабелла.

— Жаль, говорю, что не достроили, — Маша, первой нарушив молчание, с сожалением покачала головой. — Денег, зараза, эта стройка жрёт немеряно. А на все другие стройки не хватает. Вот и приходится ужиматься. Да и с мастерами проблема, — обречённо махнула она рукой.

— М-да, — потрясённая баронесса острожно выдохнула воздух, поражённая величественностью представшего перед ней сооружения. — Ну вы и отгрохали себе винокуренный заводик. Да тут впору устраивать княжескую резиденцию, а не гнать эту вашу водку.

— Да уж, — как-то неопределённо, но явно недовольно поморщилась Маша. — Мужиков нельзя одних оставлять на каком-либо деле. Стоит на секунду отвлечься, как сразу самое простое деловое предприятие превращают в военные игрища. Ну спрашивается, зачем надо было городить такие высокие стены,

чуть ли не под шесть метров высотой, да ещё на трёхсаженном земляном валу, набитом внутри дубовыми срубами и засыпанными тяжеленными валунами? Разве нельзя было обойтись простым тыном из кольев по простому земляному валу, как здесь везде у всех и принято. Или эта их здоровущая башня, в которую мой дрожайший муженёк превратил самую обычную, рядовую водокачку?

Зачем спрашивается, — гневно уставилась она на Изабеллу, на секунду забывшись с кем разговаривает. — Теперь всего то и не хватает для полного превращения простенького заводского комплекса в неприступную крепость лишь второго рва с водой с другой стороны крепости, замкнувшего бы по периметру пояс оборонительных стен. Да ещё трёх оставшихся по плану угловых башен, подобных надвратной. Там, где пересекаются неравномерные выступы стен заводских построек, — уточнила она ткнув куда-то в пространство перед собой рукой. — Вот тогда бы окончательно был бы не наш завод, а настоящий кремль.

Слава Богу у моего Корнея карманные деньги кончились, — сердито проворчала она. — А то бы он тут такого наворотил.

Ну кому, спрашивается этот монстр нужен. Кому нужно нападать на этот плёвый заводик? — раздражённым голосом спросила она. — Столько сюда вбухано, столько вбухано, — Маша с сожалением поцокала языком. — Да, только для того, чтобы оправдать такие большие первичные затраты, чтобы, хотя бы окупить уже готовые стены, — Маша, с раскрасневшимся от гнева лицом, принялась яростно размахивать руками, указывая в сторону крепости, — заводу потребовалось работать чуть ли не пол года, — раздражённым голосом, заметила она. — Представляете, баронесса, и полугода не прошло, как его запустили, а он только только вышел на самоокупаемость! Пол года! Даже ещё не вышел, а только-только выходит! — вконец разозлившаяся Маня потрясла перед носом баронессы сжатым в кулак кнутом, которым она подстёгивала лошадей. — Как будто нам некуда деньги девать.

— Пол года? — ахнула баронесса.

— Да! — кивнула головой злая Маша. — Целых пол года! И это, не считая других сооружений, которые ещё до конца не то, чтобы не окупились, но даже ещё не построены. Даже ещё не начаты! Та же плотина с прудом не готовы. А мельницы? А водоподъёмные машины? А пруды-отстойники для очистных сооружений? А котельная? А где те угловые башни, подвалы которых можно было бы использовать для хранения готового продукта. Нету!

Впрочем, как и много прочего, прочего, прочего, — сердито

проворчала она, понемногу успокаиваясь. — А тут ещё эта дурацкая блокада на реке, пустившая на дно всю нашу речную торговлю. Теперь приходится водку вывозить обозами через перевал, да ещё платить этот дурацкий налог пиратам. Сидор в Восточном Приморье как ни старается, а всё одно там всё продать не может. Ещё толком не развернулся.

— Такими темпами, дай бог, если к следующему году выйдем хотя бы на полную самоокупаемость, а пока что даже до конца не вернули всех вложенных средств. А ещё строить и строить, и строить, — безнадёжно махнула она рукой…

— Пол года, — потрясённо качала головой баронесса, не обращая на ворчание Маши ни малейшего внимания, — Пол года, — снова повторяла, и повторяла она.

— Да что с вами, баронесса? — наконец-то заметила её состояние Маша. — Что это вы всё головой киваете, да повторяете, как попугай: "Пол года, да пол года"? Ну пол года, ну и что? Чем это вас так затронуло?

— Какая же доходность должна быть у этого предприятия, если такие чудовищные стены и такие огромные вложения оно окупает всего лишь за пол года? — широко раскрытыми глазами, баронесса потрясённо смотрела на банкиршу, судорожно вцепившись в дверцу коляски.

— Да ерунда, — удивлённо посмотрела на неё Маша. — Не такие уж это и мощные стены. Вот если бы они были каменные, или кирпичные, вот тогда бы я ещё с вами согласилась, что это дорого. А так ведь, это же простой местный дуб, который ровным счётом ничего не стоит. Не считая, конечно, вложенного труда. Да и завод этот, далеко не самое выгодное дело, затеянное нами за последний год. Те же лошади, что мы купили весной, принесли нам гораздо больше, чем один этот маленький заводик.

— Маленький?!

Изабелла недоумённо покосилась на Машу, как на какое-то чудо. Присмотревшись более внимательно к наплывающим на них высоким стенам приближающего завода, она осторожно уточнила:

— А у вас что, есть ещё больше?

— Ну, да, есть, — несколько озадаченно глянула на неё Маша. — Точнее нет. Пока нет, пока ещё только строятся. Кажется, три или четыре, сейчас точно не припомню, поскольку не я этим занималась. Да плюс ещё на перспективу готовятся несколько площадок под будущее строительство. На том же горельнике надо будет скоро строить действительно большой винный завод по переработке шишко-ягоды. Столько ягоды, сколько мы там планируем получать, на таком винзаводе, как этот, надо будет обрабатывать лет десять, не менее. В долине,

опять же, надо что-то решать с переработкой ягоды. Не везти же её через болото.

— Ну, это, правда, если заниматься там производством, а не оставить всё под питомник, как нынче есть.

— Да вы, баронесса увидите, что сейчас это скорее всего хранилище зерна поставщиков, чем собственно завод, — недовольно проворчала Маша, поневоле заново раздражаясь. — Но, в конечном итоге, думаю, в течение этого года — штук пять, шесть заводов наверняка поставим.

— Да что с вами, баронесса?

Маша, заметив, что баронесса её практически не слушает, глядя вперёд круглыми от изумления глазами, озадаченно посмотрела на неё и, недоумённо проследив за тем, куда та смотрит, снова переспросила, невольно настораживаясь:

— Да что с вами происходит, баронесса? Можно подумать, что вы никогда винокуренных заводов не видели.

— А вы, госпожа банкирша, когда-нибудь видели наши винокуренные заводы?

Изабелла, повернувшись к Маше, смотрела на неё холодным, внимательным взглядом.

— Да как-то раньше не приходилось видеть, — озадаченно откликнулась Маша. — Откуда?

Внимательно посмотрев на Изабеллу, и прикинув что-то в уме, Маша, видимо пришла к какому-то определённому выводу и с решительным видом произнесла:

— Баронесса, а с чего это вдруг такая реакция? У вас что-то не так с вашими заводами?

— Да с заводами всё не так, — обречённо махнула баронесса рукой. — Я вообще, о другом, — Изабелла, на миг, замялась и, тяжело вздохнув, продолжила, — Пожалуй, только теперь, увидев этот ваш "маленький" заводик, я, кажется, начинаю понимать, что моё баронство господину Вехтору, и вправду, было совершенно ни к чему. Раньше, сколько он меня ни уверял в обратном, что только какая-то, как он выражался, "производственная необходимость" заставила его принять баронский титул, я ему не верила. У меня даже в голове не укладывалось, что кому-то может быть просто не нужен мой титул, что его могут купить лишь просто так, лишь для того, чтобы потом свободно, не привлекая враждебного внимания амазонок, прикупить себе пару тысчонок каких-то лошадей. Что главное не титул, а лошади.

— Невероятно! Как же наш род пал.

— Какое-то время в коляске стояла тишина, нарушаемая только поскрипыванием рессор, шелестом шуршащего под колёсами песка, да доносящимся издалека едва слышными

матюками корчующих пни мужиков. Только баронесса, с растерянно недоумённым видом сидела молча и задумчиво кивала головой каким-то своим грустным мыслям, в состоянии какой-то рассеянной прострации, как бы сама не веря в то, что только что сказала.

Маша, грустно глядя на задумавшуюся баронессу, негромко заметила:

— Говорила я вам, говорила, что титул ему практически навязали, что его просто заставили принять баронский титул на общем собрании нашего клана, а вы, значит, мне так тогда и не поверили, — грустно заключила Маня. — А ведь это я фактически заставила его принять этот баронский титул. Чтобы он не лез к моему Корнею с этой женитьбой и лошадьми. Чтоб не отвлекал его от преподавания в Учебном центре. Ну, да ладно, — махнула она рукой. — Дело прошлое. Может, хоть эта поездка убедит вас в обратном.

— Однако не будем отвлекаться, — вернулась она к деловому тону. — У нас на всё про всё есть только пара, тройка часов, чтобы успеть вернуться обратно до темна. Действительно, что-то я сегодня с утра задержалась, — посетовала она. — А уже чай не лето, дни короткие. Да и выехали мы сегодня явно поздновато.

— Так что надо попытаться с инспекцией уложиться в светлое время. Опять спешка, — грустно констатировала она. — Но иначе, придётся оставаться здесь ночевать, а мне бы этого не хотелось. Дочка маленькая дома ждёт, да и муж беспокоиться будет.

— Впрочем, вы можете здесь и одна остаться. А завтра с утречка, не торопясь, вернётесь. И лошади, и коляска на заводе найдутся, да и охрана у вас своя. Гостевой домик здесь тоже есть и довольно таки уютненький. Мы раньше с Корнеем часто, бывало, здесь на ночь оставались, пока шло строительство крепостной стены.

Отвернувшись в сторону, Маша мечтательно улыбнулась каким-то своим счастливым воспоминаниям.

— Нет, спасибо за приглашение, — покосилась на неё баронесса. — Но я уж, как-нибудь и у себя дома переночую.

Проскочив подъёмный мост, через подъездной ров с виднеющимся на дальнем левом конце рва большим водяным колесом недостроенной мукомольной мельницы, они попали в полумрак проезда надвратной башни и теперь колёса тихо постукивали по широким плахам пустынного, тёмного проезда. Едва выехав на свет, коляска неожиданно снова попала в длинный, узкий проход, образованный двумя глухими стенами стоящих по бокам проезда высоких деревянных строений, с нависающими над проезжающими широкими стрелковыми

гульбищами второго яруса.

Не успела Изабелла понять, куда они попали, как коляска, выскочив на небольшую площадь, образованную торцами стоящих по кругу домов, медленно подкатила к высокому, изящному деревянному терему, стоящему прямо напротив въездных врат.

— Маша!

Первым подскочивший к коляске высокий, сутулый молодой мужик в ярко красных штанах и в роскошном, двубортном зелёном пиджаке, надетом прямо на голое тело, безтолково суетясь, орал, аж захлёбываясь от восторга.

— Маша! Наконец-то, — молитвенно сцепив ладони перед грудью, он яростно потряс ими, закатив глаза высоко вверх. — Наконец-то, Бог услышал мои молитвы, — снова возопил он с истерическими нотками в голосе. — Сделай ты хоть что-нибудь с этими иродами. Опять по килограмму не довезли, поставщики хреновы. Зерна полно, а мы снова стоим. Второй день стоим. Мочи моей больше нет. Я их когда-нибудь убью. Всех. Разом. Кривым и ржавым тупым ножом, чтоб дольше мучились. Может, тогда они поймут, каково это стоять, смотреть на полные лари… И ни хрена не делать! — громко, с нотками истерики в голосе заорал он.

Маша, видимо привычная к подобным встречам, с виноватым видом посмотрела на Изабеллу, и постаралась незаметно отодрать судорожно вцепившегося в край её платья длинные и сильные пальцы мужика.

— Хорошо, хорошо, Александр Степаныч, — несколько раз кивнула она ему головой. — Хорошо! — оттолкнула она его руку в сторону. — Не надо так волноваться. Что-нибудь придумаем. Для того, собственно, и приехали. Кстати, познакомьтесь, — повернулась она к баронессе, указывая на неё рукой, — Изабелла де Вехтор, жена нашего Сидора. Александр Степанович Степной, — управляющий всего этого комплекса, — повернулась она обратно к мужику в роскошном пиджаке.

— О-о-о!

Восторженный вопль весьма странного управляющего, распугал окрестных ворон, до того спокойно сидевших на крышах окружающих заводскую площадь высоких амбаров.

Несчастная баронесса даже съёжилась от неожиданности, шарахнувшись в угол коляски. Явно не ожидая столь бурных восторгов и поздравлений по случаю нового знакомства, она с широко распахнутыми от изумления глазами пережидала накатившую бурю.

Немного ошарашенная и ещё больше смущённая, Изабелла, едва придя в себя после взрыва восторгов управляющего,

поторопилась укрыться за спиной Маши.

— Госпожа Изабелла, госпожа Изабелла, — не дав ей встать с места, управляющий ужом втиснулся к ним в коляску и, оттеснив Машу в сторону, страстно вцепился в её руку.

С улыбкой блаженства на лице, яростно её тряся, не давая подойти к ней никому из остальных встречающих, он продолжал кричать, расплывшись в счастливой улыбке клинического идиота.

— Рад! Чертовски рад! Наконец-то мы вас увидели, а то только слухи до нас доходят, что мол, женился наш Сидор, а жены то его так до сих пор никто и не видел. А тут вы. Сама! Лично! Рад! Очень рад! Сидор счастливчик, — смотрел он на баронессу влюблёнными глазами, тараторя безумолку. — Он мерзавец. Он от всех вас скрывал, и я его теперь понимаю. Вы такая! Такая!… Такая красивая, такая изящная, такая…, - закатил он в экстазе глаза к небу.

— Так, всё! — стараясь перекричать поднявшиеся восторженные поздравления, заорала отчаянно Маша. — Хватит, кому говорят! Вы совсем замучаете бедную девочку, а мне ещё завод ей показывать.

— Сашка! — оборвала она управляющего, собравшегося ещё что-то добавить такое же восторженное. — Иди делом займись. Пожрать чего-нибудь сообрази, а то мы с утра во рту маковой крошки не держали. Жена твоя известная мастерица, так что беги, готовь угощение. Ну, а мы тут уж без тебя по заводу пошныряем. Потом то к тебе обязательно заскочим пообедать, ты, главное, не волнуйся. Как только всё покажу, так сразу и к вам.

— Бегу, бегу, бегу!

Управляющий, как бы опамятавшись, бросился расталкивать весело гудящую толпу из своих домочадцев и работников завода.

Разогнав всех по рабочим местам, он дал возможность Маше с Изабеллой свободно вздохнуть и наконец-то выйти из коляски.

— Сашка здешний директор, или по-местному — управляющий, — Маша кивнула в сторону наконец-то скрывшегося в тереме мужика. — Специалист, просто чудо. Нам очень повезло, что он согласился с нами работать. Но, как и у всякого чуда есть у него и свои тараканы в башке. Не любит он почему-то рубашки, — пояснила она. — Терпеть их не может. Сколько их ему не дарили, не носит. Зима, лето — неважно. Жена с ним борется, борется, всё безполезно, — расстроенно развела она руками. — А вот пиджаки, просто обожает. И чем ярче расцветка, тем лучше. Прям, попугай какой-то, — усмехнулась она по-доброму. — У него этих пиджаков штук двадцать, наверное, если не больше, на все случаи жизни. Вот, увидишь, когда будем уезжать, он уже будет в другом. Наверняка в

красном, или жёлтом, под хорошее настроение, — усмехнулась она.

— Ну-с, — в радостном предвкушении потёрла она ручки, поворачиваясь в сторону заводских корпусов, — приступим.

— Прошу, — простёрла она руку вперёд, на манер легендарного Ильича. — Перед вами, дорогая баронесса, казармы охраны и казармы рабочих, которые пока, временно проживают на территории завода, или, если вам так хочется называть её, крепости.

— Потом, со временем, выше по реке мы планируем строительство большой деревеньки для рабочих завода. Уже и место присмотрели. А освободившиеся казармы под какие-нибудь цеха приспособим.

Маша, с видимым удовольствием указала на те два самых больших двухэтажных терема, стоящих по бокам ведущего от надвратной башни к терему проезда, и так неприятно поразивших вначале баронессу.

— Как видите, сударыня, — гордо заявила она, — из ворот крепости попасть на территорию завода, можно только проскочив узкий проход между двумя высокими глухими стенами. А это весьма и весьма проблематично, — кивнула она на стрелища второго яруса, нависающие над проездом.

— Это, — Маша повернулась налево, — наши складские корпуса, — указала она на огромные, двухуровневые амбары, высящиеся с левой стороны от въездных врат. — Там собирается и хранится зерно, поставленное нашими поставщиками.

— До момента, когда можно будет его загружать в бродильные чаны, — протянула она руку направо, указывая на другое, внешне точно такое же здание. — Там бродильное отделение, цех перегонки, очистки, разлива, упаковки, и прочие, прочие, прочие службы, — небрежно кивнула она в ту сторону.

— Но! — усмехнулась Маша. — Начнём мы экскурсию с так понравившейся тебе надвратной башни. Потом пройдёмся по внешним стенам, посетим казармы с рабочими и в конце займёмся собственно заводом. А вот там, — Маня заговорщицки подмигнула Изабелле, — начнём мы со складов. С самого, так сказать, начала. Это, к тому же, самое интересное место. Оно так здорово устроено, что посмотреть его следует обязательно.

Следующий час с лишним Маша безжалостно таскала баронессу по всей крепости, залезая буквально во все дыры. Они облазили всё. И надвратную башню, сверху донизу, где Маша с гордостью продемонстрировала Изабелле большой металлический водонапорный бак будущего водопровода, и почему-то разобранную большую водоподъёмную машину,

сконструированную Сидором заодно с профессором и мастеровыми из города, но так и не введённую до сих пор в работу. Чего-то там не хватало, но Маша не знала точно чего, так что не стала акцентировать на том внимание, быстренько проговорив это скороговоркой.

И мукомольную мельницу показала, тоже, кстати, пока недостроенную. И многое, многое ещё чего, такого же для любой женщины интересного.

Потом они прошлись по всем крепостным стенам всего оборонительного периметра завода. И по низу, по галерее, где Маня показала ей готовые каменные фундаменты с большими подвалами, под будущие угловые башни. Укрытые сверху временной кровлей они были пока временно законсервированы. И по верху прошлись, по стрельбищу, долго постояв на смотровых площадках наблюдателей, полюбовавшись окрестностями.

И широкий, сухой пока ещё крепостной ров Маша Изабелле показала, с противоположной от речки стороны крепости, где они собирались устраивать отстойники завода, чтобы не загрязнять реку. И даже рукой махнула куда-то в сторону, выше по реке, показывая предполагаемое место расположения будущей деревни рабочих этого завода.

И лишь после того, как Маня посчитала что любопытство баронессы должно было быть полностью удовлетворено, она с уверенным видом направились к заводским корпусам, хвастаться уже собственно цехами.

Здесь она, как говорится, вывернулась буквально наизнанку и показала Изабелле всё что только смогла. И огромные, расписные яркими красками деревянные лари для зерна, специально изготовленные таким образом, чтобы по рельсам можно было их легко и свободно перемещать и по амбару, и по всей территории завода, легко двигая по рельсам двухтонный короб под навесами, защищающими их от дождя и снега. И большие чугунные бродильные чаны с хлюпающей закваской, и огромные перегонные кубы с длинными змеевиками, правда, постаравшись побыстрее проскочить этот вонючий цех. И снова потащила её назад, к своим любимым хлебным амбарам. Тут они застряли надолго. Маша была в ударе и ей хотелось похвастаться. Поэтому вводная экскурсия сильно затянулась.

— А вот это въездной пандус второго уровня.

С гордым видом, Маша, как будто это она лично строила, ткнула пальчиком в пологий каменный наклонный пандус меж двух амбаров, ведущий на широкую площадку меж двух ворот второго яруса стоящих рядом амбаров.

— По ним любая лошадь свободно подымает телегу прямо к

ларям своих хозяев. Им только и остаётся, что разгрузиться в короб и всё, — гордо указала Маша на широкий и пологий прогон, поднимающийся вверх.

Поднявшись по пандусу на второй этаж, она поспешно затащила баронессу в распахнутые настеж ворота правого амбара и, ткнув сапогом в огромный, обшитый толстыми металлическими полосами деревянный короб, в который как раз какие-то мужики ссыпали зерно из стоящих рядом мешков, гордо заявила:

— А вот это и есть тот самый ларь под зерно про который я тебе столько всего рассказывала. Как видишь, ни малейшего труда не составляет его отогнать куда надо, — показала она на щуплого мужичка, в этот момент легко сдвинувшего с места тяжёлый, выше его роста двухтонный ларь и спокойно покатившего куда-то вперёд.

— Вот так его можно двигать по рельсам куда тебе только надо. Хоть на мельницу, если требуется на муку смолоть, хоть прямо в бродильные чаны.

— Ты не поверишь, как легко их опорожнять, — уверенным, деловым тоном частила она. — Для этого, практически, не надо затрачивать ни малейших усилий, — с восторгом нахваливала она найденное простое инженерное решение. — Ларь на колёсиках по рельсам, идущим над линией бродильных чанов, загоняется прямо в требуемое место, а потом, стоит только дёрнуть за рычаг, — Маша показала на большой рычаг с боку каждого короба, — и он моментом освобождает отверстие внизу этих ларей. И зерно сыпется прямо в бродильный чан.

— Всё устроено таким образом, что со всем этим справится и ребёнок. Единственная трудность, что короба первого уровня надо поднять над бродильными чанами — на второй уровень. Пока подымаем их вручную с помощью воротов. Но и здесь не сегодня, так завтра мы решим эту проблему. Автоматизируем, используем гидроэнергию пруда, как только он окончательно наполнится. Собственно, он для того и создавался.

Повернувшись к ней, Изабелла перевела вопросительный взгляд с коробов на Машу и неожиданно поинтересовалась:

— Никак не пойму. Почему я здесь не вижу подземные зернохранилища? Почему у вас нет больших подвалов? Это же прекрасное место для хранения. Никакой пожар не страшен, не то, что в этих деревянных сараях. Почему здесь нет каменных строений, одно дерево. Это же опасно. Сгореть всё может.

Изабелла, остановившись в воротах амбара, вопросительно посмотрела на несколько озадаченную её вопросом Машу.

— Изабелла! — Маша, остановившись рядом с ней,

недоумённо на неё посмотрела и с едва заметной смешинкой в голосе уточнила. — В нашем географическом регионе зерно не хранят в подвалах. В подвале, как ни вентилируй, а всё равно сыро. Всё-таки климат в этих краях не засушливый, и дождливых дней здесь гораздо больше, чем солнечных. Здесь под землёй, если что и можно хранить, то исключительно бочки с зельем вот этим. — Маша повернулась к штабелю со сложенными возле ворот амбара уже запечатанными бочками с готовой продукцией и постучала костяшками пальцев по крайнему в ряду бочонку. — Там, конечно, можно установить бродильные чаны. Даже наверняка, — хмыкнула она, на миг задумавшись. — Но уж никак не зернохранилище. Вот для них, — кивнула она на штабель, расположенный прямо под открытым небом, — неплохо было бы конечно расстараться, да отстроить несколько подвалов поглубже.

— Да уж больно всё что ты говоришь дорого. Может быть, как-нибудь потом. По крайней мере, после того как завод начнёт приносить прибыль. И не забывай, что у нас здесь климат более влажный, чем в ваших краях. У нас в подвалах сыро и зерно может заплесневеть.

— А пожар? — скептически глянула на неё Изабелла.

— Со временем переделаем, — холодно отезала Маша. — Но пока…, Маша с сожалением развела руками в стороны. — Увы.

— Так что технические проблемы хоть и есть, но решаются. Гораздо хуже другое, — неожиданно погрустнев, тяжело вздохнула она. — С самого начала у нас возник конфликт с поставщиками. Не заладились, так сказать, отношения. Вот они на нас с тех пор волком и смотрят.

— И что, большие проблемы? — вяло поинтересовалась баронесса, лишь бы поддержать разговор. Проблемы с личным отношением к местному населению её не интересовали ни в малейшей степени.

Выйдя вслед за Машей на улицу, они спустились по пандусу вниз к широко распахнутым воротам первого уровня. Присев на удобно стоящую в закутке возле ворот широкую изящную скамейку, с высокой прямой спинкой и резными подлокотниками, они обе с облегчением вытянули вперёд гудящие от усталости ноги.

Невольно щурясь после сумрачного цеха, они с удовольствием сидели, отдыхая и греясь в лучах яркого полуденного солнца, надолго замолчав и молча рассматривая заводской двор со снующими по нему рабочими.

— Когда только начинали строиться, у нас с поставщиками была предварительная договорённость, что они выступают соучредителями этого завода, — неожиданно тихо, без

вступления начала Маша. — Но они нарушили все договорённости по началу работ. Абсолютно все. Запили, загуляли. То свадьбы пошли косяком, то похороны, то вообще непонятно какие праздники, типа "Дня взятия Бастилии". Вот и пришлось их послать на Кудыкину гору, а на освободившееся место принять в соучредители Городского Голову. Чтобы не срывать сроки начала работ.

Вот и вышло, что если бы раньше они получали от завода процент с прибыли от произведённой продукции, то сейчас они простые поставщики. Мы им гарантируем сбыт их зерна и не более того. Теперь они на нас смотрят волком и не могут простить потерянных доходов. Так и гадят по мелочи.

— Так замените, — хмыкнула баронесса, — всего делов то.

— Некем. Всего делов то, — сердито бросила Маша, тоскливо обведя взглядом пустой заводской двор, как будто на нём могли появиться новые поставщики.

Своего то зерна у нас нет и не скоро будет. А от потребного для нормальной работы завода объёма, дай Бог если только треть где-то на стороне наскребём, остальное же поставки местных хуторян. Тех самых с которыми мы вдрызг разругались. Конечно, постепенно картина меняется. Когда завод строили, повырубали большие площади лесов. Древесину пустили частью на крепость, частью пережгли на древесный уголь, частью она ещё лежит в штабелях, ждёт своего часа. Дорогу в город тянем, мосты, переправы строим. Вырубку постепенно расчищаем, готовим под пашню. Так что, думаю к будущей весне у нас будет пахотных площадей не менее чем на половину требуемого объёма зерна. По крайней мере, зерно, собранное с наших земель, позволит нам поддерживать более, менее непрерывный цикл производства.

Но всё равно, — Маша с сожалением развела руками. — Чем больше обрабатываемые площади, тем больше и проблем с ними. Теперь земля есть, но за неё надо ещё и с городом рассчитаться, потому как не рассчитали и оказались в тридцативёрстной зоне прилегающих к городу земель. Придётся за неё теперь платить, чтоб перевести в собственность. Голова обещался помочь, — тяжело вздохнула Маша.

Представляю себе во что ещё нам выльется помощь одного из самых пронырливых людей города, — мрачно буркнула она.

Да и не кончатся на этом все наши проблемы. Ведь надо найти ещё и тех, кто стал бы её обрабатывать на наших условиях. А это самое сложное. Нет людей. Так что, нам в ближайшие пять, а то и больше лет, при всём нашем желании не произвести столько зерна, сколько за год может переработать один этот завод. Даже если будет готовая пашня.

А таких винокуренных заводиков у нас ещё в проекте несколько предусмотрено. И везде та же самая безрадостная картина. Правда, уже без проблем с землёй, учли предыдущий печальный опыт.

Нам, — грустно заметила Маша, — для нормальной работы зерна катастрофически не хватает. И если мы с нашими поставщиками ещё и окончательно рассоримся, то завод встанет совсем.

И, тем не менее, как мы ни прогибаемся под поставщиков, завод фактически стоит. Можно, конечно, обманывать себя, закрывать на это глаза, придумывая разные причины, отговорки, но факт имеет место быть, — неожиданно с тяжёлым вздохом, тихо добавила она.

— Так может, ты расскажешь поподробнее, что у вас здесь происходит? — внимательно посмотрев на неё, тихо спросила баронесса. — Если ничего и не посоветую, так хоть выговоришься.

— Видишь ли, Изабелла, — медленно проговорила Маша, посмотрев баронессе прямо в глаза. — Надеюсь, ты не будешь возражать, если я буду обращаться к тебе по имени?

— Не буду, — кивнула головой Изабелла. — Раз уж нам приходится тесно общаться, то лучше и обращаться друг с другом по имени.

— Хорошо, — согласно кивнула Маша. — Тогда, слушай.

— Основных условий нашего договора с поставщиками всего лишь три. Остальные вполне рядовая мелочь.

— Первое, самое главное условие, это невозможность использования поставленного сырья до момента его полной оплаты. По принципу, заплатил — пользуйся. Не можешь вовремя заплатить — плати штраф за срыв оплаты. Второе, это десятидневный срок оплаты выполненной поставки зерна.

— Третье — это уже с нашей стороны, так сказать им в пику. Оплата поставленного зерна только в случае его полной поставки. Уж больно здесь народ оказался необязательный. То понос у них, то золотуха, то ещё что. Вот мы и настояли включить этот пункт.

И поначалу, особенно первое время сразу после сбора урожая всё шло просто великолепно. Мы сразу завезли первую партию оборудования, построили первые сараи, хуторяне тот же час привезли первые партии зерна и дело завертелось.

А потом, начались трудности. Первой всплыла проблема со сроками и пошло…

Изабелла внимательно слушала, чуть склонив вправо к плечу голову.

— Срок поставок установлен в течение года. От жатвы до следующего урожая. Но как оказалось, это можно подразумевать

не как время сразу после обмолота и сбора урожая, достаточный для того чтобы выполнить взятые на себя оязательтсва перед заводом, а как долгий ленивый период от конца жатвы и вплоть до первого дня жатвы следующего года.

Видишь ли, сроки поставок ни с кем конкретно не обговаривались, поскольку, как бы с самого начала предполагалось, что все заинтересованы в скорейших поставках зерна, и естественно быстрейшего получения прибыли.

А оказалось, всё далеко не так. Оказывается, поставщики не заинтересованы в выдерживании графика поставок. Потому что для них его как такового вообще не существует. Они даже слов оказываются таких не знают — график поставок. Им важна обязательность оплаты и определённость по срокам получения денег за сырьё. Всё!

Интересная тут сложилась практика. Они заранее завозят большую часть зерна и хранят её на складах завода столько, сколько им требуется, фактически ничего за это не платя. То есть мы им по условиям договора как бы обеспечиваем хранение произведённого зерна. Дармовое заметь.

Поди, как удобно, — недовольно проворчала Маша. — Пока нет всего объёма, никто его ларь не трогает. Бывает и так, что до нужного количества партии не хватает буквально одного килограмма. Во! — раздражённо воскликнула Маша, яростно размахивая руками, — совсем, как сейчас. Амбары битком забиты зерном, но ни у одного из поставщиков договора поставок не закрыты. Завод стоит, а они какую-то часть зерна от договорного объёма не довозят месяцами, под совершенно дикими предлогами. То одно, то другое, то третье. А в последнее время вообще перестали давать объяснения. Нет, и всё. У нас убытки, а им хоть бы что. Им нужны деньги к определённому моменту. Сейчас вот, например, свадьбы у них пошли. А потом будет масленица. Вот они к началу праздников и подгадывают.

А в последнее время это стали платежи амазонкам и ящерам за контрабанду. Я иногда думаю, что именно поэтому на наш завод за все полгода его существования ни разу и не нападали, ни ящеры, ни амазонки.

Получается, что мы их как бы резервный, страховой фонд.

Или вот тебе, пожалуйста, случай, прекрасно характеризующий сложившееся положение.

Три месяца назад, Сашке Игнатову амазонки спалили хутор за какие-то его перед ними провинности. Так он перезанял два мешка зерна, что нам недопоставил и получил деньги сразу за всю партию. Ну и мы ему естественно сразу навстречу пошли, как погорельцу. На другой же день всё быстренько оплатили. Он на

эти деньги живо отстроился и теперь живёт в тереме лучше прежнего. А если бы он заранее к нам не вывез своё зерно, то сейчас бы бедствовал как многие в городских казармах для переселенцев.

А после него так и пошло, — Маня в раздражении потеребила полу своего платья. — Как отрезало. Ни один хуторянин после того случая так до конца по объёмам и не рассчитался. Привозят почти всю партию, но не до конца, а как деньги дома кончаются, тут же тащат буквально один мешок, а потом нагло требуют деньги за всю партию, поставленную ещё два месяца назад. Никакого графика, никакого порядка. Полное чёрте что творится.

У них никакой головной боли с сохранностью зерна, а ты вертись как хочешь. Охрану содержи, стены крепостные строй, мельницу для них мукомольную строй, потому как своей ни одной у них в округе нет. Всё чего им здесь не хватет строй, и по первому их требованию за всё сразу плати. Прям дед Мазай, чес слово.

Как видишь, наша пунктуальность имеет ещё и обратную сторону.

Дальше больше, — возмущённо вскинулась Маша. — Естественно зерна начинает не хватать для нормальной работы и естественно мы начинаем обращаться к поставщикам с предложением воспользоваться хотя бы частью их уже завезённого зерна. Те со скрипом, но соглашаются. Но требуют чтобы мы дополнительно оплатили штрафы за использование чужого сырья до момента окончательного с ними расчёта. Приходится платить, чтоб завод окончательно не остановился.

Дошло до откровенного безобразия. Даже Голова уже включился в этот их новый заработок. Совсем недавно предложил нам заём под процент, чтобы мы расплатились с нерадивыми поставщиками в положенный срок. Каково? — Маша злыми, белыми от бешенства глазами смотрела не видя на баронессу.

— Ну и что вы ему ответили? — заинтересовавшись, Изабелла внимательно глядела на неё. — Заработал он на задержке поставок?

— Щаз! — криво ухмыльнулась Маша. — Так я ему и позволила. Кто угодно, только не он. Да и всегда можно найти скрытые резервы.

Интересное в тот момент у него было выражение лица, — невесело проговорила Маша, с задумчивым видом теребя кончик своего платья. — Не лицо, а рожа, на которой, аршинными буквами написано разачарование. Компаньён, блин!

Так что, дорогая Изабелла, проблема такая есть и как из неё выкарабкиваться, я пока не знаю. Других поставщиков нет и нам

некем их заменить.

Конечно, местных мужиков понять можно. Зачем держать зерно или деньги у себя дома. Тот же пожар, или набег, или град, понос, золотуха, — поморщилась она. — Можно разом всё потерять. А тут всё под надёжной защитой. Одной охраны только сорок человек держим. Ужас! И это, не считая собственно рабочих, которых тоже не менее десятка. А если посчитать людей с ближних хуторов, что при нужде тут же стекаются в крепость, то под сотню бойцов тут точно набирается. А это уже серьёзная сила. Тем более что обычно шайка что ящеров, что амазонок не превышает полусотни, а то и меньше, — Маша с рассеянным видом так и продолжала пальчиками теребить свой подол.

Ну а понадобились денежки, подвёз пару мешков на завод и не позже чем через десять дней, денежки получил. Удобно, — Маша раздражённо хлопнула себя по колену. — Столько денег замороженных мёртвым грузом в кассе лежит без движения, а им плевать.

Особенно погано стало, как амазонки ввели эту их блокаду, — резко повернулась она снова к Изабелле. — Обороты сильно упали, а у нас куча средств фактически заморожена. Ни туда, ни сюда. Деньги должны вертеться, работать. Только тогда от них есть прок. А здесь они лежат мёртвым грузом, — Маша с презрительной гримасой на лице, пренебрежительно махнула рукой. — Даже если это золото, толку от него чуть.

— Значит, зная примерные сроки поступления наличных денег в банк и размер оборотных средств в кассе, можно организовать дело так, что вас можно и разорить? Или, как Голова, предоставить вам кредит с суммой выплат по процентам заведомо ниже возможных убытков, и таким образом ещё и заработать на вас. Пусть не так много, но ведь заработать же. Или, как эти хитрые поставщики, вынудить фактически увеличить закупочную цену зерна на сумму штрафов, — с любопытством посматривая на Машу, Изабелла недовольно покачала головой. — Ловко.

— Интересная мысль, — вздрогнула от неожиданности Маша.

Очнувшись от своих грустных дум, она посмотрела на Изабеллу холодным, заледеневшим сразу взглядом.

— Что-то с такой точки зрения я на эти наши договора даже не смотрела. А ведь и правда, — прищурив сердитые глаза, задумчиво пробормотала она. — Так ведь на нас можно и денег заработать. И хороших денег.

Но чтобы разорить, — задумчиво процедила она едва слышно, — это ты уж чересчур. Кишка тонка. Перед сезоном сбора урожая собирается специальный фонд для сезонных

закупок. Из него и производятся все выплаты. И суммы там намного большие, чем требуется для закупок зерна для одного такого вот завода

Но сама идея твоя интересна. После твоих слов, я вообще смотрю на этот наш договор совершенно с другой стороны. Скооперировались, блин, — Маша едва слышно, зло выругалась. — Всё здесь и так висит на соплях, а тут ещё эти… кооператоры упражняются в изыскании дополнительных заработков.

Вскочив, Маша в раздражении стукнула кулачком по стенке амбара и в сильном возбуждении несколько раз прошлась из стороны в сторону перед сидящей на лавочке Изабеллой.

— Ладно, — раздражённо махнула она рукой, — пошли дальше осматривать завод. Хотя ничего нового ты там уже не увидишь. Но осмотреть всё равно надо, чтобы у тебя не сложилось совсем превратного представления о заводе.

Изабелла улыбнулась, глядя на возбудившуюся, красную от злости Машу и неспешно поднявшись медленно двинулась за убежавшей вперёд Машей, внимательно присматриваясь ко всем в изобилии разбросанным повсюду диковинам, на которые та не забывала ей указывать.

— Извини, Маша, — снова обратилась она к ней чуть погодя, сразу прервав поток её красноречия. — Меня всё мучает один и тот же вопрос. Зачем вам столько ларей для хранения зерна?

Тяжело вздохнув, Маша с обречённым видом, великомученицы повернулась к Изабелле и принялась заново объяснять:

— Каждый ларь, это своего рода эталонная расчётная единица. Это ёмкость строго определённого объёма. На этот объём рассчитана вся технологическая цепочка завода.

Он заполняется от каждого конкретного поставщика. Ведь в расчёте на конкретных людей завод и строился. Каждый такой поставщик привозит зерно к нам в амбар и пока не заполнит все свои лари заранее оговоренным объёмом зерна строго определённого сорта, его зерно не трогают. И естественно не оплачивают, чтоб быстрей привёз остаток.

Как только заполнил, поставку тут же оплатили и дальше уже зерно участвует в процессе производства. Но до тех пор пока в ларе не хватает хотя бы одного килограмма зерна, использование данного конкретного ларя может разрушить всю технологичемкую цепочку.

Наше производство ценно именно высоким качеством выпускаемой продукции. Именно это нам позволяет держать высокую цену на произведённый продукт. И именно из-за

высокого качества произведённого продукта у нас и нет отбою от покупателей. У других проблемы есть, а у нас нет.

В этом деле нет мелочей. Любая пересортица резко снижает ценность конечного продукта. И чтобы этого не допустить мы и пошли на подобное разделение. У одного пшеница твёрдых пород. У другого — мягких. У третьего — рожь, у четвёртого пшено. И так до бесконечности.

Короче, не будем вдаваться в детали, поверь мне на слово — такой подход обусловлен сложившейся технологической цепочкой. И мы просто вынуждены так поступать.

Понятно? — покровительственно улыбнулась она.

— Нет, — с усмешкой бросила Изабелла.

— Как нет, — растерялась Маша. Улыбка сползла с её лица.

— Не проще ли вести учёт поставок на бумаге, как все и делают, а не в ларях, — пожала плечами баронесса. — Бумага же места меньше занимает. Зачем зерно каждого поставщика держать по отдельности. Один ларь полный, а рядом стоит десяток полупустых. К чему это? Ссыпайте поочерёдно в короба и по мере заполнения сдавайте на хранение, если вам зачем-то надо его хранить. Сразу сколько коробов освободится, а соответственно и места.

— Не пойдёт, — с сожалением покачала головой Маша. — Зерно ведь всё разное. Есть рожь, есть пшеница разных сортов. Всё разное. Соответственно совершенно разный конечный продукт. А мы тем и славны, что у нас продукт строго определённого качества.

С самого начала мы взяли за правило выдерживать высшее качество произведённой продукции, — снова сбилась она на менторский тон. — И этим же можно объяснить столь высокую доходность данного предприятия. Другие стоят, спроса нет, а у нас в воротах упаковочного цеха расхватывают.

А менять отработанную технологию, — Маня с сожалением покачала головой, — очень дорого. Пока мы этого не потянем. Да и несчастного профессора просто физически на всё не хватает. Кто кроме него этим сможет заняться?

Внимательно посмотрев на неё, Изабелла разочарованно хмыкнула. Из того, что Маша ей наговорила, она ничего не поняла. Кроме одного. Та не хочет ничего менять, чтобы ей ни говорили.

— Ну и почему бы вам, хотя бы для начала, не собирать зерно по сортам, а не по хозяевам? Проще говоря, один цех под один тип сырья, другой под другой и так далее. Тогда и никакую технологическую цепочку перенастраивать не надо. Одно сырьё, ну, там, рожь, пшеница, хоть и от разных поставщиков, но даст

один продукт на выходе. А что до хозяев, то какое вам до них дело.

Или ещё проще. Разбить всю технологическую цепочку на ряд отдельных процессов, на выходе из которых получать продукт строго определённого качества. Где уже не будет иметь значения, какое зерно вы туда засыпали, рожь или пшеницу.

— Вот у нас, в замке, был горшечник. Так он говорил, что если глина плохо замешана, то из неё не сделаешь хорошего кувшина, сколько ты его не поливай глазурью. Если глина хорошо замешана, но плохо слеплена, то из хорошей глины не получится красивого кувшина. Если глина хорошо замешана и красиво слеплена, но полита плохой глазурью, то из её и в этот раз не выйдет хорошего кувшина. В процессе создания хорошего кувшина нет ни одного маловажного этапа, на котором можно было бы схалтурить.

— Вот и профессор что-то подобное говорил, — задумчиво посмотрела на неё Маша. — Что-то о необходимости контроля каждого звена в технологической цепочке. Может, действительно отказаться от разделения поставщиков? — задумалась Маша. — Тогда, по крайней мере, больше места освободится, — задумчиво хмыкнула она.

— А насчёт поставок совсем просто, — недоумённо посмотрела на неё Изабелла. — Зачем вы принимаете зерно, когда оно привезено не полностью?

— То есть как? Как это зачем? — удивлённо посмотрела на неё Маша. — Затем, что, мы просто обязаны его принять, — мрачно буркнула она. — По договору. И потому ещё, что боимся потерять поставщиков.

— А вам нечего терять, — Изабелла раздражённо передёрнула плечами. — У вас ничего нет. Завод стоит. Сырья полно, а завод стоит — значит — сырья у вас нет. А раз нет, то зачем хранить то чего нет.

— Чего? — недоумённо уставилась на неё Маша. — Ты повторить можешь что сказала? — ухмыльнулась она. — Только помедленней и почётче. А то я что-то мысль твою не уловила.

— Если поставщик привёз какой-то объём зерна, а вы не можете им воспользоваться, значит его для вас нет и он вам не нужен. Значит пусть разворачивается и уматывает туда, откуда явился, — ледяным тоном отрезала баронесса. — Всё!

— Сейчас нет, потом есть, — вскипела Маша.

— Никакого потом для вас нет, — отрезала Изабелла. — Я вам на двух пальцах показала как вас можно в один момент разорить. А вам нужны ещё примеры. Может хватит?

Мне уже понятно, что как только вы окончательно

отстроитесь, вас разорят. И не сделали этого до сих пор по одной единственной причине. Ваше производство отстроено в лучшем случае на треть. Башни крепостные угловые ещё не готовы. Мельница не готова. Очистные сооружения не готовы. Оборудования, многого, которое ещё требуется, даже не завезено. Всё связано на живую нитку, тяп-ляп.

Но лично я, даже в таком виде постаралась бы его у вас отобрать. Тем более что у вас явно забуксовал процесс строительства. А операция по захвату чужого имущества не терпит даже малейшей остановки. Уж я то знаю. Сама от таких охотников настрадалась. Так что скоро вам следует ожидать попытки захвата. Готовьтесь, — ухмыльнулась хищно Изабелла. — Судя по тому что у вас здесь творится, ждать вам осталось недолго. Месяц, два и начнётся.

Или ты считаешь что я не права? — ледяным тоном спросила Изабелла.

Зачем вам надо предоставлять свои амбары для бесплатного хранения? — Изабелла сердито смотрела на Машу.

— Ну…, - Маша, как-то растерянно глянула на неё. Немного запинаясь, неуверенно заметила. — Чтобы не останавливаться. Чтобы, так сказать, не терять темп. Чтоб всегда под рукой было зерно. Во всяком случае, если очень надо, то можно и договориться с поставщиками о временном использовании их сырья. Так сказать, в долг.

— Ну да, — хмыкнула Изабелла. — И заплатить лишние деньги за нарушение именно вами условий договора. Вы очень богаты, Марья Ивановна Корнеева? Настолько богаты что готовы выкинуть на ветер немалые деньги вообще непонятно за что?

— Выходит что так, — недовольно поморщилась Маша.

— Думаю здесь нет никакой проблемы, — внимательно глядя на Машу, решительно проговорила Изабелла. — Вопрос только в вашем желании или нежелании конфликтовать с поставщиками.

— Что ты имеешь в виду? — настороженно повернулась к ней Маша.

— Первое и самое главное. Вы должны для себя понять, что ваш завод фактически не работает. Он у вас стоит, — серьёзно глядя на Машу, отрубила баронесса. — Что толку с того, что у вас амбары забиты зерном, если вы не можете им воспользоваться.

— Ну, это ерунда, — неуверенно отмахнулась от её слов Маша. — Ты же видела, сколько зерна в тех ларях. Считай, что на весь год мы уже сырьём обеспечены. А поставщики что, никуда они от него не денутся. Довезут остаток, и можно будет дальше работать.

— А пока будете стоять? — скептически хмыкнула

Изабелла. — Хранить, оберегать, защищать. Вывести из оборота и омертвить в кассе огромную кучу денег, чтоб можно было сразу расплатиться с поставщиком, не уплачивая штраф, если вдруг на тот момент в кассе не окажется свободных средств? Нет, — покачала она головой. — Маша, это не выход. Думаю, что надо заставить поставщиков привозить весь оговоренный объём разом, раз уж вы уже выделили деньги на его закупку. Это их немного расшевелит. Пуд, так пуд, два, так два, ну, и так далее. Ведь в договоре стоит объём и он фиксирован. Он не больше и не меньше, он точно определён. Следовательно, любое, подчёркиваю, любое изменение объёма можно трактовать как нарушение условий договора и, соответственно, вы можете требовать с них неустойку за его невыполнение.

— Уже прошло несколько месяцев после окончания уборки, а по поставкам зерна они до сих пор так и не рассчитались. Надеюсь, штрафы за это вы в договор включили?

— Не рассчитались, — Маша в раздражении пнула ногой какой-то короб, возле которого они с баронессой застряли. — А штрафы вообще можно применить лишь в конце следующего лета.

— Вот и отлично, раз вы всё понимаете, — насмешливо посмотрела на неё баронесса. — У вас на заводе одни нарушители. Единственная трудность, — развела она руками с ехидной ухмылкой, — стребовать эти штрафы вы сможете только в первый день новой уборочной, а до этого дня ещё чуть ли не полгода. Ну и что. Не хранить же чужое зерно даром ещё несколько месяцев?

Если кто согласен довезти в течении недели — хорошо, с тем можно дальше работать. Нет — пошёл на фиг, как говорит мой дражайший супруг.

По любому, через неделю вы все свои замороженные средства свободно сможите пустить в оборот.

Выйдя после тёмного цеха на яркое солнце, Маша, с рассеянно задумчивым видом уставилась куда-то в сторону центрального терема.

— Интересный подход.

Ба! — тихо протянула она. — А вот, кстати, и наши голубчики, те самые нарушители, о которых мы только что с вами рассуждали, баронесса, — негромко проворчала Маша, сердито глядя на кого-то, стоящего возле терема.

Кстати, — повернулась она к Изабелле, глядя на неё холодным, испытующим взглядом. — Не желаете поразвлечься? Предлагаю именно Вам объяснить нерадивам поставщикам их новое качество?

— Почему бы нет, — хмыкнула та, приставив ладонь козырьком ко лбу и внимательно присматриваясь к тем, на кого Маша обратила её внимание.

— Первым у крыльца стоит тот самый Сашка Игнатов, с которого всё и началось, — кивнула Маша в ту сторону.

Раздражённо поморщившись, она быстро отвернулась от стоящих возле терема мужиков.

— Лёгок на помине, — сердито проворчала она. — Шизокрылый сокол. Видать, прослышал гадёныш, что я приехала, вот и явился. Он теперь у хуторян нечто вроде лидера. Наверняка думает как бы из меня деньжат дополнительно выбить за несанкционированное использование чьего-либо зерна. С ним то мы рассчитались, а вот у дружков его…, - Маша задумчиво почесала кончиком пальца висок. — Наверняка у кого-нибудь в ларе не хватает пары, тройки килограммов, а остальное всё давно уже привёз.

Ну что, — повернулась она к Изабелле, — берёшься на место поставить?

— Значит, — Изабелла внимательно посмотрела прямо в глаза Маши, — я разбираюсь с ними на своих условиях? Так как я считаю нужным?

— Официально, ты жена Сидора, и имеешь на это полное право, — усмехнулась Маша, глядя прямо ей в глаза.

— Хорошо, — хмыкнула Изабелла. — Тогда пошли, будем ругаться.

Медленной, неторопливой походкой уверенных в себе женщин, они решительно двинулись в сторону стоящей у высокого крыльца небольшой группы плотных и крепких мужиков, молча и терпеливо дожидающихся, когда они подойдут поближе. Рядом с ними ненавязчиво держалась в стороне группа до зубов вооружённых огромных, двухметровых ящеров, внимательно на них посматривающих. Судя по ответным косым взглядам, мужикам такое повышенное внимание явно не нравилось.

На самом крыльце, на верхней ступеньке сидел хмурый управляющий Степной, в том же самом пиджаке, в котором он их встретил, всё так же надетом на голое тело, и так же, как и стоящие внизу мужики, молча и угрюмо смотрел на приближающихся барышень.

— Что-то вы не торопитесь.

Стоящий в первых рядах высокий, красивый мужик в расшитом яркой вышивкой богатом кафтане первым нарушил молчание, не дожидаясь пока они подойдут поближе.

Внешне безстрастно глядя на подходящих женщин, он

медленно покачивался, уточкой переваливаясь с носка на пятку, и, постукивая себя по сапогу длинным вишнёвым кнутовищем, внимательно глядел на них своими тусклыми, с какой-то мутной паволокой рыбьими глазами.

— Мы уже заждались, а вы всё где-то ходите и ходите.

— А собственно, что вам надо? — глядя на него, с едва сдерживаемым раздражением сквозь зубы холодно поинтересовалась Маша.

— А то ты не знаешь, — усмехнулся мужик. — Завод то ваш стоит, а значит и к нам у вас наверняка есть интерес. Почему-то нам кажется, что вы желаете нарушить договор и взять наше зерно без предварительной оплаты, — нагло ухмыльнулся он. — Вот мы и пришли согласовать условия и возможность этого.

— Ах, это, — поморщилась Маша. — Тогда не ко мне. Это вот к Изабелле де Вехтор, жене Сидора. В его отсутствие, она будет заниматься всеми финансами этого завода.

— Да нам то собственно без разницы, — криво усмехнулся мужик. — То ли, сидорова жена, то ли сидорова вдова, — весело рассмеялся он, нагло уставясь на высокую грудь баронессы.

— А вот это ты зря, — тихо заметила баронесса, глядя на наглого мужика сразу заледеневшим взглядом. — Для начала, изволь представиться, наглец, раз уж сам заявился сюда.

— Александр Валерьевич Игнатов, — насмешливо глядя прямо в глаза Изабелле, склонил тот голову перед ней, прищёлкнув каблуками своих сапог. — Поставщик их баронских величеств Сидора де Вехтора. Выбран обществом поставщиков согласовать условия использования нашего зерна, в нарушение, так сказать, вами условий договора.

Баронесса, едва сдерживая чувство брезгливости, окинула фигуру стоящего перед ней мужика пренебрежительным взглядом, и брезгливо поморщившись, нехотя поинтересовалась:

— Ну и что же вы хотите за нарушение, как вы считаете, нами условий договора, — флегматично глядя на Александра Игнатова, равнодушно поинтересовалась Изабелла.

— Много чего, — насмешливо заметил он, снова нагло уставясь на грудь баронессы. — Но пока что, хорошо бы небольшой штрафик нам с вас получить, госпожа баронесса, а там, можете и брать зерно, когда вам будет угодно.

— Нам будет угодно, чтобы вы выполнили условия договора, — равнодушно глядя на наглого мужика, спокойно заметила баронесса. — Уважаемый, — обернулась она к управляющему, мрачно сидящему на верхней ступени и сузившимися от собственного безсилия злыми глазами глядящему на происходящее у подножия крыльца.

Управляющий! — уже гораздо громче, резко повысив голос, раздражённая баронесса звонко хлопнула ладонью по перилам крыльца.

— Принесите, пожалуйста, договора с этими субъектами. А заодно и расчётные книги по поставкам.

Дождавшись, когда директор оторвёт казалось намертво прилипшую к ступеньке крыльца задницу и принесёт ей экземпляр договора и расчётный том с записями поставок, Изабелла, взяв из его рук аккуратный кусок бересты с текстом договора, углубилась в чтение.

— Ну вот, — удовлетворённо сказала она после того, как, внимательно прочитав договор, нашла последнюю запись. — Читаем про первого в вашем списке желающих получить штраф, — ткнула она договор под самый нос мужика. — Юрий Мороз.

Где тут Юрий Мороз? — подняла она взгляд на толпу мужиков.

— Ну я, — вышел вперёд какой-то мужик, внешне совершенно не выделяющийся из толпы подобных.

— Читаем, — бросила на него внимательный, косой взгляд Изабелла. Мужик ей определённо не нравился. Какой-то он был мрачный и злой. И опасный. С таким надо было быть крайне осторожной.

— Написано, поставить десять тонн зерна. Написано? — вопросительно взглянула она на мрачного мужика.

— Написано, — утвердительно кивнул тот головой. — Мой договор. Мои десять тонн.

— Теперь смотрим, — Изабелла нашла нужную запись в расчётном томе и ткнула в неё пальцем. — На сегодняшний день поставлено девять тонн девятьсот девяносто девять килограммов. Точно? — внимательно посмотрела она на него.

— Точно, — несколько озадаченно уставившись на неё, подтвердил Мороз.

— Ну и где последний, недостающий один килограмм? — вопросительно взглянула на него баронесса. — Где те самые десять тонн, согласно условиям договора?

— По сусекам наскребу, привезу, — глядя на неё равнодушными, пустыми глазами, безразлично хмыкнул мужик.

— Вот когда будет, тогда и привезёшь, все десять тонн, разом. Согласно условиям договора, — равнодушно бросила баронесса, со стуком захлопывая книгу учёта. — А пока что, забирай то, что на сегодняшний день привёз и вымётывайся с завода к чёртовой матери. Здесь не богадельня и не подают.

Это касается всех здесь присутствующих, — неожиданно

громко крикнула баронесса, обращаясь уже напрямую к стоящим перед ней мужикам. — Поставки только согласно условиям ваших договоров. У кого какой объём, тот такой и должен привезти. Если не хватает хоть двухсот грамм, договор считается невыполненным. На хранение зерно не принимается. Ни за деньги, ни просто так. Всё, — повернулась она в сторону изумлённо глядящих на неё Игнатова с не менее изумлённым Морозом. — Вы свободны. На очистку ларей или довоз недостающего зерна даю неделю. И то только из уважения к Марье Ивановне. Иначе бы просто выбросила ваше зерно свиньям на улицу.

Через неделю приеду, проверю. Если у кого-нибудь не окажется освобождён ларь с недопоставленным зерном, не сомневайтесь, выброшу. Хотя нет, — остановилась она. — Прикажу высыпать в пруд, пусть рыбки питаются. Им тоже что-то кушать надо.

Всем понятно? — громко прокричала она в лица столпившихся у крыльца молчаливых, мрачных мужиков. Всем, — утвердительно кивнула она сама себе головой, внимательно присмотревшись к молчаливым, угрюмым лицам стоящих напротив неё мужиков. — Тогда до встречи через неделю.

— Э-э, нет, — очнулся неожиданно Сашка Игнатов, — так не пойдёт. Согласно нашему договору, вы обязаны принимать на хранение наше зерно.

— Конечно обязаны, — повернувшись к нему, усмехнулась хищно Изабелла. — Десять тонн, в твоём случае. И десять тонн в случае его, — ткнула она в сторону Мороза пальцем. — Но их нет, — с сожалением развела она руками. — Нет! И поэтому мы не можем принять на хранение твои девять тонн девятьсот девяносто девять килограмм. Не соответствует условиям договора, — насмешливо посмотрела она ему прямо в глаза. — Ну а поскольку ты у нас один из самых крупных поставщиков, то тебе и даётся целая неделя на вывоз того, что успел привезти. Ну а с другими будем разбираться по отдельности.

И остальным, на будущее, — повернулась она к молчаливой толпе злых мужиков, стоящих напротив крыльца. — Приём товара производится только в течение одной поставки. Весь объём только за один раз. Вас слишком много, чтобы тратить на каждого по несколько дней, раз, за разом принимая у каждого по несколько килограммов от оговоренного объёма. Поэтому, если нет всего объёма, можете даже не приезжать, ничего приниматься не будет. Если у кого нет лошадей для одновременного вывоза, то ему будет предоставлены услуги транспортной компании, которая будет сформирована при заводе, как раз на такой вот

случай. Оплатить услуги транспортной компании, опять же сможете зерном. И последнее, — усмехнулась она, глядя на мрачные рожи мужиков. — Все именные лари с этого дня ликвидируются. Внутренние дела завода и его технология, вас никоим образом не касаются. Все отношения только строго в рамках ваших персональных договоров. Объём, сроки, оплата. Всё, свободны. Пшли вон, — равнодушно бросила она.

Повернувшись спиной к угрюмо молчащим мужикам, баронесса молча поднялась на высокое крыльцо и, посмотрев в широко распахнутые глаза недоумённо глядящего на неё управляющего, ткнула ему прямо в грудь бересту с договорами и книгу с учётными записями.

— Это тебе, и чтоб в течении недели привёл всё в норму. Приеду, проверю. Понятно?

Взгляд пронзительно голубых глаз баронессы, казалось, как взгляд змеи заворожил управляющего. Странно как-то вздрогнув, он быстро, быстро закивал головой, бормоча что-то невнятное себе под нос. Отчаянно вцепившись в книгу, он судорожно прижимал её к груди, словно боясь её потерять.

— Нас, вообще-то будут здесь кормить, как некоторые недавно обещали? — насмешливо глядя на него, поинтересовалась Изабелла.

— Да, да, да, — снова отчаянно закивал головой управляющий. — Конечно. Обед вас ждёт. Всё, как положено, в лучшем виде.

Маша, внимательно присмотревшись к мрачным, недовольным неожиданным результатом встречи лицам поставщиков, брезгливо поморщилась и, отодвинув плечом застывшего столбом ближайшего к ней мужика, спокойно прошла мимо них к крыльцу.

Поднявшись на высокое гульбище, и на миг, остановившись, она обернулась назад и, посмотрев мужиков, мрачно глядящих ей в спину, негромко, чуть прищурив на ярком солнце глаза, заметила:

— Не хотели по-хорошему, будем по-плохому.

А тебе, Степной, — повернулась она к ошарашенному управляющему, так и стоящему соляным столбом посреди крыльца, — в недельный срок подготовить списки должников по поставкам и выяснить причины, по которым они до сих пор не рассчитались. Подготовишь разные списки. Кому помочь, а кого выгнать. И обрати особое внимание на Игнатова с Морозом и на эту группу товарищей, — кивнула она на стоящих внизу крыльца мужиков. — Лично выясни причину, по которой они вовремя зерно не поставили. Будем решать как с ними дальше быть.

И подтолкнув вперёд так и не пришедшего в себя безвольно переставляющего ноги управляющего, Маша прошла в терем, резко захлопнув за собой входную дверь, разом отрезая за спиной все звуки сразу же враждебно загомонивших хуторян.

За всеми этими разговорами и затянувшейся экскурсией, и так краткое время, отведённое ими на посещение завода пролетело незаметно. Поэтому, если они хотели вернуться засветло, им следовало поторопиться.

*Обратная дорога. **

Как директор не старался их задержать, угощая всё новыми и новыми деликатесами, на которые действительно оказалась знатной мастерицей его жена, но они не стали больше задерживаться, ограничившись лёгким перекусом наскоро, чуть ли не всухомятку.

И тепло простившись с большим директорским семейством, не задерживаясь, погрузились в коляску, вместе с парочкой больших тёплых бутылей с парным молоком и здоровущей корзиной с ещё горячими пирогами, ватрушками, да разными домашними вкусностями. Их за короткое время экскурсии по заводу Маши с Изабеллой, успела наготовить жена управляющего, оказавшаяся искусной мастерицей.

Никого из тех, что встречал их с требованиями о дополнительной оплате во дворе уже не было. Поэтому они спокойно простились с заводскими работниками и буквально спустя пять минут весело катили по плотине заводского пруда, мягко покачиваясь на мягких рессорах.

— Значит, не любишь, когда тебя шантажируют?

Едва только они пересекли плотину, Маша первой нарушила установившееся в коляске молчание, насмешливо глядя на увлёкшуюся разбором корзины Изабеллу.

Переведя взгляд с ещё махавших в воротах, прощающихся заводчан, на вольготно раскинувшуюся, на противоположном сиденье баронессу, она улыбнулась, глядя, как та, с горящими от предвкушения глазами копается в корзине, пытаясь отобрать ватрушку попышнее.

— Не люблю, — рассеянно откликнулась баронесса, с мечтательным видом глядя на зажатую в руке ватрушку.

Видно было, что поспешный, лёгкий перекус у управляющего не утолил разыгравшегося голода, и теперь Изабелла с упоением копалась в корзине, перебирая деликатесы.

Разом запихнув в рот чуть ли не половину тщательно

выбранной ватрушки, он с тихим блаженством, тут же нарисовавшимся на лице, невнятно чавкая набитым ртом, поторопилась заметить:

— Особенно когда это такие наглые скоты, как этот ваш Александр Игнатов.

Эта сволочь у меня запомнит сидорову вдову. А забудет, так я ему напомню. Надо будет, и не раз, не два, и не три. По гроб жизни помнить засталю.

Ведь я же прекрасно понимаю, что вы делаете для таких мелких поставщиков, как этот ваш Александр Игнатов и прочие. По большому счёту, в условиях установившейся торговой блокады и падения спроса, они не имеют ни малейшей возможности продать своё зерно никому, кроме вас. И вести себя подобным хамским образом с людьми, идущими им навстречу, это мерзость. То, что они что-то там продают амазонкам, так это ерунда. Цены там фактически бросовые. Ведь и вы же могли под предлогом блокады снизить расценки, как сделала практически вся Старшина в городе для своих поставщиков. Так ведь вы же не стали этого делать. Хоть для вас это и трудно! — неожиданно рассердившись, баронесса гневно уставилась на Машу. — И эти мерзавцы воспользовались первой же подвернувшейся возможностью, чтобы вас же и прижать. Мерзость! Да ещё целую тактику выработали.

Изабелла с гневно сузившимися глазами и раскрасневшимся от злости лицом молча уставилась в сторону, стараясь не встречаться взглядом с Машей. Она надолго замолчала, нервно выстукивая дробь пальцами по обивке дивана.

— Да, — задумчиво протянула Маша, внимательно глядя на неё. — Умеешь же ты попасть не в бровь, а в глаз, — хмыкнула она, покачав головой. — Значит, не веришь ты в людскую благодарность.

— Верю! — баронесса, повернув голову к Маше, прямо взглянула ей в глаза. — Верю! — повторила она, яростно мотнув головой. — Но только не такого быдла, как этот Игнатов и этот Мороз.

Баронесса наклонилась близко, вплотную приблизив к Маше лицо, и в упор, глядя ей прямо в глаза своим пронзительным взглядом, тихо заметила:

— Такие, никогда не бывают благодарными. Никогда!

Вы фактически спасли семью Игнатова от разорения, а он организовал вам проблемы. А потом так всё подгадал, чтобы ещё и нажиться на ваших трудностях. Ведь он же специально ждал твоего приезда, ошиваясь где-то поблизости от завода. Я специально уточнила у директора. Хутор Игнатова чуть ли не

сутках пути от завода. И он никак не мог оказаться тут сразу же после нашего приезда. Значит, он специально ждал где-то поблизости, когда ты появишься на заводе, чтобы предъявить свои требования. И он, и все остальные, что находились рядом с ним. А это значит, что они все, или какая-то достаточно большая часть ваших хуторян уже сумели сорганизоваться и сознательно настроились на выколачивание из вас дополнительных доходов. И главный у них организатор, это он, Александр Игнатов, первым понявший как на вас ещё можно сделать деньги.

— Из истории с сожжённым хутором он наверняка сделал один единственный вывод, что это не вы такие из себя благородные создали систему, защищающую его и таких, как он от разорения. Нет, — Изабелла раздражённо дёрнула щекой. — Наверняка он себя считает самым умным, самым оборотистым, самым ушлым. Сумевшим так ловко использовать представившуюся возможность, чтобы ещё что-то и поиметь с таких олухов, как вы. Или я не права?

Повернувшись к Маше, Изабелла уставилась на неё своими пронзительными, ясными глазами, всем своим видом выражая требования немедленного ответа.

— Да и в истории с этим вашим Головой мне многое не ясно. Не удивлюсь, если вдруг станет известно о сговоре между ним и вашими мелкими поставщиками. Очень на то похоже, что обе стороны действуют по взаимной договорённости.

Такое складывается впечатление, что вас прощупывают на прочность и одновременно готовятся разорить. Игнатов со своими с одного боку наседает, а Голова с другого, постепенно укрепляет свои позиции в вашем совместном предприятии. Это сговор, явный сговор. Возможно даже, что Голова что-то им пообещал.

— Но даже если между ними и нет сговора, это ничего не меняет.

— Похоже, что вас местные не любят гораздо больше, чем Голову, который формально отобрал у них их проценты. Видимо, они считают, что виноваты не они, что запили. Это, мол, дело житейское. Не Голова, что вовремя подсуетился. Это то, как раз в их глазах, ставит ему большой жирный плюс. В их глазах он представляется таким же, как они сами. Таким же оборотистым, хитроватым мужичком, так же, как и они, способным вовремя подсуетиться и не упустить выгодный момент. Как тот же Игнатов, вовремя подметивший особенность, которую можно ловко использовать в своих интересах.

А как подобное поведение выглядит с нравственной точки зрения для таких не важно.

Игнатов подобен Голове, а Голова подобен Игнатову. Он

такой же, как они. Потому и претензий к нему нет. Нет, не было и не будет, — холодным, злым тоном как отрезала Изабелла.

— Тебе сколько лет? — задумчиво глядя на неё, неожиданно спросила Маша. — Ты рассуждаешь совсем не как молоденькая девочка.

— Мне много лет, — грустно ответила ей Изабелла. — Я младше вас, Марья Ивановна, но давно уже не молоденькая девочка. Потому что за все последние годы не было ни единого дня когда бы меня не пытались убить, отравить, обмануть или хотя бы что-то поиметь с меня. Ни одного!

Именно такие, как этот Александр Игнатов и Мороз подняли мятеж против меня и фактически лишили весь мой род всего достояния. Точно такие же Игнатовы и Морозовы, которых когда-то пригрел мой отец, потом выступили против нашей семьи, как только его не стало. Как только стало известно, что лев мёртв, шакалы сразу начали грязную возню по отнятию у нас нашего достояния, заработанного тяжёлым трудом нескольких поколений нашей семьи. Того, что наша семья копила и нарабатывала веками. Все эти управляющие, которые сейчас прибегают и кланяются, испугавшись барона Сидора с его простейшим путём решения вопроса.

Как только он утопил в реке самых главных зачинщиков, так остальная мелкая шушера сразу же прибежала каяться, готовая вернуть ранее награбленное.

Деньги, что сейчас они возвращают, это ерунда. Тем боле что всё разворованное всё рано не вернёшь. И потом, деньги, если что, и заработать можно. А вот вернуть убитых брата с отцом, да угасшую с горя мать, преданную такими вот Игнатовыми, это уже невозможно. Не прощается и не забывается, — тихо добавила она, откинувшись на спинку дивана.

— Да, — тихо и задумчиво протянула Маша, — досталось тебе. Но, однако, что же выходит? Ты хочешь сказать, что всё сделаное по возвращению твоего имущества, это только полумера? — недоумённо глянула она на баронессу. — А вот это не есть хорошо, — тихо пробормотала она, в глубокой задумчивости потеребив пальчиком кончик своего носа.

— Полумера? — удивлённо вскинулась Изабелла. — Полумера! — воскликнула она. — Да это ничто! Это лишь самое, самое начало.

Да! — сердито кивнула головой Изабелла. — Да, дорогая Марья Ивановна Корнеева, директор банка "Жемчужный". Всё это полумеры и всё это временно. Как только станет известно, что с Сидором, не дай бог, конечно, чего-нибудь случилось, как вся эта притихшая ныне сволочь снова вылезет на поверхность и снова

будет пытаться завладеть всем нашим достоянием. Поэтому я и ругаюсь постоянно с Советником, который пребывает в эйфории по поводу столь быстрого и радикального решения этой нашей проблемы. Не решение это, уважаемая Марья Ивановна. Никакое это не решение. В лучшем случае — полумера. Временная отсрочка если хотите.

Надо резать. Резать под корень, чтоб и семени поганого не выросло. Резать и корчевать!

Советник этого не понимает. Он не понимает, что с предателями нельзя договориться. С ними нельзя договариваться. Их надо только резать. Резать под корень и выдирать из земли остатки! Они как осот в огороде. Стоит после прополки остаться в земле только маленькому кусочку корня, как он вскоре разовьётся в большое и мощное растение. И его снова надо полоть.

— Ну что ж, — ухмыльнулась Маша, — тогда будем полоть. Нельзя же будущих молодых баронов Вехторов оставлять без средств к существованию. И тем более без того, что накоплено поколениями их предков.

Но это, как я понимаю, дело далёкого будущего, а завтра я займусь написанием официальных писем всем поставщикам о приведении в порядок условий приёма зерна и о том, что им назначен срок в одну неделю для приведения поставок к условиям договора.

Ну а что вы скажите по поводу нашего завода, хотела бы я знать? — Маша вопросительно взглянула на замолчавшую Изабеллу. — Говорят, первое впечатление самое верное. Так скажите, дорогая баронесса, какое впечатление на вас произвёл наш завод?

Изабелла долго молчала, изредка покачиваясь на неровностях лесной дороги, а потом неожиданно, глянув прямо в глаза Маши, тихо поинтересовалась:

— А что вы хотите от меня услышать, дорогая Марья Ивановна? Похвалы? Или вас интересует моя действительная оценка того, что вы сделали? Что?

— Полагаю, мне больше интересно то, что вы действительно думаете, чем просто похвалы нашей работе, — сухо отозвалась Маша. — Уж их-то я вдоволь наслушалась. Аж ухи ноют.

Уже из первых слов ей сразу стало ясно что баронессе многое не понравилось. А это было неприятно. Сама она о заводе была самого высокого мнения.

— Ну, — усмехнулась Изабелла, — в таком случае слушайте и не обижайтесь, даже если что вам не понравится, — тут же подтвердила она самые худшие Машины предположения.

На меня действительно произвёл большое впечатление этот

ваш "маленький", как вы его назвали винокуренный заводик, — снова широко улыбнулась баронесса, доставая из корзинки и засовывая в рот очередную ватрушку.

Ну что ж, начнём по порядку.

Изабелла стряхнула с колен крошки, оставшиеся от предыдущей ватрушки и с довольным, сытым видом глядя на Машу начала, не забывая аккуратно откусывать по кусочку:

— Первое. У завода отсутствует охрана. То, что вы там что-то говорили о каких-то сорока егерях, в настоящий момент осуществляющих охрану завода, так это, по-моему, плод вашего больного воображения. Охрану никто не несёт. За всё время нахождения на заводе я видела только одного охранника, да и тот откровенно спал возле двери в казарму.

Когда мы только въезжали во въездные ворота, там никого не было. Единственный охранник, что нам вообще встретился, вместе со всеми встречал нас возле терема управляющего. Вероятно, он просто сбежал с поста у ворот, чтобы предупредить управляющего о нашем приезде.

Второе. Не ведётся никакого наблюдения за окружающей местностью. Вы говорили, что в округе шалят ящеры с амазонками, что у Александра Игнатова спалили хутор, а на заводе нет системы ни дальнего, ни ближнего, вообще никакого ни наблюдения, ни оповещения. На крепостной стене за всё время, что мы там находились, не появился ни один охранник. Наверху надвратной башни, на смотровой площадке, там, где вы так любезно мне показывали дальние окрестности и местные красоты, отсутствовал наблюдатель. Отсутствовал как таковой. Хотя, место там для него просто великолепное. Вся округа словно на ладони, но никто за ней не наблюдает.

Из вашего разговора с управляющим я поняла, что в крепости нет действующего начальника охраны, да и вы мне никого не представили в этом качестве, а это бардак. Всем заправляет, как я понимаю, пара, тройка десятников под началом кретина управляющего. Он может и хороший специалист по водке, но как начальник охраны столь дорогого и важного объекта, он ноль.

Это то, что касается охраны завода, — закончила баронесса. — И это только самый первый, самый поверхностный взгляд. Уверена, что если вплотную взяться за проверку, вылезет ещё столько же совершенно недопустимых вещей.

Не понимаю, о чём думает ваш муж, дорогая Марья Ивановна, — холодным тоном заметила она. — Это вещи, которые впрямую должны его касаться, как военного человека, ответственного в вашем клане за оборону. Если и на других объектах такая же картина, то он явно не на своём месте.

Полагаю, что в случае нападения, ваш завод обязательно разграбят и будет хорошо, если не сожгут.

Хотя, — усмехнулась насмешливо она, — на месте, что ящеров, что амазонок, я бы не спешила его жечь. Очень удобная штука для них этот ваш завод. Им не надо напрягаться и грабить всех хуторян по отдельности. Стоит только подождать пока заполнятся ваши амбары и вместо грабежа сотни мелких хуторян один раз ограбить ваш завод.

Очень удобно, — насмешливо заметила она. — Один удачный набег и они собрали весь урожай всего этого края. Река Каменка, на притоке которой стоит этот авод, рядом, буквально в десятке вёрст. Добраться оттуда сюда незамеченными, что для амазонок, что для ящеров — не проблема.

Полагаю, не ваши высокие стены, которыми вы по праву гордитесь, действительно вполне заслужно, являются причиной того, что на завод до сих пор ещё никто не напал. А именно то, что я только что вам сказала. Просто все ждут, когда окрестные хуторяне выполнят перед вами свои обязательства по поставкам. И тогда одним разом всё заберут.

А если допустить, что у них в городе есть сообщники, а их просто не может не быть, насколько я знаю подобную публику, то я вам даже могу назвать примерные сроки, когда вам следует ждать нападения.

— Ну и?

Маша, с горящими от злости глазами, нервно пошевелилась на диване коляски, на котором она словно зачарованная слушала рассуждения баронессы. Глядя на неё сердитыми, злыми глазами, он едва сдерживалась, чтобы не нагрубить в ответ или просто не выругаться матом. Баронесса была права. Она была права на все сто процентов. И Маша отчётливо это понимала. И от этого было ещё противнее. И хотелось кого-нибудь ударить.

После её слов многочисленные несуразности и странности последнего времени все разом встали на свои места. И непонятное поведение ящеров с амазонками, как бы в упор не видящих столь лакомого куска. И странное поведение самих хуторян, почему-то не желающих быстро выполнить свои обязательства перед ними и быстро получить деньги. И все остальные странности, которые они последнее время стали замечать вокруг этого завода.

— Варианты ваших дальнейших действий могут быть разными, но в одном они сходятся. Не позже чем черед пять дней ваш винокуренный завод будут грабить, — грустно усмехнулась баронесса.

Мне очень неприятно это осознавать, но похоже своим

поспешным, необдуманым заявлением что в течение недели разберусь со всеми я спровоцировала скорое нападение. Гнев плохой советчик, — Изабелла с сожалением покачала головой. — Однако, что сделано, то сделано, — сразу резко перешла она на сухой, деловой тон.

Значит, что мы имеем. Всем заинтересованным в зерне лицам известно, что через неделю у вас на заводе или будет весь годовой урожай, или нет. Думаю не ошибусь, если предположу что ваши поставщики не захотят второй раз доставлять на завод свой урожай, таская его туда-сюда. Тем более, что как я усмела заметить, мельком просмотрев записи, практически все они уже почти выполнили договорные поставки. Поэтому — вывозить никто ничего не будет. а вот довезти — вполне. Это и примем за аксиому.

Полагаю, также рассуждать будут и амазонки с ящерами.

Второе. Ящеров исключаем. От пограничной речки с ними по земле сюда добираться долго и неудобно. Да и опасно. Ясно, что если сюда они ещё и смогут тайком пробраться, то обратно с большим и тяжёлым обозом с зерном — исключено. Перебью по дороге.

Тут просматривается один единственный вариант, — грустно усмехнулась баронесса. — Нападение по реке. А это исключительно амазонки. Чтоб вывести разом такое большое количество зерна нужны большие торговые лодьи. А таковых у ящеров, как и у вас нет. Не терпят амазонки на Лонгаре конкурентов.

Теперь считаем. Сегодня я известила всех что даю сроку неделю. День — голубь почтовый летит, день собраться, три ночи чтобы незаметно подобраться как можно ближе к городу по реке. Сначала по Лонгаре, потом по Каменке, потом и по этой мелкой Рожайке на лодках или ушкуях. День-ночь чтоб подготовить тут на месте нападение. Итого пять календарных дней, считая с завтрашнего утра.

На рассвете шестого дня ждите нападения. Вас будут грабить, — деловито констатировала баронесса.

Полагаю, что данный варианты, вас никак не устраивает. Вам в любом случае придётся рассчитаться за поставки. Учитывая ваши напряжённые отношения с хуторянами, уверена, что они не пойдут вам навстречу с задержкой или отменой по выплатам платежей. И если вы оправитесь от такого удара, то думаю, весьма и весьма не скоро.

Маша с угрюмым видом нервно теребила пальчиком кончик своего платья, мрачно слушая Изабеллу. Дождавшись окончания её монолога, холодно заметила:

— Думаю, вы, Изабелла, правы, скоро действительно следует ждать большого набега. И согласна с вами, что амазонок. Малым отрядом, чтобы там ни говорилось, а завод не взять, если только это не специально подготовленный для таких дел отряд.

— Но вот вывезти всё зерно, что уже на заводе собрано, для этого надо большой отряд, множество телег или близость к реке. Обоз не подойдёт. Мало вывезти, надо ещё потом и отстоять его в пути, — с угрюмым видом покачала она головой. — Это тебе не пара телег хуторянина с которыми можно просочиться между хуторов. Тут его только сутки на телеги грузить придётся, — задумчиво протянула она. — А это потеря темпа. Значит, ты действительно права. Скоро следует ждать большой набег.

— Мне продолжить?

Изабелла вопросительно взглянула на мрачную Машу, с угрюмо задумчивым видом отбивающую чечётку пальчиками уже по краю дверцы коляски.

Маша, несколько минут молча глядела на сидящую напротив неё молодую женщину и долгое время не нарушала установившееся молчание, о чём-то усиленно думая.

— Продолжайте, баронесса, продолжайте, — наконец-то решительно заговорила она. — Ваши суждения наводят на интересные мысли, хоть и крайне неприятные. В вас есть нечто общее с господином Сидором. Он такой же параноик, как и вы. К тому же ещё ни разу не ошибался, — мрачно добавила она, едва наметив улыбку кончиками плотно сжатых губ.

— Ну, раз с этим вам всё ясно, тогда рассмотрим другую сторону вашего предприятия.

Баронесса, невольно поморщившись при упоминании Сидора, поудобнее устроилась на диване коляски и, достав из корзинки ещё одну пышную ватрушку с жадностью изголодавшегося человека, вонзила в неё зубы.

— Так вот, — едва прожевав, продолжила она. — Может я и не права, но, судя по тому, что вы сказали и чем так хвалились во время нашего посещения завода, но система очистки сточных вод с вашего завода поставлена из рук вон плохо.

— Приехали, — снова помрачнев, недовольно проворчала Маша. — Хотелось бы знать, дорогая баронесса, а у нас вообще, есть что-нибудь хорошее?

— То, что вы собираетесь использовать для этой цели крепостной ров, системой очистки не может являться в принципе, — не обратив на её слова никакого внимания, продолжла Изабелла. — Хорошо начали, а потом всё завалили. Сделаете так как сказали — у вас будут проблемы. Серьёзные проблемы. И в первую очередь, с вашими же медведями. Не

думаю, что им понравится рыба, воняющая спиртом.

— Возможно это ещё одна из многих причин, по которым до сих пор не разорили и не отобрали у вас этот завод.

— Чем же плохи наши пруды-отстойники на месте крепостного рва, что мы собираемся строить с задней части завода? — недовольно буркнула Маша, сердито сверкнув глазами. — Хотя бы как временная мера.

— Тем, что завод уже работает, а их ещё нет, — холодно отрезала Изабелла. — Это, во-первых. И тем, что их явно будет недостаточно. Это, во-вторых. Ваша очистная система больше похожа на вонючие крепостные рвы с тухлой, ржавой водой, что окружают большинство баронских замков у меня на родине, чем на очистную систему для сточных вод с винного завода.

Вы меня спрашивали, не видала ли я винокуренных заводов. Так вот, у нас в баронстве их было несколько. Так вот у нас…, - баронесса внимательно посмотрела на молчаливую Машу. — У нас, площади очистных прудов, там где за этим действительно серьёзно следят, раз в пять больше этого вашего хилого, вонючего рва, куда вы собираетесь сливать отходы своего завода. И это, учитывая то, что объём производимой продукции там раз в пять меньше, чем ваш нынешний. И я даже не говорю про расчётный.

Я специально смотрела, когда мы ходили по стенам. У вас за крепостью, далеко в стороне, на расстоянии версты или около того, есть вполне подходящая низина для устройства прудов-отстойников. Так что ею вполне модно было бы воспользоваться уже сейчас, но вы в этом направлении даже не пошевелились. Вы просто напрямую сбрасываете грязные воды в реку, не пытаясь их хоть как-то очистить.

— Нам надо быстрее вернуть вложенные деньги…, - угрюмо буркнула Маша.

— Что совсем вам не мешало прокопать узенькую канавку и сливать стоки в ту низину, чтобы не загрязнять реку, — резко оборвала её баронесса. — И пока бы вы строили большие очистные пруды для очистки своих сточных вод возле самого завода, та дальняя низина вполне бы справлялась с временной очисткой.

— "Блин", — подумала Маша, — "Хорошо, что Сидора сейчас нет. Он бы живо за это уцепился и назло мне прикрыл мой заводик. Тем более что он именно это с самого начала и предлагал".

— И ещё по поводу воды, — продолжила баронесса.

— В деревянной крепости нет ни одного колодца, а должно быть не менее трёх. И обязательно хотя бы один из них должен был бы иметь подземный канал, связывающий его с рекой.

— Крепость, есть крепость, дорогая Марья Ивановна. — Тем более деревянная. И совсем не важно что в ней расположен какой-то завод. А у вас, как я поняла, они даже не предполагаются.

— И ещё!

Изабелла с жалостью посмотрела на угрюмую, нахохлившуюся Машу, забившуюся в угол плавно покачивающейся коляски и нервно теребящую край своего платья, сердито сверкающую глазами, но всё-таки молча слушающую её.

— Как я поняла, вы собираетесь устраивать посад для работников завода прямо на берегу будущего пруда выше по руслу Рожайки? А о том вы подумали, что заводу нужна чистая вода, а не загаженная отходами людей и животных. Где будет водопой для стада, что неизбежно образуется у работников завода? В заводском пруду?

Куда вы собираетесь девать бытовые стоки из посада? В воздух? Или вы решили, что всё само рассосётся? Какое же качество будет у вашей водки завтра, если на неё пойдёт грязная вода? Или вы собираетесь вкладывать дополнительные деньги ещё и в очистку воды?

Потом. Зачем вы вырубили лес по берегам своего будущего пруда? Вам что, нужен выпас для животных на берегах вашего водоёма и грязный сток с будущего поля и выпаса?

Или вы полагаете, что той семье медведей, которой достанется этот ваш пруд на кормление, очень понравится рыба с запахом навоза?

Вы о чём собственно думаете?

— Я думаю, хорошо, что здесь нет твоего Сидора, — сердито огрызнулась Маша. — А то бы вы с ним быстро спелись. Оба два эколога, блин! Он тоже всё время был озабочен вопросами очистки, а о том, что надо быстрее возвращать вложенные средства, никто кроме меня почему-то не думает, — обиженно пожаловалась она.

— Не знаю, что там думает господин Сидор, но он явно не додумал, — недовольно буркнула Изабелла, сразу же приходя в крайне раздражённое состояние, как только речь зашла о Сидоре.

— А его сюда и не пускали, — огрызнулась Маша. — Ещё чего! А то бы он ещё раньше вас всё это выдал.

Маша, со скрытой насмешкой посмотрев на покрасневшую от гнева Изабеллу, никак не прореагировав на её заявление, только в голове её опять промелькнула безпокойная мысль.

— "Если они действительно сойдутся в этом вопросе, то с заводом будет покончено в тот же день без всяких амазонок и ящеров. И никакие наши с профессором вопли, что денег ни на что не хватает, их не остановят. Уже сейчас, даже не видя друг

друга, они дуют в одну дуду. Что же будет потом", — с тихим ужасом подумала про себя Маша.

Солнце, до того высоко стоявшее в зените, ко времени их возвращения уже вплотную приближалось к горизонту, так что, как они не торопились, а обратно домой вернулись уже в глубокой темноте, часа через два, после захода солнца.

Плотная осенняя темень уже легла на землю, и практически в нескольких шагах друг от друга не было ничего видно.

— Глядите, — кивнула Маша на мелькающие в тускло светящемся окне их землянки какие-то смутные тени и доносящиеся из-за плотно закрытых дверей глухие голоса. — Это наверняка ваш родственничек бесится, узнаю его голос.

— Спасибо, вам Маша, — неожиданно поблагодарила баронесса. — Спасибо за то, что выдернули меня из этого омута безделья. Вы себе даже не представляете, как там тоскливо, в этой землянке, сидеть и ждать когда же придёт время возвращаться в свой родной замок. Сидеть и ничего не делать, тупо ожидая, что за тебя всё сделают. Я всю жизнь работала, а теперь полгода сижу фактически взаперти. Я уж боялась, что скоро с тоски на стену буду бросаться. Ещё раз спасибо вам за то, что вы выдернули меня из этого болота.

Маша посмотрела на баронессу и, ничего не говоря, молча пожала ей руку, насмешливо подмигнув.

— Ну что. Завтра в долину поедем? Нет, — ухмыльнулась она. — Тогда денёк отдыхай, а послезавтра я с утра подъеду. Прокатимся, посмотрим местные красоты, шашлычку поедим.

Как Изабелла и предполагала, дома её ожидал разгневанный Советник, доведший своим безпокойством оставленных на охране землянки ящеров уже до откровенного озверения.

Не успела она войти в открытую дверь, как на неё тут же обрушился град упрёков со стороны Советника, искренне встревоженного её неожиданно долгим отсутствием, и тут же обвинившим её в пренебрежении своей безопасностью и занятием непонятно чем.

— Советник, Советник, — осторожно опустившись на скамью возле входа, баронесса медленно покачала головой, и насмешливо глядя ему прямо в глаза, устало попеняла. — Ну нельзя же быть таким невнимательным, — кивнула она на лежащий прямо перед ним на пустом столе кусочек бересты с нацарапанным на нём каким-то текстом.

— Там всё написано, и где я, и с кем я. Надо было только поднять его со стола и прочитать.

— А?

Старый Советник недоумённо повернулся к столу и с

растерянным видом поднял небольшой кусочек бересты, одиноко лежащий на девственно чистой столешнице.

— Ну всё, — широко, душераздирающе зевнув, баронесса устало поднялась со скамьи и направилась к своей спальне. — Советник, если что не так, завтра поговорим.

И провожаемая смущённо виноватым взглядом барона, она отправилась отдыхать после трудной и непривычной поездки.

Глава 2 Выезд в долину

*Дорога в долину. **

Второй день после возвращения с водочного завода для Марьи Ивановны Корнеевой, в настоящий момент действующего директора хорошо известного в городе Старый Ключ крупного городского банка "Жемчужный", начался рано. Для неё персонально даже очень рано, учитывая Машину большую нелюбовь вскакивать ни свет, ни заря едва только солнышко встало. Здесь так было повсеместно всеми принято, но оттого не менее страшно её раздражало, тем более, что сейчас за окном было далеко не лето. Конец осени, а если судить по календарю, то вообще — началась зима. Рассвет наступает совсем поздно, никто никуда её не гонит и можно было бы спокойно поспать.

Можно было бы, если б не куча но…

То ли погодная аномалия тому была виной, то ли ещё что, но сна у Маши не было ни в одном глазу. Что-то не давало ей спать. А что, никак она не могла для себя определить.

Видимо поэтому беспокойно проворочавшись в постели битый час, она наконец-то не выдержала этой тягомотины и быстро собравшись, отбыла в город. В конце концов на сегодня она договорилась с баронессой Изабеллой де Вехтор на совместную поездку в Райскую Долину и ничего не было страшного в том, чтобы пораньше её поднять. Пусть в конце концов и она пораньше проснётся, не только одной Маше зевать теперь целый день. Пусть и эта баронесса чуток позевает.

Поэтому, в появлении ранним зимним утром на тихой сонной улочке Южного посада города Машиной коляски вместе с нею самой, не было ничего странного. Здесь в самом её конце располагался небольшой участок земли с Сидоровой землянкой и с баронессой, ныне занимающей её.

Сегодня утром, видать в виде исключения, а скорее всего чтоб не торчать в пустом помещении банка до рассвета, Маша на своей коляске сама подъехала к коротам нынешней усадьбы Сидора. Дано она тут не была, так что даже интересно стало посмотреть как баронесса тут живёт. Тем более что профессор что-то последнее время захандрил и, как она поняла по некоторым непрямым намёкам, совсем последнее время не рвался к себе домой, старательно, под любыми предлогами избегая сидоровой землянки и под любым предлогом стремясь остаться ночевать в своей химической лаборатории в Берлоге, где у него давно уже

стояла его одинокая, заправленная тёплым шерстяным одеялом узкая кровать.

Высокий деревянный тын из мощных, тщательно ошкуренных стволов дубов скрывал за своей глухой стеной всё внутреннее пространство двора и лишь две одинокие монументальные фигуры часовых ящеров у калитки скрашивали утреннее безлюдье.

Оставив под присмотром часовых у ворот лёгкую, двухосную коляску, запряжённую серым в яблоках, по всем местным понятиям безумно дорогим элитным жеребцом, Маша решительным движением распахнула калитку. И чуть не споткнулась, лишь в последний момент успев схватиться за рукав часового.

В первый момент она не поняла куда попала. Привычного ей двора не было. Не было того былого убожества, что ранее присуще было этим двум законенелым холостякам профессору с Сидором. Внутри был не привычный, засранный всяким бытовым мусором и строительными материалами двор. Тут был сад. Нет, не так — САД!

— "Ничего себе!" — мысленно ахнула Маша, потрясённая открывшейся за калиткой картиной.

Передать словами открывшееся ей великолепие было просто невозможно, настолько красиво, уютно и как-то ладно всё там было сделано

— "Да, — мысленно Маша в сильнейшем потрясении даже не знала что себе и сказать. — Ну, Сидор, ну мерзавец. Вот что любовь с людьми делает. Собственный бомжатник превратил в райские кущи".

Маня с искренней завистью втянула морозный, напоённый сладкими хвойными ароматами морозный воздух.

— "Вот же гад, — с удовольствием обругала она ещё раз старого друга. — Я тоже такое хочу. Почему он мне такого в Берлоге не сделал?

Ну, погоди, — мстительно прищурилась она. — Только появись, шкуру спущу! С живого не слезу, а заставлю сделать мне такую же красоту. Чай, мы не хуже некоторых дворянок, — ревниво подумала она. — Не всё же только им такое… ВЕЛИКОЛЕПИЕ!

Маша с откровенной завистью окинула засыпанный первым, белым пушистым снежком внутренний двор жадным, ищущим взглядом. Придраться было не к чему. Всё выполнено было на высшем уровне. Невысокие надворные постройки, по размерам фактически такие же землянки, как и та, в которой она раньше здесь жила, окаймляли по краю широкий, вымощенный

массивными деревянными плахами внутренний двор. Какие-то небольшие беседки, скамейки, столики, непонятные изящные строеньица, добавляющие очарования двору… Но как же здесь было уютно и хорошо.

— "Кто бы мог знать, что эта сволочь Сидор ещё умеет и такие уютные дворы строить. Тяжёлый случай, — грустно вздохнула она. — Это действительно любовь. А такое просто так, простыми средствами, вроде разлуки — не лечится. Пропал мужик, — горько посетовала она. — Совсем пропал. Сердце такой цыпы, как его баронесса цветочками, беседками, да красивыми внутренними двориками с финтифлюшками не завоюешь".

"М-да! А давненько я тут не была. Вижу, что за прошедшее время Сидор времени явно не терял. Хотя, без профессора тоже вряд ли здесь обошлось. Расстроились то уж, расстроились-то! А какой кусище то городской землицы тихой сапой себе отхапали", — постаралась она окинуть весь комплекс одним взглядом. Не получилось.

Плохо видный из-за края дальней в правом углу землянки высокий вал какого-то участка примыкающей там к краю двора крепостной насыпи посада, явно намекал на то, что в том месте находится ещё одна, примыкающая к общему комплексу землянка, габаритами явно выделяющаяся даже на общем, немалом фоне.

— "Ой не зря! Ой, не зря Голова каждый раз, когда заходит об этом месте речь, шипит, как перегретый чайник. Всё ругается, что надо бы Сидора с профессором ограничить.

А я-то дура всё удивлялась чего это он шипит, чего ему надо? Наивный! Таких как Сидор в любовной лихорадке, как же, ограничишь! — мысленно усмехнулась Маша. — Но как же я Голову понимаю. Такой кусище у города отхапать".

Сразу повеселев, Маня уже с более приподнятым настроением ещё раз посмотрела по сторонам, оценивая заново причины наконец-то ставшим понятным недовольства Городского Головы.

И следует сказать, что основания у того для недовольства были более, чем веские.

Под шумок всех перипетий с лошадиной эпопеей и изгнанием с земель города, шкодивших в окрестностях амазонок, Сидор времени зря не терял. Каким-то образом он умудрился выселить из соседних землянок бывших соседей, и вместе с этим сумел отхватить себе изрядный кусок городской землицы. Теперь обнесённый по периметру невысоким земляным валом с полуметровой глубины канавкой по внешней стороне и с идущим по гребню симпатичным плетёным заборчиком с торчащими на нём там-сям типичными селянскими крынками, это был как бы

единый комплекс.

— "Типичный сельский пейзаж, — мысленно одобрительно оценила Сидоров дизайн восхищённая Маша. — И как же здесь всё здорово смотрится".

Ещё больше сердце грело, что пусть этот участок и не входил в основное, старое кольцо городских стен, но тем не менее всё равно являлся городским посадом с южной стороны. Хоть и новым, но, тем не менее защищённым городскими крепостными стенами участком. И находился внутри Большого пояса оборонительных стен города. И хотя бы по одному этому был довольно дорогим куском городской земельки, нахаляву хапнутым Сидором у Управы.

К тому же, отхваченный участок был довольно внушительным, особенно учитывая бывший за крайней землянкой пустырь, нагло занятый ныне Сидором под свой собственный новоявленный сад и огород. Одинокие, хилые деревцами молодого сада чётко выделялись на сером фоне земляных валов внешних оборонительных стен города.

И чтоб это всё заметить, Маше хватило одного беглого взгляда.

— "Вот это садик! — мысленно снова она подивилась. — Соток на сорок, пятьдесят точно потянет городской землицы. Ну жук…", — Маша на глаз оценила Сидоров самозахват и оценка ею тут же была выставлена самая высшая. — "Good!" — пронеслась в голове Машы любимая Сидорова присказка.

Видимо уже извещённая, пока Маша хлопала кругом глазами и любовалась местными красотами. возле входной двери жилой сидоровой землянки уже маячила фигура баронессы в окружении ящеров охранения.

Быстро поздоровавшись, совершенно не удивлённая столь ранним визитом баронесса, словно считая столь ранний визит делом делом само собой разумеющимся, поторопила Машу, предложив не задерживаться.

Удивлённо на неё посмотрев, Маша суховатым, недовольным голосом пригласила Изабеллу к себе в коляску. Всё же ей хотелось хоть одним глазком посмотреть как нынче утроено её прошлое жилище изнутри. Явно Сидор и там отличился. Но, без приглашения соваться туда было неудобно, а баронесса что-то не горела желанием пригласить её к себе в гости, попить горячего чаю с утра. Поэтому, не задержавшись даже на минуту, Маша развернула коляску на пятачке перед воротами, и со ставшим уже привычным конфортом устроившись на мягких сиденьях коляски, они сразу двинулись к южным вьездным вратам города.

Как обычно в такое раннее время там было тихо и пусто. И

только одинокий воротный страж, местный начальник врат старик Силантий, старый хороший знакомец Маши, издалека завидев приближающуюся к ним знакомую коляску, обрадовавшись поднял радостную суету, от нетерпения приплясывая возле распахнутых уже ворот. Видать так рано утром и ему было скучно и он как всегда рад был хоть с кем-то поговорить.

— Маш! — уже за десять метров до их подъезда орал Силантий.

За постоянное нахождение на этом месте, он давно уже превратился в местную достопримечательность, потому и был так и прозван — Воротным. Фамилию его за прошедшие года все благополучно забыли, и теперь этого дряхлого, с трясущимися руками, но бодрого ещё весёлого старичка, неизменно присутствующего возле ворот, и ставшего уже их неотъемлемым атрибутом, так и прозвали Силантий Воротный.

— Машка! — снова требовательно прошамкал он беззубым ртом, как только коляска начала притормаживать рядом с ним. Пользуясь своим более чем преклонным возрастом и тем что знал практически всех в городе чуть ли не с младенчества, он ко всем всегда обращался запанибрата. — Пожалей старика, Машка, скажи своим шалапутным девкам, чтоб не таскались ночь, полночь. Совсем житья мне старику не стало. Как только полночь, так они шляться начинают и спать мешают. Ночь-полночь, им всё равно. Это не дело!

— Каким таким девкам? — удивлённо посмотрела на него Маша, поневоле останавливаясь в полураспахнутых городских воротах. — Ничего не знаю. Говори ясней старый, — ей так и хотелось уточнить "старый пень", но она сдержалась.

Старичок был хоть и старый, но невредный и приносил много пользы. Если бы не он, то ей бы пришлось нанимать на это место кого ещё, другого и более дорогого. Совет бы заставил, как самый богатый клан в этой части города, а, как ни крути, это были лишние траты. Ей вообще последнее время сильно не нравилась эта порочная городская практика, когда любого, чуть мало мальски поднявшегося над общей нищетой человека или даже целый клан тут же обязывали ко всяким общественным тратам, как будто они не платили налоги в казну города. Вот типа как это — содержать этого старика Силантия, которому никак не сидится у себя дома. Пусть бы сидел в своей землянке, грел бы старые кости на печи. Так нет! Привык быть всегда на людях, и в силу своего более чем преклонного возраста и того что всех в городе знал с малолетства имел, как говорится, волосатую лапу в Совете. Вот её и обязали подыскать старику местечко. Причём, за их счёт.

А с какого такого рожна. Налоги то она платит, как все, — вот оттуда пусть и выделят деньги всем таким вот "воротным"…

— Да куда уж ясней, — рассердился старик, прервав поток её недовольного мысленного бурчания. — Пленных амазонок своих приструни, говорю. Совсем распоясались. Повадились паршивки шляться каждую ночь по каким-то твоим делам, так никакого покою нет. Только лягу спать, как слышу: "Силантий, да Силантий. Открой, да открой!". Как будто для них нет никаких установленных правил. Сказано же что с заходом солнца ворота закрываются. Всем сказано.

— Так паршивки на тебя ссылаются, говорят, что едут по твоим нуждам. Вот, я тебя и прошу, приструни ты своих девок, дай старику поспать спокойно. Прекрати свои ночные посылы, — сердито проворчал он.

— Да каких девок то? — рассердилась Маша. — Я лично никого никуда не посылала. Так что говори, старый, кого ты постоянно среди ночи из города выпускаешь?

— Да твоих же девок, — растерянно посмотрел на неё Силантий. — Тех, что в долине вашей обосновались. И не из города, а в город. Вечером сюда, утром обратно.

— Это Димкиных жён, что ли? — удивлённо посмотрела на него Маша. — А что им в городе надо? Да ещё ночью?

— Да нет же, — рассердился Силантий, хлопнув себя в раздражении по сапогу кнутовищем, которое вертел в руке. — Я же тебе говорю. Тех, кто вместе с ними там обосновался. Кто с этим вашим дурацким кустарником в долине за болотом возится.

— И что с нми не так? — удивлённо посмотрела на него Маша, уже совершенно ничего не понимая. — Да объясни ты толком, — рассердилась она.

— Ты скажи им, чтоб ночью не шлялись, — тут же снова заканючил Силантий. — Что им, дня не хватает, что ли? Так и шныряют каждую ночь, так и шныряют. Никакого сна с ними нет. Заездили совсем старика.

— Почему ты открываешь городские ворота ночью? — неожиданный негромкий голос баронессы, прозвучавший чуть ли не шёпотом, прозвучал для Маши с Силантием от неожиданности чуть ли не громом с ясного неба.

— Да какие там ворота, — раздражённо отмахнулся тот на неё рукой. — Так, калиточку в створке приоткрою, чтоб только пробраться могли. Что я, не понимаю что ли. Дело то молодое. Девкам то невмоготу сидеть одним там в долине. Вот ты бы высидела бы одна, без мужика, чуть ли не полгода? — неожиданно насел он на незнакомую молодую девчонку, сидящую рядом с Машей и вздумавшую его, старика, учить.

— Вот то-то же, — сразу же удовлетворённо заметил он, даже не ожидая ответной реакции. — Учить, вы все горазды, соплячки, а как меж ног запечёт, так мухой полетите и в город, и из города. И не посмотрите, что до него добрый десяток вёрст пёхом.

Маша, бросив недовольный взгляд на задумавшуюся о чём-то баронессу, никак не прореагировавшую на последние слова старика, поспешила успокоить старого воротного стража в том, что она постарается угомонить разгулявшихся девиц и в ближайшее же время, наведёт порядок.

— О чём задумалась? — не выдержала она молчания, установившегося после того, как они уже миновали городские ворота, и ворчливый старик скрылся в своей будке.

— Мне кажется, или на других воротах иные порядки? — вопросительно взглянула на неё баронесса.

— Такие же, — беззаботно махнула рукой Маша. — От кого таиться. Ноябрь — самое спокойное время в году. Все враги уже на зиму по своим щелям забились. Ты чего? — удивлённо посмотрела она на возмутившуюся непонятно с чего баронессу. — Кругом же всё спокойно.

Поэтому, и отношение такое. И калиточку тебе откроют ночью, и сидит здесь на вратах не пара десятков стражников, настороженных и вооружённых до зубов, а старик Силантий Воротный. А единственный десяток, приданный ему для охраны и порядка, пьянствует целыми днями в трактире по соседству. В том, что ты могла видеть справа от ворот. Вроде, как и на месте, а всё ж и в кабаке сидят, пиво пьют. Вроде и захудалый кабак, а пива здесь продаётся едва ли не больше, чем во всех остальных вместе взятых. У местной стражи это место даже так и называется "Санаторий". Правда, — с ясно видимым сожалением заметила Маша, — пиво не наше, а Старостино. Его кабак, его и пиво. Сколько Сидор не пытался внедриться сюда с нашим пивом, самых лучших сортов, ничего у него не получилось. Не хочет Староста делиться доходами, своим пивом торгует. Хоть и плохое, а другого поблизости всё равно нет, — пояснила Маша, недовольно поморщившись.

— Вы здесь что, все идиоты? Какое пиво? — удивлённо распахнула глаза Изабелла. — А ящеры? Граница же рядом. А амазонки? Которым только этим летом дали по морде и они жаждут реванша? Реки ещё не встали, льдом не схватились. В любой момент их десантные лодьи могут оказаться здесь у вас под стенами города. Вы тут все, что? С ума посходили?

Мне показалось, или же когда полгода назад мы впервые попали в город, никакого трактира возле ворот не было? — вдруг неожиданно задумчиво посмотрела она куда-то в сторну от ворот.

— Нет, не показалось, — сердито огрызнулась Маша. Непонятная вспышка какой-то девчонки её серьёзно рассердила. Ишь, салага, ещё будет её учить. — После того, как мы наладили тут производство шикарного пива, всяческие ресторанчики, кабачки, да трактиры, растут в городе, прямо, как на дрожжах. Только за время после твоего у нас появления пять таких кабаков появилось. Староста правда, шельмец, пользуется тем, что у него денег полно и связи в Управе, вот и наоткрывал себе кабаков на самых ходовых местах, прям возле всех четырёх въездных ворот.

— А пятый? — перебив насмешливые восторги Маши, непонятно с чего вдруг насторожилась баронесса.

— Пятый? — задумалась надолго Маша. — Даже не знаю. Ребята говорили, что где-то в районе арсенала открылся. Корней, как-то ругался, что теперь стражники вместо того, чтобы стражу нести, будут сидеть по кабакам, пиво пить. Ну да об этом пусть болит голова у их борова начальника. Его это печаль. Пусть так стражу организовывают, чтобы они по кабакам не сидели. Не наладит, снимем, к едрене фене. Его об этом раз уже предупредили, так что если не исправится, то в ближайшее же время слетит со своего поста, как фанера с городу Парижу.

Изабелла, никак внешне не отреагировав на рассуждения Маши, так и продолжала смотреть вокруг каким-то задумчивым, рассеянным взглядом.

— Удивительно, — хмыкнула она, поворачиваясь к Маше. — В городе не менее десятка ворот, а за последние полгода я въезжаю и выезжаю исключительно только через эти, южные, как будто других и нет. Прям, наваждение, какое-то.

— Да уж, — кивнула своим мыслям и Маня. — У меня то же самое. Как куда ни ехать, так почему-то постоянно через южные ворота дорога идёт. Прям, наваждение какое-то, — так же рассеянно глядя по сторонам, пробормотала она.

Недоумённо повернув лицо к сидящей рядом баронессе, она неожиданно весело и заливисто рассмеялась, глядя на хохочущую рядом Изабеллу.

Отсмеявшись, они уже с большим удовольствием стали посматривать по сторонам, любуясь окружающими пейзажами.

— Всё же предзимье самая красивая пора в этих местах, — тихо и задумчиво проговорила Изабелла, глядя по сторонам. — Нигде я такой красоты не видела. В моих краях оно как-то всё более яркое, пышное. Здесь же всё какое-то милое, тихое и умиротворённое.

— Да уж, — вздохнула Маша, — хорошо у нас. Ни машин тебе, ни заводов разных вонючих. Лепота!

Изабелла, бросив недоумённый взгляд на Машу, никак не

прокомментировала её высказывания, хотя видно было, что она ничего не поняла из сказанного. На какой-то краткий период в коляске установилось молчание, которое неожиданно было нарушено воплем со стороны.

— Марь Ванна! — раздавшийся рядом голос разом стряхнул, с обеих путешественниц, начавшую было их охватывать сонную одурь. — Марь Вана!

— Да пусти ты чёрт нерусский, — начал ругаться всё тот же голос, явно с кем-то воюя. — Пусти, тебе говорят, а то сейчас, как дам меж ушей, так все зубы повыпадают!

— Марь Ванна, — теперь уже благим матом вопила какая-то пёстро одетая бабёнка, непостижимым образом просочившаяся уже непосредственно к самой коляске.

— А-а-а, — протянула Маша, широко и открыто разулыбавшись, явно признав прорывавшуюся к ним бабёнку. — Глаша! Не чаяла тебя видеть столь рано и так далеко от города.

— Да уж, — довольно откликнулась Глаша и тут же набросилась на плотно державших её уже за руки ящеров. — Да убери ты свои лапы, ящер нечеловеческий.

— Убери, убери, — усмехнулась Маша, кивнув двум ящерам, жёстко взявшим в коробочку красивую молодку.

— Ну Машка, ты и забурела, — радостно проорала молодка, забираясь в коляску и, безцеремонно пододвинув баронессу в сторону, устраиваясь рядом с ней на диване.

Повертевшись, как егоза, пару минут, она наконец-то угнездилась, облегчённо вздохнула и неожиданно натуральным образом затарахтела:

— Второй день тебя ищу! Второй день! А ты всё где бродишь? Твои шалавы в банке говорят, что без тебя ничего не могут решить, а тебя всё нет и нет. Как так можно! У меня все сроки вышли, а они говорят, что без тебя никак.

— Безобразие! — яростно хлопнула молодка ладонью по обшивке дивана, так что даже поднялось небольшое облачко пыли, каким-то непостижимым образом набившейся туда.

— Глашка! — мгновенно оборвала её болтовню Маша, не дав развить эту тему. — Ты говори, что надо и проваливай, а то мы тебя увезём далеко, далеко от города, и там бросим на пару дней, чтобы ты только не тарахтела, как трендец.

— Денег надо, — сразу успокоившись, заявил Глашка. — Срочно надо денег. Юлька Трофимова, ну, Корнеевского сотника Епифана полюбовница, — тут же уточнила она, — у контриков материи раздобыла, закачаешься. Лён! Чистый лён! Почти даром! Надо срочно выкупать, пока всё бабы не расхватали, а денег, как ты знаешь, у меня всегда нет. А пособие, — присвистнула она,

безнадёжно махнув рукой, — ждать ещё недели две, не менее. Так что, деньги давай, а то уйдёт материал, хоть Юлька и обещала пару дней подождать, пока я с тобой не поговорю. Но ты же её знаешь…

— Не дам, — флегматично бросила Маша, разом оборвав восторженные крики Глашки. — У тебя трое детей, а ты всё пособие на тряпки переводишь. Если так и дальше пойдёт, то мне придётся заняться вплотную уже этими контриками.

— Ну ты мне будешь указывать, что ещё делать, — враждебно откликнулась молодка. — А то я ничего этого не знаю. Но ведь хочется, Маня, хочется! Единственная радость в жизни и осталась, в тряпку новую одеться! Хоть и не для кого, а хочется. А дети что. Они голодными никогда не станутся. В конце концов, сдам тебе же в аренду наши с Пашкой земли, вот им и будет и свой хлебушек с маслицем. Да и на толстый слой икорки, думаю, хватит. Чай, не обидишь вдову то с сиротами?

— Нет, Машка, — тяжело вздохнула она, — не поймёшь ты меня, но это и хорошо. Слава Богу, что она меня не понимает, — вдруг неожиданно обратилась она к сидящей рядом баронессе, панибратски толкнув её плечом.

— А, — неожиданно обречённо махнула она рукой, — пойду я от вас. Злые вы.

И не дожидаясь, когда коляска остановится, живо соскочила с подножки на обочину дороги и, не оглядываясь, а, только снова отмахнувшись куда-то за спину, на встревоженный окрик Маши, быстрым шагом направилась обратно в сторону города по пустынной в этот ранний час дороге.

— И как она меня нашла? — недоумённо пожала плечами Маша, глядя ей вслед. — Ведь сказала же девчонкам, чтобы не говорили ей, где я и куда направляюсь.

— Ну, это как раз просто, — заметила мрачным голосом Изабелла. — Сама же говорила, что последние полгода пользовалась только южными городскими воротами. Вот она тебя и вычислила, и оставалось только дождаться, когда ты появишься в воротах.

— Если бы у тебя были враги, то такое твоё постоянство было бы смертельно опасно, — неодобрительно хмыкнула она.

— Ты то, откуда знаешь? — враждебно поинтересовалась Маша, бросив на неё недовольный взгляд.

— Я в свои двадцать лет и жива то только потому, что никогда себе не позволяла дважды подряд выезжать из одних и тех же ворот. И особенно, делать столь очевидные поступки, как въезд и выезд из одних и тех же городских ворот, чем только и занимаюсь последние два дня вместе с тобой, — недовольно

бросила ей баронесса. — И мне это сильно не нравится. Так что, будь любезна, дорогая госпожа банкирша, когда будем возвращаться, постараться всё-таки найти возможность въехать в город через какие-нибудь другие ворота, и желательно с противоположного конца города.

Следующий час в коляске царило холодное, враждебное молчание, нарушаемое только скрипом рессор, да щёлканьем кнута кучера, подгонявшего их рысака.

— Ну вот, ты с ними наконец-то и познакомилась, — не глядя на Изабеллу, тихим голосом неожиданно проговорила Маша.

— С кем, с ними? — недоумённо переспросила баронесса, подняв на Машу рассеянный взгляд.

— С сидоровыми вдовами, — нехотя, как-то через силу, откликнулась Маша. — Это, как раз, одна их них. Глашка. Самая бойкая. Хорошо, что она тебя не знает, а то бы пристала, как банный лист. Дай денег, да дай денег. Транжира, невероятная. И раньше то такой была, а как Пашка, муж её, погиб у нас на службе, так у бабы совсем крышу снесло. Как получит пособие, так бежит на базар, обновку себе какую-нибудь покупать. А торговцы и рады ей всякую дрянь подсунуть, поярче, да подороже.

— Пришлось даже нам с Сидором вмешаться. Послали ящеров, чтоб дали по мозгам этим особо непонятливым торгашам, так они теперь боятся даже к ней приближаться. Как только Глашка на рынке появляется, так все они сразу же свои лавки запирают или товары прячут.

— Почему? — тихо спросила Изабелла, глядя на неё внимательным взглядом.

— Потому, что ящеры им передали, что если или я, или Сидор, узнаем, что они ей что-либо продали ненужное, то со свету сживём. Один дурак не поверил, — Маша криво усмехнулась, слегка поморщившись и глядя куда-то в сторону. — Теперь, в городе его больше нет, — равнодушно заметила она. — Пришёл дядя с большими зубами и сделал глупенькому мальчику бобо, чтобы не наживался на чужом горе. Теперь, непонятливых больше не осталось.

— А если ей что-то надо, что не укладывается в твоё представление о том, что ей надо, то она что, должна теперь у тебя испрашивать разрешение на покупку? — мрачно и жёстко оборвала её воспоминания Изабелла. — Ты теперь за неё всё будешь решать? — зло уставилась она на неё.

Маша, отвернувшись от баронессы, никак не откликнулась, лишь только тяжело вздохнула и уставилась куда-то в сторону каким-то мрачным и безнадёжным взглядом, рассматривая проплывающий мимо коляски пейзаж.

Мимо них проплывали величественные дубы, местами, вплотную подходившие к дороге и создававшие чудный пейзаж, охватывающий их со всех сторон каким-то величественным обликом чего-то древнего, могучего и величественного.

На какое-то время в коляске установилось нехорошее, тягостное молчание, которым сразу же стали тяготиться обе пассажирки, но которое ни одна из них не решалась первой прервать.

— Так почему же всё-таки Сидоровы вдовы, — наконец нарушила тягостное молчание Изабелла. — Хоть я и новый человек в ваших краях, но даже мне стало нынче ясно, что, по крайней мере, одна из них не имеет к Сидору никакого отношения.

— Имеет, — не оборачиваясь к ней, тихо откликнулась Маша. — Ещё как имеет. Это с подачи Сидора детям погибших в боях стали выплачивать пособие на обучение какой-либо профессии, а до этого ни о чём подобном и слыхом не слыхивали. Платили семье обычное в таких случаях отступное и на том всё успокаивалось.

— А он ввёл целевой платёж на получение какой-либо профессии по выбору, и организовал нечто вроде кадетских корпусов для детей сирот, как мальчиков, а теперь, с лёгкой руки Димкиных жён, и для девочек. Мелочь, в общем-то, — поморщилась Маша.

Её всегда раздражали любые платежи на какую-либо благотворительность. Она их считала пустой тратой средств, особенно если это ещё и тянуло за собой необходимость дополнительной работы. А вот это и было то из-за чего она тут же приходила в жуткое раздражение. Работы последнее время было столько, что домой она последние полгода если когда и приходила, то не ранее позднего вечера, что не самым лучшим образом сказывалось на её семейных отношениях с мужем. Тому это тоже очень не нравилось.

— Деньги правда небольшие, — вынуждена была тут же признаться она, — так что это для нас совсем необременительно, а людям, вдруг сразу пришлось по сердцу. И пары месяцев не прошло с этого его начала, а весь этот процесс словно с цепи сорвался. Так и пошло. Сначала все смеялись над нами. Мол, Сидор совсем с ума сошёл, а потом так и повелось: Сидоровы сироты, да Сидоровы вдовы. Теперь уже и другие кланы, которые к нам не имеют ни малейшего отношения, создают подобные приюты, а вдов погибших, да их детей стали уже привычно называть сидоровы вдовы, да сидоровы детишки.

— Хорошо что не Сидоровы козы, — вполголоса сердито

проворчала она.

Замолчав, Маша внимательно посмотрела на баронессу, а потом, отвернувшись, стала спокойно глядеть по сторонам, уже не обращая на неё внимания.

— Я думала…, - задумчиво начала баронесса.

— Я знаю, что ты подумала, — резко оборвала её Маша. — Как видишь, картина, при ближайшем рассмотрении предстаёт совсем не такая, как ты думала.

— На, держи, — вытащила она что-то из-под дивана и протянула Изабелле, — прикрой ноги, да и сама укутайся поплотнее.

— Что это? — недоумённо воззрилась баронесса на кусок хоть и лёгкой, но плотной ткани невзрачного болотного цвета.

— Покрывало от комаров да мошки, — буркнула Маша. — пропитано специальным отпугивающим составом. Очень эффективная штука, поверь мне. Или ты думаешь, что там по болоту можно проехать с голыми ногами? — насмешливо посмотрела она на тонкое из дорогого сукна платьице баронессы, прикрывающее её стройные ноги. — Съедят! — поморщилась она. — Если не прикроешься, живьём съедят.

В этот момент дорога как раз свернула с основной трассы куда-то в сторону, и в коляске появились первые предвестники грядущих неприятностей.

— Ой, — пискнула баронесса, хлопнув себя по лодыжке. — Меня комар укусил, — удивлённо посмотрела она на Машу. — Зима же уже почти? Покров же уже был.

— Укутайся, тебе сказали, — раздражённо откликнулась Маша. — Сейчас к болоту подъедем, там ещё хуже будет.

Маша не стала заранее пугать баронессу рассказами о том, насколько ей будет хуже. Она по собственному опыту давно поняла, что, сколько ни рассказывай об ужасах этого страшного места, но никто, пока сам на своей шкуре не прочувствует, не поверит ей в то, что подобное возможно. Поэтому, старательно укутавшись, так, что даже лицо было плотно закрыто особой полупрозрачной кисеёй, специально для того и пришитой на край покрывала, она уже с насмешливым любопытством стала со стороны наблюдать за глупой, недоверчивой двчонкой.

Баронесса, не обратившая на предупреждение Маши ни малейшего внимания, лишь слегка, небрежно накинув на плечи предоставленный ей плед, вальяжно развалилась в коляске и с любопытством вертела по сторонам головой. Обозревая красивые окрестности она лишь изредка лениво отмахиваясь от появившихся редких комаров. Даже вид поспешно укутывающихся в подобные же накидки ящеров и спешное укутывание лошадей,

не произвёл на неё ни малейшего впечатления, вызвав лишь слегка недоумённое любопытство с её стороны.

А посмотреть вокруг, действительно было на что. За прошедший год дорогу в долину спрямили, расширили, выровняли, подсыпали и утрамбовали. Местами даже вырубили мелкий, подступающий прямо к дороге подлесок, образовав обширные сенокосы, весьма живописные, да и облегчающие лучшее проветривание этой заболоченной местности. Местами, полотно дороги было довольно высоко поднято, были сделаны водоотводные канавы, кое-где в сырых местах устроены небольшие гати. Так что можно было смело сказать, что дорога была приведена в довольно приличное состояние. Поэтому, передвигаться теперь по ней можно было свободно и с достаточным комфортом. Вот, баронесса и вертелась теперь в идущей ровно и ходко коляске, внимательно рассматривая всяческих пичужек в изобилии расплодившихся последнее время в этих местах.

— Что это с тобой? — удивлённо воззрилась она на Машу, наконец-то обратив внимание на её одеяние. — Тебе не кажется, что ещё рановато так укутываться, — насмешливо спросила она, потыкав в её накидку пальчиком. — Солнышко так и жарит, хоть и зима, а тебе вдруг укутаться захотелось.

— Ой, — тут же хлопнула она себя по щеке, прибив какую-то мошку. — Да что ж такое? Опять комары появились.

Маша, ни слова, ей не ответив, с насмешливым любопытством наблюдала за тем, как баронесса, сначала изредка, а потом всё чаще и чаще стала хлопать себя то по щеке, то по шее, то по коленкам, так и не укутанным в предоставленный ей плед. Наконец, не вынеся борьбы со всё более и более возрастающим числом кровососов, она стала яростно, быстро и плотно укутываться в предоставленный плед. Пока окончательно не замоталась в плотную ткань, по типу египетской мумии.

— Там у него кисея есть специальная, — насмешливо заметила Маша, когда баронесса, старательно и тщательно укутавшись, так что ни единая мошка не могла бы проникнуть сквозь выставленный заслон, облегчённо перевела душ и на миг притихла. — Как раз на случай, чтоб поговорить, да посмотреть можно было по сторонам. Она как раз у тебя на коленках, кисея та, — насмешливо добавила она.

Возмущённо взвизгнув и явно попытавшись что-то сказать нелицеприятное о Маше, баронесса тем не менее поостереглась тут же пытаться переупаковывать себя заново и так и провела всё время пока они пробирались по болоту, упакованной до самой макушки включительно, мало что видя за плотной тканью

покрывала.

— Ну всё, — насмешливо заметила ей Маша, когда они пересекли болото и под колёсами коляски перестали стучать лаги болотной гати. — Можешь вылезать, кровососов проехали.

— Почти, — сердито хлопнула она себя по шее, прибив комара.

Осторожно высунув нос из-под накидки, Изабелла, сердито сверкнув глазами на Машу, с жадным, каким-то детским любопытством стала вертеть головой во все стороны, старательно высматривая местные достопримечательности.

— Ах, — неожиданно ахнула она, как только коляска выкатила на широкую и просторную смотровую площадку сразу после болота, с которой открывался великолепный вид на всю долину. — Боже мой, как здесь красиво, — прошептала она. — Вот теперь я понимаю вашего Димона, что не хотел покидать такое место для жизни в каком-то грязном внючем городке.

*Долина. **

Задержавшись на площадке ещё на несколько минут, чтобы Изабелла смогла полюбоваться открывшимися великолепными пейзажами и, дождавшись, пока охрана приведёт себя в достаточно боеспособное состояние, и, спрятав болотные накидки и накомарники, сможет заново приступать к своим функциям, баронесса с Машей продолжили свой путь.

Все последующие полчаса Маша с искренними удовольствием наслаждалась охами и ахами, раздававшимися из уст баронессы при движении их к пещерам, где проживали Димкины жёны, а нынче и поселили нескольких амазонок из числа военнопленных, приданных Димону для облегчения ухода за маточником кустов шишко-ягоды.

— Сидор, мерзавец, — неожиданно вычленила Маша знакомое имя из сумятицы восторженных воплей баронессы.

— Какой же он мерзавец, — медленно качала головой баронесса, с грустью смотря на окружающее её великолепие. — За всё время, так и не нашёл ни минутки свободной, чтобы показать мне этот водопад, — с тихой грустью в глазах смотрела она на проступающий за деревьями тихо журчащий по камням ручеёк, — и всё это великолепие.

— Может, ты просто не дала ему такой возможности? — довольно резко оборвала её Маша, на миг, вспомнив её поведение всё прошедшее время. — Насколько я помню, ты даже цветы отсюда в помойное ведро выкидывала, — безжалостно напомнила

она баронессе её поступки.

Пристыженная баронесса, недовольно фыркнув и сверкнув на Машу глазами, тем не менее не нашла что ей ответить и отвернулась, надувшись, и упрямо наклонив голову.

— Что это, — неожиданно прервала она тут же установившееся молчание. — Вроде бы кто поёт?

— Наверное, Димкины девчонки, — улыбнулась Маша. — Они вообще больше похожи на мелких пичужек, типа того, чем ты так любовалась перед переправой.

— Их у него что, здесь целый хор? — ехидно поинтересовалась баронесса, прислушавшись к хорошо уже слышимому пению. — О! — подняла она вверх свой пальчик. — Сопрано. А вот и басы, — усмехнулась она, чуть наклонив голову и старательно прислушиваясь к раздающимся из перелеска голосам. — Какое богатство голосов, — продолжала насмехаться она над Машей. — Какой диапазон. И всё это у двух девушек, как ты говорила, почти девочек. По сколько им лет, ты говорила? — насмешливо посмотрела она на смущённую её замечаниями Машу. — По пятнадцать? По сорок? Такие басы? — продолжала она насмехаться.

— Прекрати, — недовольно оборвала её Маша. — Там, помимо Димкиных жён, есть ещё и военнопленные девчонки из их бывшей части. А возраст там был разный. Если ты не забыла, то у нас в городе полно пленных амазонок, оставшихся ещё с самой весны. Никто их особо не гонит, а начальство ихенное что-то не спешит выкупать обратно.

— Тебе не кажется это подозрительным, — сразу же насторожилась Изабелла. — В отличие от вас, я больше имела опыта общения с этим племенем и лучше представляю их порядки. Если до сих пор не выкупили, или не освободили, то для этого есть весьма веская причина.

— Причина в том, — усмехнулась Маша, — что мы, а точнее Сидор, — ехидно уточнила она, бросив лукавый взгляд на баронессу, — установили довольно высокий размер выкупа за каждую амазонку, прировняв их к дворянам. Необычно высокий для местных, как они сами говорят. Да, к тому же, выкатили им счёт за проживание и за удовольствия, полученные ими за период сидения в плену. Так что сумма там накопилась, ого-го какая. Весьма приличная. Вот теперь они репу и чешут, не зная, где бы столько денег достать.

— Им не надо ничего чесать, — настороженно глядя на Машу, тихо проговорила баронесса. — У них есть войсковая казна, размер которой вы себе даже не можете представить. И все ваши, "ого-го какие" претензии, для их казны это не более чем

мелкий комариный укус. Они выплатят десять таких претензий, плюс сотни подобных же, и не заметят, что у них что-то изменилось вообще.

— Всё что ты мне тут наговорила о невозможности выкупа, это полный бред. Поверь мне, я знаю. У нас в баронстве были подобные прецендеты. И ничего, платили без звука.

— Вот оно как, — медленно протянула Маша, бросив на баронессу настороженно задумчивый взгляд. — И ты так в этом уверена, что готова подписаться под каждым своим словом?

— Мне не надо ни под чем подписываться, — холодно бросила баронесса, отворачиваясь и хмуро уставившись в сторону. — Достаточно просто моего слова, слова баронессы де Вехтор.

Снова установившееся в коляске напряжённое молчание уже больше не нарушалось, покуда они не подъехали непосредственно к пещере, где проживал ранее Димон, а теперь безраздельно царствовали обе его молодые жены.

Да-а-а, картина, представшая перед ними, заслуживала кисти живописца. И не какого-нибудь мазилы абстракциониста, а истинного художника реалиста.

На поляне перед распахнутой настежь дверью в пещеру, стояли двойные качели, на которых самозабвенно раскачивались две каких-то красотки, сверкая на солнце яркими цветастыми шароварами, обнажавшимися взлетающими к голове платьями. А рядам с ними, полукругом расположились несколько молоденьких девчонок, самозабвенно выводищих сильными молодыми голосами какую-то мелодичную, медленную и жалостливую, тягучую песню, которую они и услышали, чуть ли не на самом краю долины.

— Так, — негромко, но достаточно отчётливо и угрожающе протянула Маша, дождавшись окончания песни. — Значит, вот как вы работаете. То-то я всё удивлялась, что вы никак не можете закончить прополку рядков с саженцами. А вы, оказывается, вместо того, чтобы работать, песенки распеваете.

Тихий голос Маши, спокойный и совсем даже не грозный произвёл на умиротворённую компанию поющих девиц эффект разорвавшейся рядом бомбы. Взвизгнув, как будто им под юбку забрался целый полк мышей, девчонки бросились врассыпную, как будто на выводок мелких, жёлтеньких цыплят сверху свалился огромный страшный ястреб. Поднявшийся визг и переполох смогли успокоить только грозные крики всё той же Маши, которая, не выдержав поднявшейся суматохи, грозно рявкнула громким командным голосом:

— Стоять! Смирна!

Хорошо знакомая, вбитая, видимо, уже в подкорку сознания привычная команда, мгновенно привела всё визжащее и мечущееся девичье стадо в чувство, заставив сразу же всех застыть на первом попавшемся месте.

— Та-ак! — медленно протянула Маша, наконец-то выходя из коляски, и направившись в сторону, безпорядочно застывшей на поляне, стайки молоденьких девчонок. — Живо встали в одну шеренгу, — уже совершенно спокойно не повышая голоса, но ледяным тоном, не допускающим неповиновения, проговорила она, ни к кому конкретно не обращаясь.

Дождавшись построения безтолково засуетившихся девчонок и пройдясь, пару раз, вдоль криво выстроившейся шеренги, Маша хмыкнула, а потом неожиданно заявила:

— Погано вас учили, однако. Стоите не по росту. Шеренга кривая. Значит, не случайно вам на том поле дали по шеям.

— Молчать, — неожиданно зло рявкнула она, перебивая поднявшийся было ропот. — Здесь и сейчас буду говорить я и только я! А вы будете слушать и молчать!

— Похоже, кое кто тут явно забыл, кто они и почему здесь находится, — медленно обвела она вновь застывшую кривую шеренгу тяжёлым, нехорошим взглядом. — Но я быстро вам напомню. Марш на работу, — неожиданно рявкнула она в полный голос, так что даже эхо отозвалось в недалёких холмах.

Дождавшись, пока перепуганные девчонки разбегутся, каждая по своим местам, она, медленно и неторопливо подошла к застывшим у двери пещеры близняшкам, и молча уставилась на них.

— Ну, — начала она, спустя несколько минут, так и не дождавшись ни звука с их стороны. — Может быть, вы всё же объяснитесь, что это у вас тут за база отдыха образовалась? И почему они вместо работы раскачиваются на качелях и поют лирические песенки? Тут что, выездное заседание местной консерватории?

— А что это такое? — шмыгнула носом какая-то из близняшек, бросив на Маню любопытный взгляд изподлобья.

— О, Боже! — в отчаянии закатила Маша глаза. — Они неисправимы. Ты им про работу, а они тебе про песни и пляски.

— Да, — раздался из-за её спины насмешливый голос баронессы. — Теперь я действительно вижу, что это малолетки. Все мозги в пятках.

— А это ещё что за цаца? — возмущённо вскинули голову обе близняшки, неразобрав кто там сидит.

— А это не цаца, — подпустив в голос угрозы, оборвала их Маша. — Это та самая баронесса Изабелла де Вехтор, которая вам

уже раз по шее надавала. Хотите ещё? Ваша, кстати, непосредственная владелица в отсутствие Сидора. По крайней мере, пока вас не выкупит ваше казначейство.

— Что-то оно не торопится, — недовольно буркнула правая, бросив на баронессу откровенно затравленный взгляд. По сразу изменившемуся взгляду было видно что те обе признали баронессу и её визит им сильно не понравился.

Как только близняшки поняли с кем имеет дело, поведение их резко изменилось. Наглости словно и не бывало. Перед Машей стояли две самые кроткие девчонки, которых можно было только представить. Брови Маши уверенно поползли вверх. Она ничего не понимала. Что произошло?

— Уж чуть ли не полгода прошло, а выкупа всё нет, — виновато произнесла первая блзняшка.

— Ну так может быть, вы нам и объясните, что происходит, — негромко спросила её баронесса, неспешно покидая коляску и лениво потягивая затёкшую поясницу. — У нас вот тоже начали возникать нехорошие подозрения о том, что оно и не собирается этого делать.

— Да нет, — испуганным голосом отозвалась другая близняшка. Брови Маши поднялись ещё больше, хотя казалось бы куда ещё. — Этого не может быть. Наших всегда выкупали, если они попадали в подобное положение.

— Или, может, за вас выкуп назначен слишком большой? — продолжала пытать их баронесса, медленно приближаясь и обходя обоих по кругу.

— Да нет, — настороженно отозвалась первая, поворачиваясь вслед за баронессой и старательно держась за спиной у Маши. — Вполне приемлем. Хотя, конечно для этого города такого ещё ни разу до того не бывало, но размер выкупа вполне в рамках находится.

— Так в чём же дело? — тут же воспользовалась Маша моментом, постаравшись окончательно запугать и запутать молоденькую амазонку. Давнюю, ставшую уже раздражать непонятку с затянувшимся выкупом надо было бы прояснить. — Или нам, действительно отослать вас на рудники или продать в бордели к пиратам, чтобы ваше начальство начало шевелиться.

— Мы не знаем, — тут же развернулась к ней первая близняшка. Одного упоминания о барделе хватило чтоб она ещё больше присмирела. — Наши уже сами стали беспокоиться. Мы прекрасно понимаем, что подобное положение не может продолжаться долго. Но почему казначейство не присылает выкуп, мы сами понять не можем. Ранее такого не бывало.

— Уж не происки ли это нашей подруги княжны, —

задумчиво протянула баронесса, вызвав тут же заинтересованный взгляд Мани. — Очень уж на её стиль похоже. Столкнуть лбами своих соседей, чтоб самой под шумок, выгадать себе какие-нибудь преференции. Знакомо, знакомо, — задумчиво протянула она, отворачиваясь от застывших амазонок и направившись в сторону видневшегося неподалёку поля, которое демонстративно и усиленно обрабатывали тяпками бывшие певуньи.

Пройдя к полю, она остановилась неподалёку от девчонок и несколько минут молча наблюдала за ними.

— Ты, ты и ты, — неожиданно ткнула она в троих пальцем, — остаётесь на прополке, а остальные за мной, — и, молча, развернувшись, направилась обратно к стоящим у пещер Маши с близняшками.

Неожиданно заметив, что никто за ней так и не последовал, она медленно вернулась обратно и нехорошо уставилась на застывших с тяпками в руках девчонок. Не дождавшись от них никакой реакции, она медленно вытянула из ножен небольшую и изящную саблю, зловеще сверкнувшую на солнце, и медленно, цедя каждое слово сквозь зубы, повторила:

— Ты, ты, и ты, — слабым движением кончика сабли обозначила она трёх девчонок, — остаётесь на прополке. — Остальные за мной к пещере. Кто не пойдёт, зарублю.

Медленно покачав самим кончиком сабли, она обвела амазонок спокойным, каким-то безразличным взглядом и тихо, вежливо поинтересовалась:

— Вы что, девочки, мне не верите? Мне? Баронессе Изабелле де Вехтор?

Видимо, девочки ждали именно этого вопроса, поскольку после него они просто брызнули в разные стороны, бросившись наперегонки в сторону пещеры, а оставшаяся троица так яростно набросилась на неведомые под снегом сорняки, что казалось, у них в этой жизни нет больших врагов, чем невинные растения.

Хмыкнув про себя каким-то своим мыслям, Маша с флегматичной миной на лице, молча присела на сиденьице качель, и, слегка раскачиваясь, стала с интересом ждать продолжения развернувшегося перед ней представления.

Вернувшись обратно к пещере, Изабелла ещё немного походила вдоль идеально прямого строя вытянувшихся во фрунт девиц, небрежно помахивая своей, невинной на вид сабелькой, а потом, обращаясь непосредственно к Маше, заметила:

— Те трое пригодны для работ в саду, эта пятёрка нет. Если в ближайшие пару суток, ты не придумаешь им ещё какого-нибудь занятия, то я, пожалуй, действительно продам их в бордель к пиратам.

По мгновенно побледневшим лицам амазонок Маша прекрасно поняла, что те не допускают ни малейшего сомнения, что это может быть розыгрыш или какая-то шутка. Видимо, амазонки хорошо знали нравы и обычаи, царящие в западных баронствах, раз одна только, невинная на взгляд Маши, шутка баронессы повергла их в шок.

То, что это совсем не шутка ей даже не пришло в голову.

— Маша, — обратилась баронесса уже непосредственно к банкирше. — Вы обещали мне показать, чем ещё славна ваша долина, так что пойдёмте, пожалуй, прогуляемся. А пленные пусть постоят на солнышке, помёрзнут и подумают, что они могут нам толкового предложить по поводу своего практического использования. Более толкового, чем корявое, ни на что не годное их ковыряние в мороженной земле.

— Ящер! Эй, ты! — махнула она рукой, подзывая кого-то из своей охраны. — Обеспечьте охрану этой пятёрке, пока мы не вернёмся. Пусть погреются пока на зимнем солнышке. Кто знает, когда ещё они его увидят. Попытаются бежать, убить.

— Ну что же, пошли, — согласно кивнула головой Маша. — Думаю, что, и девочки нам покажут местные красоты, — кивнула она на бледных, как полотно, близняшек. Пойдёмте, девочки, — кивнула она им головой. — Показывайте своё жильё. Хвалитесь чего там Димон наизобретал.

— Ну а пока мы ходим, — повернулась она к начальнику своей охраны, — организуйте ка нам по возвращению шашлычок.

— Да не из них, — улыбнувшись, остановила она, дёрнувшихся было к пятёрке сомлевших девиц, ящера. — Мясо в коляске возьмите. Я его специально вчера замариновала. Ребята с железного завода вчера подарок прислали, — пояснила она Изабелле, вопросительно посмотревшей на неё. — Они, как раз накануне кабанчика завалили. Знают шельмецы что я не равнодушна к кабанятине, вот и подлизываются. Наверняка скоро денег ещё на какую-нибудь свою железку будут просить, — тяжело вздохнула Маша. — Ни на что уже не хватает, — грустно добавила она. — Столько всего, столько всего. И везде только дай, дай, дай.

— А может? — вопросительно кивнула Изабелла на пятёрку. — Из них попробуем? Говорят, человечинка сладкая.

— Не, — отмахнулась от баронессы Маша. — Я уксус не захватила, а хорошо промаринованное мясце, это тебе, всё-таки, не свежатина. Гораздо вкуснее! Особенно, — Маша на миг прервалась, о чём-то задумавшись, а потом продолжила с какой-то мечтательностью в голосе. — Я тут возле своего Берлога такие травки нашла, — восторженно покачала она головой. — Аромат,

закатила она глаза, — дивный. Ну да Бог с ними, неожиданно как бы опомнилась она. — Мы не за этим сюда приехали. Может, как-нибудь в другой раз.

— Пойдёмте, девочки, — обратилась она к близняшкам и, не обращая больше внимания на чуть ли не падающих в обморок пятёрку молоденьких амазонок, направилась к комплексу жилых пещер, где устроились Димкины жёны.

Следующий час близняшки водили их по своей жилой пещере, показывая и хвалясь своим обширным хозяйством. Стараясь в разговоре всячески, как бы между делом, подчеркнуть важность и необходимость присутствия их подруг в разросшимся хозяйстве, они буквально распинались в их незаменимости. Впрочем, Изабелла про себя тут же отметила, что Димкины жёны больше говорят именно о тех, что она оставила на поле, чем о пятёрке, оставленной ею греться на солнце. В упоминании тех, в голосе и мимике близняшек проскакивало что-то ядовитое, нехорошее…

Маня с баронессой, прекрасно видели попытки близняшек хоть как-то оправдать пребывание в долине их подруг, но не делали ни малейшего шага навстречу робким попыткам амазонок выручить своих товарок.

Лишь только появление какого-то ящера из охраны, позвавшего их к готовому шашлыку, прервало восхваление достоинств отстранённой от работ пятёрки.

— М-м-м, — с наслаждением вдохнула в себя воздух баронесса, как только они вышли из жилых пещер на свежий воздух, — какой чудный аромат.

— Жаль, что нам нельзя винца выпить, — с сожалением покачала головой Маша. — А то бы ты поняла, что такое настоящий шашлык. Мясо, — восторженно закатила она глаза. — С пылу, с жару. А под него и винцо сухонькое, холодненькое. Жалко, тут нет таких вин, как у нас на Земле, — с сожалением покивала она головой, одновременно тяжело вздохнув. — Счас бы чилийского, красненького, — мечтательно протянула она.

— Ничего, — ободрила её баронесса. — Я вас научу настоящий мёд готовить, из мёда земляных ос. Это настоящее чудо, — мечтательно закатила она глаза к небу. — Не тот, что в здешних кабаках, да трактирах подаётся, а настоящий, баронский. Вот тогда вы поймёте, что на охоте, к жареному мясу самое хорошие питьё это настоящий баронский мёд.

— Посмотрим, посмотрим, — усмехнулась Маша, устраиваясь с удобствами возле устроенного на месте старого кострища, мангала и принимая из рук какого-то из охраны шампур с сочащимися соком кусочками хорошо прожаренного мяса.

Следующие полчаса возле костра не раздалось ни единого слова и слышно было лишь только довольное чавканье, да восторженные охи и ахи Димкиных девиц, жадно поглощающих вкуснятину.

— Десятник, а где амазонки? — обратилась к ящерам Маша, неожиданно заметив, что пятёрка девиц, отставленная баронессой от работы, куда-то пропала.

— Там, — махнул он рукой куда-то в сторону. — Выдал лопаты и отправил огород перекапывать. Чего им без дела стоять, а так, хоть какая-то польза. Там и остальные что здесь в долине обитают трудятся. Так что им там будет компания.

— Что-то сажать собрались? — лениво поинтересовалась баронесса, откидываясь на спинку поставленного специально для неё стула и тяжело переводя дух после сытного обеда.

— Да нет, — пожал плечами ящер. — Просто так, чтобы только без дела не стояли. А то все работают, а эти стоят.

— А, — многозначительно кивнула головой баронесса. — Пусть копают. Глядишь, и научатся работать. А это ещё что? — лениво спросила она, пнув ногой какой-то белый, округлый предмет. — Череп какой-то, — озадаченно уставилась она на него, старательно стараясь подавить зевок, буквально раздирающий её рот.

— Не обращай внимания, — тут же попыталась отвлечь её внимание Маша, старательно ногой закатывая кругляш в сторону, под стоящий рядом с баронессой стол.

— Минутку, — остановил её ящер и, присев перед столом, наклонился, внимательно что-то там разглядывая.

— А ведь это наш череп, — задумчиво проговорил он, вопросительно посмотрев на Машу из-под стола.

— Да, не обращай ты внимания, — махнула на него рукой Маша. — Твой у тебя на плечах, а это, наверняка, Васятка забыл. Он, шельмец, постоянно последнее время носился с найденными здесь в пещерах черепами. Сколько ему ни говорили, чтоб закопал, а ему всё равно. В одно ухо влетает, в другое вылетает. Пацан, чего с него возьмёшь.

— Значит, он здесь не один? — продолжал гнуть свою линию ящер.

— Не один, не один, — тяжело вздохнула Маша, поняв, что не удастся отвертеться и придётся объясняться с ящерами. — Тут их полно было. Штук пять или шесть, сейчас уж и не припомню. Может, больше, — пожала она плечами.

Да в пещерах, в пещерах нашли, когда долину обследовали, — раздражённо пояснила она, так и глядящему на неё молча и вопросительно ящеру. — Только не в этих, а вон

там, — кивнула она куда-то на противоположный край долины. — Там мы обнаружили целый комплекс пещер. Огромный лабиринт. Вот в одном из ходов и нашли несколько скелетов ящеров, пополам с человеческими. Я думала, что всё давно похоронили, а это, видать действительно, Васятка, стервец, себе взял, а потом бросил. Он такой, — вздохнула обречённо Маша. — Как что заинтересует, так за уши не оттащишь, а как пройдёт интерес, так бросает всё, где ни попадя.

— Я бы хотел осмотреть те пещеры, — тихо, но с отчётливо прозвучавшей в голосе настойчивостью проговорил ящер, настороженно глядя на Машу.

— Зачем? — удивлённо посмотрела она на него. — Пещеры и пещеры. Если интересуешься, то вон, — кивнула она на распахнутую дверь, входа в одну из пещер. — Не нравится эта, смотри другие. Их тут много, на любой вкус. Хоть на два зала, хоть на три, хоть на десять. А вон там, — кивнула она в дальний угол их края долины, — подальше, есть и на пять залов, и больше.

— Мне надо в ту, — упрямо гнул своё ящер, ткнув в сторону противоположного края долины своим чудовищным когтем. — Надо туда, где был обнаружен этот череп, — покачал он на ладони перед собой вынутый из-под стола череп.

— Зачем? — мысленно насторожившись, осторожно поинтересовалась у него баронесса. — Какая вам разница? Все пещеры на один вид. Ничего нового в них нет. Сталактиды, сталагмиты, вот и всё. Везде одно и тож.

— Возможно, если нет нового, то найдём старое, — скривил губы в усмешке ящер, на миг, показав чудовищные зубы.

— Девочки, — неожиданно обратилась Маша к близняшкам, — подите ка погуляйте. На качелях, что ли, покачайтесь, раз они вам так нравятся. А нам тут надо пока о делах своих поговорить.

Прогнав, таким образом, молодых девчонок, Маша, поудобнее устроившись возле костра, и подбросив в него парочку поленьев, кивнула наконец-то головой ящеру и потом медленно и осторожно проговорила.

— Вы что-то знаете об этой долине и об этой пещере. Будет лучше, если вы расскажете всё это здесь и сейчас, перед походом туда. Глядишь, и идти не придётся.

Десятник, переглянувшись со вторым десятником, из другого клана и получив, таким образом, от него как бы согласие, явно неохотно, но начал свой рассказ.

— Лет десять тому назад. Может, больше, может меньше, не имеет принципиального значения, мы достигли договорённости с людьми на проведение ряда неких исследований, имеющих

принципиальное значение для наших и их судеб.

— Исследования касались некоего нового типа оружия. Как говорили тогда, огнестрелов. Вот, наши с вашими и сошлись тогда на почве этих исследований. Всё это проводилось тайно, под пологом страшной секретности. Вот, видимо, эта секретность и сгубила их. В какой-то момент все причастные к этому делу разом сгинули. Где и как — неизвестно. Знают только, что было это где-то в этих вот самых краях. Но где? — ящер пожал плечами. — Край большой, — кивнул он в сторону леса. — И захочешь, можно будет сотни лет искать, а не найти, как и получилось с нашими бывшими Главами. Если бы не случайная находка Сидора с Димоном, то мы бы даже не узнали где их кости лежат.

Ящер, глубоко задумавшись, замолчал и не менее десяти минут не издавал ни единого звука, думая о чём-то своём. Потом, придя, видимо, к какому-то решению, продолжил:

— Именно в этот момент и начались гонения на наши кланы. Именно тогда мы потеряли всё своё накопленное богатство и превратились в нищих изгоев и фактических беженцев без земли, без имущества и без прав.

— Особенно тогда свирепствовала тайная полиция прошлой Императрицы. Много наших в то время погибло. Собственно именно эти гонения и подорвали могущество наших кланов, разом лишив нас всего нажитого и заставив скатиться на самую низшую ступень социальной лестницы, на окраину Империи. Как мы потом пришли к выводу, Императрица сама хотела завладеть результатами наших исследований, чтобы ещё более усилить своё превосходство над остальными кланами. И…, - ящер, на миг, прервавшись, внимательно посмотрел в глаза Маше, а затем, переведя взгляд на баронессу, тихо продолжил, — и окончательно решить вопрос с господством на континенте. Да, да, — покивал он головой на удивлённо поднятую бровь Маши. — Её цель была именно поголовное уничтожение цивилизации людей. Не всей человеческой расы, а именно цивилизации. Планировалось только оставить несколько тысяч особей для размножения в резервациях, по типу ваших ферм и курятников. Но, видать, ничего у неё тогда не вышло. Что-то пошло не так и ничего ей не досталось. Да и после того она как-то удивительно быстро померла, — нехорошо так усмехнулся ящер. — Как у нас говорили, от почечных колик. Поэтому и до сих пор максимально эффективное оружие в Империи, а также и во всём остальном мире, это наши арбалеты. Что однозарядные, что двухзарядные, а что и десяти. Лучше, пока, ничего нет. А всё огнестрельное оружие, что попадает в наш мир во времена катаклизмов у вас на

планете, из-за отсутствия технологической базы, со временем приходит в негодность и постепенно уничтожается.

— То есть ты хочешь сказать, что эта ваша тайная лаборатория-завод, где-то в этих скалах? — кивнула Маша в сторону видневшихся неподалёку выходов скальных пород на поверхность.

— Не говорю, — отрицательно покачал головой ящер, — но вполне может быть, — покивал он головой. — Больно уж место удобное. Укромное, и от реки недалеко. Наверняка есть выход из пещер в сторону реки.

— Есть, — Маша медленно качнула головой, настороженно глядя на ящера.

Происхлодящее ей совершенно не нравилось. Им только в своей долине ещё и какого-то завода-лаборатории не хватало. Мало им нефтяного заводика здесь, из-за которого у них впервые с Сидором и димоном произошли серьёзные размолвки. Так теперь ещё и это. Дерьмо!

— А что толку, — пожала плечами баронесса. — Отсюда до ближайшего места, где можно причалить на судне чуть ли не полдня пути по берегу. Не очень удобное место для тайной лаборатории. А по реке не пройдёшь, там всё перекатами перекрыто.

— Не совсем так, — задумчиво возразила ей тихим голосом Маша. — Раньше на реке перекатов вообще не было. Да и потом ещё долго, как рассказывали старожилы, это были проходимые перекаты. По крайней мере, один. Тот, что напротив Речной крепости. И непроходимым он стал только после того, как на нём затопили своё судно амазонки. По крайней мере, так рассказывал староста, — задумчиво протянула она. — Хотя, в его рассказе много нестыковок. Спрашивается, с чего бы это амазонки полезли в совершенно рядовую речку, каковых здесь тысячи. Не стали город грабить, который вот он, практически от реки рядом, руку протяни, а направились куда-то вверх по реке. И потом, с чего это вдруг, какой-то, как бы дурак, стал сплавлять кучу леса прямо через этот перекат, когда его спокойно можно было принять выше по течению. Там до города, практически то же расстояние, что и с низу. Река там делает петлю, а перекат ровно посередине. Так что, как ни смотри, а лес удобнее было бы принять в верховьях, и не спускать его через перекат, к тому же забитый полузатопленным судном. С какой стороны не посмотри, а вопросов больше, чем ответов. Да и опять же, есть совершенно достоверные данные, что раньше и перекатов, как таковых здесь не было. А приток от Каменки как раз подходит к скалам, сзади, за краем этой долины.

— Всё равно, — упрямо набычила голову баронесса. — Не вижу в подобном размещении никакой логики. Что ни делай, а её всё равно найдут. Зимой дома отапливать надо? Надо, — сама себе кивнула она головой. — А по дымам, найти поселение, как бы оно не скрывалось, легче лёгкого.

— Там не было поселения, — возразил ей ящер. — Всё было устроено под землёй.

— Ага, — кивнула баронесса головой. — Так я и поверила. А освещать подземные помещения вы, чем будете? — насмешливо уставилась она на ящера. — Да у вас даже ламп нормальных нет, не говоря уж о чём ином. Вы же, небось, такую лампу, что у нас в землянке, первый раз только в городе и увидали то. Или вы умеете видеть в темноте? — чуть ли не рассмеялась она.

— Нет, — покачал головой ящер. — В темноте мы, так же как и вы, видеть не можем. Поэтому, у нас для освещения подвалов было выведено специальное растение, напоминающее внешне обыкновенную плесень, которое светилось в темноте за счёт каких-то особых химических процессов, протекавших внутри него. Вот этим и должна была освещаться лаборатория.

— Ну да, — кивнула согласно головой баронесса. — Слышала я эти сказки. Мне ещё бабушка рассказывала, когда я была маленькой, что если собрать в стеклянную бутылку много, много светлячков, то этим можно осветить весь наш дом. Не вышло, — насмешливо покачала головой баронесса. — Я как-то в детстве пробовала, ничего не получилось. Буквально через пару минут они перестали светить. А потом все разом померли. Так что все эти ваши сказки о светящихся стенах, оставьте своим детям. Им это будет очень интересно.

— Изабелла, — Маша неожиданно прервала детские воспоминания баронессы. — Ты, кажется, хотела посмотреть красоты и диковины нашей долины? Ты ещё не отказалась от этого.

— Да нет, — удивлённо посмотрела на неё та. — Только что это с тобой? То с таким интересом слушала весь этот бред по поводу мирового господства ящеров на континенте, а теперь неожиданно собралась куда-то идти? Вообще-то вечер уже на дворе, — кивнула она в сторону заходящего за верхушки сосен уже не по осеннему холодного солнца. — Пора бы уж и домой собираться. А то мы за этими разговорами, практически провели весь день возле костра. Хорошо, конечно, — баронесса сладостно потянулась, выпрямляя затёкшую спину, а потом заметила. — Давай уж как-нибудь в другой раз. Нам ещё с амазонками этими разбираться надо, кого и куда. А ты мне ещё одну экскурсию устроить хочешь.

— Другого раза может и не быть, — загадочно улыбнулась Маша. — А это тебе посмотреть надо было бы обязательно.

Немного ещё поспорив, они пришли к окончательному согласию, что баронессе просто необходимо посетить последние красоты этой долины — винные погреба, как их окрестила Маша, хоть там и не было ни одного литра ни вина, ни водки. Зачем, Изабелла так и не поняла, но Маша продолжала настаивать, и ей пришлось по неволе согласиться. Маша всё равно собралась туда, а сидеть одной у костра баронессе показалось скучно. Вот она, нехотя, и согласилась составить Маше компанию.

Захватив с собой десяток бензиновых ламп, Маша с баронессой и группой сопровождавших их ящеров, отправились на другую сторону долины, в место, где, как сказала Маша, располагался комплекс интересных пещер, приспособленный ими под винный склад.

И вот уже битый час Маша таскала Изабеллу и охрану из ящеров по ходам и залам этого комплекса, описывая будущие великие перспективы виноделия в этой, отдельно взятой долине.

— Ну и зачем мы сюда пришли? — наконец не выдержав восторгов Маши, немного раздражённо спросила её баронесса. — Всё это ты могла бы мне рассказать и на обратном пути, сидя в коляске. Зачем надо было тащиться сюда?

— Гаси фонарь, — кивнула ей Маша, — сейчас увидишь.

Скептически хмыкнув, баронесса погасила фонарь, а потом, дождавшись, когда и сопровождающие их ящеры погасят оставшиеся, спросила. — Ну? Что дальше?

— А дальше, ты хорошо меня видишь? — неожиданно спросила её Маша, глядя на неё чуть прищуренными насмешливыми глазами.

И только тут баронесса поняла, что, не смотря на то, что все факелы и фонари в высоком подземном зале были погашены, она прекрасно видит улыбающуюся Машу, стоящую напротив неё в трёх шагах и с улыбкой на губах, наблюдающей за ней.

— Что это? — настороженно поинтересовалась она, ни к кому конкретно не обращаясь. — Я что, теперь уже и под землёй могу видеть? Что же это за ягода такая у вас странная? — продолжала она допытываться у молчащей Маши, начиная уже с безпокойством вертеться на месте.

— Успокойся, — хмыкнула Маша. — Ягода твоя здесь ни причём. Это та самая плесень, что вывели ящеры для своих подвалов.

— В наших подвалах гораздо светлее, — недоверчиво заметил ящер. — А здесь, — покрутил он головой, рассматривая что-то на потолке и на стенах. — Такое впечатление, как будто

только вчера какой-то неумеха небрежно раскидал по стенам и потолку рассаду, даже толком не понимая, что он делает.

— Ты недалёк от истины, — хмыкнула Маша. — Этим делом всю прошлую зиму занимались Димон с профессором. А откуда им знать, как её рассаживать. Вот вернётся, тогда и научишь, — усмехнулась она. — Правда, можешь начать раньше, прям завтра с его девчонок.

Ящер, недоверчиво покосившись на Машу, быстро подошёл к светящейся стене и провёл по ней когтем. Минуту, не менее, он тупо глядел на то, что у него оказалось на кончике когтя, а потом недоумённо повернулся к Маше и, чуть растягивая слова, медленно спросил:

— А Вы, Марья Ивановна, уверены, что это Димон с профессором рассаживали эту плесень?

— Ты чё, рептилия, — тут же разозлилась Маша, — какая я тебе Марья Ивановна. Это ещё что за обращение? Да и с каких это пор ты стал так ко мне обращаться?

— Извините Маша, — рассеянно ответил ей ящер, — но это уж слишком. Обнаружить свою родовую плесень, которую давно уже потеряли, в этом, богом забытом углу, это уж чересчур. Да к тому же рассаженную посторонними, которые и знать то о ней ничего не должны были.

— Где вы её взяли? — вопросительно воззрился он на неё, глядя уж слишком подозрительно.

— Да кто ж его знает? — пожала плечами Маша. — То ли профессор, то ли Димон нашли где-то на нижних уровнях этого комплекса. Вот мы и решили её рассадить по всей пещере. Пусть, мол, растёт. Вырастет, не надо будет тратиться на освещение этих пещер.

— Вообще-то, как ты, наверное, мог бы заметить, — хмыкнула Маша, — тут рядом с тобой стоят ряды бочек под будущий урожай вина. Так что мы планировали как раз к его созреванию вырастить этот подземный свет, чтоб не заморачиваться с освещением.

— А где, на нижних ярусах? — продолжал настаивать ящер. — Если мы туда пройдём, то, может быть, найдём и место расположения пропавших мастерских с лабораториями?

— Нет, — отрезала Маша. — Никуда мы не пойдём. Хватит и того, что я вам показала. Да и к тому же, место, где была найдена эта светящаяся плесень, известны только Сидору, Димону и профессору. И никому более. Как тебе известно, двое нынче далеко, так что надо вызывать сюда профессора, а это не быстро. Так что идти никуда не надо. Будем ждать, а заодно и решим, что с амазонками делать.

— Димкины девчонки наверняка растрепались об этих пещерах и об этой плесени. Так что не думаю, что будет хорошо, если об этом узнают и все остальные.

Ящер, дождавшись пока Маша, не выговорится окончательно, немного ещё подождал, выжидая, не добавит ли она ещё чего, а потом осторожно попросил:

— Если это не трудно, то мне бы хотелось посмотреть на схему подземелий, — не сводя внимательных глаз с Маши, попросил он её.

— Вот уж чего не трудно, так этого, — улыбнулась Маша. — Как раз на входе должна быть одна. Там её специально профессор повесил. Так сказать, рабочий вариант. Он постоянно на ней отмечал, где и сколько рассаживал плесени. Поэтому, разобраться в ней будет трудновато, слишком много на ней наверчено. Но ничего разберёмся. У Димона в пещере есть ещё одна схема, чистовая. Да и у профессора в городе, должен храниться дубликат. Вот уж чего-чего, а на копирование дублей, мы времени не пожалели. У каждого, почитай, что по паре схем найдётся.

Быстро собравшись, да так больше и не зажигая ламп, они всей группой направились обратно ко входу, свободно ориентируясь в подземелье по разметкам, давно ещё нанесённым на стены профессором с Димоном.

— Опана, — Маша неожиданно остановилась у куска какой-то относительно ровной стены с грязным чёрным пятном посередине. — А вот это уже становится интересным, — задумчиво проговорила она, рассматривая совершенно невзрачную стену с каким-то непонятным выражением на лице.

— Что? — настороженным голосом откликнулся ящер, внимательно глядя на неё.

— А вот тут, — Маша, зло прищурив глаза, посмотрела ему прямо в лицо. — Ещё пара месяцев назад висела карта всех подземелий. Точнее, всей той их части, что мы называем "винными подвалами". А теперь её здесь нет.

— Уж не эту ли карту ты хотела нам показать? — баронесса, подойдя к какому-то камню, неподалёку от места, где стояла Маша, сапожком попинала куски чего-то чёрного.

Быстро подошедшим к ней ящерам и Маше предстала картина практически полностью сгоревшего большого когда-то куска выделанной кожи, на которой по нескольким несгоревшим до конца местам можно было ещё заметить следы каких-то нанесённых на неё линий.

— Вот так, так, — настороженно потолкав обугленные куски сапожком, Маша медленно присела на корточки перед сгоревшей картой. — Угольки, — добавила она задумчиво, когда поднятый

ею обгоревший кусок пергамента, рассыпался от первого же прикосновения. — Ещё тёплые…

— Похоже, что кто-то явно торопился, раз не дождался окончательного сгорания, а потом не перемешал пепел.

Подняв взгляд от пола, она перевела его с баронессы на ящера, а потом тихим жёстким голосом приказала:

— Всех амазонок, включая и Димкиных, немедленно арестовать и поместить под усиленную охрану. И чтобы ни одна и шагу ступить, не смела без плотного контроля и наблюдения.

— Немедленно выявить всех, кто здесь был за последнюю пару месяцев, и взять под плотный контроль. Амазонок немедленно изолировать. Послать за профессором. Пусть бросает все дела и мчится немедленно сюда.

— Вызвать Корнея с его сотней курсантов, которых он готовит для всяких тайных операций, чтоб перекрыли все выходы из долины. Он знает какие.

— Баронесса! — повернула она голову к Изабелле и посмотрела ей прямо в глаза. — Вам придётся выбирать, здесь и сейчас. Или вы с нами, или нет. То, чем всё это дерьмо пахнет, мне очень не нравится, но выбора у нас нет. Или, или.

— Да у меня, собственно, тоже выбора нет, — холодно усмехнулась баронесса, с откровенной насмешкой глядя на Машу. — Лучше уж с вами, чем с пиявками в болоте.

— Вы умная женщина и я рада, что вы сделали правильный выбор. Вы нам уже очень помогли. Думаю, что и дальше ваша помощь будет неоценима.

Быстро перестроив порядок охранения Маши с баронессой, ящеры, плотно прикрывая их со всех сторон, плотной группой покинули пещеры.

Осторожно поднявшись по широким ступеням входа, они, приняв абсолютно все меры предосторожности, начали медленно спускаться в долину, направляясь в сторону жилого лагеря.

Издалека казалось, что ничего в лагере не изменилось. Только по мере приближения становилось всё более и более ясно, что пока они отсутствовали, там что-то произошло. Нигде не было видно никакого движения, как будто он был давно покинут. Да и фигуры ящеров, стоявших на охранении по периметру были уж чересчур неподвижными.

Только подойдя поближе, им стало отчётливо видно, что произошло. Все три фигуры ящеров, стоявших по периметру лагеря были мертвы. Похоже, что тела их специально так оставили, чтобы не привлекать раньше времени внимание к произошедшему здесь.

Всё кругом было перевёрнуто и разворошено. За кустами

валялось несколько неприбраных трупов схватившихся между собой в схватке ящеров и амазонок.

— Интересно, кто-нибудь выжил? — мрачно поинтересовалась Маша, стоя возле дымящего костра и с задумчивым видом осматривая побоище перед ней.

— Пять и десять, — неожиданно раздался у неё за спиной голос баронессы. — Пять амазонок и десять ящеров. Не хватает ещё двоих ящеров и пяти амазонок. Странное соотношение, — задумчиво проговорила она, оглядывая внимательным взглядом место побоища. — Тебе это не кажется странным? — вопросительно взглянула она на Машу. — Всего только пять безоружных амазонок перебили десять вооружённых ящеров.

— Мне бы больше хотелось знать, где Димкины жёны и ещё двое ящеров. В лагере оставалось двенадцать ящеров. Где ещё двое? — вопросительно взглянула она на десятника, стоявшего рядом с ней и с задумчивым видом рассматривающего разгромленный лагерь.

Ни слова не говоря, десятник ещё раз обвёл настороженным взглядом трупы убитых, а потом кивнул на плотно закрытую дверь пещеры.

— Там, — тихо выговорил он и, настороженно пригнувшись, стал осторожно приближаться к двери.

Медленно подойдя и подёргав за ручку плотно прикрытой входной двери, он неожиданно несколько раз громко бухнул в неё кулаком.

— Эй, — раздался из-за двери злой, настороженный девичий голос, как только он поднял руку чтобы ещё раз постучать. — Отойди, или стрелять буду?

— Открывай, или мы сейчас вышибем эту дверь, — ледяным голосом проговорила Маша.

— Это ты Маш? — неожиданно раздался из-за двери ещё один девичий голос. — А этих там нет? — настороженно спросил её всё тот же голос.

— Это кто из вас? — перебила её рассерженная Маша.

— Это я, Лия, — откликнулся всё тот же голос.

— Открывай! — рявкнула нетерпеливо Маша.

— А этих там точно нет? — продолжал всё тот же голос настойчиво допытываться у Маши. — А то нас слишком мало чтоб с ними справиться.

— Если немедленно не откроете, то за вас примется Изабелла, — пригрозила Маша, — а это для вас, паршивки, будет гораздо хуже.

Видимо последняя угроза Маши оказалась действенной, поскольку сразу же после этого запор с той стороны двери

лязгнул и толстое дубовое полотно двери медленно, осторожно приоткрылось, показывая за ним настороженное личико одной из двойняшек, выглядывающей из-за полуоткрытой двери.

— Вторая где? — требовательно спросила Маша, глядя на неё сузившимися от гнева глазами. Впрочем, с мста она не тронулась, предпочитая быть подальше от творящихся здесь непоняток.

— Раненая лежит, — кивнула куда-то себе за спину, в глубь пещеры хмурая Лия. — Её эти, — замялась она, не зная, что сказать, — те, другие, из арбалета подстрелили, ещё в самом начале.

— Эти, это кто? — тихо спросил её ящер, который подошёл первым к пещере.

— Да эти, — снова, как-то непонятно передёрнула она плечами, — пятеро которые были.

— Ну и где они? — баронесса, подойдя к двери, спокойно отстранила её и прошла внутрь.

Выйдя оттуда и молча, пройдя мимо стоящей у двери, потупивший взор амазонки, даже не взглянув на неё, она подошла к Маше, так и стоявшей неподвижно возле костра и чётко, по военному, доложила:

— В пещере четверо. Все раненые, все без сознания. Два ящера и две амазонки. Одна близняшка, другая из той троицы, что я оставляла на прополку.

— Как только вы скрылись под землёй, — неожиданно подала голос Лия, — так те пятеро сразу же бросились на охрану. Я даже не знала, что подобное возможно. Они за пару секунд одними лопатами перебили чуть ли не половину охраны и если бы не та троица, что занималась прополкой, то и оставшихся, сразу бы положили.

— Что-то хвалёные имперские легионеры оказались слабоваты против обычных девчонок, — криво улыбнулась она. — Да и эти трое, что с прополки, недолго продержались. Одна только Варька и осталась, остальных двоих враз срубили. Как они лопатами вертели, — поражённо покрутила она головой. — Нас такому не обучали. Мы еле успели здесь запереться.

— Значит, двое ушли, — мрачно буркнула Маша, не дослушав до конца рассказ амазонки. — А сама то чего заперлась?

— Так они рвались к нам в дом, прям как озверевшие и только когда поняли, что с наскока дверь не вышибить, схватили вашу коляску и умчались в сторону гати.

— Белла, — Маша повернулась к баронессе и вопросительно посмотрела на неё. — А почему ты выделила из всех восьми амазонок только тех троих, что оставила на прополке?

— Как почему? — удивлённо посмотрела на неё Изабелла. — Да любому сельскому жителю прекрасно видно, что эти трое умеют обращаться и с мотыгой, и с лопатой. Все их ухватки и поведение говорят о том, что это сельские девчонки. А вот остальная пятёрка, явные горожане. Если когда и жили в селе, то сельским трудом никогда не занимались. Зачем таких держать на работах в саду. Такие хороши в охране обозов, или…, - баронесса неожиданно задумалась, а потом удивлённо посмотрела на Машу. — А вот нигде, кроме охраны, я их себе и представить не могу. Да и странные они какие-то. Внешне девчонки, девчонками, а повадки взрослых, уверенных в себе женщин.

— Они и у нас всегда держались особняком, — неожиданно подала голос Лия. — И эти, и иные.

— Что, — сразу насторожился ящер, были и иные?

— Ну да, — удивлённо посмотрела на него расстроенная амазонка. — Или ты что думаешь, что в амазонки идут только из деревни? Нет! У нас полно всякого разного люда. Даже из-за моря, порой, приезжают. Вот и эти пятеро были такими же, заморскими.

— Из-за моря, говоришь? — вопросительно посмотрел на неё ящер.

Ни слова не говоря, он как-то незаметно сместился в сторону, и, мгновенно оказавшись у неё за спиной, заломил ей руку за спину. Приставив нож к горлу, тихо попросил:

— Открой рот детка, пожалуйста.

Лия, не издав ни единого звука безропотно открыла широко рот и позволила ящеру внимательно осмотреть его.

— Ну и что всё это значит? — настороженно глядя на ящера, полюбопытствовала баронесса. — Может, ты всё же объяснишься?

— Чуть позже, — тихо бросил ящер, осторожно осматриваясь по сторонам.

Взмахом руки он подозвал к себе второго десятника из цепи, охватывающей по периметру лагерь и что-то тихо ему сказав, быстро побежал к телам погибших амазонок.

Видимо то, что, он сказал, оказалось весьма важным, поскольку второй десятник, даже не обсуждая ничего с ними, махнул ящерам из своего десятка и бегом бросился в сторону гати.

Следующие несколько минут первый десятник занимался совершенно непонятным делом, ножом раскрывая рты у погибших амазонок и внимательно там что-то рассматривая. Наконец, осмотрев всех и придя к какому-то выводу, он быстрым шагом направился к стоящим у входа в пещеру Маше с Изабеллой

— Это так называемые "Волчьи вдовы", наёмные убийцы с

Волчьих островов, — без всякого предисловия начал он, как только подошёл к практически уже прогоревшему кострищу. — Такие есть и на службе у нашей Императрицы, и у амазонок, да и у баронов часто встречаются, у тех, кто побогаче и может позволить себе их отнюдь не дешёвое содержание.

— Их нанимают для выполнения особых поручений. Отличительным признаком их является какой-то генетический дефект нёба, что с детства формирует у них там что-то вроде щели. Только по ней, их и можно узнать. Но об этом мало кто знает, поэтому их очень трудно выявить.

— Но чтоб они были в составе армии? — удивлённо, неверяще пожал он плечами. — Не понимаю.

— Зато теперь понятно, как они справились с оставленной дюжиной. Они даже без оружия представляют собой идеальные машины для убийства. Им, собственно оружие и не требуется. У них любая палка в руках уже смертоносное оружие.

— Да, — растерянно кивнула головой Лия под внимательными и настороженными взглядами присутствующих, — они всегда отличались на занятиях и поражали нас уровнем своей подготовки. Им всегда всё легко давалось, как будто они это уже умели. Наши даже за это их всегда недолюбливали. Правда, бить не пытались, уж больно они хорошо дрались.

— Внедрённые с самой ранней юности агенты? — удивлённо подняла правую бровь Изабелла. — Зачем?

— Пойду ка я проверю остальных, — неожиданно заметил десятник, направляясь к входной двери пещеры.

Не успел он скрыться за дверью, как из пещеры неожиданно раздался жуткий вопль и грохот. А следом за этим из настежь распахнутой двери выкатился клубок каких-то сплетённых, яростно визжащих тел.

Мгновенно бросившись к ним, Маша с баронессой всё-таки опоздали, и на земле застали лишь два трупа. Ящер, лёжа навзничь с распоротым горлом, тяжело хрипя, медленно умирал, не в силах сдвинуться с места, а лежащая на его груди амазонка застыла, схватившись двумя руками за кулак с воткнутым ей прямо в глаз пальцем мёртвого ящера. Голова её, отделённая от тела тонкой, чистой линией перерубленных рук и шеи так и застыла этакой крынкой на заборе, нанизанная на торчащий в её глазнице палец мёртвого ящера.

Баронесса, медленно и аккуратно стряхнув с кончика сабли капли крови, осторожно обойдя мёртвых, брезгливо поморщилась. Откатив ногой тело мёртвой амазонки в сторону, кончиком сабли, аккуратно и осторожно, стараясь не испачкаться

в кровище, попыталась разжать у отрубленной головы сведённые судорогой челюсти.

— Отойди, — отстранил её в сторону неожиданно появившийся у неё за спиной второй десятник. — Эта уже мёртвая, — добавил он и, наклонившись к амазонке, одним, слитным, плавным движением, с каким-то неприятным, мокрым, чмокающим звуком выдернул голову амазонки с пронзившего её глаз пальца. Тут же, ухватившись за челюсть двумя лапами, он буквально разорвал ей рот, заглянув в гортань.

— Есть, — мрачно сказал он, отбрасывая отрубленную голову в сторону. — Ещё одна.

— Как же она оказалась в пещере? — подозрительно глянул он на впавшую в ступор Лию.

— Там есть дымоход, — растерянно потыкала она рукой куда-то в сторону. — А мы до сих пор дырку от него так камнем и не заложили. Сперва Димочке было не до того, а потом, когда он уехал, мы как-то об этом и забыли. Так дыра и осталась. А по ней любой мог свободно пробраться к нам в пещеру. Если знал, конечно, — растерянно добавила она.

— Эта знала, — мрачно бросил второй десятник. — Вопрос только в том, что ей там понадобилось? Зачем было возвращаться?

— Где вторая, последняя? — угрюмо глядя на него и настороженно оглядываясь, спросила баронесса. — Их должно было остаться двое.

Ящер, мгновенно сорвавшись с места, бросился в пещеру и несколько минут оттуда не появлялся. Настороженно застывшим у входной двери баронессе с Машей, только и было слышно, как он быстро метался по пещере и чем-то там шуровал.

— Пусто, — кратко отчитался он, выглянув оттуда спустя буквально пара минут. — Эта была одна. Второй не было.

— Так, где же она? — вопросительно взглянула на него баронесса.

— Значит, всё-таки, сорвалась с гати вместе с коляской и, похоже, с лошадьми вместе и утопла, — мрачно ответил ящер. — По крайней мере, следы говорят об этом. Единственный след оттуда, возвращался сюда.

— Тогда понятно, почему она вернулась, — заметила Маша и на вопросительный взгляд баронессы добавила:

— За картой пещер, конечно, — мрачно пояснила она. — В пещере у девчонок есть карты всего подземного комплекса, а то, что они взяли, или, что вернее, перерисовали из пещеры, утонуло вместе с той, что утопла вместе с лошадьми.

— Или они, таким образом, постарались нас отвлечь, чтобы

дать время первой наверняка скрыться, — угрюмо заметила баронесса. — Пока тела не найдено, будем так и считать, — отрезала она.

— Где ты в этом болоте наёдёшь то тело, — мрачно буркнула Маша. — Это тебе не озеро, чтобы сетями попытаться выловить утопленника.

— Значит, ушла, — холодно отрезала баронесса. — Я много чего слышала о подобных наёмниках, ещё там у себя в баронстве, — резко кивнула она в сторону. — Так вот, они никогда не срываются. Ни с гати, как бы быстро ни мчались лошади, ни с крыши, какая бы она скользкая ни была, ни откуда бы то ни было вообще. Она ушла, и прими этот факт, как данность.

— Уже ночь на дворе, — обратилась баронесса к десятнику. — Организуйте охрану карт и пошлите группу вдогонку, поискать следы. Может, хоть какие-то метки остались на выходе из болота. Тогда завтра с утра можно будет продолжить поиски.

— И ещё, — задумчиво проговорила она. — Пошлите пятёрку, поопытней в город. Если последняя амазонка где-то поблизости и перекрыла дорогу, то хоть один из них, может быть и дойдёт. Надо срочно предупредить городские власти. А нет, так это её хоть ненадолго, да задержит. Может, они хотя бы ранят её, а это уже хорошо.

Ящер, бросив внимательный взгляд на баронессу, с задумчивым видом осматривающей место побоища, мгновенно подхватился и бросился выполнять отданный небрежным, рассеянным голосом приказ.

— А ты оказывается умеешь построить подчинённых, — усмехнулась Маша, оценив произведённые ящером телодвижения. — Я смотрю, у тебя не забалуешь.

— Что? — рассеянно спросила баронесса, думая о чём-то своём. — Не обращай внимания, — отмахнулась она. — Особое время, особые условия. Необходимость диктует.

— Какая такая необходимость? — встревожилась Маша. — Если ты про ту сбежавшую амазонку, то это ерунда. Никуда она не уйдёт, даже если жива осталась. В нашем лесу её или корнеевские егеря, или медведи, обязательно догонят.

— Жива, — задумчиво протянула Изабелла. — Эта то, жива. Эту, может, и догонят, — хмыкнула баронесса, глядя на Машу каким-то рассеянным, задумчивым взглядом, — а вот с другими, что прикажете делать?

— Другими? Какими такими другими? — вопросительно глянула на неё Маша. — Так ты полагаешь, что есть ещё и

другие?

— А куда, по-твоему, каждую ночь шлялись эти девицы? — насмешливо прищурив глаза, холодно поинтересовалась баронесса. Тупизм и явня глупость этой банкирши начинал её серьёзно раздражать. — Или ты уже забыла жалобы Силантия Воротного на то, что ему спать не дают?

— Опана! — ошарашенно прошептала Маша. — А про Силантия то я и не подумала. Похоже, ты права, и другие всё-таки есть, а значит, у нас большие проблемы. Хотелось бы знать, что это за дерьмо, куда мы со сего маху вляпались?

— Собирай ка, Маша, своих, завтра же, — тяжело вздохнула баронесса, — а то, боюсь, скоро станет некого собирать, если всё то, что тут происходит, это то, что я думаю.

Сегодня мы уж никуда не поедем, придётся ночевать в пещере. Соваться в ночной лес, имея вполне реальную возможность нарваться на болт из украденного беглянкой арбалета, глупость несусветная. Будем ночевать здесь, а завтра с утра отправимся в город.

*Хмурое утро… Возвращение. **

Утро после бессонной, наполенной тревогой ночи, с потоянной угрозой нового нападения начиналось не самым лучшим образом. Не выспавшиеся, раздражённые люди с ящерами косо посматривали друг на друга, словно ожидая друг от друга ещё какой-нибудь пакости. Тем не менее в долине задерживаться не стали и как только небо над лесом чуть посветлело, коляска Маши с Изабеллой, окружённая плотным кольцом настороженных ящеров, настороженно всматривающихся в близко подходящие прямо к дороге кусты не облетевшего ещё до конца орешника, двинулась в город.

До самого города всё было спокойно и лишь на подъезде к городским воротам ещё издали было заметно что там что-то происходило. Возле ворот и сразу за ними толпился какой-то незнакомый люд, которого там никогда раньше в это время не было. Возле покосившейся от времени старой будки воротного сторожа, сразу за ними, стоял сам начальник местной городской стражи господин Боровец, раздражённо переминавшийся с ноги на ногу и сердито посматривающий по сторонам. Судя по злому, мятому лицу его, он словно бы не знал в кого надо было бы сейчас вцепиться и на ком сорвать свою злость.

Хорошо было видно что он сильно раздражён и только и ждёт момента чтоб на кого наорать, настолько у него было

характерным выражение лица.

— Господин Боровец!

Из остановленной возле ворот коляски, не выходя, Маша окликнула стоящего к ним спиной, глядящего на что-то в коморке начальника местной полиции.

— Что у вас здесь происходит и почему нас не пускают в город? Что произошло.

Молча подойдя к самой коляске, Боровец крепко схватился правой рукой за дверцу коляски, словно хотел её выломать и играя желваками на скулах, зло смотрел на Машу с Изабеллой. Поиграв с ними в гляделки, сиплым, злым голосом спросил:

— Где вы были этой ночью?

Собравшуюся было ответить Машу перебил холодный, невозмутимый голос баронессы.

— На каком основании вы интересуетесь где мы были?

Холода в её голосе было столько, что наверное можно было бы заморозить всех в этом городе, кроме самого Боровца, который на это просто не обратил внимания, злобно зыркнув в её сторону. Что, впрочем, никак не повлияло на невозмутимость баронессы.

— Убит воротный, — поднял на неё зеледеневший взгляд Боровец. — Сегодня ночью убит Силантий воротный. Вы были последние, кто вчера покидал город через эти ворота. Поэтому я хочу знать где вы этой ночью были и не можете ли вы мне чего сказать по этому поводу.

— Меня ещё никто не обвинял в убийстве какого-то старика, — холодно, одними губами улыбнулась Изабелла. — Тем более, простого воротного сторожа.

Тем не менее я отвечу. Мы были в Райской Долине, смотрели ягодники. Этой ночью мы находились там, ночевали в пещере.

По поводу же убийства Силантия воротного мы вам многое можем сказать и то что мы вам скажем, вам очень не понравится. Поэтому, для вас будет лучше бросить здесь заниматься ерундой и проехать вместе с нами до Управы.

— Вы считаете что убийство одинокого старика воротного это ерунда? — нехорошо как-то взглянул на неё Боровец. — Старый, никому не нужный старик в вашем баронском представлении значит, не стоит того, чтобы заниматься поиском его убийц?

— Его убийцы нам известны, — холодно отрезала Изабелла. — И находятся не в этой будке, возле которой вы нас держите уже битых полчаса, а где-то в городе или давно уже за его пределами. И в этой старой будке у ворот вы никого из них не найдёте. Потрудитесь наконец-то прекратить нас задерживать и займитеь своим непосредственным делом, за которое вам платят немалые деньги — охраной города.

Если бы Боровцу можно было ещё больше побледнеть, он бы может и побледнел, но вместо этого глаза его полыхнули яростью.

Каждая потерянная здесь с вами в пустой болтовне минута, работает на убийц, — спокойно посмотрела в его горящие глаза Изабелла. Вспыхнувшие яростью глаза Боровца на неё не произвелиа ни малейшего впечатления. — И если вы не хотите окончательно их потерять, то организуйте нам встречу с Городским Головой как можно быстрее, на которой мы и обсудим все возникшие с этим убийством вопросы. Там вы и получите все ответы на все свои вопросы.

Медленно повернув голову, Боровец более внимательно присмотрелся к стоящей чуть в стороне группе ящеров, сзади полукольцом окружавших коляску банкирши. Только сейчас ему бросилось в глаза резко сократившееся число ящеров из бывшей ранее весьма многочисленной персональной охраны и этой приблудной баронессы, и этой самозваной банкирши, над обилием охраны которой они постоянно между собой последнее время посмеивались, вышучивая глупую по их мнению паранойю совсем сбрендивших бабёнок.

У Боровца было страстное желание окоротить этих двух наглых, зарвавшихся бабец, требующих непонятно чего, и силой принудить их последовать за ним в казармы Стражи, где бы он очень серьёзно поговорил и с той, и с другой. Однако одного лишь взгляда на их личную охрану хватило чтоб сразу заставить его насторожиться.

Ящеров было много меньше, чем по словам видаков они вчера покидали город. Да и вид их был отнюдь не такой лощёный, в каковом все в городе давно уже привыкли их видеть. Многие были перевязаны, а повязки несли на себе следы свежей, недавно только остановленной крови. Ящеры явно чуть ли не только что вышли из какой-то весьма серьёзной передряги и было похоже, что там они понесли весьма серьёзные потери. По крайней мере, количество их серьёзно поубавилось.

— Ну что ж, — Боровей бросил ещё один, более оценивающий взгляд на сидящх в коляске бабёнок. Выходило что вопросов к ним было ещё больше чем он первоначально предполагал. — Мою лошадь сюда, живо! — махнул он рукой своему ординарцу, подзывая.

Здесь сворачивайтесь, — бросил своему заместителю Кольке Гурскому, как раз в этот момент вышедшему из сторожки воротного. — Поставишь наших ребят на ворота. Всех впускать, никого не выпускать.

Поехали! — вскочил он на лошадь и пристраиваясб сзади

тронувшейся с места коляски банкирши. — В Управе поговорим.

Выслав вперёд вестового, Боровец старательно держался сзади коляски, стараясь не приближаться к переговаривающимся между собой о чём-то вполголоса женщинам.

— Зачем старика то было убивать, — едва слышно шептала сама себе Маша каким-то не своим, чужим голосом. За прошедший год этот одинокий, безобидный старик, всегда с радостью встречавший любого в воротах радостной улыбкой стал ей удивительным образом чем-то дорог. И внезапная смерть старика буквально потрясла Машу.

— Видать ворота отказался открывать, — эхом отозвалась Белла.

— С нами поговорил, вот и решил проявить строгость, — тихо проговорила Маша.

Она сама не ожидала что на неё смерть никому не нужного старика произведёт столь тягостное, тяжёлое впечатление. Казалось бы никому не нужный, безобидный старик, которого не всякий раз то и замечала. А вот, поди ж ты. К нему настолько все оказывается привыкли, что теперь без него оставшиеся за их спиной распахнутые настежь ворота, казались какими-то пустыми и чужими.

— А мы-то думали, куда это пошла, побежала наша беглянка, — тихо, с хорошо различимыми нотками угрозы в голосе, проговорила Маша. Душу ей захлестнула злая, холодная ярость. — Оказывается эта тварь никуда не сбежала. Она где-то здесь, в городе.

— Ну? — повернулась она к Изабелле. — Как будем искать?

— Никак, — холодно отозвалась Изабелла.

Брови Маши изумлённо пошли вверх, а глаза широко распахнулись.

— Как…, - начала она.

— Никак, — снова резко оборвала её Изабелла. — Раз она пошла на открытое преступление, раз так раскрылась, раз так открыто показала нам что она здесь, в городе — значит искать её нам бесполезно. Значит, у неё наверняка в городе есть серьёзный схрон из которого её не выцарапаешь. Значит мы, — подчеркнула Изабелла, — искать её не будем.

Но Управу предупредим. Пусть этот, — с презрительной гримасой Изабелла мотнула головой назад, на старательно державшегося от них на расстоянии Боровца, — ищет. Это их с Головой прямая обязанность. Авось что и найдут. Хотя я в это не верю, — тихо добавила она. — Тупые и ленивые. А воинов с такой серьёзной подготовкой, как у нашей беглянки, местным облевшимся пивным брюхам ни в жизнь не найти.

— Судя по поведению Боровца, городская стража не предупреждена, — мрачно бросила Маша, покосившись назад. — Похоже этот боров подозревает нас в убийстве воротного.

— Похоже на то, — вслед за ней бросила на Боровца косой взгляд и Белла. — Видимо, ночью никто из гонцов до города так и не дошёл. Жаль. Так бездарно потерять хороших бойцов, — с горечью проговорила она.

Управа. *

Когда спустя пару часов Маша с Изабеллой вышли из совещательной комнаты Городского Совета, где подробно и детально рассказали о произошедшем в долине и своих выводах, и остановились на широком крыльце городской Управы, щурясь на ярком полуденном солнышке, у них обеих было странное выражение лица.

— Не поверили.

Казалось, Машу сейчас хватит удар, настолько у неё было потрясённое, неверяще выражение лица.

— Нам не поверили, — растеряно повернулась она к баронессе. — Нам! Мы что, действительно параноики? Или истерические девицы? Или просто дуры?

В отличие от неё, на лице баронессы казалось не отразилось никаких чувств. Она молча смотрела прямо перед собой, словно не замечая стоящую рядом на крыльце Машу. Думая о чём-то своём она медленно, тщательно расправляя складки, натягивала на свои ручки тонкие, изящные дамские перчатки, непременный атрибут дворянского дамского гардероба.

— Ну, допустим дурами нас никто не называл, — улыбнулась она, слегка раздвинув губы в холодной ледяной улыбке.

— А тебе надо чтобы прямо в глаза сказали кто ты такая есть? — не менее холодно полюбопытствовала Маша. Спокойное поведение баронессы ей не нравилось. Было непонятно, а всё непонятное сейчас вызывало раздражение.

— Вряд ли я этого дождусь, — холодным тоном заметила Изабелла. — Всё-таки они, надеюсь, не самоубийцы, чтоб нарываться на вызов на дуэль.

— На что? — удивлённо уставилась на неё Маша.

Такого оборота Маша никак не ожидала. Тут говорят о судьбах города, озаговоре, а эта… Маша даже в мыслях постаралась сдержаться. Нехорошо думать так плохо о своём товарище, о жене друга,

— "Мечтает о каких-то дуэлях? Совсем что ли девчонка

сбрендила. Соплячка!" — невольно мысленно обругала она Изабеллу.

Не дождавшись отклика от невозмутимо держащейся рядом баронессы, Маша помолчала, а потом с тяжёлым, обречённым вздохом, как в разговоре с тяжелобольным человеком, поинтересовалась:

— Ну что, куда поедем?

— Едем ко мне домой, — деловым тоном спокойно ответила та, словно не заметив довольно выразительной мимики Маши, на лице которой явственно отразилось всё что она в тот момент про неё подумала.

Думаю, город нам в создавшихся условиях покидать не стоит. Да и единственный союзник, который нам действительно поверит находится как раз там рядом, — Изабелла, прямо посмотрела на стоящих рядом ящеров.

Проследив за её взглядом, Маша задумалась. Похоже, пока она комплексовала и занималась самоедством, у баронессы выработался какой-то план, настолько она спокойно держалась и была уверена в себе.

— Я предупрежу Корнея, — сердито проговорила она. Выглядеть взбаламошной дурой, глупой курицей, ей не хотелось.

— Не стоит, — коротко бросила Изабелла. — Наверняка он заодно с профессором уже всё знает и они оба ждут нас обеих у меня дома. Полагаю, ящеры уже предупредили и его, и профессора о произошедшем.

Покосившись на стоящих рядом ящеров их охраны, Маша с изумлением обнаружила что все раненые за то время что они провели в Совете куда-то исчезли, а на их месте появились новые, значительно увеличившись в числе. Теперь охрана их опять составляла два полных, вооружённых до зубов десятка.

— Ну что ж, — хмыкнула негромко она. — Тогда поехали. Проверим насколько ты права.

Дверь за их спинами тихо скрипнула и на крыльцо вышел Начальник Стражи города. Господин Боровец пребывал в самом отвратительном состоянии и всем своим видом показывал что ни с кем из стоящих на крыльце он сейчас разговаривать отнюдь не намерен. Покосившись на него, Маша с Изабеллой молча развернулись и не прощаясь, спустились с крыльца. Сев в стоящую возле Управы коляску они быстро скрылись в узенькой извилистой улочке, ведущей в сторону их дома.

Боровец нервно передёрнул лицом. Ему хотелось поговорить с обоими женщинами, но их поведение и то, как они обе на него поглядели, не дало ему возможности даже подойти к ним без потери своего лица. В этот момент он остро пожалел что не был

сдержан на совещании. Всё же не стоило так откровенно смеяться над ними. И если на реакцию Машки ему было откровенно плевать, то реакция баронессы заставила его серьёзно задуматься. О присущей некоторым старым родам западных баронов способности предвидеть надвигающиеся события он был много наслышан, только вот ни разу до сего дня сталкиваться с этим не случалось. Сейчас, видимо, он как раз столкнулся с одной из таких ведьм, как их называли даже в тех, дворянских краях. И от осознания того, кого именно он только что вместе со всеми вышучивал, у него нехорошо кольнуло в сердце. Шутки с ними никогда и никого до добра не доводили.

А последовавшая за тем реакция баронессы ему ещё больше не понравилась. Слишком уж она была спокойна и уверена в себе. Так себя глупые бабы не ведут, тем более дворянки. Потому он и вышел сейчас на крыльцо, что хотел переговорить с ней, и как-то сгладить произведённое неприглядное впечатление. Не получилось. Придётся теперь искать другого случая.

Но к тому что только что в Управе говорили эти две женщины, надо будет прислушаться. Обязательно. Пусть он прослывёт и параноиком, но это лучше, чем оказаться неподготовленным дураком, не соответствующим занимаемому месту.

Как говорит одна очень мудрая пословица: "Лучше перебдеть, чем…". А вот далее, надо было подбирать действие по ситуации.

*Землянка. Совещание.**

Маша со смешанным чувством какого-то неясного ностальгического томления в душе, переступала порог бывшего своего дома.

Быстро пройдя по значительно расширившейся за прошедшее время прихожей, слабо освещённой рассеянным, неярким светом, падающим из расположенного под самым потолком небольшого прямоугольного окошка, Маша решительно распахнула массивную дверь в гостиную и… замерла на пороге.

— Ого! — вырвался у неё невольный возглас.

Стоя в дверях она с искренним восхищением крутила головой, рассматривая сильно изменившееся за последнее время внутреннее убранство гостевой залы.

— А у тебя тут ничего, миленько, — слегка забывшись, кивнула она головой, входящей следом баронессе. — Вот уж не думала, что наш свинарник, где мы когда-то жили, можно превратить в столь милое и уютное гнёздышко.

Пройдя в комнату, она медленно двинулась по комнате, с любопытством рассматривая стены, завешанные привезёнными баронессой с собой гобеленами с красивым растительным орнаментом, и с живописно развешанной по ним коллекцией боевого холодного оружия.

— "М-да, — хмыкнула она про себя насмешливо. — Чувствуется типично рыцарское воспитание. Это тебе не семь слоников на комоде. Это боевые топоры, да алебарды. Во! — снова насмешливо хмыкнула она, заметив кое-что хорошо знакомое. — Вот тебе и боевые луки со стрелами. Хоть сейчас снимай и стреляй, — остановилась она в противоположном углу комнаты возле, по-видимому недавно разожжённого камина.

К комнате стоял лёгкий запах дымка от горящих берёзовых дров, как всегда ранее бывало, когда они только, только разжигали камин, собираясь перед ним по какому-нибудь поводу.

— "Однако, давненько мы тут не собирались, — проскочила у неё в голове недовольная мысль. — Можно подумать, что это не она у нас в гостях, а мы тут незваные гости. И вообще. Что она делает на Сидоровой половине? Сидела бы в своём, выделенном для неё углу, и не совалась бы сюда, в нашу гостиную. Да ещё интерьеры принялась украшать и перестраивать", — промелькнула у неё раздражённая мысль.

— Вот уж никогда бы не подумала, что нашу убогую землянку можно столь радикально изменить, превратив её даже не в приличное, а просто в комфортное жильё.

Как Маша не старалась, но видимо истинные чувства в этот момент прорвались в какой-то форме, потому что раздавшийся в ответ голос баронессы был достаточно прохладен.

— Проходите, госпожи банкирша. Устраивайтесь.

Баронесса Изабелла де Вехтор, пройдя следом, подошла к столу и взяв в руки с серебряного подноса на столе колокольчик, негромко позвонила. В соседних дверях мгновенно материализовался силуэт какой-то девчонки.

— "Дашка, — отметила тут же Маша. — Вот знашит где она всё время болтается когда её нет в коптильне. Понятно".

— Вот уж не думала, что у Вас, баронесса, было столько железа с собой.

Маша, недоумённо подняв брови, бросила на неё вопросительный взгляд.

— Мне казалось, или когда Сидор привёз вас сюда в город у вас ничего подобного не было?

— Кое-что по мелочи было, но большую часть я приобрела уже здесь. Кое-что нашлось в кладовке у господина Сидора из его доли трофеев после разгрома рыцарей во время последнего его

похода за лошадьми. Но из-за ранения господин Сидор не мог отобрать себе оружие надлежащего качества. Так что, досталось то, что досталось, — с лёгким оттенком едва заметного сожаления в голосе заметила баронесса. — По крайней мере, так утверждал господин Сидор. Ну а основную часть коллекции составило то, что попало в город вместе с егерями после того самого похода и что я смогла потом у них выкупить.

— В общем, всё самое лучшее, что ты здесь видишь, было прикуплено мною сразу после этой эпопеи с изгнанием от города амазонок.

— Эх! — мечтательно покачала она головой и голосом, полным искреннего сожаления продолжила. — Мне бы сразу сообразить, что многие из ваших егерей будут продавать трофеи. К сожалению, теперь многое из ранее возможного уже и не собрать.

— Без больших денег, — улыбнулась она, глядя на удивлённо разглядывающую оружие Машу.

Изабелла подняла на повернувшуюся к ней Машу чистый и спокойный взгляд, полный искреннего сожаления об упущенной возможности.

— Ну, ладно. — Маша, отодвинув от стола изящный, с гнутыми ножками стул, похоже появившейся в землянке вместе с баронессой, с удобством устроилась боком к жарко пылающему камину. — В своих отношениях с господином Сидором, вы сами определитесь. Сейчас же перед нами стоит совершенно другая проблема, с Сидором совершенно не связанная.

— Даша, — повернулась к двчонке Изабелла. — Если профессор с Корнеем дома, то позови их пожалуйста сюда. Нам надо поговорить.

— Они сказали сейчас будут, — без запинки отбарабанила Дашка. — Они оба сейчас в нашем арсенале и смотрят что оттуда можно использовать.

Корней ругался что ничего там толкового нет, — тут же заложила она его, повернувшись к Маше. — А профессор сказал что у него есть что-то хитрое, что нам очень поможет.

— Так, егоза! — раздалось от двери. — Уже всё выболтала.

— И ничего я не егоза, — обиделась Дашка. — Тебе бы старый дома на печи сидеть, а ты вечно где-то по свознякам шлындаешь. Вот простудишься опять, кто тебя будет лечить. Опять тебя старого мне на шею повесят.

Ой! — пискнула она, получив звонкий шлепок по заднице. — Чё дерёшься то, — Дашка быстро юркнула за дверь на кухню, скрываясь от демонстративного гнева профессора.

— До чего вредная девка, — улыбнулся проходя к столу

профессор. За его спиной маячила фигура закрывающего входную дверь Корнея. — Никакого сладу нет. Но она права. В нашем арсенале действительно ничего стоящего нет. Куча снятых с цундпов пулемётов и ни одного патрона к ним.

— То есть как? — удивлённо воззрилась на него Маша. — А как же…

— Васятка, стервец, всё расстрелял, — выругался вошедший вслед за профессором в комнату Корней. — Всё подчистую извёл шельма. Теперь это только железный хлам. Придётся рассчитывать на арбалеты, — устало проговорил он.

— Что значит рассчитывать? — удивлённо посмотрела на него Маша. — Вы что, собрались воевать? Тогда просветите нас, — повернулась она к Изабелле, ища её поддержки. — Потому что лично я ничего не понимаю. И до этой минуты воевать ни с кем не собиралась.

— А что тут понимать, — устало проговорил профессор, тяжело опускаясь на стул за столом. — Судя по вашим лицам, ничего вы в Совете не добились. А это значит что в выявленном готовящемся смятеже нам придётся рассчитывать исключительно на собственные силы и может быть ещё на помощь ящеров. В том случае, если они вдруг решат вмешаться, — устало добавил он. — Хотя я в этом не уверен. Им это не надо.

— Какие силы, профессор? — неверяще глядела на него Маша. — Свои? — повысила она голос. — А они у нас есть?! Вы соображаете что говорите. Надо собирать вещи и уматывать из города. Лучше всего спокойно переждать в Берлоге набег, пока здесь всё не успокоится, а потом вернуться.

Вы что, профессор, с несколькими десятками наших охранников, гордо называемых вами егерями, и с возможной помошью нескольких сотен ящеров, которых, если они не вмешаются, вообще никто не тронет, собираетесь остановить готовящееся вторжение амазонок? У вас от старости видать что, голова слегка ослабла? — с сожалением посмотрела она на старенького профессора. — Совсем заговариваться стали.

Когти надо отсюда рвать, — возмущённо воскликнула она, — а не готовиться к сопротивлению.

— Боюсь, что рвать когти как раз у нас и не получится, — с сожалением цыкнул зубом Корней. По его расстроенному виду было понятно что идея с сопротивлением и ему самому не очень нравится.

Как только мы с вернувшимися из долины ящерами получили данные о готовящемся мятеже амазонок, мы с профессором скоренько проанализировали ситуацию, и скажу тебе, дорогая, что отсидеться в стороне лично у нас не выйдет. И я тебе сейчас

объясню почему, — тяжело вздохнул он.

Самое главное, по нашему с профессору общему мнению, если не основной, то один из ударов готовящегося вторжения придётся как раз на нашу Речную крепость и на наш питомник. Там и там для амазонок есть много чего интересного.

В заливе их ждут аккуратно складированный, хоть завтра вывози, сухой, выдержанный пиломатериал, в количестве, более чем достаточном для строительства двенадцати больших речных лодий, а в долине — не забывай, что там у нас ягодник, добраться до которого амазонки давно уже мечтают. Вспомни, что беглянку с Ягодного ведь так и не поймали, а значит, и где что находится они прекрасно осведомлены.

И ещё, — грустно посмотрел он на Машу. — Во всю эту историю с будущим набегом очень хорошо встраиваются наши проблемы что мы имеем по водочному заводику на Рожайке. Прям, как по заказу. И по срокам, и по тому, что нам, лично нам, отсидеться в стороне никак не получится. Нас будут грабить, Маша, конкретно нас.

Но не всё так плохо, — Корней остановил вскинувшуюся было сердитую Машу. — Не всё так плохо, Маша. Даже если мы плюнем и на свои будущие лодьи, и на питомник, и на водочный заводик, не отсидимся мы у себя в Берлоге, если амазонки захватят город. Слишком мала там охрана, да и стены невысоки. И дня не продержимся. А все в городе прекрасно осведомлены, что у нас там хранится хороший куш в виде большого количества речного жемчуга. Так что, нас там в покое не оставят.

И в город, в хранилища банка жемчуг не перетащишь. Насчёт того что город захватят, у нас с профессором нет ни малейшего сомнения. Пусть ненадолго, пусть на день, на два, но с таким отношением властей к его охране, амазонки несомненно его захватят. Потом, конечно, подтянутся клановые войска и амазонок вышибут отсюда как пробку из бутылки, но за эти пару дней они тут дел наворочают. По крайней мере, город они ограбить успеют. И нас в том числе. В чём, в чём, а в этом их умении можно не сомневаться.

— Это если мы попытаемся отсидеться в стороне, — тихо проговорил профессор, глядя Маше прямо в глаза.

— Что вы собираетесь делать? — холодно проговорила Маша.

Она уже поняла что у её мужа с профессором появился какой-то план, и теперь сдвинуть их с него будет совершенно невозможно. В чём-чём, а в характере своего мужа за время жизни с ним она разобралась прекрасно. Если тот что решил, сдвинуть эту глыбу было нельзя. Ругаться было бесполезно, так что, придётся теперь подстраиваться.

— Давайте рассмотрим что мы имеем, — тихим, невыразительным голосом проговорил профессор. — Но сначала надо обсудить ситуацию, чтобы чего-либо не упустить.

Итак, — начал он. — Что мы имеем.

Мы имеем чёткое понимание того что в городе в среде амазонок существует заговор с целью мятежа. Ничего, в общем-то нового, — пожал он плечами. — Дело вполне обыденное и его, честно говоря, следовало ожидать. Сидор зарвался со своими предъявами амазонкам на такие безумные выкупные платежи и они единственным естественным образом собрались ему ответить.

— Полагаю вы ошибаетесь, — холодным голосом возразила Белла.

Она сама в этот момент не могла понять сложного чувства, охватившего её в момент упоминания мифической вины своего мужа, но главное она уловила — такой подход ей совершено не нравился. Слишком легковесен.

— Я уже Маше говорила, повторю и вам с Корнеем. Безумно высокие как вы считаете выкупные платежи для пленных амазонок, высоки лишь для этого города. Во всех остальных краях такие суммы вполне обыденное дело. Так что рассматривать готовящееся вторжение как реакцию на завышенные требования господина Сидора будет неправильно.

Цель существующего заговора можно точно определить, как захват и грабёж самого города. И пленные амазонки нами могут рассматриваться лишь как удачно подвернувшийся случай в давно разрабатываемых планах руководства Республики по подчинению своему влиянию не только одного этого города, но и всего этого края.

Существуют ли у амазонок связи с кем-либо здесь в городе сейчас невозможно сказать. Нет данных. Но что она безусловно существует, это факт. То как нас быстро вышвырнули из Совета, стоило лишь заговорить о возможном мятеже пленных, безусловно на это указывает.

Лично у меня вообще сложилось мнение, что заговор существовал ещё задолго до всей этой истории с лошадьми, а появление в городе такой массы пленных лишь спровоцировало давно вынашиваемые планы.

На эту мысль наводит оперативность, с которой была произведена замена всех возможных для богатого выкупа амазонок, на их так называемых "дублёров", которые по обычаю сидят в плену вместо тех кто гарантировано сам лично может заплатить большой выкуп. Сидят до того момента пока семьи замещаемых соберут необходимую сумму для выкупа. Обычная

казалось бы практика. Если бы только не одно но… Оперативность с которой это было осуществлено. Удивительно быстро произведённая замена. И личности, выставленные на замену — так называемые волчьи вдовы, профессиональные наёмницы с Волчьих островов.

Вы, господа, совершенно упускаете из виду или просто забыли, каким образом так называемые "вочьи вдовы" оказались в городе. По обмену! Именно в качестве таких вот дублёров. Считать это случайностью верх глупости.

И в настоящий момент мы даже представить себе не можем сколько их, таких вот дублёров вообще находятся сейчас в городе.

— Замена произведена давно, несколько месяцев назад, а о мятеже мы говорим сейчас, на пороге зимы, — сердито проворчала Маша. — В огороде бузина, а в Киеве дядько. Что-то у вас, Изабелла не сходится.

— Вы забыли реакцию жён Димона на агрессию к нам со стороны этих самых дублёров, — бросила на неё короткий, внимательный взгляд Изабелла. — Думаю расслоение, с самого начала существовавшее в их среде, и помешало им сразу выступить с мятежом. Сразу, как только произошла замена.

И необычно тёплая осень, затянувшая установление на реках ледяного покрова, препятствующего судоходству, практически на начало зимы, дала им время чтобы спокойно разобраться со своими делами. Льда на реках нет до сих пор и практически ничто им не мешает провернуть мятеж с последующим грабежом города в любое удобное для них время. Надо только правильно определить момент их выступления и тогда нам сразу станет ясно чего следует ожидать.

— Оставим вопрос с возможной связью кого-то из города с амазонками на потом, а пока сосредоточимся на на том что знаем, — покосился на неё Корней. Слова Изабеллы о связи амазонок с кем-либо в городе он воспринял спокойно, видать сам он так же думал. Но останавливаться на данном вопросе не хотел. Пока, — Одного того что вас не захотели выслушать нарочитые мужи города ещё не говорит о том, что там сидят все изменники. Сами представьте как это всё выглядело со стороны. Прибежали рано с утра две взъерошенные молодые бабёнки и заблажли дурным голосом что их только что собирались убить.

Так ведь не убили же, чего верещать. А все ваши домыслы легко можно списать на перевозбуждённое разыгравшееся воображение.

Но это они так считают, — хмуро буркнул он. — Или делают вид что так считают. Мы же будем исходить из реальности.

Что нам точно известно?

Что в настоящий момент мы имеем дело более чем с двумя сотнями таких подозрительных дублёров. Сомневаюсь, что все они представлены наёмницами "вдовами", потому как найм такого числа столь дорогостоящих наёмниц дело весьма и весьма затратное. Да и смысла большого нет. Реально, думаю можно вести речь о сотне человек, не более. Остальные — обычная замена.

Может это и не так, и я ошибаюсь, но в городе из дублёров как раз постоянно находится данное число. Это новые кухарки и подавальщицы, работающие в следующих местах:

Гостиница "Пьяный Бугор" возле Городского Совета. Трактир "Василиск" возле арсенала. Четыре мелкие гостиннички с трактирами возле всех четырёх основных городских ворот: север, запад, юг, восток. В каждом из этих мест сосредоточены не менее двух десятков, так называемых "дублёров". Это мы за первую половину дня уже выяснили.

Итого, в городе находится одновременно как раз та самая сотня дублёров о которой я собственно и веду речь. Жаль только что проверить являются ли они теми о ком мы думаем, и действительно ли они относятся к волчьим вдовам, никто нам не даст. Если бы поверили — вопроса бы не было. Но раз нет, значит нет.

Что они представляют собой в бою, не мне вам говорить. Вы все уже убедились, что даже по одиночке, это крайне опасные создания. Поэтому, действовать против них надо внезапно, жёстко и только одновременно против всех разом. Брать их в плен безсмысленно, поскольку они просто в плен не сдаются, а потери среди наших бойцов в связи с попытками взять их живыми, резко возрастут. Не тот уровень подготовки. Поэтому, ставится задача поголовного их уничтожения, даже в том случае, когда они заявляют, что якобы готовы сдаться.

Как показала жестокая практика стычек с подобными наёмницами, это не более чем тактический ход. И он приводит лишь к лишним потерям с другой стороны. Поэтому, только поголовное уничтожение и желательно с дальней дистанции. В ближнем бою они слишком опасны, и не с уровнем подготовки моих курсантов с ними тягаться.

Но понимание того что происходит, не избавляет нас от необходимости принятия решения. Проще говоря, — скупо усмехнулся он. — нам надо решить. Как нам быть? Ввязываемся мы в эту драку или отходим в сторону и смотрим со стороны к чему это приведёт.

Сценарий происходящего, я думаю, всем нам понятен. Поэтому сразу перейдём к нашим решениям. Чего тянуть.

— Всё же я бы хотела его сперва услышать. Как вы себе представляете дальнейшее развитие событий? Потому как наши действия напрямую будут зависеть от правильности оценки ситуации, — раздался негромкий, отчётливо акцентированный голос Изабеллы.

— Ну, — недовольно пожевал губами профессор. — На вопрос как будет протекать мятеж, я думаю вам лучше всего ответит Корей. Он в таких делах спец, ему и слово.

— Ну, раз слово опять мне, — решительным, деловым тоном проговорил Корней, — тогда слушайте. Первое. Если вы думете что мятеж будет когда-то там не скоро, то вы ошибаетесь. Можно с совершенной точностью сказать что начнётся он ровно через два дня на третий.

— Откуда такая исключительная точность? — неприятно поражённая, Маша сердито смотрела на своего мужа. — Вы что-то с профессором знаете? Что-то от нас скрывали?

— Ничего кроме того что ты и сама знаешь, — недовольно отозвался Корней.

Обвинения в сокрытии чего-либо ему никогда не нравились, а уж выслушивать нечто подобное от собственной жены, так и ещё менее.

— Рассмотрим известные нам факты по порядку, — хмуро проворчал он.

Разбирать подробно казалось бы такое ясное дело ему не хотелось, а надо было. Иначе Машка его потом запилит тупой пилой, и так, несколько раз. Приходилось подробно ей всё объяснять.

— Думаю, что первоначально мятеж планировался, считая с сегодняшнего дня — через две недели. На день, когда Городской Голова собирается устроить торжественное празднование годовщины рождения своего первого внука. День сбора в одном месте всей городской Старшины, которую можно разом прихлопнуть, на мой взгляд как нельзя более подходит для нападения и мятежа.

Вся верхушка соберётся в городе, и соберётся не воевать, а праздновать. Праздновать и веселиться. Взять их всех в одном месте, тёпленькими, не готовыми к сопротивлению — что может быть лучше. Тут можно такие условия диктовать, что не всякий и вообразит.

Но почему именно на этот день, зимой?

Потому что все настолько привыкли к тому что в это время сезона вокруг ничего не происходит, что совершенно не задумываются о таких мелочах как природа. А природа этой осенью показала свой норов. Реки до сих пор ещё не встали, льда

на реках нет, и проникнуть в город десанту амазонок на судах по Каменке не представляет ни малейших трудностей.

То что раньше не было ничего подобного не значит что этого не будет никогда, — резко бросил он, как будто пытался их в чём-то убедить.

Никто их не остановит. Весь состав береговых батарей будет в полном составе пьянствовать и отмечать именины внучка Головы. На батареях не будет никого, кроме дежурной смены, которую можно или нейтрализовать, или она вообще будет пьяна в хлам, что более вероятно. Тем более что Голова не жалеет на это своих немалых средств.

Почему я это знаю, — криво улыбнулся Корней. — Потому что у меня на рабочем столе в училище лежит кипа заявлений от курсантов, с просьбой об отпуске на это время. Все, поголовно все, стремятся оказаться в этот день в городе, в своих семьях, потому что, как гуляет Голова знают все.

Гуляет он широко, весело, бесшабашно, не считаясь ни с затратами, ни со временем, чисто по русски.

Но это же знают и амазонки, — мрачно заметил он, с очень нехорошей улыбкой на губах. — Очень хорошо знают. Поэтому и готовиться должны были именно к этой дате.

— А тут вы, — с нехорошим прищуром посмотрел он на Машу с Изабеллой. — Можно сказать, сломали им всю игру, раскрыли их планы. Сообщили всем, что в городе есть мятежники и что возможно нападение. И если до сегодняшнего совещания в Совете мятежники ещё могли потянуть пару недель, поскольку погода позволяла, то с этого часа счёт пошёл на минуты. Они наверняка уже осведомлены об итогах того внезапного совещания, и прекрасно понимают что затягивание по времени работает против них. Не сегодня, так завтра кто-нибудь из Старшины задумается, а так ли уж была не права госпожа банкирша с баронессой, и сложит одно к другому. И тогда десант амазонок на реке будет ожидать горячий приём. Но пока этого не произошло, у них есть всего лишь два дня до общегородского праздника.

Встреча зимы или что-то вроде того. Думаю, у них нет больше выбора, потому как это не только единственный, но и самый удобный для мятежа день из всех возможных. Другого, более удобного больше не будет. а на две недели откладывать практически подготовленное выступление — чревато. У них уже всё и так пошло наперекосяк. Уже часть самих амазонок выступила против мятежников. Дальше может быть только хуже. Стоит только сарафанному радио разнести вести что амазонки схлестнулись друг с другом, как кому-либо из самих амазонок

может прийти в голову обратиться к городским властям со сведениями о планируемом мятеже. Вот тут-то весь их план рухнет окончательно. А что такое развитие событий, учитывая их горячие отношения друг к другу, вполне возможно, вы, я думаю уже поняли. Поэтому и тянуть они уже больше не могут.

За это же говорит и то, что беглая вдова не сбежала никуда, а скрылась где-то здесь в городе. Единственной причиной, по которой это имеет хоть какой-то смысл, являтся близость даты мятежа.

С датой определились, теперь рассмотрим противостоящие нам силы. Почему я говорю нам, потому что на кого-либо ещё кроме моих курсантов и здесь присутствующих не стоит. В Совете не поверили до того, не поверят и дальше.

Итак, что мы имеем. Из-за ограниченности времени, фактическом срыве сроков начала мятежа, вероятный десант амазонок будет представлен лишь теми силами что есть в непосредственной близости к землям Старого Коюча. А это исключительно тот самый пресловутый легион Речной Стражи, что мы потрепали этим летом.

Легион в последнее время серьёзно пострадал, в связи с отстранением прошлого его руководства, Тары из Сенка, от власти, и был частично расформирован. Но тем не менее, много ещё и осталось, не менее половины. Причём в самой непосредственной к нам близости. Потому, думаю, расчёт мятежников будет сделан на них.

А это не менее шести тысяч матёрых ветеранов, — мрачно заметил Корней. — И это, я вам доложу, не те соплюшки, что нам встретились на Девичьем Поле. Будь они там, сомневаюсь что нам так легко досталась бы победа. Кабы не наоборот. Уж слишком в том перегоне было много скользких моментов.

Корней заимолчал. Похоже, всплывшие в памяти воспоминания не доставили ему удовольствия. С силой проведя ладонью по шее, хмуро продолжил:

С числом определились, теперь, откуда ждать нападения.

Первое — удар изнутри силами мятежников. Тут мы ничего не сделаем, потому как сил внутри города у нас нет. Никто нам не поверил. Остаётся лишь рассчитывать что Боровец одумается и хоть что-то предпримет. Не полный же он, в конце концов дурак.

Второй, главный удар, будет нанесён по городу черед нашу Речную крепость и дальше через Южные городские ворота. Почему так?

Потому как они наверняка ожидают что вся воинская школа в полном составе будет распущена на праздник и в Южном заливе их практически некому будет встретить.

Помимо этого, как уже было сказано, в нашем заливе для них есть много чего интересного. И учитывая то что они прекрасно осведомлены кто был на самом деле истинным виновником пропажи у них в своё время нескольких новых ушкуев, они, думаю, не откажут себе в удовольствии пощипать зарвавшихся землян. Нас то есть.

К тому же, как я сказал, гарнизона в училище на эти дни не будет. Все будут в отпусках, — Корней опять, как-то нехорошо ухмыльнулся. — Но это, пусть они так думают.

И южное направление для нападения вообще очень удобно. С этой стороны за всё время существования города отсюда никогда не было нападения. Опять подчеркну — раньше, никогда не было. И с этой стороны практически нет насёлённых пунктов. Ни деревень, ни хуторов, ничего.

Поэтому они практически без сопротивления, не задерживаясь, пройдут от залива прямо к центру города, в арсенал и кремль. Словно горячий ножь сквозь масло.

Главное направление удара поддержит ложная атака через порт.

Почему ложная? Потому что только дурак серьёзно может рассчитывать пройти сквозь кривые улочки с густонаселёнными бараками портового района. Сотни вооружённых до зубов переселенцев, злых на амазонок словно черти, пусть даже и пьяных в дым, гарантировано задержут их надолго, несмотря ни на какие праздники и пьянки. Амазонки не могут этого не понимать, поэтому, на этом направлении будет лишь отвлекающий манёвр.

И последнее — север. Но это тоже опять лишь отвлекающий манёвр. Высадиться ниже города на реке легко, но вот пройти оттуда незамеченным до города нечего и думать. Слишком густо населён тот край. Кто-нибудь да заметит раньше времени. А вот от нас, с юга — никого нет. Поэтому основной удар будет с южной стороны.

Как же они пройдут? Легко!

Хмурая Изабелла, молча слушавшая сольный монолог Корнея, сердито перебила его.

— Прорваться вверх от устья по реке до города невозможно. На реке действует система раннего предупреждения — постоянные посты охраны по всему руслу. В нескольких местах русло перекрывается на ночь цепями и с батарей станковых арбалетов простреливается всё насквозь. Муха не пролетит.

Прошлое лето прекрасно показало амазонкам, что прорваться по реке можно, но это будет им стоить очень дорого. И самое главное, будет потеряно так необходимое им время. Будет

потеряна внезапность, будет поднят шум. А весь расчёт этого набега, как я поняла, сроится именно на внезапном, неожиданной ударе. Как вы всё это объясните?

— Как бы не так, — криво ухмыльнулся Корней. — Никто не ждёт нападения. Вы что, баронесса, забыли? Вам же не поверили, когда вы с Машей в Совете сказали что зреет мятеж среди пленных и будет набег. Зима! Все гуляют и веселятся. Поэтому, на общегородской праздник вся обслуга этих батарей будет пьяная вдрызг. Ну а чтоб раньше времени никто не поднял тревогу, посты на Каменке тихо вырежут, цепи опустят и за ночь по свободному руслу десант на парусах, а где и на вёслах тихо проскочит до самого города.

— Чтобы тихо проскочить по реке до города надо вырезать и осталенную на батареях дежурную смену, — хмуро возразила Изабелла. — Ну, на самом деле, не дураки же они чтобы проспать такое нападение. Там же будет не одна, не две лодьи — десятки!

— А хоть бы и так, — поморщился Корней. Непонятливость баронессы немного раздражала. — Вы думаете маячащий впереди здоровенный куш в виде ограбленного богатого города, которого до этого ни разу никто не грабил, остановит амазонок перед тем чтоб вырезать пару десятков каких-то пьяных остолопов, которые вместо того чтобы нести службу будут пьянствовать?

— А ведь им совсем не обязательно пьянствовать, чтоб пропустить мимо себя десант, — задумчиво проговорила Изабелла, глядя на него каким-то сразу ставшим отрешённым, рассеянным взглядом. — Уровень подготовки этих мифических вдов столь высок, что они без всякого пьянства вырежут ночью постовых и уничтожат всю обслугу. Даже если те не будут пить. Ведь мы не знаем, сколько же на самом деле попало в город этих вдов по программе обмена богатых пленниц на дублёров.

Надо предупредить Боровца, — глянула она прямо в глаза Корнея.

— Что вы с Машей сегодня и сделали, — хмуро буркнул Корней. — Что он вам ответил? Молоденькие дурочки не мешайте взрослым дяденькам работать? Проще говоря, пошли отсюда сопливые девчонки. Вы мне ещё указывать будете что надо делать, и что в моей епархии происходит.

— Согласна, — медленно кивнула головой Изабелла. — Дураков надо наказывать, даже таким кровавым способом. Иначе остальных не научить никак.

— Но с Боровцом всё же я поговорю, — тихо проговорил Корней. — Может он меня и послушает. Ну не дурак же он совсем.

— Ну а я за эти два дня подготовлю ка нашим дорогим

гостьям подарочек. Думаю, он им понравится, — пробормотал себе под нос профессор. — Вы же, милочка, повернулся он к Изабелле, — берите тех немногих егерей, что у нас есть, сотню, а то и две ящеров, и прошерстите тех пленных, что находятся у нас на работах. Замен, дублёров этих, или как вы их назвали — волчьих вдов, у нас изначально не было. Но мало ли что. Глядишь, парочка где и затесалась. Очень уж вы, милочка, ловко их обнаруживаете.

Постарайтесь взять хоть кого-то живьём, поспрошать надо. Если получится, конечно, — тут же поправился он. — А нет, то и ладно. Главное, чтоб вы сами целы остались.

*Зимний городской Праздник. **

То что городские власти к ним всё же прислушались стало ясно на другой день. С утра из казарм городской стражи Боровцом была направлена усиленная группа стражников для проверки состояния укреплений и усиления гарнизонов береговых батарей, расположенных ниже города по Каменке. И этого было бы достаточно и можно было бы успокоиться…, если бы не то состояние, в котором городские войска отправились на усиление границ.

Если там был хоть один кто трезвый, так чтоб не падал под копыта собственной лошади, это значит польстить той пьяной в хлам толпе, вывалившейся рано утром из ворот казарм на улицу и с пьяными криками, матом и песнями промаршировавшей по улицам города до городских ворот. Выйдя за город, так и не одолев и половины пути до назначенного им места, пьяная толпа злых стражников разбила свои палатки чуть ниже города возле одного из речных заливов, и устроив там импровизированный лагерь отдыха, предалась дальнейшему загулу, нагло наплевав на полученный приказ.

Что они пьяными орали по пути, лучше было ни Маше, ни Изабелле не слышать. От пожеланий, которыми как раз накануне городского праздника высылаемые из тёплых казарм в холодное поле стражники комментировали достоинства и недостатки двух женщин, из-за которых их несчастных и выгнали на мороз, у кого угодно свернулись бы в трубочку уши, не только у женщин. Поэтому ни та, ни другая, благоразумно предпочли не показываться на улице, пока последние толпы пошатывающихся пьяных мужиков, волочащих за собой и теряющих по пути амуницию, тела людей и оружие, не покинули город.

Да-а-а. Это была не та реакция городских властей, на которую

они все рассчитывали. Тут надо было смотреть как бы им самим ещё до предполагаемого вторжения не настучали бы по тыковке, потому как и у Корнея, когда он заикнулся об отмене отпусков на праздник, в казармах произошёл форменный бунт несогласных. В результате чего списочная численность курсантов его воинской школы сразу сократилась на треть. Остальным же, видимо желающим всё же окончить раз начатое обучение, хватило примера несчастных товарищей, буквально взашей вытолканных за ворота училища. Бунт был подавлен. И оставшиеся учащиеся теперь только что в рот не смотрели своему начальнику, устрашась возможных перспектив. Возвращаться с позором в родные семьи никто не хотел.

Глава 3 Мятеж

Разгром.*

Если начало мятежа разыграно было как по нотам, то всё дальнейшее напоминало скорее дурной сон. Для амазонок. Такого разгрома, просто чудовищного по своим последствиям для нападавших, не получала, наверное, ни одна армия этого мира. Легион Речной Стражи, былая гордость и слава Амазонии после этого нападения фактически был уничтожен. Из семи тысяч десанта назад вернулись чуть менее одной трети первоначального числа. Большего позора для республики невозможно было представить.

Ладно бы в их гибели был хоть какой-то смысл. Так ведь уничтожен он был просто глупо, бездарно, без какой-либо, хоть малейшей пользы для республики, в ходе совершенно рядового, банальнейшего набега на соседей, каковых до того были сотни, если не тысячи. Никогда у амазонок не было ничего и близко подобного.

Совет Матерей, высший государственный орган республики, оценивая итоги произошедшего решил не восстанавливать воинское подразделение, так опозорившее гордое воинственное имя амазонки. Легион Речной Стражи Амазонии отныне прекращал своё существование.

Но всё это было в будущем, а пока, начиналось всё для амазонок просто великолепно! И как совершенно точно вычислили в клане землян, амазонки напали ровно на третий день после их собрания. Утром первого дня праздника, сразу после грандиозной общегородской пьянки накануне, с трёх сторон на город напали амазонки. В самом же городе в этот момент находившаяся там небольшая часть пленных амазонок, нарушая все правила и договорённости и данное при пленение слово, с оружием в руках выступила против города.

Сколько ни предупреждали Маша с Изабеллой, а за ней Корней городские власти что надо навести порядок среди который день пьянствующих городских стражников, а все их слова словно вязли в глухом непонимании и нежелании властей что-либо предпринять. Никак не хотели городские власти озаботиться фактом наличия в городе и в ближайшей округе немалого числа свободно шляющихся без присмотра пленных. Это настолько было для всех здесь обычное, рядовое дело, все настолько привыкли к тому, что в городе из-за постоянных

пограничных стычек полно пленных амазонок, терпеливо ожидающих оговоренного выкупа, что к такому положению вещей все давно привыкли.

Городские власти лишь раздражённо отмахивались от изредка раздающихся недовольных голосов предупреждения, мол, так нельзя, что подобное попустительство чужим в городе людям до добра не доведёт и непременно кончится катастрофой.

Любое изменение сложившегося положения неизбежно влекло за собой дополнительные траты из тощего городского бюджета, а все обращения к кланам как о гранитный утёс разбивались о закон: "Чей пленный, того и выкуп". А размер выкупа, особенно последнее время предполагался не просто большой — колоссальный, поэтому о передаче пленных кому-либо ещё, кто мог бы обеспечить более строгое обращение, не могло быть и речи. Никто не жалал лишаться будущих прибылей. И никто не желал выложить ни монетки лишней на дополнительную охрану.

Впрочем, и сами кланы не слишком далеко отошли от практики властей, столь же небрежно относясь к изоляции и охране пленных.

Таких вот беспокойных и недоверчивых товарищей, которых бы волновало сложившееся положение, было мало. Последние годы в отношениях с амазонками не возникало никаких проблем. Отношения были стабильными. Стабильно никакими. Потому, если и не все, то подавляющее большинство членов Городского Совета считало однозначно: "Хоть амазонки и хорошие воины, а всё одно бабы. А баба она баба и есть. И этим всё сказано. Длинный волос, ум короткий. И потом, они дали слово ни во что не вмешиваться. Чего вам ещё надо".

Да и прошлогодние победы, ещё свежи были в памяти и многим кружили головы. И напрочь тем затыкали недовольные голоса несогласных.

В этих суровых пограничных краях честное слово воина дорогого стоило. Не было ни разу чтоб его кто нарушил. Не первый раз они попадали в плен к левобережцам, впрочем как и те к ним, но никогда не было такого, чтоб хоть раз нарушить данное друг другу слово.

К тому же, никому они совершенно не мешали, никого не трогали, никуда не лезли, ничего не делали, терпеливо ожидая своего выкупа. И лишь одну функцию они выполняли с завидной регулярностью. Пополняли мошну местных кабатчиков своей денежкой, регулярно выплачиваемой кабатчикам из казны города в счёт покрытия содержания пленной на всё время пленения.

Эта денежка всегда шла из сумм выкупных платежей, и, как

гарантированный прибыток от такой постоялицы, весьма ценилась всеми кабатчиками. Потому и как жильцов их ценили весьма высоко, как надёжных плательщиков по долгам.

Так вот и шибко инициативным и беспокойным товарищам заинтересованные лица весьма настойчиво и советовали не лезть, куда не просят.

Городские власти позабыли старую, банальную истину: "Всё течёт, всё изменяется. Всё бывает в первый раз".

Ну и получили.

Накануне перед праздником, за одну ночь все сторожевые посты с расслабившимися от спокойной жизни, празднующими первый день наступление праздника зимы пьяными стражниками на всём протяжении реки Каменки от устья до города были поголовно вырезаны, а цепи, преграждающие лодьям путь вверх по реке, спущены в воду. Камнемётные машины и большие становые многозарядные арбалеты, сила и гордость Старого Ключа, железным замком намертво запиравшее русло реки, были порублены, а останки сброшены в воду.

И никем не сдерживаемые десантные корабли амазонок за ночь, день, ночь тихо и незаметно перемахнули через русло Лонгары, поднялись вверх по реке Каменке до города и затаились в болотах и камышах возле города. Никто им не помешал. Некому было. Направленная на усиление гарнизонов береговых батарей и сторожевых постов немалая числом городская стража всё это время так и пропьянствовала в своём полевом лагере, сразу же за стенами города, буквально в двух шагах от скрывающихся в речном затоне штурмовых групп, сформированных из остатков легиона Речной Стражи Амазонии.

И тут расчёт Корнея оказался верен. Амазонки бросили на захват города то что у них было под рукой и за кем далеко не надо было ходить, остатки легиона, числом около семи тысяч старых, опытных ветеранов. Видимо, учли предыдущий негативный опыт и в этот раз на ответственное задание не стали посылать новичков. Да и на количество привлечённых к набегу амазонок на этот раз решили не скупиться. Выгребли всё что на тот момент было под рукой.

Так что на рассвете второго дня празднования городского праздника в честь основания города Старый Ключ, традиционно справляемого в городе в начале зимы, в первое воскресенье первой недели первого зимнего месяца конца года, в город тремя колоннами вошли амазонки.

Точнее будет сказать, попытались. Потому как дальше внутренних стен старого города они так и не продвинулись. К рассвету, к моменту начала нападения все эти стратегические

объекты были у них в руках. Но на этом все их успехи и кончились.

С блеском выполненная на момент атаки поставленная перед диверсантами задача — взятие четырёх главных ворот города: Северных, Южных, Западных и Восточных, а также здания городского Арсенала, для вооружения обязанных примкнуть к диверсантам восставших пленных, развития не получила.

Даже такой простой казалось бы цели, учитывая состояние в котором находились в тот момент городские войска, — разграбить захваченный ударом изнутри арсенал и арестовать городскую верхушку, пьянствовавшую всю ночь накануне в совершенно неукреплённом здании городской Управы, выполнить не получилось. В разных местах, но нападавших остановили везде. Слишком оказался велик перевес в числе над атакующими, собравшихся в город на праздники клановых воинов и никаким пьянством этого было не исправить. Основная масса бывших в городе пленных амазонок, на кого мятежницы сделали основную ставку, не поддержала мятежников. И захваченный арсенал с распахнутыми настеж воротами так всю ночь и простоял пустым, пока ворота уже ближе к полудню со злостью не захлопнули вернувшиеся на свои места сами стражники.

Как Корней и просчитал, штурмовая колонна, наступавшая со стороны речного портового залива, практически сразу завязла в жестоких уличных боях с переселенцами из портовых бараков. И хоть была она единственная группа, кто добился вполне реального успеха, подойдя вплотную к внутренним стенам старого города, дальше эта штурмовая колонна почему-то так и не пошла. То ли убоялись удара в спину из так и не разгромленных портовых бараков, где уже скапливались в большие отряды разрозненные группы поспешно вооружавшихся переселенцев, то ли ждали помощи со стороны наступающих с других направлений штурмовых колон, то ли ещё что. Факт тот, что застряв на уровне внутренней крепостной стены перед старым городом, дальше они уже не пошли.

Потеряв темп они были быстро разбиты, рассеяны по городу и пленены опамятавшимися к тому моменту городскими войсками, подтянувшимися из казарм рядом с Арсеналом. Это оказалась единственная воинская часть, кто прислушался к словам своего начальника Боровца, по возможности ограничить потребление горячительных напитков.

Проще сказать, на тот момент они были не такие пьяные как все. Чуть-чуть не такие. Но это чуть-чуть и дало им возможность оказаться вовремя и в нужном месте, остановив ворвавшегося уже чуть ли не в центр города врага.

Вторая колонна, наступавшая с севера, со стороны северной речной излучины, где встали лагерем выгнанные из города на усиление береговых батарей городские стражники, после первого успеха, даже не вошла в город, остановленная прямо в воротах.

Первоначально, пьянствующие который день стражники оказали весьма слабое сопротивление наступающим сотням и были первым же ударом буквально смяты в считанные мгновения. Их от полного уничтожения спасло лишь то что у амазонок не получилось внезапности, и у них не было времени отвлекаться от главной цели.

Пьяные игрища подгулявших мужиков перед рассветом внезапно вынесли конную сотню веселящихся придурков точно на подготовившуюся к атаке на лагерь колонну амазонок. И крики героически гибнущих товарищей сорвали внезапность нападения.

И всё равно, тяжеловооружённые, бронированные пять сотен пехоты ветеранов в стремительной атаке прямым лобовым ударом опрокинули поспешно выстроившиеся им навстречу двух тысячное городское войско. Как кегли разметав в стороны пьяных, с трудом держащихся на ногах стражников, они вышибли их из лагеря, рассеяв по всему полю под стенами города.

И только основная цель амазонок — как можно быстрей прорваться в город, да вчетверо превосходство последних в числе, спасло последних от унизительного разгрома.

Не отвлекаясь на грабёж так легко доставшегося лагеря, на преследование и уничтожение разбитого войска, амазонки быстрым шагом двинулись на город, стремясь быстрей прорваться на соединение с другими штурмовыми колоннами, которые в это время вели бои уже в самом городе.

Вставшее над городом низкое, уже по зимнему скупок солнце из-под нависших над городом плотных дождевых туч скупо освещало место побоища. Густые клубы чёрного дыма, подымающиеся в разных концах над городскими кварталами, ясно показывали места где схватились проникшие в город амазонки с ещё оставшимися в городе войсками.

Но внезапность уже была потеряна. И военное счастье амазонок на том кончилось.

В воротах города они столкнулись со спешащими из казарм поспешно высланными Боровцом ко всем городским воротам последними остававшимися в казармах сотнями. Здесь, в воротах они встретились, и две сотни городской стражи, высланные на помощь к Северным вратам, умерли.

Но в город эта штурмовая колонна амазонок уже не вошла. Успевшая собраться и оправиться после разгрома Городская Стража навалилась на них сзади и полутысячная группировка

амазонок, направленная для вспомогательного удара на город со стороны Северных ворот, кончилась.

Лишь малая её часть, около полутора сотен, железным тараном прорвалась обратно к реке сквозь беспорядочную, навалившуюся на них сзади толпу. Поняв что обратно в речной залив, где их ждали два десантных корабля им не прорваться — отошли в лес и, смертельно огрызаясь издали мощными дальнобойными луками, держа стражников на почтительном расстоянии, быстрым шагом двинулась вдоль реки в низовья, по дороге грабя попадающиеся хутора и мелкие поместья.

Всё утро и день на плечах у них висела обозлённая унизительным разгромом Стража, но, вымотанная безсонной ночью, многодневной пьянкой и долгим преследованием, постепенно отстала. За злыми, спешащими побыстрей убраться с правого берега амазонками они просто не успевали.

Захваченные непонятно с какой целью мятежницами Восточные ворота так всю ночь и простояли распахнутые настеж, никого не интересуя. Утром подошедшая стража без всяких проблем захлопнула их, и о том, что там ночью была вырезана пьяная ночная смена, постарались побыстрей забыть.

На том в городе бои и кончились.

Героическая гибель в Северных воротах города двух сотен городской стражи, задержавших и не пустивших в город амазонок, окончательно положила конец всем первоначальным успехам. Утренняя атака везде была отбита.

А потом оставшиеся ещё на реке и не принимавшие в первоначальном штурме суда десанта просто снялись с якорей и ушли. Не стали пытаться что-либо предпринимать. Внезапного набега не получилось, а сил у амазонок для планомерной осады не было. Оставшихся ещё на судах двух тысяч хватало для внезапного наскока, но совершенно недостаточно было для ведения серьёзной войны.

Поэтому, остатки десанта амазонок не стали больше задерживаться возле стен города. Подхватив быстро покинувшие район городского речного порта две небольшие десантные лодьи с остатками штурмовавшей порт колонны, они быстро убрались обратно к себе за реку.

Правда, на обратном пути всё же высадились в устье и сожгли Рвицу, но это уж было так, мелочи.

Первоначально обойдённая вниманием, непонятно почему в конце набега Рвица привлекла амазонок. Немногочисленный гарнизон ещё до нападения на город уже был вырезан, угрозы ни для кого Рвица практически не представляла, фактически являясь сторожевой вышкой на берегу Лонгары. И сам факт его

демонстративного сожжения свидетельствовал скорее о полном безсилии и ярости амазонок, чем о реальном вреде, нанесённом Старому Ключу.

О том, что основная угроза городу была с юга, со стороны дальнего речного затона, где располагалась распущенная по представлению многих на праздники Корнеевская воинская школа, в городе узнали лишь к полудню, когда наконец-то обратили внимание на подымающиеся с той стороны за городом многочисленные чёрные дымы.

Высланный в ту сторону поспешно собранный сводный отряд численностью в полутысячу человек, быстро вернулся обратно. Вести, принесённые им поражали своей чудовищностью.

Городской воинской школы, под управлением мастера меча Корнея, больше не существовало.

Оказывается, по какой-то неизвестной причине так и не распущенная по домам накануне праздника, она практически вся, в полном составе была уничтожена высадившимся в заливе крупным десантом амазонок, числом не менее пяти тысяч, много больше всех штурмовавших город колонн.

И выходило так, что фактически именно школа своей гибелью предотвратила нападение на город с юга.

Что там в том дальнем речном заливе вдруг понадобилось амазонкам, в стороне от города, было непонятно. Если только она сама не была основной целью нападавших.

Может амазонки хотели отомстить курсантам за прошлогодний разгром, может атака на дальний глухой залив были частью плана атаки на сам город, факт тот, что все берега залива были буквально завалены трупами мёртвых курсантов и амазонок. А довольно оживлённый в прошлом залив представлял ныне мёртвую пустыню с немногочисленными выжившими.

Гонец, принёсший эту чудовищную весть, даже спустя несколько часов после того был смертельно бледен, цветом лица больше напоминая похоронный саван, чем живого человека.

Не верящие в произошедшее собравшиеся уже праздновать победу городские власти, ведомые самим Головой, бросились сами проверить невероятные вести.

Ещё даже на подъезде к заливу, в лесу стал ощущаться и с каждым шагом лошадей всё усиливаться и усиливаться мерзкий, тошнотворный запах горелого человеческого мяса. А уже на краю просторной луговины перед заливом им попался первый небольшой аккуратно сложенный штабель тел мёртвых амазонок. Радом неряшливой кучей, словно по контрасту высилась небльшая кучка снятой с тел амуниции и оружия. Ближе к заливу штабели мёртвых стали попадаться чаще.

Открывшаяся же картина на лугу и в самом заливе превосходила своей страшной правдой все немыслимые рассказы гонца.

Три практически затопленные огромные десантные лодьи, бывшие когда-то гордостью речного флота Амазонии выстроившись в ряд вдоль главной пристани залива, дымили, догорая около обугленных, чёрных от копоти стен крепости. Рядом, на мелководье, прямо по центру залива приткнулись ещё два скособоченных, наклонённых под углом к воде больших корабля. Внешне почти целые, с хлопающими на ветру полуспущенными, оборванными парусами, они даже издали производили впечатление чего-то мрачного и угрюмого. Вокруг них в воде плавало множество трупов мёртвых амазонок, словно каким-то чудовищным неровным ковром покрывая поверхность воды, а борта лодий даже издали напоминали ежей, ощетинившихся во все стороны своими колючками, настолько густо они были истыкани арбалетными болтами.

Ещё дальше, практически на краю залива, на самом выходе из него в реку виднелась туша ещё одной большой, затопленной по самую палубу лодьи. Редкие речные волны перекатывались через палубу, тихо шевеля густо покрывающий её слой мёртвых тел.

Дальше в правом углу залива рядом с берегом виднелось ещё какое-то сгоревшее и затонувшее судно, длинными обломаными мачтами уткнувшее в низкий топкий берег.

Едкие клубы чёрного, вонючего дыма подымались над ещё не до конца сгоревшими остовами полузатопленных кораблей, а набережу им компанию составляли даже до сих пор ещё жарко пылающие длинные остовы догорающих казарм бывшей Корнеевской школы.

Как и сказал гонец, школы больше небыло.

Чёрные, покрытые сажей невысокие стены крепости Речная Пристань высились рядом с догорающими казармами каким-то невероятным, чудовищным чёрным зубом, вызывая неприятное, настороженное чувство.

И массы, огромные массы трупов погибших по всему полю, по всему берегу залива, по пристани, по дороге. Тысячи и тысячи трупов, и немногочисленные фигурки живых, занятых каким-то непонятным, монотонным делом.

Трупы погибших собирали на берегу залива, а дальше творилось что-то непонятное. Мёртвых амазонок грузили в лодки и отвозили на середину реки. А там…

А там трупы сбрасывали в воду, на стремнине. И возвращались обратно на берег за очередной партией. Монотонный, неостановимый конвеер смерти поражал своей

чудовищной неумолимостью.

Там же по заливу плавало несколько плоскодонок в которых человеческие фигурки заняты были другим странным делом. Баграми они шарили в воде и извлекали из вод залива трупы утонувших. Их сгружали на большие плоты, заякоренные на одном месте и по мере наполнения, нагруженные сверх меры, просевшие в свинцовые, стылые речные воды, плоты с высящимися над ними горами трупов, подцепляли к снующим по заливу лодкам. Дальше они медленно оттаскивались на середину Каменки, где трупы сбрасывались в воду на стремнине.

Только этим летом расчищенное в этом месте узкое русло Каменки прекрасно справлялось с поставленной перед ней задачей. Подхваченные бурным потоком, тела мёртвых амазонок скрывались в водах, чтобы потом вынырнуть где-нибудь далеко в низовьях, в устье Каменки.

— Прекрасный способ утилизации…

— Что? — Голова медленно повернулся в сторону что-то тихо сказавшего Старосты.

— Говорю, прекрасный способ утилизации, — с невозмутимым видом повысил голос Староста. — Надо будет взять на вооружение. Никакой тебе возни ни с похоронами, ни с поминками. Да и место поломничества родственников на могилы павших отсутствует по определению. Очень хрошо. А то оно нам тут так надо, чтоб сюда ещё шлялись их родственники.

Прекрасно! Просто прекрасно. За одно это им можно простить всё. А уж для рыбы с раками пирдуха, — мечтательно протянул он, предвкушая летнее изобилие отъевшихся на мертвечине речных обитателей.

Ей, Богу, они мне всё больше и больше нравятся.

— Кто? — сегодня Голова с утра явно тупил. Видать серьёзно сказывались вчерашние обильные возлияния.

— Кто, кто, — Староста слегка покровительственно усмехнулся. — Корней, конечно, со своей компанией. Интересно, сам то он жив?

— Жив, — раздался со стороны чей-то голос. — Вон, на пристани командует. Трупы сортируют. Наших отдельно, на берег, а амазонок нахрен, в воду.

— О! Похоже пленных припахали к уборке, — всё тот же голос из толпы сопровождения повеселел. — Интересно сколько наши здесь взяли пленных? Небось, больше всех. Вот свезло.

— Нисколько. В этот раз пленных не брали. Слишком много с ними проблем. Да и после отравляющих газов никто не выживает. А те кого видите — это ещё из старых. Принудительно обязали в помочь.

— Что?

Нет, сегодня с утра Голова явно плохо соображал. Не узнать приятный женский голос так ярко запомнившейся сегодня ночью женщины, это, наверное надо действительно много накануне выпить. По спине его пробежал непонятный, леденящий холодок.

— Баронесса, — повернулся он в её сторону. — Какая у вас чудная кобылка.

— Доброе утро, — спохватился он поздороваться.

— Скорее уже полдень, Голова, — раздался с той стороны насмешливый женский голос. — Всё никак не очнётесь? — с ехидной подковыркой поинтересовалась она. — Просыпайтесь, Голова, просыпайтесь. Солнце хоть и низкое, но светит уже вовсю.

Может, выделите кого в помощь? — неожиданно переключилась она с разговоров о погоде. — В школе осталось мало живых, надо бы помочь прибраться.

— Что значит мало? — с нотками некой вальяжности раздался из группы прибывших покровительственный голосок.

— А то и значит, — резко развернулась баронесса в ту сторону. — Пока вы продирали залитые водкой зенки, люди здесь умирали, чтоб враг не прошёл в город. Вы что, не видите. Остались считанные единицы. И если б не ящеры…

— Если б опять не ящеры, — зло бросила она, сердито сведя брови к переносице. — Неизвестно чем бы эта ночь для нас всех кончилась.

— Скажите им спасибо что встали на вашу сторону. Иначе бы вам вашего города не видать как собственных ушей. А вы бы сейчас не выгуливали свои непротрезвевшие туши на свежем воздухе, а трясли бы мошной для выплаты выкупа.

— Так я повторно спрашиваю. Поможите трупы убрать? — повысила она голос. — Нет! — мгновенно взорвалась она, не дождавшись быстрого ответа от растерявшейся Старшины.

— Тогда пошли нахрен отсюда, — неожиданно резко выругалась она.

— Родственников погибших сами известим, чтоб забрали павших. А амазонкам, когда заявятся за вашими пленными, — баронесса добавила яду в голос. — Можете передать чтоб своих павших вылавливали сетями в низовьях. Нам нет желания возиться с их погребением. Слишком много трупов! А река всех приберёт. И пусть поторопятся, а то и вылавливать некого будет, всех раки съедят.

Резко развернувшись, она послала свою беленькую кобылку в сторону пристани и скоро уже отдавала какие-то распоряжения немногочисленным копавшимся там людям.

Три притопленные возле пристани большие десантные лодьи

амазонок с обугленным чёрным верхом сгоревших мачт и палуб страшным контрастом подчёркивали снующую тут и там белую кобылку. Вид был самый сюрреалистичный.

— Это сколько же их здесь было? — Голова, всё никак не мог очнуться от вида открывшегося им побоища.

— Тыщь пять, шесть наверняка, — раздался сзади чей-то голос. — Шесть больших десантных судов, не менее чем по тысяче бойцов на каждой. Вот тебе и шесть тысяч. Да наших тут пара тыщ лежит.

— Против трёх тысяч наших курсантов? — изумился Голова.

— Против двух, — хмуро поправил его Староста. — Где-то около тысячи курсантов накануне свару учинили и поругались с Корнеем. Тот их как раз накануне и выгнал. И судов здесь не шесть, а пять, — Староста повернулся назад. — Шестое сгоревшее судно это не лодья, а их понтон с землечералкой. Вон, — протянул он руку вперёд, уточняя. — Видите, сгоревшая лапа транспортёра торчит для отбрасывания земли.

— Это они что, — вмиг пересохшими губами хрипло переспросил Голова. — Это болото принялись углублять?

Голова был буквально потрясён. До сего дня он о таких агрегатах только слышал, а тут оказывается у него под боком, не ставя его в известность, тишком ворочают такими делами. В груди его похолодело.

Компания землян, вчера казавшаяся чем-то совсем незначительным и не стоящим серьёзного внимания, что-то черезчур сильно разворачивалась и нагло выходила из-под контроля. А наличие землечерпалки вообще переводило казалось бы уже позабытую всеми программу очистки рек в более чем реальную плоскость. Это было плохо. Это было крайне плохо. Теперь вопрос отнятия якобы отданных этой компании на кормление рек резко подвисал. В Совете теперь никто не поймёт его если он вдруг захочет отобрать реки обратно.

А отбирать было надо. Весёлая казалось бы шутка уже переставала ею быть. Не осталять же такое потенциальное богатство в руках нищебродов. Тем более что как оказалось, не таких уж и больших затрат потребовала очистка этих рек. Наличие же у землян своей землечерпалки в корне меняло все дела. С землечерпалкой и вчера казалось бредовая идея их Сидора с транспортным сообщением по Каменке вверх по руслу до перевала имела вполне реальные шансы на реализацию. С наличием у этой компании землечерпалки эта идея переходила уже в практическую стадию реализации.

— "Как хорошо что она сгорела, — вдруг с мстительным удовлетворением подумал Голова. — За одно это амазонкам

можно простить их этот дурацкий набег.

— Узнаю какая сволочь им её сделала, разорю, — холодная, злая мысль буквально окатила Косого с ног до головы. — Чтоб даже и думать не смели без моего ведома ничего подобного делать.

— Поставлю задачу Стальнову. Пусть отрабатывает хорошее к себе отношение. Пусть поныряет, понюхает, кто это в городе такой борзый выискался, что без моего ведома суётся в чужую эпархию".

Конкуренты на реке Голове были не нужны. До сего дня всё что с рекой было связано и что на реке делалось, делалось только с его ведома. Он был негласный король реки. И конкуренцию терпеть был не намерен.

Меж тем, пока он размышлял, бурное обсуждение его товарищами перипетий бывшей в заливе схватки готово уже было вылиться в открытую драку.

Оказывается, пока он предавался чёрным думам, его товарищи уже успели выяснить массу интересного. И главная потрясающая новость — что именно послужило причиной столь чудовищного разгрома амазонок в этом заливе.

Боевые газы! Боевые отравляющие вещества.

Чудовищный разгром основного десанта в Южном заливе был связан в первую очередь именно с отравляющими газами, неожиданно применёнными Корнеем для отражения атаки. И тем, что не по наслышке знакомые с этим оружием, хорошо обученные и умеющие справляться с газовой атакой, в этот раз по какой-то причине легион амазонок оказался элементарно к ней не готов.

По всему выходило что не ждал никто ничего подобного встретить в каком-то Богом и людьми забытом углу, одном из самых глухих уголков пограничья. Где-нибудь в западных баронствах — наверняка. Туда бы даже и не сунулись без серьёзной подготовки и без противогазов. Но здесь? В этом, пусть и довольно многочисленном, но больше напоминающем большую деревню, чем город, пограничном поселении?… Здесь никто ничего подобного не ждал. Потому серьёзно и не озаботились должной подготовкой.

И судя по рассказам выживших курсантов, в какой-то момент атакующие промедлили, боясь сунуться в поднявшееся над местом высадки ядовитое облаго газов, на миг растерялись, а потом… А потом стало слишком поздно.

Будь иначе. Не медли, имей новые командиры легиона больше боевого опыта, высадись они чуть в стороне от ядовитого облака, и совсем не известно ещё в какую бы сторону повернулось шаткое военное счастье. Ветераны легиона Речной Стражи были

серьёзными, опытными воинами, не чета противостоящим им молодым, неопытным курсантам из Корнеевской воинской школы. Но…

Пока командиры думали, пока совещались, пока морально готовились. все крики и звуки боя на месте высадки затихли и над заливом простёрлась мёртвая, оглушающая тишина.

И всякое желание соваться плохо подготовленными в неизвестность, в уже рассеивающееся над заливом облако ядовитых газов, умерло, так и не родившись.

Больше делать в заливе было нечего. И потоптавшись ещё немного на краю у воды, поглазев как собирают и сортируют погибших. Проводив глазами пару тяжелогружёных плоскодонок с телами мёртвых амазнок, отвозимых на стремнину, все прибывшие, не сговариваясь, словно движимые единой волей, развернулись, и быстро покинули залив. Оставаться на месте и помогать выжившим курсантам прибираться ни у кого не было ни малейшего желания. Неласковый приём и злые, косые взгляды немногих выживших словно метлой вышвырнули их из залива.

*Двор, мой милый двор… **

Первое утро после мятежа было мрачное и хмурое. И пусть низкое солнце давало достаточно яркого света, всё одно это был какой-то тусклый, неласковый день. А задувающий с реки до костей, насквозь пронизывающей холодом стылый ветерок, даже в мыслях нельзя было бы назвать приятным.

Если бы не отчётливо чувствующийся в этом стылом холодном воздухе смутно уловимый, запах гари и тошнотворный, выворачивающий нутро наизнанку аромат горелого человеческого мяса, этот вполне рядовой день можно было бы назвать даже приятным.

Но во дворе крепости Берлог, в толпе сгрудившейся возле намертво запертых снаружи внутренних ворот заднего двора крепости, никто не спал. В воздухе пахло гарью, горелым человеческим мясом и чем-то тревожным, что-то напоминающим, что неприятно ассоциировалось сейчас с состоянием, владевшим сейчас запертыми в этом глухом, мрачном углу крепости пленными молодыми амазонками.

Сюда, в этот просторный внутренний угол, закрытый со всех четырёх сторон высокими глухими наружными стенами внешней оборонительной стены, непонятно с чего вдруг всбесившиеся курсанты местной воинской школы загнали все три сотни из числа пленных амазонок, до поры до времени отбывавших

наказание неподалёку от города. Из тех, что были официально под патронажем какого-то мало кому известного земного клана. И как поняли пленные из разговоров курсантов между собой, они были единственные из числа пленных, кто подвёргся столь безчеловеческой участи. Никого из тех, кто отбывал плен в других кланах, внутри крепости не оказалось. Здесь были только свои.

В то, что именно это навсегда отделило их от числа остальных амазонок они поняли уже много позже, через много времени после того, как кончилось то, что привело их туда, на задний двор крепости Берлог.

Два дня в тесноте, на холоде, получив для обогрева лишь по толстому тёплому одеялу, куску толстого войлока на подстилку под задницу и по бутылке крепкого хлебного вина, откровенной сивухи. И раз в день, в полдень, каждой по небольшой порции горячего, наваристого, горохового супа, сваренного на копчёной свиной косточке. Жуть какого вкусного, но зато с вполне конкретными последствиями, испортившими весь воздух во дворе. Девчонки поначалу смущались, а потом ничего, даже веселиться стали, беззлобно поддразнивая друг друга.

Чего это вдруг взбесились такие милые в прошлом мальчики, собранные на заднем дворе крепости молодые девчонки, в прошлом курсантки воинских училищ чуть ли не со всей Амазонии, они совершенно не понимали. Но особо это никого и не заботило, благо что и помимо горячего супчика их и в другое время не забывали, регулярно утром и вечером выделяя сухую пайку: кусок свиной домашней колбасы с толстым шматом чёрного хлеба. Плюс кружка горячего чая и пара луковиц. Так что о том что такое чувство голода можно было и не думать.

Правда, отхожее место оборудовать пришлось самим. Охрана выдала всего навсего только две лопаты, на все триста человек. да и те почему-то быстро сразу после работы отобрали. Да ещё и непонятно так косились, пока работали, что вообще было странно. Будто им эти лопаты очень уж нужны.

Ха! Щас! Раз так, пусть теперь в другой раз сами копают им ямку под отхожее место, раз такие умные и чего-то взмумалось собрать их всех в одно место. Дурь какая!

Так было до сегодняшней ночи. Последней тёплой ночи уходящей осени. Нет, не уходящей, теперь уже совсем и безвозвратно ушедшей осени. Последней ночи, в которую за стенами укрывшей их крепости всю ночь им слышились глухие звуки шумящей где-то вдали битвы. Похоже, кто-то решил серьёзно пощипать приютивших их хозяев, раз они заранее озаботились укрыть в убежище самую ценную свою добычу, как до последовавшего за этой безсонной ночью утра они ещё

думали.

Пришедший на смену бессонной ночи страшный день навсегда развеял прошлые иллюзии. После того что за этим последовало, никто из них уже больше никогда не будет таким беззаботным как прежде. Этот урок они не забудут никогда.

Рано утром большой отряд угрюмых, неразговорчивых ящеров в тяжёлой броне, вооружённых большими тяжёлыми листовидными копьями, широко распахнул ворота заднего двора Медвежьей крепости, раздвинув плотные ряды сгрудившихся им навстречу амазонок, и, подталкивая тупыми концами копий вялых, еле передвигающих ногами невыспавшихся девчат, выгнал всех за ворота.

Перед угрюмыми лицами мрачных девчонок предстала чудовищная картина ночной битвы, произошедшей этой ночью. Всё поле перед крепостью было засыпано мёртвыми телами.

Неизвестно, сколько их там было, но то, что на поле лежало не менее полутора сотен мёртвых амазонок, навевало мрачную жуть. Непонятно было что произошло, но практически все напоминали ежёй, ощетинившихся иголками, так густо они были истыканы арбалетными болтами.

Похоже, какой-то вырвавшися в сторону крепости отряд банально нарвались на засаду. Часть из них так и лежала вдоль обочины дороги ровными рядами, не успев даже развернуться в сторону атаковавших их. Но большинство остальных были рассеяны по всему полю. Всё таки это были, не новички, ветераны, сумевшие вырваться из-под первого удара. Вот, только это им не помогло. Все были густо истыканы болтами, как будто на каждую приходилось не менее десятка арбалетчиков.

Но не это было самое страшное. Не было ни одного раненого, одни трупы. И пленных сюда выгнали с единственной целью. Требовалось убрать погибших.

Практически всё оружие было уже собрано в большие неряшливые кучи, оставалось лишь убрать мёртвые тела. Именно за этим их сюда и пригнали.

Вяло передвигая ногами, пленные амазонки ходили по полю, подбирая убитых и снося их к дороге, где складывали длинными аккуратными рядами вдоль края. Там стоял большой плетёный ящик на снятой с колёс телеге, куда несколько ящеров сбрасывали арбалетные болты, вырезаемые тут же на месте из тел мёртвых. К тому времени, когда на поле прибыли амазонки, он был уже чуть ли не до половины полон целыми и поломанными болтами, извлечёнными из тел трупов, и две пары ящеров сноровисто извлекали их из поднесённых тел, ловко выдёргивая или вырезая где надо.

Но для пленных амазонок самым страшным было другое.

Кругом не было ни одного раненого. Похоже было, что если они и были там по началу, то потом их всех поголовно добили. Такого просто не могло быть. Выходило, что их потом просто добили.

Видать в городе перестали церемониться с амазонками. И новое нападение отбили с максимально возможной жестокостью.

Как вяло не двигали ногами амазонки, но любая неприятная работа когда-нибудь кончается. Закончили и на этом поле. И всех тут же, быстро построив в колонну по четыре, погнали куда-то в сторону реки.

После всего увиденного, амазонки уже совсем другими глазами смотрели на двустрельные арбалеты, которые держали в руках охраняющие их по краю колонны ящеры. Стало окончательно ясно, что, несмотря на их относительную многочисленность, малейшее нарушение приведёт к поголовному уничтожению всех пленных.

На эти мрачны мысли навевал простой внимательный взгляд на мрачные, хмурые, злые, не выспавшиеся морды сопровождающих их ящеров.

Настороженные позы, постоянная готовность выстрелить, всё ясно говорило о том, что то, что в городе произошло нынче ночью, кардинально поменяло их отношение к амазонкам. И если ранее оно было равнодушно-доброжелательным, то теперь откровенно неприязненно враждебным. Это чувствовалось во всём. И в том, как они говорили с ними, даже не говорили, а глухо, сквозь зубы цедили отдельные слова, даже внешне не соблюдая подобия доброжелательности. И в том, как они держали себя с ними. От былой доброжелательной снисходительности не осталось ни следа.

Причина столь злобного к ним отношения стала понятна только потом, спустя несколько суток, когда всем в городе стало известно, что какая-то неизвестная группа амазонок, из числа ворвавшихся в город из района порта, вырезала подвернувшиеся им под руку детские ясли ящеров, которых никто не охранял. Никому до того и в голову не могло прийти, что для ясель существует хоть какая-то угроза.

Причём ясли вырезаны были с особо циничной жестокостью, вместе с детьми и воспитателями.

Но сейчас, ничего не понимающие амазонки, только опасливо косились на молчаливых ящеров, злобно посматривающих на ничего не понимающих молодых девчонок. Грубо подталкивая самых неповоротливых тупыми древками копий, ящеры погнали их к реке, заворачивая к Речной крепости.

Ещё на подходе к крепости, амазонки поняли, что основной бой пришёлся на крепость и на весь этот край. Сначала изредка, а потом чаще и чаще им стали попадаться валяющиеся вдоль дороги тела мёртвых амазонок, а кое-где и ещё до сих пор не убранных мёртвых ящеров и курсантов.

Притихшие, сбившиеся в плотную кучу, они, по дороге, огибающей крепость со стороны леса, подошли к воротам крепости и неожиданно увидели страшную картину. Если там, возле Медвежьей, им показалось, что нет ничего страшнее сотни тел погибших их товарищей, но, то, что творилось на берегу реки, в месте выхода водных ворот, выходящих непосредственно к пристани, не поддавалось вообще никакому воображению.

Весь причал, так к этому времени до конца не достроенный, был завален грудами трупов мёртвых амазонок в перемешку с телами курсантов и ящеров. Горы тел громоздились возле распахнутых настежь ворот крепости и густым двойным, а местами и тройным слоем покрывали берег и доски причала.

Возле причала вяло дотлевали три большие десантные лодьи полузатопленными по самые палубы, заваленные сверху ещё чадящими брёвнами из штабелей по краю причала и полуобгорелыми трупами амазонок, истыканных как ежи арбалетными болтами.

— Да, — мрачно протянул кто-то из толпы пленных, сгрудившихся на берегу, — видно болтов они не жалели.

— Как же это они так дуриком то сюда полезли? — раздался из толпы другой тоскливый голос.

— Не надо нас недооценивать, — неожиданно прервал их рассуждения суровый женский голос.

Перед обернувшимися пленными амазонками стояла тонкая, изящная, хорошо знакомая им фигурка баронессы. Чудовище, спрятанное под личиной изящной, красивой женщины, этой ночью высунувшее своё страшное мурло из прежней симпатичной личины. Незаметно подойдя к сгрудившимся в начале причала пленным амазонкам, она несколько минут молча наблюдала за всё более и более мрачневшими лицами пленных и когда посчитала, что они уже достаточно созрели, заговорила:

— Вы второй раз нас недооценили, — продолжила она тихим, усталым голосом. — Первый раз это было там, на Девичьем поле, второй раз здесь, этой ночью. Как вы уже, надеюсь, поняли, ваше руководство решило не тратить золото на ваш выкуп, а просто освободить вас, а заодно и прибрать к рукам наш город. Неплохая мысль, да бездарное исполнение. Результат вы видите, — кивнула баронесса на горы трупов, устилающие причал.

— Ваша задача, здесь всё прибрать. Мёртвых своих

похоронить в реке, курсантов, ящеров, оружие сложить в отведённое для этого место.

— Как вы уже, надеюсь, заметили, пленных мы больше брать не стали. Поэтому, во избежание неприятностей, подобранное оружие не пытайтесь утаивать. У кого найдут потом хотя бы сломанный наконечник стрелы, будет повешен здесь же, на пристани.

— Я всё понятно излагаю? — окинула она присутствующих усталым, равнодушным взглядом.

— И учтите, то, что вы сейчас тут видите, специально для вас оставлено, чтобы у вас больше не было иллюзий на свой счёт. Похоже, что хорошее отношение, проявленное нами по отношению к вам, ваше руководство неправильно восприняло и посчитало это нашей слабостью, или боязнью. Надеюсь, сегодняшняя ночь развеет у них эти ложные представления.

Казалось, установившаяся с самого начала речи баронессы, мёртвая тишина, теперь не будет нарушаться даже дыханием, настолько кругом было тихо. Потрясённые амазонки, привыкшие уже к тому, что с ними в этом городе все носятся, как курица с яйцом, даже не могли себе ещё буквально пару часов назад, представить, что подобное возможно.

Ни пленных, ни раненых. Жестокость. Безпощадная, расчётливая жестокость, с которой были добиты все, абсолютно все раненые этой ночью, ввергла их в шок. Они прекрасно помнили, как многих из них, чуть ли не большинство, вытягивали с того света, заживляя дорогими, редкими лекарствами, страшные, порою, по всеобщему мнению, безнадёжные раны. А тут было всё не так. Этой ночью никого в плен не брали. Никого. И это было страшно.

— За себя не беспокойтесь. В вашем положении мало что изменится, — немного помолчав, продолжила баронесса. — Вам повезло, вы не принимали участие в мятеже. Хотя в этом и нет вашей заслуги. Просто мы успели вас вовремя изолировать, но слово сказано. Только по это причине для вас ничего не изменится. Вы будете и дальше работать, пока не отработаете свои долги, после чего можете убираться на все четыре стороны. А сейчас, вы уберёте всю эту падаль, что привезли сюда ваши бывшие товарищи. И повторяю, — баронесса на миг прервалась, обведя столпившихся перед ней амазонок равнодушным, усталым взглядом красных после бессонной ночи глаз, — если у кого-нибудь по окончании окажется в кармане случайно завалявшийся обломок стрелы или ещё что-либо колюще-режущее, тот будет повешен прямо здесь же, на этой пристани. Я всё сказала. А теперь, работайте!

Ещё раз, окинув равнодушным взглядом угрюмо молчащих амазонок, она развернулась и спокойно прошла в распахнутые настежь ворота крепости, в которых постоянно сновали вооружённые егеря и курсанты, сносившие с пристани собранное оружие.

— В этом году будет много раков, — мрачный голос, раздавшийся из глубины строя амазонок, казалось, с треском разорвал жуткую тишину, установившуюся после слов баронессы.

— Смотрите, не добавьте им корма, — полуобернувшись, и лишь на краткий миг, задержавшись в воротах, равнодушно бросила баронесса.

Больше не оглядываясь, она прошла куда-то в глубь крепости, оставив амазонок одних убираться на причале.

*Чествование героев.**

Зимние праздники года семь тысяч пятьсот девятнадцатого от сотворения мира в славном городе Левобережья Старый Ключ выдались в этот год на зависть всем чудо как хороши.

Затянувшееся чуть ли не на неделю чествование героев, спасших родной город от вконец обнаглевших амазонок, для Маши пролетели одним мимолётным видением. Такого душевного подъёма и буквально летящей радости, от осознания того простого факта что тебя все любят, уважают, везде, едва завидя радостно здороваются при встрече, словно с дорогим и любимым родственником, будто пьяным хмелем кружило Машину голову.

— "Слабая женская головка, — под конец шутила она сама над собой. — Как мало ей надо для счастья".

Никогда раньше, чужая на этой планете, чужая в этом городе, она даже в мыслях не могла себе представить, что подобное когда-нибудь случится не скем-либо, а именно с ней. Что все в этом городе её полюбят. Искренне, горячо, как свою, родную.

Ещё бы. Она была той, кто загодя предупредила городские власти о готовящемся мятеже и тем самым фактически сорвала захват города. Она и ещё Двести Городских Стражников, умерших в распахнутых настеж городских воротах, но так и не пустивших врага в город. Своей смертью стяжавших безсмертную славу героев.

Про гибель же в Южном заливе под стенами Речной крепости и среди сгоревших казарм Корнеевской воинской школы более полутора тысяч курсантов, своими жизнями остановивших основной вал десанта, все старались не вспоминать. Слишком

высока и кровава оказалась цена, заплаченная городом за отражение набега. Павших героев тихо, с почестями похоронили и… о том что они вообще были, постарались тут же забыть. Как и про то что их было столь много. Об этом старались лишний раз теперь не вспоминать, дабы не бередить свежие незарубцевавшиеся душевные раны.

Впрочем, как и о том, что Марья Корнеева, героиня, спасшая своим предупреждением всех в городе, была не одна. На роль баронессы Изабеллы де Вехтор в деле раннего предупреждения властей о готовящемся мятеже и набеге, почему-то тоже все старались не акцентировать внимание. Наверное потому, что она до сих пор в городе была фактически чужая, дворянка, более того — баронесса одного из самых знаменитых поречных родов, хоть и заглохшего теперь, но всё равно дворянка. А с баронами, да и вообще с поречным дворянством у левобережцев отношения были весьма-а-а сложные, если не сказать откровенно враждебные. Поэтому, наверное и про то, какую роль сыграла сама Изабелла де Вехтор в деле подавления мятежа и разгроме просочившихся в город мятежниц, старательно старались не говорить. Слишком уж роль самих городских властей на её фоне выглядела откровенно неприглядной.

Да и сама Изабелла де Вехтор совершенно не лезла в герои и предпочитала лишний раз на улицах не появляться, сторонясь поздравлений и избегая устроенных городскими властями в честь победы пышных празднеств. Да и какая-то она была чужая, холодная, гордо-надменная. Какая-то… не такая!

А Маша была своя, которую все знали. Знали хорошо и давно. Настолько давно, что все уже и забыли когда она появилась в городе. К которой все привыкли и давным-давно уже считали за свою, коренную.

Потому, видать, ей и досталась львиная доля славы.

И Маша буквально купалась в её жарких, обжигающих лучах. Жадно впитывая то, чего всю жазнь была лишена, всеми фибрами своей истосковавшейся по вниманию и человеческой любви души, на впитывала всеобщую любовь и славу.

Лишь одно слегка, чуть-чуть, портило её радость. Вмешательство Изабеллы в её дела. И те неисправимые теперь глупости, что та умудрилась наворотить за один только первый день после изгнания амазонок. Даже не за день, а за вечер.

Впрочем, Маша была за то на неё не в большой обиде. То что они, пожертвовав немногим, получили взамен, если честно и перед собой не лукавить, того стоило. Да и то как лихо баронесса провернула ту операцию по обмену, ей понравилось. Раз, два и нет у них больше наглых и навязчивых компаньонов.

— "Да, Белла была права. Именно так быстро и стоило это сделать. Пока они не опамятовались и чувствовали свою вину за то что прос…ли нападение", — Маша мысленно, в который уже раз за последние дни, перебрала в памяти последнюю сделку, окончательно оформившую достигнутое Беллой во время мятежа устное соглашение с городскими властями.

Придраться можно было ко многому, но… это как посмотреть.

Обмен уставной доли Головы в винном заводе на реке Рожайка, на долю компании в подобном же, но только что отстроенном водочном крепости-заводе на реке Мочве, возле Хрусталей, где были славные на весь край источники чистейшей, хрустально прозрачной воды…

Может быть и не стоило так торопиться. Может стоило подумать, получше подсчитать что теряем, что приобретаем и там, и там?

Хотя…, что там смотреть. Четыре больших земельных участка в городе, площадью до полудесятины каждый, где до мятежа располагались сгоревшие во время мятежа трактиры Старосты, как бы в подарок, безвозмездно, в вечное владение и пользование переданные городскими властями компании… Может, оно того и стоило. Тем более подкреплённое официальными бумагами, теперь уже окончательно закрепляющими права конкретно Сидора Вехтора на занятый им в южном посаде на Кривой улочке небольшой участок земли, бывший фактический самозахват.

Даже название безымянной до того улочке официальное дали — Кривая, с явным ядовитым намёком на историю её происхождения и кривые пути получения благ. Пусть и заслуженных.

— "Ну и ладно, — окончательно выбросила она из головы все думы о произошедшем. — Главное, Сидору с профессором мы оформили земельку под официальный дом и усадебку в городе. Вот и хорошо. А то, что свою половину нового винокуренного завода продали за какие-то головешки и за сидорово поместье, чем и так фактически владели, но как бы неофициально, так и хрен бы с ним. Зато теперь всем владеем официально, теперь не придерёшься.

— А то что завод на Рожайке сгорел? Так ихрен бы с ним, заново отстроим. А то и ещё один построим. У нас их в плане вообще было несколько.

Тем более что знаем, что и где надо строить, в отличие от Головы.

Всё же удачно получилось с этим набегом, и с тем что в тот момент на винном заводе дежурила именно смена дружинников

Головы. Хорошо что он нам с Беллой так и не поверил, что будет набег. До тла сожжённая мельница на Рожайке, сгоревшие нах амбары с зерном и пара обрушенных угловых башен — прекрасный довод для понимания насколько эфемерны его вложения в нашу водочную промышленность. Наконец-то он понял что у любого предприятия должен быть один хозяин. И совсем не обязательно что именно он.

И вырезанная за одну ночь немалая охрана из ленивых, наглых бездельников, его же собственных дружинников, прекрасное средство для вразумления мозгов таких идиотов".

Больше всего ей в той истории понравилось как собравшиеся на встречу с хозяевами сгоревшего завода окрестные мужики набили морду Голове и всей его немалой охране, сопровождавшей их в ту поездку.

Как оказалось, местных хуторян, у которых сгорело всё их завезённое на завод зерно, уже к их приезду кто-то неизвестный известил, что городские власти накануне нападения и на завод, и на город оказывается были подробно извещены о том, что оно готовится. Извещены даже по срокам. Но никаких выводов и телодвижений властями сделано не было.

И, как следствие бездеятельности властей, должным образом не оформленное и естественно не оплаченное их зерно, преспокойно сгорело в пламени подожжённого амазонками завода. Сумев его сходу легко взять, они не смогли ничего из амбаров вывезти. Русло Рожайки после того как по ней прошли вверх от Каменки несколько малых воровских ушкуев неожиданно оказалось перегорожено неизвестно откуда взявшейся цепью на реке. А по обоим берегам воровских находников ждали две батареи с многоствольными арбалетами и умелыми стрелками ящерами.

Так что амазонкам пришлось бросить свои ушкуи и быстренько убираться обратно домой пёхом.

Жаль что они перед тем сожгли свои суда. И в отличие от того что осталось в Южном заливе Каменки, под городом, от тех ушкуев остались одни лишь головешки. Ничем их ящеры не смогли от них поживиться.

Ох и огрёб же люлей по своей наглой сытой роже от мужиков за то Голова. За то что оказывается знал, но не обеспечил должной охраны общего достояния. Еле-еле отбили его тушку охранники от озверевшего народа. Даже бабы приняли в том самое горячее и непосредственное участие. Ох и пинали же его ногами, ох и пинали.

Маша мстительно усмехнулась, на миг вспомнив помятый вид Головы, когда тот с кривой, битой рожей, подписывал бумаги

о передаче ему всех прав на недавно построенный водочный крепость-заводик, в обмен на его долю в старом, сожжённом амазонками заводе на Рожайке и участки земли в городе. Как тот теперь будет разбираться со своим другом Старостой, чьи фактически участки их компания с подачи городских властей захапала себе в собственность, это было даже интересно. Если эти две змеюки теперь не передерутся между собой, то она тогда ничего в людях не понимает. И формальное согласие на эту сделку самого Старосты, официально принесённое в Управе, совсем ни о чём не говорит.

— "Ох, и коварная же баба эта Изабелла. Настоящая стерва, — довольно подумала Маша. — Как она ловко подбросила яблоко раздора двум старым друганам. И не важно что сейчас они не поссорились между собой. Лиха беда начало".

Но ещё лучше было то что теперь не она будет заниматься этими проклятыми водочными заводами. Слава Богу, что Изабелла обещалась снять с неё эту обузу.

После того как Маша с Корнем и с профессором побывала на захваченном и сожженном амазонками водочном заводе на Рожайке, в душе Маши словно что-то оборвалось. Столько трудов пошедших прахом. Сколько бессонных ночей, сорванного голоса и потраченных нервов. Столько сожжённого дорогого имущества. И плевать на то что большая часть так и не была до того завезена на завод и не установлена.

Сгоревшая мельница, стены, казармы, склады, амбары… Всё, всё, всё. всё, во что она чуть ли не год вкладывала частичку своего сердца, всё сгорело из-за какого-то придурка, который не пожелал прислушаться к тому что ему говорят только по одной причине. По причине того что это сказала женщина.

"Волос долог, ум короток" — вот как этот козёл Голова наверное думал. И вот истинная причина того что там произошло. И слава Богу что теперь этим объектом заниматься будет Белла. Маша уже просто не могла там находиться. Ей было тяжело, словно находиться на месте смерти когда-то близкого ей человека.

Оставалось последнее. Оформить бумаги теперь ещё и на участок земли, передаваемый властями города ящерам под их нужды. Под какую-то мифическую Академию Медицины. Совершенно безумный проект, что зачем-то замутила Белла совместно с профессором.

Вот уж чего-чего, а того что эти два, чуть ли не в открытую ненавидящих друг друга человека сойдутся в одном этом вопросе, Маша никак не ожидала. Хотя и с тем, и с другой была полностью согласна, как впрочем и Корней. Ящеров за оказанную городу

серьёзную помощь при подавлении мятежа следовало серьёзно отблагодарить. Ведь они могли не вмешиваться и спокойно отсидеться в стороне. Тем не менее, делать этого не стали.

И отблагодарить следовало единственным возможным в данных условиях способом. Если власти города не шевелились, то именно они должны были дать ящерам возможность создать в городе Старый Ключ свою Медицинскую Академию и тем самым серьёзно, а не на птичьих правах закрепиться в городе.

Вот это действительно была неплохая идея Беллы. Следует признать что в этой симпатичной головке довольно странной дворянки Изабеллы де Вехтор, иногда появляются хоть и неожиданные, странные, но весьма, весьма стоящие мысли.

Ну а то, что выделенный участок под Академию оказался далеко за городом, так и что с того. Зато большой и безвозмездно. Целых десять гектар, или, как здесь говорят, квадратных десятин заросшего сорным редколесьем заброшенного старого выгона. Да и рядом от ними к тому ж, между Берлогом и южным посадом. Да к тому же с вечным освобождением от всех видов арендных плетежей. Только стройтесь и пользуйтесь.

Правда, зачем надо было это делать в тайне от самих именинников, то есть от ящеров, Маша искренне не понимала. Хотя, полностью была согласна с Изабеллой, что все блага ящеры должны получать непосредственно из их рук, а не из рук городских властей. Всё-таки они должны были видеть что им не только шишки достаются от союза с этими конкретными людьми, но ещё и пряники. Правда, где был тот мифический пряник, которым будет, как считала Изабелла для ящеров их Академия, Маша искренне не понимала. Но, в это дело не лезла. Хочет Белка поразвлечься, наверное от скуки, так почему бы и нет. Пусть тешится.

Да и вообще. Жизнь налаживалась. Теперь надо было ещё решить проблему с Димкиными девчонками, и тогда уже окончательно спокойно можно было терпеливо подождать возвращения обоих загулявших в Приморье бездельников.

Что они там делали столько времени, Маше было совершенно не понятно, да и не интересно, по большому счёту. Она в их дела не лезла и знать что у них там именно происходит, ей было всё равно. Но в чём она была уверена абсолютно, глядя на полнеющие прямо на глазах фигуры что Изабеллы, что Димкиных двойняшек, и тот, и другой, скоро прибегут обратно. Что-что, а тяга к тихой семейной жизни в окружении детишек, отчётливо прослеживалась в поступках и того, и другого.

Не откладывая дела в долгий ящик, Маша собралась в Долину. Ехать туда одной, чтоб на месте самой разобраться с живущими там двойняшками, она, честно сказать, побоялась. И дорога туда, и гать эта, чёртова, через топкое болото, и тёмный еловый лес, с двух сторон вплотную подступающий к дороге, да и всё что там совсем недавно произошло — всё навевало тяжёлые, тягостные воспоминания. Да и ехать туда одна Маша просто поостереглась.

Решать самой судьбу чужих жён, хоть официально и не признанных, но фактически таковыми являющимися, ей одной не стоило. Что с ней сделает Димон, потом, когда вернётся, в случае если ему не понравится её вмешательство в дела его семьи, Маша боялась себе даже представить. Тихий, тихий, добрый, добрый, а когда серьёзно задевали его интересы, или когда он считал что в определённые его дела никто не имеет права вмешиваться, даже его друзья, Димон превращался в бо-о-льшую скотину. И чего можно было тогда от него ждать, одному Богу было известно. Управы на него не было. Правда, кроме Сидора. Потому никто из друзей, тех кто их обоих давно знал, и не пытался никогда вмешиваться в его жизнь, принимая его таким как он есть. Тот не терпел иного. И никогда не прощал. А мстительностью и злопамятностью, мог бы переплюнуть и своего дружка Сидора, тоже ту ещё сволочь, которую все почему-то считали рохлей и покладистым, мягкотелым интеллигентом.

О-о, если б только они знали их так же хорошо как знала обоих друзей Маша. Знали бы, насколько сам Сидор ненавидел само слово интеллигент. Вот тогда бы они глубоко задумались. Тот берёг друзей и всегда мстил врагам. Потому и Маша так сразу и безаговорочно присоединилась к их компании. Знала, чтобы не случилась, а те её никогда не бросят. Намаявшись без друзей, без знакомых, без родственников, без чьей-либо поддержки и помощи, одна, в чужом мире, она теперь очень дорожила неожиданно нашедшимися здесь старыми друзьями. И совсем не хотела их обидить хоть чем-либо.

И уж она-то хорошо знала, что терпения Сидору было не занимать и он мог ждать годами, пока у него не появится возможность отомстить. И если он считал что с ним поступили несправедливо, то виновному Маша искренне не завидовала. А то что окружающие этого не понимают, Сидору было всё равно. Он мог и потерпеть. Столько, сколько потребуется. И ему было наплевать на мнение окружающих.

Поэтому к визиту в Долину надо было подойти со всей

тщательностью и осторожностью, и заранее основательно подготовиться. А для начала надо решить — кого взять с собой.

Брать с собой Корнея смысла не имело, хоть и не мешало бы. Но Корнея Димкины девчонки не интересовали совершенно, и он считал что тот должен разобраться с ними сам. Когда вернётся. То что сами девчонки могли волноваться и тревожиться от неопределённости своей будущей судьбы, ему было всё равно. Он этого искренне не понимал. Как можно волноваться, когда и так всё ясно. Беременная — значит жена. Раз жена — значит живёт в доме. Раз живёт в доме и занимается хозяйством мужа — так чего же ей ещё надо, всё ясно. Пусть так и живёт.

А то что с девочками надо было поговорить, успокоить, описать их будущие прекрасные перспективы совместной жизни с Димой — так зачем. Итак всё понятно.

Одно слово — мужик, никакого такта.

Как ни любила Маша своего мужа, а в одном должна была признаться. Тот был прямолинеен как фонарный столб, и к поставленной цели всегда шёл самым коротким и прямым путём, не зная ни сомнений, ни колебаний. Поэтому брать его с собой было нельзя. Мог и ляпнуть чего-нибудь такого, специфического, из своего прошлого опыта бурной наёмнической молодости. Особенно глядя на уже округлившиеся фигуры Димкиных жён.

А ведь женская душа такая… ранимая…

Ей и самой порой доставалось от него такое, что она только морщилась, терпеливо выслушивая плоский солдатский юмор. А порой вообще хотелось прибить дурака, за особо сочные солёные перлы. Какие ж мужики бывают порой… КОЗЛЫ!

Поэтому, в долину поедут она, профессор, как культурный, воспитанный человек и Белла, как представитель семьи Сидора, непосредственно имеющая отношение к будущей судьбе юридически принадлежащих Сидору девиц.

Ещё поразмыслив, поняла что в Долину она без Корнея не поедет, потому что просто боится. Как оказалось, даже ящеры не всегда готовы противостоять атакам некоторых из амазонок, а дать полную гарантию того что в лесах вокруг города до сих пор не скрываются пропавшие куда-то после нападения волчьи вдовы, она бы сейчас не рискнула. Кто их знает, амазонок этих. А лишний десяток курсантов, постоянно последнее время сопровождающий Корнея, мог бы в таком случае оказаться совсем не лишним.

То, что разговор с девочками выйдет такой эмоционально тяжёлый и не простой, она как-то перед поездкой не подумала. Похоже, сама заразилась от своего мужа пофигизмом, раз ей в голову пришла такая глупая мысль что девочки спокойно сидят в

долине, терпеливо ожидая решения своей участи и возвращения своего мужа.

Если они чего и ждали, то только определённости своей дальнейшей судьбы и ничего более. И первая же фраза об этом тут же вызвала бурный взрыв чувств, бурю эмоций и поток слёз. Отревевшись, близняшки поуспокоились и уже гораздо спокойней смогли поговорить по интересующей всех теме.

— Дома нас ничего не ждёт, — сразу же определилась со своим будущим самая из них боевая — Лия. — Голые казармы в Речной Страже, где даже личных вещей имеем право иметь только строго определённый перечень. Да вечные бои на постоянной войне: или на реке, или на берегу, пока не убьют, или не покалечат. Из семьи у нас была только мать, да и ту недавно убили в каких-то клановых разборках. Есть ещё сестра, третья близняшка. Но где она сейчас — неизвестно. Как раз этой осенью, после того как пришло от нас известие, что корпус, где мы служили, уничтожен русскими, соседи дом наш сожгли, родовой участок заняли. Возвращаться совсем некуда стало.

— Добрые у вас, как я посмотрю, соседи, — тихо пробормотала себе под нос Маша.

— Можно подумать здесь другие, — тихо хмыкнула Лая, покосившись на неё.

— А тут Димочка, — Лия сердито глянула на сестру, недовольная что её прерывают, — пещеры с тайнами, ягодники. Колоссальные, на сотни гектар. Не то что наши три десятины тощей болотистой землицы дома, которых и тех уже нет.

— Компания, опять же, интересная. Один только профессор, чего стоит, — покосилась она на сразу смутившегося профессора. — Обещал нас выучить азбуке и счёту. И действительно учит. А баронесса? — с тихим ужасом, пополам с восторгом выдохнула она.

— Наконец, вы Маша. Властная и самостоятельная женщина. В таком положении и тянущая на себе мужа и огромное хозяйство банка, в котором вы стали самым главным президентом.

Корней удивлённо покосился на невозмутимую Машу, которая, похоже, любопытный перл молодой девчонки просто пропустила мимо ушей. До сего момента он даже и не предполагал что его оказывается на себе кто-то куда-то ещё и волокёт.

— "Вот две молодые дуры, — с весёлым, тут же задавленным смешком подумал он. — Что значит воспитание у амазонок. Совсем мужика за человека не считают. Если действительно останутся, тяжело им придётся. Хотя, тут всё зависит от Димона. Сумеет справиться — будет сыт, пьян и обласкан. Нет — так и

будет бегать по Приморью, пока смерть свою не поймает на кончике стрелы.

Кстати, — неожиданно озадачился он, — а о каком таком особом положении Машки они упоминали?"

— Вы не думайте, что мы такие непонятливые, — с умным видом продолжала меж тем вещать Лия. — Мы прекрасно понимаем, что это за работа такая, и что такое иметь в вашем положении детей, и что они для вас значат.

— "О, блин! — в панике заметалась мысль Маши. — Муж ещё не знает, а эти две шалашовки уже догадались. Кошмар!"

— Тут бурная, интересная жизнь, а там… скука, — продолжала вещать речитативом амазонка, — голые казармы, да муштра без малейших перспектив на будущее. Или ты думаешь, что мы кому-то там нужны? — криво улыбнулась Лия. — Да мы расходный материал, солдатское мясо.

— У нас говорят пушечное мясо, — тихо откликнулась Маша.

— Как не называй, суть одна, — хмуро бросила вторая, Лая. — Там мы никто, здесь мы всё.

— Вернёмся сейчас, заставят аборт сделать. А если будут слишком большие сроки и будет угроза для жизни, дадут родить, а потом отберут детей в приют. А ты сама пошла служить дальше, — с кривой гримасой на лице, тихо проговорила какая-то из близняшек. — Ещё и колоссальные долги на шею повесят, за специальное медицинское обслуживание. Республика на тебя потратилась, образование дала, воспитывала, кормила, поила, в легион Речной Стражи служить отправила. В конце концов даже аборт залетевшей дуре сделала. Так чего ты хочешь. Служи! А про детей забудь. Дети не твои. Они Республики.

— Что же вы тогда довели мужика до того, что он от вас сбежал? — хмуро бросила ей Маша. — Полгода прошло, а он и не думает возвращаться. Да и неизвестно ещё, как он себя поведёт, если вообще, вернётся, — хмуро бросила близняшкам Маша, мрачно поглядывая на скуксившихся амазонок.

— Кто же знал, что оно так повернётся, — тихо проговорила Лия.

— Хотелось, как лучше, чтоб у мужика ни в чём отказа не было, чтоб, как сыр в масле катался. А оно вона как вышло, — грустно добавила вторая.

Маша, мрачная, как грозовая туча сердито посмотрела на Корнея с профессором. Оба два, как один, тут же, мгновенно отвели глаза, явно не желая принимать никакого участия в решении их судеб.

Так и не дождавшись от них никакой реакции, Маша презрительно фыркнула, бросив в их сторону ещё один,

уничижительный взгляд. Поняв что они ей не помошники, недовольным голосом проговорила:

— Ну, муженёк, давай, высказывай своё мнение, — требовательно потеребила она его за рукав.

Покряхтев, посопев, почесавшись во всех местах, Корней, недовольно зыркнув на профессора, что-то уж слишком озабоченно рассматривающего на пустой совершенно стене пещеры, недовольным голосом ответил, ещё раз мрачно на него покосясь:

— Ну, — тут же застрял он на первом же слове. — В том бардаке, что творился у нас последние дни. они явно были на нашей стороне. Даже эти их подруги, крестьянки, к ним примкнули. Так что с этой стороны, у меня к ним претензий нет. Ну а чего от них потом ожидать, я не знаю. — И замолк, мрачно уставившись в ту же стену, что изучал и профессор.

— Та-ак, — насмешливо протянула Маша, — один высказался. Осталось дело за вторым, таким же многословным. Говорите, профессор, — тихим голосом поторопила она его.

Профессор, оторвавшись от изучения совершенно пустой стены, мрачно зыркнул на периодически посматривающего на него, насмешливо ухмыляющегося Корнея. Раздражённо почесав неряшливый, заросший седой щетиной подбородок, недовольным голосом проворчал:

— Я вообще не вижу причин лезть в семейные дела Димона. Он их пригрел, сразу обоих, или обеих, — запнулся он, уточняя. — Это его жёны, причём обе. А то примем сейчас какое-нибудь решение, так будьте уверены что любое наше решение ему не понравится. Вы же знаете, какой занудой он может быть. Житья же нам потом не даст. Поэтому, пусть разбирается сам. Не маленький.

Маша, скептически посмотрев и на этого советчика, так от него и не дождавшись больше ничего, тяжело вздохнула и подвела итоги:

— Ну, раз эти мерзавцы явно самоустраняются, то вот что я скажу вам, бабоньки. Живите пока как жили. Будете заниматься питомником в долине. Место здесь тихое, как раз вам, в вашем положении подойдёт. Возьмёте себе в помощь свою подругу, что единственная осталась из тех, кто с вами раньше был. Тем более что заняла она правильную сторону. Если ещё кто понадобится, то говорите, варианты рассмотрим. Вам, в вашем положении, втроём тут явно не справиться. Так что — не стесняйтесь. Набирайте штат помошниц, столько, сколько надо.

— И насчёт того что тут зимой делать нечего — не беспокойтесь, — улыбнулась как-то нехорошо, с намёком

Изабелла. — Тот срач, что остался возле пещер после вывода из долины нефтяного заводика лет несколько придётся исправлять. Но начать надо сейчас, немедленно.

— И начните с того, чтобы немедленно вырубить остатки поломанных деревьев и выкопайте пеньки от ранее вырубленных. А на их место — посадите новые. Работы — до весны хватит. Так что можете смело набирать бригаду и в десять и в двадцать человек.

Но учтите, начнёт кто проявлять интерес к другим пещерам, или ещё каким образом совать свой нос куда не надо…, - голос Изабеллы заметно похолодел, черты лица заострились, и на расслабившихся было девчонок глянул суровый, беспощадный лик истинной поречной дворянки, — немедленно доложить, а такого любопытного сразу взять на заметку.

Напоминаю вам ваше истинное положение. Власти республики официально от вас отказались, выкупив пленных из последнего набега и не заплатив за вас ни ломаной монетки. Вам не простили занятой всеми вами позиции нейтралитета во время мятежа.

Надеюсь, вы теперь понимаете своё положение и чем это для вас обернётся в случае измены уже здешним властям. Отказавшись от вас, власти Амазонии фактически обрекли вас на безправное положение. Теперь любой может вас закабались без каких-либо для себя последствий. Так что, если б даже у вас и осталась родовая земля и дом в Амазонии, возвращаться вам всё равно было бы некуда. Потому и дом ваш там разграбили, что вы теперь были никто, пустое место.

И соседи здесь ни при чём, — бросила она холодный взгляд на Машу. — Это месть властей.

Поэтому, от вас потребуется максимальная лояльность к местным, в данном случае городским властям. Не забывайте этого. И предупредите своих подруг какими неприятностями для них может кончиться их расхлябанность и возможная лень. Пока вы нужны. Так что постарайтесь максимально использовать предоставленные вам возможности для закрепления в городе. Другого места у вас больше нет.

Маша удивлённо слушала монолог Изабеллы. Из того что та сказала, она мало что поняла, но основное уловила. Та их о чём-то предупреждала, о чём-то хорошо тем знакомом и понятном, но что так и осталось тайной за семью печатями для самой Маши. Впрочем, у неё и своих хлопот хватало, чтобы ещё вслушиваться что Изабелла говорит, или вмешиваться в её дела.

Изменившийся голос Изабеллы был видимо хорошо девчонкам понятен, потому как появившиеся было улыбки на их

лицах мгновенно пропали, и они смотрели на Беллу уже не как на случайного здесь человека, а как на своего непосредственного командира. Это было удивительно, но тут Маша не могла ошибиться. Такие лица были слишком хорошо ей знакомы, чтобы что-либо спутать. Так курсанты мужа последнее время смотрели на Корнея, как на своего начальника и командира, должного, а главное, имеющего полное право распоряжаться их жизнью и смертью.

Укол ревности слабо кольнул Машино сердце, но она поспешила выбросить дурные мысли из головы, потому как прекрасно понимала, что соревноваться в умении командовать людьми с потомственной дворянкой ей можно было и не мечтать. Та сразу, сходу даст ей сто очков вперёд.

Впрочем, ей этого и не надо было делать. У каждой их них была своя судьба и свой путь. И с Беллой её жизнь, при всём равенстве нынешних условий, никогда не пересечётся. Они были и всегда будут разные. И мешать друг другу никогда не будут. У каждой было своё.

— Ну-с, — довольно потёрла она ручки. — Раз и с этим разобрались, то и с принятием решения по вашей дальнейшей судьбе, подождём. Пусть сначала Димон вернётся и сам определится, а там и видно будет. Нужны вы ему будете, значит, оставит. А нет? — Маша на миг прервалась, бросив внимательный взгляд на округлившиеся и пополневшие фигуры близняшек, и чему-то, ухмыльнувшись, весело добавила, глядя на их ставшие вдруг сразу слегка встревоженными лица. — Да не боись! Не бросим. Одних, с дитятями вас не оставим.

— Какими такими дитятями? — тут же сердито перебил её профессор.

Весь вечер занятый внимательным рассматриванием стен, потолка, пола, входной двери, пустынного, покрытого снегом пространства питомника и всего остального движимого и недвижимого имущества в долине и пещере, включая и все произрастающие на улице деревья, он, видимо только сейчас очнулся. И не поняв о чём идёт ресь, тот час же возмутился.

Сердито посмотрев на Машу, а затем, переведя недовольный взгляд на близняшек, профессор раздражённо заворчал.

— Где это ты тут дитёв видела, Маша. По-моему, это уже давно не дети. Дылды половозрелые. И за свои дела должны отвечать. Если бы не их дурацкая сексуальная активность, то и Димон бы не сбежал.

— Дитяти! — возмущённо воскликнул он. — Да и Сидор бы никуда без него не поехал. Тогда, глядишь, и мятежа бы этого дурацкого не было, — совсем уж не логично заметил он. —

Глядишь, всё бы повернулось совсем не так. Не так кроваво, — тихо добавил он.

— Хоть вы то профессор, не сыпьте соль на раны, — недовольно поморщилась Маша.

Огромное количество погибших с двух сторон во время набега, совершенно неожиданное для той и для другой стороны, до сих пор было для Маши незаживающей раной. А уж то, что им приписали ещё и добивание раненых после боя, вообще бесило её. Хотя тут-то, конечно, они сами были виноваты.

— Всё было сделано совершенно правильно, — тихий голос Лии, неожиданно перебил Машу, недовольную вмешательством профессора, и собравшуюся было разнести того в пух и перья.

— Что? — удивлённо повернулась к ней Маша.

— Только так и можно было их остановить, — продолжила Лия, дождавшись установления мёртвой тишины в зале. — Если бы вы с ними церемонились, как там, на Девичьем поле, то они бы на этом не остановились и продолжали бы раз за разом пытаться завладеть городом. А этот приказ баронессы о поголовной резне и особенно о том, чтобы сбрасывать трупы в воду, резко охладил их пыл. Она добилась того, что те, кто мечтал о лёгком наскоке и последующем приятном грабеже, потом провели несколько дней в низовьях реки, вылавливая трупы. Несколько дней такой работы у кого хочешь, отобьют всякое желание к вам сюда соваться. Поэтому, они никогда больше к вам не полезут. В другие места может быть. Даже наверняка. А сюда нет, никогда. Мы хорошо знаем психологию своего бывшего начальства. Трусливые ничтожества.

Была бы на их месте Тара, так она бы не остановилась ни перед чем, пока бы не отомстила, а те, кто сейчас на её месте, не такие. Пожиже будут. Им бы лишь пограбить, да мошну свою личную набить, а о мести они даже не задумываются.

Мстить? Кому? За что? — горькая гримаса исказила её красивое лицо.

Мы им никто. Убили кого из нас, так и хрен бы нами.

Поэтому, о нынешних властях в Речной Страже и в правительстве республики можете спокойно забыть. Они своё получили и теперь успокоятся. А вот Тару, — многозначительно замолчала она, подчёркивая этим своё замечание. — Тару, настоятельно советуем вам опасаться. Пока она жива, постоянно держите её в поле своего зрения. Она никогда не простит вам такого отношения к её девочкам и стольких смертей.

Маша, переглянувшись с Изабеллой, медленно перевела свой взгляд на профессора с Корнеем. Внимательно выслушав речь амазонок она немного помолчала, а потом тихо проговорила:

— Вот оно, значит, как. А мы то всё недоумевали, чего это чуть ли не половина десанта вдруг взяла и остановилась, а потом чуть ли не бегом бросилась обратно. А им, оказывается, хватило. Что ж, — задумалась Маша. — Это следует тщательно проверить. И если это действительно так, то всё совершенно меняется. Значит, со стороны амазонок, можно набегов больше не бояться.

— Это так, — кивнула головой и вторая. — Тем более что пленные, те, кто попал не в ваши руки, а другим, в один голос утверждали, что Тара была ещё задолго до нападения отстранена от командования и распоряжалась там опять княжна Подгорная. Почему всё так прошло бездарно.

— Вы, оказывается уже и это знаете, — бросил на них задумчиый взгляд профессор. — Сидя здесь одни, в уединённой долине, вы оказывается знаете то, что лично я узнал только что, прямо перед нашей поездкой сюда…

— Пришли сведения, что это подтверждают, — бросил он взгляд на внезапно заинтересовавшегося разговором Корнея. — Тара действительно была отстранена от командования. Давно ещё, чуть ли не летом. И в её бывшем легионе к настоящему времени уже даже сотников ею назначеных не осталось. Никого, кого бы она лично когда-то командные должности ставила.

— Операцию полностью провела княжна Лидия Подгорная. Опять! Так что, таким количеством трофеев мы обязаны именно подгорной княжне, её полководческим талантам. Жаль вот только, что почти все лодьи десанта первой волны почти что сгорели, — с сожаление поцокал он языком. — Вот бы Сидор порадовался. Хотя…, - профессор кончиком указательного пальца почесал висок. — Это как посмотреть. Перед тем как сгореть, некоторые ещё и утонули. Так что корпуса, глядишь, в большей части ещё и целыми окажутся.

— Сколько возни то теперь сразу возникло, — сердито проворчал он, тихо, себе под нос.

— Надо вытащить их на берег — проверить, — неожиданно закончил он свою мысль на этой оптимистической ноте.

*Мысли Изабеллы.**

Зима словно ждала сигнала по которому можно было бы ей вступить в свои права. Таким сигналом для города Старый Ключ стал мятеж пленных амазонок и попытка захвата города.

После этого погода вдруг словно опамятовалась и вспомнила что она подзадержалась на вроде бы как положенные по календарю морозы, и стремительно, в две недели вернула себе

свои позиции. Реки наконец-то встали скованные льдом. В лесах выпал полуметровый слой пушистого, кипельно-белого снега, поля побелели, дороги замело, так что найти их в лесу можно было лишь по просеке. А в полях и на открытых участках, передвигаться можно было лишь зная хотя бы примерное направление, настолько всё вокруг стало ровное и безликое. А в городе буквально только что бившая ключом жизнь застыла и замерла.

Праздники, устроенные в честь начала зимы и успешного отражения набега воинственных соседок закончились. Погибших похоронили, тризны по ним справили, даже немногочисленных пленных, захваченных во время набега, сбагрили с рук. Руководство республики ещё до морозов успело подсуетиться и выкупить захваченных при последнем набеге пленных амазонок, сразу заплатив выставленную городскими властями крупную сумму.

То что и в этот раз она мало чем отличалась от той, что затребовал за пленных с Девичьего поля Сидор Вехтор, летом прошлого года, на удивление городских властей ничуть не остановила руководство Республики. Выкуп быстро был заплачен и пленные тут же были отпущены домой. И ещё до ледостава они отбыли.

И лишь после этого всем в городе стало окончательно ясно, что пленные с Девичьего Поля, захваченные летом прошлого года во время перегона лошадей из низовий Лонгары в Старый Ключ, так и останутся в городе. Никто, ничего за них не собирался платить. Они вдруг оказались никому не нужны.

Никто из этих оставшихся в городе пленных не выступил против города Старый Ключ во время набега и мятежа, и руководство республики этого им не простило. Воспользовавшись тем, что формально на момент пленения они пребывали как бы в юридическом вакууме, их бросили на произвол судьбы. И дальше они могли рассчитывать исключительно на собственные силы. Чем незамедлительно и воспользовались городские власти. Цена на рабочую силу и услуги амазонок буквально обрушилась.

Огромные суммы долга, на которые до того никто из них не обращал ни малейшего внимания, теперь тяжёлыми веригами внезапно повисли у них на ногах.

Поэтому и вопрос возврата затраченных на них средств и их долговых выплат для пленных сразу перешёл в практическую плоскость. Если они не хотели на всю оставшуюся жизнь оставаться в плену и существовать на фактически рабском положении, им надо было выкупаться самим. И казалось бы ленивые, ни на что не годные, равнодушные ко всему пленные

амазонки бросились не просто работать, а натурально вкалывать, стремясь побыстрее освободиться от навязанного им ярма.

Возвращаться домой, теперь, после фактического отказа от них руководства республики, им стало невозможно. Да и выпавший сразу после набега снег, мороз, сковавший льдом реки, практически перекрыли все пути-дороги, отрезав от дома. Фактически на всю зиму они оказались заперты в городе.

И за каждую работящую, физически крепкую, здоровую, готовую буквально за гроши работать амазонку в городе установилась самая настоящая драчка. Да и сами пленные амазонки не отказывались теперь от предлагаемых работ. Они брались теперь за всё, составив в том немалую конкуренцию ящерам. Поэтому вчера ещё тихая, умиротворённая жизнь города сразу забила ключом.

И больше всего в этом выиграли кланы, кому после разгрома на Девичьем поле армии амазонок достались пленные. Владея правом распоряжаться пленными, они становились фактически монополистами, с которыми теперь надо было договариваться об использовании труда пленных. И неплохие с дешёвого труда пленных комиссионные, серьёзно пополнили не одну клановую казну. Посреднические услуги оказались весьма и весьма выгодными.

Так что, когда нашего профессора одним таким ясным зимним днём выдернули из его лаборатории в Берлоге, попросив заскочить в Совет в свободную для него минутку, он не стал откладывать. Предвкушая ещё один жирный заказ от городских властей на разработку и производство какого-нибудь очередного клея или пропитки, или ещё чего-нибудь такого же интересного, чем постоянно последнее время озабачивали его городские ремесленные гильдии, он не стал тянуть и поспешил в Управу.

Да и теплилась у него в душе мысль, что и их клан наконец-то вспомнят и попросят у него оказать содействие в использовании труда принадлежавших их клану пленных. Всё же там было не менее семи с половиной сотен голов, и возможные комиссионыые весьма бы неплохо пополнили его личную казну. Денег ему с убытием Сидора в Приморье постоянно не хватало. Машка, мерзавка, резко ограничивала его аппетиты, считая что он больше занимается чистой наукой, чем практическими исследованиями, которые можно было продать и получить хоть какие-то деньги. Ну а поскольку она в химии понимала чуть больше, чем в какой-нибудь реакции холодного синтеза где-нибудь на северном полюсе, то и разговаривать с ней было трудно.

Убедить её в необходимости оплаты профессорских

исследований можно было, но очень трудно. Маша была практичный человек, поэтому последние полгода профессору больше приходилось рассчитывать в оплате своих работ на собственные финансы, чем на клановую казну. Потому он и хватался за любой призрак, который мог принести хоть какую-то копейку.

Проведя в Управе чуть ли не всё утро и весь день за пустыми, не несущими никакой информации неопределёнными разговорами, на крыльцо Совета он вышел уже в наступающих сумерках, имея на лице маску озадаченного, ничего не понимающего человека. Что вокруг происходит, он искренне не понимал. К работе его химической лаборатории, просьба властей посетить как можно скорей Управу не имела ни малейшего отношения. Вообще было ничего не понятно. Пустая болтовня, разговоры вокруг да около, ничего конкретного и постоянное заглядывание в глаза, как будто он что-то знал, а говорить не хотел, а они от него хотели что-то получить. И назойливые попытки его разговорить о чём-то. Вот если б только он знал о чём.

Оставался один путь — разобраться самому. Надо было посетить источник беспокойства городских властей — баронессу Изабеллу де Вехтор.

Как не хотелось туда идти, в свой бывший дом, а надо было встретиться с баронессой.

— "Что-то эта дамочка чем дальше, тем всё больше доставляет нам хлопот", — угрюмо подумал профессор. Маска беззаботности и всё понимающего человека, медленно сползла с его лица. Идти категорически не хотелось, а надо было. Следовало разобраться на месте и понять, что происходит.

— Ну что ж, пошли, поговорим, — угрюмо буркнул он куда-то в пространство.

Хорошо что на крыльце в этот час никого не было, иначе подумали бы что профессор заговариваться стал. А в свете творящихся вокруг непоняток, только этого ему сейчас и не хватало.

Выпавший накануне снег толстым пушастым ковром покрывал улицы города, и пёхом добираться чёрт знает куда, на далёкий от Управы южный конец города, не такому уж и молодому человеку, оказалось не так уж и легко. На Кривую улочку в Глухой тупик, как теперь официально называлось это место в южном посаде, профессор добрался уже в полной темноте.

Родная землянка встретила его двумя маячащими фигурами часовых у ворот и приветливо горящим в ночи одиноким

огоньком окна жилой землянки. Больше никого ни на улице, ни во дворе профессор не заметил. Кивнув старым знакомым ящерам, он прошёл в калитку.

Совершенно непривычный вид засыпанного недавно выпавшим снегом внутреннего пространства двора, неожиданно теплом отозвался на сердце.

— Рыжий, чертяка, — довольно проворчал он, весело потрепав по голове мгновенно нарисовавшегося рядом с ним молодого лиса. — Выздоровел, бродяга. Ну, веди к хозяйке.

— Смылся. Ага! Мышковать побежал, — развеселился он, когда лис, вместо того чтобы прогуляться с ним до жилой землянки, куда-то мгновенно исчез.

Подойдя к входной двери он дёрнул за свисающий с правой стороны от входа кожанный шнурок. Едва слышный за толстой входной дверью колокольчик и сразу раздавшиеся вслед за тем шаги, показали что дома кто-то есть.

— Привет, Дашка, — поздоровался он, заходя и закрывая за собой входную дверь. — Баронесса дома?

— Возле камина сидит, о чём-то думает, — зашипела передавленным голосом Дарья. — Не велела беспокоить, но на тебя, я думаю это не распространяется.

— Ты к нам надолго? — тут же буквально прилипла она к нему, схватив за руку. — Возвращайся, — тихо заканючила она, снизу заглядывая в глаза. — Без тебя скучно. А уроки я все сделала, как ты и велел. Можешь проверить. Я каждый день в комнате у тебя печку топлю, чтоб тебе было не холодно, если ты вдруг вернёшься.

Возвращайся, старый, — снова заглянула она ему в глаза. — Не такая уж она и плохая.

— Кх-м, — прокашлялся профессор. В горле что-то запершило. — Ладно, — совсем смутился он. — Я подумаю.

— Тогда я побежала самовар ставить, — мгновенно повеселела Дашка, буквально метеором бросилась всем телом на дверь, ведущую из прихожей на кухню. — Я счас, — уже оттуда раздался её голос.

Ещё раз прокашлявшись, профессор с чувством небольшой неловкости открыл дверь в гостиную.

— "Похоже, за последний месяц я как-то успел от этого дома отвыкнуть", — сердито подумал он.

Стоящий в воздухе едва уловимый запах смолистого дыма, от горящего в камине можжевельника, тонкий аромат дорогих женских духов и царящий в комнате полумрак от горящей на столе одинокой свечи и отблесков горящего в углу камина, сразу настраивали на романтический лад. Обстановка была самая

соответствующая.

В углу, возле камина, спиной к нему сидела баронесса Изабелла де Вехтор и молча смотрела на огонь. На скрип входной двери она не обернулась.

— Здравствуйте, баронесса, — профессор решил первым нарушить стоящее в комнате молчание.

— И вам не хворать, профессор, — раздалось от камина.

— О-как? — несказанно удивлённый ответным приветствием, профессор прошёл в комнату и присел на стул возле стола.

— Уж от кого, от кого, а от вас Изабелла, я таких слов не ожидал услышать.

— Положение диктует, — как-то непонятно отозвалась та. — Раз уж попала в такую среду, то надо соответствовать, — тут же пояснила она с кривой гримасой, исказившей её красивое лицо.

Зачем пришли? — сухим деловым тоном сразу перешла она к делу. — Только не говорите, что так поздно вы пришли домой чтобы переночевать в тепле. Мол, обратно в Берлог возвращаться поздно. Наверняка были в Совете и они вас там заболтали до ночи, пытаясь выпытать из вас то что вы сами не знаете.

— И чего же я такого не знаю? — тихо спросил профессор. Странная, резкая реакция баронессы на его сегодняшний приход показалась ему довольно интересной. — Поведайте мне, баронесса, что здесь происходит? Почему меня отрывают от моих исследований в Берлоге и тянут в город, в котором мне делать нечего. Меня, занятого человека?

Что же так интересует городские власти, что они так мне и не сказали зачем меня столь поспешно из Берлога вызвали? — усмехнулся он.

Профессор уже понял что перед ним сидит настоящий виновник всех его сегодняшних недоразумений и сейчас он получит ответ на все свои вопросы. Настроение его резко пошло вверх.

— Вас вызвали чтобы вызнать что такого стало известно баронессе де Вехтор, что она озаботилась строительством новой крепостной стены вокруг всего южного посада.

— А вы озаботились? — удивлённо поднял брови профессор. Новость была необычная. Она ошарашивала.

— Я что, похожа на больную? — скупо усмехнулась в ответ Изабелла. На профессора она бросила мимолётный, косой взгляд. — Даже по самым скромным подсчётам, крепостная стена вокруг всего южного посада стоить будет миллионы. А где вы у меня их видели? Не говоря уж о том, а нахрена оно мне надо, — ухмыльнулась она.

— Ну, — замялся профессор. Поведение баронессы, и

особенно её непривычный, вдруг ставший таким странно знакомым слог, ошарашивали. Он не знал как и реагировать. — Я не знаю ваше финансовое положение.

— А зачем мне это, вы не задались вопросом? — в царящей в землянке темноте глаза её как-то странно блестнули. — Зачем мне делать чужим людям такие дорогие подарки?

— Значит, дело не в деньгах и не в стене, — тут же сделал профессор для себя правильный вывод. — Что произошло?

— Ничего, — невозмутимо отозвалась баронесса. — Ничего такого, чего бы вы не знали.

— Тогда остаётся выяснить о чём вообще идёт речь, — улыбнулся профессор. Словестная пикировка с молодой, красивой женщиной настраивала на весёлый, шутливый лад.

— Речь идёт о том, почему напавшие на город амазонки, прорвавшись из района порта, не стали прорываться дальше к центру, как логично вроде следовало бы предположить, а бросились к нам, сюда в южный угол.

— Упс, — озадаченно проговорил профессор. Появившаяся было улыбка медленно покинула его лицо. — А вот это уже интересно. И что же такого произошло за последнее время, баронесса, что спустя чуть ли не месяц после прошедшего, вы вдруг озаботились подобным вопросом.

— Ваши слова.

— Мои? — неподдельно удивился профессор. — А что я такого сказал?

— Что нападением на город непосредственно руководила княжна Лидия Подгорная.

— И что? — озаботился профессор. Он пока что ничего не понимал. — Что в этом такого?

— А то, — хмыкнула Изабелла. — Что первоначальное всеобщее убеждение всех в городе о том, что прорвавшиеся из района порта амазонки решили окольными путями, по краю города, кривыми пустыми улочками пробраться к южным вратам, и ударом в спину защитникам помочь наступающим с юга своим войскам, не выдерживают никакой критики.

— С чего это вы решили? — осторожно полюбопытствовал профессор. Некие подобные мысли и так крутились последнее время у него в голове. Но услышать им подтверждение из уст этой молодой, взбаламошной, как он сам ещё недавно думал, девчонки, он никак не ожидал.

— С того что командовала нападением княжна Подгорная? — неверяще в подобную глупость, переспросил он.

— Да, — тихим, чётко акцентированным голосом откликнулась Белла.

— Хм, — буркнул профессор. — Смелый вывод. Поясните.

— Первое. Напавшие со стороны речного порта амазонки, прорвавшись через район портовых бараков, никак не могли знать что со стороны южных ворот у них ничего не получилось. Между двумя группами нападавших не было прямой связи. Они ориентировались исключительно по времени, когда и где каждая из них должны были оказаться. Это вытекает из всей логики происходящего.

Второе. Даже если они узнали что южные ворота никто не откроет, прорываться туда удобнее было бы прямо из центра, от внутренней крепостной стены, где они уже были, двигаясь по Широкой улице прямо к южным воротам. Делать круг, чтобы сбоку зайти, пройдя по якобы пустым улочкам южного посада, бред полный.

Они просто не могли знать что улочки пустые. Но они прекрасно знали, что самый правильный путь — самый короткий. А самый короткий путь оттуда, где они свернули, был не к южным воротам, а к нам, сюда на южную сторону. В эту землянку.

Сюда и ещё к ящерам, расположившемся на соседней улочке, с нами по соседству. Как говорится, забор в забор. Вот сюда им действительно был самый прямой путь. И шли они сюда, а не к каким-то мифическим воротам. Это же подтверждает и то с какой безжалостностью были вырезаны двое встретившихся им по пути ясель с молодняком ящеров.

Они им мстили, — на секунду прервавшись, Изабелла внимательно посмотрела в глаза профессору, как бы проверяя, как тот реагирует на её слова. Удовлетворившись увиденным, продолжила. — Мстили нашим ящерам за измену князьям Подгорным, выразившуюся в том, что они покинули своё прежнее место жительства на границе Империи и Подгорного княжества. Тем самым лишив князей Подгорных того немалого дохода, что те с них имели, торгуя продаваемыми князьям по дешёвке дорогими ящеровыми лекарствами.

Они думали встретить в этом углу семьи ящеров и того не знали что накануне все покинули южный посад, решив принять участие в отражении нападения и рассредоточившись по всему городу. Останься семьи ящеров здесь и неизвестно как ещё бы дело повернулось. Сотни матёрых воинов амазонок, против нскольких сот не готовых к отражению нападения, практически безоружных ящеров, поодиночке защищающих свои семьи. Да они бы вырезали их под ноль. Но! На месте никого не оказалось. Были лишь ясли с молодняком.

И пятьдесят мальков погибли.

Потом, они наверняка собирались разделаться и со мной, —

криво усмехнулась Белла. — Но и тут им не свезло. Ни меня, ни вас, никого дома не было. Вы были в Речной крепости, Пристани, я в городе. Все мы воевали.

Никого не застав и даже для видимости ничего не ограбив, только вышибив у нас дверь, амазонки развернулись и убрались обратно в порт. Хотя могли бы уже отсюда ударить и по южным воротам, и на арсенал повернуть. Все пути им были открыты. Никого здесь не было. Но! Вместо этого, поняв что поставленные цели не достигнуты и теперь уже вряд ли будут в этот раз достигнуты, разворачиваются и уходят обратно в порт, к ждущим их там десантным судам.

Заметьте, профессор, не поддержав тех, кто в это время рубился возле арсенала и городской Управы, фактически бросив их на растерзание подошедшим к городу клановым войскам и оправившимся стражникам.

Потом спокойно погрузились на пустые суда, подожгли те что не могли взять с собой, обрекая тем самым оставшиеся в городе войска на гибель и плен, и… спокойно убыли.

Дело своё они сделали. Убедились что большего на данный момент выполнить невозможно. Бросили взятых ими как раз на такой случай смертников, из числа тех самых ветеранов Речной Стражи, и спокойно убыли восвояси.

Как вам такая картина?

— Логично, — задумчиво пробормотал профессор. — Очень логично. Признаться, после того как я получил известие, что к проведению операции причастна княжна Лидия Подгорная, и у меня самого стали возникать некие вопросы. Вы же вполне логично на них ответили.

— И что? — профессор посмотрел прямо в глаза Изабелла. — При чём здесь городские власти?

— Вчера я была в Управе и поинтересовалась сколько будет стоить поставить каменную крепостную стену, отделяющую южный посад от его портовой части. Вместо того старого хлипкого заборчика, что сейчас там стоит. Естественно с проездными вратами, чтоб всё как положено, — усмехнулась Белла.

Вот они и всполошились. А не знаю ли я ещё чего такого, что может быть и для них полезно. А вдруг им грозит ещё какое нападение, о котором я им почему-то не сказала.

После мятежа, после того как они у всех на глазах сели в лужу, они стали какие-то все нервные, — мстительно прищурилась Изабелла.

Вот они вас и выдернули из вашей кельи отшельника в Берлоге. Неужели не понятно? — едва заметно улыбнулась Белла

одними кончиками губ.

— Понятно, — тихо проговорил профессор. — Теперь-то как раз понятно.

— Что-нибудь ещё заметили? — поинтересовался он. Изабелла явно что-то недоговаривала, если судить по задумчиву, внимательному взгляду, который она не сводила с него.

— Ещё? — непределённо как-то окликнулась она. — Как вам такой вопрос.

— А куда делись те две с половиной сотни дублёров, которых семьи богатых амазонок выставили на замену попавших в плен, на время, пока не соберут и не привезут выкуп. Ну, десяток я зарубила на площади перед Управой, из тех кто первыми захватил арсенал. Десяток в районе порта. Два десятка курсанты растреляли возле южных ворот. Там, сям ещё десяток, другой наберётся. Парочку повесили на виселице перед Управой.

— А где пропавшие во время мятежа остальные почти две сотни амазонок, принимавших участие в мятеже?

— Их нет, — Белла как-то неопределённо улыбнулась. — Нет почти двухсот так называеых дублёров, принявших самое активное участие в мятеже. И после него буквально растворившихся в воздухе.

— Думаю, городские власти на это тоже обратили своё внимание, раз сразу после мятежа всем пленным, не разделяя, запретили появляться в городе, вплоть до особого распоряжения. Ну а сейчас перетряхивают все кланы за городом, проверяя где кто был и что делал.

— Ну и где они по вашему? — мрачно буркнул профессор.

— Конечно уплыли вместе с тем отрядом, что вырезал мальков у ящеров, — сухо и резко бросила Белла. — Пошумели возле восточных ворот, отвлекли тем внимание подошедшх клановый войск, и спокойно растворились в районе порта.

— Что им тут оставалось делать? Мятеж подавлен, задание, ради которого их наняли — не выполнено. То, что их выкупать не будут, они наверняка планировали с самого начала, иначе бы не вели себя так жестоко с молодняком ящеров. И так демонстративно нагло не вели бы себя со всеми молодыми амазонками, после своего появления в городе. Настолько нагло, что настроили против себя всех, абсолютно всех пленных. Словно это с самого начала и было их главной целью.

— Что вполне могло быть, если руководство республики по каким-то своим причинам с самого начала решило слить весь курсантский выпуск этого года. Напомню вам, профессор, столичных, элитных школ не было на том Девичьем Поле, не забывайте этого.

— А молодняк вырезали именно они, те самые вдовы, и никто другой. Потому как приписываемое это действо бойцам Речной Сражи, напавшим на город, совершенно для них не характерно. Никогда подобного дела меж них не было и никогда они ранее себе ничего такого не позволяли. Так что нет причин думать что они все внезапно посходили с ума.

— Нет. Кто-то сознательно и старательно лепит из имперских ящеров врагов амазонкам. Спрашивается, кто и зачем?

— Ответ прост. Готовится война и заранее стравливают бывших ранее союзниками амазонок и имперских ящеров.

— Другой вопрос. Кому это надо? Ответ ещё более прост. Подгорным князьям. И, как это ни странно, самим имперским ящерам. Точнее — Императрице Сухайе.

— Спросите почему им двоим? Потому что они оба участвовали в налёте на Старый Ключ.

— Не могу пока найти доказательств, но что это так — просто чувствую. А своим чувствам я доверяю.

— Хотя, интересы Подгорных князей как раз-то просматриваются. Им надо отхватить себе кусок пустынных земель по правому берегу Северного Стрыя, ныне формально принадлежащий Амазонии, и наиболее удобно это сделать, пока амазонки заняты будут грызнёй с Империей.

— Империи же, видать по мнению той же Сухайи, молодой, глупой императрицы, выгоднее с амазонками война, чем мир. У неё в империи серьёзные проблемы. Под ней шатается трон. И маленькая победоносная война ей сейчас совсем не помешает. а общая граница у империи только с Амазонией и Подгорным княжеством.

— Но с княжеством у неё дружба, козырная дружба с далеко идущими интересами. А вот с амазонками, — Белла задумалась. — Тут что-то не то. Какая-то собака между ними пробежала.

— Дело меж ними явно идёт к войне, что видно даже невооружённым взглядом. Отношения между Республикой и Империей портятся прямо на глазах. Это даже мой Советник отметил.

— Да и думаю я, Сухайе надо устранить из жизни людей — глав кланов ящеров, чтобы и впредь не было подобных прецендентов. Она твёрдо ведёт линию на слом старых имперских традиций и сворачивать со своего пути не намерена.

— Только смерть её остановит, — тихо и задумчиво проговорила она. — И почему, спрашивается наши ящеры ранее этого не сделали? — тихо пробормотала она себе под нос. — Надо подкинуть им эту идейку. Пусть думают.

— Пусть думают, — повысила она голос, подняв глаза и глядя прямо профессору в лицо. — Что им выгодней и для их родов лучше. Вечно скитаться по чужим углам или тихо удавить одну тварь на троне?

— Как вы сами не раз говорили, профессор. Есть человек — есть проблема. Нет человека — нет проблемы. А то что она не человек — сути процесса не меняет.

— Изабелла, не хотите вернуться обратно? — неожиданно спросил профессор.

— Обратно, это куда? — враз насторожилась Белла.

— Обратно, это ко мне в ассистентки, — усмехнулся профессор. — А то мне вас, честно говоря, не хватает.

— Некому пробирки мыть? — скупо улыбнулась Белла.

— Пробирки то как раз есть кому, — поморщился профессор. — А вот провести правильно опыт, или отследить за правильностью химического процесса, чтобы ничего не взорвалось, вот этого действительно сделать некому. Уровень образования, извините не тот.

— Не хотите ли вернуться на должность лаборантки ко мне? — с ехидцей поинтересовался он.

— Лаборанткой нет, помошницей — не откажусь.

— Если только мы с вами решим один вопрос.

— Какой? — теперь насторожился профессор. От юной девицы, сделавшей такой нехилый анализ из кучи обрывочной информации, следовало всякого ожидать.

— А что вы профессор, в свете новых данных, собирается предпринять? — холодно поинтересовалась у него Белла. Пронзительные голубые глаза её зло сверкнули в свете отбрасываемых из камина колеблющихся теней пламени. — Не сидеть же терпеливо ожидая пока нас с вами убьют. Мне лично, такая позиция не нравится…

— Отлично, — звонко хлопнул профессор по столу ладонью. — Люблю параноиков.

— Значит, будем считать что договорились. Мне нравится ход ваших мыслей, Изабелла. Завтра же перебираюсь обратно. А вы, Белла, — неожиданно улыбнулся он, глядя на неё. — Ещё раз хорошенько подумайте. Не было ли в том нападении ещё чего-нибудь такого же, странного. Больно уж у вас оказалась развита наблюдательность и интуиция на подобные странные мелочи. Ишь ты, — хмыкнул он, мотнув головой. — Это бы не мешало использовать.

— Всё равно ведь зимой делать нечего, — весело рассмеялся он.

Глава 4 Месяц спустя…

Попытка вернуть "награбленное"…*

Плохо начавшийся день обязательно должен был кончиться плохо. Эту старую, избитую истину Городской Голова Косой Сильвестр Андреевич знал не просто хорошо, а даже очень хорошо, не раз убедившись в том на собственном опыте.

Что ни говори, а собственная шкура луший в мире учитель. Когда тебя лично что-либо касается, это запоминается на всю жизнь. Вот и сейчас. Зачем? Зачем они взяли с собой на встречу эту молодую бабёнку? Точно что-то заранее почувствовали. Наверное, как со своими амазонками, когда две эти дуры ворвались в Управу и вереща благим малом потребовали немедленного созыва всего Совета, мол, они знают нечто такое, что касается безопасности города.

Какой же он был дурак тогда, что не прислушался. Показалось, ну что могут знать какие-то две вздорные бабы, перепугавшиеся чутка забывшихся пленниц. А потом пожалел. Так пожалел, что теперь от одного вида этих двух стерв, снова пришедших к нему и также как и в тот раз вдвоём. У Головы от одной этой мысли начало нехорошо ёкать под ложечкой. Тем более что баронессу никто сюда не звал. Сама пришла. Тварь!

— "Ну зачем, зачем они взяли её с собой, — совсем закручинившись тоскливо подумал он. — Теперь придётся изворачиваться и подбирать выражения. А то, глядишь, чего этой молодой дворянке не понравится в его речах, сочтёт неуважением, придётся отвечать".

После того что Голова о ней узнал, с чем сам лично столкнулся во время мятежа, распускать в её присутствии язык, и как следствия собственной несдержанности выходить с мечом в руке против этой красивой бестии на судном поединке, он бы не стал ни за что. Результат был известен.

День был решительно и окончательно испорчен. И если до встречи он ещё питал какие-то иллюзии и надежды, что можно будет добиться от них что им надо, то лишь увидев входящую в совещательный зал Совета баронессу Изабеллу де Вехтор сразу понял: "Ничего из задуманного ими с Силой Савеличем не получится". Отыграться за понесённые унижения и убытки в этот раз у них не получится. Придётся ждать.

— "Но, ничего, — мстительно подумал он. — Не последняя встреча. Ещё не вечер. Ещё мы повоюем".

Городской Голова, нервно метался по залу Совета, раздражёнными, нервными шагами вымеряя за спинами сидящих за столом представителей городской Старшины привычные длинные вёрсты. Так он делал всегда, когда собирался Совет и на нём обсуждались какие-либо вопросы. Все к этому привыкли и на его вышагивания у себя за спиной давно перестали обращать внимание. Так Голове было привычней и так ему лучше думалось. Поэтому, выказывая уважение к Главе Города, никто ему давно не перечил.

Голова нервничал, потому что понимал что обманывает сам себя. Пока эта баронесса вместе с этой группой землян, он их пальцем не тронет. По крайней мере так как было раньше, прямо, нагло, не оглядываясь на последствия. Потому что знал, те будут молчать. Молчать и терпеть, потому что ответить нечем.

Теперь всё изменилось. Теперь надо было быть крайне острожным, и в поступках, а главное в словах. Если поступки ещё надо было доказать, то за слова придётся отвечать сразу. Немедленно и на месте. А это гарантированная смерть. Без вариантов.

И от понимания этого неприятного факта бесился ещё больше.

Поэтому, когда в ультимативной форме эта вздорная девица…

— "Нет не девица, — мысленно тут же поправил сам себя Голова, обратив внимание на её изменившуюся фигуру, — бабёнка".

…Какая-то бабёнка потребовала от него прекратить метаться из угла в угол и на какое-то время пришлось подчиниться, чтобы не нарываться на грубость. Но потом он опять забылся и сейчас с невольным раздражением, нервно ждал от той окрика, чтоб прекратил носиться как он привык.

На удивление окрика не было, и Голова теперь периодически осторожно на неё поглядывал, словно ожидая с той стороны подвоха. Но, похоже, баронессу больше интересовал ведущийся за столом непростой разговор, чем метания за своей спиной какого-то Головы.

В душе его ворохнулась злость: "Как на нерадивого слугу смотрит. Даже не одёрнет, брезгует, чёртова баба", — пронеслась несколько нелогичная раздражённая мысль. Теперь в баронессе его раздражало всё, буквально всё.

— Слава Богу что сегодня они собрались сокращённым составом Совета, иначе бы из-за поднявшейся за столом Совета ругани собрание точно затянулось бы на несколько дней.

— "Выпороть наглецов. Всех троих. И банкиршу эту

самозваную, и профессора этого, светлую конечно голову, но удивительно неуправляемого наглеца. Да и учителю этому, фектовальщику, не мешало бы за компанию вломить мочёных берёзовых прутков, как следует. За самовольство и непочтение к властям. Вконец обнаглел. А последнее время перестал даже делать видимость, что прислушивается к мнению городских властей. Думает герой? Всё можно? Ну-ну. И не таких героев ломали".

Но, теперь приходилось быть осторожным. Мало того что и баронесса к ним присоединилась, так ещё и в глазах всех горожан они все были герои. Следовало теперь действовать много тоньше и осторожней.

— "Кто бы мог подумать, что такое казалось бы заурядное, рядовое, обычное дело, как возвращение каким-либо кланом под власть города недавно захваченных во время набега пленных амазонок, может сразу пойти наперекосяк и с первых же слов застопориться.

И почему? По какой причине?" — Голова чуть не взвыл от безсильной злости.

Всё просто. По самой простой, самой банальной причине, подумать о которой до сего дня никому даже в голову не приходило.

Официально, чисто формально, пленных не существовало. Официально они всеми были признаны мёртвыми, что самим городом, что властями амазонок, и поэтому требовать от этих наглых землян, чтобы городу вернули то чего нет — никто из Совета заставить их не мог. И эти наглецы беззастенчиво воспользовались этой незамысловатой, шитой белыми нитками уловкой.

Признаться, с таким вывертом мозгов он встречался впервые. И, похоже, он знал откуда здесь ноги ростут.

Это всё проклятая баронесса. Она одна, или со своим Советником, в недобрый час появившиеся в его городе, мутили воду. Это они, больше просто некому, кто бы мог навести землян на подобную мысль.

Как было без них просто. Что ни сказал — все, абсолютно всё принимали на веру.

Теперь эти земляне ему не верят. А судя по их взглядам, искоса бросаемым в его сторону, не верят совершенно. Ни в чём. Как это было не похоже на других, на старых горожан. Непохоже и неприятно.

Его в городе все искренне уважали. И поэтому даже самую простую его просьбу все рассматривали чуть ли не как приказ. Эта же баронесса плевать хотела и на него, и на его заслуженно

приобретённое среди горожан уважение, на всё, на всё. Баронесса оказалась поборник законов. Точнее, наверняка не она, а этот её Советник, старый жучила и пройдоха, одного взгляда на которого Голове при первой же встрече хватило чтобы понять, будут проблемы.

Проблем Голова не хотел, но сразу понял, что с Советником баронессы Изабеллы де Вехтор договориться не получится. Не тот человек.

И правда, так и вышло.

Вот захотел Совет вернуть себе пленных, мол, он лучше знает как надо разобраться с пленными, а ему фигу под нос. Нет пленных. Нет! Все погибли при набеге, а трупы сбросили в воду где они и утонули. Это даже сами амазонки признали, когда согласовывали списки выкупных пленных во время визита последней своей делегации перед тем как реки окончательно встали и покрылись льдом.

И он сам, дурак, официально это признал. Ещё и радовался. Вот как амазонок уели.

Как же он потом себя ругал. Как ругал! Ведь предупреждал же его Сила Савельевич, чтоб не спешил подписывать, чтоб разобрался. Ну не могло, не могло столько человек погибнуть, не могло! Не было никогда такого, чтобы при простом налёте, простом грабительском набеге на их земли, к которым все давно привыкли и воспринимали как неизбежное зло и данность, за один раз погибнуть столько человек. И кого? Матёрых ветеранов Речной Стражи! Не этих новых, недавно набранных со всех глухихи углов Амазонии соплюшек, а ещё той, старой, настоящей Стражи, тех оставшихся от остатков легиона Тары ветеранов, грозы всего Поречья!

Какой же он оказался дурак. Как он смог поверить, что могут утонуть три с половиной тысячи человек. Три тысячи специально обученных для войны на воде человек! Что их отравленные боевыми газами трупы сбросили в воду Каменки, и их тела сейчас где-то под водой доедают рыбы и раки. Бред!

Какие боевые газы! Какие раки?! Сонный дым! Простой сонный дым, известный каждому работорговцу на реке.

И в этот бред он поверил. Идиот!

— "Поверил, потому что очень хотел в это поверить, — вынужденно признался он потом себе. — Поверил, потому что амазонки уже всех в городе окончательно достали. Своим хамством, своей наглостью, тем что им приходилось постоянно платить отступного, чтобы они только не переправлялись через Лонгару и не ходили в набег на наши земли. За деньгами, за зерном, за меховой рухлядью, за мужьями себе, в конце концов.

Самая унизительная и мерзкая плата, которую можно было бы только представить. Сексуальное рабство".

И как он радовался, когда мазонкам наконец-то дали по сусалам. Потому и потерял хватку, потому и поверил в то, чего просто не могло быть. И теперь безуспешно пытался исправить допущенную ошибку. И понимал что ничего то у него не получится. Не время.

Периодически бросая раздражённые взгляды на четвёрку своих заклятых друзей, сидящих в Правом, гостевом углу зала Совета, он периодически мысленно чертыхался:

— "Твою мать, — в который уже раз за последние полчаса мысленно выматерился Голова. — Думал, раз двое из этой банды куда-то смылись, так поспокойней будет. можно будет спокойно сцедить накопившийся жирок. Так нет же, новую занозу нашли, ещё хуже".

Голова прекрасно понимал в чём, точнее в ком ныне основной источник его безсильной ярости и головной боли. Что этот источник, постоянного в эти дни раздражения сидит здесь же, прямо напротив него, и смотрит на его метания по залу Совета чистыми, невинными девичьими глазами.

— "Баронесса! Баронесса Изабелла де Вехтор. Чёрт бы тебя побрал. Если бы только не она, — раздражённо думал он, бесясь в безсильной ярости. — Если бы только не эта красивая, умная стерва".

Едва только Голова наконец произнёс про себя эти, давно рвущиеся из глубин его души слова, как почувствовал, что у него мгновенно похолодели ноги, и ему показалось, что в спину подуло смертным ледяным ветром.

Голова, как воочию увидел перед своими глазами картину, которую он уже никогда не забудет, до самой своей смерти.

Он, с обнажённым мечом, одиноко стоящий на просторном пустом крыльце Городского Совета, и площадь перед ним, заваленная трупами бойцов его личной охраны. Его лучшей дружинной сотни, только что вырубленной под корень, словно неумелых новобранцев за несколько минут десятком каких-то невысоких, изящных женщин с обнажёнными саблями, медленно идущих в его сторону. Тех самых дублёров, или замены богатеньких амазонок, не желающих терпеть тяготы плена, и согласившихся выплатить в казну города весьма немалую за то компенсацию, лишь бы их на время плена заменили в этом их качестве.

Он до сих пор помнил то чувство смертной тоски, которое его посетило, тот ледяной, холодящий душу ветер, когда он мгновенно, ясно понял, что это всё, это конец. И что больше уже в

его жизни ничего не будет. Не будет сварливой жены, к которой он за долгую совместную жизнь прикипел буквально всей душой. Не будет любимых детей, без которых он не представлял совсем свою жизнь. Не будет любимого города, со всеми его болшиими и малыми проблемами. И этого здания Совета не будет, которое он сам, лично построил на свои собственные средства и на ступенях крыльца которого он сейчас умрёт.

И потом, что-то изменившееся в его ощущениях, его стыд, когда он увидел невысокую, изящную фигурку баронессы, спокойно спускающейся по ступеням крыльца вниз на площадь, неторопливо, с какой-то демонстративной ленцой одевающей изящные дамские перчатки из тонко выделанной кожи. И её же, медленно и неторопливо идущую навстречу амазонкам с обнажённой, отставленной чуть в сторону, какой-то несерьёзной маленькой сабелькой в правой руке и узким, воронёным кинжальчиком в левой.

— "Вот она, та самая сабелька, — с тихим, каким-то животным ужасом подумал он, глядя на усыпанные редкими самоцветами скромные ножны, висящие на тонком, изящном пояске баронессы.

С тех пор каждую ночь перед глазами его раз за разом вставала одна и та же картина, буквально преследующая его. Одинокая черноволосая голова, с короткой толстой косой, взлетающая вертикально вверх. И, дальше только безумное мелькание сверкающих сабель, отбрасывающих вокруг яркие лучики восходящего солнца.

И потом она. Одна! Посреди горы трупов. И только маленькая, изящная, почти детская сабелька, отставленная чуть в сторону, с которой уже не отбрасывались весёлые лучи восходящего солнца, а только редкие красные капли медленно капали на залитую кровью брусчатку площади.

И возле ног её оскаленную рыжую фигурку её игрушки, её маленького милого лиса. Игрушки! Забавы для детей! С кем они всегда играли с первого дня появления этого маленького рыжего зверька в городе. Которого он сам порой небрежно сапогом отодвигал в сторону, когда он мешался у него под ногами во время его разговоров при встрече с кем-либо из этой компании.

Боевой Имперский лис.

Только увидев кучи вскрытых от паха до горла, вывернутых словно наизнанку потрохов мёртвых амазонок, там на площади и особенно потом, уже в порту, где баронесса со своим чудовищем особенно повеселились, он наконец-то понял что это за животное. Почему ящеры так его боялись. Что на самом деле представляет из себя Имперский Боевой Лис.

Но даже не всё это безумство тогда его страшно потрясло, а слова, походя брошенные ему баронессой, когда она возвращалась мимо него обратно, в помещение Совета:

— А, Голова, когда всё закончится, выберите время и как-нибудь зайдите к нам вечерком. Желательно сегодня вечером, в крайнем случае завтра. Нам надо с вами серьёзно поговорить о ваших хлебных поставках на водочный завод на Рожайке, и о вашем долевом участии в том предприятии. По-моему, нам надо расстаться.

И всё, ничего более. Как будто то, что только что произошло на площади ничего для неё не значило. И самое страшное, что для неё это действительно было так. Она только что собственной рукой, за пару минут, зарубила десяток лучших мечников, которых когда-либо в своей жизни видел Голова, и для неё это ничего не значило! Так, мелочь. Что-то незначительное между важным делом поставок зерна на её завод.

— "Вот же Сидор стервец! Нашёл себе жёнушку! — с тихим ужасом подумал он тогда. — Сам не подарок. Вечно делает всё насупротив. Видать думает что я ничего не вижу. А эта даже его переплюнула. Один, не моргнув глазом, приказал посадить на кол полторы тысячи рыцарей, а эта собственноручно зарубила, чуть ли не сотню амазонок. Да не простых, а этих, как их, — растерянно замялся он про себя, вспоминая, — тайных диверсантов, наёмниц, волчьих вдов".

— Голова! — вернул его к действительности мягкий, мелодичный голос Маши. — О чём это Вы так глубоко задумались, что не слышите уже третьего к Вам обращения?

— А, — очнулся Голова. — Да нет, ничего. Не обращайте внимания. Это я так, немного задумался.

— Ну и о чём же задумался сам знаменитый Городской Голова вашего славного города, сам Косой Сильвестр Андреич? — насмешливо поинтересовалась у него баронесса, воткнув ему прямо в глаза свой пронзительный взгляд красивых голубых глаз.

— "Ведьма!" — мелькнула испуганная мысль в голове Головы, но тут же, быстренько прогнанная, сменилась уже на чисто деловую.

— Думаю, что мне надо отозвать курсантов своего клана из вашего учебного центра. Слишком уж велики среди них потери. Плохо учите. Из бывших до набега трёх тысяч курсантов осталось менее пятисот живых, и это считая что на ногах всего две сотни осталось.

— Что? — послышался голос потрясённого до глубины души Корнея. — Отозвать? Моих курсантов? Им ещё учиться и учиться!

Голова мстительно прищурился. Наконец-то он хоть как-то,

хоть так, по мелочи, уел этого тупого солдафона, слишком возомнившего о себе и не желающего понимать нормального русского языка. Ведь прямым же текстом было сказано, чтоб откалывался от этой группы босяков и переходил на работу в старые, уважаемые кланы к кому-либо из Старшины. Причём, даже выбор этому босяку оставляли! Брал бы свою жену, пёс с ней, с этой скандалисткой, и переходил. Несколько раз было сказано! Несколько раз предлагали! Самые выгодные варианты. Нет! Ничего слышать не хочет.

Вот теперь и разговор с ним будет другой. Пусть теперь повертится без своего любимого дела. Посмотрим, посмотрим.

— Принимается, — равнодушно бросила баронесса, даже не дослушав его до конца и лишь чуть покосившись в сторону Корнея. Похоже, в том что тот её послушает, она не сомневалась. Это было странно и навевало самые нехорошие мысли. — Но только при условии их личного на то согласия, — с нехорошей такой улыбочкой на устах уточнила она. — Как вы понимаете, Голова, у вас здесь не земли пиратов и даже не наши баронства, где человека не спрашивают и заставляют делать зачастую то, что он не хочет.

— Что-либо ещё? — спросила она, видя, что растерявшийся Голова мнётся, явно не зная с чего начать. Похоже, он не ожидал такого быстрого согласия.

— Ещё, — замялся Голова, глядя на неё как-то нерешительно. — Ещё вы оставляете им то вооружение, с которым они проходили обучение…

— Отклоняется, — тут же оборвала его Маша, не дав развить животрепещущую тему. До стеклоброни Голова давно хотел добраться, и его хотелку следовало немедленно пресечь. — Оружие казённое, то бишь клановое, и для передачи на сторону не предназначено. Так же как и броня, на что вы, наверняка и рассчитывали.

Я права? — вопросительно взглянула она на смутившегося Городского Голову. — Права, — кивнула она головой. — Поэтому сразу предупреждаю, что ни арбалеты, ни брони никому на сторону передаваться не будут. Достаточно и того случая, когда украденная из мастерских бронь, и хранившаяся подальше от наших глаз в арсенале, которую вы, кстати купили у оружейников в обход очереди, — ядовито посмотрела она на него, — пропала куда-то во время этого мятежа.

Или вы думаете, что если амбар, в котором хранились комплекты брони сгорел, то мы не можем установить, что их там не было на момент пожара? — насмешливо подняла она правую бровь с ехидной улыбочкой глядя на него.

— Если это так, то ваше поведение, Голова, начинает вызывать некоторое подозрение в измене.

Маша, медленно поднялась со своей скамейки, где сидела, удобно откинувшись на спинку, и медленно подошла к застывшему каменной статуей Голове.

Обойдя его по кругу, она пару раз хмыкнула, разглядывая его со всех сторон, а потом флегматично заметила:

— Ваше счастье, что вы были там, на площади перед Советом и действительно могли погибнуть, что частично снимает с вас обвинение в измене. Но факт имеет место быть. Вы не дали сразу забрать бронь, когда выяснилось что она была получена вне очереди, фактически урадена. А потом брони куда-то пропали. Три полных комплекта.

Потом вы не прислушались к нашему предупреждение, хотя обязаны были.

И пока вы не докажете обратного, мы настроены думать, что вы замешаны в мятеже амазонок.

— Я!? — потрясённо ткнул себя в грудь кулаком Голова. — Я? — ахнул он.

На лице его отчётливо проступила какая-то растерянность и самая натуральная детская обида: "А меня то за что? Я то здесь причём?", казалось говорила весьма выразительная мимика его лица.

— Пока у нас нет прямых доказательств…

Маша, демонстративно окинула фигуру Головы с верху до низу презрительным взглядом. С мстительным чувством тайного удовлетворения, она демонстративно, с видимым сожалением поцокала языком, от звука которого Голову пробрал смертный холод.

— Будь иначе, вы бы, Голова, висели сейчас перед Советом, вместе с парочкой дублёров, которых именно вы так щедро, не думая кого принимаете, напустили в город.

Она наконец-то кончила кружить вокруг Головы, словно акула вокруг своей жертвы, и остановилась прямо перед ним.

— Мне напомнить вам ваши же слова, с какими вы так яростно отстаивали необходимость замены пленных амазонок на их дублёров: "Они дают хорошие деньги. Халява!" — мстительно напомнила она всем в зале, оглянувшись, и обведя всех собравшихся холодным, злым взглядом.

— Хотели заработать? — зло прищурила она глаза, повернувшись к Голове. — Ну и во что вылились эти ваши заработки? Где вы тут нашли халяву?

— Ваши сами не имели ничего против, — прохрипел Голова, с трудов выговаривая их сиплым, надломленным голосом и глядя

на неё, как мышь на змею.

В груди Маши расплылось радостное, довольное тепло. Она чувствовала мстительную радость. Руки её едва заметно подрагивали от предвкушения скорой, сладостной мести. Наконец-то она смогла прижать эту сволочь.

— Не имели, — кивнула она головой. — Большая глупость и с нашей стороны. И только поэтому вы до сих пор живы.

— Давайте прекратим обвинять своих в ошибках, допущенных всеми нами ранее, — голос, раздавшийся со стороны немногочисленных представителей от кланов ремесленников, прервал монолог баронессы, разом разорвав сгустившуюся грозовую тишину в зале.

Кондрат Стальнов встал со своего места и двинулся к ним.

— Хватит! — решительно встал он рядом с Головой, словно выступив на его защиту. На Машу он при том смотрел так, словно хотел здесь же на месте прихлопнуть, словно надоедливую муху.

Мы все перед этой ночью напороли много глупостей, без чего прекрасно можно было бы обойтись. И за это мы заплатили кровью. Большой кровью. Больше это не повторится, — повернулся он к членам Совета, молча смотревших на него со своих мест. — Я думаю, что обсуждение произошедшего на этом стоит прекратить, — повернулся он к баронессе. — Все выводы для себя каждый из нас уже сделал и ничего больше сказать нельзя. Думаю, на этом собрание надо закончить. Иначе, мы договоримся до того, что у нас в Совете зреет измена, а подобное утверждение чревато для нас всех большими проблемами. Гораздо большими, чем те, что доставили нам этой осенью амазонки.

У нас намного больше врагов, чем мы можем себе позволить. И грызни между собой допустить нельзя. В таком тоне обсуждение надо немедленно прекратить.

Предлагаю сразу перейти к обсуждению других, более насущных проблем. Городская стража, пусть и с некоторыми ошибками, но прекрасно себя показала в этом деле, поэтому можно не опасаться нового набега ни со стороны амазонок, ни со стороны подгорных ящеров. Поэтому, считаю нам следует прекратить и эти обсуждения, и сосредоточить усилия на наших хозяйственных проблемах. У нас слишком много хозяйственных проблем.

А с властями республики и с пленными, раз уж они такие упёртые, и не желают понимать нормального русского языка, пусть разбираются сами. Раз не желают передать городу оставшихся в живых две тысячи двести сорок три пленных амазонки из трёх с половиной тысяч пропавших и якобы

утонувших, — Кондрат холодно смотрел на Машу, чуть прищурив глаза, с какой-то холодной яростью выделяя голосом число пропавших амазонок, — а на самом деле взятых ими в плен во время последнего набега, то мы умываем руки.

Коль такие умные, колотитесь сами как хотите. У вас это хорошо получается, — насмешливо добавил он, последний раз мстительно посмотрев на Машу.

— Упс, — едва слышно прошептала Маша. — Чего ж это его так колбасит то?

Что его так зауздило, Маша совершенно не понимала. Глядела на распинающегося перед всеми злого Кондрата и искренне не понимала. Чего этого козла так плющит то?

— "Видать, рассчитывал заполучить в свои кузни дармовую рабочую силу, — пришло понимание. — Тем более не неопытных соплюшек малолеток, а здоровых, сильных бабищ, которых бы он мог использовать как ему вздумается. Вот теперь и бесится, когда понял что ничего ему в этот раз не обломится".

— Как видишь, Маша, мы прекрасно осведомлены сколько на самом деле погибло амазонок, — распинался меж тем перед нею глава одной из не самых крупных кузнечных гильдий города. — И где именно на данный момент находятся якобы утонувшие тела мы тоже знаем.

Кондрат, похоже никак не желал успокоиться, несмотря на то, что только что призывал всех к совершенно обратному.

— Решили руками пленных ещё одну шахту разработать у себя на озёрах. Уголёк каменный решили по лёгкому срубить, — криво ухмыльнулся он. — Разрабатывайте. Бог в помощь. Но не забывайте, что вам придётся их когда-нибудь легализовать. И думается мне, что это будет очень скоро. Никто не позволит вам бесконечно держать людей в плену и наживаться на дармовом труде. Мы будем следить за вами. Следить и считать. Учти это.

— Ты считаешь, что в городе не было измены? — профессор, перебив его, внимательно оглядел по очереди всех сидящих в зале членов Совета. — Остальные что, тоже так считают? — недоумевающе спросил он. — И эти кошачьи вопли Кондрата видать и вызваны тем, чтоб скрыть это?

Да вы что? — поднял он брови, изумлённо понимая что все остальные поддерживают Стального. — Совсем сбрендили?

— От амазонок мы отбились, — нехотя, как-то вяло проговорил Боровец. Местный главный полицай откровенно враждебно глядел на профессора.

Обвинение кого-либо из членов Совета в измене грозило лично ему самыми неприятными последствиями. Не дай Бог они будут доказаны, тогда его вышибут с нагретого места на счёт раз.

Поэтому и профессора, и особенно эту дуру Машку он сейчас готов был просто растерзать, настолько не вовремя они оба высунулись со своими обвинениями.

Кондрат так хорошо приложил Машу, а тут профессор вылез, сбил весь накал.

— С остальным разберёмся потом, — холодно, враждебным голосом проговорил он. — У нас всё равно нет достаточно данных о том что произошло, и мы не можем сейчас принять правильного решения.

Мы можем сейчас лишь ругаться друг с другом и ничего более. А это не есть хорошо, не конструктивно. Поэтому, предлагаю отложить все решения на потом, до выяснения истинных причин мятежа, а сейчас заняться более насущными делами.

— Поддерживаю! — неожиданно раздался чей-то голос с другого края зала. — Сейчас не время копаться в грязном белье. Есть более насущные дела. Зима на носу. Мы ещё даже не разобрались что потеряли, а вы собираетесь занимать наше время пустой болтовнёй, кто виноват.

Знаешь факты — говори. Не знаешь — заткнись и сиди молча на попе.

Я поддерживаю Стальнова и тоже предлагаю прекратить это дурацкое обсуждение и заняться насущными проблемами. У всех своих дел полно, а тут затеяли безсмысленные разборки.

Как профессор с Корнеем и возмущённой Машей не пытались остановить принятие подобного решения, всё же нежелание остальных членов Совета копаться в грязном белье, пересилило их желание разобраться в произошедшем. И все разборки по произошедшему в городе мятежу пленных амазонок, отложили на потом.

Когда это будет то самое потом, никто так и не определил, но видно было, что никто из Городского Совета совершенно не желает этим заниматься, отгораживаясь от возмущённых криков Маши и остальных её товарищей железобетонной стеной личных интересов.

На том, собственно, бурное обсуждение мятежа амазонок в городе и закончилось. Совет, фактически просто спустил историю с мятежом на тормозах. Сразу после принятия о том решения, все быстро разошлись.

Выйдя на крыльцо, Маша с Беллой долго ещё стояли, молча глядя как в своих дорогих расписных колясках и санях разъезжается собравшаяся на совещание городская Старшина. О чём они обе в тот момент думали, понять было невозможно, настолько безстрастными были лица обеих.

— Думаю, нам надо как-нибудь при случае поговорить, — донёсся к ним из-за спины негромкий голос Боровца. — Мне кажется, у нас есть что обсудить.

— Только если вы не будете нести всякую чушь, что никто из нынешних членов Совета не помогал мятежницам, — негромко, чётко акцентированным голосом отозвалась Изабелла. Назад, на подошедшего сзади Боровца она даже не обернулась, словно того там и не было.

— И это тоже обсудим, — донеслось до них сзади со смешком.

Неторопливо обернувшись Маша с Изабеллой увидели лишь как плотная, обтянутая воронёной кольчугой спина Начальника Стражи города скрывается в парадных дверях Управы.

— Придурок, — окатив презрением захлопнувшуюся перед ними дверь, процедила сквозь зубы злая Маша. — Когда надо было говорить, молчал. А как все разбежались, заблеял. Поговорить ему надо, — сердито проворчала она.

Бросив на Машу косой, внимательный взгляд, Изабелла ничего не сказала, никак больше внешне не прореагировав на её слова. Дождавшись Машиной коляски, они обе с удобством расположились на подрессоренном диване и неторопливо покатились к себе в землянку. Надо было обсудить что же всё таки произошло сегодня на заседании Совета. Было много непонятного и ещё более непонятна была реакция со стороны Совета на всё произошедшее. Следовало разобраться.

*Тайный лагерь.**

Низкое зимнее солнце из под низких, словно надвинувшихся прямо на голову туч скупо освещало окружённый со всех сторон огромным пространством пустой воды лагерь. Одинокий скалистый остров, единственно выбранный по причине наличия прямо в середине его небольшой группы голых скал, внутри которых была большая просторная пещера. Открытая чисто случайно пол года назад группой рыбаков со сталелитейного завода, и приспособленная ими под временный склад хранения снастей и прочих рыбацких причиндалов, теперь она использовалась странным образом. Все залы её были забиты лежащими на низких деревянных лежаках с тощими соломенными матрацами ранеными.

Легко и тяжело раненые амазонки, получившие ранения в ходе налёта на Старый ключ, и небольшая часть относительно здоровых, отравленных сонными газами, но в отличие от раненых

способные свободно передвигаться по всему острову. Все они были собраны здесь, в этой пещере. Небольшая, ничтожная часть выживших, оставшаяся от разгромленного наголову легиона Речной Стражи. Четыреста двадцать шесть выживших. И это было единственное что было хорошего в их нынешнем положении.

Хоть и пленные, а всё одно это было лучше той судьбы что досталась тем, кто потеряв сознания от отравления газом упал в воду и утонул, не в силах удержаться на воде. Или сонным сгорел или отравился угарным газом в трюме горящего корабля.

Или был сброшен в воды реки и в лучшем случае был выловлен похоронной командой в низовьях Каменки да погребения в родной земле. Впрочем, вот именно этот факт никого из них особо не волновал. Речники, привычные к своей реке и давно для себя решившие что гибель на воде всяко предпочтительней медленному угасанию от старости где-нибудь на земле, в захолустье.

Сплошь и рядом это были немолодые, крепкие, суровые женщины. Ветераны, воины, прошедшие не одну битву, выигравшие множество сражений, терпевшие, как и все, поражения, но с честью всегда из них выходившие. Теперь брошенные своим начальством на подлое дело грабежа чужого города, в результате чего оказавшиеся сейчас здесь, на этом диком пустынном острове, среди голых скал.

Где даже дров не было в достатке чтоб обогреться в этих холодных, за какие-то несколько последних дней начавшейся наконец-то зимы успевших казалось промёрзнуть насквозь скалах.

Сколько было раньше на острове, всё давно кончилось. Даже низкие пеньки, остававшиеся от немногих росших на скалистом острове деревьев давно были выкорчеваны и сожжены в топках странных круглых металлических печурках, называемых левобережчами почему-то "буржуйками".

Теперь им для обогрева привозили каменный уголь, на небольших ушкуях, каждые три, четыре дня доставлявших к ним на остров продукты и уголь, которого постоянно не хватало. Раненым нужно было много тепла, хорошее питание, поэтому каждый приход ушкуя ждали с нетерпением, понимая что от того насколко вовремя он придёт, зависит чья-нибудь жизнь. Быт был ещё не обустроен. Не хватало всего: тёплой одежды, обуви, одеял, матрасов. Не хватало всего, и ситуация медленно но неуклонно переходила в разряд критических.

Если пленивший их клан что-нибудь не сделает, всем раненым в самое ближайшее время грозила скорая гибель от переохлаждения.

На краю большого плоского камня, подстелив под себя серый,

толстый лошадиный потник, сидела немолодая усталая амазонка и застыв в неподвижности, бездумно смотрела вдаль. Тяжёлые, невесёлые мысли медленно, неохотно ворочались в голове.

— "Слава Богу завтра всё изменится", — думала она.

Сегодня утром охрана, состоящая из двух десятков безоружных ящеров, которые никого не охраняли, а больше следили за порядком и распределением продуктов, получила наконец-то голубиную почту, в которой их извещали что завтра придёт большой караван с углём, недостающими медикаментами и продуктами.

Это будет последний караван перед тем как станет лёд. И пока по нему не смогут двигаться гружёные сани с припасами, никого больше не будет. И наконец-то прибудут давно обещанные знаменитые врачи ящеров. До сего дня они были заняты с ранеными из города, и как только спал ажиотаж, вызванный большим наплывом пострадавших в ходе набега местных жителей, руководство взявшего амазонок в плен клана, приняло решение послать врачей сюда, на остров. Обещали помочь тем кто сейчас боролся за жизни ещё живых здесь, на острове.

— "Странно было бы если бы местные ящеры были вооружены, — поймала себя на мрачной мысли сидящая на камне женщина. — Зачем им оружие. Чтобы нам угрожать? Пленным? Да сами пленные голыми руками порвут тех, кто посмеет угрожать тем ящерам. То что они делают, спасая их жизни, стоит того чтобы беречь их как зеницу ока, а не угрожать.

— Охранять, что ли? Кого? Воспрепятствовать побегу? Бред. Всё это бред. Отсюда некуда бежать. И некому".

Женщина грустно улыбнулась. Бежать с этого острова, когда до ближайшего берега несколько вёрст стылой, холодной воды, в которой человек околеет уже через пять минут? Бежать, бросив на производ судтьы своих раненых товарищей? Какой же надо быть тогда сволочью.

— "Самый надёжный способ удержать человека от побега, не тратясь на охрану заключённых, это навязать ему заботу о своих беспомощных товарищах, — горько усмехнулась она. — Видать у этого клана слишком скудные ресурсы. Или просто экономят, — горько подумала она. — А скорее всего просто умные. Зачем тратить деньги на то, что совершенно бесплатно предоставляет дикая природа.

А как только встанет лёд и по нему можно будет легко добраться до берега, они придумают ещё чего-нибудь. В чём-чём, а в уме нашим пленителям не откажешь".

Выхода не было. Приходилось принимать навязанные правила поведения. От чего хотелось взвыть волком.

Но не оттого что их загнали в такую дерьмовую ситуацию, ерунда, бывало и похуже, а оттого что в свои сорок пять лет приходилось начинать жизнь заново. Когда силы ещё были, но уже неизвестно надолго ли их хватит. Когда старость уже заглядывала ей в глаза своим белым, безликим мурлом голодной, холодной и одинокой смерти.

Легиона, с которым связана была вся её молодость, вся жизнь, и с которым она думала связана будет и старость, на доживании в каком-нибудь дальнем тихом гарнизоне на спокойной, непыльной должности какого-нибудь кладовщика…, этого легиона больше не было. Не было и уже не будет. Потому как после такого разгрома никто его уже восстанавливать не будет, не из кого. Все погибли. Сгорели сонные на кораблях и утонули в реке. И то странно, что они ещё каким-то образом сохранились, последние.

— "Последние из старой гвардии. Последние четыре сотни живых из разных когорт погибшего легиона, которые, если завтра не придёт последний перед зимой караван ушкуев с углём, просто вымерзнут от холода".

Амазонка с горечью вспомнила тот день суда над Тарой. И всё произошедшее сразу следом, когда Тару сняли с руководства легионом, а оставшихся, назначенных ею командиров хитро спровоцировали на неподготовленный мятеж, а потом показательно, демонстративно, перед всей армией выпороли остатки разгромленных мятежниц. После чего, то что от легиона осталось разбросали по разным отдалённым углам республики.

А потом, три дня назад, неожиданно за двое суток собрали всех вместе и бросили в этот поспешный, плохо подготовленный, глупый набег на какой-то никому не нужный левобережный городок, о существовании которого она до того и слыхом не слыхивала.

После чего их легион, теперь уже окончательно прекратил своё существование. Это она уже здесь, на острове поняла. Там, на реке Каменке, в этом, до того мало кому известном пограничном городке Старый Ключ, прекратил своё существование славный легион Амазонии Речная Стража. Весь! Больше его не было. Их враги могли торжествовать.

Вечером второго дня, к большому плоскому камню на берегу острова, служащему своеобразной пристанью прибывающим и хлипким мосткам, продолжавшим пристань дальше на глубину, подошёл небольшой, вёрткий ушкуй. За его кормой, на длинной канатной привязи тяжело покачивалась на волнах низко сидящая в стылой осенней воде большая плоскодонка, гружёная высящимся высоко над низкими бортами антрацитово чёрным

каменным углём. С опозданием на день, но всё же пришёл большой, гружёный продуктами и всякими необходимыми вещами караван.

Жизнь налаживалась. Близкая зима уже не была гарантированной близкой смертью. Потому что этот последний караван привёз… оружие. Их оружие.

*Запоздалые награды…**

Чуть ли не ежедневные встречи по самым разным вопросам в Сидоровой землянке стали для всех уже вроде как привычны. Так что когда в один из вечеров сюда на встречу пригласили представителей ящеров города, те восприняли это внешне совершенно равнодушно, как что-то обыденное. Хотя до того ни разу подобного официального приглашения не получали.

Неизвестно что уж они там подумали, но судя по предствительности прибывшей делегации, ящеры явно поняли что следует ожидать отнюдь не рядовые посиделки. По крайней мере все трое официальных заместителей человеческих Глав кланов ещё задолго до оговоренного часа были на месте.

Уже по одному этому с уверенностью можно было сказать насколько им не терпится узнать что людям от них надо.

Не заставила себя ждать и Маша, бросившая свои обычные дела и поторопившаяся прибыть вовремя.

Войдя в землянку и устроившись с удобством на своей любимой табуретке, возле тёплого бока печки в углу, Маша первым делом бросила мрачный взгляд на безмятежно выглядящую баронессу, с удобством устраивающуюся на своём, ставшим уже привычном месте возле камина. Подождав, пока и Корней с Профессором рассядутся по своим местам, она первая начала тяжёлый, как ей представлялось разговор.

На устроившихся по тёмным углам молчаливых ящеров, она привычно уже не обратила внимания, как на какой-то предмет мебели на который уже замылился глаз.

— Ну и как, дорогая моя баронесса, понимать ваше молчание в Управе при последней встрече?

После известного совещания в Управе, когда у них попытались отобрать новых пленных она с баронессой по этому вопросу больше не пересекалась, потому и поторопилась задать вопрос. Она боялась как бы опять не замылили важное дело, которое ей обязательно надо было для себя прояснить.

— Что всё это значит? — ядовито глядя на Изабеллу, поинтересовалась у неё Маша. — То вы выступали активно за

обсуждение данного вопроса, а то вдруг замолчали, словно язык проглотили? Как изволите вас понимать?

— Очень просто, — безразличным нейтральным голосом проговорила баронесса. — Как совершенно безсмысленное предприятие. Этот ваш местный городской Начальник Стражи господин Боровец выразился достаточно определённо. Нет достаточно данных для принятия решения. А на нет и суда нет.

— В этом с вами можно было бы согласиться, если бы не одно но, — мрачно покосившись на неё, недовольно буркнул профессор. Ему тоже не давали покоя непонятки, связанные с этим вопросом, и он бы хотел для себя кое-что прояснить. — После Совета все его члены поочерёдно подошли к Корнею и потребовали возврата обратно в строй своих учеников, направленных ранее к нам на обучение. Да что практически, — раздражённо махнул он рукой. — Все! Все, как один отзывают своих курсантов.

— А что? — удивлённо, с откровенной насмешкой в глазах подняла правую бровь Изабелла. — Там есть кого отзывать?

Если мне не изменяет память, в живых осталось не более полутора сотен человек. да и то, в основном те, кто дрался у Южных ворот, а не схлестнулся с амазонками в заливе. Ну ещё пара сотен раненых, которые неизвестно ещё выживут ли. И что? Из-за трёх сотен человек весь сыр-бор?

Может вам жалко расставаться с такой доходной статьёй бюджета? — насмешливо посмотрела Изабелла на сумрачного Корнея, сидящего рядом с такой же мрачной Машей.

— Насчёт доходности — это вообще говорить смешно, — с едва сдерживаемым раздражением в голосе сердито проворчал Корней. — Даже по местным меркам довольно невысокая зарплата учителя фектования и начальника школы. Вот и вся наша статья доходов. Простой пастух у нас в предгорьях получает больше чем я, как начальник единственной в городе воинской школы.

— А почему тогда он там работает? — удивлённо повернулась в сторону Маши с профессором Изабелла. — Это что? Какой-то изощрённый выверт психики?

— Это единственное, что я умею хорошо делать, — мрачно буркнул Корней. — По настоящему хорошо. Воевать и преподавать воинскую науку разным оболтусам.

Даже с лошадьми, которых до безумия люблю, у меня ничего не вышло. Пришлось в предгорьях на пастбищах оставить вместо себя Афоню Зимнего. Он был единственный в нашем ближайшем окружении кто хоть что-то в лошадях понимал. На своём хуторе пару лет назад занимался выращиванием строевых лошадей для

городских кланов, пока амазонки не разорили.

Не любят амазонки конкурентов.

Ну а мне самому пришлось вернуться обратно, в кресло начальника школы. От всего остального мне лучше держаться подальше.

Неприятная правда, но она такова есть. И от неё никуда не деться. Можно себя обмануть, но от этого будет только хуже.

— За блестящим фасадом победителей самого Речного легиона — голый король, — тихо проговорил профессор. — Положение много хуже чем было ещё пару месяцев назад. Всех, кого только можно нанять в городе, Сидор пылесосом высасывает к себе в Приморье. Что он там с ними делает неизвестно, но у него там просто чудовищная убыль людей. Не успеваем пособия по смерти и ранению выплачивать родственникам.

Колоссальные траты. Они как бы не афишируются, но они есть.

— С деньгами у нас уже возникла напряжёнка, — негромко проговорила за спиной Изабеллы Маша. — Чудовищные потери среди курсантов. Школа фактически разгромлена. И за каждого придётся выплатить семье погибшего отступного. Люди погибли спасая наше имущество, значит платим мы, а не город, хотя формально это вроде бы как городское войско считается.

Но, как ты понимаешь, люди смотрят на фактическое положение дел, а не на форму. Откажемся платить, сразу из героев превратимся во всеобщих врагов.

Плюс добавь сюда пособия на детей из семей погибших, моду на которые сами же завели. Тоже немалые суммы. И тоже отказаться не можем.

Пока спасает лишь прошлый жирок и то, что амазонки сожгли амбары с зерном на винном заводе. Амбарные книги по поставкам сгорели в пламени пожара. Никто так и не успел с нами рассчитаться.

Праздники сыграли со всеми дурную шутку.

Слава Богу что хоть в этом к нам претензий нет. Со своими обязанностями не справилась дружина Головы, с него и спрос. Мы же не будем платить за завезённое туда зерно.

Правда, Голова отказался за сгоревшее зерно платить. Хватило наглости заявить: "Нет расчётных книг — значит нет зерна. Нет зерна — нет денег".

Но теперь он на водочном заводе на Рожайке показаться не может. Один раз ему там морду уже набили. До чего же у нас народ злой, — довольно промурлыкала она.

Хорошо было видно что проблемы Головы доставляют ей истинное удовольствие. Молчащая в своём кресле у камина

Изабелла задержала на ней свой задумчивый, внимательный взгляд. Почувствовав внимание, Маша с независимым видом постаралась быстро перевести разговор на другую тему.

После мятежа она чувствовала что отношение у неё к Белле немного изменилось, словно она стала её немного побаиваться. Хотя, видимых причин на то не было. Если только за таковую конечно не посчитать ту мрачную славу лихой сабельщицы и мастера боя, приобретённую Беллой во время набега.

Впрочем, подобная слава лично Машу не интересовала никогда.

— Мужики заходили, — несколько непонятно, к чему именно, вдруг проговорила она. — Мужики с завода. Те самые контрики. Спрашивали не можем ли мы им чем-либо помочь. Ничего конкретно не спрашивали, ничего не требовали, но просили подумать, не можем ли мы для них что сделать. Хлеб сгорел, денег нет и не будет. Что делать они не знают.

Спрашивали работу. Не будем ли мы восстанавливать завод? Ведь оборудование всё фактически цело. Сгорели лишь деревяшки, а их восстановить за зиму можно легко.

Обещала подумать, — тихо проговорила Маша.

На Изабеллу она при этом старалась не смотреть. После того, что она рассказала ей об истинных отношениях между компанией и местными хуторянами, о серьёзном конфликте между ними, сам факт того, что она просто подняла этот вопрос, выглядел до некоторой степени странно. Помогать людям, которые тебя ещё недавно хотели надуть? Тому, кто проклинал тебя и всячески ругал? Кого ты сама чуть ли не на днях схватила за руку на воровстве?

И тем не менее, это было так. Маша серьёзно обдумывала возможность как бы помочь пострадавшим во время набега хуторянам.

— А если сдать им в найм лошадей? — задумчиво спросила баронесса.

Брови Маши уверенно поползли вверх. Вот такого она от этой девчонки уж точно не ожидала. Чтоб предложить самой помочь людям, которых сама недавно чуть ли не с грязью смешала?

— Ну, на время, в счёт долга? — невозмутимо пояснила Белла, словно не видя изумлённой реакции Маши. — Ты же сама говорила, что лошади здесь страшно дороги и многие просто не могут себе позволить купить рабочую лошадь. Потому и пользуются теми, что предлагают главы кланов, причём на довольно жёстких и невыгодных для них условиях.

Почему бы вам не сдать их в аренду на выгодных для вас условиях, на срок…, - Изабелла на мгновение задумалась, — ну,

хотя бы до весны?

Нет, — осеклась она. — На срок — до конца сбора урожая следующим летом. Обеспечить кормовым зерном до весны, а дальше пусть сами. Осенью заберём обратно.

А плату за пользование пусть отрабатывают на восстановлении завода на Рожайке.

А заодно сразу и предупредить. Кто не будет присматривать за ними как за своими, у тех лошадей тут же отберут. Кто проявит лояльность, тому, глядишь и жеребёночка из выбраковки продадут по невысокой цене.

И им помощь, и вам облегчение с лошадьми в предгорьях. Худо-бедно, а сотни три, четыре таким образом можно пристроить.

Как я понимаю, с выпасом наших многочисленных табунов на предгорных пастбищах до сих пор проблемы. Не хватает людей, чтоб за всем присмотреть. Есть от волков потери.

— А что, — задумчиво посмотрела на неё Маша, заметно оживляясь. — Это может быть и выход. Не все, конечно, на это пойдут, но даже если это будет всего только несколько хозяев, то нам всё равно огромное облегчение.

— Ага, — довольный профессор покивал согласно головой. — А сейчас вы, баронесса, всё же нам скажите, почему молчали когда мы там перед всеми распинались, пытаясь добиться наказания виновных в произошедшем мятеже.

— А вы, профессор, знаете кто виновен? — с любопытством посмотрела на него Изабелла. — У вас есть факты? Доказательства?

Вам не кажется, дорогой профессор, что у нас недостаточно данных, чтобы хотя бы восстановить всю канву событий, не говоря уж о зачинщиках мятежа. Если бы у нас был хоть кто-то, кого можно было бы спросить. Не тех тупых вояк, захваченных возле сожженных кораблей в порту, а тех самых наёмниц, волчьих вдов, кто единственный мог бы пролить свет на то что происходило в городе. Кто им помогал, где они скрывались, откуда у них вдруг появилось оружие?

Тысячи вопросов и ни одного ответа.

Даже единственных двух наёмниц, взятых стражей в плен поторопились повесить. Странная торопливость, — задумчиво пробормотала она себе под нос. — Очень, очень странная.

У нас нет ничего! — широко развела руками Изабелла. — Что не понятно? — с лёгкой насмешкой в глазах посмотрела она на сидящих напротив. — Да, мы сорвали захват города. Да, мы уничтожили пять лодий с четырёх тысячным десантом амазонок, — криво усмехнулась она. — Но какой ценой?

Если до мятежа вы ещё могли в своих раскладах с городскими властями опереться на курсантов, то теперь и этого нет.

Вы хотите сказать, что это победа? — баронесса негромко отрывисто рассмеялась. — А потом, вы, потеряв лицо, распинались в Совете требуя наказания. Кого? — вопросительно оглядела она всех присутствующих.

Головы? Который к этому делу не причасен ни сном, ни духом. Стоило только посмотреть на его изумлённую физиономию после вашего Маша голословного обвинения и последние сомнения на его счёт сразу пропали. Уж кому-кому, а Голове захват города амазонками уж точно никакой бы пользы не принёс. У него наверняка есть конкуренты которые с удовольствием воспользуются столь удачными обстоятельствами.

— М-да, — задумчиво проговорила Маша, когда все более, менее очнулись от наваждения, накатившего на них после горького смеха баронессы. — Похоже, ты права. Нам действительно нечего предоставить Совету.

Но тогда нам остаётся хотя бы понять, почему они не стали это даже обсуждать и почему, отзывают своих бойцов от обучения?

— А тут думать нечего, — сердито буркнул Корней. — Тут то, по-моему, всё ясно. Сравни потери наши и потери того же Головы. У нас поторы тысячи погибших при уничтоженных четырёх тысяч десанта. И не соплячек, как на Девичьем поле, а матёрых ветеранов. И это, не считая тех самых пресловутых дублёров. А у него сотня с лишним персональной личной охраны, лучших в городе, как он считал бойцов, зарубленных прямо у него на глазах, как щенков, как мальчишек новобранцев. И кем? — насмешливо обвёл он глазами присутствующих. — Десятком молоденьких девчонок! Всего одним десятком. И на тот момент он не знал с кем имеет дело. Наверняка он думал что имеет дело с молоденькими выпускницами воинских училищ Амазонии.

Им всем нужны бойцы. Настоящие бойцы. А наши курсанты доказали, что уж амазонки то им не страшны.

Я говорю про те две сотни стражников, что задержали амазонок в воротах. Один наш к двум со стороны амазонок. А ведь это был один из наших самых первых выпусков. Думаю, что все кланы это прекрасно поняли, и теперь постараются с помощью наших недоучившихся курсантов поднять уровень своих дружин.

— Они что, — удивлённо посмотрела на него Маша, — не могли подождать до весны и получить бойца, прошедшего полный курс?

— Основное им дали, — тяжело вздохнул Корней, с

сожалением покачав головой. — Остальное сами доберут. И главное — методику преподавания они теперь знают. А знают — могут и сами учить. И все это понимают.

А вот сами кланы начинают бояться нашего усиления. Потому так дружно и поддержали Голову. Никому не надо лишнего конкурента в городе, — тихо проговорил он. — Думаю, поэтому же они отказались обсуждать причины произошедшего, чтобы не вылезла наша ведущая роль в деле отражения набега.

Никому не хочется привлекать внимание к тому что он облажался.

Поэтому же они так сразу и сдали назад в своих требованиях передать пленных в собственность города. Не хотят лишний раз привлекать к нам внимания, к тому что мы герои, а они дерьмо.

Не удивлюсь, если через пару месяцев появятся разговоры о том, что это мы виноваты в таких больших потерях среди курсантов.

— Всё произошедшее на Совете очень похоже на то, что вас начали… Нет не бояться, — задумчиво заметила Изабелла. — Опасаться. Пока только опасаться.

— То, что сказал Корней по поводу поднятия воинской выучки своих дружин за счёт его курсантов, очень похоже на правду, но основная причина отзыва, мне думается в другом.

— Вот одна из причин, почему отозваны бойцы, — ткнула она пальцем прямо в лицо устроившемуся неподалёку от ней Ли Дугу, одному из главных своих недоброжелателей.

— Как это понимать? — настороженно глядя на неё, и, казалось, скрипнув всеми своими горловыми связками, хрипло спросил тот. — При чём здесь мы?

— При том, — усмехнулась баронесса. — Они боятся нашего союза. Боятся, что мы приобретаем слишком много влияния в городе.

— Трёх тысячная армия курсантов, которой нет равных в городе по уровню подготовки. Плюс ящеры — безоговорочно вставшие на нашу сторону. Плюс вы ещё до начала мятежа носились с идеей найма амазонок.

Но это же для Сидора в Приморье, — удивлённо перебила её Маша. — Он просил дальнобойных лучниц подыскать. При чём здесь город?

— А они об этом знают? — едва заметно улыбнулась Изабелла. — Сложите одно, второе, третье и сразу поймёте что вас стали серьёзно опасаться. Поэтому они теперь будут делать всё, чтобы разбить наш союз.

— Уже сложили, — ядовито бросил Корней. — Полторы сотни оставшихся в живых курсантов плюс две сотни раненых в

госпитале. Менее десяти процентов от былого.

— Да за такие потери не то что городские власти, я бы сам лично казнил собсвенной рукой командира, допустившего такие потери.

— Глупость.

Баронесса, обвела собравшихся внимательным взглядом своих красивых васильковых глаз и продолжила:

— Всё это так, да не так. Насколько я слышала разговоры в городе, выгнанная тысяча в любой момент готова покаяться, только дайте ей такую возможность. Они уже проклинают себя за то что не послушали своего командира и проявили своеволие.

— Мне не верите, сами пробежитесь по кабакам, послушайте.

— И если сейчас дать им шанс, они будут послушными исполнителями любых приказов Корнея. Подчёркиваю — любых, — жёстким голосом акцентировала Изабелла свою мысль. — В их глазах их товарищи и Корней герои, и они готовы любым способом, хоть кровью смыть свою невольную вину за самовольство и собственную дурь.

И вот именно такого шанса вам и не собираются давать.

Помолчав, Изабелла с задумчивым видом, продолжила:

И знаете, какой самый неожиданный вывод можно сделать, — обвела она всех собравшихся внимательным взглядом. — Это очень хорошо, что у вас забирают чужих курсантов. Обучать надо своих, а не чужих.

Грубый, мрачный голос, неожиданно раздавшийся из группы ящеров, молча сидящих на совещании, от неожиданности заставил всех присутствующих людей вздрогнуть:

— Если у вас всё, то я бы хотел на кое чём заострить ваше внимание.

Ли Дуг, поднявшись со своего места и выйдя на середину комнаты, молча уставился на людей, заложив руки за спину. Постояв в такой позе минуты две, три, и не дождавшись никакой видимой реакции на свои слова, продолжил:

— А что будет с нами? — задал он неожиданный вопрос, обведя всех присутствующих тяжёлым взглядом.

Думаю, что мы уже доказали свою полезность городу и то, что на нас в трудную минуту можно положиться. Полагаю, что это ни у кого из присутствующих, сомнений не вызывает. Мы верны раз данному слову и готовы и далее всячески поддерживать вас в ваших начинаниях. Но и нам надо бы более твёрдую почву для нашего дальнейшего развития, чем нынешний рыхлый статус беженцев. Нам нужна более существенная база для нашего развития, а не тот хлипкий домишко, что выделил нам под наше представительство Городской Совет.

— Если вы рассчитываете на то, что Горсовет, за вашу помощь в разгроме мятежа, выделит вам какие-то участки для вашего строительства в городе, то, полагаю, ничего из этого не выйдет, — отрицательно покачал головой профессор. — Забудь об этом! Как бы не были хороши наши отношения сейчас, но столетия взаимной ненависти, за пару месяцев никуда не денутся и настороженное к вам отношение не изменится.

— И что же ты предлагаешь? — мрачно уставился на него Ли Дуг. — У нас самих нет ни малейшего сомнения, ни малейшей иллюзии в том, что всё то, что ты говоришь, так и будет. И мы сами точно также оцениваем своё положение. Но что-то менять надо и немедленно, иначе мы так и останемся на роли подсобных рабочих на стройках, разгребающих всю черновую и грязную работу.

Первые восторги кончились и нам на шею теперь вешают самую грязную и самую непристижную работу. К тому же самую низко оплачиваемую.

Как только городские власти убедились что нам некуда податься, так оплата наших мастеров и услуг стремительно покатилась вниз. И такая тенденция нам сильно не нравится.

Профессор, немного помолчав, и задумчиво посмотрев на замолчавшего ящера, перевёл свой взгляд на Машу, а потом, неожиданно подмигнув ей, ответил:

— А я предлагаю учредить здесь университет или Академию. К примеру — медицинскую. Подобрать участочек в городе, а то и за его пределами, выкупить, и организовать там платный университет. А там мы все и будем преподавать. Я смотрю, кроме нас в городе никто даже не думает ни о чём подобном. Почему бы нам не быть первыми.

А на месте вашего ветхого домишки, что вам выделил Горсовет, мы построим госпиталь. Места там достаточно, я как-то смотрел. Можно отгрохать несколько корпусов каменных, да обнести их каменной стеной, на случай защиты. Вот вам и защита на случай такого вот мятежа, что недавно был.

Врачи вы знатные, — продолжил профессор, посмотрев на задумавшегося ящера. — Да и учёные среди вас наверняка найдутся для преподавания в университете. Вот и предлагаю объединиться нам на этих двух благородных целях. Пару лет поработает такой комплекс, тогда и отношение к вам наверняка изменится в лучшую сторону. Но если и это ничего не изменит в отношениях, тогда будем думать дальше.

К тому ж, — усмехнулся он, мимолётно переглянувшись с Беллой. — У нас и документик есть на земельку в десять квадратных десятин тут, рядом с городом. Под Академию.

Удобное место, — кивнул он головой с довольным, хитрым видом.

Ли Дуг, молча прошёлся пару раз по центру комнаты, в рассеянности натыкаясь на стулья и стоящий прямо перед ним стол, а потом, окинув всех взглядом, негромко заметил:

— Принимается. Только вот ждать и откладывать на потом, не будем. Нет времени. Следует немедленно начать искать другие пути для повышения взаимного доверия. У нас тоже много есть тех, кто не желает сотрудничать с вами, несмотря даже на то, что Глава клана человек. Слишком велика расовая неприязнь. Тут вы, безусловно, правы.

— Что же вы тогда предлагаете? — Маша заинтересованно посмотрела на ящера, а потом заметила, повернувшись к Корнею. — Самое надёжное единство возникает только на войне с общим врагом, а его то, как раз, у нас и нет. Ведь не рассматривать же в этом ключе, амазонок?

— А у нас есть общий враг, — внимательно посмотрел на неё ящер. — Подгорные ящеры, — медленно обведя взглядом собравшихся, уточнил он. — И нам и вам они враги. Причём нам даже больше чем вам, как это ни покажется вам странным. И мы, и вы для них служим единственным источником поживы. И вы, и мы одинаково стремимся к их уничтожению. Поэтому, предлагаю объединиться и разгромить парочку кланов, что наиболее досаждают и нам, и вам. И вам хорошо, и нам их земли отойдут.

— Насчёт змельки — хрен там, — покачал головой профессор. — Земли имперских ящеров возле города — вряд ли на это пойдут городские власти. Воевать за интересы людей — всегда пожалуста, а насчёт земельки — бо-ольшой вопрос.

— У вас есть что-то конкретное? — вопросительно поднял брови Корней. — Судя по тому, как вы так быстро и ловко нашли общего врага, то у вас, похоже, заранее всё продумано. Так что, давайте, выкладывайте.

— Выкладывать — пожалуйста, — ощерился в довольной улыбке ящер. — О землях возле города никто и не говорит. Как вы прекрасно знаете, мы заняли пустые земли, как раз на границе с бывшими же людскими поселениями в верховьях Лонгары, что на восточном пустующем склоне Большого Камня и в болотистых низовьях малой Лонгары. Сейчас там людей нет. На ваши, хоть и бывшие земли, мы не претендуем. Но между нами и вами остаются несколько кланов подгорных ящеров, сковырнуть которые в одиночку мы не сможем. Так же, как и вам, невозможно в одиночку вернуть обратно свои земли. Поэтому, предлагаю объединиться и уничтожить конкурентов, мешающих нам находиться в непосредственной связи друг с другом.

Профессор внимательно посмотрел на ящера. Что-то Ли Дуг явно недоговаривал, что-то темнил.

— Полагаю, вполне достойная задача на ближайшую пару лет, — оскалился Ли Дуг, изображая улыбку.

Замолчав, он ещё сделал по центру зала пару кругов, а потом, резко развернулся и отошёл в свой угол, скрывшись за спинами сидящих там ящеров.

В землянке на некоторое время установилось задумчивое молчание, когда никто из присутствующих не знал ни что говорить, ни с чего начать.

— Полагаю, стоит сказать мне, — Изабелла, тяжело вздохнув, поднялась со своего места и, поморщившись, потёрла затёкшую поясницу. — Вот вечно с ними так, — с сожалением покачала она головой. — Начали за здравие, а кончили, за упокой. Теперь они стараются втянуть нас в войну, к которой мы совершенно не готовы. Медицинская Академия им побоку, а война на первое место, — хмыкнула она.

Ответьте мне на несколько вопросов, — повернулась она к ящеру. — Первый. Сколько ящеров в тех кланах, что вы предлагаете уничтожить?

Баронесса, остановилась перед группой ящеров, плотной группой сидящих в углу с противоположного от входной двери угла и с задумчивым видом, как на какую-то диковинку, уставилась на них. Не дождавшись никакой реакции, она повторила вопрос:

Я жду, господа ящеры, — поторопила она их. — И покуда не получу ответ на этот первый вопрос никакого дальнейшего обсуждения ваших предложений, не будет, как и не будет больше никаких предложений. Ну?

— Девять с половиной тысяч общим числом, включая женщин, стариков и детей, — с явной неохотой выдавил из себя Ли Дуг. — Боеспособных мужчин, тысяч три, четыре.

— И это, не считая молодых женщин и подростков, которые тоже, при случае, готовы взяться за оружие, — понимающе усмехнулась баронесса. — И насколько я понимаю, это только в одном клане? — вопросительно взглянула она на сразу помрачневших ящеров.

— Да, — нехотя кивнул Ли Дуг. — Это только в самом первом, ближнем к вам клане.

— А в остальных? — настороженно недоумённо глядя на него, переспросил Корней. — А в остальных, сколько их будет, боеспособных особей? — добавил он недовольно, еле сдерживая раздражение.

— Из остальных, для нас угрозу представляют ещё парочка

кланов, — неожиданно вступил в разговор Уно Бер, временно замещающий Сидора на период его отсутствия. — Их земли непосредственно примыкают к землям, которые контролирует тот клан, на который указал Ли Дуг и поэтому, они могут представлять угрозу для дальнейшего общения по полосе предгорий. Если их не трогать, то для связи остаётся только река, а там, как вы прекрасно знаете, хозяйничают амазонки. И без их согласия по реке передвигаться невозможно. Поэтому, остаётся единственный вариант. Это, разгром и изгнание с верховий Левобережья этих трёх кланов Подгорных ящеров, что вполне вероятно в случае нашего объединения.

Общее же число вооружённых особей, способных для ведения боевых действий, можно оценить ещё дополнительно тысяч в десять, двенадцать.

Неожиданно оборвав свою речь на этом, Уно Бер сразу замолчал и больше не подавал даже признаков жизни, забившись обратно в свой угол, и не обращая внимания на удивлённо вопросительные взгляды ни Корнея, ни всех остальных.

— И на что же вы рассчитываете, предлагая нам подобное самоубийство? — с искренним недоумением посмотрела на него баронесса. — Около двадцати тысяч далеко не самых плохих бойцов нашего континента со стороны подгорных ящеров. И, в лучшем случае, после разгрома, учинённого нам Городским Советом, пять сотен недостаточно обученных отроков с нашей стороны. Да и вас то, после всех передряг осталось немногим больше. Итого, один к сорока! Вы что Ли Дуг, самоубийца?

— Главное, определиться в целях, — оптимистически откликнулся неизвестно с чего вдруг повеселевший ящер. — Если мы с вами достигли уже согласия в том, что их необходимо уничтожить, то дальнейшее лишь вопрос времени.

— Что бы вы там не говорили, но вам некуда деваться, — усмехнулся Ли Дуг. — Если их не уничтожить сейчас, то через пару, максимум пять лет они предпримут ещё одно, очередное наступление на ваши земли, и тогда городу не устоять. Необходимо нанести по ним упреждающий удар. Только тогда возможно отбросить со своих границ угрозу, связанную с кланами людоедов.

— Откуда вы взяли срок в два года? — неожиданно перебил его профессор. — Активность ящеров в пограничье в пределах обычной нормы и ничто не указывает на обратное. Да и в городе бы знали, если бы это было так. Уже не один век они отбивают набеги ящеров и прекрасно осведомлены обо всём, чего следует от них ожидать.

— Не обо всём, — покачал головой Ли Дуг. — Местные

власти не учитывают политику империи на континенте. А она направлена на постепенное выдавливание людей с их земель. И в отличие от прошлых времён, она осуществляется руками не имперских легионов, а тех самых подгорных ящеров. Именно поэтому в столице так легко отнеслись к тому, что мы перебрались сюда, на пустующие восточные склоны Южного Камня. Именно поэтому, никто нам не мешал с переселением на эти земли, как и раньше с переселением на восточные склоны Малого Камня. Они надеются, что мы своей кровью расчистим им земли от таких, как вы и все остальные люди. Выражаясь вашим языком, мы смертники и живы до сих пор только потому, что находимся на границе с людскими землями и, как в столице очень надеются, будем с вами воевать.

— Политика империи стала намного изощрённее и циничнее, — грустно добавил он. — И если бы мы попробовали перебраться куда-либо в другое место, где-нибудь внутри империи, нас бы просто уничтожили.

После слов Ли Дуга в землянке, в который раз уже за вечер, установилось нехорошее молчание, нарушаемое только шорохом бумаг, которые с задумчивым видом перелистывал профессор, рассеянно скользя по ним взглядом.

— Ну и в гадюшник же мы влипли, — после установившегося длительного молчания, тихо заметила Маша. — С востока — ящеры, с севера — амазонки, с юга — пираты, а с запада — баронства. А в центре всего этого бедлама мы. Вот влипли, так уж влипли, — грустно протянула она. — Чего же они тогда ждут? — вопросительно взглянула она на Ли Дуга. — Чего не нападают?

— Естественного прироста, позволяющего им оставить за собой занятые ранее земли, — мрачно заметил ящер. — Скорость их распространения напрямую зависит от уровня рождаемости в их кланах и от количества воинов в клане. До настоящего времени их сильно сдерживал город, выбивая чуть ли не поголовно всё взрослое мужское население, но они нашли выход отправляя своих женщин во внутренние области империи, для оплодотворения. И теперь их численность резко увеличилась, да и биологически они сильно от этой практики выиграли. Теперь многие из них выше и крепче тех, кто был ранее. Не пройдёт и двух лет, как выросшие уже молодые воины пройдут обряд посвящения и займут места погибших, в воинских отрядах. А через пять лет их будет уже вам не остановить. Получив военный опыт они рванут на завоевание новых территорий. В первую очередь это будут ваши земли, — закончил Ли Дуг.

— Ну а вам то чего бояться? — вопросительно посмотрел на него профессор. Казалось бы даже не обративший внимания на

речь ящера, он совершенно равнодушно выслушал его. — Вы же тоже ящеры, да к тому же не простые, подгорные, а имперские. Чего вы то загоношились, да ещё разгласили столь секретные сведения.

— Ну, — хмыкнул Уно Бер, из-за спины Ли Дуга, — не такие уж они и секретные. Все, кому надо, прекрасно об этом осведомлены. Тот же ваш Ведун, прекрасно знает, что происходит в империи и делает всё возможное для максимальной отсрочки нашествия подгорных ящеров. Или вы считаете случайностью, что за последние пятьдесят лет на город не было ни единого нападения со стороны баронов. Да и амазонки резко убавили свою активность на Левобережье. Вы то не имеете о том представления, но ещё пару десятков лет назад, они вели себя здесь на этих землях совершенно по иному, грабя и убивая всех без разбору. Теперь же этого нет и в помине. Они грабят, но никого не убивают. Поэтому ваше зверство, как все считают, когда вы не оставили никого в живых из десанта, для них было настоящим потрясением. Никто не ожидал подобного.

— Ты считаешь, что мы не должны были так поступать? — мрачно посмотрела на него Маша. — Что мы должны и дальше терпеть их произвол и насилие? Не соблюдение никаких обязательств и договоров?

— Своим поступком вы резко выделили себя из общей массы кланов этого города, — сухо ответил Уно Бер. — И теперь, если с кем и считаются в этом городе, те же амазонки, то только с вами. Поэтому мы и подняли эту тему. Свои проблемы мы можем решить или вместе с вами, или никак.

— А никак, нас не устраивает, — перебил Уно Бера Ли Дуг. — Никак, для нас смерть. И, только в союзе с вами, у нас есть единственная надежда сохраниться, и как вид, и как кланы, в конце концов.

— Вы не ответили на вопрос, — флегматично бросил профессор, продолжая шелестеть неизвестно откуда вдруг появившимися у енго в руках бумагами, и как бы не глядя на ящеров. — Так чего же вам то бояться? Повторяю вопрос.

— Мы не такие, как подгорные, и как многие в империи. Как слишком другие. Нас там не любят.

— Здесь вас тоже не любят, — усмехнулся скептически профессор. — Терпеть, терпят, но чтобы любить, этого нет даже в мыслях.

— Это совсем другое, — мрачно заметил Уно. — Здесь нас не любят, как ящеров, вообще, но охотно принимают, когда надо использовать наше мастерство, и платят за работу зачастую больше, чем своим. Платят по работе, а не исходя из цвета кожи

или формы черепа или количества зубов во рту. А, вот, там нас ненавидят именно за то, что мы такие, какие мы есть. И за то, что не желаем меняться. Ненавидят за все наши умения и знания, несмотря даже на то, что охотно пользуются многими предметами наших ремёсел, теми же арбалетами и лекарствами.

— Надеюсь, вы понимаете, что всё то, что вы тут наговорили, требует проверки и подтверждения, — внимательно посмотрел на него профессор. — Подобные вещи на веру не принимаются. И ещё, что я хотел бы знать, почему вы выбрали именно эти три клана, самые многочисленные и самые сильные в настоящее время. Вы что, специально выбираете себе врагов пострашнее? Чтобы не так скучно помирать было?

— Проще говоря, я бы хотел знать, что такого находится на их землях, чем вы так стремитесь завладеть?

Профессор, подняв голову от бумаг, прямо посмотрел на Ли Дуга, молча смотрящего на него и остальных ящеров, замерших в ожидании ответа своего неформального лидера.

— Это ещё одна из многих причин, по которой мы решили связаться именно с вами, — не выказывая никаких признаков безпокойства, ответил тот. — У вас у всех есть одна особенность, напрочь отсутствующая у других. Вы никому не верите на слово и видите то, на что другие не обращают внимания.

Хорошо, — Ли Дуг встал и прошёлся молча по комнате, старательно обходя сидящих в разных местах людей. — Раз вы не верите в политические мотивы, приведём экономические резоны.

Ли Дуг остановился возле двери и спокойно отворил её, выглянув наружу.

— Тамбур бы надо нормальный сделать, — заметил он, оборачиваясь. — Не так зимой выстывать будет.

— Давно же собираетесь, — хмыкнул он, глядя на замерших к нему спиной часовых. — Да всё руки, видать, не доходят.

Потом, повернувшись лицом к людям, он плотно прикрыл за собой дверь и тихо проговорил:

— В тех местах выращивают и добывают такой дорогой и важный растительный продукт, как каучук. Надеюсь, он вам знаком, раз вы в большинстве своём родом с Земли. Поэтому, вы должны знать, какую ценность он имеет для промышленности любой страны. И то что здесь, в этом городе такой промышленности нет, ещё ни о чём не говорит. Она есть в других местах. И в других местах он очень высоко ценится.

А чтоб вы имели представление о его ценности здесь, в этом мире, замечу, что изготовление наших знаменитых арбалетов, невозможно без использования каучука. Без него наши арбалеты тут же потеряют половину своей цены.

Не вдаваясь в детали, и говоря проще — это стратегический ресурс. И как всякий стратегический ресурс, он кем-то контролируется. В данном случае, он контролируется теми самыми тремя кланами подгорных ящеров.

Добывается из особого дерева, что в изобилии произрастает в болотах верховий Лонгары, откуда она, собственно и берёт своё начало. Это далеко не единственное место произрастания этого дерева, но одно из самых богатых по запасам сырья.

— И вы предлагаете нам ввязаться в борьбу за это сырьё? — вопросительно взглянула на него Маша, переглянувшись с Корнеем. — Неужели, нет ничего попроще и поближе к нашим землям? Чего-нибудь менее затратного и менее бредового. Менее смертоубийственного. У этих ваших трёх кланов наверняка есть союзники. А это ещё гарантированный деяток тысяч воинов. Полегче ничего нельзя было найти?

— Всё остальное не принесёт такой прибыли.

Ли Дуг нервно потёр свои лапы друг о друга, что со стороны смотрелось просто дико. Ящер, и нервничает. Такого ни Маше, ни другим её друзьям видывать ещё не доводилось. И это особенно настораживало своей непонятностью.

— Вы, надеюсь, успели заметить, — немного помолчав, продолжил Ли Дуг, — что весь этот край как бы находится в стороне от всех зон боевых действий. Чтобы где не происходило, но там всегда тишь да покой. Никаких боёв, никаких схваток.

— Ну да, — хмыкнул профессор. — Особенно, если не считать того, что в тех местах ранее было два человеческих города, а ныне нет ни одного. И что-то нет таких данных, что там было что-то такое особенное, из-за чего стоило бы воевать.

— Раньше не было, а сейчас есть, — усмехнулся ящер. — Учтите, что тогда, когда там были человеческие поселения, ни о каком каучуке никто не знал. И никому он был просто не нужен. Это сейчас из-за него начинают разворачиваться войны. Это сейчас он всем вдруг понадобился. А ещё тридцать лет назад, о его существовании никто не имел ни малейшего представления. Ну, растут себе там какие-то деревца. Ну, течёт там по ним смола всякая разная. Да кому до того было какое дело. Тем более что и населения то в тех краях было ещё меньше, чем сейчас в нашем городе раз в десять.

— Чтоб ты провалился, — тихо, едва слышно процедила сквозь зубы Белла. — На ящера она при этом старалась не смотреть. Скулы её свело от злости. Она уже поняла, что компания землян, с которой её связала судьба, обязательно влезет в это дело. А это было для её интересов не очень хорошо. Это было откровенно плохо. Лишнее беспокойство сейчас ей было

ни к чему.

*На задках.**

Облепленная толстыми пеньковыми канатми и людьми, словно кусок головка сахара чёрными муравьями, огромная туша полусгоревшей большой десантной лодьи медленно выползала на низкий, топкий берег залива. Глядя на всё, окружающее это прекрасное действо, Маша брезгливо морщилась. Даже сейчас, когда вдарили морозы и почву местами серьёзно прихватило морозцем, здесь в заливе она до сих пор ещё представляла откровенную жижу, словно густое чёрное сливочное масло, проминающееся и валами подымающееся по бокам и под тушей выползающего на берег мостодонта.

Идея с вытаскиванием на берег полусгоревших останков десантных лодий амазонок и попыткой их дальнейшего ремонта и восстановления, никогда ей не казалась настлько глупой как в этот момент. Мало того что трюмы лодий до сих пор полны были замёрзними до каменного состояния трупами утопленниц, так ещё за саму работу, не считая арендной платы за использованные огромные стеновые вороты, Голова с неё содрал просто буземные деньги.

Три тыщи золотом за два ворота. И за что? За неделю работы и за две бригады мастеров!

А такими темпами, как работают эти так называемые мастера, им тут трудиться не менее месяца.

Маша мысленно в отчаянии схватилась за голову.

— "Ну что Белка такая неугомонная, — с горечью подумала она. — Не могли в воде до весны постоять? Могли. Крепче были бы. Морение для дерева ещё никогда не мешало. А до весны ему как раз пару тройку месячишков крепости поднабраться хватило бы.

— Нет же, неугомонная! Всё ей подавай сразу, сейчас, немедля! До весны, мол, отремонтировать успеем".

Оптимизма баронессы, надеющейся что пострадавшие от огня лодьи не сильно обгорели, Маша не разделяла. Одного взгляда ей хватило чтобы понять, что простыми средствами и лёгкой работёнкой тут не обойдёшься. Да и мастеров нужных под рукой у них не было. Маша помнила как ещё Сидор год назад намаялся, работая с местными мастерами корабелами и какие они оказались вредные, гонористые козлы с большим самомнением, огромной жаждой до халявных денег и неумеренным нежеланием сачковать.

На что Сидор терпеливый мужик, а и тот не вытерпел — выгнал сволочей в конце концов.

И баронесса что, думает что она умнее других? Что у неё получится заставить этих лодырей работать?

— "Наивная!" — Маша чуть было вслух не рассмеялась своим мыслям.

Однако, вспомнив во что им в конце обойдётся вытаскивание всех пятерых лодий на берег, не считая землечерпалки, в которой и вытаскивать то нечего, появившаяся было на лице улыбка медленно с него сползла. Деньги последнее время для Маши стали большая проблема. А в истории с трофейными лодьями спасало пока лишь то, что платила за все работы сама баронесса. Своего рода безпроцентный кредит, выданный ею их компании до весны, когда будущие богатые поступления от продаж копчёной рыбы с лихвой покроют довольно незначительные на фоне вероятных весенних прибылей зимние траты.

Всё-таки какае-никакие, а собственные ловы, хоть и довольно скудные у них уже были, расчистили за прошедшее время немного. Так что баронессе было твёрдо обещано что расчёт по долгам произведён будет с ней первой. И слава Богу что она согласилась. Иначе бы ни она, ни профессор не дали бы добро на извлечение судов из-под воды. Не хватало ещё проблем потом с правами собственности на суда.

И так уже к ней подваливали заинтересованные лица с предложением о преуступке прав на такие богатые трофеи.

— "Дружба, дружбой, а табачок врозь", — пришла холодная, деловая мысль.

Маша недовольно покосилась за спину. Там, со стороны крепости до её ушей доносились глухие звуки голосов многочисленных пленных амазонок, собранных в крепости.

Белла как раз пошла туда с ними разбираться, а её не взяла. Впрочем, за то Маша на неё была не в обиде. Новости, что взялась сказать амазонкам Белла были не из разряда приятных. Содержание пленных ужесточалось и девчонок было откровенно жаль. Но ничего поделать они пока не могли. Городские власти, получив под нос фигу в деле возврата пленных из последнего набега, решили наказать строптивцев, то есть их компанию. И как это ни неприятно осознавать, у них это получилось.

Сгоревшие казармы школы восстанавливать кроме как пленным было некому. Помогать вытаскивать суда на берег было некому. И в городе и рядом было огромное количество работы, а халявных рабочих у них отбирали.

И теперь за любые вспомогательные работы им придётся переплачивать кланам за рабочих чуть ли не втрое. И самое

плохое что живыми деньгами. В таких делах никто на расписки внимания не обращал, требуя только налички. А с ней в городе давно начались проблемы.

Потому-то у Маши оследние дни и появилось такое чёткое понимание, что свободных рабочих рук в городе они больше не найдут.

Их конкретно поставили на бабки. И теперь малой кровью, как они надеялись, им не обойтись.

Так что уже заплаченные ею Голове три тысячи за одну вытащенную на берег лодью, это ещё были цветочки. Впереди были действительно серьёзные проблемы. И самой главной из них было — ГДЕ ВЗЯТЬ ДЕНЕГ?

Маша снова прислушалась к голосам за стеной крепости. Что-то они там притихли. Видать, Белла наконец-то их "обрадовала", переваривают.

На заднем, глухом дворе крепости Речная Пристань, где в нескольких чудом сохранившихся, несгоревших во время штурма казармах курсантской школы жили последнее время амазонки, было необычно оживлённо. Тремя ровными прямоугольными квадратами здесь стояли три сотни амазонок, осторожно перетаптываясь с ноги на ногу. По мрачным и настороженным взглядам, постоянно бросаемым ими на крытую галерею, опоясывающую по периметру глухой двор, было отчётливо видно, что всё происходящее вокруг них им совершенно не нравится, и ничего хорошего они для себя не ждут.

По всей галерее, опоясывающей этот двор, стояли ровным, плотным рядом незнакомые им егеря, чередуясь с ящерами, и наведя на мнущихся во дворе амазонок взведённые арбалеты молча чего-то ждали.

Их было немного. Не более ста человек. Но зная, что собой представляют арбалетчики этого клана, амазонки не испытывали ни малейшего сомнения в том, что стоит им сейчас только дёрнуться, как весь двор завалят их трупам.

Поэтому, во дворе стояли три плотных квадрата амазонок по сотне человек в каждом, и они не делали ни малейшего лишнего движения, дабы не спровоцировать егерей.

Единственная причина, которая ещё оставляла им какие-то надежды на то, что всё обойдётся, стояла прямо перед ними с тоненькой веточкой в руке, прямо перед двойной шеренгой арбалетчиков, держащих арбалеты наизготовку, и с задумчивым видом легонько постукивала им по сапогу, рассматривая выстроившиеся квадраты.

Одна одинёшенькая перед тремя сотнями амазонок. Невысокая, хрупкая фигурка молодой женщины, стоящей перед

рядами рослых, на голову её превышающих, великолепно физически развитых крепких женщин. Но ни у кого из присутствующих не возникало даже мысли о том, что о ней можно побеспокоиться. Аура силы и власти, окружающая её пресекает любые мысли о попытке причинить ей какой-нибудь вред. Да и слава. Слава мастера, победителя волчьих наёмников, великолепных воинов, которым не могут противостоять не то, что амазонки, но и многие ящеры и очень редкие люди. А она одна зарубила волчьих наёмниц более сотни. Одна, с помощью своей небольшой, какой-то детской на вид сабельки.

— У меня для вас несколько новостей, — мягкий, негромкий, мелодичный голос баронессы, казалось, пронёсся ледяным ветром среди холодных, каменных стен крепости. — Как обычно, что-то хорошее, и что-то плохое.

— Начну с хорошей новости. Учитывая ваше положительное поведение последнего времени и оказанную компании помощь в устранении последствий набега на город, проще говоря в уборке трупов, руководством компании принято решение просуммировать все заработанные вами по настоящее время суммы и отпустить некоторых из вас на волю.

— Но у этой хорошей новости есть одна неприятная сторона. Ваше начальство окончательно отказалось от вас и не дало ничего. Ну а поскольку денег за прошедшие полгода именно вы заработали очень мало, мы можем освободить всего только сорок человек. И методом жеребьёвки вам предстоит выбрать этих счастливчиков. Завтра же они могут отправляться домой.

— Следующая новость. Хорошая она, или плохая, это уж на ваш выбор.

Баронесса, ненадолго замолчала, как бы вслушиваясь в установившееся на площади гробовое молчание, а потом продолжила своим мелодичным, негромким голосом:

— В общем, городские власти считают что оставлять вас в городе и в самой ближайшей округе слишком опасно. Ну а поскольку мы к тому же отказались поделиться с ними своими пленными, то они сделали вид что недовольны обилием пленных непосредственно возле города и потребовали навести порядок. Они потребовали убрать вас.

— Сами обгадились, а наведения порядка потребовали от других. Тем не менее, ничего сделать мы не можем.

— Поэтому, завтра к утру вы должны предоставить этих сорок человек из вашего числа. Они будут немедленно препровождены к берегу Лонгары, где их завтра начиная с полудня будет ожидать специальная посольская лодья. И пока Лонгара окончательно не схватилась льдом, вы сможете перебраться домой.

— Вопрос можно? — неожиданно перебил её чей-то голос из глубины строя ближнего к ней квадрата.

Из плотно сбитого квадрата, осторожно раздвигая плечом своих товарок, медленно вышла невысокая, крепко сбитая женщина с красивым, интеллигентным лицом и остановилась прямо перед Изабеллой.

— Военнопленная Марфа Полторыплётки, — криво усмехнувшись, представилась она. — Так можно спросить, — опять задала она вопрос, стоя прямо перед баронессой и буравя её пронзительным взглядом своих глаз.

— Да, — безмятежно, как будто лучшей подруге, ответила ей баронесса. — Спросить вы всегда можете. Не уверена что отвечу, — неприятно усмехнулась баронесса.

— Вокруг что-то происходит, — Полторыплётки обвела медленным, осторожным жестом галерею, битком, набитую арбалетчиками ящерами, — а мы ничего не знаем. Почему нас отпускают? Почему не платит казначейство? Почему изменились условия содержания? Или соглашение по пленным что, больше не действует?

Баронесса несколько минут смотрела на Марфу, ничего не отвечая, а потом тихим, чётким голосом промолвила:

— Почему вас не желает выкупать ваше казначейство, у нас нет ни единой мысли. Переговоры ведутся до сих пор, тянутся уже более чем полгода, а внятного ответа с той стороны всё нет. Заговор с целью оккупации города, провалился. Держать вас здесь ещё зачем-то? Зачем?

— Пленных, захваченных в этом набеге уже выкупили и даже домой отправили. Вас же словно не видят в упор.

— Может, руководство республики надеется на новый мятеж? — насмешливо заметила баронесса. — Ничего не могу сказать. Но с этого дня из города удаляются все амазонки. И дальше вы выкупаться можете исключительно свои трудом. Но, никаких больше нянь, подавальщиц в трактире, горничных, постельных грелок и прочего. Вся сумма оставшегося долга и новых платежей делится поровну на всех оставшихся, и пока она не будет выплачена, никто на волю отпущен не будет. Никаких залогов, выкупов отдельных представителей богатых семей и прочего подобного. Никаких больше дублёров — это особое требование властей. Только сами и только там, где вам может предложить пленившая вас компания.

— У нас — это на карьере. Плюс — работа на горельнике и на устройстве дороги. Всем кому там не хватит места — работы в каменоломнях, ломать камень и колоть щебень.

Баронесса медленно прошлась ещё раз вдоль строя первого

квадрата, а потом, повернувшись к амазонкам, и на миг, вслушавшись в воцарившееся вокруг гробовое молчание, закончила:

— Завтра утром сорок человек на выход.

Не говоря больше ни слова она развернулась и стремительно покинула двор.

Всю ночь посреди и по периметру внутреннего, глухого двора крепости горели большие костры, освещая перемещавшихся между кострами амазонок, что-то бурно обсуждавших и горячо спорящих между собой. Затихли они только под утро.

Ранним утром, с первыми косыми лучами солнца во двор вошла мрачная баронесса, хмурая и явно не выспавшаяся. По-видимому, и ей эта ночь досталась нелегко, поэтому она, едва дождавшись построения амазонок, хриплым, усталым голосом начала:

— Сорок человек, выйти из строя, — зевая в кулак, хрипло скомандовала она.

Ответом ей было гробовое молчание, воцарившееся во дворе.

Окинув квадраты выстроившихся амазонок внимательным взглядом, Изабелла медленно прошлась вдоль передней шеренги ближнего к ней квадрата. А потом, замерев прямо перед строем и слегка постукивая себя веточкой по сапогу, негромко проговорила:

— Бунт? Хорошо. Ну? И кто будет говорить?

Медленно и осторожно раздвинув плечом, плотные ряды своих товарок, вперёд вышла давешняя амазонка, что вчера спрашивала баронессу о том, что происходит.

Не подходя к Изабелле ближе пяти метров, чтобы не спровоцировать арбалетчиков, она спокойно, глядя ей в глаза, проговорила:

— Мы тут подумали и решили, что никто не пойдёт. Вместе в плен попали, все вместе и отрабатывать долги будем. А там уж как повезёт.

— Ну, я так и думала, — равнодушно бросила баронесса. — Взаимовыручка, боевое братство и прочая лабуда. Всё понятно! Только вот вы не поняли всей серьёзности своего положения и что с вашими интересами никто не будет больше считаться. Времена изменились. Поэтому сегодня сорок бывших пленных покинут вас. Или добровольно, или принудительно.

— Короче, — усталым и равнодушным голосом бросила она, — если вы в течение следующих получаса не выделите сорок человек, то я сама, по своему хотению выберу первых попавшихся и казню, как отказавшихся подчиниться. Потом опять вам предложу выбрать. Самим. Откажетесь — казню других сорок. И

так до тех пор, пока выбирать будет не из кого или вы сами не согласитесь выбрать тех, кто готов убраться вон из города.

— Шутки кончились. Время пошло.

Баронесса, спокойно повернувшись к потрясённым её речью амазонкам, неторопясь прошла за шеренгу арбалетчиков, выстроившихся напротив квадратов амазонок, и опустилась на одиноко стоящий там стульчик. Как только она появилась в крепости, сразу следом за ней внесли этот стульчик и сразу же там поставили, вместе с небольшим круглым столиком на одной тонкой ножке. Словно заранее ожидая подобной реакции амазонок, посреди пустого стола высились большие песочные часы, перевернув которые, Изабелла запустила отсчёт времени.

Целую минуту ничего не происходило. Амазонки застыли неподвижно, потрясённые чудовищной картиной открывшейся перспективы, но не верить баронессе они не могли. За прошедшие дни они убедились, что баронесса Изабелла де Вехтор была не тот человек, что позволил бы себе так пошутить. И уже доказала это всем своим поведением. Поэтому, не прошло и получаса из отведённого амазонкам времени, а перед ней уже стояла редкая шеренга из сорока человек, готовых к отправке домой.

— Ну вот, — удовлетворённо кивнула Белла головой. — Я рада, что мы поняли друг друга. Теперь не придётся пачкать руки. Отправляйте, — кивнула она ящеру, стоявшему справа от неё.

Дождавшись, когда жидкая шеренга отбывающих амазонок покинет плац, и за ними захлопнутся въездные ворота, она повернула голову к оставшимся, и спокойно продолжила, как будто ничего до этого не произошло:

— Оставшимся на отработку, ставлю следующую задачу. Те, кто на дорогу — налево, те, кто на горельник — направо. Оставшиеся, в карьер. Построиться, — спокойно выговорила она, не повышая голоса.

Медленно и неохотно, переходя постоянно из одной группы, в другую, вся масса амазонок начала хаотично перемещаться по двору, возродив броуновское движение.

Прождав чуть ли не с полчаса результата и так не дождавшись окончательного распределения амазонок по группам, Изабелла, тяжело вздохнув, негромким голосом попросила не определившихся построиться в отдельную группу.

Тихий голос баронессы произвёл эффект разорвавшейся бомбы. Все те, кто до того вальяжно фланировал из группы в группу, никак не определяясь, мгновенно куда-нибудь, да пристроился, и перед ухмыляющейся баронессой выстроились две неравные группы амазонок, слева и справа.

— Понятно, — хмыкнула баронесса, оглядев большую группу

справа, выстроившуюся в неровный квадрат. — Работа на горельнике вам представляется более лёгкой, чем вполне понятные и тяжёлые земляные работы. А в карьер что-то вообще никого нет.

— Как же так? — насмешливо продолжила она, медленно двигаясь перед двумя выстроившимися квадратами. — Не нравится такая хорошо оплачиваемая работа, как колка щебня?

— Или надеетесь на побег? — неожиданно спросила она замершие квадраты. — Лес, глушь, практически никакой охраны. Зря. Даю вам своё слово, слово баронессы де Вехтор, что никто не отработав долга, не уйдёт. Живым не уйдёт, — негромко добавила она в гробовой тишине, установившейся во дворе крепости. — Надеюсь, — она обвела замершие в неподвижности две группы, — что мне вы поверите. А нет, так вам же хуже. Больше церемониться с вами никто не будет. Только паёк и работа, паёк и работа. Никаких мальчиков, никаких пряников, никакой водочки с пивком, сладких ликёрчиков, сдобы, сладкого чаю и выпечки. Только работа и похлебка. Работа и похлёбка.

— Похлёбку обещаю сытную, — нехорошо как-то улыбнулась баронесса.

— Отправляйте, — негромко бросила она стоящим за её спиной арбалетчикам и, не поворачиваясь больше к беспокойно зашевелившимися амазонками, вышла во внутренние ворота крепости.

Глава 5 Нарастающие неурядицы…

*Неурядицы с банком. Первый звоночек. **

После подавления мятежа амазонок не прошло и месяца, а отношения между исполняющей обязанности управляющего банка "Жемчужный" Корнеевой Марьей Ивановной и учредителями Банка из состава Городской Старшины стали стремительно, прямо на глазах портиться.

Казалось бы для этого не было никаких внешних причин. В городе к Маше, фактически раскрывшей и предотвративший заговор амазонок с целью овладения городом относились чуть ли не как к национальной героине, только что на руках не носили. Все при встрече ей улыбались, но каждое собрание членов Правления теперь начиналась и заканчивалась руганью по любому, маломальскому вопросу.

Постоянное вмешательство городских учредителей в текущие дела банка неожиданно резко возросло. А мелочное контролирование и в дополнение ко всему уже открытое, не скрываясь перетягивание самых выгодных клиентов в свои клановые расчётные конторы, как в этом городе принято было называть небольшие клановые банчки, окончательно подорвали доверие Маши к этой публике.

Отношение же последних к ней в её представлении сводилось к одному единственному определению — баба.

Проще говоря — по их мнению, бабам в руководстве банка места не было.

И вот уже всю которую неделю после окончания мятежа, в Городском Совете и в Правлении Банка шли упорные, позиционные бои Маши Корнеевой с Городской Старшиной об окончательном утверждении её в должности управляющего банка "Жемчужный". И о наделении её всеми положенными властными полномочиями, позволяющими самостоятельно принимать решения по всем, абсолютно по всем финансовым вопросам, а не только по вопросам, выделенным для временно исполняющего обязанности Управляющего.

Необходимость постоянного согласования в текущих делах сущих мелочей доходила до откровенного абсурда, и в конце концов ставала серьёзным препятствием на пути нормальной финансовой деятельности самого банка.

Более того. У Маши за последние две недели окончательно окрепла уверенность в том, что все эти мелкие придирки и

попытки помешать нормальной работе имели под собой одну единственную основу — её половую принадлежность. Маша была женщиной, и это очень не нравилось всему составу городских учредителей. И если бы у их компании не было такого большого пакета уставного капитала, аж целых сорок процентов, большего, чем у горожан, то она давно бы уже вылетела из руководства банка, словно пробка из бутылки с шампанским.

Всё это она уже отчётливо понимала. Как понимала и то, что если она сейчас согласится на возвращение к первоначальной своей должности, то в дальнейшем, ни о какой самостоятельной роли в руководстве банка можно будет и не мечтать. Не дадут. Не позволят больше даже на вершок приблизиться к самостоятельной работе. Поэтому и выбора у неё не было. Или или.

Да и возвращаться к первоначальному положению дел, после того как она реально почувствовала появившиеся у неё в руках финансовые рычаги влияния, она сама категорически не желала. Быть абсолютно безправным заместителем управляющего и иметь своей единственной целью деятельности сохранение своей, жемчужной части уставного капитала было с их стороны с самого начала откровенной дурью. Теперь на это понимала кристально ясно. И возвращения к подобному положению дел, Маша категорически не желала.

К тому же, затягивание решения вопроса со своим юридическим статусом вело к тому что дела в банке с каждым днём шли всё хуже и хуже. Так что, затягивание решения её вопроса грозило уже полной и окончательной потерей столь трепетно до сих пор сберегаемого ею жемчуга. Тем более, что, как показала практика, при отсутствии реальных рычагов влияния на политику банка, сохранить свою часть уставного капитала оказывалось практически невозможно, как в конце концов реально показала ныне абсолютно пустая касса банка.

Акулы местного финансового мира сходу давали ей сто очков вперёд по любому вопросу, и любая пассивная позиция с её стороны, любое промедление неизбежно вело к регулярным потерям совместного капитала. Банк, фигурально выражаясь, каждый божий день беззастенчиво грабили, а она ничего не могла с этим реально поделать. По любому вопросу ей вставляли палки в колёса. И если она не хотела всё потерять, больше подобное положение терпеть было недопустимо.

Поэтому, чтобы окончательно не потерять и то малое что ещё оставалось, она должна была сама уже полностью официально занять место управляющего и получить всю власть. Но как оказалось, не имея на то полных законных прав, это было

невозможно. Без согласия блокирующего пакета в пятьдесят один процент, окончательное утверждение её в этой должности было невозможно. У них же было лишь сорок.

А обещавший поддержку Ведун, скотина такая, третья, определяющая сторона в конфликте, занятый какими-то своими делами в низовьях Лонгары, фактически самоустранился. Никак не реагируя на творящиеся в банке безобразия, он полностью пустил дела на самотёк, не появляясь в городе, не отвечая на письма и не поддерживая даже издалека ни одну из сторон.

Занятый какими-то своими, важными для него делами, он до сих пор так никак и не определился со своим отношением к назначению Маши на должность Управляющего банком, хотя Маша знала, что о творящихся в руководстве банка безобразиях он был информирован.

Тем не менее, Ведун никак до сих пор не прореагировал и… ситуация зависла.

И если Городскую Старшину данное положение до поры, до времени вполне устраивало, мало отражаясь на ведении ими своих дел, поскольку они имели свои расчётные кассы, то Машу подобное положение приводило просто в бешенство. С каждым прошедшим днём они теряли всё больше и больше денег от невозможности свободно пользоваться своей частью уставного капитала. Их деньги в банке лежали мёртвым грузом и Маша никак не могла пустить их в дело. И как неизбежное следствие создавшегося положения — из проблемного банка начала разбегаться серьёзная клиентура.

Поэтому, первой и на данный момент, главной целью для Маши стало избавление от уничижительной приставки И.О. и получение полного контроля над всем банком. Но на пути к этому стояла высокая, железобетонная стена — её половая принадлежность. Маша была женщиной, а значит путь к высшему руководству банка для неё был закрыт. Наглухо!

Ну а после того, как деловые люди города фактически в открытую пошли с ней на конфликт, для неё окончательно стало ясно что местная Городская Старшина никогда не потерпит в высшем руководстве подконтрольной ей финансовой структуры женщину и что лично с ней повели борьбу на выживание. Чтобы они до того на людях ни говорили и какие бы клятвы не давали, но женщину в руководстве они не потерпят. Никогда!

И каким бы великим специалистом она на самом деле ни была, замом, полузамом, четвертьзамом, зиц-председателем — всем кем угодно и сколько угодно. Но! Руководить и принимать ответственные решения, в их представлении мог только мужчина. И точка!

Или, за неимением оного — коллегиальный Совет учредителей — Правление. Но опять же — только из мужчин. А ты хоть тресни, ничего это не изменит! Хочешь быть на Правлении — "Будь ласка, Маша, принеси своего прекрасного кофе…"

Поэтому, для Маши оставался единственный легальный путь борьбы — получить полный контроль над банком путём скупки долей из пакетов его учредителей. И доведение доли своей компании до пятидесяти одного процента — контрольного пакета, когда владелец его мог сам, не спрашивая ничьего мнения, проводить самостоятельную финансовую политику, и сам назначать руководителей, ни с кем не считаясь. То, что ей было надо.

Тем более, что первый шаг в этом долгожданном для неё направлении уже сделал сам бывший первый управляющий этого банка, господин Кидалов Поликарп Евграфыч. Ещё задолго до мятежа сам предложивший Маше передать, а точнее — чисто формально продать их компании по чисто номинальной цене свою долю уставного капитала, свои шесть процентов. В обмен на лояльность с её стороны и неподнимание официального скандала по результатам его не слишком удачной полугодовой деятельности на посту Управляющего банком "Жемчужный".

Своего рода легальная форма подкупа. Но в сложившихся обстоятельствах крайне для неё необходимая и удобная со всех сторон. Оставалось только заручиться от своих друзей окончательным согласием и можно было переходить к следующему этапу.

Теперь, будучи так близко к вожделенной черте, она не могла больше ни о чём ином думать, кроме как о получении от господ соучредителей так недостающих ей последних пяти процентов уставного капитала. Пять вожделенных процентов отныне были её путеводной звездой.

Однако, никто из соучредителей совсем не стремился к подобному развитию отношений, категорически не соглашаясь расстаться даже с малой частью своей учредительской доли, прекрасно понимая к чему это приведёт. И как Маня не давила на них, обещая в будущем буквально феерические выгоды от взаимовыгодного будущего сотрудничества, ни на слово, ни письменным её обязательствам не верили. Разрешения на выкуп требуемой ей доли уставного капитала, никто не давал.

Единственными, кто до сих пор так и не дал окончательного отказа и с кем ещё велись переговоры, были Староста и Городской Голова, владельцы самых крупных городских паёв, и единственные, с кем в переговорах был достигнут хоть какой-то

маломальский прогресс.

Но и с ними ситуация постепенно зашла в тупик.

Много хотели!

Вот именно всеми этими причинами и была обусловлена внеплановая встреча в землянке у Сидора и проведение именно там совещания по банку.

Это было самое надёжное и самое спокойное место в городе. Ну а поскольку здесь же обитала и баронесса, для всех официальная жена Сидора, то и она невольно должна была присутствовать на совещании. Да и охрана её из ящеров надёжно отсекала любого постороннего человека, пожелавшего бы не вовремя даже просто приблизиться к собравшимся.

Впрочем, и сама Изабелла была отнюдь не против такой встречи. И хоть для неё присутствие на совещании было необязательно, тем не менее она расстаралась с организацией встречи и накрыла голодным гостям вечерний роскошный ужин, в очередной раз обогатив соседнего трактирщика.

— Кто же это у тебя тут такой искусник оказался? — засунув в рот чуть ли не половину горячего ещё пирожка с какой-то вкуснятиной, невнятно прошамкала набитым ртом Маша.

— Ты извини, что я так, не прожевав, — давясь большим куском, не дала она ответить Изабелле. — За весь день маковой росинки во рту не было. Так завертелась, так завертелась, что даже и утром толком поесть не шмагла, — прочавкала она набитым ртом. — Да и потом, не до того как-то было. Голодная, как триста китайцев после посевной.

— Кушай, кушай, — рассмеялась Изабелла, с удовольствием глядя на быстро насыщающихся Машу с товарищами. — Тебе лично сладкое полезно. На тебя уже смотреть страшно, тощая, аки Кощей Безсмертный.

— Ну, ладно, — Маня, облегчённо вздохнув и пошарив по столу не унявшимся ещё от голода, но уже соловеющим взглядом, стряхнула с рукава какие-то прилипшие крошки, и, постучав ладошкой по гулко отозвавшемуся брюшку, сыто потянулась.

— Хватит жрать! — сурово глянула она на торопливо и молча насыщающихся профессора со своим мужем. — А то люди подумают, что я вас не кормлю, — осуждающе ткнула она пальчиком в торопливо что-то пережёвывающего Корнея.

— Бу-бу-бу, — прочавкал тот в ответ что-то невнятное и торопливо налил себе в стакан густого морошкового морса из стоящей рядом с ним большой, расписной крынки.

— Ну, будем считать, что червячка заморили, — облегчённо перевёл он дух, откидываясь на спинку стула, жалобно заскрипевшего под его большим и мощным телом. — Теперь,

можно и делом заниматься.

— Ты, Маша, давай начинай, — заметил повернувшийся к ней профессор. — На нас пока внимания можешь не обращать. Я ещё пожую тут кое-что, а ты давай, давай…. Говори, лапочка, зачем нас собрала. Извини, конечно, но очень есть хочется, — извинился он, накладывая себе на тарелку ещё один большой кусок колбасы и пирога с какой-то мясной начинкой. — Давно я такого вкусного не едал. Как к вам в крепостную лабораторию перебрался, так с едой стала напряжёнка. Все вы вечно заняты, никого на кухню не загонишь. Да и с самого нынешнего утра маковой росинки во рту не было. Как Васятка, стервец, в поход с Сидором умотал, так в доме жрать сразу стало нечего. Да и когда ещё такой вкуснятины отведать доведётся. Так что ты говори, говори. Зачем всех нас так спешно собрала, зачем от своих занятий оторвала? Почему именно здесь собрались?

— Итак, — начала Маша, обведя всех собравшихся немного рассеянным взглядом и, нервно потерев ладони, упёрла их в край стола.

Видно было, что она немного нервничала, срываясь невольно на резкость. Поэтому, немного помолчав, она дождалась, когда и профессор закончит что-то пережёвывать и снова обратит на неё внимание. Добившись от него внимательного, нетерпеливого взгляда, она тут же начала.

— Итак, — Маша, неожиданно запнулась. Видно было что она сильно нервничает.

— Корней поставил меня в известность, что вы, профессор, хотели бы, так сказать, из первых уст услышать о проблемах, возникших с нашим банком.

— Ну-у, — задумчиво пожевал губами профессор. — Не то, чтобы мне очень того хотелось. У меня и так башка собственной дребеденью забита, не хватало туда ещё и твоих проблем до кучи, — недовольно проворчал он. — Просто…, - тяжело вздохнув, он виновато посмотрел на Машу. — По городу слухи всякие нехорошие пошли. Ко мне люди знакомые обращаются, типа того: "А не пора ли нам забирать свои капиталы из вашего банка, пока не поздно". Да ещё с этакой нехорошей подковыркой, — поморщился он.

А я толком ничего и не знаю. И сказать ничего не могу. Что людям говорить-то?

Маня несколько секунд молча смотрела на профессора, прикидывая что-то в уме, а потом негромко заметила, задумчиво растягивая слова.

Я скажу совсем просто и без обиняков. Наш банк чуть было не грохнули. Пока мы тут все из себя героические занимались

спасением отечества да и вообще ушами хлопали, некоторые лица из руководства банка, не привлекая к себе внимания, выгребли из банка капиталы своей семьи и свалили на сторону. Я говорю про нашего прошлого управляющего господина Кидалова Поликарп Евграфыча — нашего в прошлом так разрекламированного управляющего.

И по сему поводу в настоящий момент банк пребывает в откровенной дупе.

Как это ни печально признавать, но это фактический факт.

— Я ещё трепыхаюсь понемногу, барахтаюсь, как лягушка в молоке, пытаюсь взбить кусок масла из этой кучи сливок, если эту пахучую субстанцию можно так назвать, — поморщилась она. — Пробую вылезти оттуда, но, с моими трепыханиями получается не очень, — с задумчивым видом покачала она головой. — Каждое моё предложение по выходу из кризиса со стороны наших соучредителей встречается в штыки. Им словно всё равно что у нас проблемы. Нет ни одного дела в котором бы мне не вставили шпильку. А так дальше работать невозможно.

— Из этого дерьма дальше выгребаться, я вижу одним единственным способом. Нам нужен контрольный пакет, пятьдесят один процент, чтоб полностью взять под контроль банк и вести уже самостоятельную финансовую политику.

— Итак, немного предыстории. Почему мы оказались в таком дерьме.

— Первое. С господином Кидаловым, навязанным нам нашими дорогими соучредителями в качестве Управляющего Банком, мы фактически расстались. Вся его деятельность, всё, чем он занимался с момента нашего объединения и до того дня, когда он сам же назначил меня исполняющей обязанности Управляющего, заключалась только в том, чтобы как можно быстрей вывести денежные активы своей семьи из нашего банка. И тем самым спасти себя и свою семью от грозящих им финансовых потерь. Всё это напрямую было связано с доставшемся банку тяжёлым наследством от предыдущей воровской деятельности сбежавшего управляющего, того самого Кузьмы Кидалова, ихенного недоброй памяти родственничка.

С этой задачей, как я теперь понимаю, он за полгода вполне успешно справился, после чего потерял к нашему банку всяческий интерес и работу у нас фактически прекратил. Именно тогда он самолично, и в нарушение всех договорённостей с городскими учредителями, назначил меня Исполняющей Обязанности Управляющего, хотя, по уставу, не имел на это права. Проще говоря, как мне теперь стало совершенно ясно, назначил меня козой отпущения, — Маня мрачно ухмыльнулась.

Ну а я, — Маша хмуро зыркнула исподлобья на собравшихся, — надо честно признать, как последняя дура, иначе это и не назовёшь, повелась на его грубую лесть. И, что называется, с мясом заглотила крючок с тухлой наживкой, думая, что это высокая оценка моей, без году неделя, работы в банковской сфере.

Расчёт его оказался абсолютно верен. Закружилась слабая женская головка от шикарных перспектив, и она, то есть я, всеми когтями вцепилась в новую должность. И естественным образом сразу же встала в контры с Городским Советом, нашим главным соучредителем. И пока мы с ними бодались, доказывая друг дружке кто прав и у кого больше прав, господин Кидалов окончательно подчистил хвосты и теперь к нему никаких претензий уже не предъявишь.

Можно убить, — с задумчивым видом хмыкнула Маша. — А вот насчёт финансовых претензий ничего не получится. У него всё чисто. Ловок шельма, — с сожалением цыкнула она языком.

Собственно, именно из-за этого незаконного назначения Кидаловым меня Исполняющим Обязанности Управляющим банка, у нас так и обострились отношения с нашими городскими учредителями и возник конфликт, который до сих пор так и не погашен. Если до этого момента отношения с нашими соучредителями были хоть и не дружеские, но вполне деловые и лояльные, то после этого назначения всё резко пошло наперекосяк. Мужской шовинизм, господа, — грустно улыбнулась Маша. — Нравится нам это или не нравится, но что есть, то есть. Дела в этих краях привыкли иметь с мужчинами, но никак не с женщиной. Видать в пику творящемуся за рекой.

А что это именно так, подтверждают следующие факты.

Первое — после моего назначения на должность исполняющего обязанности Управляющего. в первую же неделю мы потеряли большую часть наиболее крупных клиентов, мужчин. И до сих пор, кстати, продолжаем их терять.

Это пример мужского шовинизма, — усмехнулась Маша.

Второе — сразу же после моего назначения, к нам в банк были переведены практически все счета клиентов, ведущих в городе дела с Амазонией. Как я совсем недавно узнала, это стало обязательным требованием с той стороны. Амазонки потребовали от своих клиентов, чтобы все дела велись только через наш банк. Как вы понимаете, приязни к нам это не добавило.

За что я от нашего Совета тут же огребла по полной, — недовольно проворчала Маша. — Мерзавцы, обвинили меня чуть ли в сговоре с той стороной.

Хотя, это частично вернуло банку некоторые вклады.

Вот вам, кстати, пример уже женского шовинизма, — Маша недовольно поморщилась.

Теперь снова вернёмся назад, к тому, о чём я ранее говорила. Кое-какие мелкие детали, чтобы вам было понятнее, о чём идёт речь.

Значит, результатом Кидаловской, всего лишь полугодовой деятельности в качестве управляющего нашего банка "Жемчужный" является то, что в городе с его помощью учреждено несколько отделений различных иногородних банков. Причём все они представляют известные западные банковские дома. Все как один с определяющим капиталом его семьи. И в настоящий момент являются нам сильнейшими конкурентами, против которых мы, честно говоря, и с самого начала не особо то блистали, а ныне и вовсе полный пшик.

В настоящий момент они уже нанесли нам довольно ощутимые потери, сорвав ряд выгодных сделок и перехватив клиентов.

Возвращаясь же к Кидалову, следует отметить, что его капиталов в банке де факто уже нет, а де юре он ещё числится в списке наших учредителей и обладает шести процентным пакетом уставного капитала. Одним словом, он не прочь с нами по-тихому расстаться, если мы не будем подымать скандала и не будем привлекать к этому делу внимания городских учредителей и Территориального Совета в лице Ведуна. За это он готов поделиться с нами своей долей. Гнида! — тихо выругалась себе под нос Маня.

— Тем не менее, я предлагаю не подымать скандала, поскольку иначе об этом станет широко известно и только одно это здорово подорвёт и так серьёзно пошатнувшуюся репутацию нашего банка.

— Мы сейчас не можем себе позволить никаких скандалов. В этом случае в банк тут же побегут вкладчики изымать свои средства, и вот тогда нам действительно будет полный крындец, потому как возвращать нечего. Касса пуста.

— Короче! Ни ему, ни нам не выгодно, чтобы о его некрасивой деятельности стало широко известно ни в городе, ни за его пределами.

— Так что, если вы даёте добро, то завтра же я подписываю все положенные бумаги, и его доля переходит к нам.

— Я не понял, — угрюмо бросил на неё косой взгляд профессор. — Зачем нам нужна эта сделка? Вместо того, чтобы удавить подлеца, ты предлагаешь ему какую-то сделку?

Явственно скрипнув зубами и бросив на профессора испепеляющий взгляд, Маня подобралась и тихим злым голосом,

стараясь сдерживаться и не сорваться на крик, спокойно продолжила.

— Мы сейчас не в том положении, чтоб выбирать. Потом, когда выберемся из этой ямы, мы обязательно вернёмся к господину Кидалову и оторвём его мерзкую голову. А пока, — поморщилась она, — приходится соглашаться на его условия. И улыбаться, улыбаться, улыбаться! — всё повышая и повышая голос под конец уже просто рявкнула она на профессора.

Помолчав и сердито покосившись на молчащего профессора, Маня тяжело вздохнула и тихо продолжила:

— Напоминаю, что это целых шесть процентов уставного капитала, выделенных ему, как управляющему из общей доли. Таким образом, наша суммарная уставная доля увеличивается до сорока шести процентов, и мы теперь уже окончательно избавляемся от присутствия членов этой подлой семейки в нашем банке. Это уже сам по себе большой плюс.

— В противном случае, если подымется скандал, банк теряет лицо, его уставную долю поделят на всех и нам достанется в лучшем случае пара процентов. А нам надо одиннадцать.

— Уточни, Маш, что мы теряем, расставаясь с ним, помимо его сомнительного имени? — не дослушав, снова встрял профессор.

— Ничего, — хмыкнула Маша. — Помимо его части капитала, которой фактически и так уже нет, мы давно растеряли всех крупных клиентов. Из более менее крупных вкладчиков у нас остались только капиталы учредителей из числа Городской Старшины, в виде опять же каких-то бумажек, в которых я ещё до конца так и не разобралась, времени не было, и масса мелких городских вкладчиков, которые собственно и приносят нам сейчас основной доход.

— Но и из их числа некоторые уже посматривают на сторону. Тот же Кондрат Стальнов со своими оружейниками.

— Он уже регулярно стал наведываться в новые кидаловские банки, так что, думаю в скором времени и он нас покинет.

— Если уж и Стальнов решил нас покинуть, то почему Голова со Старостой остаются? Зачем вообще мы им нужны?

Поправив рукой разлохматившуюся причёску, и нервно пробарабанив пальчиками по столешнице, Маша негромким голосом пояснила.

— Думаю, что старые горожане, такие как Голова и подобные ему, совсем не заинтересованы в разорении банка, иначе бы с их стороны не было бы такой мощной поддержки с самого начала. Иначе бы они не вложили столько своих средств в учреждение совместного банка.

— Этим двум акулам местного предпринимательства надо чтобы мы работали на них. Чтобы наши деньги работали на них. Им нужно подмять нас под себя.

— Я считаю, что именно поэтому, как только у нас начались переговоры с Кидаловым о недобровольной передаче его доли в банке в нашу собственность, тут же нарисовалась эта сладкая парочка.

— Где-то явно идёт утечка информации. Но где? — с задумчивым видом Маша недоумённо развела руками. — Если только не сам Кидалов слил её. — Помолчав, она продолжила:

— Теперь, их предложения, по порядку.

— На моё предложние продать пять процентов, посмеялись и сказали, что дарить нам свою долю учредительского капитала, как сделал Кидалов, не намерены. И предложили выкупить нужные нам пять процентов из их доли, но только за наличные

— Раз уж мы не можем ужиться ни с кем из соучредителей, то давайте, мол, выкупайте нашу долю. Верните, мол, нам наши денежки.

— А капитала то и нет! — Маша, прервавшись, обвела всех собравшихся грустным взглядом и широко развела руки в стороны. — Повторюсь ещё раз, но в банке, кроме нашего жемчуга, который я просто не дала Кидалову разворовать, и бумажек с какими-то закладными из городской уставной доли, да кое-какой мелочи из вкладов горожан, практически ничего нет.

— Ну а поскольку они об этом прекрасно, как оказалось, осведомлены, и они, повторяю, не заинтересованы в нашем окончательном разорении, то они предложили нам некую хитрую схему расчёта.

— Они готовы пойти нам навстречу, если мы, со своей стороны, пойдём им навстречу в одном, как они говорят, ма-а-аленьком таком дельце. Так сказать, баш на баш.

— Что-то мне это уже не нравится, — мрачно буркнул профессор. — Чем они лучше того же Кидалова? Тот втихую вытащил деньги из банка и безнаказанно смылся, и эти хотят того же самого. Ну и в чём между ними разница? Что-то я её не вижу.

— Ты не далёк от истины, — бросил на него мрачный взгляд Корней. — То, что скажет сейчас Маша, ни тебе, ни всем остальным ребятам, когда они всё узнают, точно не понравится.

Хмурый взгляд профессора подтвердил что тот прекрасно его понял.

— Основное что я предлагаю — это наконец-то начать методичный процесс избавления от соучредителей. Они, со своей стороны, тоже не против, — тихим голосом начала Маша.

— Ты только про эту сладкую парочку говоришь, или ещё и

других учредителей из нашего города имеешь в виду? А как быть с Ведуном, да с его Территориальным Советом? — снова перебил её профессор.

— Пока только про этих двоих, — хмуро посмотрела на него Маня. — Замахиваться ещё и на Ведуна с его Советом и с тридцатью процентами уставного капитала, или на других городских учредителей, с не меньшим суммарным процентом, у нас сейчас кишка тонка. Хоть остальные городские учредители по отдельности и намного мельче этих двух, но их много и, повторюсь, суммарно у них не меньший вклад. Пока мы с ними не можем тягаться.

— Пока, — повторила Маша. В голосе её проскочила тщательно завуалированная, скрытая угроза.

— Хотя, после того, как мы разберёмся с нашими проблемами, и с остальными это надо будет сделать обязательно. Считайте, что это следующий ход. Уж больно все они норовят сунуть нос в наши дела и влезть не в своё дело, несмотря на все предварительные договорённости.

— Какое удивительное коварство, — мрачно буркнул профессор, покосившись на неё. — Ты, Маша, в банке у них за спиной творишь что хотишь, а от них требуешь послушания. А они коварные почему-то не желают спокойно подчиняться. Почему бы это? — флегматично полюбопытствовал профессор.

— Таким образом, согласившись с предложением Головы и Старосты, — Маша сердито покосилась на него, — а может быть потом и других городских соучредителей, мы со временем станем практически единственными владельцами банка. Пока же, пока только контрольный пятьдесят один процент.

— А зачем? — перебил её профессор. — Зачем нам вообще этот банк?

— Объясни ты мне, дураку непонятливому. Маша, зачем нам всё это нужно? Зачем нам сохранять разорившийся как ты утверждаешь банк, да ещё соглашаться на какую-то сомнительную сделку с людьми, с которыми я лично вообще не хотел бы иметь никаких дел?

— Да затем, что это прибыльное предприятие и приносит доход, — взорвалась Маша. Профессор откровенно тупил и вызывал буквально ярость у неё своей непонятливостью. — Даже сейчас, при таких ужасных условиях работы, — не сдержавшись, буквально сорвалась на резкость Маша. — Он всё равно приносит доход! Пусть не столько как прежде, но он есть!

— И затем, что для сопровождения если не всех, то очень многих наших сделок за пределами города нам необходим банк. Свой банк!

— А мы уже со своей торговлей вышли за городские пределы.

— Та же торговля со всей Амазонией уже сейчас у всего города идёт только через наш банк. И лучше уж иметь свой банк, чем платить за обслуживание собственных нужд чужим людям. Лучше самим зарабатывать, чем платить другим.

— Тем более, что нечем, — тихо и мрачно добавила она себе под нос.

— И затем, что данный конкретный банк, несмотря ни на что, дал нам серьёзный социальный статус в местном высшем обществе, чего ранее не давали никакие мешки с жемчугом.

— Хотя бы только за этим, — недовольно проворчала она.

— Мне, лично, давно уже глубоко плевать на какой-то дурацкий статус, — упрямо набычив голову, враждебно посмотрел на неё профессор. — С меня хватит! Я, может быть, повторюсь, но лично мне плевать на какой-то там мифический, козлиный социальный статус. Который нахрен никому из нас здесь не нужен, но о котором ты Маша постоянно упорно талдычишь с занудным постоянством. Надо смотреть в суть вещей, а не на внешнюю форму. И я не понимаю, зачем нам ещё договариваться о чём-либо с этой неприятной для нас всех парочкой местных проглотов?

— Договариваться надо затем, чтобы вывести их из состава учредителей и сохранить за собой банк. Это первое. Второе. Если мы сейчас грохнем наш банк, то набегут сразу все остальные учредители и мы лишимся даже тех небольших средств, что ещё в банке остались. И тогда нам придётся тотчас же свернуть многие наши проекты, в значительной степени сократив Ваши, профессор, исследования, — ядовито добавила она, сердито глядя на него.

— Мы не можем просто так взять и плюнуть на этот банк. Мы слишком глубоко в нём увязли. И ликвидация его принесёт нам серьёзные финансовые потери. Мы лишимся всего оставшегося в банке жемчуга, — возмущённо взмахнула Маша руками.

— Останется тот, что мы не положили в твой банк как уставной капитал, — невозмутимо возразил профессор.

— Скупив же контрольный пакет и утвердившись на законном месте Управляющего, получим возможность привлекать к своим работам привлечённые в банк средства, — сердито парировала его реплику Маша. — А лишившись банка, мы лишимся и чужих денег, используемых сейчас нами в своих личных нуждах. И именно для этого нам нужно кресло управляющего. Законное кресло управляющего, а не тот филькин статус, которым я обладаю сейчас.

— И нужен он не абы для чего, а для того, чтобы единолично

распоряжаться чужими привлечёнными средствами. И извлекать от этого прибыль лично для себя, как это ни цинично звучит.

— Иначе, придётся закрыть Вашу лабораторию, профессор, и распустить Ваших сотрудников, — подпустила она угрозы в свой голос. — А это целых двадцать пять человек. И придётся, если и не полностью закрыть, то серьёзно сократить Ваши исследования. Вам это понятно, профессор? Понятно, что придётся разогнать тот коллектив, который вы с таким огромным трудом собирали по человечку чуть ли не целых два года! Потому, что людям надо платить, платить постоянно и желательно достойную зарплату. Иначе толку никакого не будет. А вот денег на это у нас больше нет, и, что характерно, в ближайшее время не будет!

— Это что-то новое, — насмешливо посмотрел на неё профессор. — Первый раз слышу что мои работы оплачиваются деньгами банка. Раньше они оплачивались из кармана компании, а последнее время я вообще работаю по заказам города.

— Деньгами банка оплачиваются работы по строительству наших крепостей, дорог, мостов и кое-чего прочего, подобного же, — раздражённо огрызнулась Маша. — Всего, что в случае конфликта, можно будет легко отдать в собственность города, или любых других, если потребуется. А то, из чего в дальнейшем можно получить прибыть, ваши в частности открытия, оплачивается исключительно из общего кошелька нашей компании. И это правило до сих пор позволяло нам на сэкономленные таким образом наши личные средства оплачивать конкретно ваши работы, профессор.

— Так, с этим понятно, — с невозмутимым видом откликнулся профессор, совершенно спокойно прореагировав на возмущённую вспышку Маши и на грядущие мрачные времена. — Что там ещё?

— А ещё у банка есть такая вкусная штучка, как дорогая недвижимость в других городах. А она, как оказалось, даёт её владельцам огромные преимущества в торговле, освобождая владельцев от местных налогов, как коренных жителей. И это — не считая того, что она сама по себе немалого стоит.

— Даже по предварительным, минимальным оценкам это сумма в несколько миллионов золотых, если даже не в несколько десятков миллионов. Золотом!

— Это намного больше чем весь нынешний капитал банка. И под залог этой недвижимости мы можем привлекать в тех краях большие кредиты. Намного, на порядки больше того что у нас самих есть.

— Поэтому, лишившись банка, мы лишимся и этой дорогущей недвижимости, а ещё и льгот, которые нам положены,

как владельцам. И огромных денег, которые мы могли бы выручить, при нужде продав её.

Раздражённо ещё что-то едва слышное себе под нос поворчав, она сердито посмотрела на него, и, недовольно передёрнув плечиками, снова вернулась всё к тому же вопросу.

— Теперь опять про предложение этой парочки. Что они хотят, — мрачно буркнула она, снова бросив на профессора раздражённый сердитый взгляд.

Поскольку отношения у нас не сложились, и они это прекрасно понимают, то и с выкупом нами их доли они согласны. Хоть частично, хоть всей.

Ну, а поскольку наличных денег у нас на это сейчас нет, а за жемчуг они предлагаеют самые низкие, оптовые цены, то они предложили мне схему, как это можно сделать.

— Ты, Маш, давай ближе к делу, — опять поправил её профессор.

— Профессор!

Маша, сердито хлопнув ладонью по столу, подождала, пока профессор прекратит негодующе фыркать. Сердито зыркнув на немного успокоившегося профессора, она недовольно продолжила:

— Не бередите душу, проф. Я уже и сама не знаю, как избавиться от этой затычки в каждой бочке, если не сказать откровеннее и грубее. Если у вас есть идеи получше, то давайте, предлагайте! Я же предлагаю вам принять их предложение и избавиться хотя бы в банке от их доли, чтобы в конечном счёте получить возможность свободно оперировать капиталами этого предприятия в своих нуждах.

— Желательно было бы совсем с ними расстаться, во всех наших совместных предприятиях, но в данный момент мы не можем себе этого позволить. Нет свободных средств. А жемчугом, повторюсь, по их ценам я рассчитываться не согласна.

— Ну а в дальнейшем, надо постараться вообще с ними не связываться. Но это потом, — тяжело вздохнула она.

— Ну и как же всё это будет выглядеть? — скептически посмотрел на неё профессор. — По длине и многословности вступления мне уже кажется, что ничего хорошего для нас ожидать от их предложения не стоит.

— Вы недалёко от истины, — мрачно заметила Маша. — Повторяю. Наличных денег у нас для выкупа их доли нет. Но и тянуть с расставанием с ними тоже не стоит. По крайней мере, сегодня они ещё согласны на продажу своей доли, а что будет завтра — неизвестно. Думаю, что как только у нас в банке наладятся дела, а это только вопрос времени, они тут же

откажутся от своего согласия.

— Значит, в чём суть их предложения, — тяжело вздохнув, грустно продолжила она.

— Мы выплачиваем их долю в банке стеклом и чугуном.

— Упс, — брови профессора уверенно поползли вверх. — Мне это уже не нравится, — угрюмо буркнул он.

— На сегодняшний день только эти два наших производства единственные стабильно работающие, — сердито в ответ буркнула Маша, покосившись на него. — И они, кстати, обеспечены и сырьём, и гарантированным сбытом. Сидор пылесосом выгребает с заводов всю нашу продукцию. Правда, что-то денег за поставленный товар не спешит оттуда из Приморья сюда передавать, — сердито проворчала она. — Только тянет и тянет к себе, мерзавец.

— Кажется, я догадываюсь, чего от нас хотят, — угрюмо бросил профессор. — Они фиксируют цены на нашу продукцию и растягивают выплату своей доли на неопределённый срок. И всё это время будут держать нас на крючке.

— Почему же на неопределённый, — раздражённо поморщилась Маша. — По моим предварительным подсчётам это потянет аж на пять лет, с чем они, кстати, с радостью согласились.

— Ого? — угрюмо зыркнул на неё профессор. — Неужели наш чугун и стекло настолько дёшевы?

— Это лишь в Приморье всё дорого, — Маша сердито покачала головой. — А здесь стекло стоит копейки. Вы же сами профессор помогали налаживать производство. Вот и наладили на свою голову. Попробуй ка нынче поднять на него цену, так тут же вокруг пооткрывают сотни подобных заводиков и задавят уже нас дешёвой продукцией. Так что, господин профессор, наше листовое стекло теперь, как ни крутись, а стоит копейки. Отсюда и срок в пять лет.

— Бред, — сердито проворчал профессор. — Маша, ты несёшь откровенную ахинею. И сама же не понимаешь этого.

— Ну да! — оскорблённая в своих самых лучших чувствах, Маша возмущённо накинулась на профессора. — А кто передал технологию производства листового стекла городу, мотивируя это тем что они якобы оплатили все исследования? Я? — Маша гневно ткнула себе в грудь кулаком. — Или вы! — чуть было в пылу ссоры пальцем не выбила она профессору глаз.

— Ещё учтите торговую блокаду, устроенную нам амазонками, безальтернативность путей доставки до внешнего потребителя, узость местного рынка и ещё тысячи других параметров. Вот вам и фактически бросовые цены на наше стекло

и чугун. Да и на бензин тоже. Блокада, нефти нет — бензина нет. Именно поэтому они и стремятся именно сейчас с нами заключить это весьма выгодное для них соглашение, и променять свою долю, фактическую пустышку в разорённом банке на вполне конкурентную, реальную продукцию. Торопятся до весны, пока речная блокада стоит.

— Ах, они ещё и торопятся, — угрюмо буркнул профессор, мрачно скривившись.

Предложение Маши нравились ему всё меньше и меньше. Вместо того чтобы торговать долей в предприятии надо было просто потерпеть немного и собрать денег, если уж так зауздило с выкупом доли. Чугун и стекло прекрасно продавались в Приморье и если подождать, то необходимая для выкупа доли Головы и Старосты сумма в банке скоро могла быть собрана. Но Машке явно не терпелось. Ей было необходимо всё и прям счас, срочно. И это очень не нравилось профессору. Машку несло и она рвалась к поставленной цели не считаясь с затратами. А вот это было уже чревато. Но как её остановить, он не знал. Его она не слушала. Точнее — не слышала.

— Судя по твоему виду, это ещё не всё? — тихо заметил он, внимательно присматриваясь к Маше.

— Да, — кивнула она головой. — Помимо этого, они ещё хотят заключить договор общим сроком на десять лет.

— А это ещё что значит?

— Это значит, что пять лет, им выплачивается их доля, а ещё пять лет, мы перерабатываем их руду, продавая им же обратно весь выплавленный из неё чугун. И как вы, надеюсь, уже поняли, по фиксированной сейчас цене.

— Неплохо, — усмехнулся криво профессор. Он едва сдержался, чтоб не прибить Машку здесь же, прям на месте. У этой дуры окончательно сорвало резьбу. Она порола такую чушь…

— По крайней мере, сбыт нам на десять ближайших лет гарантирован. Они нам свою пустую долю в разорённом банке, а мы на них вкалываем до седьмого пота целых десять лет. Не плохо, — покрутил он пальцем у виска, показывая Маше что он думает по поводу такого предложения. — Как говорится, не нытьём, так катаньем.

Маша, недовольно покосившись на него, продолжила:

— Ну а со стекольного завода они ещё хотят права самим продавать всю выпущенную нами продукцию. Если, конечно, мы не понизим качество и будем так и дальше его поддерживать на достойном уровне.

— В чём же здесь подвох? — неожиданно вступила в разговор

баронесса. — Разве плохо, если у вас будет гарантированный покупатель, да к тому же на десять лет?

— Подвох в том, что основную прибыль приносит не производство, а торговля, — профессор посмотрел на Изабеллу как на малолетнюю идиотку.

"Ещё одна "Маша" выискалась, — подумал он. — Теперь и эту малолетнюю дуру придётся убеждать".

А торговли, как раз у нас и не будет, вся продукция будет сдаваться перекупщикам в их лице по мизерной цене. Это кабала в чистом виде! — пояснил он Изабелле.

— И та же картина с чугуном.

— Тут картина ещё веселей, — пояснил непонимающе качнувшей головой Изабелле Корней. Бросив быстрый, косой взгляд на сердито замолчащего профессора, он добавил. — По словам Маши они упорно отказываются обсуждать процентное содержание металла в той руде, которую обязуются нам поставлять. А это значит, что они хотят нас заставить перерабатывать свои пустые отвалы.

Я так понимаю, что им надо их куда-то убрать, — с задумчивым видом пояснил он. — Первый звоночек по медведям и претензии по экологии. Староста пытается справиться с растущей проблемой по отвалам на их железодельном заводе.

Профессор, покосившись на кипящую от возмущения Машу, осторожно заметил:

— Ну и?

— Проблема в том, что будет потом, через десять лет, — мрачно посмотрела на него Маша. Предложение Головы со Старостой ей самой чем-то не нравилось. Вот только чем, она никак не могла понять. Потому и вывалила на своих товарищей весь ворох накопившихся проблем.

А вот через десять лет у нас будет старое, изношенное оборудование, требующее замены и полное истощение окрестных лесов, пережжённых на уголь. Лунный, промышленный пейзаж, — грустно заключила она, — и никаких перспектив.

Я узнавала у местных. При планируемых объёмах производства, весь ближайший лес мы пережжём на уголь как раз лет за пять, если не раньше. А потом нам придётся его доставлять из удалённых мест. По цене это будет, чуть ли не вдвое дороже местного. Фактически это будет тоже, что и ныне привозимый в город каменный уголь откуда-то из предгорий, с верховьев Каменки или из Приморья. А это значит, если кто ещё не понял, ещё более возросшие издержки. То есть через десять лет мы будем сидеть, даже не на нынешнем уровне, а гораздо ниже.

— Думаю, что эта проблема, если это вообще проблема,

решается просто и однозначно, — сердито перебил её профессор. — Пересчитать цену с учётом привозного каменного угля и точка. В противном случае, разговаривать просто не о чем.

Лучше уж нам тогда просто ликвидировать банк, а городская старшина пусть сама разбирается с его долгами и с тем, куда там подевались все наличные средства. И плевать нам на всякий там статус и какую-то недвижимость где-то, в каких-то городах.

— Боюсь, так не получится, — угрюмо буркнула Маша. — Тогда мы теряем большую часть оставшегося ещё в банке жемчуга.

— Ну и что?

— Как что? — снова взорвалась Маша. — Вы, профессор, постоянно забываете, что господа Кидаловы чуть ли не полгода свободно распоряжались в нашем банке, как в своей кладовке. И даже не трогая нашего жемчуга, наворотили таких делов…. Поэтому мы сейчас и сидим в такой ж…, - замялась Маша, бросив на собравшихся расстроенный взгляд.

— И так клин, и так клин, — задумчиво пробормотал профессор, рассеянно теребя себя за мочку уха. — С одной стороны кабала на десять лет, а с другой стороны потеря практически всего нажитого богатства.

— Твою мать! — неожиданно громко и внятно выругался он, хлопнув ладонью по столу. — Два года каторжного труда псу под хвост! И всё из-за какого-то прохвоста.

— Значит, если мы не найдём какой-нибудь ассиметричный ответ, нам хана, — тяжело вздохнув, мрачно заключил он.

— Ну, — хмыкнула грустная Маша. — Другим такая хана могла бы показаться раем. По сравнению с какими-нибудь местными хуторянами, сидящими на паре гектаров тощей пашни, выращивающих жито или просо и живущими с огорода, мы на их уровне всё ещё остаёмся просто немыслимыми богатеями. Одни наши табуны чего стоят.

— Ну да, — эхом отозвался Корней. — А по сравнению с тем же вороватым Кидаловым или с душкой Старостой, босяки, оборванцы. Только нас, я думаю, первый вариант не устраивает.

— Ну, почему же, — задумчиво пробормотал себе под нос профессор. — Я бы не сказал, что нас в их предложении всё не устраивает.

— Как я понимаю, огромную роль тут играет вопрос времени. Значит, надо на нём и заострить внимание.

— Есть! Есть тут одна зацепка, — задумчиво протянула Маня, с сомнением глядя на собравшихся и рассеянно почёсывая пальчиком висок.

— Есть у нас на железоделательном заводе ещё одна

доменная печь, хоть и не достроенная, но вполне пригодная для быстрого запуска в работу.

Можно съездить и поговорить с ребятами с завода, узнать, что они по этому поводу думают. Может они смогут быстро ввести её в строй и ещё больше увеличить выпуск чугуна? Или, к примеру, печь ещё одну поставить? Третью? Чё им стоит? Тогда ведь можно будет и сроки значительно сократить.

Может, можно будет предложить Голове просто перерабатывать их руду, без всяких процентов. Тогда, глядишь и сами чего заработаем.

Одним словом надо ехать туда и разбираться на месте, а то вся наша информация чуть ли не месячной давности.

Профессор устало прикрыл глаза. Маша не понимала о чём сама только что проболталась. Она ни хрена не владела ситуацией, не знала что творится вокруг, а лезла руководить. Упорно лезла принимать важнейшие решения, не считаясь ни с чем. И в первую очередь не считаясь с реальностью. Как же с ней было тяжело.

Профессор недобро покосился в сторону Изабеллы. Если бы не она. Если бы не эта сопливая девчонка, из-за которой Сидор сбежал на смерть в Приморье, ничего сейчас из того что говорила Маша — не было бы. Всё бы Сидор решил. А не решил бы он, решил бы Димон. Но ни того, ни другого сейчас в городе не было.

— "Бабы, — чуть не выругался вслух профессор. — Чёртовы бабы! Что творят с нашим братом. И ничего ведь не сделаешь, любовь", — тяжело вздохнул он.

Постаравшись чтобы никто не заметил его тяжёлого, обречённого вздоха, он снова вслушался в разговор и решил попробовать найти рациональное зерно в том бреду, что несла Машка. Надежды на то, что ему может оказать хоть какую-то помощь Корней, не было никакой. Тот в финансовых вопросах разбирался ещё хуже Машки. Но хоть не лез куда не следует, в отличие от неё.

— Если из этой идеи что-нибудь получится, то можно будет попробовать договориться с этой парочкой о переработке большего количества руды. Для начала, вдвое. Тогда и сроки сократятся в два раза. Или можно будет отмазаться от стекла и сосредоточиться только на металле. Тоже неплохо.

Профессор, нервно побарабанив пальцами по столу, внезапно прервал её рассуждения.

— Сколько говоришь, они собираются перерабатывать своей руды на нашей домне?

Маша, недовольно покосившись на профессора, пододвинула к себе какой-то листок, лежащий перед ней, чуть в стороне.

— Надо больше уделять внимания добычи полезной информации профессор, — мрачно проворчала она, сердито глядя в сторону снова что-то безмятежно жующего профессора, — а не только своим драгоценным опытам.

Маша, поморщившись, с брезгливой миной на лице подняла за уголок какой-то листок, лежащий перед ней, и сердито помахала им у того пред носом.

— Вот у меня данные, что я получила разными тайными путями. Так сказать, — ухмыльнулась она, — за денежку малую.

Васятки, паршивца, нет, вот и приходится отвлекаться и заниматься не своим делом, — тут же пожаловалась она, бросив косой взгляд на невозмутимо жующего что-то профессора.

Так вот. Перерабатывать у нас они собираются где-то с четверть своей добычи. Может, больше, но вряд ли меньше. Постой, — Маша, прервавшись, неверяще посмотрела на профессора, — уж не хотите ли Вы сказать…

— Вот именно, — поднял вверх палец профессор. — Ты Маша упустила из виду, что они торгаши и психология у них соответствующая. И основные доходы у них идут от торговли, а не от производства. И торгуют они в основном предметами роскоши и деликатесами. Вспомни ту же икру, в немереных количествах заготовляемую именно этой парочкой, и разные эксклюзивные копчёности.

Это у нас цех коптильный практически стоит без сырья, а у них он работает в три смены. Поэтому я полагаю, они с радостью ухватятся за любую возможность избавиться от надоевшего малоприбыльного производства. Думаю, что они и от шахт своих рудных с радостью бы освободились, если бы им предложили адекватную замену.

Может они и на наш коптильный цех клюнут, если им его предложить. В обмен на ту банковскую долю, что ты так упорно хочешь получить, — искоса покосился он на неё.

Дай им товар, любой товар, и они его продадут. И продадут с хорошим для себя наваром. А вот производить чего-либо это не для них. У меня вообще сложилось такое впечатление, что их буквально тошнит от своего сталелитейного производства, с таким раздражением они о нём говорят.

Вот, что я тебе скажу, золотко ты наше, — профессор чуть было не добавил "самоварное", но вовремя осёкся. Обижать Машку, даже если она делала явную глупость, не хотелось. — Езжай ка ты на завод. Поговори с ребятами. Предложи им перерабатывать всю ту руду, что Голова со Старостой нынче добывают. Или какую-то весьма весомую её часть. Одна печь у нас уже есть. Построить ещё пару, тройку не проблема. Ребята там, на

заводе, говорили, что им их нашлёпать, как два пальца обрызгать, было бы только сырьё, а печки они соорудят какие угодно и сколько угодно, и где угодно. Да и с людьми, как ни удивительно, но, по их словам, у них нет проблем. Что-то такое они говорили, что у них буквально очередь стоит из желающих у них работать. Больно уж у нас условия хорошие. И ещё я как-то от них слышал, что они жаловались на простой. Вот мы их и загрузим, по полной. А то, что это будет не самая выгодная работа, так что ж. Возьмём, в конце концов не качеством, а количеством.

Конечно, это всё надо детально просчитать. Но мне кажется, что если кланы Головы и Старосты сосредоточатся только на добыче руды….

Даже не так…, - профессор задумчиво почесал щетину на подбородке. Регулярно бриться он так же регулярно забывал. — Предложи ка им ещё варить и сталь. Пусть уж мы будем перерабатывать всю их руду, а им останется только торговать результатами нашего труда. Вот это, думаю, их больше устроит. Возиться с низко рентабельным производством они явно не хотят. Сталь варить, это тебе не рыбой торговать, норма прибыли не та, да и мозги тут нужны не те что у них. Вот на этот крючок и попробуй ка их подцепить!

Но постарайся особо много не обещать. И обязательно отбей их претензии на стекольный завод. Хватит с них одного железа.

В общем, надо всё хорошенько просчитать, — закончил профессор, решительно хлопнув ладонью по столу.

— Ладно, — устало кинула Маша. — Посчитаем. А на днях поеду на завод. Надо посмотреть что там и как. Поговорю с ребятами. Ну и там на месте видно будет, в каком оно состоянии. Не дай Бог опять во что-нибудь со всего размаху вляпаться.

Профессор демонстративно задрал высоко правую бровь. Именно это Машка и собиралась здесь и сейчас сделать. Но, похоже она сама этого не понимала.

— Тем более что в прошлый раз, до мятежа амазонок, мы с Изабеллой туда и собирались, но так и не попали, — флегматично продолжила меж тем Маша.

— Ну, а там заодно прокачусь и на стекольный, там рядом. Посмотрю как у Марк Иваныча идут дела. А то, что-то от него в последнее время вестей не было. Такое впечатление, что они все там повымерли. Раньше то хоть раз в неделю, то раз в две недели, но появлялись оттуда вестовые, а теперь уж которая неделя кончается, а от них ни слуху, ни духу. Не случилось ли там чего? Тем более и пленных туда отправили, проверить бы надо.

— Изабеллу с собой возьму, если она не будет против, — кивнула она в сторону так молча и просидевшей весь вечер в углу

баронессы. — Ей как раз хотелось посмотреть на наше художественное производство. А получится, так и заказать на заводе кое-что из столовых приборов.

— Ну, а потом будем считать, считать, считать. Надо ставить точку в этом вопросе.

— Может, нам действительно будет выгоднее пойти на объявление банка банкротом, — тихо и грустно закончила она.

Глава 6 Давно отложенная поездка…

Сталелитейный завод. *

Если бы только их компания не вкладывала кучу труда и денег в эту дорогу, ведущую к сталелитейному заводу, доводя дорожное полотно чуть ли не до идеального совершенства, неизвестно когда бы они и добрались в эту глушь. Хотя, зима, снег, заносы, конечно всё это серьёзно задержало их в пути. Приходилось местами буквально по пояс продираться сквозь сугробы, резко замедлив своё передвижение. Да ещё у Маши явно были проблемы с топографическим маразмом, коль выехали они опять не с самого раннего утра.

Как Изабелла её не торопила, а Маша всё равно опять задержалась на пару часов у себя в банке по каким-то своим сверх неотложным делам, непонятно с чего свято уверенная что они успеют засветло. Дурь несусветная, как будто для любого неотложного дела не нашлось бы какого другого времени.

Короче говоря, в дороге им пришлось заночевать в холодной, насквозь промороженной пустующей избе дорожного трактира, из тех что они строили на будущее вдоль всей трассы. Потому уже оттуда постарались выехать пораньше, ещё до рассвета. Но всё равно на сталелитейный завод они прибыли уже глубоко заполночь. Поэтому ни о каком посещении производства в тот же день, точнее ночью, не могло быть и речи.

Впрочем как и о том, чтоб на него вообще попасть.

Хорошо ещё, что их вообще пустили на заводскую территорию. Ночью. Да ещё с удобствами разместили в гостевом домике, а не оставили до утра пережидать с внешней стороны завода под стенами. На морозе.

И то только после того, как взбешённая Маша, успев охрипнуть за полчаса пустого переругивания с охраной, пообещала лично оборвать всем охранникам уши, если они сейчас же не разбудят какого-нибудь своего начальника. И если этого не будет сделано немедленно, она их всех тут же на месте покусает. А потом она кому-то из их начальства точно набьёт морду, а уж те потом обязательно их не забудут. И набьют морду уже им, козлам таким. Ну и далее всё в таком же роде: грубо, зримо и не выбирая сравнения с эпитетами.

Похоже, только эти угрозы, да гневные вопли ящеров, весьма недовольных перспективой провести холодную зимнюю ночь под открытым небом у подножия заводской стены, вынудили

равнодушно выслушивающую их вопли охрану наконец-то сжалиться и всё же послать за дежурным инженером.

Терпеливо прождав под забором ещё чуть ли не полчаса и так никого не дождавшись, Маша наконец-то не выдержала:

— Бараны чёртовы, немедленно позовите дежурного инженера! — опять завопила она сорванным уже голосом.

— Спит, велел не будить.

— Спит? — ахнула Маша. — Как так. Какой же он после этого дежурный?

Часовой, свесившись через край ограды, долго молча рассматривал сидящих перед ним в коляске молодух и наконец выдал незамысловатую фразу:

— А твое, баба, какое дело? Печь только сегодня вечером загрузили, да и то не до конца. Умаялся человек, вот и спит без задних ног. Которые сутки на ногах, не спим, спешим чугун варить, чего тебе не понятно. Мы тут все замотались вусмерть, еле ноги таскаем. Не хватало ещё незнакомцев на ночь глядя на завод пускать.

— Кто тут незнакомец, — Маша коротно, но замысловато выругалась. — Тогда зови недежурного.

— А недежурного тоже нет. Уехал к копалям на болота, принимать сырьё. Будет завтра.

— Я тебе уши оборву мерзавец, — зашипела окончательно выведенная из себя Маша. — Если немедленно не разбудишь этого бездельника.

— Немедленно сюда ко мне этого вашего дежурного! — уже окончательно не выдержав издевательств, заорала она под насмешливым взглядом баронессы. — Поднять эту сволочь с постели!

— Что, не слушаются? — тихо, только чтобы было слышно Маше, насмешливым тоном поинтересовалась Изабелла. — Я смотрю, здесь порядка побольше будет, чем на твоём любимом водочном заводе. Видимо, специфика такая, — насмешливо добавила она, глядя, как на стене пропал коптивший там факел, и охранник, негромко ругаясь, вяло побрёл куда-то в сторону. — Похоже, что тут нет винных паров, расслабляющих мозги у охраны, — тихо рассмеялась она.

Дальше всё решилось удивительно быстро. Едва только появившийся за частоколом ограды какой-то человек, оказавшийся тем самым пресловутым инженером, и он высунул за ограду голову, как мгновенно признал личность и Маши, и Изабеллы. Их обоих до того он часто встречал в городе, и ворота завода сразу же перед ними распахнулись, впустив внутрь усталый караван путешественников, торопливо, пока не выгнали,

въехавших на заводскую территорию.

Правда, попытка Маши покачать права и возмутиться непочтительным поведением охраны, и её требования немедленно наказать ленивого охранника, была инженером тут же вежливо, но довольно жёстко и безцеремонно пресечена, как безполезный для обсуждения предмет.

Тоном, не терпящим возражения, дежурный инженер проинформировал девушек, что охрана действовала в рамках полученных инструкций, не допускать на территорию завода после захода солнца никого. И если бы охрана поступила иначе, то уши бы охране оборвал уже он сам, лично.

— Госпожа банкирша, — окончательно разозлившись, заорал он, когда Маша, не вняв его доводам, попыталась, ещё что-то возразить. — Даже если бы вас и признала охрана, то приказать ей вас впустить на территорию завода могу только я и никто другой. Скажите спасибо, что вас вообще там на месте не пристрелили. Вы прекрасно осведомлены о том, чем мы здесь занимаемся. И визиты без предварительного оповещения у нас не приветствуются. И вы должны были об этом знать. Мало ли что мы тут делаем! Мало ли чем заняты. Сказано не пускать, — чуть ли не матом орал он на Машу. — Значит не пускать! И мне плевать что ты хозяйка! Порядок для всех один! Почему заранее не известила?

Не дождавшись ответа от ошарашенной такой резкой отповедью Маши, сердито проворчал:

— Поэтому, все разговоры и своё недовольство советую вам раз и навсегда прекратить. И заруби себе на носу. Пока мы не проверим что за вами не приплелось никакого чужого, так ни вас, ни кого другого на завод не пустим. Держали бы и дольше, пока бы не разобрались. Так что радуйтесь что так быстро проверили в ночи, нет ли кого лишнего за вами.

— Да я тебя, Васька, мерзавец, уволю….

— Да плевать! Напугала. Ха! — душераздирающе зевнув, равнодушно откликнулся инженер. Оторавшись, он мгновенно успокоился. — Хоть высплюсь нормально. Хоть один раз за последние полгода. Совсем задолбали уже со своей работой, времени поспать совсем не осталось. Да ещё шляетесь по ночам, спать не даёте. Да я тебя сам уволю! Нажалуюсь Сидору, он тебе быстро мозги вправит, чтоб не мешала работать.

Маша дикими, неверящими в происходящее глазами смотрела на обнаглевшего непонятно с чего сталевара. Но по всему виду того было отчётливо видно, что мужик смертельно устал и ему было уже на всё буквально наплевать. И если она будет нажимать, у того может и сорвать резьбу. Поневоле

приходилось сбавлять обороты.

Устало, душераздирающе зевнув, так что Маше показалось, у него вывернется челюсть, инженер повёл их в гостевой домик, устраивать на ночь, никак больше не реагируя ни на рассерженное шипение Маши, ни на недовольное бурчание ящеров.

Поэтому, следующим утром они обе встали, хоть и отдохнувшими, но будучи всё ещё довольно раздражёнными после вчерашней весьма негостеприимной встречи.

Однако утреннее солнышко и спокойный, глубокий сон в прекрасно обставленной, тёплой комнате на чистых, накрахмаленных простынях, быстро прогнали остатки вчерашнего дурного настроения.

Плотно позавтракав на удивление вкусными и ещё тёплыми пирожками, с самого рассвета их оживавшими на столе вместе с крынкой тёплого ещё парного молока, они обе, при сопровождении всё того же вчерашнего инженера, терпеливо всё утро ожидавшего их на крыльце, отправились знакомиться с производством.

А посмотреть тут действительно было на что, даже не смотря на то, что на участок с доменной печью их не пустили. Там как раз заканчивались последние загрузки каких-то непонятных присадок и мешать раздражённым, усталым и злым рабочим, не стоило.

Вообще всё вокруг было какое-то странное. И самое странное было то, что все, абсолютно все вокруг были какие-то вымотанные, еле таскающие от усталости ноги.

Но и помимо этих непоняток на заводе хватало всякого интересного. Ну если не считать, конечно, постоянных жалоб инженера на то, что ему совершенно не дают работать, завалив всяческим хламом по самые уши и загрузив непрофильными делами.

— Я вам что, Плюшкин? — жаловался он Маше, периодически бросая косые, недовольные взгляды на баронессу, — Понятно, что это всё вам надо. Но мне то оно зачем?

Я понимаю, что и медь, и сталь вам нужны. Но зачем же было везти всё это ко мне на завод? Что, не нашлось другого места для склада? Почему надо меня завалить всяческим хламом. У вас же есть какие-то там огромные склады под Берлогом. Там и продать можно. Туда и везите. Зачем же ко мне? У меня своё производство, мне здесь склады устраивать не с руки. У меня готовые отливки чугуна и так некуда сваливать, а тут это добро мешается. У меня внутренний двор не резиновый.

И медь, и олово, и бронза, и ещё какой-то цветной металл, которого даже названия никто не знает, и ещё какие-то редкости, типа вольфрама и цинка. Нахрена? — уныло жаловался он, ведя их куда-то в дальний угол двора, показать хлам, которым, по его словам, завалил его Сидор. — Куда мне всё это?

Вот полюбуйтесь, — ткнул он рукой во множество неаккуратных, засыпанных снегом больших куч какого-то разнообразного металла, хаотичными буграми возвышающихся на обширном, жутко захламлённым заднем дворе завода. — Даже разобрать толком не успеваем, рук не хватает. А от него всё везут и везут. Везут даже то, что мы сами могли бы здесь выплавлять. А последнее приобретение, так вообще, какие-то порошки в мешках привезли, тонн двадцать. И сказали, что ещё будет. Все крытые склады у меня забрали под этот порошок, класть некуда, а они говорят, что ещё привезут. А на улице это дерьмо оставлять нельзя, промокнет. Назвали эту дрянь каким-то флюсом и говорят, что штука очень ценная. А что именно это такое, толком не объяснили. Бумажку, говорят, с описанием потеряли.

Раззявы! — устало зевнув, выругался сталевар.

Теперь придётся ждать пока заново вместе с Сидором записи не восстановят, потому как сами проверить не можем, лаборатории нет. Ничего нет, — раздражённо махнул он рукой.

— Кто говорит то? — растерянно переспросила Маша, глядя на окружающее ничего не понимающими глазами.

— Да возчики его с егерями, наглые, — раздражённо отмахнулся от неё инженер и заново заворчал, как и не прерывали.

Да я и сам вам одних только названий разных флюсов с десяток назову. И какой из них мне привезли? А у меня ни лаборатории, чтобы это определить, ни оборудования для этого никакого нет. И людей свободных, ни человечка.

Сказали, чтобы разбирались с профессором. Ну и где тот ваш профессор? — гневно уставился на девушек инженер. — Чего вы его с собой не привезли этого старого бездельника?

Не дождавшись ответа от растерянно хлопающих глазами девиц, он в столь же экспрессивной манере продолжил, насмешливо ухмыльнувшись:

— Можно подумать, что без него никто не смог бы с ним разобраться, с этим вашим флюсом.

Если уж везёте всё ко мне, то извольте и оборудования для лаборатории мне поставить, чтобы я мог работать, а не собирал непонятно что по углам, как хомяк. Маша! — повернувшись к ней, он неожиданно жалобно посмотрел ей прямо в глаза. — Маша, я не хомяк! И мне запасы на зиму не нужны! Вообще, сколько

можно говорить о том, что если строишь завод, то надо его всем положенным оснащать, а не только одной единственной доменной печью.

Мне вообще то, расширяться уже пора. Мне сталь начинать варить надо. У меня руды — море, угля — горы. А я заперт в этих старых, душных стенах, — недовольно махнул он рукой на новенький деревянный тын из мощных дубовых брёвен, виднеющийся из-за ещё не успевшего потемнеть сруба большого точно такого же новенького, как и ограда, большого амбара.

Маша, мне нужна своя заводская лаборатория. Мне нужен свой цех огнеупорного кирпича. Да и от обычного я бы не отказался.

Маша, у меня горячее производство. Мне из дерева здания строить нельзя, пойми ты. Мне кирпич нужен.

Мне нужна маленькая такая печечка для варки редких марок стали. И желательно не одна. И сталепрокатный цех мне бы не помешал. Чем больше, тем лучше. И вообще, мне надо расширяться и расширяться. У меня планов громадьё и у меня всё для этого есть. И людей я найду, и места вокруг полно, и сырья навалом всякого разного. А если с расширением решим, то сырья и ещё больше будет. Уж ты мне поверь, — Василий со значительным, довольным видом, уверенно помахал перед Машей рукой.

Можно с другими добытчиками договориться о поставках сырья. Никто не против нам его продать. Только бери. Мало желающих сталь варить, все остальные норовят ею только торговать. Так что, только свисни и нас завалят рудой. Любой, на выбор. Хоть железной, хоть медной.

А чтобы с углежогами не возиться, я могу по поводу каменного угля даже с подгорными ящерами договориться. Да-да, — с насмешкой в глазах покивал он головой. — С теми самыми, с людоедами. Тут рядом, — инженер как-то непонятно дёрнул левым плечом, с таинственным видом кивая куда-то в сторону. — Они его рубят у себя в шахтах понемногу, и к нам сюда на продажу сами же втихомолку и таскают, чтоб городские не знали. А то, не дай Бог, прознают, пришибут наших поставщиков, чтоб дешёвой конкуренции не создавали.

А если мы будем у них там, на месте уголь и руду забирать…, - сразу как только зашла о том речь, Василий необычно воодушевился. Видно тема была для него животрепещущая, хорошо знакомая и требовала немедленного решения, — то они вообще нас углём и рудой завалят. По дешёвке, — значительно глянул на Машу инженер. — гораздо ниже той цены, что установилась на руду в городе.

Только бери. У них же, кроме как на своём горбе и таскать то не на чем. А у нас ушкуи, — пояснил он на сразу затуманившийся взгляд Маши, растерянно смотрящей на него. — Жрать то все хотят, а у них ничего кроме этого угля, да ещё всяческой руды и нет. Чуть ли не в ногах валялись, так слёзно просили купить хоть что-то.

Ну, я у них и купил…, - Василий замолчал, с таинственнм вдом глядя на Машу. — За хлебушек. Много, за сущие гроши, — с чувством нескрываемой внутренней гордости от удачно заключённой сделки проговорил он. — Вот, — кивнул он в сторону возящихся возле доменной печи людей, — сейчас загружаем. И руда, не чета нашей болотной будет, и уголёк каменный, получше того кокса, что Сидор зачем-то из Приморья мне приволок пять тонн, — недовольно поморщился он, покачав осуждающе головой.

Всё у нас есть, Маша. Одного только не хватает, — раздражённо заметил он. — Мозгов у вас там в вашем городе не хватает. А у меня даже химики свои есть, пара человек. Зачем мне ваш профессор. У него что, своих дел не хватает? Или заняться нечем? Или у него в сутках сорок восемь часов?

Где обещанная Сидором лаборатория? Где? — возмущённо уставился он на неё.

Уже сколько времени этот хлам валяется у меня на заднем дворе, а я даже не представляю толком, что же это такое. А вдруг что ценное?

Маша, когда у меня будет своя лаборатория? Ну не может Сидор сейчас поставить мне её из Приморья. Я всё понимаю, нет их там. Но есть же у нас свой стекольный завод. Есть же Трошинская кузня. Что, нельзя было у ребят заказать для меня оборудование, ну хотя бы тоже лабораторное стекло? Или они что, не могут сделать простейший микроскоп? Чем они там вообще у вас занимаются? Прислали намедни сотню бензиновых ламп. Ну и что? Нахрена они мне? Лучше бы гидротурбину для выработки электроэнергии соорудили! Маленькую, на пару десятков киловатт. Я бы его на плотине у себя поставил вместо мельничного колеса и свет бы себе провёл.

Или паровой молот бы сварганили. Что, мозгов нет? Единственное на что мозгов им хватило, так это на землечерпалку. Да и та я слыхал недавно сгорела, — безнадёжно, как на что-то пустое махнул инженер на девчонок рукой.

А лампы эти: керосиновые, бензиновые, свечи, лучины задолбали уже! Света! Света нормального хочу. Лектричества!

Инженер, остановившись посреди двора, сердито посмотрел на двух совсем зашуганных им девиц, растерянно глядящих на

него и совершенно не знающих, как и реагировать на неожиданный напор.

— Меня отсутствие электричества вот как задолбало уже. — пожаловался он, постучав ребром ладони по горлу. — Живём, как в каменном веке, хотя давно могли бы и свет провести.

Ну ладно раньше меди на провода не было. Так теперь же пол склада медными чушками забито. Накатать из них проволоки, любой дурак может. Генератор соорудить, как два пальца…., - покосился он на молчаливых собеседниц.

А! — безнадёжно махнул он на них рукой, — что с вами говорить. Это надо с Сидором разбираться. Или с Димоном, на худой конец. Те бы давно дело решили так, что здесь бы уже два нужных мне завода стояло. А с бабами только о шпильках, да тряпках и говорить можно.

Когда Сидор будет обратно? — покосился он на них. — Куда его чёрт понёс? Что у вас там в городе вообще происходит, в конце-то концов?

Осторожно переждав атаку явно истосковавшегося по общению инженера, Маша постаралась осторожно вклиниться в словесный поток, извергаемый видимо истосковавшемся по общению инженером.

— А что это ты там обмолвился, что у тебя каменного угля полно? Я что-то так и не поняла. Зачем тебе каменный уголь, когда у тебя древесного полно? Вон, — Маша с независимым видом кивнула куда-то за ограду завода, — вокруг леса навалом, жги, не хочу. Дармовщина! Зачем тебе ещё какие-то ящеры, тем более людоеды.

— Э-э, — протянул инженер, со снисходительным видом посмотрев на Машу. — Я вижу, ты в нашем деле совсем ничего не понимаешь. Да разве можно сравнить хороший каменный уголь и какой-то древесный? И потом, для разного химического процесса нужен разный уголь.

Прервавшись на миг, он вопросительно уставился на заинтересованно глядящую на него Машу. Увидев самый искренний интерес в глазах стоящих перед ним девиц, он неожиданно воодушевился и разразился длиннейшей лекцией о разнице в использовании разных углей в сталеплавильной и иной промышленностях.

Где-то через полтора часа, заметив, что стоящие перед ним девицы совсем скисли и смотрят на него осоловелыми, слипающимися глазами, он наконец-то сжалился над ними и постарался побыстрей закруглиться.

— Ладно! Надеюсь, теперь у вас есть хоть малое представление о разнице между антрацитом и древесным углём.

Вот я и возмущаюсь, — тут же начал он снова жаловаться, как только произнёс магическое слово антрацит. — Зачем он мне привёз пять, — запнулся сталевар. — А может и шесть тонн плохонького бурого угля, — неуверенно продолжил он, наморщив лоб и мучительно вспоминая сколько же у него всё-таки на самом деле угля.

А! — махнул он рукой. Зачем нам чужой, из-за гор, когда у нас здесь на озёрах можно взять гораздо лучший и намного дешевле? У меня что, здесь своего антрацита нет, что ли? Я же говорил, ящеры натаскают, сколько надо, высшего качества. Только хлебом плати. А хлеб есть, ещё с осени запасли в амбарах.

Если ты, Маш, помнишь, хотели с Приморьем торговать, да я придержал, для расплат с подгорными. Теперь у нас и руды и угля — море, — расплылся он в счастливой, радостной ухмылке.

Лучше бы он сотню бочек нефти привёз, чем того угля. Мы б её быстренько перегнали и сняли бы проблему. А то у нас скоро и бензин, и керосин для освещения кончатся, — совершенно нелогично и неожиданно переключился он.

Мгновенно воспользовавшись образовавшейся паузой, Маша попыталась вернуть инженера в конструктивное русло разговора и хоть что-то выяснить для себя полезное.

— Да откуда? — недоумённо повернулась она к нему, невинно хлопая глазами. — Откуда здесь каменный уголь, откуда ящеры? Что ты меня путаешь. Ведь не было же ничего?

— Э-э! — загадочно ухмыляясь, протянул инженер. — Оттуда!

Надувшись, как индюк, он с загадочно гордым видом прошёлся гоголем перед стоящими перед ним девицами и гордо подбоченясь, выдал:

— На мешок картошки сменял!

Окинув покровительственным взглядом стоящих перед ним потрясённых его талантами девиц, он с гордым видом победителя многозначительно заметил.

— А! Каково! Где вы тонну высококачественного каменного угля сменяете за мешок картошки? Нигде!

— А я могу! Хоть сто тонн, хоть двести. Только картошку давай! Но лучше, конечно, зерна.

— Тонну за мешок? — ахнула потрясённая Маня, с преувеличенным восторгом глядя на стоящего перед ней с гордым видом инженера.

— Ну, Маш, — мгновенно смутился инженер, с виноватым видом сразу потянувшись своей пятернёй в буйную шевелюру на затылке. — Ну, ты ваще, прям всё дословно понимаешь. Никто не будет продавать тонну угля за мешок картошки. Даже голодные ящеры, — тихо рассмеялся он, со смущённым видом снова

почесав своей здоровенной пятернёй буйную шевелюру на затылке. — Но что дешевле нашего древесного выходит, это точно. Зря, что ли Сидор чуть ли не с ножом у горла, буквально заставил меня составить описание пути, по которому они к нам сюда добираются.

— Что ещё за пути? — вопросительно посмотрела на него Маша. — С каких это пор, Вась, ты занимаешься описанием какого-то пути? У тебя что, на заводе дел нет?

— Как это с каких?

Заводской инженер от неожиданности даже споткнулся, зацепившись за какой-то неудачно торчащий из небрежно сложенного штабеля пруток.

— Ты чё Маш? — недоумённо воззрился он на неё. — Как с дуба рухнула. Да с того самого дня, как к нам сюда на завод подгорные ящеры заявились с предложением купить у них каменный уголь и ещё кое-какую руду. Было это, дай бог памяти…, - на пару секунд задумался он, снова запуская свою пятерню в шевелюру. — Да! — кивнул он головой, что-то вспомнив. — Чуть ли не с полгода назад! Как раз когда у вас там на озёрах закончились проблемы с амазонками и они принялись регулярно поставлять нам на завод руду с Рудного озера. Практически сразу после того к нам у берега и пристала лодка подгорных с парой корзин каменного угля.

Вот меня Сидор тогда и послал по следу ящеров. Как бы для установления новых торговых контактов, а на самом деле чтобы я и путь к углю разведал, да и вообще посмотрел, что там и как. А по пути кроки набросал и составил карту маршрута.

Я и составил. И всё, что надо высмотрел. И что брать у них можно, и с кем стоит вести дела, а кого послать подальше или на ножи поставить. Всё высмотрел и обо всём с ними договорился. Правда, на обратном пути от людоедов еле ноги унесли и едва живыми выбрались, но это так, уже ерунда.

Вот они у меня где все будут!

Василий, с горящими от возбуждения глазами, сжал свой немаленький кулачище в здоровенный кулак и с гордым, самодовольным видом потряс им перед самым носом начавшей понемногу раздражаться Маши. Остановившись возле какого-то штабеля с железом, он принялся яростно отряхивать испачканные в ржавчине брюки, глухо ругаясь на тесноту и неудобства.

— А тебе разве Сидор ничего не говорил? — наконец отряхнувшись, недоумённо посмотрел он на неё. — Вообще-то должен был. Он ещё тогда у меня дома чуть ли не до потолка прыгал, изображал непристойные движения и кричал, что мы теперь всех поимеем. И не только чугуном, но и сталью завалим,

чуть ли не весь город. Да не простой сталью, как сейчас, а самой лучшей, какую только можно придумать. Даже слово вумное вспомнил, неуч — легированной, — покровительственно усмехнулся сталевар.

Туда действительно очень удобная дорога, — Василий кивнул куда-то в сторону гор. — Практически весь путь можно пройти на баржах по озёрам или, на крайняк, по высокому, ровному правому берегу. Правда, там кое-где мелковато, ну, плюс ещё пара, тройка волоков по пути попадётся. Но только это ерунда. Там, если постараться то и канал прорыть можно, и углубить русло кое-где, чтоб ничего не волочить на горбу. Одним словом, доставка — сущие копейки. А руду там добывают подгорные ящеры из разбитых на равнине кланов. Те, кого в горы оттеснили в бесплодные земли. Нищета там, Мань, страшная. И они вообще готовы работать чуть ли не задаром, лишь бы только хлебом расплачивались. Они там от голода постепенно загибаются, чуть ли не друг друга жрут. Вот мы их и подкармливаем понемногу, — хищно ухмыльнувшись, пояснил он. — Себе на голову, — тут же недовольно буркнул он.

Слушай! — неожиданно в полный голос заорал Василий. — Да ты точно должна про это слыхать. Сидор же мне говорил, что ты выделишь денег на строительство "Великого Озёрного Пути". Вот так, — усмехнулся он с победоносным видом. — Прямо так и назвал "Великий Озёрный Путь в тысячу вёрст". Прям как у китайцев! Он что, так вам обеим ничего и не сказал? — вопросительно подняв бровь, недоумённо посмотрел на них инженер.

Постояв с недоумённым видом перед Машей, он перевёл взгляд на стоящую рядом с ней с независимым видом баронессу. Окинув взглядом фигурку баронессы, он как-то разом поскучнел, бросил на неё ещё один неприязненный взгляд и угрюмо заметил:

— Понятно! А я то всё думал, куда это они с Димоном пропали, что ни слуху, ни духу. А потом до меня слухи доходят, что они оба куда-то в Приморье смотались. Всё бросили и смотались. Теперь мне всё понятно, — буркнул он, отворачиваясь.

Маша пристально смотрела на инженера, как будто чего-то от него ожидала, и не получив, заставила того совершенно смутиться.

— Ты знаешь, Вася, — Маша с задумчивым видом тронула его за рукав рабочей куртки. — Всё, что ты рассказываешь — просто безумно интересно. И домна твоя — просто чудо. Но тут такое дело….

Следующие несколько минут Маша, глядя инженеру прямо в глаза, тщательно подбирая слова и осторожно расставляя

акценты, вывалила на него всю подноготную, все перипетии своих личных взаимоотношений с местными властями. И особенно с двумя их не самыми последними представителями: Городским Головой и Старостой.

Молча выслушав её несколько сумбурный, и, как она не старалась сдерживаться, всё-таки довольно эмоциональный рассказ, Василий ещё несколько минут молчал, переваривая свалившееся неожиданно на него откровение. Поигрывая желваками на скулах, он мрачно посмотрел на стоящих перед ним женщин и, наконец-то прервав молчание, угрюмо заметил:

— Ну, ничего нового. Тут ты меня не удивила. От этой парочки чего подобного всегда ожидать следовало. Странно другое, почему они именно этот момент выбрали, посреди зимы. Я бы на их месте до весны подождал. Тогда бы нас можно было бы крепче прижать. Грязь, распутица, торговли никакой, денег для расчёта за поставки взять неоткуда. Бери за горло, что называется голыми руками.

Непонятно, — медленно качнул он головой. — Чего они так спешат? Словно их гонит кто-то.

Ну а то, что решили с ними обоими наконец-то расстаться, так это правильно. Все, кто когда-то имел с ними дело, все в конечном итоге приходили к выводу, что надо от этой парочки местных акул держаться подальше. Поэтому, твоё решение избавиться от таких компаньонов я только приветствую. Это правильно!

По поводу же их требований вот что я тебе скажу. Надо — делай. Мы тебя в таком благородном деле поддержим.

Но! Первое. Никаких общих слов. Только цифры и сроки. А то они великие спецы трактовки условий договора в свою пользу.

Второе. По поводу объёмов. Вот об этом можешь не беспокоиться совершенно. Даже на одной нашей первой печечке мы бы легко справились с его будущим заказом. Но опять же, повторюсь — сроки. Никаких пяти, семи, десяти или еще, сколько то там лет. Год, максимум — два! Поверь мне, затягивать на больший срок какие-либо отношения с этими двумя живодёрами — себе дороже. Привыкнут, укоренятся, потом с собственной шеи не сгонишь.

Поэтому, Маш, я, так и быть, сделаю тебе подарок. Вторую печь.

Но не через год, — весело расхохотался он, видя, как у той вытянулось от разочарования лицо. — А прямо сейчас. Немедленно!

Ты, наверное, думала, что стройка заморожена! — весело скалился он, таща девиц за собой к какой-то виднеющейся чуть в

отдалении высокой постройке, густо облепленной строительными лесами и с несколькими рабочими, вяло копающимися возле неё.

Она давно готова! — продолжал чуть ли не благим матом орать инженер, как будто его было плохо слышно. — Осталось только раскочегарить и вперёд!

И-и-эх! — весело оскалился он, вытаскивая девиц из тёмного прохода между какими-то строениями на большую, светлую площадь перед чем-то, укрытым за строительными лесами. — Хотели мы с ребятами вам сюрприз сделать, да видать, ждать больше не ко времени.

Это всё Сидор, — пустился он в объяснения, останавливаясь перед высящейся перед ними большой, буквально огромной домной, раза в два большей чем предыдущая. — В бытность своего последнего посещения завода, когда в Приморье свалиаал, дал отмашку, чтоб мы немедленно её готовили. Вот мы её как раз на днях и запустим. Так что вы вовремя…

Инженер с довольным, весёлым выражением яростно потёр руки.

— Ну а когда Сидор сам здесь появится, у меня для него ещё один сюрприз приготовлен будет, — с довольным выражением на лице, радостно заявил он. — Ещё парочка приличных мест тут рядом под ещё другие печки присмотрена. Так что можно хоть прямо сейчас к работам приступать. Пока котлован выроем, пока фундамент зальём, Сидор к тому времени и вернётся.

— Это что столько руды ящеры натащат? — совершенно растерявшись от подобного напора, растерянно поинтересовалась Маша. — Так много?

— Золотце! Да я же тебе ещё в самом начале нашей несравненной экскурсии сказал, — Василий от Машиной непонятливости даже растерялся на какое-то время. — Ящеры, я-ще-ры! За хлеб!

— Сейчас, правда пока зима, с доставкой руды возникла проблема. На санях, даже если захочешь много не натаскаешь. Но вот летом, по воде, — ухмыльнулся он. — Я тебе не то что на год, на десять лет вперёд руды заготовлю. И не только на одну, а на десять домен.

Так что смело соглашайся на расчёты с Головой чугуном. Только готовым чугуном, а не переработкой их сырья. Шли б они нахрен со своей рудой, обязательно гадость какую-нибудь подсунут. А сами, своими силами мы и за один год с ними разочтёмся.

Но для подстраховки, ставь в договор полтора, а лучше все два года. Чтоб нам спокойнее было. А то мало ли что. Град, мор, золотуха, — весело ухмыльнувшись, оскалился Василий. — Лень!

Пройдя между каких-то новеньких, пахнущих ещё свежей древесиной амбаров, запертыми на огромные, навесные замки, они неожиданно оказались возле больших, распахнутых настежь заводских ворот, за которыми увидели покрытую строительными лесами большую доменную печь.

Вы на леса то внимания не обращайте, — тут же он успокоил Машу, по вытянувшемуся лицу которой открыто читалось откровенное разочарование. — Это всё одна только видимость. Это чтобы лишнего внимания случайных людей не привлекать, — пояснил он. — А то шляются тут, разные, — сердито проворчал он. — Ходють, смотрють…

А так она полностью готова к загрузке. Ну а пока будем загружать, то и леса можно будет спокойно убрать.

А то и оставить, — ухмыльнулся он. — Для маскировки!

А! — гордо подбоченясь ткнул он рукой в высящуюся перед ними печь. — Чудо!

Осталось ещё парочку рельс под вагонетки положить кое-где, прибрать чуток, и хоть завтра устраивай торжественный запуск.

Ну ладно! — неожиданно переключился он, подняв голову и посмотрев на висящее прямо над головой низкое зимнее солнце. — Полдень. Вы уже наверное проголодались? Тогда пошли, покормлю, чем Бог послал, — усмехнулся он. — А то Сидор вернется, и вы ему пожалуетесь, что я вас голодом морил и всячески обижал. Так он, поди, еще и обидится.

А потом я вам дорогу укажу. Новую. На стекольный завод.

Мы тут новую трассу прорубили. Напрямки, — пояснил он Маше, поворачиваясь к ней и весело подмигивая. — Намно-о-го более короткая и прямая, чем старая.

Ещё конечно не штрассе, как от нас до города, но уже ничего, вполне-вполне. По крайней мере зимой проезжая, — расхохотался он. — Так что к ночи будете у Марка. Да я его, пожалуй, голубем предупрежу, а то не дай бог вы у нас задержитесь. Тогда по темну ехать придётся. А ночью тут волки встречаются.

Так что, пошли обедать. А то в столовке нам может супу не хватить, работяги всё выкушают.

Расплывшись в довольной улыбке чуть ли не до ушей, он радостно захлопал себя руками по бёдрам, заодно выколачивая из рабочей одежды неизвестно откуда набившуюся в неё пыль.

Супу, конечно, хватило на всех. Да и к супу на столе, тоже оказалось немало всякого деликатеса. Да и вообще…

Оказывается их в рабочей столовке давно уже все с нетерпением ждали, подготовив большой, празднично накрытый, ломящийся от обильных напитков и закусок стол. И конечно, засидевшись за ним, они, конечно же, задержались с выездом.

Васька всё же не утерпел и показал им печь, в которой они прошлым летом плавили Пашино серебро и где местный серебряных дел умелец Деменьтий Скворцов организовал пробную чеканку местной серебряной монеты. Конечно, к настоящему моменту из-за отсутствия серебряной руды на заводе никаких работ там больше не проводилось, но печь готовая стояла и все пресс формы в любой момент можно было использовать при чеканке монет. Дело было за малым. Пока не вернулся Паша, все работы по добыче и доставке в город серебра или руды они временно свернули, хоть и вызвали тем нешуточное раздражение городских властей. Но из-за отсутствия основных владельцев, ссориться с Пашей и им не хотелось. Да и без того серебра хватало хлопот. Порой было даже непонятно за что хвататься в первую очередь.

Как Маша и ожидала, наибольшее потрясение на Изабеллу произвела именно эта, небольшая плавильная печь, стоящая в дальнем, неприметном углу завода за вторым, внутренним забором.

Именно после посещения цеха серебряного литья, баронесса стала вдруг какая-то задумчивая, и пребывала в такой прострации практически всё время пока они добирались до стекольного завода.

Судорожно сжимая в руке подаренный на прощанье инженером маленький брусочек серебра с его личным клеймом и меткой завода, она чуть ли не всю дорогу на стекольный бездумно смотрела на проплывающие рядом величественные стволы деревьев, скользя по ним вялым, рассеянным взглядом.

Равнодушно глядя на ещё не убранные и сложенные вдоль дороги штабеля аккуратно распиленного, рассортированного и готового к вывозу леса, оставшегося на месте после расчистки трассы, она неожиданно обратила на них внимание Маши:

— А что это за штабеля брёвен вдоль всей дороги сложены? — неожиданно очнувшись от своих дум, поинтересовалась она у Маши. — Сколько уже едем, а они буквально через каждые полверсты вдоль всей дороги лежат?

— Ах, это, — рассеянно махнула рукой Маша. — Можешь даже не спрашивать. Наверняка воплощённая Пашина мечта и очередная бредовая идея Сидора, поддержанная Димоном и остальными нашими мужиками. Хотят лодьи себе речные построить. Вот строевой лес везде где только можно и заготавливают. Видать, когда ребята с завода пробивали новую трассу на стекольный, отобрали самое лучшее, что попалось, а теперь постепенно будут вывозить и складировать на длительное хранение где-нибудь у нас в Южном заливе. Чтобы через пару лет

можно было построить себе лодьи уже не из сырого леса, как прошлой зимой, а из нормального, выдержанного. Что-то в бревне будет храниться, а что-то пойдёт и сразу на лесопилку. Ту же доску лучше хранить в распиленном виде, быстрей сохнет. Да и мало ли на какие нужды сухая доска требуется, — рассеянно глядя на штабеля брёвен, заметила Маша.

— Кстати, хорошо что обратила моё внимание. А то я про лес как-то за всеми нашими проблемами и забыла. А это нехорошо. Вернётся Сидор, будет ругаться что вместо сгоревшего в заливе не заложили на хранение новый Нижний склад.

— Слава Богу с транспортом у нас сейчас проблем нет благодаря той эпопее с лошадьми. Так что будем теперь потихоньку вывозить и распиливать по мере надобности.

— Да-а, — задумчиво протянула баронесса. — А я то до сих пор даже не представляла размах вашей деятельности. Думала, что господин Сидор простой торговец. А, глядя на этот кусочек металла, — с задумчивым видом повертела она серебро в своих пальцах, — неожиданно приходишь к выводу, что всё совсем даже наоборот, совсем всё не просто.

— Ну, как ни неприятно это говорить, но ты не далека от истины, — тяжело вздохнула Маша. — Делов хватает. Аж волосы дыбом порой стоят. Не знаешь за какое дело сразу и хвататься, чтоб всё не развалилось, — недовольно проворчала она.

Так и продолжая вертеть в пальцах маленький кусочек серебра, Изабелла с задумчивым видом смотрела на рассеянно глядящую по сторонам Машу, никак внешне не проявив своего отношения к её словам.

О чём-то глубоко задумавшаяся Маша ещё долгое время не тревожила Изабеллу, но потом, видимо в своих мыслях так и не придя ни к какому решению, решительно повернулась к ней:

— Я вот о другом всё время думаю, — медленно, с трудом подбирая слова, начала она разговор. — Прям, все мозги себе иссушила.

— Где Сидор взял на всё это богатство денег? — снова тяжело вздохнув, спросила она Изабеллу, как будто та могла ей что-либо сказать. — Ведь у него и было то с собой всего пара сотен золотом. Так, — покрутила она пальчиками возле виска, — на мелкие расходы, на постоялый двор, на то, на сё. Но никак не на такой дорогой металл, да ещё так много, — задумчиво пробормотала она. — Не понимаю.

Даже, если он продал всё, что с собой взял…, - задумчиво продолжила она чуть погодя. — Даже с учётом этого, у него не должно быть столько средств, чтобы купить всё что мы видели на заднем дворе завода. Не понимаю, откуда у него столько денег?

Единственное объяснение, что он расплачивался за покупки не деньгами, а расписками? Что совсем уж невероятно…, - задумчиво глядя в пространство перед собой, продолжила она. — Кто ж ему на слово поверит?

Он дворянин, барон, — сухо отозвалась Изабелла. — Там, — выделила она интонацией это слово, — ему поверят и на слово. Повторяю. Он дворянин и он барон. Дворянину и барону поверят на слово.

Тогда нам труба, — уныло отозвалась Маша. — Полный звиздец, проще говоря!

Если за этот металл к нам придут счета, то мы уже никаким металлом ни с кем не расплатимся.

Чем он интересно там думал, когда хапал всё подряд. Столько разного хлама! — в раздражении Маша хлопнула ладонью себя по коленке.

— Медь и бронза не хлам, — живо возразила ей Изабелла. — Это очень дорогие и ликвидные материалы. Я, конечно, не знаю, чем он там расплачивался за них, какие расписки давал, вам это виднее. Но если продать всё то, что мы там видели, то денег с этого хватит на любые ваши нужды. Да ещё и станется, — раздражённо уточнила она. Глупость Маши, не понимающей, или, что точнее, не желающей понимать каким богатством они владеют, вызывала сильнейшее раздражение.

— Вот именно, вот именно, — задумчиво хмыкнула Маша, не обратив на её вспышку внимания. — Это если продать. Только вот кто ж его купит, по нормальной то цене? Как только узнают, что у нас нет ничего, кроме этого металла и долгов за него, так сразу же стая воронья налетит и заберут всё за безценок.

Ну, Сидор! — неожиданно разозлясь, Маша потрясла в гневе кулачком, грозя небу. — Только появись, мерзавец, я тебе все уши пообрываю! Разорил, как есть разорил!

Поэтому, придётся молчать об этом металле, пока будет возможно. А вот потом, — хищно прищурилась она. — Потом мы за всё отыграемся.

Надо будет инженера предупредить, — задумчиво пробормотала она себе под нос.

Эх, Васька, — тяжело и безнадёжно вздохнула Маша. — Опять он со своей лабораторией пролетел, — пояснила она на недоумевающий взгляд баронессы. — А он, кретин ещё пристаёт с каким-то дурацким расширением, как будто у нас нет более важных дел. Лабораторию ему, видите ли подавай. Расширяться он хочет! Обойдётся!

А тут ещё и профессор со своими бреднями, — раздражённо посмотрела она на Изабеллу, как будто это она была в чём-то

виновата. — Этому тоже хочется расширяться. Мало ему уже двух лабораторий. Третью подавай.

Мерзавцы! — с безнадёжной тоской в голосе протянула она. — Одни мерзавцы кругом! Разорители!

Стекольный завод. *

Хоть и было между заводами расстояние невелико, но, как нарочно, и на стекольный завод они выехали довольно поздно, когда солнце уже перевалило за полдень, так что и на место они добрались уже глубоко за полночь. Правда, наученные уже суровой встречей у сталеваров, сюда они загодя послали весть о своём приезде. Поэтому ещё на подъезде к стенам заводской ограды они издалека заметили в воротах невысокого, напоминающего небольшой бочонок, одиноко стоящего управляющего, держащего в руке ярко горящую бензиновую лампу.

Однако, никого, кроме самого управляющего в широко распахнутых воротах не было. Подивившись столь вопиющей беспечности, на грани с безответственностью, Маша с баронессой для собственного спокойствия предпочли принять это за плод собственной усталости, не позволившей им в ночи заметить охранников.

Не успели они въехать в ворота, как тут же молча стоящий до того управляющий мигом засуетился и бросился сам закрывать ворота.

И буквально через полчаса, они уже спали на чистых льняных простынях в Малом гостевом домике, отдыхая после неожиданно затянувшейся поездки.

Название Малый гостевой дом навевало мысли что был ещё и Большой гостевой дом, но утомлённым путешественницам было уже не до тонкостей, зверски хотелось спать. А все непонятки отложили на утро. Да странности с охраной они постарались выкинуть из головы. В конце концов охрана их была спокойна, значит нечего и им было беспокоиться.

На следующее утро в гостиной гостевого домика возле жарко натопленной печи их уже с самого раннего утра дожидался завтрак и управляющий.

В отличие от холодного, если не сказать прямо — грубого приёма у сталеваров, здесь их ждала ласковая и тёплая встреча местного управляющего.

— Марк Иванович Дуб, здешний управляющий, — представила Изабелле Маша радостно суетящегося на кухне и в

гостиной низенького, круглого толстячка.

Сидя за столом, накрытым скудным холостяцким завтраком, они не спеша, пили горячий, круто заваренный местный мятный чай и лениво шелушили сваренные вкрутую яйца, флегматично наблюдая за стеклом высокого, широкого окна пустынный внутренний заводской двор. Только что из печи, белый пшеничный каравай хлеба распространял по всему дому душистый аромат свежеиспеченной сдобы. Посреди стола, в глубокой глиняной плошке с холодной, ключевой водой плавал большой кусок белого сливочного масла. Было здорово.

Казалось, что вокруг всё абсолютно вымерло, настолько за окном было тихо, безмолвно и умиротворённо. Даже сонная фигура одинокого сторожа, прикорнувшего в полусидящем положении на низенькой, узкой скамеечке возле опять распахнутых настежь въездных ворот, вызывала чувство какого-то спокойствия и безмятежности.

— Странно.

Глядя на пару каких-то ленивых кобелей, вяло копающихся зачем-то в сугробе у ворот, Маша отставила в сторону недопитый чай, только что налитый ей управляющим в тонкостенный стакан в изящном стеклянном подстаканнике и, недоумённо пожав плечами, ноготком расчистила кусочек заиндевевшего окна.

— Вообще-то здесь должно быть не менее пары десятков охраны. А тут один какой-то то ли пьяный, то ли полудохлый тип с костылями спит себе сидя возле ворот, на морозе, как будто так и надо.

Снова обозрев пустынный в этот ранний утренний час заводской двор с парой серых кобелей у ворот, она снова недоумённо пожала плечами и тихо, недоумевающе переспросила, повернувшись к управляющему

— Ну и где они?

— Кто?

Управляющий, следом за Машей встревожено посмотрел в широкое окно. Глянув на кобелей у ворот и правильно оценив озабоченный взгляд Маши, устремлённый на пустынные ворота и сонного сторожа, одиноко сидящего на скамейке, беспечно отмахнулся рукой.

— Ах, это!

— Это всё ерунда! У нас здесь тихо. Не шалят.

— Что? — удивлённо подняла правую бровь Белла. С таким пофигизмом и безалаберностью она встречалась впервые в жизни. И где? На границе!

— Даже если ящеры когда и появляются, то вежливо стоят в воротах и ждут когда их заметят. А сами ни-ни, никуда не лезут.

И чего на них наговаривают? — недоумённо пожал управляющий плечами, бросив на Машу рассеянно недоумевающий взгляд.

У Маши с лица медленно сползла растерянная, ничего не понимающая улыбка. Даже она такого разгильдяйства не ожидала. И от кого? От Марка! Который всем был известен как самый большой трус и перестраховщик, десятой стороной обходящий любые неприятности. И такое отношение к ящерам? Невероятно!

— Раньше, конечно бывало, надоедали, — флегматично продолжал меж тем Марк, не замечая произведённого им на двух женщин буквально убойного впечатления. — Под окнами чуть ли не целыми днями, как саранча толклись, мешали, работу выпрашивали. А теперь ничего, не надоедают. У меня под Москвой, на даче, и то было беспокойнее от пришлых работяг, чем нынче здесь на заводе.

Очень! Очень работящие, тихие и понятливые работники, — с довольным видом пояснил он.

А может это их и наш новый сторож так запугал? Тоже может быть, — задумчиво добавил он. — С тех пор, как он у нас на заводе появился, ближе чем на десять метров ящеры к воротам даже не подходят. Боятся что стрельнет.

С этого вражины станется, — мрачно зыркнул он в сторону ворот. — Это же чистый волчара! Раньше-то, до того как сходил с Сидором за перевал, вроде нормальным парнем был, тихий, вежливый. Здоровался всегда первым. А теперь волк, чистый волк. Его у нас все боятся.

Чувствовалось, что управляющий оседлал любимую тему, настолько он горячо и увлечённо начал обсуждать своего нового работника. Видно было, что нового сторожа боялся больше всех сам управляющий. И это было странно. Управляющий целого завода, пусть небольшого, но у которого в подчинении не один десяток людей и та же охрана. И он боялся какого-то сторожа, которого сам мог в любой момент уволить.

— Представляете. Едва только на ноги после ранения встал, как первым же делом жестоко избил совершенно ни в чём невинного парня из охраны. Чуть ли не до смерти забил своим костылём, еле оттащили.

И за что? За сущую мелочь. Ну, подумаешь, парень на посту уснул. Ну, с кем не бывает. Так ведь понять можно. Устал после ночного дежурства. А у нас здесь спокойно. Я же говорю, что мы тут все по две смены работаем, — мрачно пожаловался он. — Парень был после смены, да ещё после обеда, да на солнышке пригрелся, с кем не бывает. Да и вообще, тихо тут у нас, — повторил он.

Так этот гад что сотворил. На своих костылях не мог подняться на верх караульной вышки. Пол дня просидел возле неё. Молча! Как волк в засаде. Ждал, пока тот проснётся и сам спустится. Дождался когда его оттуда разводящий выгонит и подождав пока тот спустится, так жестоко избил бедного парня, что мы все были просто в шоке.

Волк, чистый волк.

И попробуй только тронуть, — мрачно пробормотал управляющий. — У Васьки с железного завода два десятка точно таких же волчар Сидор оставил. Всех здоровых парней у него из охраны забрал, на какую-то свою непонятную замену, а своих раненых и калек ему для охраны подсунул.

Злые, как шершни. Всех цепляют. Порядки свои завели, волчьи. Режимная территория, ни войти, ни выйти. Блин, — тихо выругался он. — Надо было мне с Земли бежать, чтобы с этим здесь снова сталкиваться.

Посторонний человек не то, что на территорию нынче не попадёт. Они его чуть ли не за пару вёрст в специальных лагерях, за забором держат, пока не проверят. Карантин, мол.

Теперь, как приедешь к ним, так и ходят, так и ходят за тобой. Как привязанные! — сердито хлопнул он ладонью себя по колену. — И так и смотрят, так и смотрят. Куда пошёл, с кем пошёл, зачем пошёл. Даже сколько времени в сортире просидел. Проверяют что привёз, что вывез. Всё под роспись. Совсем житья от них не стало, — снова устало и как-то обречённо заметил Марк.

Изабелла, встав со своего места, подошла к окну и, со скрытым любопытством стала смотреть на одиноко сидящего возле ворот сторожа.

— Мне кажется, или вы его боитесь? — повернулась она к управляющему.

Она с искренним недоумением смотрела на красного от смущения управляющего, от стыда, не знающего куда деть свои нервно подрагивающие руки.

— Стыдно признаться, дорогая госпожа Изабелла, но это действительно так. Я его боюсь, — тихо прошептал управляющий, с унылым видом согласно кивнув головой. — Это же не человек — зверь! Истый зверь! Ему даже наш начальник охраны, десятник, подчиняется. Простому егерю! И только потому, что тот, видите ли, ветеран. Но! — недоумённо пожал он плечами. — Это приказ! Приказ самого Сидора!

А что будет когда он и у меня, как у Васьки всех здоровых мужиков из охраны заберёт, а вместо них подсунет мне своих раненых калек на излечение. Что если он и у меня рабочих с

собой в Приморье сманит? Даже на время? Кто тогда будет у меня в цехах работать? Можно подумать, у меня здесь какой-то санаторий, а не завод. Как я тогда план выполнять буду? Кем я тогда их в цехах заменю?

Вот и приходится торопиться, да на разные тяжёлые работы нанимать приходящих подгорных ящеров, — несколько нелогично свернул он на другую больную тему. — Благо, что они тут тихие и понятливые.

Не то, что некоторые, — глянув в окно, он бросил в сторону сидящего возле ворот сторожа мрачный, сердитый взгляд.

— Чего?!! — Маша, слушавшая Марка чуть ли не открыв рот, поперхнувшись закашлялась, залив горячим чаем всю скатерть.

— С каких это пор они стали тихими и понятливыми? Вы бы Марк Иваныч их ещё вежливыми назвали, — недовольно буркнула она, отряхивая пролитый чай со своей блузки и со скатерти.

Управляющий возмущённо посмотрел на неё и осуждающе покачал головой.

— Маша! Ну нельзя же их всех мести под одну гребёнку, — недовольно проворчал он. — Тем более, что я отнюдь не шучу подобным образом, как это вам наверное показалось. Ничего подобного. Наши же ящеры из города, вполне вменяемые люди. Вот и здесь есть такие. Я не говорю за всех. Я только за некоторые племена из местных. Да если бы не несколько бригад их плотников, то мы бы никогда не справились с установкой наружной ограды за такой короткий срок.

— Плотников, говоришь, — глядя на него, как на идиота, сухо поинтересовалась Маша. — Может, они тебе и парочку потайных подземных ходов выкопали?

— Ну зачем ты так, — поморщившись от выказанного ему недоверия, совершенно расстроился управляющий. — К таким вещам их конечно не подпускали, но ров, что вы можете увидеть с другой стороны заводской стены, это выкопали они. А через пару недель и в оставшейся части крепостной стены будет готов. А пруды для мельниц? А плотины? А котлованы под фундаменты цехов? — начал тут же перечислять он, загибая пальцы. — Да мы одни это бы ещё целый год копали, да не выкопали.

А горы песка для стекла, складированные возле печей?

Разошедшийся от возмущения управляющий уже чуть ли не хлопал себя руками по бокам, точь в точь на манер разгоряченного схваткой бойцового петуха.

Покачав с сожалением головой, он с совершенно расстроенным видом заметил.

— Вам там хорошо в городе. Там у вас людей полно, всегда

можно кого-нибудь нанять на простейшие работы. А здесь на сотни вёрст кругом одна тайга, или, как тут ещё называется её местный аналог….

— Пуща, — вставила слово баронесса, с интересом прислушиваясь к жалобам управляющего.

— Во, во, — немного успокаиваясь, покивал головой Марк Иваныч. — Пуща она и есть пуща. Всё никак не могу слово это запомнить.

Ну и где я вам в этой пуще людей найду? — раздражённо развёл он руками. — Охотников? Ну, если постараться, то с десяток, другой отыскать по лесам ещё можно. Но чтобы они пошли на мой завод землю под фундаменты цехов копать?

Прервавшись, Марк Иваныч устало посмотрел на сидящих напротив него гостей с чувством глубокого сожаления об их умственной неполноценности, отчётливо отразившегося в его скептическом взгляде.

— Поэтому нанимал, нанимаю и буду нанимать ящеров, раз больше некого! — сердитым голосом вынес он окончательный вердикт. — И никакие они не людоеды! И работают хорошо!

В общем, встали, посуду за собой убрали и вперёд. У меня тут прислуги нет, так что сами за собой убирайте! — сердито проворчал он. — А потом я буду вам завод свой показывать.

Однако, добиться от ненастроенных на работу женщин какой-либо помощи в уборке со стола у него не получилось. Пришлось возиться самому. Поэтому, оставив на столе так и не убранную всю грязную посуду, они отправились на экскурсию по заводу, по предложению управляющего решив ограничиться на сегодня одним только цехом художественного стекла.

На вопрос Маши, чего так, Марк Иваныч только раздражённо отмахнулся рукой, невнятно пробормотав что-то себе под нос.

Пустынный двор и пустынный цех в самый разгар рабочего дня производили странное впечатление. Огромное, просторное помещение, жарко натопленное и всего лишь пара работающих фигур за многоисленными пустыми рабочими столами цеха росписи. Что-то они расписывали на посуде важное, что Марк попросил женщин не подходить и не беспокоить рабочих, не отвлекать.

Хмыкнув, Маша с Беллой удивлённо переглянулись, но не стали настаивать, тем более что Марк их тут же потащил в хранилище, хвастаться наработками.

— Боже мой! — Изабелла осторожно, боясь нечаянно разбить, взяла в руки стоящий на упаковочном столе справа от входной двери, изящный стеклянный бокал. Высоко под потолком висящая большая бензиновая лампа заливала ярким светом глухое, без

окон помещение. — Какая прелесть! — ахнула она, заметив лежащие рядом стопку расписанного фарфора с красивым, тонким растительным орнаментом по краю.

Боже мой, я потрясена, я просто очарована, — повернулась она к расплывшемуся в довольной улыбке, буквально растаявшему от похвалы управляющему. — Такие столовые приборы и посуду, что вы делаете, раньше я могла только видеть, да и то, только на обеде у какого-нибудь князя. И далеко не у всякого.

А тут оно стоит…., - баронесса, замерев возле упаковочного стола, окинула восхищённым взглядом высящиеся перед ней горы стеклянной и фарфоровой посуды и раскрытые ящики со стружкой, ожидающие упаковки. — Боже! — снова ахнула она. — Такого просто не может быть!

Марк Иваныч, какой-то весь замотанный, злой, с не выспавшимися, болезненно красными от хронического недосыпания слезящимися глазами, неожиданно как-то сразу оттаял и подобрел.

Глядя на Машу с Изабеллой, с восторженными, горящими неподдельным восхищением глазами стоящих возле выставленных на стеллажах образцов его продукции, и бережно, осторожно перебирающих предметы готового к упаковке фарфорового сервиза, он наконец-то окончательно отмяк. Теперь перед ними стоял не задерганный, злой Управляющий стекольного завода, а вальяжный Мастер, Мастер с большой буквы, который с расплывшейся на лице блаженной улыбкой, благосклонно кивал на посыпавшиеся буквально как из рога изобилия льстивые поздравления.

С довольным, важным видом Мастера, он буквально всеми фибрами своей истосковавшейся без похвал души Художника впитывал знаки восхищения, и ещё долго водил их по пустынным помещениям художественного цеха завода, показывая всё новые и новые диковины.

Чувствовалось, что его наконец-то отпустило какое-то мучительное внутреннее напряжение, буквально сжигавшее его до того изнутри. Сразу как-то отмякнув, он с блаженной улыбкой тихого, безопасного для окружающих идиота радостно кивал на восхищённые замечания баронессы и ахающей, от восторга, Маши. С донельзя довольной рожей он благосклонно склонил голову, с невероятно самодовольным видом заметив:

— Да, барышни, это настоящий продукт нашего труда. Стоят, ждут своего часа. Не сегодня-завтра, — неожиданно недовольно поморщился он, — отправим на продажу куда-нибудь на дальний Западный берег, в тамошние баронства, или ещё дальше в

Западный Торговый Союз.

Интересуются! — гордо заявил он, выпятив свою жирную грудь и неожиданно мрачно заметив. — Можно сказать, даже в очередь стоят, ждут, когда мы сможем выполнить их заявки. А тут…, - как-то сразу сникнув, он безнадёжно махнул рукой. — Этот ваш Сидор совсем работать не даёт. Все наши договорённости нарушил. Мерзавец!

— Что вы там бормочете, уважаемый, — насмешливо повернулась к нему Маша. — Как это он вам, и не даёт работать? Да он же в Приморье? Как же он оттуда вам здесь работать не даёт? Или вы хотите сказать, что наш дорогой Сидор вас и оттуда успел достать?

— А то ты, Маша, его не знаешь! — неожиданно фальцетом взвился Марк, чуть ли не подпрыгнув на том самом месте, где стоял. — Он когда захочет тебя везде достанет!

Неожиданно сорвавшись на фальцет, он с отчётливо различимыми в голосе истерическим нотками закричал:

— Меня сложно достать, но когда человек ничего не понимает в искусстве и требует от вас только одно — "Дай! Дай! Дай!", трудно не сдержаться!

Сударыни, — неожиданно устало и обречённо тихим голосом он продолжил, — вы обе просто чудо. Настоящее чудо! Вы не этот мужлан Сидор, — Марк раздражённо поморщился при одном только упоминании о нём. — Это ему только и знай, что пахать и пахать в три смены. Была бы его воля, так он вообще растянул бы день вдвое и моих мастеров посадил бы ещё в четвёртую смену. Мерзавец! — тихо выругался он сам себе под нос. — Никакого чувства прекрасного.

Но даже в этих нечеловеческих условиях я всё равно делаю всё возможное и невозможное. Я нашёл местных ящеров и нанял их. Они у меня работают в три смены! Я строю новые цеха! Наши плотники от усталости буквально засыпают на своём рабочем месте! Я снял с художественных производств практически всех мастеров, прекратив выпуск дорогой расписной посуды, которую у меня буквально с руками готовы оторвать любые торговцы! Любые! А он только ругается и ругается! Ему, видите ли, мало! Я снял охрану с ворот и посадил их в цех! А он ругается что мало! Вместо благодарности он постоянно ругается, что я мало даю. Только и пишет в каждом письме: "Дай! Дай! Дай!" — снова не сдержавшись, раздражённо рявкнул управляющий. — А у меня люди не железные. Они и так уже в три смены работают.

— А что будет, когда он и у меня охрану заберёт, и как Василию с чугунного завода сунет вместо здоровых парней каких-то своих полуживых калек на излечение? А он именно так и

сделает, я знаю. Кто у меня тогда в цеху работать будет? Как я тогда план вытяну?

— Но так же нельзя, — от удивления, Изабелла остановилась возле какого-то стеллажа с расписными тарелками, высокими стопками занявшими практически всю поверхность стоящего рядом стола и с широко распахнутыми глазами удивлённо посмотрела на управляющего. — Мне всегда казалось, что подобные произведения искусства вещь штучная?

— А я и не говорю про искусство, — снова сорвавшись на фальцет, сердито, едва сдерживая раздражение, ядовито огрызнулся управляющий. — Я не говорю про произведения искусства! Я говорю про эту его штамповку. Я говорю про весь тот хлам, что заставляет нас производить господин Вехтор, — невольно повышая голос, Марк перешёл на повышенные тона. — Я говорю про это его дурацкое листовое стекло. Про эти его гранёные стаканы и лафетнички, которыми он завалил наверное всё Приморье. Про эти его дурацкие броневые чешуйки, кольчужные колечки, щитки, наколенники и прочую, прочую, прочую военную мерзость, — уже чуть ли не крича, неожиданно всхлипнул управляющий.

А ему всё мало!

Всё то ему дай! Но не кубки, не посуду, не мои кувшинчики, — любовно взглянул он в сторону стеллажа с посудой. — Не тарелки! — ткнул он в ту же сторону рукой, чуть не развалив высящуюся перед ним высокую стопку расписных тарелок. — Ничего этого ему не надо! Этой патентованной баронской сволочи подавай какие-то штампованные колечки из бронестекла, которые сделает любой неподготовленный идиот!

Управляющий, чуть не плача потряс перед лицом баронессы сложенными в замок ладонями.

— Ему…, - управляющий запнулся, не зная, какое ещё подобрать бранное слово.

Было хорошо видно, что ему хочется просто выругаться, но природная стеснительность не позволяла этого сделать при женщинах.

Ему нужно листовое стекло! И сетки для лошадей, стеклянные попоны! — наконец-то выплеснул он из себя это ненавистное ему слово. — Милитарист! — сипло, сорвавшимся голосом наконец-то выругался он, с облегчением переводя дух.

Госпожа Изабелла, — управляющий с умоляющим видом сцепил перед грудью ладони, и жалобно на неё глядя, взмолился. — Я же вижу. Вы утончённая, с художественным вкусом натура. Вы же его жена. Ну, повлияйте на него хоть как-то. Ну, сделайте хоть вы что-нибудь! Так дальше совершенно

невозможно!

Вы только полюбуйтесь, — неожиданно бросился он распахивать окно полутёмного цеха и со злобным видом ткнул пальцем куда-то во двор. — Вы только полюбуйтесь, до чего я докатился, — гневно уставился он на них, снова тыча куда-то во двор своим пальцем.

— Но я там ничего не вижу, — удивлённо возразила баронесса, поневоле отстраняясь от гневно размахивающего руками управляющего.

— А амбар вы видите? — чуть ли не прямо ей в лицо заорал тот. — Амбар, вы видите? Вы видите, что это за здание? — уже во весь голос орал он, тыча рукой в огромное, двухэтажное здание, напоминающее внешне высокий двухэтажный овин для хранения сена. — А другой, точно такой же, что рядом, вашими нелюбимыми ящерами строится, вы видите? А телеги, с кучей ящиков, а грузчиков, тех же самых ящеров, вы видите?

Нет?! — сорвался его голос на фальцет.

Так вот идёмте поближе, там полюбуетесь! Идёмте, идёмте! — потянул он Изабеллу за руку.

Отпустив рукав гневно отдёрнувшей руку баронессы, и даже не обратив на это ни малейшего внимания, он выскочил на улицу, и нервным, подскакивающим на ходу шагом быстро двинулся к указанному амбару. Там, возле больших ворот немногочисленная бригада оборванных, в грязном, рваном тряпье каких-то ящеров через широкую калитку в створке сноровисто загружала большие, необычного вида телеги ящиками странного грязно-зелёного цвета.

Не дожидаясь, пока подойдут неторопливо идущие следом за ним, удивлённо переглядывающиеся между собой Маша с баронессой, он обеими руками схватился за тяжёлую створку едва приоткрытых огромных амбарных ворот и тяжело, с натугой, распахнул её настежь.

— Вот, — ткнул он рукой в плотные ряды тех же самых грязно-зелёного цвета ящиков, высокими штабелями подымающихся по обеим сторонам узкого прохода сразу за воротами.

Ровные, тщательно уложенные ряды аккуратных ящиков, что-то Маше смутно напомнившего тёмно-зелёного, грязноватого цвета, поднимались до самого потолка амбара, занимая внутри него практически всё внутреннее пространство, оставляя только посередине узкий, прямой проход к виднеющимся на противоположной стороне амбара вторым, закрытым сейчас воротам. Вплоть до самых стропил между ними не было ни единого просвета. Они заполняли обе стороны центрального

узкого прохода так, что не оставалось не то, что мало мальски удобного прохода, даже малейшей щёлочки не было, чтобы протиснуться между ними.

— Не то, что ставить уже некуда, а просто войти невозможно, — чуть ли не плачущим голосом пожаловался он.

— Что это? — недоумённо уставились на ящики Маша с Изабеллой.

— Стекло, — буквально выплюнул ненавистное слово Марк. — Колечки, проволочки какие-то и прочее, прочее, прочее военное барахло, согласно утверждённой Сидором номенклатуры, — жалобным тоном начал перечислять управляющий. — Листовое стекло, матовое, цветное, гофрированное. И прочее, прочее, прочее. И всё это вместо того, чтобы заниматься искусством. Вместо того чтобы творить! — потряс он поднятыми вверх руками.

Вместо создания чего-нибудь прекрасного, вроде тех бокалов, что мы сделали для Императрицы ящеров, я теперь клепаю какие-то дурацкие попоны на лошадей из бронированного стекла. Отливаю бронебойные дротики и заливаю свинцом стеклянные пульки для арбалетов. Лью броневое стекло для его непонятных целей. Я ему что, оружейник? Почему я занимаюсь сотней всяческой дурацкой мелочи, которая вдруг срочно ему там где-то в Приморье зачем-то понадобилась, — снова пожаловался он. — Одного только оконного стекла, мы сделали столько, что им можно замостить всё его любезное Приморье вдоль и поперёк. В три слоя! — взвизгнул он.

Куда столько?

Каждый день к ним на перевал отправляется обоз с листовым стеклом. Каждый второй день я отправляю туда же обоз ещё с каким-нибудь необычным стеклом. И так день за днём. Днём и ночью. Без перерыва. Люди уже с ног падают!

Куда ему столько?! Можно подумать, что там нет своего стекла.

А если даже и нет!

Повернувшись к девушкам, управляющий гневно уставился на двух, удивлённо глядящих на него девиц и неожиданно устало, как будто сдувшись, тихо бросил, обречённо махнув рукой:

— Ладно уж, чего там. Тут он, конечно прав. Такого чистого, прозрачного и ровного листового стекла, как у нас, нет ни у кого. Ни у нас в городе, ни там в Приморье. А после того как он оттуда прислал кое-какое редкое и нужное оборудование и необходимые для большей прозрачности стекла присадки, равных нам не стало считайте что на всём континенте.

Но это же не значит, что надо всех мастеров ставить на его

производство.

А он всё требует и требует. Дай, да дай. Словно с цепи сорвался.

Но я же не резиновый, мне же не разорваться. Да и люди у меня не железные. Они элементарно устали. Хоть мы им и платим тройной тариф, но они же, повторяю, не железные. Растёт количество брака. А это же не дело! — гневно уставился он на Машу. — У меня весь задний двор забит колотым стеклом. Я даже не успеваю его обратно перерабатывать. Его уже у меня скоро будут го-о-оры! Куда это годится?!

— Странно.

Маша, растерянно глядя на управляющего, бросила ничего не понимающий взгляд на высящиеся перед ней штабели с продукцией стекольного завода и немного растерянно заметила:

— Почему же я об этом ничего не знаю? Сидор ведёт какую-то бурную деятельность у себя в Приморье. Что-то заказывает. Заказывает много. Куда-то вывозит? За всё это…, - Маша окинула высящиеся перед ней штабеля ящиков растерянным, беспокойным взглядом. — За всё это надо будет людям заплатить и заплатить, судя по этим объёмам, много, а меня никто, ни о чём, не предупреждает? Меня, казначея нашей компании? Что за бред?

— Интересно, — баронесса, с лёгким безпокойством посмотрела на штабеля ящиков и перевела задумчивый взгляд на управляющего. — Чем же он там занимается? Куда это всё? — кивнула она на ящики. — У него там что, персональная война со всем Приморьем.

— Не знаю! — управляющий в отчаянии развёл в стороны руками. — Он пишет, что ничего такого особого, только расход арбалетных болтов велик больно. Много, мол, охочих до чужого добра. Вот и приходится поневоле много тратить. Вроде, как именно поэтому, он писал, они и перешли на пульки вместо болтов, чтобы, мол, сэкономить. Заставляет меня идальше заниматься разработкой бронебойного стеклянного болта для арбалета, пулек разных бронебойных. А у меня времени на то нет, — тяжело вздохнул мастер. — Ни людей, ни времени.

Но как?! — Управляющий с недоумённым видом пожал плечами. — Как и с чего может быть такой большой расход болтов? Да ещё стеклянных. Не понимаю, — управляющий в недоумении развёл руками, глядя на девиц растерянным, недоумевающим взглядом. — Торгует он ими там, что ли? Но кому нужно столько?

Стеклянные арбалетные болты. С утяжелённым наконечником, — Марк с недоумённым видом, непонимающе пожал плечами. — Всю жизнь были деревянные, а тут ему

понадобились стеклянные. Говорит так нам дешевле.

Неожиданно резко повернувшись, управляющий ткнул рукой в какую-то угловатую повозку на высоких колёсах, стоящую рядом с воротами овина и прикрытую сверху большим куском полотна, скрывающим его очертания.

— Хотя, что там говорить! Вы и сами можете полюбоваться!

Нервной, подпрыгивающей походкой, управляющий подскочил к повозке и резко дёрнул за укрывающий конструкцию большой кусок грубого, серого полотна. Кряхтя от натуги, он небрежно стянул полотно наземь, неожиданно открыв удивительную деревянную конструкцию, внешне напоминающее большой, неуклюжий фургон, перекошенный на одну сторону со сломанным колесом, весь каких-то странных, угловатых очертаний.

— Можете полюбоваться, последнее их тамошнее приобретение или изобретение, уж не упомню. Давно здесь стоит. Сидор прислал профессору. Просил, чтобы он быстро с этим разобрался, подключив братьев Трошиных. Требует усовершенствовать. Пошире и подлиньше, да чтоб поустойчивей была на поворотах, да чтобы боезапаса больше взять можно было, а то, мол, быстро кончается. Станину пусть сделают покрепче, ось усилят, подшипники поставят, да башенку сверху чем-нибудь прикроют. Бронестеклом, что ли прикрыть, как он просит? — управляющий, неожиданно запнувшись, с задумчивым видом почесал затылок.

Неожиданно в его глазах вспыхнул интерес:

— А что, может и получится, — задумчиво пробормотал он себе под нос.

— Говорит, стрелами досаждают, — повернувшись к девушкам, управляющий задумчиво уточнил. — Все стрелки, мол, в жутких синяках ходят.

Обежав вокруг непонятной конструкции в возбуждении пару раз, он ткнул рукой прямо в странного вида обрезанную бочку, напоминающую скорее большую, неуклюжую карусель с детской площадки из Машиного детства. С одного конца карусели прямо перед ними, торчали сломанные дуги мощного, незнакомого вида арбалета. Другой же конец странной карусели украшало грубоватого вида высокое сиденье, по всей видимости, для стрелка, прикрытое сзади высокой и узкой деревянной спинкой.

Поднявшись по лесенке сбоку у башни, он решительно крутанул станину с арбалетом и, дождавшись когда к нему со скрипом подъедет сиденье, с довольным видом устроился на нём. По хозяйски развалившись на довольно узком для него седалище, он, с вальяжным видом поглядел вокруг, и с гордостью заявил:

— Вся эта конструкция у них называется броневик или тачанка. А вот это, — покровительственно похлопал он по странного вида, сломанному арбалету, — десятизарядный имперский арбалет со сменным магазином. Производство армейских мастерских имперских ящеров. Вот и клеймо, — ткнул он куда-то в боковину странного круглого барабана, торчащего ровно посередине. — Лихо стреляет! — восхищённо поцокал он языком. — Ребята, когда приезжали, показывали. Жалко что недолго, пока окончательно не доломали. Так что дротиков для него действительно надо много, — неожиданно грустно и обречённо проговорил он. — Да ещё парочкой запасных барабанов бы к нему разжиться, — мечтательно протянул он.

Маша, злая, как потревоженная кобра, стояла перед броневиком и смотрела на разговорившегося управляющего холодными, злыми глазами.

— А чего он здесь стоит? — тихо спросила она. — Для него что, больше нигде места не нашлось?

— Профессор меня попросил, чтобы он здесь пока постоял, — слегка запинаясь, испуганно посмотрел на неё съёжившийся управляющий, явно не ожидавший подобной Машиной реакции. — Сказал, что ему сейчас ни до чего, у него какие-то газы и как только он освободится, так и сможет им заняться. Говорит, что Сидор его просил не светиться с этим броневиком в городе. Всё твердил про какую-то тайну. Да и там внутри…, - съёжившийся и совсем испуганный управляющий ткнул в пол броневика пальцем. — Профессор говорил, что там слишком много всякого ценного, что нельзя никому показывать. Даже вам, Маша, — окончательно смутившись, тихо добавил он.

— И во что же это всё ему обошлось? — Маша, уже не скрывая своей злости, злобно смотрела на управляющего своими сузившимися до узких щёлочек голубыми, сверкающими глазами.

— Да ерунда какая-то, — равнодушно пожал плечами управляющий. — Говорил, что сам броневик дёшево достался, где-то по паре золотых за штуку. А вот сами арбалеты дорогие, заразы, где-то по пятьсот штука. Золотом, — безпечно махнул он рукой. — Говорил, что больше не было, а то бы взяли ещё пяток. А так, пришлось ограничиться всего тремя. К тому же, два из них были сломаны, потому все три так дёшево и достались. Один сразу из двух собрали, а на этот вот, — небрежно похлопал он по сломанному арбалету, — запчастей не нашлось. Говорил, что, сколько не возились, а так до ума и не довели. Мол, нужных материалов не хватает. Стали какой-то особой там в продаже нет. Так на перевале и бросили. Сидор сказал, чтобы оружейники разбирались, а Васька чтоб стали им какой-то особой сварил.

— Три по пятьсот? Это же полторы тысячи! За хлам! Золотом?!! Убью!

Хриплый, тоскливый вой Маши, казалось, придавил управляющего к земле. Испуганно оглянувшись, он неуверенно развёл руками и виновато ещё раз улыбнулся, как будто говоря, что он здесь как бы и ни причём.

— Да уж. Не дороговато ли всё это будет? — неожиданно поддержала её Изабелла, нахмурясь и с сомнением глядя на странного вида фургон.

Подойдя вплотную к броневику, Изабелла с задумчивым видом провела пальчиком по выщербленной поверхности досок обшивки, напоминающую побитую оспой кожу, и, не дождавшись ответа совсем смутившегося управляющего, пояснила свой вопрос:

— И потом. Не дороговато ли будет ставить сюда такой расходный арбалет. Десять пулек или болтов, и, как я понимаю, каждый раз безвозвратно теряемых, это вообще-то дорого. Болты к арбалетам, или эти ваши пульки, я знаю вещь довольно не дешёвая.

— Ерунда, — сразу оживляясь, облегчённо махнул рукой управляющий. — После того, как ребята наладили постоянное поступление необходимых присадок к бронебойному стеклу, себестоимость каждой пульки, да и того же болта или стрелки резко упала. Буквально до медяшки за сотню, а то и меньше. Я уже и не считал, некогда! Ну а песку для стекла у нас и так полно дармового. Да Сидор ещё штамп прислал шикарный. Так что, шлёпай себе, сколько влезет. Трудов, практически никаких. Я же говорю, штамповка! — гордо подбоченясь добавил он. Про то что он только что сам лично ругал штамповку, он видимо уже прочно забыл.

А то, что расход велик, так говорят, что работают теперь на обороте. Ребята писали, что всё окупится.

— Окупится? — злобно посмотрела на него Маша. — А эти два твоих придурка Сидор с Димоном, не писали, когда оно окупится? Они случаем не указали кто, где и когда это всё будет оплачивать?

— Писали.

Управляющий обречённо глядел на рассерженную Машу и стоящую рядом с ней не менее раздражённую баронессу.

— Писали, что вы. Вы, Маша, всё и оплатите.

— Что?!

Маша, потрясённая до глубины души вероломством друзей, готовых пустить все плоды их многолетнего труда по ветру, ради непонятной какой-то войны, затеянной ими, непонятно с кем и

непонятно зачем в Приморье, в отчаянии схватилась за голову руками. Глядя на управляющего уже просто с жалостью, как на умалишённого идиота, она с обречённым видом его спросила:

— Значит, говоришь, Сидор тебе пообещал оплатить втройне!

— Да собственно он уже оплатил. Так сказать, вперёд, — втянув голову в плечи, виновато посмотрел на неё управляющий. — Он мне для этого небольшой сундучок с золотишком передал. Ну, под отчёт конешно, и так сказать, на текущие расходы. А ты, мол, потом, всё проверишь и утвердишь.

— Какой такой сундучок? — мгновенно насторожившись, Маша медленно подошла к съёжившемуся под её пронзительным взглядом управляющему и крепко схватила его за шиворот, сунув кулак тому под нос. — Откуда у тебя сундучок, да ещё и с золотом?

— Сидор дал! — обречённо глядя на кулак перед носом, придушенно пискнул управляющий. — Всё по-честному! У меня и письмо от него есть, где он подтверждает, что я могу им пользоваться по своему усмотрению, пока не будет произведён окончательный перерасчёт.

— Ну, мне же надо было что-то людям платить! Чем-то их заинтересовать! — теперь уже он возмущённо уставился на разгневанных девиц. — И за сырьё надо сразу расплачиваться. И ящерам их работу надо оплачивать. Ведь не будут же они задаром в три смены вкалывать! Подумаешь, всего делов то, три тысячи золотых. А зерна купить для….

— Сколько? — ахнула Маша, схватившись за сердце и с ужасом посмотрев на потрясённую не менее неё Изабеллу.

— Ну, две девятьсот с чем-то, — сразу осёкшись, вжал голову в плечи управляющий, глядя на неё непонимающими глазами. — Но я могу отчитаться за всё, — тут же затараторил он, торопясь вставить хоть слово, пока его окончательно не прибила потрясённая Маша, в отчаянии даже отпустившая ворот рубахи, за который она держала управляющего.

Однако, увидев, что его не собираются тут же на месте убивать, он немедленно воспрял духом и бросился с искренним сочувствием утешать теперь уже саму Машу.

— Да ладно тебе, Маш, — искренне посочувствовал он убитой горем Маше. — Не такие это уж и большие деньги, всего то три тыщи.

Маша, неожиданно понявшая, что пока она сидела в городе и по сусекам выскребала каждую медяшку, экономя чуть ли не на воде и хлебе, тут какой-то дурак управляющий пустил по ветру сумму, которая могла бы если и не решить, то значительно облегчить их тяжёлое финансовое положение и помочь ей

вывернуться.

Она с обречённым, отчаянным видом смотрела на него и понимала, как много она оказывается упустила.

— Ну, чего ты, Маш? — с искренним сочувствием смотрел на неё управляющий. Поправив ворот рубахи и немного успокоившись, он весело заметил. — Ну, чего ты так убиваешься. Ну, пошли ты ему весточку, чтоб ещё золотишка прислал. У него этого золота, как грязи. Пришлёт он тебе ещё пару, тройку сундучков, никуда не денется. Ну, сказала бы, в конце то концов, что они тебе так нужны, я бы дал. Что я, не понимаю, что ли? Ну, заплатили бы ребятам потом, они не против. Куда им его тут девать. Ну, если хочешь, я могу немного дать тебе, чтобы ты только так не огорчалась.

— А что, — вяло пошевелилась Маша, поворачиваясь в его сторону, — у тебя что-то есть?

— Да немного, — с отчетливо различимым сожалением на лице, понимая, что только что проговорился, управляющий яростно почесал у себя в затылке. — Тыщ пять наверняка осталось. Так что пару…

— Маша, Маша это же мне на оплату материалов и на доставку, — тут же испуганно заныл он, заметив хищный взгляд Маши. — Возчики вперёд просят. Я не могу им не заплатить, — придавленным голосом взвизгнул он.

Плотно обхватив бедного управляющего рукой за плечи, так, что тот не мог даже пошевелиться, Маша со зверским выражением на лице низко наклонилась вплотную к его тонкому, породистому носу и хищно глядя в упор, ледяным взглядом ограбленной собственницы, тихо прошептала прямо ему на ухо:

— Быстро сдал всё, что осталось. Иначе…, - зловещим шёпотом прошептала она ему в ухо и, легонько подталкивая в сторону конторы, тихо прошептала:

— Будет тебе перерасчёт, мила-ай! Будет! Но потом.

— А сейчас пойдём, милок, — глядя на управляющего, как удав на кролика, Маша ласково подтолкнула его железной рукой в сторону конторы.

Пойдём, пойдём, — сердито прищурив глаза, тихо шепнула она ему в самое ушко. — Мало ли что там тебе Сидор наобещал. Есть дела более важные, чем твои стекляшки.

Обречённо вздохнув, управляющий с унылым видом потащился к конторе вслед за приободрившимися и быстро шагающими Машей с Изабеллой.

— Пойдёмте, — обречённо глядя на обеих девиц, согласно кивнул он головой, и снова схватив Изабеллу за рукав многострадальной кофточки, принялся нервно теребить её.

Войдя в удивительно пустынное в этот рабочий час здание заводской конторы, он сразу же начал заново жаловаться на то, что все люди заняты в цехах и ему даже чаю разогреть некому. Пройдя за девицами в свой кабинет, где он утром пил в одиночестве чай, он с тоской посмотрел на заставленный грязной посудой обеденный стол, и тяжело опустился на какой-то небольшой сундук, стоящий возле стены. Медленно обведя пустынное в этот полуденный час помещение унылым, обречённым взглядом, он снова тоскливо заканючил:

— Ну, Маш. Ты же меня без ножа режешь. Сидор же обещал!

— Ну! — резко оборвала его Маша.

Обречённо вздохнув, управляющий поднялся с сундука и, подойдя к большому канцелярскому столу, одиноко стоящему в углу, вытащил из-под него небольшого размера изящный, расписной красными маками по ярко синему фону сундучок.

— Всё здесь, — тяжело вздохнул он, подтаскивая сундучок поближе к своему конторскому столу возле окна, за которым уже по хозяйски устроилась Маша. — И золото здесь, и все отчёты по расходам.

Вот все вы женщины такие, — спустя пять минут, с тоской глядя на то, как Маша быстро пересчитывает остаток золота в сундуке, каждый раз сверяясь с описью и делая какие-то пометки на ней.

У самой денег полно, а ты наш завод грабишь. Лучше бы сталеваров ограбила, им Сидор раза в два больше, чем мне дал! — тут же мстительно заложил он сталеваров, которые, в бытность девушек на заводе, ни единым словом не обмолвились, что у них есть деньги. — Ладно бы сама без денег сидела, тогда было бы понятно. Так ведь нет же. Надо ей всё изъять! Большевичка! — сердито посмотрел он на неё. — Троцкистка!

Да, да! — сердито глядя на недоумённо поднявшую на него глаза Машу, добавил он, испуганно вжимая голову в плечи под сверкнувшим от гнева взглядом Маши. — Большевичка и коммунистка! И троцкистка! Экспроприатор!

У самой денег полно, а ты наши нищие оборотные средства изымаешь, — уже тише, окончательно сдувшись, продолжил тихо жаловаться он, испуганно глядя на грозно посматривающую на него сердитую Машу. — Без ножа режешь, — тоскливо протянул он, ещё больше, неизвестно уже куда, втягивая голову в плечи.

— У кого денег полно? — глядя на него бешеным взглядом, тихо поинтересовалась Маша, едва сдержавшись, чтобы не запустить в него чем-нибудь тяжёлым. Из того что тот говорил, она половину пропустила мимо ушей, выбрав из словесного потока Марка лишь то, что хотела услышать. — Да ты знаешь,

кретин близорукий, что на нас неоплаченных долгов висит, как блох на шелудивой собаке. Да мы в долгах, как в шелках, по уши.

— Да знаю я, — тяжело вздохнул управляющий. — Слухи даже в нашу глушь доходят про то, как вас там прижали. Собственно я так и думал, что вы за золотом приехали, но зачем же забирать оборотные средства, — жалобно посмотрел он на них. — Неужели нельзя без этого обойтись? Ведь всё же остановится.

— Да что ты всё канючишь и ноешь? — сердито хлопнув ладонью по столу, резко оборвала его Изабелла, остановив рукой вспыхнувшую было от гнева Машу.

— Да не ною я, — тяжело вздохнул управляющий, взглянув теперь на Изабеллу тоскливыми глазами побитой собаки. — Просто мне скоро с возчиками расплачиваться, а вы ведь знаете, какие они ругательники, — с отчётливо различимой паникой в голосе протянул он. — Чуть что не так, так сразу за грудки хватают. А у меня натура тонкая, ранимая. Я Художник. Я с этими грубиянами даже в одной комнате находиться не могу. Они же меня прибьют теперь, — втянув голову в плечи, тоскливо протянул управляющий. — Или ещё хуже — Сидору пожалуются.

А ящеры? Если я им зерна не куплю, они меня вообще обещались съесть, — совсем сникнув, тихо пожаловался он. — Они же дикие, подгорные и голодные! Не то, что свои, из города. Те….

— Никуда ты не денешься, — сердито отрубила Маша, продолжая внимательно сверяться с бумагами, лежащими перед ней и пересчитывать оставшиеся в сундучке золотые монеты.

Установившуюся на время в комнате мёртвую тишину только изредка нарушало едва слышимое глухое позвякивание перекладываемых с места на место золотых монет, да отчётливо различимое шуршание переворачиваемых Машей листов пергамента.

— А можно мне другой сундук взять, — неожиданно снова заныл управляющий, нарушив молчание. — Пусть не с золотом. Мне и серебра на первое время хватит. А потом я заработаю и Сидор очередной пришлёт…

— Что? К-какой такой другой?

Мгновенно насторожившаяся Маша, медленно повернулась к управляющему, буквально глядя на него, как огромная очковая змея на маленького серого мыша.

— Марк Иваныч, — тихо, с отчётливо различимыми нотками угрозы в голосе, медленно обратилась она к управляющему. — Это, про какое такое серебро ты твердишь? Про какой такой другой сундук? Ты что, не всё сдал?

Едва сдерживаясь, чтобы не вспыхнуть от гнева и не сорваться на безобразную ругань, Маша, едва сдерживаясь, чтобы от злости не вцепиться ему прямо в горло, внезапно громко заорала прямо в широко распахнутые испуганные глаза управляющего:

— Говори, мерзавец, сколько у тебя золота и серебра?!

— У меня ни серебра, ни золота больше нет, — испуганно глядя на неё, управляющий с отчаянием замотал головой. — Я только хотел попросить, чтобы ты не забирала всё сразу.

— Что всё? — тихо, стиснув зубы, медленно выдохнула из себя воздух Маша.

— Ну как же, — удивлённо захлопал глазами глядя на неё Марк Иваныч.

Настороженно оглянувшись на Изабеллу, стоящую возле отданного Маше сундучка с золотом, он обошёл по кругу свой канцелярский стол и, осторожно косясь на сидящую на его месте Машу, и покопался в верхнем ящике боковой тумбы.

Достав оттуда большую кипу нарезанной на аккуратные квадраты и перевязанной толстым шпагатом бересты, он раздражённо хлопнул стопкой об стол и с угрюмым видом проворчал:

— Раз уж моё забрали, тогда вот вам! На! Сами разбирайтесь! — сердито ткнул он пальцем в рассыпавшиеся по столу листы. — Тут береста сопровождения, — хмуро бросил он. — Раз вы так, то и я так. Своё золото сами и доставите, а это вообще не моё дело. У вас для того и охрана есть. И пусть Сидор в другой раз сам доставляет, а то навесили на меня всяческого…, - запнувшись, Марк невнятно что-то пробурчал себе под нос. — Как будто я ему инкассатор!

Забирайте! А у меня ни людей, ни времени на доставку нет. У меня план! Даже вся охрана занята на производстве. Так что извиняйте, — в ёрническом поклоне развёл он руками в стороны, — но доставить их вам в город, как требует от меня Сидор, я просто не могу. Не с кем, — в сильнейшем раздражении сердито хлопнул он себя руками по бокам, враждебно глядя на ничего не понимающих девиц.

Вы меня, конечно, извините дамочки, но раньше действительно не было времени. Сидор сам требовал наращивать и наращивать производство. Вот я и наращивал. Мы теперь вообще работаем в три смены. Люди понимают, что пока есть такая возможность, можно заработать большие деньги. Вот и вкалывают, чуть ли не по две смены каждый, а всё равно не успеваем, — снова свернул он на болезненную для себя тему.

Забирайте! Здесь всё! Кому, сколько, куда и за что, — снова

ткнул он в квадратики бересты своим пальцем.

Вот, письмо, — мрачно проговорил он, нервно копаясь в бумагах на столе и протягивая сидящей рядом Маше ещё какую-то бумагу. — Тут расписано кому из егерей и сколько по выплатам приходится. Так сказать, наследство погибших и живых.

Управляющий, сунув в руки, удивлённо глядящей на него и ничего не понимающей Маше какую-то бумагу, отошёл к стоящим возле входной двери большим и даже на вид тяжёлым сундукам.

Устало присев на ближний к двери сундук, он неожиданно с большим облегчением перевёл дух, и резко хлопнув себя ладонями по коленкам устало заметил:

— В общем-то, хорошо, что вы приехали. А то я уж и не знал как с его сундуками быть. Передать вам не могу, а от него всё везут и везут. Задолбал уже.

— К тому ж у вас охраны полно, а я вам телегу на обратную дорогу дам. Даже пожалуй две дам, лишь бы забрали! А вы их сами спокойненько и доставите. Нет, пары мало будет, — разговаривая сам с собой и тут же уточняя. — Двух телег не хватит. Сюда мне их свозили чуть ли не полгода, да на их фургонах, а они то и побольше, и покрепче будут, чем наши телеги. Да, — пожал он плечами рассуждая сам с собой, — двух телег им пожалуй может и хватить.

— Что ты там бормочешь себе под нос, — недовольно оборвала его причитания Маша, с недоумением на лице перебирая стопку бересты, вручённую ей управляющим. — Может, ты объяснишь, — подняла она голову. — Что это ещё за наследство, — потрясла она каким-то листком, зажатым в руке. — И что это за безумные суммы, выставленные здесь. Тысяча, золотом Торгового Союза, — прочитала она на одном листке. — Полторы, — кинула она взгляд на другой, — имперскими ящерами. И так на каждом листке, только фамилии меняются. Это что такое? Откуда такие безумные суммы? Что за бред?

— Как что? — удивлённо посмотрел на них управляющий. — Имущество егерей, конечно. Тех, кто с Сидором отправились в Приморье. Частью из тех первых пятидесяти человек, что были с ним с самого начала, частью из тех что присоединились к нему потом в крепости. А из новеньких, кого он чуть ли не каждый месяц теперь к себе в Приморье забирает, пока ничего нет.

А вы что, разве не за этим приехали?

Неожиданно застыв, как замороженный, он с отчаянием хлопнул себя по лбу и, замерев на месте, с ужасом уставился на них, горестно кивая головой.

— Боже мой! Боже мой! Какой же я идиот! Я же тебе Маша так ничего и не написал. Ой, я дура-ак! — схватился он за голову,

в отчаянии глядя на Машу виноватыми глазами. — Совсем завертелся. Совсем из головы вылетело. Вы не поверите, девочки, так замотался, так замотался, — снова запричитал он, недоумённо глядящим на него Маше с Изабеллой, и в отчаянии снова схватившись за голову. — Всё хотел вам, Маша, письмо написать, обстоятельное, да так замотался, что совсем об этом забыл.

— Я же подумал, что вы за ними и приехали, — виновато посмотрел он на них. — А оказывается, я вас даже и не известил. Ай-яй-яй, — замотал он головой на манер китайского болванчика.

— О чём не известил? — начиная понемногу звереть, тихо поинтересовалась Маша. — За чем мы приехали? Отвечай толком, толстый маленький придурок!

— За этим, — непонятно мотнул головой управляющий, снова с испугом вжимая голову в плечи и зачем-то постучав костяшками пальцев по сундуку на котором сидел. — За тем, что он просил вам передать.

Тупо глядя на них, управляющий мотнул как-то странно головой, прямо кивая на большие, тяжёлые сундуки, стоящие штабелем у стены.

— Это что? — злым, резким голосом поторопила его Маша, сердито глядя на бормочущего что-то себе под нос управляющего. — Очередные колечки? Или пульки со стрелками? В амбаре уже места не хватило, так ты к себе в контору затащил.

— Или что? Хочешь, чтобы мы за тебя сделали твою работу и куда-то это доставили?

— Так может, свои сундуки ты всё же будешь сам доставлять, — добавила она, глядя на управляющего злыми, белыми от тихого бешенства глазами.

— Это не мои сундуки. Это ваши сундуки, — сердито огрызнулся управляющий, недовольно на неё глядя. — Я же дал тебе все бумаги, все записи. Там всё ясно расписано. Ровным счётом, — замолчал он, окидывая взглядом сундуки в комнате, стоящие вдоль всех стен и мысленно пересчитывая их. — Двенадцать сундуков, не считая того, что Сидор выдал мне на расходы. Легко сосчитать. Ровно дюжина. Десять ваших и два егерей.

— Ну и что там, — как и Маша, глядя на тупого управляющего злыми, горящими от злости глазами, негромко поинтересовалась уже и раздосадованная непонятливостью управляющего Изабелла. — Драные портки и сломанное оружие из непонятно чьего наследства? Может, вы всё-таки скажете что там, господин управляющий.

— А? — рассеянно посмотрел на них управляющий

туманными, непонимающими, что происходит, глазами, думая о чём-то своём. — Золото! — резко огрызнулся он, неожиданно очнувшись. — Ровным счётом десять сундуков с золотом, не собьёшься. Восемь ваших и два егерей. Плюс к тому два ваших сундука разменного серебра, — кивнул он на два сундука поменьше, стоящие отдельно в другом углу комнаты.

— Ну и мой сундук, что ты уже захапала, — враждебно посмотрел он на Машу.

— И если я правильно понял, что говорил тогда Сидор, то это их заработок за время прошедшее с отъезда. Какая-то часть.

С задумчивым видом он почесал своё ухо, и безмятежно глядя на Машу чистыми, ясными глазами слабоумного идиота, ещё раз уточнил:

— Сидор просил передать. Говорил, что устал таскать за собой эту тяжесть. Да и много, мол, места занимает. Надоело мол.

— Вот, те десять, что побольше, это ваши, а те два, что поменьше, это золото егерей и ещё кого-то. Там в бумагах всё внятно прописано, — ткнул он пальцем в стопку бумаг, которую так и держала в руках растерявшаяся от неожиданности Маша. — Да и бирки на каждом сундуке соответствующие. Не ошибёшься!

— Что-то он ещё просил сделать, — дёргая в отчаянии своё многострадальное ухо, заметил управляющий с каким-то задумчивым, затуманенным взглядом глядя на Изабеллу. — Да вот, зараза, из головы вылетело, — с сожалением поцокал он языком. — Этот план, будь он неладен…

Ну так что, будете принимать? — тяжело вздохнув, он соскочил с края стола, на котором сидел и направился к Маше.

С наслаждением помассировав ноющую видимо поясницу, он подошёл к Изабелле, недоумённо смотрящей на него, и с задумчивым видом посмотрел на большой сундук, на который та, с удобством устроившись, присела.

— Вот с этого, пожалуй, и начнём, — хмыкнул он, безцеремонно сгоняя с сундука растерявшуюся от подобной наглости баронессу.

Будем вскрывать или вы сами дома проверите, — равнодушно поинтересовался он, посмотрев на Машу. — Лучше бы вы проверили сами, а то у меня на сегодня ещё дел своих полно. И так с вами полдня потерял, — сердито проворчал он, внимательно рассматривая баронскую печать, выдавленную на куске какой-то кожи, прикреплённой к накидным петлям сундука.

Печати на месте. Опись у вас на руках. Чего ещё от меня надо, — мрачно буркнул он.

Ладно, пойду, распоряжусь по поводу телег, — кинул он

задумчиво молчащим Маше с баронессой, непонятными глазами рассматривающих заставленную массивными сундуками комнату, на что они до того момента не обращали никакого внимания, сочтя это обычной неряшливостью старого холостяка.

Собравшись было выйти из комнаты, он заметил странное состояние, в котором пребывали Маша с Изабеллой, и тяжело вздохнув, склонился снова над петлями замка.

— Чувствую, что надо вскрыть самому, а то без меня вы явно не разберётесь, — выругался он, глядя на впавших в ступор девиц.

Дёрнув за шнурок с печатью, он резким движением сорвал его и, размотав связанные толстой медной проволокой петли замка, откинул крышку.

— Ну вот, — довольно заметил он, заглянув внутрь сундука. — Как Сидор и говорил, внутри вторая опись.

— Кому? Что? — Добавил он задумчиво, просматривая вынутые оттуда бумаги. — Ага, я был прав, этот сундук ваш, а те два поменьше, егерей.

— Всё! Я пошёл, — повернулся он к двери. — Телеги надо вам подогнать, а то вы сегодня так до дому и не успеете добраться, — и, сунув растерянно подошедшей к нему Маше бумаги в руки, вышел из комнаты.

Когда он спустя четверть часа вошёл в комнату, обе оставленные там женщины, так и пребывали в состоянии какого-то ступора, рассматривая золотые монеты, доверху наполняющие распахнутый настежь сундук.

— Так я и знал, — недовольно проворчал управляющий. — Вы бабы, как сороки. Как только блестящую штучку увидели, так в ступор и впали. Всего делов то, сундук с полновесными имперскими золотыми ящерами.

— Ну да согласен, — Марк остановился рядом с женщинами и также как и они склонился над распахнутым сундуком. — Да, — мечтательно промурлыкал он, — двойной золотой имперский ящер красивая штучка. Какая чеканка. Новьё!

— Маш, — заискивающе посмотрел он на неё. — Может, ты оставишь мне мой сундучок? Ну, я тебе честно говорю, деньги позарез нужны. Тому надо заплатить, другому.

— Завтра! — холодным, деловым тоном неожиданно резко отрубила внезапно очнувшаяся Маша. — Завтра же я знакомлюсь со всеми бумагами и проверю все ваши счета и расходы. И если всё так, как ты говоришь, то тебе потребуется расширение. И ты получишь всё, что тебе нужно по первому же требованию. И людей, и материалы, и всё, всё, всё. И завтра же, не позже вечера ты получишь полный расклад о том, какими средствами можешь располагать.

Встав из-за стола управляющего, Маша с задумчивым видом подошла к большому окну окну и бросила настороженный взгляд на пустынный в этот полуденный час, заваленный снегом заводской двор.

— И вам потребуется дополнительная охрана, — добавила она задумчиво, глядя, как из широко распахнутых, никем не охраняемых заводских ворот выезжают тяжело гружёные подводы, прикрытые сверху грубым серым в разводах полотном, и с теми самыми грязно-зелёными ящиками, которые грузили недавно на телеги.

И изволь не позднее, чем через пару дней подготовить перспективный план расширения. И не скромничай, пиши всё что в голову взбредёт. И прекрати ныть, что приходится много работать. Весь город сидит без работы. У всех стоят все производства, лишь одни вы со сталеварами и работаете. Так что прекрати ныть и давай пиши заявку, что тебе надо. На этой же неделе всё получишь.

Ведь ты же хочешь снова вернуться к художественному литью? — хищно посмотрела она на него. — Значит, тебе надо расширяться.

Мы пожалуй к тебе амазонок молоденьких пришлём, на отработку, — повернулась она к Марку. — Наверняка кто-то из них умеет хорошо рисовать. Вот пусть и работают у тебя. И им хорошо, и нам будет неплохо. А горельник с дорогой подождут.

А теперь иди, подгони нам телеги. И не забудь сундуки полотном сверху прикрыть, — крикнула она в спину скрывшегося за дверью управляющего.

Тишина, установившаяся в комнате после ухода управляющего ещё долго не нарушалась. Только со двора доносились приглушённые звуки какой-то возни, да позвякивали уздечки лошадей, по-видимому, от пригнанных управляющим телег с лошадьми.

— Только я тебя умоляю, — Маша повернулась к баронессе, так и стоящей с задумчивым видом возле распахнутого настежь сундука. — Ничего мне не говори. По поводу охраны я и сама с Корнеем поговорю. Я ему лично шею намылю, чтоб знал мерзавец, как оставлять без присмотра двенадцать сундуков с золотом.

— Мерзавец! — тихо прошептала она, глядя на бумаги, которые так и держала в руках, судорожно прижимая к груди.

Какой же он мерзавец, — снова тоскливо протянула она. — Управляющему, он, видите ли, передал.

Совсем у мужика крышу снесло, — осуждающе покачала Маша головой, сердито глядя на Изабеллу. — Да и Димон,

мерзавец, тоже хорош. Так до сих пор и скрывается от своих девок. Видать, здорово они его достали, — задумчиво пробормотала она. — Ну я им покажу! — сердито прищурясь, Маня с недовольным видом подошла к сундуку и небрежно бросила внутрь вынутые оттуда документы.

Потом будем считать, — хмуро заметила она, заматывая проволоку вокруг дужек замка и навешивая на место сорванную управляющим печать. — Итак уже возвращаться поздно, а с этими подсчётами так вообще затемно обратно домой выедем. Нет уж, считать будем дома. А по дороге переночуем в том же пустом зимовье что и прошлый раз.

Ага? — бросила она рассеянный взгляд на какую-то задумчивую Беллу.

Кликнув ящеров, стоящих за дверью, Маша, с помощью Изабеллы, проследила, как те сноровисто перетащили все сундуки на уже подогнанные управляющим телеги, и аккуратно укрыли всё это большими кусками какого-то серого, грубого полотна, найденного здесь же, в кладовке управляющего. Устало, переведя дух, они обе откинувшись на спинки сиденья Машиной коляски и, посмотрев друг на друга, неожиданно весело и непринуждённо рассмеялись. Жизнь налаживалась.

— Госпожа баронесса, госпожа баронесса, — из резко распахнувшихся дверей конторы выскочил взъерошенный управляющий и бросится к коляске, торопясь их остановить, пока не уехали.

Госпожа баронесса, — тяжело переводя дух и стараясь отдышаться, задыхаясь, промолвит он, протягивая Изабелле какую-то маленькую резную шкатулку, которую бережно прижимал к груди.

— Вспомнил! Слава Богу, что вспомнил!

— Простите дурака, — ударил он себя левым кулаком в грудь, правой рукой осторожно протягивая шкатулку Изабелле. — Совершенно забыл за этими хлопотами. Вам просили передать. Сам Сидор лично и просил. Несколько раз напоминал, да я забыл с этим расстройством по работе, — виновато посмотрел он на неё.

— Что это? — Изабелла недовольно посмотрела на управляющего и нетерпеливо поёрзала на сиденье дивана. — Давайте скорее, — протянула она руку к шкатулке. — А то мы с вами, так и до ночи никуда не выедем.

— Не знаю, что это такое, но Сидор что-то говорил про какой-то свадебный подарок, — извиняюще развёл он руками, передавая шкатулку.

Вздрогнув, Изабелла, осторожно забрала из рук

управляющего изящную вещицу. Ещё некоторое время посмотрев на мнущегося на месте, какого-то взъерошенного, расстроенного управляющего, она неожиданно мило улыбнувшись, сказала, тронув его за руку:

— А я рада, Марк Иваныч, что мы с вами познакомились. Вы делаете такие чудные вещи. Им цены нет. Да, да, — покивала она головой, глядя, как хмурая физиономия управляющего постепенно разглаживается, и он уже смотрит на них сияя, как начищенный пятак. — Вы познакомили нас с настоящим чудом. И мы искренне вам за это благодарны, — чуть улыбнувшись, добавила она. — И поверьте, мы поможем вам выбраться из ваших проблем.

Ещё раз, тепло, попрощавшись с совсем растаявшим от похвалы управляющим, Маша с Изабеллой, помахав ему на прощание рукой, тронулись обратно домой, торопясь успеть добраться засветло до места ночёвки. Ездить ночью, даже с такой, как у них большой охраной, до сих пор было довольно опасно.

Тяжело гружёная коляска, низко осевшая под тяжёлым грузом золота, тихо зашелестела ободьями колёс по утрамбованному слою песка, устилавшему двор завода.

Белла, сидя в коляске, бросила косой взгляд на так и сидящего с самого утра на одном месте воротного сторожа. Казалось, что с того момента, когда они заметили его из окна конторы, он так и не пошевелился, настолько всё это время было неподвижна его фигура. Создавалось полное впечатление, что перед ними сидел манекен.

— "Большой, сдвоенный армейский арбалет, — мысленно оценивая боеспособность так заинтересовавшего её сторожа, Изабелла исподтишка рассматривала сидящего возле ворот, как будто бы уснувшего сторожа. — Ну, это для дальнего боя. Понятно.

Меч, или скорее сабля, — оценивающе глянула она на потёртые ножны, едва выглядывающие из-под небрежно накинутого на плечи тулупа. — Кинжал…. А это что такое?"

Волна холода на миг окатила её, когда она мельком увидела направленный точно в сторону приближающейся к воротам коляски странного вида круглый барабан, незаметно выглядывающий из-под полы небрежно накинутого на плечи сторожа кожуха.

— "Мама дорогая! Многоствольный пружинный арбалет барабанного типа для ближнего боя. Сто двадцать золотых штука! У простого сторожа?"

"Это что же за такой странный сторож сидит возле ворот, в потёртом кожушке и драных сапогах? У которого столько редкого

и дорогого оружия под рукой, что потянет не менее чем на две, а то и на все три сотни золотом? И это только то, что я сейчас мельком вижу!"

Белла почувствовала, как горячая, молодая кровь прилила к щекам, заставив лихорадочно заблестеть глаза и сердце учащённо забиться. За всем тем, что она сегодня увидела, чувствовалась какая-то тайна. Боевой, израненный ветеран, находящийся на излечении и отдыхе у себя дома и ведущий себя столь странным образом, как будто всё время ждёт откуда-то угрозы или нападения. Который совершенно не расслабляется, находясь, казалось бы на отдыхе, и при первой же ошибке часового избивает того чуть ли не до полусмерти. Как будто в безмятежном полуденном сне уснувшего на посту часового для него таилась смертельная угроза, которую только чудом миновали.

Потом. Оружие странного ветерана, по суммарной стоимости намного превосходящее всё то, что она могла сама себе позволить без серьёзного ущерба для своего, отнюдь не маленького баронского бюджета.

Изабелла неожиданно почувствовала себя как молодая боевая кобыла, услышавшая звуки военных труб. Ей неожиданно стало страшно весело и жутко интересно. И недавняя попытка её убийства, и мятеж теперь уже не казались ей глупой случайностью и чьей-то невольной ошибкой. Да, именно попытка убийства, а не что-либо иное, не случайность, как её настойчиво пытался уверить её же собственный Советник, явно не понимающий что вокруг них что-то происходит.

Тень чего-то косого, изломанного кольнула её левый глаз.

— "О! Мама, — мысленно Изабелла длинно замысловато выругалась. — Стеновой десятизарядный арбалет, спрятанный за амбаром слева от ворот. А вот тебе ещё и парочка сторожей рядом. Судя по косым взглядам — в любой момент стрельнут.

Так вот чего подгорные ящеры на самом деле боятся. Вот почему дальше ворот больше не суются".

Изабелла почувствовала необычный прилив сил. Интрига! Бой! И в этот момент, проезжая мимо странного сторожа и поймав на себе его мимолётный, но пронзительный, внимательно настороженный взгляд, она мгновенно поняла, что всё, полоса тоски, ничегонеделания и безделья, так угнетавшие её последние полгода, кончилась.

Всё! Всё вокруг было интересно. И краски, и цвета окружающего её леса и оставшаяся уже за спиной ограда завода с захлопнувшимися за ними въездными воротами, приобрели необычную яркость и контрастность. Всё теперь смотрелось по-иному. И за всем этим таилась какая-то странность и тайна, и она

была в самом её центре. Око бури! И теперь, совершенно неожиданно для себя, всё то, что произошло несколько месяцев тому назад с нею в землянке, и то, что шевелилось теперь внутри неё, уже не казалось ей таким мерзким, вызывающим лишь тошноту и брезгливость.

Теперь даже Сидор, этот непонятный, странный человек и её формальный муж, про которого она раньше не могла без содрогания, и подумать, уже не будил в ней столь острых, однозначно негативных чувств. За ним и за тем, что он делал, стояла какая-то интрига и тайна. И этот человек уже не казался ей столь пустым и однозначным. И это было необычно и снова интересно. И жизнь её уже не была столь бледной и пустой, как ещё даже пару месяцев тому назад.

*Обратная дорога.**

С того момента, как только за последним ящером из охраны закрылись ворота стекольного завода, до того не закрывавшиеся как казалось, даже на ночь, и до того момента, когда за поворотом скрылась невысокая заводская ограда, играющая скорее чисто декоративную роль, чем имеющая какое-то серьёзное оборонительное значение, Маша не издала ни звука. Лишь только горящие нетерпением возбуждённые её глаза не сводили любопытного взгляда со шкатулки, в руках баронессы.

Наконец, видимо окончательно истощив своё и так небольшое терпение, она не выдержала:

— Ну? — нетерпеливо посмотрела она на невозмутимую баронессу, сидящую напротив неё с отрешённым видом, — Мы так и будем дальше сидеть и молчать? Или может быть, всё же посмотрим на твой подарок?

— Давай, давай, — нетерпеливо потеребила она за многострадальный рукав Изабеллы. — Быстрее открывай, посмотрим, что тебе Сидор прислал.

— А почему ты решила, что это мне, и что прислал это Сидор? — смутилась баронесса, судорожно вцепившись в шкатулку и не подымая на Машу глаз.

— Ну да, конечно, — фыркнула насмешливо Маша. — Это прислали не тебе, и прислал не Сидор, а безтелесный дух святого Иоанна Грозного незнамо кому и незнамо зачем.

— Давай, давай, — снова потеребила она рукав Изабеллы. — Открывай, посмотрим.

Смущённо посмотрев на нетерпеливо приплясывающую на сиденье Машу, Изабелла, обречённо вздохнув, отцепила

привязанный к ручке шкатулки небольшой ключик и щёлкнула внутренним замочком.

— Ого?! — Маша, замерев от потрясения замерла в неподвижности, глядя на то, что открылось внутри.

— Однако тебя Сидор и балует, — потрясённо выдохнула она.

— Поморские изумруды, — тихо, едва слышным голосом выдохнула Изабелла, побледнев чуть ли не до синевы. — Чистейшие! Полный свадебный гарнитур. Колье, серёжки, браслет и колечко, — тихо проговорила она, в каком-то трансе перебирая ювелирные изделия, в беспорядке сваленные в шкатулке. — Редкость, практически больше не встречаемая, — тихо заметила она.

— У нас такие раньше были. У матери, — добавила она чуть погодя, вынимая колье из шкатулки и протягивая его Маше.

— Потом, нам пришлось его продать, — добавила она чуть погодя, глядя сумасшедшими глазами на то, что находилось там ещё внутри.

— Та-ак! — довольно улыбаясь, заметила Маша, беря в руки колье и примеривая его к себе на грудь. — Кто-то там что-то говорил, что это не её? Кто бы это мог быть? — насмешливо посмотрела она на красную как рак, донельзя смущённую баронессу. — А тебе ничего, — оценивающе окинула она взглядом баронессу, прикладывая ей к ушам вытащенную из шкатулки серёжку. — Под твои голубенькие глазки, чистейшие зелёные изумруды, в самый раз будут.

Значит, говоришь, поморские, — возвращая обратно колье, с задумчивым видом проговорили она. — Странно. Что-то я такое про эти изумруды слышала, — вопросительно глянула она на Изабеллу. — Может, просветишь?

— А что тут просвещать, — нехотя пожала Изабелла плечами. — Много лет назад они ещё встречались, лет этак с пятьдесят назад, а с тех пор, как там, в Приморье, из-за них была большая война между пиратами и западными баронами, так они из продажи и пропали. И никто ничего не знает. То ли копи пропали, то ли полностью выработались, то ли полностью уничтожили всех, кто что-либо знал об этих копях, неизвестно. Одним словом с тех пор в продаже были только те камни, что сохранились в чьих-либо семьях, или остались ещё у ювелиров по схронам.

— Но это явно свежие камни, — задумчиво потеребила она золотую цепочку в руках, разглядывая кулон. — Камней такой величины, да к тому же не огранённых, быть просто не должно, — недоумённо повертела она в руках кулон. — Да и остальные камни, — с задумчивым видом взяла она в руки перстенёк. —

Работа явно поспешная, как будто у ювелира не было времени на достойную огранку и чтобы подобрать оправу получше.

— Под камни явно подгоняли уже сделанные ранее оправы, — уверенно заметила она, протягивая Маше колечко. — Да и с кулоном, та же история, — задумчиво пробормотала на себе под нос, внимательно рассматривая колье. — Ага, — буркнула она тихо, — и с остальными та же история.

— Это новые камни, — уверенно заявила она, протягивая кулон обратно Маше. — Совсем недавно вставленные в не совсем подходящую для них оправу. Если это заказывал Сидор, то ему явно не хватило времени, чтобы сделать работу так, как следует. Он явно куда-то торопился, и у него не было достаточно времени на то, чтобы обратиться к действительно хорошему ювелиру.

— Они нашли старые копи, — уверенно глядя Маше в глаза, тихо проговорила Изабелла.

— Да, да, да, — внимательно посмотрев на Изабеллу, зачастила Маша. — Помню, помню. Было там, в бумагах что-то про самоцветные камни.

— Точно! — хлопнула она себя по колену, возбуждённо глядя на Изабеллу. — Там, — задумчиво посмотрела она на неё, сведя к переносице брови и наморщив в глубокой задумчивости лоб. — Там что-то говорилось что-то о его доле в общем доходе, сложенной в какой-то сундучок.

— У нас только один сундучок, — пересохшими от волнения губами, выдохнула баронесса.

— Тот, что мы сунули себе под ноги в коляску, — медленно проговорила Маша, наклоняясь и заглядывая под диван коляски своего тарантаса. — Тот самый, что нам так небрежно подсунул управляющий, сказав, что с ним надо быть поаккуратнее и что место его у нас в ногах. Как много сундучков…

С лёгким раздражением в голосе Маша, сунув по локоть руку под диван тарантаса, поднатужившись, с трудом вытащила оттуда небольшой, но очень тяжёлый сундучок, опять же с толстыми накидными петлями, обмотанными кожаным шнурком и с кожаной биркой с выдавленной на ней баронской печатью.

— Ага! — с глубокомысленным видом уставилась она на печать. — Сидор повадился пользоваться твоей печатью, — раздражённо хмыкнула она, с недовольным видом потеребив свисающие из-под печати концы шнурка. — С чего бы это?

Ну? — вопросительно взглянула она на Изабеллу. — Будем вскрывать, или оставим до возвращения Сидора?

— Вскрывай! — выдохнула баронесса, глядя на Машу возбуждённым, каким-то шальным взглядом.

Маша, глянув на неё не менее весёлым, безшабашным

взглядом, резким движением кисти сорвала печать и стала судорожно разматывать кожаный шнурок, стягивающий петли замка.

Размотав, она, приноравливаясь к колебаниям коляски, плавно распахнула сундук и, откинув крышку, молча уставилась внутрь.

— М-да, — мрачно буркнула Маша. — Не тут то было.

— Да-а, — разочарованно протянула Изабелла, следом за ней заглядывая в сундук. — И хотели бы посмотреть, да нечего, — с разочарованным видом взяла она один из небольших кожаных мешочков с туго перетянутым и запечатанным горлом, которыми был набит сундук.

— Пахом Белый, — прочитала она надпись на бирке, прикреплённой к шнурку.

— Иван Подопригора-второй, — взяла она в руки следующий мешочек. — Пять больших и три маленьких, — грустно добавила она, повертев бирку перед глазами.

— Наследство егерей, — хмыкнула она расстроено. — Хоть бы письмишко пояснительное оставили, — растроенно буркнула она. — Ничего не понятно.

Разочарованно посмотрев на не менее неё расстроенную Машу, она небрежно бросила мешочки обратно в сундук, и попыталась было захлопнуть крышку.

— Стоп! — перехватила её руку Маша, заметив что-то интересное в сундуке.

— Бугуруслан! — с нотками возбуждённого торжества в голосе, тихо прочитала она надпись на мешочке, чуть побольше остальных. — Десять крупных и три мелких, — добавила она, внимательней присмотревшись к мелким буковкам, выдавленным на коже.

Бугуруслан это у Сидора десятник из крепости в горах был, — возбуждённо затараторила Маша, нервными пальцами перебирая ткань мешочка. — Его Корней нашёл и он нанялся к нам на работу. Давно, ещё в том году. Потом у него были какие-то разборки с Сидором. Не помню, чем у них там дело кончилось.

С хищным выражением на лице она бросилась яростно перерывать сундук, не обращая особого внимания на устроенный ею хаос.

— Есть! — звонкий восторженный вопль, раздавшийся из коляски, заставил даже ящеров, плотным двойным кольцом окружавших коляску оглянуться встревожено на неё.

Не заметив ничего подозрительного или опасного, они тут же вернулись к своим обязанностям, не обращая больше внимания на возбуждённо что-то обсуждавших женщин.

— Есть, — трагическим шёпотом, восторженно блестя глазами, повторила Маша, сжимая что-то в руке. — Есть Сидор, Димон!

Разжав судорожно сжатую ладонь, она протянула Изабелле небольшой мешочек, вроде тех, что они уже нашли.

— Семь крупных, один мелкий, — прочитала на прикреплённой бирке Изабелла, чуть ли не шёпотом, возбуждённо блестя глазами. — Один большой на кулон, два больших на браслеты и два мелких на серёжки, — тут же добавила она новый подсчёт к списку изумрудов.

— Будем вскрывать? — возбуждённо глядя на неё, нервно потеребила её за рукав Маня.

— Я? — растерялась Изабелла. — Я не…, - неожиданно замялась она.

— Э-э! — безпечно махнула Маша рукой. — Потом разберётесь, а сейчас давай вскроем? — вопросительно и одновременно жалобно посмотрела она на неё. — Ну, интересно же, мочи нет! — притопнула она от нетерпения ногой.

Тяжело и обречённо вздохнув, Изабелла решительно сдёрнула с горловины мешочка бирку с именем владельца и осторожно заглянула внутрь.

— Есть! — судорожно сцепив пальцы на горловине мешка, тихо выдохнула она, откидываясь обратно на спинку дивана. — Те самые. Поморские. Из копей. Не обработанные, — обречённо проговорила она, глядя на Машу жалобным взглядом.

— Ага, — довольным тоном пробормотала себе под нос Маша, буквально выцарапав изумруд из мешочка и внимательно его рассматривая на солнце. — Большой! — удовлетворённо констатировала она, бросая его обратно и туго затягивая горловину шнурком.

Значит, общим числом у нас семнадцать больших и четыре маленьких, — задумчиво пробормотала она себе под нос. — Значит, надо подумать, что оставить Димкиным девочкам, а что взять себе, — подбросив мешочек на ладони, она шальным взглядом посмотрела на Изабеллу и тут же уточнила. — Про тебя не говорю. Тебе уже Сидор подарок справил. Теперь и о нас с девочками надо подумать.

Жаль, у нас в городе ювелира хорошего днём с огнём не сыщешь, — расстроено пробормотала она. — Придётся ждать этих двух оболтусов, чтобы заказали в Приморье и нам что-нибудь подобное, по-деловому кивнула она на шкатулку с украшениями Изабеллы.

— А если Сидор будет против? — осторожно поинтересовалась Изабелла, внимательно глядя на разошедшуюся

Машу. — Вообще-то, надо посмотреть записи, как он распорядился на сей счёт.

— Ерунда, — отмахнулась безпечно Маша. — Главное не то, что он написал. Главное, не дать профессору добраться до изумрудов раньше нас с девочками, а то он непременно их пристроит в какой-нибудь свой микроскоп. Это ведь такая зараза, этот профессор. Ему только дай волю, так он все камни изведёт на свои опыты, даже пыли потом от них не найдёшь.

Ты, главное, ему ничего не говори, — тут же принялась она по-деловому наставлять, замершую чуть ли не в ужасе от подобной перспективы баронессу. — Мол, ничего не знаю, ничего не видела и всё! Не дай бог, он о них узнает, тогда беды точно не оберёшься. Тогда он точно их куда-нибудь да воткнёт. В свой какой-нибудь дурацкий лазер, который возьмётся тут же изобретать или вообще перемелет на порошок, который, как неожиданно ему придёт в его гениальную голову, добавить в какой-нибудь дурацкий сплав для прочности.

— Но…, - попыталась, было что-то возразить баронесса.

— И то, что тебе подарил Сидор, тоже не показывай, — решительно оборвала её Маша. — Ни в коем случае! Я лучше тебя знаю это чудовище. Для него нет ничего святого, кроме его науки. Выковыряет из оправы и вставит себе в микроскоп. Точно тебе говорю, — тяжело, с нотками обречённости в голосе вздохнула она. — Вспомни историю с платьем княжны, которое он разорвал себе на опыты. Его потом за это она чуть на костре не сожгла, да не успела. Мы помешали, — пояснила тут же она. — Мужики, они вообще, без мозгов. Одним словом, инопланетяне. Так что ждём Сидора с Димоном и только после этого оповещаем профессора, что у нас, мол, есть такие камни. С ним никто, кроме твоего Сидора справиться не может, а у Сидора к нему подход. Что тот ему обещает, не знаю, но почему-то всегда профессор его слушает. Ну, или почти всегда, — тут же смущённо поправилась она.

Весь дальнейший путь, все два дня. вплоть до того момента, когда вдали, уже глубоко под вечер второго дня вдали показались крепостные башни Старого Ключа, никто из сидящих в коляске так и не вымолвил больше ни слова. И только когда они уже подъезжали к воротам Медвежьей крепости, Маша негромко заметила:

— Пожалуй, тебе стоит переночевать у нас дома, здесь в крепости, а завтра с утра мне бы не помешала твоя помощь в банке.

Если ты не против, то милости просим, — внимательно посмотрела она на Изабеллу.

— Да мне то что, — безразлично пожала плечами баронесса. — Что там в землянке, что здесь у тебя в крепости, всё едино. У тебя заночевать мне даже лучше, хоть не надо будет посылать в трактир за едой. Не думаю, что Советник ждёт меня с горячим ужином.

Посмеявшись над нарисованной баронессой картиной ожидающего Советника с накрытым столом и горячим ужином, они, весело посмеиваясь, въехали в ворота крепости и до утра так и перебирали сммозабвенно самоцветные камни, и любуясь новым украшением баронессы.

— А ты знаешь, Белла…., - Маша с задумчивым видом теребила ремешок с биркой, которым был перевязан мешочек с их изумрудами, — что я думаю?

— А Васька то, мужичок тот, сталевар, себе на уме.

Инженер с железного завода, — с задумчивым видом пояснила она Изабелле, с молчаливым непониманием в глазах вопросительно глядевшей на неё.

Этот мерзавец так на нас насел, так заболтал, так заугощал деликатесами, да разными вкусностями, что мы как-то…. Я! — тут же поправилась она, немного смутившись под насмешливым взглядом Изабеллы. — Я не заметила, и даже не подумала, что за все его художества ведь надо платить. За эту его новенькую доменную печь, досрочно введённую в строй, — хмыкнула она, буквально дословно процитировав инженера. — За деревни эти его "потёмкинские", что он подготовил для заселения каким-то неизвестным специалистам, которых он якобы намеревался сманить к себе на работу. Да и за всё остальное. Вспомни хотя бы горы булыжника, которыми завален был задний двор и которым они собирались мостить двор. Это же недешёвая работа, а он о ней говорил, как о деле совершенно решённом….

Вспомни!

Чуть прищурив глаза, Маша видимо зрительно представила себе нарисованную ею картину.

— За всё время, что мы там были, он ни разу, — Маша, воодушевившись, подняла вверх указательный пальчик, чуть ли не ткнув им в висящую низко над столом керосиновую лампу, — ни единого раза не то, чтобы сказал, а даже не обмолвился о деньгах. Как будто он уже давно живёт при коммунизме, и оно всё само собой строится.

Маша с довольным, победоносным видом грозной кошки, поймавшей мышку развела руками в стороны.

— Ай, да Васька! Ай, да шельмец! — с искренним восхищением на лице тихо поцокала она языком. — Заболтал меня, дуру, до полной невменяемости.

И выгнал! — бросила она весёлый взгляд на Изабеллу.

Да, да! — покивала она головой. — Именно так! Именно выгнал! Пока нам в голову не пришла простая такая мысль. А на что всё это строится? На какие такие шиши?

А вспомни ка те срубы, что мы видели по дороге к Марку на стеклозавод. Я тогда ещё про себя подивилась, куда столько. А ведь он точно народ сманивает, — задумчиво протянула она.

Одно дело молодого, безсемейного сманить и в казарме поселить, и совсем другое дело, когда надо сманить мастера. Да ещё с подмастерьями, с работниками, с семьями, с хозяйством…. Этим уже готовый дом подавай, да хлев под скотину, да баньку… И работу…, - задумчиво протянула она. — Хорошие перспективы по работе….

Скотина! Какая же он скотина! — с искренним восхищением в голосе, протянула медленно она, покачивая головой. — Ведь он же нас даже на стены ограды не пустил, чтобы мы сверху оттуда чего-нибудь лишнего не увидели. Всё по каким-то задворкам водил, заваленным всяческим мусором. А потом накормил от пуза, так чтобы мы даже глаз продрать не смогли от навалившейся сонливости. От шельмец!

Я это всё к чему говорю, — повернулась она снова к баронессе. — Я это к тому, что у него тоже деньги есть. Этакий немаленький сундучок с золотом. И не меньше, чем у Марка. Даже наверняка больше, — воодушевившись, довольно заметила она.

Он потому нас и заболтал, чтобы мы об этом даже не подумали, как сороки пялясь на выставленное прямо нам под нос богатство. На всякие там непонятные флюсы, да медь с бронзой в слитках. А потом ещё и лекцию на полтора часа закатил.

— А ведь есть у него золото, есть!

Маша, прищурив глаза, с каким-то хищным, жёстким выражением, проступившем на лице, весело смотрела на Изабеллу.

— Точно тебе говорю, есть у него сундук с золотом. А то и не один. Раз ребята столько денег только нам прислали, то и ему Сидор должен был дать. Не мог не дать. Будь уверена, я его знаю. И эту его манеру разбрасывать деньги я тоже знаю. Никогда не держи все яйца в одной корзине. Вот его девиз. Да и Марк о чём-то таком мимолётно обмолвился…, - задумчиво прбормотала она, вспоминая.

Ну да ладно, — медленно протянула Маша. — Пусть пока живёт. Пусть думает, что я ничего не поняла. Наивный! — хищно ухмыльнулась Маша. — Но, ничего, я тебе, Васенька, как-нибудь потом это ещё припомню. Чтоб ты в другой раз хорошенько

подумал, кого дурить вздумал.

— А ты что это такая смурная? — наконец-то обратила она внимание на необычно задумчивую и молчаливую баронессу, которая за всё время её монолога не проронила ни единого слова.

— Камни эти из головы не выходят, — тихо, выдержав недолгую паузу, откликнулась Изабелла. — Как бы с ними у вас проблем не было?

— А! — безпечно отмахнулась от её страхов Маша. — Одной больше, одной меньше, всего делов то. У нас каждый день проблемы. Возникают прямо как из воздуха. Расстраиваться ещё и из-за каких-то поганых каменьев. Брось! Было бы с чего! И как говаривали в одном анекдоте про старого еврея: "….Не дождётесь!"

— И ещё, — тихо проговорила Белла, предостерегающе глядя на Машу. — Насколько я разобралась в характере вашего сталевара, лучше тебе будет их не трогать. Возятся они там себе увлечённо, пусть и дальше возятся. А про его сундук с золотом — забудь. Тебе же будет спокойней.

Глава 7 Банк. Книги товарища Фадеева…

Расчёт по долгам. *

Исполняющая обязанности Управляющего Банка "Жемчужный" Марья Ивановна Корнеева сидела в удобном кресле на просторной открытой банковской террасе, прикрытой от сыплющегося из низких облаков мелкого сухого снега красивым резным навесом, и с мрачным видом рассматривала толпящийся перед террасой народ. Эта низкая, практически на уровне земли, очень удобная, комфортная терраса была по её требованию пристроена к парадному входу в банк совсем недавно, как раз накануне прошедших недавно событий. От струганного, свежего дерева ещё пахло приятным запахом свежей, смолистой древесины, едва заметно перебиваемым ещё не до конца выветрившимся резким химическим запахом профессорской морилки под красное дерево, последним его изобретением, которым он очень гордился и чуть ли не силой навязывал всем своим друзьям и знакомым.

От тихо гомонящей толпы её отсекала редкая цепь егерей, стоящих по краю террасы и широкий стол, стоящий прямо между нею и первым в очереди мужиком, бросающим на неё настороженные, косые взгляды.

Затянувшееся молчание, давило уже тяжёлым грузом ей на плечи, но начинать она не хотела, не дождавшись Изабеллы, с которой они вчера договорились с утра вместе провести выплаты. Честно говоря, самой ей было немного боязно сталкиваться одной с грубыми, здоровыми мужиками, стоящими сейчас по ту сторону оцепления. А Изабелле это было на удивление легко. Она ничего сложного в том не видела и спокойно согласилась помочь Маше с выплатами и разговорами с грубым мужичьём.

За её спиной стоял небольшой ящичек на колёсах, из которого обычно производились все выплаты. Видать поэтому толпа, в столь ранний час собравшаяся перед крыльцом банка, вела себя достаточно сдержанно, спокойно дожидаясь заявленного часа начала. И только шелест одежд, да поскрипывание сапог многочисленных родственников, пришедших по обычаю поддержать своим участием семьи погибших, нарушали стоящую на площади в столь ранний час тишину.

— Ну вот и баронесса. Наконец-то! — облегчённо обратилась она к мужику, стоящему первым в очереди и давно уже начавшему проявлять признаки раздражения.

А тут народ уже нервничать собрался, — с чувством лёгкой досады заметила она Изабелле, прошедшей мимо тихо гудящей очереди, проводившей её угрюмыми взглядами.

Опустившись рядом с ней в стоящее сбоку большое, удобное кресло, Белла невозмутимо бросила.

— Как договаривались, в восемь утра. Сейчас, восемь ноль, ноль, — поднеся руку глазам, Изабелла бросила мимолётный взгляд на изящные миниатюрные часики в золотом корпусе, подарок Сидора.

Это было единственное, что она приняла от него в подарок за всё время их совместного проживания в городе, и как знала Маша, правда со слов самого Сидора, очень дорожившая столь редким и дорогим подарком.

Где сам Сидор нашёл такие часы, он даже Маша, даже по страшному секрету не сказал, храня упорное молчание. Только морщился, а если она в своём упорстве наседала, то начинал грубо и грязно ругаться, говоря что он и врагу такого больше не посоветует. Но судя по тому что он после этого несколько месяцев не брал из кассы компании ни копейки на свои личные нужды, восполняя из своего кармана затраты на миниатюрные часики, заплаченная им за такую редкость сумма даже его впечатлила.

— Итак, — посмотрела она прямо на мужика — Фамилия, имя, отчество, причина здесь появления.

— Иван Дюжий, Васильев сын. Пособие на младшего сынка по смерти, — угрюмо глядя на неё, негромко отозвался мужик.

— Это из тех, что с Бугурусланом отправились? — Маша вопросительно взглянула на Дашку, пристроившуюся рядом с ней с кучей бумаг.

Та-ак, — протянула с задумчивым видом Маша, искоса посматривая на мужика и косясь одним глазом в бумаги, подсунутые ей Дашкой.

— Иван Иванович Дюжий. Бывший егерь бывшего десятка Бугуруслана, погибший в Приморье. Жалование, пособие по смерти и наследство.

— Бывший егерь бывшего десятка, — задумчиво пробормотала Маша. — Хм, ничего не понимаю. Что у него там происходит. Ну да ладно, Сидор вернётся, сам разбираться будет. А моё дело маленькое — выполнять отданные письменные распоряжения. Вручить тебе деньги и известить о самом факте наличия наследства.

— Хм, — угрюмо буркнул мужик. — Ещё и наследство? А это

ещё что такое? Никак драные порты моего непутёвого сынка решили мне вернуть.

— Драные, драные, — рассеяно отсчитывая золотые монеты жалованья и пособия, негромко пробормотала себе под нос Маша.

— Принимай, — пододвинула она небольшую горку серебра с несколькими золотыми монетами в сторону мужика. — Здесь расписывайся в получении, — ткнула она изящным пальчиком в строку общего списка, лежащего перед ней.

— Дождавшись, когда мужик, пересчитав деньги, расписался, тщательно выводя на бумаге свою фамилию, она взяла в руки другую бумагу, поданную ей Дарьей, и протянула мужику.

— Теперь, наследство. Драные портки, — хмыкнула она, качнув с усмешкой головой.

Кивнув егерям, стоящим возле сундука, прикрытого полотном, она дождалась, когда оттуда извлекут два небольших, изящных деревянных ящичка с чем-то тяжёлым и кивком головы показала им поставить их на стол.

— Расписывайся, расписывайся. Чего застыл соляным столбом, как жена Лота, — несколько раздражённым голосом поторопила она застывшего в неподвижности мужика.

— Это что? — мужик с угрюмым видом ткнул ей прямо под нос поданную ему ранее бумагу.

— Наследство, — прочитала название документа Маша.

Там, по-моему, всё ясно написано, — недовольно посмотрела она на мужика, отстраняя рукой сунутую ей прямо под нос бумагу. — Имя есть, подписи стоят. Изымается на срок до десяти лет, включительно. После окончания которого, наследники имеют право на получение или его, или эквивалентной ему стоимости в золоте.

В случае необходимости, банк оставляет за собой право воспользоваться этой частью наследства в своих интересах с выплатой наследникам его полной стоимости в текущих ценах и части полученной выгоды.

Вот короб, — легонько похлопала она ладонью по одному из ящичков. — Короб запечатан, печати банка на месте, не нарушены. Чего ещё надо?

Что непонятного? — Маша внимательно посмотрела на стоящего перед ней мужика. — Всё же ясно. Или через десять лет получаете то, что там лежит, или получаете эквивалент его стоимости в золоте. Это если банк решит его использовать. Решение — на усмотрение живых компаньонов твоего сына. Никакой инициативы наследников в этом вопросе нет и не будет.

— Ну и что же там такого, что это можно получить только через десять лет? — угрюмо посмотрел на неё мужик.

— А вот говорить об этом запрещено общим решением компаньонов твоего сына, — негромко уточнила баронесса, внимательно глядя на стоящего перед ними мрачного мужика. — Проще говоря, мы не знаем.

— А если я не согласен, — угрюмо посмотрел на них мужик.

Маша раздражённо смотрела на мужика.

— "Хрен тебе Ванька по всей морде, а не поморские изумруды. Ну чего кобенится", — сердито думала она, глядя как тот пререкается с Беллой, что-то своё доказывая. Слушать то что тот говорил, не было ни малейшего желания.

Вчера она самым тщательным образом проштудировала инструкцию, найденную ими с Беллой на дне сундучка с поморскими изумрудами. И там чёрным по белому было недвусмысленно сказано: "Никто, ни при каких обстоятельствах, ни в коем случае не должен узнать о факте наличия у нас поморских изумрудов".

Причина столь жёсткого требования объяснена не была, но именно на данном положении Сидор несколько раз упорно настаивал в своём письме, грозя в случае разглашения нешуточными карами для допустившего его.

В устах Сидора подобные угрозы звучали просто дико и именно поэтому Маша была настроена неукоснительно придерживаться рекомендаций, и во всех делах, связанных с нежданно свалившимися им на шею поморскими изумрудами придерживаться железного правила: "Велёно — пилёно". "Сказано в сад, значит в сад". А за те сундуки с золотом, что она от них с Димоном получила, она готова была им простить всё, даже такое непонятное, совершенно бредовое условие.

"Сказал нельзя, значит — нельзя. Сказано на десять лет — значит на десять лет".

До задумавшейся Маши донеслись голоса спорщиков.

— А нас твоё согласие не интересует. Нам его не надо, — несколько раздражённо заметила Изабелла. — Тебя просто уведомляют, что у тебя есть что-то, что ты сможешь получить не ранее, чем через десять лет. Что-то достаточно дорогое, что могло бы представлять интерес и через десять лет. И не более того. Подписывай два экземпляра извещения, что ты просто проинформирован, и убирайся. Иди, оформляй своё другое наследство. Ну а не хочешь — не подписывай. Нам всё равно, — чуть раздражённо она передёрнула плечами. — Это ничего не меняет.

— Ну, ну, — ещё более угрюмо зыркнул на них мужик, бросив косой взгляд на насторожившихся у него за спиной егерей. — Подготовились, значит, — повернув голову назад, угрюмо

заметил он, оглядывая за спиной притихшую толпу и настороженно поглядывающих на него вооружённых егерей, стоящих между ним и очередью.

Ладно, — тихо проговорил он. — Мы ещё посмотрим.

Взяв лежащее перед ним заточенное гусиное перо, он, в сгустившейся у него за спиной тишине, внимательно осмотрел кончик, потрогал его пальцем и, окунув в стоящую с краю стола чернильницу, широко и размашисто расписался на обоих листках.

— Всё? — злобно зыркнув на безмятежно глядящую на него Изабеллу, негромко поинтересовался он.

— Нет! Ещё ведомость на получение наследства.

Маша протянула ему другую бумагу и указала на стоящий рядом с ней ящичек.

— Подписывай и можешь забирать.

— Это что?! — мужик с немного растерянным видом перевёл свой взгляд с бумаги на сидящих перед ним женщин и недоумённо протянул им ведомость назад.

— Как ты меня достал, — тяжело вздохнула Маша. — Наследство это твоё. Только другое. Ящик отдельно, а это отдельно, как мухи и котлеты.

Тут то, что твой сын заработал за несколько последних месяцев. Тысяча двести пятьдесят шесть золотых имперских ящеров в монетах имеющих хождение в нашем городе, — прочитала она, бросив косой взгляд на сунутую ей прямо под нос ведомость. — Чего непонятно? Подписывай и забирай, — толкнула она в сторону мужика стоящий перед ней другой, точь в точь как и первый небольшой деревянный ящичек.

— Вы, уважаемый, уже целый час здесь возитесь, — негромко процедила сквозь зубы баронесса, глядя на того ясными, голубыми глазами. — Поторопитесь сударь, а то нам здесь сидеть придется несколько суток с такими как вы наследниками.

Мужик, с немного растерянным выражением лица, быстро схватил брошенное только что им перо и размашисто подмахнул ведомость. Легко подхватив стоящий перед ним тяжелый ящик, он с ошарашенным видом повернулся, было уходить, и неожиданно застыл, повернувшись обратно.

— И на какую сумму я могу рассчитывать, если соберусь продать другую часть сынова наследства, — глядя прямо в глаза Маше, тихо поинтересовался он.

По мгновенно установившейся вокруг оглушающей тишине и по напряжённым лицам собравшихся, было отчётливо видно, что этот вопрос являлся сейчас для них наиболее важным. Даже более важным, чем та безумно огромная сумма, только что выплаченная банком семье погибшего егеря.

— Приходи через десять лет, узнаешь, — негромко ответила Маша, в упор глядя на него.

В окружающей их тишине было отчётливо слышно тяжёлое дыхание стоящего перед ними мужика, с непонятным выражением глядящего на них.

— Ладно, — неожиданно весело ухмыльнулся он, — придём! — И легко закинув тяжёлый ящик с золотом себе на плечо, сбежал с террасы в толпу тут же окруживших его шумных и весёлых родственников

Следом за первым работа пошла веселей. Теперь уже никто из немногих причастных, не спрашивал, что у них там такое спрятано за наследство. Быстренько подмахнув подсунутые им бумаги, они с довольным видом подхватывали тяжеленные ящики с чудовищно огромными заработкам своих сыновей, мужей, братьёв, или иных родственников и торопливо спешили по домам, похвастаться полученным золотом.

Единственно, кто себя плохо почувствовал так это родственники тех егерей, что погибли здесь, в городе, во время мятежа амазонок. Они никак не могли поверить что им не полагалось тысячных выплат.

Пришлось Маше вместе с Изабеллой чуть ли не до самого вечера кричать, до хрипоты в голосе объясняя разгневанным собравшимся, что деньги, которые получили родственники егерей, ушедших с Сидором, являются не жалованьем, а результатом их самостоятельной коммерческой деятельности у ящеров, то есть в Приморье.

Чуть не сорвав окончательно голос, Маше пришлось отбиваться от недовольных этим обстоятельством родственников погибших, объясняя, что жалованье, это совсем не то, что доход от торговли. Что она не имеет ни малейшего представления, на чём они там столько заработали и почему другие не поставлены были в известность о столь высокой доходности этого похода.

— Ну, знаете — наконец-то не выдержав, орала уже в полный голос Маша. — Вот когда вернутся обратно, тогда будете уже у них спрашивать, а сейчас нечего ко мне приставать, что, да почему. Я сама ничего не знаю.

— Не знает она, — заорала ей, чуть ли не в лицо какая-то тётка, размахивая у неё прямо перед лицом расчётной ведомостью. — А мне дочь рассказывала, что они там у вас на стекольном заводе чуть ли не в три смены вкалывают, и всё равно с заказами не справляются.

Куда это вам столько стекла понадобилось?! — орала она, уже прямо в лицо Маше.

— Хочешь подработать, так милости просим на завод. Там

такие горластые как раз нужны. Объявлять начало третьей смены.

Негромкий равнодушный голос Изабеллы немного охладил разошедшуюся было толпу, сбив ненадолго разгорающиеся страсти, но всё же, основным, кто остановил разгорающуюся склоку, как ни странно оказался Городской Голова.

Уже ближе к вечеру явившись на площадь, он поначалу никак не мог разобраться в том, что здесь происходит. Но потом, увидав довольные рожи каких-то мужиков, волокущих чуть ли не волоком здоровый сундук, как они ему тут же похвастались, с серебром, пришёл в дикое возбуждение.

Видимо решив, что ему может не достаться, он вломился прямо на середину террасы и, перекрывая своим рёвом шум собравшейся толпы, заорал, привычно перехватив рычаги управления толпой.

— А ну тихо!

В мгновенно установившейся тишине слышно было лишь тяжёлое и возбуждённое дыхание оставшихся возле банка неудовлетворённых родственников погибших. И ещё не рассчитанных до конца егерей и тихая возня возле опустевшего угла, где ещё недавно стояла куча небольших, тяжелых ящичков с золотом.

Там, недовольные родственники, копались среди раскиданных пустых ящиков, оставшихся после выплат и с раздражённым видом пинали пустые сундуки, вымещая на них своё глухое раздражение от обманутых надежд.

— А ну тихо, я сказал! — громким, властным голосом, привыкшим командовать и не допускающим неповиновения, мгновенно добился Голова установления тишины.

— С кем не рассчитались, остаются. Остальные, марш отсюда! — неожиданно зло рявкнул он на собравшихся.

Добившись таким способом кое-какой управляемости столпившейся возле стола толпы, он быстро разогнал недовольно ворчащую массу людей по домам, позволив Маше с Дарьей быстренько рассчитаться с немногими оставшимися.

— Ну вот, — удовлетворённо заметил он, присаживаясь на перила напротив стоящего у края террасы стола. — Все и довольны. А то развели, понимаешь, демократию с объяснениями кому и за что.

— Ну, — внимательно посмотрел он на Машу с Изабеллой. — Мне то, в благодарность за помощь, расчёт будет? как насчёт нашего недавнего разговора? Надеюсь, не всё ещё раздали?

— Ну что ты, милок, — мило улыбнулась Маша ему, глядя на него насмешливыми глазами. — Для тебя всё самое лучшее.

Кивком головы, отправив Дарью в помещение банка, он

повернулась обратно к Голове и, с любопытством глядя на него, поинтересовалась:

— Что-то ты поздно сегодня, Голова. Никак хотел, чтобы мы тут совсем без денег остались, а ты бы потом с нас ещё какие-нибудь проценты лишние вытребовал бы?

— Ну что ты Маша, — с хитрой улыбкой на губах деланно возмутился Голова. — Как ты могла такое обо мне подумать?

— "Хреновый из тебя актёр", — грустно подумала Маша, глядя на его кривлянья. Какой-то Голова был сегодня странный, словно… растерянный.

— Чего ж тогда так поздно пришёл, — усмехнулась она. — Вечер уже, — бросила она взгляд на низко стоящее солнце.

— Дела всё, дела, — с таинственным, многозначительным видом заметил Голова. — Тем не менее, возвращаясь обратно к наболевшему вопросу, хотелось бы уточнить. Не согласится ли ваша доблестная компания поделиться кое-какими процентами со своих предприятий в счёт обещанных ей пяти процентов. Надесь, Маша, ты ещё не отказалась от желания заполучить контрольный пакет нашего банка?

— Ты намекаешь на то, что нам надо взяться за переработку твоих пустых отвалов с железодельного заводика где тебя обещают весной прижимать медведи? — ухмыльнулась Маша.

Маша с любопытством посмотрела на устроившегося с удобством на широких перилах Городского Голову.

— Не только, — ухмыльнулся Голова. Похоже то, что его хитрый жульский план разгадали, на него впечатления не произвело. — Не только.

Я про ваши выплаты.

Десять лет, долгий срок, — понимающе усмехнулся Голова. — Можно и вернуть то, что вы сейчас так ловко попридержали. Это я так мягко говорю, — склонился он к ним, многозначительно при этом подмигнув Маше.

Машу явственно передёрнуло от подобного панибратского тона.

— А тут сразу, такие огромные выплаты, — повертел он головой. — Странно. Так ведь можно и разориться. Хотя, признаюсь, на меня тоже произвёл впечатление этот ваш ход с выплатой до полутора тысяч золотом от егерей, якобы ушедших с Сидором к ящерам.

Ну, Маш, — усмехнулся он, разводя руками. — Ну, мы же с тобой оба знаем какая там торговля. Это ты для них, — кивнул он куда-то в сторону, — можешь говорить, что вы там чем-то торгуете. Я же совсем недавно оттуда получил вести. Да, — кивнул он головой, насмешливо глядя на молчащую Машу. —

Там можно заработать, но не ты и не я. И даже не она, — кивнул он небрежно на молчаливо сидящую рядом баронессу. — Единственный, кто там действительно заработает, так это вооружённый до зубов головорез из местных, грабящий караваны.

— Ты был в юго-западном Приморье, а мы говорим про совсем другие места, — спокойно возразила ему Маша. — Ты, кажется, забыл, но Сидор сейчас не там где ты когда-то был.

— Там ещё хуже, — флегматично обронил Голова. — Я знаю. Всё, что я здесь говорил, умножай надвое. Ну, так как? — снова склонился он к Маше. — Будем договариваться или подождём? Тогда вы уже просто малой долей не обойдётесь, — усмехнулся он, внимательно глядя на невозмутимую Машу.

— Господин Косой, — Изабелла, с любопытством глядя на него, чуть склонившего голову и любезничающего с Машей и демонстративно игнорирующего её, легонько постучала ноготком по столешнице, привлекая его внимание. — Может, вы уточните, что бы вы хотели? Может, мы и договоримся.

— Договариваться я буду не с вами, уважаемая баронесса, — недовольно поморщился Голова, слегка поворачиваясь в её сторону. — Договариваться я буду с Марьей Ивановной Корнеевой, — повернувшись к Маше, он слегка улыбнулся уголками губ.

— Вот тут вы Голова ошиблись,

Лёгкая улыбка чуть тронула Машины губы, вызвав искреннее смятение в глазах Головы. С губ его мгновенно пропала слащавая улыбка. С беспокойством оглянувшись на Изабеллу, он, чуть приподняв голову, как насторожившийся хищник, внимательно посмотрел на сидящую с безмятежным видом баронессу и, с облегчением вздохнув, рассмеялся.

— Вы всё шутите, Маша. А ведь я серьёзно.

И отвечая на ваш вопрос, баронесса, — слегка кивнул он в сторону Изабеллы, — скажу, что меня в первую очередь интересует река.

Да, да, — демонстративно тяжело вздохнул он, с сожалением разводя руками. — Как бы это неожиданно не звучало бы, а именно река. Та самая речка, которую я так неосмотрительно отдал вам в обмен на очистку своих нерестилищ. Каменка.

— Почему же неосмотрительно, — подняла одну бровь Маша, демонстрируя изумление. — Нерестилища то очистили. И выход икры с ваших ловов увеличился. Серьёзно увеличился. И рыбы действительно стало больше.

— Всё это так, — покивал головой Голова. — Но мой поступок был явно недальновидным. Кто ж знал, что с медведями можно договориться на очистку рек от топляка, а половодье

размоет перекаты. Теперь у вас там до вашего залива могут ходить даже глубоководные суда, лодьи, баржи, шнеки всякие, с чем мы недавно во время мятежа и столкнулись. А мы, городская старшина, как бы и в стороне оказались. Правда, пока только до вашей Южной пристани, но мы так думаем что на этом вы не остановитесь и продолжите очистку русла и дальше? Вплоть до перевала…

Голова бросил на Машу внимательный, подозрительный взгляд. Похоже, то что он говорил ему самому очень не нравилось. Вопрос был только, что именно его так зацепило.

— Хватит с вас и того, что вы получили на участке реки вниз от города, — холодным ледяным тоном оборвала его баронесса.

— Баронесса, — повернулся к ней Голова, — я вас попрошу. Не мешайте нашей беседе. Все эти вопросы вам совершенно не интересны и не касаются.

— Мой муж…

— Слава богу, что вы не ваш муж, — вспылил Голова.

— Действительно, слава богу, — улыбнулась одними губами баронесса. — Со мной бы вы так легко не получили столько, там, где не имели ни малейших прав.

— Кстати, — Маша, слегка тронув за рукав, остановила собравшуюся сказать что-то резкое баронессу. — Река, это всё, что вас интересует?

— Нет, — повернулся к ней Голова, с некоторым напряжением стараясь не смотреть больше на баронессу. — Меня бы ещё заинтересовали доходы от вашей серебряной печи, что льёт серебро у вас на сталелитейном, якобы, заводе. И шахта. Хоть Ведун и настаивал на том, чтобы это дело было целиком в одних руках. В ваших руках, — поклонился он ернически Маше. — Но будет лучше, если в оплату за представленные вам пять процентов, вы поделитесь половиной доходов со своего серебряного заводика.

— Лучше мы с вами расплатимся золотом, — холодно перебила его Изабелла. — Одним разом.

Поднявшись со своего места, она неспешно подошла к насторожившемуся Голове и тихо, на грани слышимости, проговорила:

— Берите золото, Голова, и не претендуйте на большее. Не надо, — глядя ему прямо в глаза, покачала она головой.

— Это ваше, — резко отстраняясь, указала она на что-то у себя за спиной. — Это сундук с вашим золотом, Голова. Ваши пять процентов. Можете забирать. Распишитесь в получении.

Повернувшись к стоящей сзади Дарье, они приняла у неё какую-то бумага и протянула её Голове.

— Всё полностью, монетка в монетку. Ваша доля.

Будете пересчитывать? — посмотрела она снова на неожиданно побледневшего до синевы Голову, не верящими глазами глядящего на большой сундучок, незаметно, за разговором, появившийся рядом со столом.

— А надо? — угрюмый Голова бросил на баронессу мрачный взгляд.

— Смотрите, — безразлично пожала Маша плечами. — У нас время есть. Можем и рядом посидеть, посмотреть, как вы будете пересчитывать. Компанию, так сказать, составить.

Тяжело вздохнув, Голова, присев к девушкам за стол, принялся просматривать бумаги, представленные к оплате. Прочитав и подписав их, медленно, неторопясь пересчитав золото, Голова ханженски удовлетворённо вздохнул и с довольным видом поблагодарил Машу за проявленную заботу и участие к его нуждам, пообещав и в другой раз всяческое содействие, если вдруг у них ещё возникнет подобная же нужда.

Окинув собравшуюся вокруг компанию довольным, сытым взглядом, он повернулся к стоящему с краю егерю и небрежным барским тоном попросил того сбегать к нему домой, предупредить хозяйку, чтобы выслала ему к банку подводу, нужда, мол, великая.

Отвернувшись обратно к Маше, он с довольным видом опять пустился в рассуждения о том, что им надо дружить. И хоть они ему и отказали в его просьбе, но он зла на них не держит, понимая их собственный интерес.

— Всё-таки, Маша, ты меня провела, — довольно улыбаясь, шутливо погрозил он пальцем Маше. — Я то рассчитывал на большее, а вы мне просто золотом отдала. Нет, оно конечно, хорошо. В городе нынче с ним большая нужда возникла в связи с этой блокадой, но, — покрутил он пальцами возле головы. — Надо быть мягче, баронесса, мягче, — с довольным видом промурлыкал он.

Оглянувшись назад с обеспокоенным видом, он недовольно поморщился и со вздохом заметил:

— Что-то не едут, — проворчал он, снова оглядываясь назад, на пустынную в этот вечерний уже час площадь.

— Вы кого-то ждёте? — поинтересовались Маша.

— Да из дома телегу под сундук что-то не присылают, — недовольно буркнул он, снова оглядываясь на пустынную площадь у себя за спиной.

— А вы их предупредили? — невинно глядя на него, спросила баронесса.

— Так я же…

Голова, ещё раз оглянувшись на площадь, в растерянности повертел из стороны в сторону голову и тут заметил стоящего на прежнем месте егеря, которого он послал за подводой, равнодушно глядящего на него.

— А? — вопросительно указал он на него пальцем. — Он…

— Нет, — покачала головой Изабелла, серьёзно глядя прямо в глаза Голове. — У него своя задача и отвлекаться на посторонних он не имеет права. Иначе, он будет наказан.

Оставляйте уж свой сундук в банке до утра, а завтра спокойно заберёте. Банк открывается утром, ничего с ним за ночь не случится. Не тащить же его вам на себе чуть ли не пол города.

— Я понял, — усмехнулся Голова, посмотрев Маше в глаза. — Решили немного подёргать власти за усы, — пошутил он.

— Хорошо, что городские власти у нас такие умные, — чуть улыбнувшись, обратилась Маша к Изабелле.

— Жду вас утром! — крикнула она Голове в спину, когда он уже почти скрылся в переулке, ведущем в сторону его дома.

— Ну вот, — словно довольная кошка мурлыкнула она. — С приставкой И.О. можно сказать покончено. На днях соберём совет учредителей и окончательно утвердим новое качество.

— Эх! — мечтательно закатила она глаза к нему. — И поработаем! Ну я им и покажу, — весело сжала она пальцы в кулачок. — Вот где они у меня будут сидеть.

— Эх, Сидор!

Сладостно потянувшись, Маша с насмешкой посмотрела вслед Голове, скрывшемуся уже окончательно в вечернем сумраке переулка, и, лукаво глянув на Изабеллу, добавила:

— Появится, расцелую!

— Кстати, не желаешь на днях прокатиться на озёра, проведать наших лучниц, узнать как они там поживают. Съездишь, проветришься, посмотришь, что это там за уголёк ребята нашли, — лукаво глянула она на задумавшуюся Беллу. — Так я и знала, — задорно рассмеялась она. — Тебе явно надо покататься на саночках. Дома скука.

*Претензии по… **

Блаженно щурясь под лучами неяркого зимнего солнышка, за недолгое утро уже успевшего прогреть южную банковскую террасу до вполне комфортной температуры, Маша с Изабеллой с удовлетворением наблюдали за результатом своего нелёгкого труда.

Второй день блаженства после тяжёлого недельного труда

когда она, словно наскипидаренная носилась по городу и занимала где только можно мелкие деньги. Мелкую разменную монету, которой с самого начала было понятно что не хватит для расчёта со всеми. И вот наконец-то всё!

Вчера она слупила с Головы свои долгожданные уставные проценты, теперь надо было рассчитаться с родственниками их егерей и Бугурусланових наёмников, выплатить им какие-то непонятные заработки, присланные Сидором аж за целых полгода его трудов праведных в Приморье. И потом… ВОЛЯ!

Сидя за накрытым к утреннему чаю выносным столом, на защищённой от холодного северного ветра террасе, они обе с Белкой с усталым, довольным видом лениво рассматривали очередную выстроившуюся с утра пораньше за получением "дивидендов" короткую очередь из родственников.

Чувствовать себя благодетельницей зависимых от тебя людей, было приятно. Машка понимала что это неправильно, что так нельзя даже думать, но ничего поделать с собой не могла. Ну, нравилось ей быть богатой, нравилось. Столько возможностей…

Солнце, утро, тёплый меховой плед, укутывающий слегка зябнущие на холодном, морозном воздухе ноги, любимый лимонниковый чай в изящном стеклянном стакане из любимого подарочного сервиза, — что может быть ещё прекрасней в этот чудный, ясный день.

— "Целая неделя, — лениво промелькнула в её голове полусонная мысль. — Целая неделя у нас ушла на поиски нормальных денег. Сидор, гад! Прислал новёхонькие двойные имперские золотые ящеры, которых в городе в принципе быть не может. А о том не подумал, как я их буду людям выплачивать. Сдачи то ни у кого нет. Оба его сундука разменного серебра в первый же день кончились. Как с людьми рассчитываться?"

О том, что присылая деньги, Сидор меньше всего был обеспокоен её будущими проблемами, она в этот момент как-то не подумала.

— "Вот же два дурака прислали столько сундуков таких дорогих монет, — лениво подумала она. — Они бы ещё в слитках по пуду прислали. Нет, чтоб сразу разменять. Знали же что у нас здесь проблемы с наличностью. Пока нашла и назанимала столько местных денег на замену, семь потов сошло. Зато теперь — лафа!"

Маша с чувством честно выполненного долга довольно и с удовольствием потянулась, чувствуя себя словно сытая кошка на завалинке. Прищурившись на низко стоящее зимнее солнце, пригревающее явно не по-зимнему, в какой-то момент ей даже стало самой смешно от пришедшего в голову сравнения.

— "Февраль, — пришла счастливая, какая-то по детски-радостная мысль. — Ещё пара месячишков и всё здесь потечёт…"

— Куда! — неожиданно резкий, громкий голос кого-то из охраны словно выдернул её из блаженного состояния тихого умиротворения, в котором она пребывала последние два часа безмятежного счастья.

— Ба-а! — задумчиво-негромким голосом медленно протянула Маша, видя, как на подиум, где они с утра проводили расчет с родственниками егерей, ушедших в Приморье, пытаются подняться Голова, в неизменном сопровождении своего постоянно последнее время хмурого дружка Старосты.

— Шерочка с Машерочкой, — негромко хмыкнула она себе под нос.

— Какими судьбами, господин Голова? — демонстративно обращаясь только к нему одному, Маша подала знак охране пропустить за второй пояс охраны столь знатных гостей. — Ваше золото давно отправлено вам домой под охраной. Что? Какие-то проблемы? — вяло побеспокоилась она.

Глядя на то, как оба приятеля синхронно поморщились, видя, как банковские охранники жёстко и неумолимо отсекают их персональное сопровождение, Маша неожиданно почувствовала, как у неё в груди разливается тёплое чувство удовлетворения. От одного только вида лёгкого раздражения, на миг проявившегося на обоих лицах первых людей города, ей стало удивительно хорошо.

— "Вот так вот, соколы вы мои", — с чувством откровенной мстительности подумала она, глядя на их недовольно вытянувшиеся рожи. — "Будете знать, что не везде перед вами стелятся. То ли ещё будет", — многообещающе подумала она. Планы у неё в отношении этой парочки были самые кровожадные.

Ну-с, и какими же всё-таки ветрами занесла вас судьба в края наши? — широким жестом хлебосольной хозяйки указала она на пару пустующих кресел, стоящих перед накрытым для чаю столом, за которым они сидели вдвоём с Изабеллой.

В общем-то, необходимости в присутствии Изабеллы при расчёте с родственниками егерей больше не было. Однако, Маша, сама испытывающая жуткий дефицит общения с кем-либо хоть как-то близким ей по духу, во многом из-за своего земного происхождения и нынешнего положения главы крупнейшего банка региона, фактически не имела подруг в этом городе, за исключением разве что своей секретарши Дашки. Поэтому, приложив буквально титанические усилия, Маша хоть и с колоссальным трудом, но всё-таки сумела затащить и баронессу на это, совершенно рядовое мероприятие.

Интересуясь в первую очередь её мнением по поводу всякого рода мелких особенностей местного уклада, в котором она до сих пор порой серьёзно плавала, она иногда просто не знала как поступить в том или ином случае. Как, например, случилось буквально неделю назад, когда она совершенно случайно из разговора с Изабеллой узнала, что в местном обществе не дожидаются возвращения участников из похода и принято при первой же возможности рассчитываться с родственниками вкладчиков, чего совершенно не предполагала делать сама Маша. После чего, им обеим пришлось развить бурную деятельность по поиску мелких разменных денег для этих неожиданно свалившихся ей на голову выплат.

Зато теперь она с чувством глубокого удовлетворения наблюдала за довольными лицами получающих деньги отцов и братьёв их работников, которые ещё неизвестно когда вернутся обратно сами, а деньги их семьям необходимы были порой весьма срочно. Особенно, учитывая нынешнее тяжёлое положение с деньгами в городе, вызванное блокадой амазонками речной торговли и фактической безработицей в городе.

— Какими судьбами, господа Старшина? — снова вспомнила она про новых гостей у себя на террасе. — То вас обоих днём с огнём не найдёшь, а тут нате вам. Явились! Да к тому же оба два! Зачастили что-то вы к нам, господа, зачастили, — ухмыльнулась понимающе Маша.

— "Во?" — проскочила в её голове растерянно удивлённая мысль, когда оба гостя, люди далеко не самые наглые, если не сказать что самые воспитанные из всех кого она знала в городе, решительным шагом прошли к столу. Не отвечая на её весьма своеобразное приветствие, они оба молча опустились в предложенные кресла и также молча уставились на неё.

Поморщившись от столь безпардонного поведения, Маша, тем не менее, постаралась сдержаться, чтобы не испортить себе столь чудное, прекрасно начавшееся утро.

На какой-то момент Маша даже растерялась, на миг почувствовав неуверенность под их тяжёлыми, угрюмыми взглядами. Но потом ей вдруг стало просто интересно, что за причина заставила прийти к ней одних из самых значительных людей в городе, о которых даже дети говорили, что они оба без нужды не чихнут, да ещё в столь ранний час. Да ещё и вести себя столь безпардонным образом.

— "Ага! — лениво проскочила у неё в голове довольная, мстительная мысль. — Раз явились, да ещё так рано, значит что-то очень надо или дело какое-то есть. А раз что-то надо или есть дело, то и содрать с них что-нибудь получится. Глядишь, чего и

заработаю. Надо, надо возвращать назад зря потраченные на них денежки".

Однако, ранние гости не дали ей времени прочувствовать всю необычность ситуации и насладиться в мыслях будущими барышами, решительно заговорив о том, чего она меньше всего от них ожидала услышать.

— Слухи разные до нас доходят, — неожиданно сиплым, простуженным басом нарушил молчание Староста.

— Нехорошие! — продолжил за него Голова, мягко включаясь в разговор.

По хозяйски решительно, он, не дожидаясь особого приглашения, протянул руку и взявшись за заварной чайничек, налил себе заварки в стоящий там же чистый стакан. Добавив кипятка из самовара, пыхтящего рядом с Машей, и колотого сахара из сахарницы, он с мрачным видом откинулся на спинку своего кресла и, помешивая чай неизвестно откуда появившейся у него в руках серебряной чайной ложечкой, вперился в упор на Машу.

— Говорят, что Вы своим людям выплачиваете какие-то несусветные суммы и заставляете подписывать непонятные бумаги. Да к тому же сроком на десять лет. Вот Господ Учредителей Нашего банка и обеспокоила Ваша столь бурная и непонятно с чего весьма расточительная деятельность.

Кивком головы указав на стоящую на другом краю помоста небольшую очередь родственников их егерей, получающую деньги и весьма заинтересованно посматривающих в их сторону, он угрюмо, глядя прямо в глаза Маше, негромко заметил.

— И это всё на фоне ваших недавних уверений в том, что в банке недостаточно наличных средств и он якобы на грани развала. А это как понимать? — снова кивнул он себе за спину, указывая на очередь. — Мы идём вам навстречу буквально во всём. Соглашаемся практически на все ваши условия по увеличению нашей личной доли в уставном капитале, чтобы вас хоть как-то поддержать, а вы творите незнамо что!

— И что же так обеспокоило господ учредителей?

Удивлённо подняв левую бровь, Маша с полным недоумением в глазах вопросительно смотрела на нагло устроившуюся напротив парочку. От подобной неслыханной наглости и какого-то мутного, непонятного заявления, она на миг растерялась.

— По-моему, моя деятельность не выходит за привычные рамки, установленные в этом городе? Да и насчёт Вашей щедрости, это вы, ребята, явно загнули, — ядовито добавила она, скептически усмехнувшись. — Ну, а насчёт вот этого, — кивнула

она в сторону очереди. — Поверьте господа, Вас, это совершенно не касается. Это дела Компании.

— Это Вам только кажется, — с откровенным сарказмом в голосе грубо перебил её Староста, мгновенно прогнав с Машиного лица лениво-счастливое выражение.

В последнее время по городу ходят упорные слухи, что Вы весьма щедро расплачиваетесь с родственниками егерей, ушедших с вашими ребятами куда-то в Приморье или империю Ящеров. Что, согласитесь госпожа Корнеева, весьма и весьма странно.

— Чего ж в этом странного? — мгновенно насторожилась Маша. — Вполне рядовое дело, вроде бы как.

— В банке, по Вашим же словам, госпожа Корнеева, нет денег. Однако для каких-то родственников они неожиданно находятся. И в количествах весьма впечатляющих. А перед этим, Вы, как бешеная коза, носитесь целую неделю по городу и занимаете везде, где только можно любые деньги. Вот у нас, как у учредителей Нашего банка, — с нажимом выделил он слова "Нашего банка". — Подчёркиваю! — Староста поднял вверх правый указательный палец. — Нашего! А не единственно только Вашего банка, возникли очень серьёзные вопросы к характеру Вашей хозяйственной деятельности. Для чего вы занимаете такие большие деньги и за что Вы производите столь гигантские выплаты?

Согласитесь, госпожа временно исполняющая обязанности управляющего, — ядовитым голосом продолжал хрипло он. — Напоминаю. Вы, Маша, пока ещё не Управляющий. Вы — Исполняющая Обязанности! Временно! И нас не устраивает та сказочка, которой вы пичкаете всех в городе, что мол Сидор со товарищи где-то там в Империи, что-то там заработал на какой-то там торговле. Это пустая отмазка от чего-то, чего мы не знаем.

Вот мы бы и хотели узнать, — хрипло прокаркал он. — Что происходит?

— Согласись Маша, — снова мягко поддержал Старосту Голова. — Это весьма необычно для нашего города. Выплачивать родственникам рядовых егерей, во время совершенно рядового похода, столь большие деньги непонятно за что. Ну ладно там один, два золотых, как обычно. Ну, десять, в конце концов, чего не бывает. Но сотню, тысячу, полторы, две?…. Никогда раньше такого не было. Это странно.

— Поэтому у нас, как у учредителей этого банка и возникла столь срочная и настоятельная необходимость незамедлительно проверить хозяйственную деятельность Нашего банка на предмет сокрытия доходов и выявления истинных источников столь

щедрых платежей. Не разоряете ли вы случаем сознательно наш банк?

— "У него что, белая горячка? — совершенно растерявшись, Маша недоумённо смотрела на говорившего. — Да он наверное пьян?" — неуверенно заметила она про себя.

— Не продолжаете ли вы часом деятельность неизбывного нашего общего друга Кузьмы Кидалова по очередному разорению Нашего банка? Да и деятельность следующего банковского управляющего нельзя сказать, чтобы доставила нам большое удовольствие. Поэтому, не обижайся Маша, но мы очень внимательно следим за Вашей деятельностью.

Мы были совсем не против, когда Вы расправились с прошлым, назначенным нами, управляющим. И даже не возражали, когда Вы самовольно присвоили себе его часть уставного капитала. Даже согласились на передачу вам недостающих до контрольного пакета пяти процентов. Бог с этими мелкими шалостями, — махнул он рукой. — Но что творится сейчас, мы не понимаем, а следовало бы.

Как видите, Маша, мы с Вами достаточно откровенны, — добавил он. — И с вашей стороны мы бы хотели получить так же откровенные ответы. Что? Откуда? Зачем?

— "Ну да, — мрачно хмыкнула про себя Маша. — Так я тебе и рассказала, и показала, да ещё и в задницу поцеловала, сокол ты наш шизокрылый. Разбежался! Да стоит Вам только появиться в хранилище, и нам крындец. Стоит вам только увидеть наше имперское золото и эти чёртовы поморские изумруды, будто специально к вашему приходу разложенные красиво на полочках, как вопросов "что, откуда, зачем" возникнет ещё больше. Сейчас Вы просто не верите, а потом за горло возьмёте мёртвой хваткой. Откуда, мол? И как оно, это проклятое имперское золото в город попало? И откуда у тебя такие изумруды? За какие такие заслуги? А не казачёк ли ты засланный, госпожа Корнеева? И не поделишься ли ты своими доходами с нами, с такими конкретными пацанами?"

— "Изумруды, это тебе не серебряная шахта, — окатило её с головы до ног холодное понимание происходящего. — Тут они церемониться не станут, а будем трепыхаться — шлёпнут".

"Дура! Дура! Дура! И какая нелёгкая меня толкнула на то, чтобы прибрать всё это богатство в хранилище банка. Два вечера с Беллой, угробили. Самолично ворочали тяжеленные сундуки, чтоб только никто об них не знал! Место мол надёжное — подвалы хранилища. Изумруды живописно по полочкам раскладывали. Два вечера! Две идиотки! Сохранность тайны, блин, — мысленно выругалась она".

"И Ведуна, скотины, нет в городе. Хоть бы он помог, что ли!", — с отчаянья забилась у неё на виске набухшая жилка.

Ну да, — не удержалась Маша от мелкой шпильки, начиная постепенно всё больше и больше приходить в раздражение. — Особенно актуален сей вопрос в свете последних Наших действий, когда мы из банка подчистую вымели всю Вашу агентуру, которая регулярно Вам стучала о том, что у нас происходит. Две трети клерков банка, включая всю бывшую здесь ранее охрану. Все поголовно были ваши информаторы, — насмешливо посмотрела она прямо в глаза Головы. — Неплохо было. Но теперь, лишившись информаторов, вы желаете напрямую получать информацию о том, что у нас происходит. Не жирно ли будет? По учредительному договору вы не имеете права совать свой нос во внутренние банковские дела. Что, впрочем ни разу Вас не остановило, — сердито проворчала она.

Так что, господа учредители, вам придётся поверить мне на слово, но выплаты родственникам егерей, Вас, как учредителей банка, никоим образом не касаются. Даже самого банка они не касаются, — усмехнулась она. — Это дело сугубо семейное. Касается сугубо нашей компании, но никак не Вас и не Нашего банка.

Не смотря на слова и уверенный тон лёгкая паника, на мгновение охватившая её, все думы, промелькнувшие в мозгу, видимо как-то отразились на её лице.

Голова, до того момента ещё смущённо и виновато посматривавший в её сторону, и, похоже, чувствующий себя не в своей тарелке, мгновенно как-то весь подобрался и резко посуровел. Из глаз его пропало извиняющееся, виноватое выражение и он мгновенно стал неожиданно резким, злым и колючим. Вся его вялость и неловкость во мгновение ока куда-то исчезли, как и не было, и теперь напротив Маши сидел настороженный, матёрый делец, по собственному мнению которого он думал, что его пытались нагло ограбить.

— Не понимаю о чём ты и при чём здесь Ваш клан или, как ты его называешь, Компания, — с каменным выражением лица сухо откликнулся он. — Мы задали тебе вполне конкретный вопрос, на который до сих пор не услышали никакого конкретного ответа. Мы желаем знать, что происходит?

Я рад, госпожа управляющая, что вы так ясно понимаете причину нашего здесь появления, — насмешливо, с отчётливо различимым в голосе раздражением негромко заметил Староста. — Поэтому, давайте не будем тратить попусту Наше Дорогое Время и сразу перейдём к интересующему Нас предмету. Быстренько представь нам все запрашиваемые бумаги, или то, на

чём там у вас ведутся дела. Хоть бересту, хоть папирусы, хоть деревянные дощьки. Нам совершенно без разницы на чём ты там писульки свои пишешь. Дай необходимые пояснения и если они нас устроят, то разбежимся каждый в свою сторону. Поверь, у Нас и без Вас, и без Нашего банка полно важных дел. Так что…. Подними ка свою изящную попку и покрути перед нами немного своим шикарным филеем! — жёстко закончил он.

Бешенство словно ледяным душем окатило Машу с ног до головы.

— Чё ты сейчас вякнул, урод?

Холодное чувство тихого бешенства словно сковало члены Маши. То, что предлагал сделать Староста, и то, в какой форме это было представлено, было не просто грубостью или глупостью. Это была сознательная попытка прогнуть её у всех на виду, прогнуть, как управляющего банка. И в случае, если бы она сейчас прогнулась, на её дальнейшей профессиональной карьере банкира можно было смело ставить жирный крест. После подобного, никто из серьёзных клиентов никогда бы не захотел иметь с ней никаких дел. Управляющий, позволивший заглянуть посторонним, даже если они и учредители, в святая святых банковского дела, в счета её клиентов, мгновенно превращался в пустое место.

И сидящий напротив неё человек не мог этого не знать или не понимать. А если знал и сознательно шёл на подобное, то значит у него была для того весьма веская причина. Или он думал, что она у него есть.

— Есть такое хорошее русское слово, — негромко, едва сдерживаясь, тихо выдавила из себя Маша. — Перебьёшься!

Вы, господа, похоже, кое-что забыли, а может, по наглости своей, и не вспоминали, — медленно процедила она сквозь судорожно стиснутые от злости зубы.

Так вот, я тебе не коза и попку свою я никуда не подыму, тем более при разговоре в таком тоне. И уж тем более не намереваюсь ею крутить ни перед вами, ни перед кем-либо ещё. Ну а раз уж Вы так забылись, то я Вам ещё раз напомню, раз у Вас уши заложило.

— Контроль за деятельностью банка осуществляется только в виде годовых выплат по доле вклада учредителя в банк. И никоим образом иначе. Тем более, не в виде текущей проверки по каким-то рядовым платежам. Похоже, вы зарываетесь, господа. Или нарываетесь, — негромко добавила она, сверля Старосту злым, бешеным взглядом.

— Маша-Маша-Маша!

Подняв обе руки вверх, как бы спуская пар возникшего напряжения, Голова с лёгкой улыбкой на губах и холодными,

буквально сверлящими её насквозь глазами, чуть заметно покачал головой.

— Ни о каком текущем контроле не идёт и речи. Мы хотим только удостовериться, что в банке всё нормально, что нашему учредительному капиталу ничего не грозит, и то, что эти странные большие выплаты никак не связаны ни с деятельностью банка, ни с попыткой его разорить, как ты утверждаешь. А для этого Нам хотелось бы только удостовериться в сохранности наших денег.

Покажи нам бумаги, — тихо, чётко выделяя слова, медленно проговорил Голова. — Маша, покажи нам бумаги и допусти в хранилище.

— Не волнуйся, — процедила сквозь зубы Маша. — В банке всё хорошо и вашим деньгам ничего не грозит. Хоть у нас и есть определённые трудности, но мы справимся. Ничего экстраординарного. Надеюсь, Моего слова Вам будет достаточно, потому что никаких объяснений Вам, я давать больше не намерена и уж тем более не собираюсь допускать Вас ни в хранилище, ни до банковских бумаг.

Установившееся за столом напряжённое, враждебное молчание было самым красноречивым ответом на её слова. Оба сидящих напротив Маши учредителя молча и мрачно глядели на неё, явно на что-то себя настраивая.

— В таком случае, — неожиданно хриплым, нейтрально безцветным голосом начал Староста, — у нас есть совершенно недвусмысленные указания от остальных учредителей нашего города как раз на подобный случай.

Ознакомься, — протянул он ей через стол какую-то бумагу и длинным рядом каких-то печатей и жирных подписей.

Согласно условиям нашего учредительного договора, подписанным Вашим кланом, — холодным, официальным тоном начал он, — мы имеем право получить обратно свою часть уставного капитала по первому же нашему требованию.

Согласно всё тому же договору, — продолжил он, чуть заметно прервавшись чтобы справиться с судорожным, нервным тиком, на секунду исказившим его холодное, надменное лицо, — выплата должна быть произведена золтом, полностью и в течении двух первых суток после объявления одной из сторон о расторжении учредительного договора. То есть, учитывая сегодняшнее утро, то не позднее завтрашнего вечера, шести часов пополудни.

Внимательно читайте пункты договора, написанные в конце мелким, неразборчивым подчерком, — сузив глаза, холодно закончил он.

Кстати, — усмехнулся он, холодно глядя Маше в глаза. — В случае вывода из банка уставного капитала городской администрации и коренных жителей нашего города, банк лишается права называться городским, лишаясь, таким образом, всех привилегий, даруемых городом. Вы, Маша, в результате расторжения нашего учредительного договора будете выведены из состава Городского Совета, так же, как и отсутствующий здесь господин профессор. Опять же, — усмехнулся он, — читайте пункты учредительного договора.

Вы всё ещё отказываетесь представить Нам требуемые доказательства?

Казалось Машу схватил паралич, настолько подобное было для неё неожиданно. Казалось она застыла соляным столбом, подобно жене Лота.

— Вы что, господа Городская Старшина, сбрендили?

Вы что, разрываете учредительный договор и хотите вывести из банка всю часть уставного капитала города? Основываясь только на каких-то слухах и дурацких предположениях? — потрясённо выдохнула она, растерянно глядя на них широко распахнутыми от удивления глазами.

Никогда раньше ей и в голову не приходило что подобное будет возможно. И с кем? С ней?

Слова Старосты прозвучали для неё страшным громом с ясного, чистого неба.

Как ни странно, но, не смотря на всё, что творилось последнее время вокруг неё и вокруг банка, она неизвестно с чего была свято уверенна в неизменности сложившегося положения, и своего личного места в этом, ставшим ей родным городе.

— У нас есть такая уверенность, — тихо заметил Голова, так что Маше казалось, что он просто шепчет, едва шевеля губами, — что в наших руках наш капитал будет работать намного более эффективно.

И согласно всё тем же пунктам нашего договора, — жёстко продолжил он, — в случае не соблюдения Наших требований вся Ваша доля в уставном капитале, переходит в собственность городских учредителей, как компенсация возможных потерь.

— То есть, лично в Вашу, господа, — тихо откликнулась Маша, глядя на него резко сузившимися до едва заметных щёлочек, ярко синими, горящими бешеной злостью глазами.

— Совершенно верно, — холодно ухмыльнулся тот. — И учти, что если даже не будет хватать хотя бы одной медной монетки…, - наклонившись вперёд, Староста вперил в её глаза холодный, жёсткий взгляд. — В этом случае, вся Ваша доля переходит в Нашу собственность полностью. Весь Ваш чёртов жемчуг, который

вы так трепетно оберегали от расхищения прошлым управляющим, будет передан Нам. А недостача будет покрыта из Ваших клановых активов.

И у Вас есть ещё целых два дня, чтобы в этом удостовериться и собрать деньги, — мрачно усмехнулся он. — Так что, милочка моя, внимательно читай пункты учредительного договора.

— Ну а если мы его предоставим, этот Ваш уставной фонд? — тихим, безцветным голосом спросила Маша.

— О-о! — расплылся в фальшивой улыбке Голова. — Город, в нашем лице, просто расторгнет учредительный договор с Вами. И всё! Мы просто изымем свою часть уставного капитала, а уж дальше вы можете сами разбираться с тем, что у Вас там останется, — насмешливо заметил он, с вальяжным видом откидываясь на спинку удобного кресла.

— Верните нам наши деньги! — резко хлопнул по столу ладонью Староста, глядя на Машу злыми, горящими каким-то нездоровым лихорадочным блеском глазами.

— Вы так уверены, что там после этого что-то останется? — стиснув зубы и постаравшись справиться с распирающей её изнутри злостью, сухо поинтересовалась Маша. — После того, как вы сами же выгребли из банка кучу полновесного золота под залог каких-то своих дурацких бумажек, ценность которых и тогда то казалась мне весьма и весьма сомнительной. Теперь же, в свете ваших неожиданных требований, я настроена совсем по иному оценивать проведённую вами операцию по извлечению из банка наличных средств.

Да к тому же вам прекрасно известно, что весь капитал не лежит мёртвым грузом в хранилище. Деньги должны работать и они работают. В банке нет денег и вытащить их в два дня задача просто не реальная. Дайте хотя бы неделю. Я не прошу месяц, дайте хотя бы неделю.

— Что ты всё цепляешься к тем бумагам? — недовольно пробурчал Голова, невольно вильнув взглядом и стараясь не встречаться глазами с рассерженной Машей. — Бумаги, как бумаги. Не лучше и не хуже любых других. И если они так тебе не нравились с самого начала, то нечего было их у нас скупать, — с отчётливо проступающим в голосе раздражением сухо заметил он. — В конце концов, никто тебя силком не.

— Покупала ваши бумажки не я. Это сработал прошлый наш управляющий, которого вы же сами и назначили.

Стиснув зубы, Маша попыталась хоть немного успокоиться. Чувствуя, что невольно начинает оправдываться и жалко выглядит, она пришла в ещё большее раздражение и начала понемногу заводиться от распирающей её изнутри злости.

— И вам прекрасно известно, что в то время лично от меня здесь ничего не зависело.

— Хватит канючить и оправдываться, — резко оборвал её Староста жёстким, холодным голосом. — У тебя было время во всём разобраться и если тебе что-то не нравится, то исправить. Ты ничего этого не сделала! Уж это-то мы успели выяснить, до Ваших чисток, — усмехнулся он. — Поэтому, завтра вечером в шесть часов пополудни предоставь нам наше золото. Не предоставите, опечатаем хранилище и назначим ревизионную комиссию по дележу наследства.

И ещё одно, госпожа управляющая, — решительно поднявшись, он окинул обеих сидящих напротив женщин внимательным, настороженным взглядом. Удостоверившись, что они обе достаточно проникнись и внимательно смотрят на него, он громким, чётко акцентированным хриплым голосом, громом разнёсшимся по всей террасе, чётко и внятно произнёс.

До окончания наших расчётов, госпожа Корнеева, до выяснения всех обстоятельств возникшего дела, постарайтесь никуда из города не исчезать. Ваши перемещения по городу мы никоим образом не ограничиваем, как и сношение со своим кланом, но выходить за пределы городских стен Мы Вам настоятельно не рекомендуем. Постарайтесь временно не покидать город. И ещё! Немедленно прекратите все выплаты. Иначе…, - прервавшись, Староста неприятно улыбнулся.

А чтобы вы часом не забылись, мы оставим на площади перед банком несколько наших ребят, чтобы они проследили за соблюдением сей Нашей настоятельной просьбы. Чтоб вы не растащили из хранилища банка то, что там ещё есть.

Не обращая больше внимания на красную от злости Машу, в бешенстве некрасиво беззвучно раскрывающую рот, он быстрым, решительным шагом, не оглядываясь на замешкавшегося Голову, вышел с террасы.

Аккуратно поставив стакан с недопитым чаем, Голова, посмотрев ему в спину, и, глядя на Машу, демонстративно пожал плечами, разводя руки и склонив голову в дурашливом поклоне, с кривой ухмылкой негромко попросил:

— Вы уж уважьте нас, Марья Ивановна.

Поднявшись со своего места, и, не обращая ни малейшего внимания на стоящую вокруг мёртвую, гробовую тишину и замерших неподалёку людей, Голова молча вышел следом за Старостой.

Долгое время после их ухода за столом и по всей террасе висела напряжённая, предгрозовая тишина, не нарушаемая никакими звуками.

— Он прав? — Изабелла, неожиданно нарушив молчание, вырвала Машу из состояния мрачной созерцательности, в которую она буквально свалилась после ухода городской старшины.

Я тебя спрашиваю, он прав, когда говорил о двух днях? — тихим, злым шёпотом, переспросила её Изабелла, увидев, что та начала постепенно приходить в сознание.

Дождавшись молчаливого обречённого кивка, Изабелла несколько секунд недоумённо смотрела на неё потрясённым, не верящим взглядом.

— Но как?! Как вы могли подобное подписать? Это же основа основ! Никогда не делать ничего подобного. Два дня! Да ни один банк, ни одно предприятие, ни один человек не может выполнить ничего подобного, чтобы не пойти по миру с сумой.

— Тогда всё казалось по другому, — тихо, безвольно откликнулась Маша.

Когда сидишь на трёх неподъёмных рюкзаках, битком набитых отборным жемчугом, за который тебе по первому же требованию отваливают кажущейся просто огромной кучу золота, на многое смотришь по иному. Кажется, что это такая мелочь, какие-то бумажки, какие-то два дня, а ты такая богатая и тебе всё, абсолютно всё доступно и всё позволено.

Маша, перевела на Изабеллу недоумённые, широко распахнутые голубые глаза и тихим голосом буквально прошептала.

— Кто ж знал, что стоит только заняться реальным делом, настоящим производством, как денег станет тут же катастрофически не хватать. А ещё эта дурацкая эпопея с винными заводами. А дороги? — недоумевающе пожала она плечами. — А выплаты по погибшим…

Сожрали всё что только можно, а в кошелёк не принесли ни копейки. И что самое интересное, теперь больше не принесут. И на кой тогда мы всё строим и строим?

Копейка — это монета такая мелкая, — вяло пояснила она недоумённо посмотревшей на неё Изабелле. — Там, — устало махнула она рукой. — У нас на Земле. Было.

Вот так тебя умело окунают с головой в дерьмо, — тихо вздохнула она.

У меня в землянке есть кое что, — решительно оборвала её тихие причитания Изабелла. — Можно ещё поскрести по сусекам. Может чего-нибудь и найдём. В конце концов, можно занять на стороне. У ящеров, они не откажут.

— На стороне не дадут, — с безнадёжным видом Маша тихо покачала головой. — Даже не думаю, а твёрдо знаю. У них

наверняка всё уже договорено и просчитано. И твои капиталы будут единственные деньги, что мы сможем получить на стороне. Может ещё у ящеров, — вяло пробормотала она.

Больше никто, ничего нам не даст, — тихо, едва слышно прошептала она. — Вот увидишь. Как только станет известно о требовании городской старшины, так сразу же все остальные мелкие вкладчики побегут в кассу, изымать свои вклады.

Придётся снова залазить в загашник, — тяжело вздохнула она. — Этот жемчуг, прям наша палочка-выручалочка какая-то.

— Треть цены, — негромко перебила Изабелла тихие, невнятные сетования Маши.

— Что? — повернулась к ней та неверяще.

— Треть цены, — повторила Белла злым голосом в ответ на вопросительно недоумевающий взгляд.

В подобных конфликтных случаях жемчуг и самоцветы всегда идут за треть цены, — негромким, злым голосом пояснила она. — Это закон.

В случаях принудительного расчёта с заимодавцами стоимость жемчуга и самоцветных камней определяется в треть цены, — тяжело вздохнув, снова повторила она словно замороженной Маше, глядя в её широко распахнувшиеся от изумления глаза. — Для компенсации дополнительных затрат заимодавца. Это общее правило и это все знают.

— Все, кроме меня, — проскрипела вмиг охрипшим голосом Маша.

— Учите местный законы, — холодно отрезала Изабелла.

— Так вот значит, почему они нам определили нашу уставную долю в банке в жемчуге, — потрясено выдохнула Маша. — Да ещё ведь как нахваливали. Мол, ваш жемчуг самый, самый, — Маша тихо покачала головой. — А я то дура ещё радовалась, какой они нам предоставили выгодный курс по переводу нашего жемчуга в золото.

Вот оно что, — прошептала она, бездумно глядя прямо перед собой. — Решили, значит, таким образом, крючок на нас заиметь, чтобы в любой момент подцепить можно было.

И подцепили!

На несколько минут Маша прервалась, с мрачным видом о чём-то раздумывая.

— И это, я вам скажу, даже не крючок, это настоящий якорь, — углубившись внутрь себя, тихо пробормотала она. Казалось, в этот момент она никого вокруг себя не видит.

Да и золота от них мы фактически не увидели, — задумчиво пробормотала она себе под нос. — Большинство их вклада составили какие-то ценные залоговые бумаги. А это, отнюдь не

наличное золото. Интересно бы проверить, — задумчиво прошептала она. — Что же это за бумаги такие ценные, что Кидалов их тогда без звука принял в качестве обеспечения уставного капитала?

Ай да Голова, ай да сукин сын, — тихо продолжала причитать она сама себе под нос. — Так нас, дураков, развести. И никто из наших даже ведь не чухнулся. Ну, жемчуг и жемчуг, что, мол, такого. А оно вона что!

А это значит, что всего жемчуга, что у нас ещё остался, не хватит и на малую часть их не такой уж и большой доли, — задумчиво протянула она. — А это в свою очередь значит, что нас сейчас здорово тряхнут.

Кирдык Сидорову золоту, — хмыкнула она. — Пиз…ц!

У нас отберут все деньги. Все! Полностью! Всю нашу долю в банке.

Ловко. Вот был бы завтра вечером для меня сюрприз. Я им жемчуг, а они мне дулю под нос. Мол, мало, дорогая! А времени то собрать денег больше у меня уже и нет! Ловко, очень ловко. — о чём-то задумавшись, снова повторила она. — Ишь ты, как у вас, господа, всё ловко рассчитано.

— Отберут, но не просто, — жёстко, холодным голосом оборвала её размышления Изабелла.

— В случае недостачи, вы должны будете её покрыть из своего имущества. А это значит, что у вас отберут и все ваши заводы, и земли, и ловы и всё остальное прочее. Всё, что сможет покрыть недостачу. Причём, как ты уже, наверное, и сама догадалась, стоимость вашего имущества также будет определяться не по реальной цене, а по той, какая им самим понравится.

— Я уже через это всё проходила, — тихо заметила она. — Я всё это уже хорошо знаю. Сталкивалась!

— Даша!

Всё так же глядя перед собой пустым, потухшим взглядом, Маша тихим, усталым голосом отдала бледной как смерть Дашке необходимые распоряжения о прекращении выплат вплоть до особого распоряжения.

Дождавшись, когда настороженно посматривающие в её сторону родственники, тихо шушукающиеся между собой, под угрюмыми взглядами маячащей неподалёку городской стражи неохотно покинут террасу, она ещё долго потом сидела на террасе, рядом с такой же молчаливой Изабеллой, бездумно глядя прямо перед собой.

Когда солнце перевалило зенит, она неожиданно резко встряхнулась, и не глядя на неторопливо двинувшуюся следом

Изабеллу, скрылась в дверях банка.

Всё оставшееся время до вечера она посвятила бурной деятельности и к вечеру в город уже стягивались немногочисленные отряды клановых егерей, ведомые Корнеем.

К полуночи стало окончательно ясно, что клан, при безоговорочной поддержке ящеров и неожиданно присоединившихся к ним немногих амазонок из числа пленных, полностью контролирует всю южную часть города, плотно перекрыв все входы и выходы из южного посада.

Выставленную у банка городскую стражу, аккуратно подталкивая в спины прикладами арбалетов, выталкали за охраняемый периметр. К утру в южном посаде городских войск не было никого.

Утром же стало известно, что и городские власти времени зря не теряли и теперь уже весь город, а не только та его часть, что прилегала непосредственно к банку и контролировалась земным кланом, были плотно окружены подошедшими за ночь войсками кланов Городской Старшины и городской стражи.

Весь город словно вымер. На улицах было пусто. Нигде не было видно ни человека, ни обычно роем снующей по улицам детворы. Город буквально вымер. Лишь только на каждом перекрёстке вдоль дороги, ведущей от южных ворот к банку "Жемчужный", на всём её протяжении стояли небольшие группки до зубов вооружённых егерей в непробиваемых кольчугах. И всё это было окружено десятикратно превышающими их числом, тяжеловооружёнными клановыми войсками.

Положение было патовым. Было ясно, что в случае конфликта земной клан просто так не сдастся, но и сил у него было явно недостаточно, чтобы диктовать свои условия. Надо было договариваться. Несмотря на всё их великолепное вооружение, не смотря на все их непробиваемые доспехи и знаменитые ящеровы арбалеты, в случае конфликта их просто задавили бы числом.

Противостоять войскам кланов, выступившим совместно с городской стражей, значительно превосходящих небольшое число их собственных егерей, для малого земного клана, совсем недавно появившегося в городе, было практически нереально.

Не смотря даже на серьёзную поддержку ящеров, сразу же выступивших на их стороне, не считая даже немногих городских добровольцев и бывших пленных амазонок, нанятых ими для своего усиления, шансов у мятежного клана в случае вооружённого конфликта не было никаких.

Но и Городская Старшина понимала, что и им такая победа достанется не просто с кровью, а с очень большой кровью. Все в городе прекрасно были осведомлены об умении стрелять из

арбалетов тех немногочисленных егерей, находящихся на службе у клана. Да и позиция городских курсантов, ещё остававшихся в корнеевской шкоде и занявших в конфликте вооружённый нейтралитет, не способствовала их спокойствию. Сто арбалетчиков, готовых в любой момент ударить в спину, не добавляла городским властям спокойствия.

Да и неизвестно ещё как бы себя повела в дальнейшем и та тысяча, что последняя осталась от корнеевской школы, увидя расправу над своим учителем.

Поэтому, до назначенного часа никто из Городской Старшины не предпринимал никаких активных действий, терпеливо ожидая, что же всё-таки предпримут земляне.

В назначенное время, когда тусклое, зимнее солнце, не так уже греющее, словно и оно заразилось поселившимся в городе холодом, уже склонилось к горизонту, на банковской террасе с накрытым к чаю столом, снова, как и два дня назад, сидели за столом две молодые, красивые женщины. Они молча пили чай.

Маша, рассеянно покручивая в руках стакан с остывшим уже чаем, нервно поглядывала в сторону улицы, ведущей к центру города.

— Полагаю, что в данных условиях уже не имеет смысла скрытничать с этим дурацким золотом? Надеюсь, я права…

— Идут! — резко оборвала она сама себя.

С мгновенно нацепленной на лицо безстрастной маской, она, внешне абсолютно спокойная, тщательно скрывая клокочущие внутри чувства, откинулась на спинку своего кресла и, взяв в руки чашку с давно позабытым остывшим чаем, безмятежно принялась отхлёбывать холодный, ставший вдруг безвкусным чай.

Внешне полностью безмятежная и расслабленная, со стороны она безусловно производила впечатление чего-то хрупкого и нездешнего, неведомо каким образом занесённая в эти дикие, суровые края.

Подошедшим к террасе двум представителям Городской Старшины, сопровождаемым каким-то неизвестным Изабелле субтильным мужичком, несущим в руках небольшую, чёрного лака шкатулочку, в которой обычно носят канцелярские принадлежности местные писари, предстала внешне просто идиллическая картина.

На залитой закатным зимним солнцем просторной банковской террасе сидели две молодые, красивые женщины и с безмятежным видом пили парящий на морозе чай из хрупких, стеклянных подстаканников.

Идиллия.

Если бы, не густая цепь вооруженных до зубов егерей, плотно

окружающая со всех сторон террасу. Да, пятёрка амазонок с одного краю со своими дальнобойными луками и хорошо знакомый пришедшим десятизарядный станковый арбалет с другого, успевший заслужить во время прошедшего мятежа весьма жуткую славу в Южном заливе. Они явно портили столь благостную картину безмятежного вечера. Да и лёгкая, знакомая пришедшим смертоносная сабелька, небрежно свисающая сбоку у спокойно сидящей за столом женщины, явно выбивалась из благостного образа.

— Какая идиллия, — негромко, но с отчётливо различимым в голосе сарказмом, насмешливо заметил Голова, следом за Старостой неторопливо поднимаясь на террасу и подходя к столу. Храбрости никому из них было не занимать и ни один мускул не дрогнул у них на лицах. В этом городе трусов к власти не допускали.

— Вы позволите? — вежливо поинтересовался Голова, аккуратно берясь за спинку стоящего перед ним кресла.

В отличие от прошлого раза, сейчас они оба были предельно вежливы и осторожны в своих движениях и словах. Смотрящие им прямо в лица арбалеты банковской охраны, молчаливо стоящей по всему периметру террасы, не располагали к откровенному хамству, в отличие от прошлого раза.

Не дождавшись никакой видимой реакции, они оба, также молча, устроились за столом.

Не успела висящая вокруг тишина перерасти в напряжение, как из широко распахнувшейся парадной банковской двери показалась Даша, несущая перед собой поднос с двумя стаканами в подстаканниках, большим заварным чайником и небольшой горкой бутербродов с красной икрой. И лишь тонкий, стеклянный звон позвякивающих в её дрожащих руках пустых стаканов, нарушал стоящую вокруг мёртвую тишину.

Подойдя к устроившимся в креслах гостям, она опустила поднос на край стола и молча посмотрела на обоих представителей банковских учредителей.

— Ну? — дождавшись, когда ему нальют чаю, первым заговорил Голова, с довольным видом принимая из рук Даши сахарницу с колотым сахаром и накладывая в стакан пару кусочков.

Взгляд пронзительных, прищуренных до узких щёлочек глаз Городского Головы в упор глядел на молча и безмятежно сидящих напротив женщин.

— Судя по нашим, пусть и старым, — насмешливо прищурил он глаза, — но вполне достоверным данным, а также по вашим судорожным метаниям по городу в последние два дня, и по тем

слухам, что до нас в последнее время доходили, денег, полностью под расчёт, вы так и не нашли, — сразу же решительно приступил он к делу.

— Полагаю, что в лучшем случае, у вас будет половина.

Прервавшись, он с немым вопросом в глазах уставился прямо на Машу. Снова не дождавшись никакой видимой реакции, он, сразу приободрившись, продолжил.

— А этого, госпожа управляющая, как вы сами понимаете, для наших расчётов будет недостаточно, — бросил он в её сторону враз повеселевший взгляд.

— Ну а раз так, — с довольным видом заключил он, — то Вам придётся или расстаться с местом Управляющего, или со своей уставной долей в банке. Или то и другое вместе, — расплылся он в широкой, откровенно хамской улыбке. — Это не считая того, что придётся ещё покрыть недостачу, — ухмыльнулся он.

— А поподробнее? — наконец-то подала голос Маша.

— Поподробнее? Пожалуйста! — радушно кивнул он головой, размешивая чайной ложечкой сахар в стакане.

— Зная Вашу, Марья Ивановна, — склонил он голову в лёгком, вежливом поклоне в её сторону, — сугубую заинтересованность в сохранении данного банка. Зная Ваше горячее желание остаться на прежнем посту в том же самом качестве управляющего, Мы, все городские учредители банка, готовы на это согласиться, если, конечно, сможем с Вами договоримся о некоторых вещах. В частности, о продаже некоторых ваших активов, представляющих для нас несомненный интерес. По сходной цене, так сказать, — с довольным видом откинулся он на спинку кресла.

— Мы, Марья Ивановна, лично против Вас ничего не имеем и о Ваших талантах, деловой активности и хватке весьма и весьма высокого мнения. Поэтому, мы не будем против, если Вы и дальше останетесь на старом месте в той же самой должности управляющего. Если конечно договоримся, — тут же поправился он. — А то… Уж больно Вы, госпожа управляющая, прыткая и в делах неуступчивая, — Голова, с отчётливо проявившемся на лице сожалением, осуждающе покачал головой.

— И что же именно вас интересует?

— Вот, пожалуйста, списочек, что я потрудился вчера вечерком, со товарищи, составить. Здесь всё, представляющее для нас несомненный интерес.

С совершенно безстрастным лицом, Маша невозмутимо глядела на вальяжно раскинувшуюся в креслах напротив парочку. Приняв из его рук свёрнутый вчетверо листок…

— Ого?!

Маска безстрастности невольно лопнула, как только она окинула первым, самым поверхностным взглядом, представленный ей весьма подробный и детальный, как оказалось, список.

— А эти вот цифирки…., - невольно срываясь на грубость, резко ткнула она куда-то в середину листа своим пальцем. — Эти вот цифирки, напротив каждого пункта, это, надо так понимать, цена?

— Она самая, — с довольной миной на лице, согласно закивал тот головой. — Она родная.

— Не жирно ли будет? Или, как говаривают в наших краях: "А рожа не треснет?"

— Фу! — сморщившись в недовольной улыбке, Голова раздражённо заворочался в своём кресле. — К чему так грубо? Но раз Вы ТАК спрашиваете, то ТАК ЖЕ Вам и отвечу. Нет! Будет не жирно. И рожа не треснет. А будете и дальше разговаривать в подобном тоне, уважаемая Марья Ивановна, то "цифирки", как Вы только что небрежно выразились, могут и дальше похудеть. Упасть, так сказать, в номинале.

— Скажем…, - задумался он, лукаво глядя на Машу. — Ещё на один нолик.

Маша, брезгливо подняв представленную ей бумажку за уголок, небрежно помахала им в воздухе.

— А если я не согласная?

— А что, у Вас есть выбор?

Продай! Продай хоть что-то. Хоть кому-нибудь. А нам верни наши деньги. Только не завтра, не послезавтра, не после — послезавтра, а сейчас. Сию минуту! Немедленно!

Время вышло, — усмехнулся понимающе он, глядя на молчащую Машу. — Шесть часов пополудни. Время!

Не дождавшись от неё никакого ответа, он, молча, покачал осуждающе головой.

— То-то и оно. За два последних дня никто у тебя, Машка, ничего не купил. Ни за эту цену, ни за большую. А значит и цена эта последняя, нравится она тебе или нет. Значит, по ней и считать будем.

— Всё-таки, один единственный вопрос, Голова, вопрос на засыпку. Чем же это Мы Вам так досадили, что Вы пошли на фактический разгром нашего банка и всей нашей компании.

— Марья Ивановна!

Казалось, заговорив вслух, ожила статуя, настолько неожиданным был раздавшийся рядом голос Старосты.

— Первое. Банк не ваш, банк городской. Общий, если вам так лучше понятно. И у вас в нём лишь только доля и отнюдь не

самая большая. Была, — криво усмехнулся он.

— И у нас действительно нет к Вам претензий, как к специалисту. Но мы крайне недовольны Вашим способом ведения дел.

— Эти Ваши выплаты…, - недовольно поморщился он. — Мало того, что Вы этим нарушаете сложившийся в городе уровень оплаты труда, но Вы обособились от своих товарищей…

— Под товарищами, Вы понимаете естественно только себя, — ледяным тоном перебила его Маша.

— Маша, Маша, — осуждающе покачал тот головой. — Ну зачем же ты так! Совсем не обязательно. Но хотелось бы, чтобы вы не забывали своих старых товарищей и приняли нашу посильную помощь. Ну, хотя бы в этом Вашем, как оказалось, столь прибыльном предприятии в землях Империи.

— Ах, вот оно что, — задумчиво протянула Маша. — Вот, значит откуда ноги растут.

— Значит, Вам не даёт покоя наша экспедиция в земли ящеров и Приморье, доходность сего дела.

Сцепив руки перед собой, она откинулась на спинку кресла и задумчиво посмотрела на сидящих перед ней представителей самых богатых людей города.

— Скажем так, Маша, Мы были бы совсем не против профинансировать вашу очередную экспедицию. Или…, принять некоторое участие в ней, — осторожно, тщательно подбирая слова, вступил в разговор Голова, делая особый акцент на слове "очередную". — С соответствующим разделением последующих прибылей.

— При этом мы понимаем, что весомая доля в прибылях должна принадлежать Вам, Вашей компании, как первооткрывателям, но и наше посильное участие требует соответствующего поощрения.

— Угу, — задумчиво покачала головой Маша. — Первые два дня, пока не разберётесь что и как, а дальше пока уже сами не сможете перехватить вожжи. Потом нас в сторону, а сами на коне. Знакомо.

— А чтоб мы не шибко трепыхались, вы решили нас немного придавить, как кошка мышку. Чтобы мы были на переговорах, так сказать, посговорчивее, погибче.

— А что же вы сразу не пошли к нам и не сказали, что у Вас есть в этом деле интерес? — вопросительно подняла на них взгляд Маша. — Что ж вы честно, прямо не подошли?

— А вы бы вот так сразу и согласились? — скептически хмыкнул Староста. — А то мы вас, Марья Ивановна, не знаем. Вы же всегда на особицу. Всегда сами, всегда одни. Что ты, что ваш

профессор, что Корней, что… некие Сидор с Димоном, — Староста осторожно покосился на Изабеллу. — Да и согласись, условия будущего соглашения в данном случае диктуем всё же мы. Поэтому пришлось пойти на кое-какие издержки.

— Это, доведение простой домашней свары, чуть ли не до вооружённого всегородского конфликта вы называете "кое-какие издержки"? — Маша, возмущённо сверкая глазами, раздражённо заворочалась в своём кресле.

— Это целиком ваша вина.

Голова, снова включаясь в разговор, сердито постучал пальцем по столу.

— Никто из нас не собирался и не собирается доводить дело до вооружённого столкновения. Это всё лично Ваша инициатива по раздуванию конфликта. Подняли панику, устроили в городе бучу. Привлекли на свою сторону ящеров. Объявили о наборе в городе добровольцев. Вооружили бывших пленных амазонок….

— Кстати последних, потрудитесь обратно ввести в положенный им статус, — перебил его раздражённым голосом Староста. — Нам в городе не хватает только полусотни амазонок, вооружённой вашими стараниями до зубов, — невольно покосился он в ту сторону террасы, где стояли только что упомянутые особы, вооружённые своими страшными, дальнобойными луками. — В общем, как завертели, так и изворачивайтесь. Сами вооружили, сами и разоружайте. Но это даже не обсуждается!

— Да, Маша, — согласно кивнул Голова, — это обязательное условие любого нашего соглашения. Любого! И оно действительно, не обсуждается. В городе не должно быть вооружённых амазонок. Тем более в таком числе. Пятьдесят лучниц! — возмущённо зашипел он, понижая голос, чтобы его невозможно было услышать на противоположном конце террасы. — Это мы уже проходили, и к чему подобная глупость приводит, тоже прекрасно уже знаем. Так что потрудитесь первым же делом избавиться от них.

— Вот так вот и избавиться? — задумчиво проговорила Маша, пронзительно глядя на него.

— Вообще-то у нас с ними договор о найме и я не вижу никаких причин его нарушать.

— Надеюсь, требование городских властей? Убрать! Это достаточно веская причина? — с открытой угрозой в голосе тихо поинтересовался Голова.

— Оо-о. Как мы быстро и легко скатываемся от улещивания до угроз, — насмешливо хмыкнула Маша. — Но сей вопрос можно будет решить и потом. Сейчас же давайте вернёмся к вашим

предложениям.

— Итак, Маша, — снова мгновенно преображаясь, Староста расплылся в широкой улыбке.

Словно волшебник, он извлёк откуда-то из глубин своего сюртука два свёрнутых в тугие, стянутые разноцветными ремешками небольших рулона. Неторопливо раскатав на столе перед ней меньший из рулонов, он аккуратно прижал края дорогого, даже на один только вид, недешёвого пергамента специальными канцелярскими грузиками, поданными ему Головой.

— Всё в двух экземплярах. Этот…, - небрежно махнул он в сторону раскатанного на столе пергамента. — Договор о ликвидации нашей оставшейся части уставного капитала, оформленный в полном соответствии с уставными требованиями. Этот же…

Любовно покачав в руке даже по виду намного более тяжёлый и толстый по объёму рулон пергамента, он осторожно развернул его и с удовольствием на лице посмотрел на написанный текст.

— Это, Наш с Вами будущий новый договор. Здесь прописано всё. И то, что ты остаёшься в старой должности управляющего Нашим банком, Бог с тобой золотая рыбка, служи, — усмехнулся покровительственно он. Глаза Маши нехорошо сверкнули в ответ. — И то, что мы не имеем лично к тебе претензий, и в случае нового конфликта готовы предоставить тебе достаточно времени для поиска средств. Здесь же оговорена и Ваша новая доля в банке…

— Да-да! — покивал он головой в ответ на недоумённый взгляд Маши.

— Согласись, любое новое дело надо начинать с подведения итогов по-старому. А по-старому, мы должны пересмотреть процент вашего долевого участия в банке. Ведь вы фактически не выполнили условия нашего старого договора. Так что, думаю, если определяться по состоянию дел на сегодняшний день, это будет справедливо.

— Впрочем, — ухмыльнулся он, — мы не настаиваем. Мы можем ограничиться и кое-какими вашими предприятиями по недостающей части нашего уставного капитала.

— Что это тебя там так заинтересовало? — наконец-то прервался он заливаться соловьём и обратил внимание на Машу, которая, не обращая на его речитатив никакого внимания, внимательно читала текст другого, взятого ею со стола пергамента.

— Что ты там нашла для себя нового или интересного? — насмешливо переспросил он.

— Да вот, смотрю цифирки, что вы здесь понаставили.

— С "цифирками", как ты выразилась, там всё нормально, — недовольно поморщился Голова. — Всё подсчитано до последней монетки.

— Многовато, — задумчиво протянула Маша, рассеянно теребя выбившуюся из причёски прядку волос. — Хотя совпадает с нашими подсчётами, — тяжело вздохнула она.

Не выпуская его из рук, она неторопясь, тщательно расстелила оба пергамента первого договора на столешнице, старательно распрямляя, и прижимая упорно желающие свернуться обратно в трубочку концы листов.

Старательно расправив рядом и второй экземпляр, ни слова не говоря, она, молча, взяла лежащее на столе гусиное перо и, опустив его в чернильницу, аккуратно и тщательно выводя свою фамилию, подписала оба экземпляра.

— Я смотрю, вы заранее всё подписали, — с задумчивым видом хмыкнула она. — Это хорошо!

Наверное, чтобы не тратить Наше Дорогое Время, — с откровенным сарказмом в голосе заметила она, насмешливо глядя в ошарашенные лица сидящих напротив.

Вот я и решила, Здесь больше Вас не задерживать.

— Ты!

Казалось, Старосту в этот момент хватит удар, настолько у того было неадекватное, странное выражение лица.

— Ну, значит, ты сама выбрала, — мгновенно справившись с собой, тихо процедил он сквозь стиснутые губы. — Теперь изволь предъявить нам то, что у тебя есть и мы решим твою дальнейшую судьбу.

— Свою судьбу я решу сама. Без вас! — тихо, злым голосом перебила его Маша. — А Вы получайте то, что Вам положено и проваливайте. Мы с Вами расстаёмся.

Негромко хлопнув в ладоши, она, немного рисуясь, небрежно махнула рукой в сторону медленно распахнувшейся банковской двери.

— Получите!

В широком дверном проёме парадной банковской двери, ярко освещённом висящей высоко над ней большой бензиновой лампой, показались два массивных, ростом под два метра банковских охранника. На низкой, широкой тележке с маленькими колёсиками. они с трудом выкатили из дверей банка большой, даже по одному только виду тяжеленный сундук.

Втащив его на террасу, они, устало смахнули выступивший на лице пот и, развернувшись, скрылись обратно в дверях банка.

— Ну-у, Маша, — недовольно поморщился Голова.

Осуждающе покачав головой, он сердито заметил. — Я, конечно, хорошо понимаю твои горячие чувства к тем бумагам, что были нами представлены для уставного капитала и к сундуку в котором их в банк передали. Ты об этом уже весь город оповестила, что мол, мы такие подлецы, всучили пустые бумаги, а теперь требуем полновесное золото. Но нельзя же, вот так! Совать нам в нос, обратно, наш же собственный, покоцаный сундук. Золота, как я знаю, у вас нет.

— Значит, Пашиным серебром решили вернуть? Или опять своим жемчугом, — грустно хмыкнул он. — И сколько тут? — оторвал он погрустневший взгляд от такого ему хорошо знакомого сундука, в котором он сам когда-то лично вносил уставной капитал в этот банк.

— Больше не будет. Это всё! — сухо откликнулась Маша. — Распишитесь в получении и убирайтесь!

— М-да, похоже, с золотишком у вас туго, — тихо пробормотал Голова себе под нос. — Ну, что ж, будем считать! Ну а потом…., - с фальшивым сожалением в голосе, медленно развёл он руками. — Потом, в размере недостачи определимся, какие ваши предприятия переходят под наш контроль.

Снова демонстративно тяжело вздохнув, он поднялся, пододвинул своё кресло к сундуку и, тяжело обратно на него опустившись, буквально на самый его краешек, с натугой приподнял тяжеленную крышку.

Замершая, безмолвная фигура Городского Головы являла в этот момент весьма характерную позу, напоминающую статую Командора в одном из произведений русского классика.

— Твою мать…., - хриплым, вмиг осипшим голосом проскрипел негромко он.

— Глянь, — повернулся он к Старосте. — Они…

Медленно подойдя и склонившись над распахнутым сундуком, Староста замер рядом с Головою, молча глядя на то, что предстало перед глазами.

— Байки про двойные золотые имперские ящеры оказываются вовсе и не байки, — медленно, как замороженный, тихо прошептал он. — Настоящее имперское золото, высшей пробы. Полновесное.

Повернувшись в сторону сидящих за столом двух женщин, Староста со странным, непонятным выражением на лице несколько долгих мгновений молча, рассматривал обеих.

— Я так полагаю, что можно не пересчитывать?

Медленно повернувшись обратно, он ещё какое-то мгновение молча, пялился на содержимое сундука, стоя спиной к сидящими за столом женщинами, а затем негромко заметил, поворачиваясь.

— Жаль! — с искренним сожалением в голосе, посмотрел он ей прямо в глаза. — Ей Богу жаль, Марья Ивановна!

— Жаль, что наше сотрудничество заканчивается подобным образом. Всё-таки, с вами можно вести дело, хотя порой Вы бываете удивительно неприятным человеком. Так что если передумаете, насчёт нашего предложения по совместной торговле, то мы всегда к вашим услугам, — уважительно склонил он перед ней голову.

В этот момент в его глазах не было ни грамма насмешки или презрения. Теперь на неё с искренним уважением смотрел серьёзный, деловой человек, получивший веские доказательства её честности и деловой порядочности.

Не задерживаясь больше ни на минуту и даже не пересчитав, всецело положившись на честное слово Маши, они быстро, по-деловому просмотрели представленные ею расчёты. Согласовав всё, они решительно подхватили ручку банковской тележки и скатили по специальному наклонному пандусу на брусчатку площади перед банком.

Послав бегом пришедшего с ними писаря обратно к себе домой, они дождались не сразу появившейся телеги, запряжённой большим, медлительным битюгом, и погрузив с помощью егерей на телегу сундук, весело о чём-то переговариваясь, скрылись в одной из улочек, ведущих в сторону Городского Совета и центра города.

На террасе остались, молча смотревшие им в след Маша с Изабеллой.

Едва только банковская терраса, скрылась за углом ближайшего переулка, Голова, с чувством втянул в себя холодный зимний воздух и резко согнув правую руку в локте, тихо рявкнул сиплым от едва сдерживаемого ликования голосом:

— Есть! Мы их сделали!

— А ты чего не радуешься? — весело скалясь, крепко хлопнул он по плечу идущего рядом с ним друга. — Ты что, не согласен с тем, что мы их поимели?

— Согласен, — флегматично откликнулся тот, не выказывая ни малейших признаков радости. — С тем, что мы их поимели, я полностью согласен. И с тем, что надо бы радоваться, этому, я тоже согласен. Но вот радости это у меня не вызывает ни малейшей.

— Взгляд мне её не понравился…., - нехотя пояснил он, глянув прямо в глаза Головы.

Оглянувшись в сторону скрывшегося за углом банка, он резко вскочил в седло своей, идущей в поводу лошади, сразу же начавшая нервно под ним приплясывать. Лошадь нервничала,

чувствуя внутреннее раздражение и недовольство всадника.

Дождавшись, пока Голова грузно заберётся в своё седло и, отъехав вместе с ним ещё дальше от поворота улицы к банку, только тогда Староста продолжил прерванную мысль:

— Ты можешь, что угодно мне говорить, но человека, который смотрит на тебя таким взглядом, как посмотрела на нас эта новоявленная банкирша, я бы советовал тебе серьёзно поостеречься. Похоже, что мы всё-таки перегнули палку. И откуда-то у меня такое чувство, что они нам этого не простят. Да и баронесса эта…. Сидорова коза! — сквозь зубы зло выругался Староста. — Сидела и молча, пялилась на нас, как змеюка. Ну вот скажи мне, — повернулся он в его сторону. — Ну что она там делала? Каким боком её касалось то, что мы там обсуждали? Так нет же! Припёрлась1 А потом сидела и пялилась, как сыч. И молчала! Тварь! — выругался он.

Похоже, что баронесса набирает в этой неприятной компании всё больший и больший вес. А для нас это очень и очень плохо. Родовитая дворянка, да к тому же баронесса древнего, славного рода с кучей воинственных родственников в Западных баронствах, это тебе не прекраснодушные земляне, без местных корней и с наивными глазами, ну и прибившийся к ним тупой местный солдафон, не знающий кто его отец с матерью.

Это волчица, — процедил он зло сквозь зубы. — Молодая волчица, и ещё похлеще стервы Маши будет. Пока они обе ещё в силу не вошли, но, помяни моё слово, доставят они нам хлопот. Они обе нам ещё здорово крови попортят.

До сих пор себе не прощу, что повелся на Машкины угрозы и продал этой сопливой баронессе свои трактиры возле городских ворот практически за безценок.

Тьфу ты, — сплюнул он в раздражении на землю, угрюмо уставившись на холку своей лошади.

Пусть эта породистая коза теперь без денег попробует поработать, раз такая борзая, — угрюмо буркнул он, сердито сверкнув глазами. — А то ишь ты, зенками своими рассверкалась. Я ей покажу, как не меня так зыркать!

Ну а раз ты у нас держишь под контролем всю торговлю через перевал, то и договорись с таможней, чтобы ни один их обоз через него больше не прошёл. Пусть покрутятся….

Где-то ещё через полчаса весёлой, радостной суеты, сразу заверченной вокруг банка, как-то незаметно с площади исчезли и стоявшие наготове войска кланов, вместе с городской стражей и сама площадь неожиданно сразу опустела. На ней остались только одиноко стоящие, расслабившиеся егеря и забившиеся в угол террасы, настороженно посматривающие на них амазонки,

единственные на площади, кто не выказал ни малейшей радости по поводу произошедшего быстрого примирения сторон.

Наконец-то обратив внимание на их настороженное поведение, Маша внимательно присмотрелась к ним и кивком головы подозвала к столу старшую.

— Отправь кого-нибудь за вашим полусотником, — негромким, чётко акцентированным голосом попросила она стоящую перед ней настороженную амазонку. — Скажешь, что есть разговор.

Внимательно посмотрев на неё, амазонка, молча, развернулась и, отойдя в занятый ими угол террасы, отдала какое-то распоряжение тихим голосом.

Судя по быстроте, с которой рванула с места гонец, они все прекрасно представляли, насколько этот разговор для них важен, потому что, не прошло и получаса, как к банку уже подходила выбранная амазонками над собою атаманша.

Оставив явившихся вместе с ней практически всех амазонок стоять неподалёку на площади, она неторопясь, с внутренним достоинством в каждом движении, поднялась на банковскую террасу и молча, опустилась в опустевшее после делегатов кресло.

— Ну? — вопросительно взглянула она на сидящих напротив женщин.

— Удивительно, какие они все сегодня однообразные, — устало кивнула головой в её сторону Маша, напоминая Изабелле на подобную же фразу в устах Головы.

Так вот уважаемая, — начала она, сразу стерев с лиц присутствующих все признаки веселья. — Все условия найма, по которым мы вас нанимали, выполнены и больше в ваших услугах мы не нуждаемся.

Заметив, как напряглась при последних словах фигура выборного атамана амазонок, Маша успокаивающе покачала ладонью перед собой.

— Нет-нет-нет! — тихо помахала она перед собой ладонью. — Никто вас разоружать не собирается. По крайней мере, не мы, — криво поморщилась она. — Но городские власти совершенно жёстко и недвусмысленно указали на то, чтобы вас разоружить и убрать из города. Поэтому у нас для вас будет деловое предложение. Не дожидаясь неприятностей с городскими властями, и если ты, Катарина из Шклова, не собираешься обратно в свой Шклов, или любой другой Мухосранск в вашей заречной Амазонии, то мы вам можем кое-что предложить.

Как вы посмотрите на то чтобы прокатиться в Приморье? За казённый счёт, так сказать, — вопросительно взглянула она в

удивлённо распахнувшиеся глаза амазонки.

Там есть для вас кое-какая работёнка, как раз по вашему профилю. И уверяю вас, в накладе вы не останетесь.

В случае же вашего предварительного согласия, мы можем обсудить детали. Если же нет, то вам следует немедленно, этим же вечером, самим покинуть город, пока за вас не взялись городские власти. Во избежание эксцессов с ними, так сказать, — хмыкнула она. — И я боюсь, что в этом случае с оружием вас из города не выпустят. Не говоря уж о том, что и у нас потом будут неприятности.

Так что выбора то и у вас нет, — тихо заметила она.

Сидящая напротив них женщина несколько минут молча, смотрела на них, видимо что-то усиленно прокручивая в голове.

— Что же там может быть такого, что может быть нам интересно? — негромким, скрипучим голосом тихо поинтересовалась атаманша.

— Охрана, сопровождение грузов, — с облегчением переводя дух, расслабилась Маша.

Вопрос, заданный атаманшей негромким, ясным голосом, совершено спокойно можно было считать согласием. До этого момента, она даже не понимала, насколько внутренне волновалась о возможном развитии разговора.

Положение у амазонок действительно было патовым. Им было просто некуда деваться. В случае отказа сдать оружие, их бы просто расстреляли издалека находящиеся ещё поблизости войска кланов, наверняка оставленные в городе специально для этого случая. Но и сдавать оружие им было тоже невозможно, поскольку после этого они были просто никому не нужны. На работу в городе, после их выступления против Городского Совета, никто бы их не взял ни под каким видом. А возвращаться обратно к себе в Амазонию им было также нельзя, поскольку их запросто могли признать дезертирами, потому что имея в руках оружие, они вернулись домой сами и без него.

Да даже если бы они его каким-то чудом и сохранили, даже это для них уже не играло никакой роли. Здесь играла свою роль убеждённость, царящая среди руководства амазонок, что любой воин, попавший в плен поневоле, не мог сам себе вернуть оружие, кроме как в бою. А если ему его возвращали добровольно, то это расценивалось не иначе как предательство и переход на сторону врага. Поэтому у них теперь был только один единственный путь — наёмничество.

Именно этот выход им и предложила Маша, выполнив заодно сразу две задачи, давно застоявшиеся и требующие немедленного разрешения. Первая, срочная, — убрать из города большой

вооружённый отряд амазонок, и вторая — выполнить настоятельную просьбу Сидора, прислать ему в Приморье отряд этих же самых амазонок, которых здесь никто не знал куда девать.

Согласовав ещё несколько вопросов, требующих немедленного решения, атаманша увела свой отряд обратно в казармы, где они обитали последние несколько дней.

К слову сказать, казармы это было одно только название. На самом деле это были несколько пустовавших последнее время больших складских землянок, примыкавших к жилому комплексу, вырытому ещё прошлой осенью Сидором с друзьями возле южной городской стены. Фактически, последние несколько месяцев склады пребывали в полном запустении, лишённые содержимого, которое полностью пошло на оплату кредитов и услуг нанятых Машей добровольцев, ящеров и тех же самых амазонок.

Первая же освободившаяся большая землянка и была определена им под дружинную избу, которую с успехом последние два дня им и заменяла.

Теперь амазонкам приходилось её освобождать, возвращая прежним владельцам, а самим собираться в дальнюю дорогу, конечный пункт назначения которого знали в городе только три человека: Маша, Изабелла и атаманша.

*Триумф… с голой жо…й. **

К сожалению, возникшие сразу после ликвидации городской доли проблемы, на том не кончились. После выплаты уставной доли, в банк тонкой струйкой потянулись вкладчики изымать вклады. И с того проклятого раза, практически не было ни одного дня, когда хотя бы один, два человека в день не предъявляли бы Маше требования о возврате своего вклада.

Пока спасало лишь то, что вклады были небольшими, да и количество вкладчиков, вдруг возжелавших немедленно расстаться с банком "Жемчужный", незначительно. И оставалась ещё крепкая надежда, что эта негативная тенденция скоро кончится, ведь не все же в городе были такие пугливые. Тем не менее, денег могло не хватить, и о наполнении плюсовой части баланса банка следовало побеспокоиться заранее.

Именно эта причина и привела Машу одним ранним утром в землянку к баронессе де Вехтор.

— Ты уверена, что обойдёшься без своих денег в ближайшие месяцы?

Мрачная, словно грозовая туча, Маша хмуро смотрела на

баронессу Изабеллу де Вехтор. От её ответа сейчас очень многое зависело, и ей бы не хотелось ошибиться в своём мнении об этой девушке.

— Может быть даже и годы? — тихо добавила она.

Подняв на неё мрачный, опустошённый взгляд, она тихо заметила:

— Не знаю точно, но у меня уже нет твёрдой уверенности в том, что я сумею в самое ближайшее время тебе их отдать. Но отдам обязательно.

Наверное, это был уже даже не второй и не третий, а наверняка чуть ли не десятый подобный вопрос за прошедшие два дня, которым Маша раз за разом, с занудным постоянством, терзала Изабеллу.

— Не впервой, — так же, наверное, уже в десятый же раз, спокойно откликнулась Изабелла. — Да не нервничай ты так! Наконец-то поверь, что здесь, в Вашем городе, жить мне намного легче, проще и дешевле, чем даже у себя в родном замке. И трат здесь намного меньше, чем у меня дома.

— Дел у меня здесь никаких нет, прислуги, которой надо платить, нет, хозяйства своего нет. Охрана и та теперь безплатная, — криво усмехнулась она. — Так зачем мне хранить в сундуке своё золото? Воров, что ли приваживать?

— Здесь нет воров, — машинально в который же раз откликнулась Маша, усиленно думая о чём-то своём, о чём свидетельствовали сведённые на лбу брови и углублённый внутрь себя задумчивый взгляд.

— Ну да. Здесь есть компаньоны, готовые в любой удобный момент раздеть тебя до нитки, — насмешливо хмыкнула Изабелла, начиная с интересом присматриваться к глубоко задумавшейся Маше. — А потом и нитку оборвать.

— Чёрт! — неожиданно резко выдохнула из себя Маша, сердито хлопнув ладонью по подлокотнику своего кресла. — Чёрт! Чёрт! Чёрт! — раз за разом жёстко стучала она по нему.

— Придётся сворачиваться, — с сожалением в голосе продолжила она, явно не слушая того, что говорила только что Изабелла.

— Придётся сворачивать часть производств и почти все стройки. Все! — снова в раздражении хлопнула она всё по тому же многострадальному подлокотнику.

— Скоты! — тихо выругалась Маша. — Получили золото, убедились, что всё в наличии, так могли бы и оставить его на старом месте. Нахрена было забирать? — пожаловалась она молчаливой Изабелле, глядящей на неё с каким-то непонятным выражением на лице.

Изабелла с задумчивым видом молча смотрела на Машу и флегматично наматывала кончик выбившегося локона себе на палец, раз за разом распуская его. Наконец, её непонятно поведение вызвало в конце концов ответную реакцию и Маша замерла, вопросительно глядя как она теребит собственную причёску.

— Что?

Что ты на меня так странно смотришь?

— Смотрю на тебя и думаю, — с откровенным сарказмом в голосе, Изабелла насмешливо усмехнулась и откинулась в кресле, принимая свободную, вальяжную позу.

— Думаю, когда ты перестанешь причитать и начнёшь наконец-то думать.

— И о чём это я ещё должна сейчас думать? — сварливо огрызнулась Маша, невольно краснея под насмешливым взглядом Изабеллы.

— Хотя бы о том, что произошло?

— Ну и что же, по-твоему, произошло? — сразу подобравшись, Маша ничем уже не напоминала себя прежнюю. Теперь перед Изабеллой сидела рассерженная, злая, готовая на всё умная деловая женщина.

— А произошло то, что, как говаривал некто господин Сидор, мой муж, если ты ещё не забыла такого, Вас опустили! В бытность его ещё в городе, я специально у него вызнала, что это за процесс такой. Так вот, — усмехнулась она, — это….

— Я знаю, что это такое, — негромким, нейтральным голосом перебила её Маша. Правая щека её сердито дёрнулась. — Говори по существу.

— По существу? — подняла свои брови с вопросом в глазах Изабелла. — Хорошо! Можно по существу.

— Так вот, рассмотрим произошедшее. То есть: время, причины и следствия.

Время. Середина зимы, даже — ближе к весне чем к середине. В городе регулярное сезонное падание деловой активности. Плюс к тому речная блокада амазонок и перекрытый по их требованию перевал, что также катастрофически сказывается на деловой активности. Хоть сейчас по зиме это и не так актуально, как в летний сезон, но всё-таки, всё-таки.

Далее. Зимой народ тянется в город, спасаясь от привычных зимних набегов амазонок и ящеров. В результате, городе скопилось большое число безработных. Всё, как всегда в этом пограничном краю. Ну, плюс ещё множество разбросанных по кланам пленных амазонок, которых их казначейство не спешит выкупать. Да, похоже, и не будет.

Короче, в городе много свободных умелых рук, готовых задёшево работать. Строй что угодно и сколько угодно. Но! На коне лишь те, кто имеет возможность что-то привезти-вывезти из-за гор, из Приморья или с нижних городов Левобережья. Или товар, или сырьё, или ещё какую гтовую продукцию.

Это вы, как ни странно, — усмехнулась Белла, — вся Городская Старшина, и ещё кое-кто из деловых людей города. Те же оружейники, к примеру.

Ах, да! — усмехнулась она. — Лошади, в отличие от былых времён, сейчас есть у многих. Но не у всех есть отлаженные торговые связи, которые позволяют обойти драконовские налоги на перевале. Так что, само наличие лошадей ещё ничего не значит. Нужны связи.

А связи, фактически только у Городской Старшины. Даже у вас их нет, несмотря на то, что вы уже чуть ли не год заняты торговыми перевозками. Следствие работы через посредника и с чужими кадрами, — ухмыльнулась она, насмешливо посмотрев на покрасневшую от гнева Машу.

Теперь — Причины. Зачем им деньги?

Объяснение, на мой взгляд, может быть только одно — срочная потребность в наличных средствах. В большой сумме наличных средств, — уточнила она. — Это первое. И…., - Изабелла прервалась, загадочно глядя на Машу и, усмехнувшись, продолжила, — И второе — устранение конкурентов.

Ты, Маша, не задумывалась о том, что Вы, весь ваш клан последнее время стали представлять серьёзную угрозу для многих деловых людей в городе.

Извини, Маша, — тут же с усмешкой поправилась она. — Одна неосторожная подпись и вы уже только представляли угрозу. Всё в прошлом. Это вы раньше, до разгрома банка представляли из себя что-то. Теперь же вы ни для кого никакой реальной угрозы не представляете.

Ни людей, ни денег, ни военной силы за вами больше нет. И раньше то всё было довольно эфемерно, а теперь…, - махнула она рукой.

— Ну ка, ну ка, — сухо заметила Маша, сердито сводя брови к переносице. — Объясни? Всегда интересно посмотреть на себя со стороны. Что это ещё за угрозы такие?

— Угрозы? — хмыкнула Изабелла. — Пожалуйста!

Первое. Деловая угроза.

Ещё совсем недавно вы вытеснили с рынка практически всех производителей керосина, а затем, с началом производства бензиновых ламп, и бензина. И вы же сами и завели в городе потребность в бензине, выбросив на рынок великолепные

бензиновые лампы. Вы всех задавили и количеством, а самое главное — качеством бензина. Ни у кого не было такого чистого керосина и бензина. Вы были вне конкуренции. Были! — усмехнулась она.

В результате сложилось положение, в котором вы, ещё немного нарастив обороты, окончательно задавили бы всех производителей этого товара, включая и Городскую Старшину, и местное ремесленничество.

Единственное, что могло бы вас остановить, это нехватка сырья и отсутствие оборотных средств. Ведь сырьё же надо на какие-то деньги закупать, не говоря уж про оплату доставки, — усмехнулась Изабелла.

То же положение с винной продукцией. Стоило вам только ввести в строй оставшиеся ещё недостроенными свои винные заводы, я уж не говорю про те, что только проектируются и под которые расчищаются заброшенные пустоши, как вы мгновенно задавили бы всех конкурентов в городе теперь уже просто дешёвой водкой и стали бы монополистом. Я уж не говорю, про этот ваш удивительный, чудный, редкий, и нигде больше не встречающийся коньяк, которого вообще ни у кого нет.

Хотя, честно скажу. Я совершенно не понимаю, зачем вы возитесь с какой-то водкой, когда являетесь фактическим монополистом в производстве столь чудного, эксклюзивного продукта. Стоит ли так разбрасываться.

Но, ладно, — махнула она рукой. — Сейчас не о том речь и это ваше дело.

Возвращаясь к ранее сказанному, объективно, ваша компания сейчас встала поперёк горла практически всем деловым кругам в этом городе. Хоть в чём-то, но вы зацепили каждого. Что их всех против вас и объединило.

И чтобы вас, если окончательно и не остановить, но, по крайней мере, серьёзно притормозить в вашем бурном развитии, вас надо было просто лишить свободных денежных средств. Что и было прекрасно исполнено.

Думаю, многие из деловых людей в городе сейчас уже серьёзно жалеют, что когда-то согласились на учреждение в городе нового банка с вашим капиталом.

Кстати, начавшееся изъятие средств вкладчиками также является косвенным подтверждением недовольства многих горожан вашей активностью. Вы слишком демонстративно сосредоточены на своих персональных делах и слишком демонстративно пользуетесь для достижения этих целей капиталами как бы общегородского банка, как вы раньше нагло пользовались городскими курсантами в своих личных целях.

Многих это раздражает.

Далее. Может, ты ещё не знаешь, но вот мой Советник не далее, как на днях говорил мне, что местный Голова обращался к нему с предложением о вложении средств в новый транспортный проект. И ты знаешь в какой? — вопросительно посмотрела она на Машу.

Не дождавшись отклика, она, усмехнувшись, продолжила.

— О долевом участии в строительстве дороги, от города до перевала.

К вам он не подходил с подобным предложением?

Нет? — насмешливо ухмыльнулась Изабелла. — А вот ко мне, ещё до всей этой заварушки, поступило подобное предложение, как мне передал мой Советник. Ко мне, человеку в городе случайному, такое предложение поступило. В отличие от вас, как я понимаю.

Кстати, если ты ещё не знаешь, то подобное же предложение поступило практически ко всем городским кланам и ко всем состоятельным людям. К тому же вашему разлюбезному Кондратию Стальнову, главе оружейников, которого вы, непонятно с чего, числите, чуть ли не в своих друзьях. И он…., - Изабелла прервалась, уже без тени улыбки смотря прямо в глаза Маши. — И он не отказался.

Помнишь, как совсем недавно ты перед ним хвостом виляла, чтобы он не изымал из банка свой вклад. А потом, когда он настоял, обзывала его разными нехорошими словами. Перестраховщиком и прочими словесами нехорошими ругала.

Теперь смотри. К вам, как не к самому бедному клану, с этим предложением даже не подходят. Хотя всем известно, что свободные деньги у Вас на тот момент есть, или, по крайней мере, должны были быть. Ведь вы же до сих пор, несмотря ни на что, выплачиваете какие-то дивиденды родственникам своих егерей и наёмников, и немалые.

Тем не менее, ни к Вашему банку, ни к вашей компании, с этим предложением даже не подходят. Хотя можно было бы предположить, что уж в крупнейшем то банке региона, каковым вы до недавнего времени официально числились, хоть какие-то средства да должны были найтись на подобный, жизненно важный для всех проект.

Тем не менее, в реальности мы видим совершенно иную картину. Из банка, под благовидным предлогом, совершенно не думая о последствиях, изымают практически все средства, фактически ставя его на грань разорения.

Учитывая же твои собственные слова, что завтра сюда набегут рядовые вкладчики с требованием об изъятии средств из-за

недоверия лично к Вам и к вашей бурной деятельности, то Вы окончательно лишаетесь любых наличных средств и идёте по миру с сумой. Картина, я думаю, тебе уже окончательно ясна. Вас выбивают из конкурентной борьбы за крупнейшее доходное предприятие всего этого региона. И выбивают гарантировано.

Ведь уже имея колоссальный опыт подобных работ, которого здесь ни у кого просто нет, имея в подчинении строителей ящеров, Вы фактически вне конкуренции. Такие дороги, как строите вы, и какую собирается построить городская верхушка, никто до сего дня здесь не строил. Только у вас есть подобный опыт. Но чтобы Вы гарантировано не рыпнулись к кормушке крупнейшего подряда года, Вас дискредитируют в глазах всего города, демонстративно, со скандалом, лишая учредительской доли в капитале банка. Ликвидируют положенные для банка с городским статусом льготы, и выводят лично Вас Маша из состава Городского Совета. Для чего, собственно, по моему личному мнению, вообще нет ни малейшего основания. Ведь с теми же проворовавшимися Кидаловыми тишком разобрались, не вынося сор из избы. Вам же устроили показательную порку с потрясанием мускулами, угрозами, надуванием щёк и прочими глупостями.

Вас поставили на место, на котором, по мнению городской верхушки, Вам следует сидеть, как петушку на жёрдочке.

Теперь, к вопросу о политической угрозе.

По-моему, сугубо частному мнению, в последнее время вы Маша начинаете представлять весьма серьёзную конкуренцию некоторым должностным лицам в городской верхушке. Да-да, Маша, именно так, — покивала она головой. — Лично Вы, как деловая женщина, с бешеной скоростью набирающая популярность в городе, особенно в женской её части, уже сейчас представляете весьма серьёзную конкуренцию для первых лиц города, особенно для Головы.

Вы постоянно, особенно последнее время твердите на всех углах о мужском шовинизме в деловой сфере. И тем уже привлекли к себе повышенное внимание.

Уже сейчас, не смотря на все негативные пертурбации с банком, к вашему мнению в городе прислушиваются. И я думаю, именно это одна из основных причин, по которым вас вывели из состава членов Городского Совета. Именно поэтому для Головы так важно Вас осадить.

Что он с удовольствием и сделал, — с довольным видом закончила Изабелла.

С чувством глубокого удовлетворения от чётко выполненной работы и великолепно проведённого анализа она с облегчением

откинулась на спинку своего кресла.

— М-да! — с непонятным выражением на лице протянула Маша, внимательно глядя на Изабеллу. — А профессор то был прав, когда предупреждал, что ты сама великолепно разберёшься в создавшейся обстановке. И трижды был прав, когда предупреждал, что Голова и к тебе подвалит с этим их предложением по дороге, — задумчиво пробормотала она. — Всё-таки ты последнее время всё с нами да с нами. А они, значит, и тебя захотели от нас отколоть, — сузив глаза, задумчиво протянула она, снова углубившись в какие-то свои мысли и надолго замолчав.

Судя по вытянувшемуся от расстройства лицу Изабеллы, та совершенно не ожидала подобной реакции. Будучи всецело погружённой в последнее время в развернувшуюся в городе свару, она как-то не подумала о том, что это положение дел может и не быть такой уж неожиданностью для местных жителей. И уж они то, наверняка всё давно просчитали и обдумали. И что их реакция на развернувшиеся события была чётко выверена и просчитана.

— Не обижайся, — вышла из созерцательного положения Маша. — Но мы действительно не знали, можем ли на тебя полностью рассчитывать. Поэтому, я и молчала всё последнее время о том, что мы давно были готовы к такому развороту событий.

Просто…., - Маша, поморщившись, грустно заметила. — Просто, ты, как простой, нормальный и честный человек до самого последнего момента не веришь, что лично с тобой могут вот так подло поступить. Ведь не врёшь, не обманываешь, не воруешь, работаешь, как вол на общее благо. А они….

Тяжело вздохнув, Маша с какой-то обречённостью безнадёжно махнула рукой.

— Поэтому, нам жизненно важно было знать, с нами ты или нет. Полностью и до конца. Так что, не обижайся, пожалуйста, — Маша виновато посмотрела Изабелле прямо в глаза.

Несколько мгновений Изабелла ошарашено смотрела на виновато выглядящую, какую-то пришибленную Машу, а затем медленно покачала головой.

— Как выражается некий господин Сидор, мой муж, — Афигеть, — и весело, заливисто расхохоталась.

— Ну а насчёт военной?

— Что? — всё ещё пытаясь справиться с приступами раздирающего её смеха, Изабелла попыталась понять, что у неё спрашивают.

— Ты что-то ещё упоминала про военную угрозу?

— Ах, это, — улыбнулась Изабелла.

Ну, это совсем просто. Посмотри. В город, для противостояния с Вашей компанией, были введены войска, чуть ли не десятикратно превосходящие вас числом. И ни один человек из них даже не попытался устроить какой-нибудь, пусть самый мелкий скандал или стычку. А вот такого вообще не может быть. Это совершенно не в местных традициях.

Да у нас, в баронствах, если сталкиваются два враждебных клана, то ещё задолго до настоящего вооружённого столкновения, везде, по всем тавернам, кабакам, подворотням, везде, где только можно, постоянно идут мелкие, незначительные скандалы и стычки. Здесь же они стояли на месте, как привязанные с заклеенными ртами, и было полное впечатление, что они боялись даже дыхнуть в вашу сторону, а не то, что пошевелиться. И это, при десятикратном то превосходстве в живой силе.

— Ну? — задумчиво протянула Маша, почесав кончик носа. — Дураков сталкиваться с прошедшими Корнеевскую выучку егерями, нет. Повывелись! Особенно с теми, что у нас остались. Последние из таких дурней, особенно после мятежа амазонок, десятой стороной нас обходят. Да ещё эта непробиваемая броня, об эффективности которой все прекрасно осведомлены, двойные арбалеты, амазонки, озверевшие от своего низкого, фактически рабского статуса. Плюс ящеры, от которых вообще непонятно чего ждать. Тут ещё десять раз подумаешь, прежде чем нас задирать.

Ну, а что за срочная потребность в наличных средствах, — вопросительно посмотрела на неё Маша. — Ну ка, ещё раз. Давай остановись на этом поподробнее. У нас тоже есть, кое-какие свои соображения на сей счёт, так вот хотелось бы услышать и твоё мнение. Пока что ты со своим прогнозом попала в десятку, так что давай продолжай в том же духе. Выкладывай, дорогая, до чего ты там ещё додумалась.

Раскрасневшаяся от похвалы Изабелла с довольным видом поудобнее устроилась в своём кресле и налив себе в стакан свежего чаю с важным видом начала.

— Тут и думать нечего. Такая сумма весьма удобна для взятки.

— Чего?! — перебила её Маша, поперхнувшись своим чаем. Прокашлявшись, она неверяще смотрела на Беллу. — Кому?!

— Кому здесь…, - Маша, с расплывшейся по лицу насмешливой улыбкой широко повела в сторону рукой. — Да кому здесь можно дать взятку? Да и за что?

— Не просто взятку, а Большую Взятку, — с довольным, насмешливым смешком поправила её Изабелла.

— Брось, — отмахнулась от неё Маша. — Кому здесь её

давать? Да в городе все друг друга знают с пелёнок. Да здесь её просто некуда, некому и незачем девать.

— Ну хорошо, получишь ты это золото и что дальше? Да завтра же весь город будет знать об этом. И тебе крындец! Никто после этого не захочет иметь с тобой никаких дел. Если тебя можно купить за золото, то ты в этом городе просто не жилец! Ты живой труп!

— А кто сказал, что взятку будут давать в городе? Я этого не говорила.

Изабелла с насмешкой в глазах смотрела на внезапно задумавшуюся Машу.

— Амазонкам? — задумчиво пробормотала Маша.

Чтобы наши хозяева города, дали взятку каким-то амазонкам? Чтобы те, в свою очередь, сняли с города блокаду? Дали отступного?

Бред! Не такие это люди. За свой счёт, делать что-то на всеобщее благо? Не верю! — яростно покачала она головой. — Я, конечно, не Станиславский, но не верю! Да и зачем это им? Не сегодня, завтра амазонки сами снимут блокаду. Любая блокада денег стоит, а им тоже с неё идут убытки. Как-никак, но торговли то, нет. А нет торговли, нет и денег. Они на одном только транзите наших товаров огромные деньги с нас имели.

Скорее следует ожидать, что они сами на днях к нам прибегут с предложением о снятии блокады. Точнее, денег за это попросят. Ну, им дадут, конечно, какую-то мелкую копеечку. Но чтоб столько?

И потом, дают то из городского бюджета или собрав по нитке со всего города.

Со всего города, — подчеркнула Маша, со значительным видом подняв вверх указательный палец, — а не частные деньги отдельных физических лиц!

Нет, — отрицательно покачала Маша головой, — не то!

— А пираты? Точнее, рыцари, управляющие таможней перевала? — с разгоревшейся непонятно с чего смешинкой в глазах, нетерпеливо переспросила Изабелла.

— Тоже не катит, — пожала Маша плечами. — Им-то с чего отказываться от своих барышей?

Взятку дают с каким-то прицелом на будущую выгоду, а тут…. Какая у них может быть выгода? Не брать с нас налогов? Да это же верх идиотизма. Отказываться от большего ради меньшего? Глупо.

Перевал, таможня — это же золотое дно. Кто сам, по доброй воле откажется от таких доходов?

— Что не выгодно всем, может быть выгодно одному, — с

усмешкой заметила Изабелла, весело глядя на задумчиво глядящую на неё Машу.

— Похоже, вас, Маша, опять подвело неточное знание местных законов. А точнее, абсолютное их незнание.

Не хорошо, Маша, не хорошо, — осуждающе покачала она головой. — Сколько раз я уже вам говорила — законы надо знать! А не знаешь — учить.

Так вот. Налоги собирает кто-то конкретный, и собирает лично в свой карман. Самой таможне идёт только небольшой, фиксированный процент с этого. И если кто-нибудь из рыцарей, пиратов или баронов, из всех тех, кто в данный момент имеет право взимать налоги с перевала, и несущих в настоящее время там дежурство, получает известие о неожиданной смене на своём посту. Если он вдруг узнаёт о скорой замене лично себя, любимого на кого-то другого, то у него появляется прямая нужда получить большой кусок прямо сейчас, немедленно, а не растягивать это на месяц своего дежурства, пусть даже в конечной сумме это могло быть и больше.

Лучше, меньше, но сейчас, чем много, но потом. Тем более, если точно знать, что этого потом вообще не будет.

Конечно, это не принято, но… Это не возбраняется.

А не возбраняется потому, что в этом деле есть интерес и третьей стороны. Интерес самой таможни, у которой могут быть и собственные интересы, на которые тоже может быть нужна крупная сумма.

Тут есть одна тонкость, — усмехнулась покровительственно Изабелла. — Речь идёт о сумме взятки. При её определённом размере, как раз таком, как вы выплатили Городской Старшине в счёт их уставной доли в банке, и при официальной просьбе о длительном сроке предоставляемой льготы, не менее чем на шесть сроков дежурства, то есть до полугода и больше, взятка выплачивается уже непосредственно самой таможне. Дежурному таможеннику, привлёкшему такой большой разовый платёж, в этом случае тоже выплачивается разовая премия, весьма и весьма внушительная. Так что и он серьёзно заинтересован.

По крайней мере, так говорит мой Советник. А он в таких вещах большой дока.

А с выгодой давшего взятку, ещё проще.

За время действия налоговых льгот можно провезти безпошлинно столько товаров, что экономия на таможенных платежах будет многократно перекрывать сумму взятки.

Не забывай, что учёт идёт по имени взяткодателя и по времени предоставляемой лично ему льготы, а не по объёмам перевозок. Понятно?

Вот так вот! — Изабелла снова с победоносным видом посмотрела на Машу. — А ты спрашиваешь кому.

Ответ прост. Тому, кто сейчас там дежурит или готовится к вступлению на дежурство, или кого по каким-то причинам скоро оттуда скинут. Или тот, кому вдруг срочно понадобилась большая сумма денег, включая и саму таможню, — усмехнулась Изабелла.

— То есть ты хочешь сказать, что Городская Старшина дала или даст крупную взятку таможне на единственном перевале, через который весь наш город может вести торговлю с Приморьем, и получила, или получит, льготу лично для себя, сроком на полгода?

— Добавь сюда ещё речную блокаду, введённую амазонками, и недавно введённый с их же подачи запрет на ввоз и вывоз для торговцев вашего города любых товаров через этот твой перевал, — усмехнулась Изабелла. — Картина, по-моему, уже предельно ясна.

И ещё прибавь сюда то, что мы не можем точно судить, на какой именно срок они получат, или уже получили, льготу. Вполне возможно, что и на больший срок, чем полгода. Это зависит от многих неизвестных нам обстоятельств.

— И единственными лицами, кто получает разрешение провезти через перевал любой товар и в любом количестве, и имеет для того реальные возможности, это наша Городская Старшина, — задумчиво пробормотала Маша.

Класс!

Так вот откуда ноги растут тому бешеному наскоку на местных контрабандистов, торгующих с амазонками, — искра понимания мгновенно зажглась в повеселевших глазах Маши.

Они нарушали монополию на торговлю Городской Старшины. И те, естественно, попытались их тут же прижать.

— А некий господин Сидор, поломал им такой шикарный план, — усмехнулась Изабелла. — Вот они на вас и отыгрались. Дождались когда он уберётся из города, чтобы никто не мог ничего между собой связать, и врезали по вам со всей дури.

— Сидор верен себе, — негромко пробормотала Маша, с задумчивым видом глядя на Изабеллу. — Во что ни влезет, обязательно кому-нибудь да наступит на больную мозоль.

Манера у него такая, — невесело усмехнулась она. — Тебе явно, Белочка, повезло с мужем. Так влипать во всякие неприятности, не каждому дано.

Но тогда у них должно это быть как-то зафиксировано? — вопросительно глянула она на Беллу. — А это никому не нужно. Вряд ли Городская Старшина захочет таким образом засветиться. За это от людей можно и по шее получить, а выборы не так уж и

далеко. Многие из нынешнего Совета в таком случае могут полететь со своих тёплых местечек.

Не! — снова отрицательно покачала Маша головой. — Не получается.

— Такие вещи, безусловно, документально фиксируются, — со вздохом, грустно возразила ей Изабелла. С сожалением глядя на Машу, как на малолетку, она ещё раз пояснила. — В этом нет никакого урона чести Городской Старшины. Есть деньги — так дай взятку и ты. В чём вопрос?

Тогда и тебе дадут точно такую же льготу.

— Всем? — удивлённо подняла брови Маша.

— Всем, кто сможет договориться, — сухо обрезала Изабелла. — А ваша Городская Старшина, судя по всему, смогла. Так что, никто, ничего, никому, никаких претензий предъявлять не будет. Вертись, как умеешь. И они вертятся!

Понятно?

Если кто-то за что-то заплатил, то он должен быть уверен, что его не обманут. Для этого и даётся официальная бумага, со всеми положенными подписями и печатями, — пояснила она. — Так что мне совершенно непонятно твоё удивление. Люди заплатят, и потом будут свободно пользоваться купленными льготами. Весь оговоренный в договоре срок.

В отличие от остальных, — усмехнулась теперь уже и она. — Поэтому, так важно время действия договора. А отсюда, — Изабелла с загадочным видом посмотрела на Машу, — вытекает их интерес к строительству дороги. Хорошая дорога — быстрый оборот товаров и средств. Плохая дорога — медленный оборот. И чем больше взятка, тем дольше срок действия льгот.

Отсюда, кстати, и поиск компаньонов на строительство дороги. На всё не хватает свободных денег.

Отсюда же и появление вкладчиков, желающих взять из вашего банка свои вклады.

Людям нужны деньги, чтобы вложиться в новый выгодный проект. Как видимо этот проект они считают очень выгодным, раз они идут на разрыв с вашим банком отношений.

И ещё раз обрати внимание, — усмехнулась Белла. — Городская Старшина ищет компаньонов не на таможенные льготы, а только на строительство дороги. Видать, на всё денег всё же не хватает.

— О-па-па! — задумчиво пробормотала Маша. — Оч-чень интересно.

Вот почему провалился сидоров проект по созданию транспортной системы по реке. Чтоб, значит, не было конкурентов и чтоб отсечь нас от возможных доходов. И вот

откуда этот их безсмысленный, казалось бы, наезд на банк.

Действительно, — Маша сразу помрачнела. — В их руках эти деньги будут работать намного эффективнее, чем у нас, здесь в городе. С ними они по дешёвке выметут из города весь залежавшийся товар и сделают из нашего сундука десять точно таких же. А то и все сорок, — задумчиво пробормотала она.

Ай да Голова! — покачала она головой. — Ай да сукин сын! Вот это расчёт! Вот это прогноз! Вот это планирование. Вот это ловкость и быстрота, как просчитать и вывернуть негатив в свою пользу. Одним махом семерых побивахом.

Только что же ты, сволочь, о людях то не думаешь? Всё о себе, да о себе, любимом.

И что-то я не уверена, что все те, кто сейчас вложится в строительство дороги к перевалу, потом будут иметь льготы при прохождении товаров через него, — насмешливо заметила она. — Нет их в элитных списках.

Ну что ж, впредь Кондратию Стальнову это будет хорошая наука.

Да и по твоим словам выходит, — Маша удивлённо посмотрела на Изабеллу, — что сами городские власти не заинтересованы в скорой отмене блокады. Им важно её затянуть?

— Выходит, что так, — согласно кивнула головой Изабелла.

— Бли-и-ин, — тихо протянула Маша. — Убила бы тварей.

Глава 8 Возвращение с проверки филиалов

***Возвращение.* ***

Появление поздно вечером на опушке леса возле западных ворот небольшого обоза, всего лишь из четырёх небольших, но тяжелогружёных подвод, влекомых лишь по паре изнурённых, едва переставляющих ноги лошадушек, сразу не привлекло ничьего внимания.

Воротная стража за последние месяцы настолько привыкла к тому, что с той стороны, с юга, по дороге, идущей со стороны перевала на Камень, последнее время появляются лишь огромные, многочисленные караваны, что на это показавшееся на кромке леса убожество, поначалу внимания не обратила.

Лишь когда небольшой обоз подобрался поближе, главным воротным, дежурившим в вечернюю смену Сысоем Мшастым, на первой подводе был признан знакомый силуэт. И то, лишь когда первая подвода практически уже вкатилась под своды надвратной башни.

— Степан? Степан Берлога? Ты что ль? — чуть прищурясь, словно борясь с обуревавшими его сомнениями, старший воротный твёрдой рукой завернул первую телегу в смотровой закуток сразу за первыми въездными вратами, где обычно проходил досмотр въезжавших в город чужих обозов. Мощная деревянная решётка за его спиной наглухо перекрывала вторые, внутренние врата.

— Что-то, Сысой, ты старых знакомцев не признаёшь, — без тени ухмылки, хмуро бросил сидящий на первой телеге мужик. — Или что, у нас в городе порядки поменялись, что ты меня на досмотровую площадку сразу загоняешь.

— Порядки у нас старые, да вот ты какой-то не такой, новый, — недовольно буркнул Сысой.

Упоминание о новых порядках сразу расстроило воротного. Последнее время в старых порядках стало слишком много нового. И…, долг службы обязывал его досмотреть всех въезжающий поздно вечером в город. Всех, не смотря на знакомство. Тем более что и солнце уже скрылось за верхушками деревьев. Так что, если он не хотел иметь неприятностей с Городским Советом, досмотреть новоприбывших он был обязан, нравится это кому-либо или нет. В противном случае время его работы на этой

сытной, спокойной должности исчислялось бы даже не днями, а минутами.

После мятежа никто больше по поводу охраны ворот не шутил. У всех ещё свежи были в памяти последние страшные события.

— Что везём? — хмуро поинтересовался он.

Чувствуя себя немного виноватым, что приходится досматривать своих, Сысой себя чувствовал неловко. И ладно бы просто своих, а то ведь хороших знакомцев, с которыми и росли то на одной улице.

Однако, сразу после мятежа пленных амазонок, порядки для въезжающих в город построжали, и делать исключения, даже для друга своего детства, он не мог.

— Четыре трупа и несколько пудов бумаги, — хмуро бросил Степан. — Трупы тоже будешь проверять? — угрюмо поинтересовался он. — Могу рогожку откинуть.

Подошедшие воротные стражники сразу насторожились.

— Откидывай. Будем проверять не везёшь ли заразу какую, — хмуро бросил Сысой. Настроение его ещё больше испортилось.

Может это у тебя что, шутка такая, — глухо проворчал Сысой. — Ты вообще то говори, да не заговаривайся. У нас последние дни не до таких шуток. У нас и самих трупов полно давеча было.

— Какие уж шутки, — тихо отозвался Степан. — Демьян Краснов, Игнат Дерюжный, Сила Трубный и Опанас Мотня. Все там, на последней телеге льдом засыпанные лежат. С самого перевала везём, чтоб дома похоронить.

— Где это вас? — насторожился воротный.

— Перед перевалом, — казалось хмурый Степан, ещё больше стал мрачным. — Рядом с таможней на засаду нарвались.

Все западные баронства прошли нормально и нигде ничего. А тут перед самым домом и такое. Как ждали! — нервный тик исказил суровое, хмурое лицо возчика. — Как рыцари из охраны перевала не искали кто на нас напал — никого. Словно под землю провалились.

— Да, — непонятно как-то посмотрел на него воротный. — Не везёт что-то вашему банку.

— Что?

— Ничего.

Подойдя к последней телеге, он приподнял край большой, неряшливой овчины, прикрывающей какую-то кучу под ней.

— Да, — мрачно проворчал воротный. — Не везёт вам что-то.

А в остальных, говоришь, бумаги?

Воротный сделал попытку заглянуть под канаты,

стягивающие брезентовый верх другой телеги.

— Не балуй! — грубо осадил его Степан. В руке его внезапно появился взведённый арбалет, двойными, короткими дугами смотрящий прямо в брюхо воротного.

Сказано, не балуй, — тихо, сквозь зубы процедил он.

— Да-а? — настороженно прищурился воротный. Взведённого арбалета он словно не видел. — А что будет? Арбалетом грозишь? Другу детства?

— Друг, не друг, а сказано — не балуй! — негромко, едва разжимая губы проговорил Степан. — Мне сейчас не до друзей и не до досмотров. Так что подымай вторую решётку и пропускай нас.

Оглянувшись, воротный заметил, что находится под прицелом ещё минимум трёх сдвоенных арбалетов. Ещё трое других арбалетчиков настороженно целили на выглядывающих из прорезей бойниц оставшихся на стрельбище стражников. По тому, как те распределились по смотровой площадке, было видно, что охранники знают, что делают и даже если дойдёт до стычки, то… Под ложечной у воротного вдруг что-то нехорошо ёкнуло. Лица у всех возчиков были какие-то мёртвые, без улыбки.

— Бешеные вы все, — тихо проговорил старший воротный. — Что Машка ваша, банкирша бешеная, что охранников себе в банк набрала, таких же. Как есть, все вы бешеные.

Ты свои коромысла то убери, а то мы тоже достать можем, — недовольно проворчал воротный. — Тут у нас за время вашего отсутствия тоже много всякого произошло, так, что особо-то на свои стрелялки не надейтесь.

— Мы не надеемся, — нейтральным, безразличным тоном проговорил Степан. — Мы просто предупреждаем, что никто, никогда, ни при каких условиях под этот брезент, не заглянет.

— А если я о-очень попрошу, — подпустив угрозы в голос, попробовал надавить на него Сысой.

— Тогда твоя жена Марфа станет твоей вдовой Марфой, — тихо проговорил Степан, глядя ему прямо в глаза. — И многие семьи сегодня осиротеют. А мы всё равно проедем.

Взгляд воротного остановился на стеклянной броне, едва заметно выглядывающей из-под какой-то хламиды, во что были одеты возчики. В голове стражника что-то явственно щёлкнуло и пронеслось понимание, что стоимость такой брони намного больше того, что он может заработать на этих воротах за всё время своей службы. И если такая дорогая бронь прикрыта таким грязным, рваным тряпьём, то это не просто так.

— "Это жу-жу, неспроста", — вспомнилась ему слышанная как-то от землян непонятная фраза. Похоже, она была, как раз

для такого случая.

Бешеные. Все вы бешеные, — с сожалением констатировал воротный страж, сдавая назад и раздвигая губы в демонстративно вежливой улыбке. Глаза его заледенели. — И как Машка только таких находит? Откуда? — с сожалением покачал он головой.

Ладно, — воротный постарался, не делая резких движений, вальяжно махнуть рукой, разрешая проезд. Получалось плохо. Нацеленные в живот арбалеты не способствовали свободной координации движений. — Ладно, — неохотно повторил он. — Чай свои, пропущу без досмотра.

Но в Совет донос напишу, — погрозил он в след, медленно тронувшейся с места подводы. Глядя на медленно проходящий мимо обоз, презрительно проворчал:

— И где только таких кляч набрали, — всё же не удержался он от шпильки, пропуская мимо себя последнюю телегу. — Сидор ваш мог бы вам и получше лошадушек выделить, а то и купили бы, чай не бедные. Не то, что мы, сирые.

— Побили на перевале, — донёсся до него голос возчика с последней подводы. — А этих рыцари дали, в счёт возмещения убытков и за недогляд на их территории.

— Во как, — уже много тише проговорил Сысой, провожая настороженным взглядом последнюю телегу, свернувшую на улочку, ведущую в южную часть города.

Колька! — негромко крикнул он в тёмный проём калитки воротной башни. — Колька! — повысил он голос.

— Здесь я, — донёсся голос из-за спины.

— Руки в ноги и бегом до Головы, — не поворачиваясь, негромко проговорил воротный. — Скажешь, что пришёл банковский обоз с перевала. Вернулись те, кого Машка-банкирша отправляла ещё по весне на лодьях куда-то в Западные баронства на какую-то там ревизию. Скажешь, что вернулось хорошо, если треть от прежнего числа. Привезли четыре трупа и какие-то бумаги. Среди мёртвых на последней телеге лежал Опанас Мотня, того что Машка отправила тогда за главного.

Ну, — задумался он на миг, — этого пока хватит. Остальное я сам, при встрече доскажу.

Ночь! *

Никогда Маша не думала что придётся срываться ночью из дома и нестись в город сломя голову, по ночной дороге, не жалея ни лошадей, ни своей шеи. Но вести, принесённые дежурным егерем от Изабеллы, вырвали их с Корнеем из Берлога и погнали

не дожидаясь рассвета в город.

Бела писала, что вечером прибыл обоз с банковскими бумагами из западных филиалов банка и её незамедлительное присутствие на месте обязательно.

Ничего больше в письме от неё не было, но сам тон письма недвусмысленно извещал ее, что там что-то произошло, что-то такое, ради чего надо срываться и нестись посреди ночи в город.

Запах! Запах смерти шибанул ей в нос, как только они внеслись на лошадях во двор сидоровой землянки. Запах смерти и беды. И больше уже этой ночью её не отпускал.

И запах грязных, давно не мытых тел, мокрых, кислых кож и протухших сапог, густым, удушающим слоем висящий в гостиной, куда они ворвались туда вместе с Корнеем.

— Семь? — это было первое, что она заметила. Семеро сидящих за столом в гостиной угрюмых, мрачных мужиков. Семь человек и запах беды.

— Да, — скрипучий, хриплый голос Степана, зама Опанаса в этом походе, раздался от пылающего во всё зево камина. — Осталось нас семь. Ещё четверо во дворе, во льду на последней телеге. А остальные по погостам баронств разных разбросаны. Тех нам уже не привезти было, — тихо проговорил он. — Далеко, да и льда столько не хватило бы. А порой и не до того было. Порой так быстро бежали, что лошади подковы на ходу теряли.

— Рассказывай, — тяжело опускаясь на свободное, стоящее у стены кресло, тихо и обречённо проговорила Маша.

Подошедшая незаметно Изабелла подала ей высокий, гранёный стакан с каким-то кислым напитком. Глядя ей в глаза, Маша в этот миг поняла, что разговор сейчас будет долгий, трудный и очень тяжёлый.

— Первым делом мы остановились в баронстве Гарс, — начал рассказ Семён. — Там как раз начинались то ли перевыборы какого-то герцога, то ли ещё что, так что мы успели как раз на начало праздника.

— Это было единственное место, где всё было хорошо. Мы так тогда радостно и подумали: "Как хорошо всё начинается". Больше подобного не было.

Рассказ, дополняемый короткими, деловыми вставками всех вернувшихся егерей был детален, подробен, точен и… страшен. Страшен своей безысходностью и полной, жестокой определённостью.

Никаких богатых филиалов у банка "Жемчужный" в западных баронствах и княжествах больше не было. Всё было разграблено, продано, разворовано, а деньги, находившиеся раньше там на счетах, пропали безследно, буквально растворившись в воздухе.

И везде, на всех бумагах, подо всеми финансовыми обязательствами, везде стояли подписи Марьи Ивановны Корнеевой, заместителя управляющего банка "Жемчужный" господина Кидалова. Везде, на самой малой бумажке стояли её подписи.

И нигде на счетах не было денег. Как не было ни самих счетов, ни персонала, ни помещений, ни зданий, стоимость которых по самым скромным подсчётам шла на миллионы. Ничего не было.

А потом, под утро, пришли вдовы. Пришли молодые вдовы парней, погибших в походе егерей. И это было самое страшное. И рассказ повторился по новой.

С рассветом пришли уже отцы и братья погибших, а потом целый день кто-нибудь да приходил, из всё новых, новых и новых. И так эта тягомотина тянулась весь день.

Потом этот длинный, тяжёлый день кончился. Тела погибших забрали родственники и в их домах приступили к подготовке похорон и тризны. А на следующее утро город взорвался. Весь город, все вкладчики, все, у кого были хоть какие-т вложения в банке "Жемчужный" потянулись в кассу, забирать свои деньги. И казавшееся ещё вчера могучее древо, казалось бы, ещё недавно непотопляемого банка с неисчислимыми капиталами и богатым имуществом в даьних баронствах затрещало и наклонилось.

Банк не рухнул чудом, и под своими обломками никого не похоронил. Но лишь потому, что Маша с профессором распродали все, что только было можно из имущества компании, вложили эти деньги в банк и расплатились абсолютно со всеми. А сами остались нищие, словно церковные крысы.

А потом неожиданно оказалось, что всем всё банк "Жемчужный" выплатил полностью и платить больше просто некому. И все распродажи имущества мгновенно прекратились.

У компании землян, ранее бывшей чуть ли не в списках самых богатых людей города, на руках осталась сущая безделица от былого.

Один спиртоводочный заводик из множества бывших и строившихся. Который не купили просто по тому что никому из желающих не нужны были обгорелые брёвна ограды и корпусов завода на Рожайке.

Как амазонки его при набеге сожгли, так и восстановить до сих пор не успели.

Рыборазводный пруд с многопильной лесопилкой на Быстринке остался, из-за которого у Сидора в своё время вышел грандиозный скандал с Советом, с так до конца и не достроенной плотиной. И которая теперь. при номинальной принадлежности к

Компании, исправно работала на других.

Земельные участки остались, с висящими на них огромными долгами перед городом; с которыми никто и не подумал связываться, беря себе на шею такой хомут.

Куча каких-то никому не нужных лесных участков, с какими-то непонятными насаждениями. Ещё что-то такое же, по мелочи, что сразу и не упомнишь.

Ни свою собственность в горах, ни стекольный, ни железодельный завод не тронули, хоть желающие купить были.

Остались у них на руках и куча всяких, ни на что толком не годных бумаг, которые никто не знал куда теперь и деть.

Много чего осталось, разного. Не было только денег. Таких маленьких, круглых монеток, жёлтого и серебристого цветов. Впрочем, в своём нынешним положении они бы согласились и на медные кругляши. Но не было и меди.

И ещё у них на шее осталась большая, огромная проблема, собственно из-за наличия которой они так и не смогли пойти на ликвидацию банка и объявления его банкротом.

На руках у них остались в хранилищах банка проклятые поморские изумруды, и свои, и людей Бугуруслана, оповещать о наличии которых у банка им всё же хватило ума. Пусть они и лишились очень многого из уже нажитого за эти годы, но приносить в город весть о появлении пропавших много лет назад поморских изумрудах, приносить в город войну, никто из них не захотел.

Не было ни одного дня за это прошедшее время, когда бы профессор не помянул недобрым словом и Сидора, и Димона, и этого их хитроумного компаньона Бугуруслана, навязавших им на шею такой неподъёмный долг.

Теперь он узнал истинную причину, по которой Маша так упорно не желала ликвидировать прогоревший банк, и каждый раз при встрече, он снова и снова извинялся за собственную глупость.

Сама Маша, истинная виновница полученных проблем, благоразумно помалкивала, кляня, что есть сил собственную глупость и головотяпство.

Что-что, а самообманом она никогда не занималась и перед собой своей вины не отрицала. А в том, что во многом случившемся виновата именно она со своими непомерно и непонятно на чём выросшими дутыми амбициями, она понимала.

Теперь она с ужасом вспоминала сколько денег ещё вчера было у неё в руках, и что она могла бы с ними сделать. И как тупо и бездарно ими распорядилась. И во что вылилось её, лично её управление казавшийся таким престижным ещё вчера в её глазах

местом. Теперь она готова была разорвать любого, кто бы ей сказал, какая она оказалась хорошая управляющая.

Она была ДУРА! Конкретная такая ДУРА! И теперь это Маша прекрасно понимала. Жаль, что поздно.

Глава 9 Лунный пейзаж поля битвы

*В пустом банке.**

Расположенное в самом центре города большое красивое здание банка "Жемчужный" казалось умерло. Ничто больше не напоминало о тех славных временах когда на его новеньком, ещё пахнущим морилкой и свежим деревом новенькой террасе производились колоссальные денежные выплаты к вящей радости причастных. Ничего не напоминало о тех теперь казалось таких давних времена.

На широкой, мощной входной двери банка висел большой накладной замок, а окна здания вот уже две недели после того как утихли последние скандалы связанные с разоением банка, так и ни разу и не загорелись. Казалось, всё вокруг и внутри его вымерло и никогда уже больше не возродится.

Две недлели прошло как рассчитались с послденим клиентом, а хозяев банка и ставшей скандально известной последнее время банкирши Марьи Ивановны Коревой так с тех пор никто и не видел.

Слухи доходили что слегла банкирша. Не выдержала нервного стресса и слегка с нервным расстройством. И будет ли когда она теперь заниматься своим любимым делом — никто этого не знал. Окна здания вот уже которую неделю стояли тёмные, а что происходит в разорившейся компании землян не знал никто.

Поэтому, когда ранним утром одного зимнего дня загремев дужками замка Дарья, известная в городе как неизменная секретарша банкирши Корнеевой открыла дверь и скрылась внутри, все в городе поняли что мёртвый период ожидания, что же дальше придпримет банк — кончились.

А когда следом за ней к крыльцу подъехала коляска с управляющей банка Марьей Корнеевой и она скрылась за дверями внутри, оставив на улице одиноко стоять охранника, все в городе поняли что ожидания кончились. Теперь что-то будет.

По крайней мере мёртвый сезон ничего неделания прошёл.

Отпустив коляску и отдав необходимые распоряжения охраннику, единственному кто в банке ещё остался на работе, Маша неторопливой, расслабленной походкой прошла в свой кабинет. Спешить было некуда и незачем. Третий день она уже с самого утра, регулярно приезжала с утра в банк, а никого, никаких клиентов не было.

Никто её здесь, в пустынным помещениях не ждал и она сама никого не ждала. Маша не питала иллюзий. За последние две недели, пока она болела, по словам Дашки, её секретарши, никто в городе даже не поинтересовался как в банке идут дела. Никто в банк не приходил и в закрытые двери не ломился, требуя управляющего или хотя бы кого.

Настроение с самого утра было скверное.

Результат её, лично её деятельности маячил у неё перед глазами пустыми, гулкими залами безлюдных отныне помещений просторного здания бывшего банка "Жемчужный". Единственное здание — всё, что у неё ещё осталось от былого богатства.

Всё сегодняшнее утро она одна сидела в своём кабинете управляющего безлюдного банка, и раз за разом вчитывалась в расплывающиеся перед глазами строчки двух толстых, исписанных мелким, убористым текстом тетрадок. Отчёт погибшего на Басанрогском перевале старшего ревизионной комиссии Опанаса Мотни о проведённой в западных филиалах банка "Жемчужный" ревизии. И полевой дневник его путешествия, начатый в первый же день, как только лодья с двумя десятками егерей под его началом, весной прошлого года покинула город.

До её потрясённого сознания с трудом доходило то, во что она пыталась раз за разом вчитаться. Она не могла поверить в то, что видели её глаза. Она не могла поверить, что возможна такая подлость.

Конечно, она не была дурой, она не была наивной мечтательницей, верящей, что все люди братья. Но ведь этому человеку верила не только она. Ему верили все, кого она знала и кому она тоже верила. Ему верили теже Голова со Старостой, хитрые, матёрые зубры, знающие в этом городе казалось всех и каждого, вдоль и поперёк.

Но из лежащего перед ней отчёта и сухих, скупых слов полевого дневника со всей определённостью вылезало другое. Вылезало мурло Поликарпа Евграфовича Кидалова — хитрого, прожженного дельца, для достижением своих целей не останавливающегося ни перед какой подлостью.

Их всех обманули. Их всех обманул один человек, человек которому они все верили. Их обманул Кидалов Поликарп Евграфыч — бывший управляющий.

"А она то дура думала что он сберегает достояние своей семьи, — с горечью думала Маша. — Даже в какой-то момент порадовалась за такую семью, позавидовала что есть ещё семьи в которых есть такие пекущиеся об общем достоянии члены".

Фальшивые подписи от её имени под всеми документами, и главное даты, все даты исключительно после её назначения —

быстро избавили её от остатков иллюзий. Кроме как Кидалов, такого сделать никто просто не мог.

— "Но я же не дура, — с горечью думала она. — Я же прекрасно помню что ничего подобного не подписывала".

А потом, когда Городская Старшина, неизвестно каким образом узнала истинное положение дел в западных филлиалах, теперь уже Городская Старшина обманули её. Обманули, потребовав под совершенно надуманным, фальшивым предлогом свою часть уставного капитала банка, а потом ещё и вклады, уже зная, что самого банка, как такового фактически не существует.

— "Воистину, информация правит миром. Точнее доступ к информации", — горько подумала Маша.

— Даша! — крикнула она в закрытую дверь.

Мгновенно привычно нарисовавшаяся в дверном проёме фигура её подруги хоть немного успокоила расстроенные нервы. Хоть что-то в этом мире было привычное и неизменное. И Дашка была одной из таких констант.

Она была единственной, кто остался из старого персонала. Даже практически всю охрану пришлось уволить, поскольку не было денег на их содержание. Остался только Серёга Мытник, молодой парень согласившийся работать за половинную зарплату. Правда, только до весны, да ещё из-за того, что у него жена была на сносях и он не мог её бросить одну, подавшись со всеми в горы и в Приморье на заработки.

Дашка же работала за так. Ей на зарплату денег уже не было. Она работала "За Прынцип", за простой такой принцип не покидать своих друзей в беде. И за это Машка была ей искренне благодарна.

Все же остальные, включая и вернувшуюся семёрку финансовых ревизоров, как их теперь все в городе постоянно с подковыркой называли, во главе со Степаном Берлога подались в предгорья и дальше. Там, в крепости Тупик они намеревались частью остаться пастухами на горных пастбищах, частью податься к Сидору в караван.

Было в этом Приморье что-то странное, что как магнитом тянуло туда молодых парней. Что это такое, Маша не знала, да и не хотела знать. Ей хватало и своих проблем. Поэтому забивать голову всякой мужской ерундой она не желала, отпустив ребят на вольный найм.

— Никого не было?

Виновато разведённые в стороны руки её вечной секретарши неизменно в очередной раз подтвердили, что банк мёртв. Он как предприятие умер.

— Хорошо, — незаметно качнула она головой, отпуская. —

Придёт Белла, проводи сразу.

Вчера они с Беллой вечером договорились встретиться в банке и обсудить как дальше быть. Надо было что-то делать, а что — было непонятно.

Профессор снова, с маниакальным упорством заперся в своей лаборатории, творя свой очередной какой-то рецепт чуда, а Корней, плюнув на стоящие пустыми корпуса казарм своей школы, подался в горы. Хотел посмотреть что там у Сидора с Димоном происходит и не найдётся ли и ему там место.

Всё его не оставляла мечта заняться выращиванием породистых лошадей на предгорных травянистых террасах, да судя по его настрою, это была пустая отмазка. Он сильно переживал недавнюю "нервную" болезнь Маши и ему надо было побыть одному, прийти в себя и хоть немного успокоиться. Как и Маша он тяжело переживал разгром их банка и компании, и ему тоже надо было время, чтоб немного оправиться.

Всем очень тяжело досталось прошедшее и всем следовало немного отдохнуть друг от друга.

Маша поймала себя на мысли что опять отвлеклась.

До прихода Беллы оставалось ещё немного время, и Маша снова вернулась к дневникам. Там оставалось ещё много такого, что следовало тщательно осмыслить и детально обсудить с баронессой. До скорого возвращения Корнея с предгорных пастбищ ещё времени было. Хоть он и говорил что уехал на месяц, но хорошо зная своего мужа, Маша не сомневалась что тот совсем скоро будет обратно. Не усидит он в той глуши. И она собиралась за этот короткий срок детально разобраться, как и почему они оказались в такой глубокой ж…, ситуации.

Даже в мыслях сил ругаться не было.

И уже, исходя из этого, она и собиралась поступать. Больше наступать на олни и теже грабли и делать такие дорогие, страшные ошибки она была не намерена.

В душе её поселилась холодная, бешеная ярость. Виновные в их разорении должны были заплатить за то что они сделали. И у Маши, в прошлой своей жизни старавшейся без нужды не обидеть и мухи, появилась Цель.

Месть! Те кто это сделал, должны были ей заплатить. За всё!

И они заплатят! Уж Маша постарается им в этом помочь.

Но для начала надо было определиться с тем что у них ещё осталось из имущества. В лихорадке банковского кризиса точно разобраться с этим было трудно, зато теперь никто её ни по времени, ни по чему либо ещё не ограничивал.

Время было и было желание.

Маша медленным, плавным движением руки, отложила

дневник Мотни в сторону. Ещё будет время перечитать. Теперь следовало думать.

"Что ж тебе раньше не думалось то", — зло осеклась она.

— Маш! — удивлённый голос со стороны двери сбил Машу с сердитых мыслей.

Там к тебе этот…, - фигурка застывшей в дверях секретарши с совершенно растерянным, удивлённым лицом выражала полную растерянность. — Этот, как его, Могутный. Ванька который.

Дю-жий, — по слогам проговорила Маша, с тяжёлым, обречённым вздохом посмотрев на Дашку.

Ну не любила Дашка этого мужика, что уж тут сделаешь. Считала что это он своей несчастливой харизмой навлёк на банк такие беды. Бред полный. Но с чего хорошей, верной подруге, но глупой бабе в голову втемяшилась такая откровенная ересь, Маша не знала. Только вот разубедить Дашку что та ошибается — было выше её сил. Та искренне ненавидела Ивана Дюжего, считая что тот виновен во всех их проблемах. И в обратном её было не убедить.

— Зови, — ещё раз тяжело вздохнула Маша.

Вот сейчас ей только Ивана Дюжего для полноты счастья не хатало. И чего мужика принесло, спрашивается. Чего ему дома не сиделось.

— Входи Иван, — крикнула она в открытую дверь. — Входи не стесняйся, не стой на пороге.

В тоске и тревоге, не стой на пороге.

И не жди…, вам здесь не подают…, - негромко промурлыкала она сильно изменённую версию старой казачьей песни.

Одержим победу, тебе я зае-эду, — сжала она пальцы в кулачок.

Заходи, заходи, — махнула она рукой застывшему на пороге раннему посетителю.

Ну, Дюжтий, что надо? — равнодушно поинтересовалась она у севшего в гостевое кресло раннего посетителя. — Вроде с тобой полностью рассчитались? Или нет? — с сомнением посмотрела она на него.

— Полностью-полностью, — поспешил успокоить её мужик. — Я собственно потому и пришёл.

— О? — удивилась Маша. — Что-то новое.

Первый клиент и такой…, - откровенно равнодушно посмотрела она на мужика. Оскорблять его не хотелось, как не хотелось и говорить с ним о чём либо. Но…, узнать чего его сюда принесло, всё же следовало.

— Вот что, Маш, — немного помявшись, начал Дюжий. — Тут ко мне ребята подвалили, из тех, из ваших контриков, и

попросили поговорить с тобой.

Сами они опасаются с тобой говорить. Ну, — замялся он. — Сама понимаешь. Последние дни перед мятежом и потом перед кризисом у вас с ними были совсем непростые отношения. Поэтому ни меня и выбрали, так сказать, делегатом.

— Ну говори что надо, делегат, — одними губами улыбнулась Маша.

Глаза её при этом остались совершенно холодные, и Иван, заметив это, внутренне содрогнулся. Те, кто говорил что Машка после своей нервной болезни сильно изменилась, похоже были правы. Раньше такого стылого, холодного льда в её глазах он не замечал никогда.

— Ребята подумали и решили положить в ваш банк свои деньги, — решительно начал он. — Глаза глазами, а дело делом. Тянуть не стоило.

— Контрики? — удивлённо подняла брови Маша. — С чего бы это?

— Понимаешь, — замялся Дюжий. — Весна скоро. А с приходом весны могут и амазонки опять в наших краях появиться. Деньги то мы с вас свои получили, а вот что делать дальше с ними не знаем.

И слишком многие в городе знают что у нас дома есть крупные суммы денег, — глухо проговорил он. — Ребята боятся как бы такие слухи не докатились до амазонок.

Докатятся — беды не оберёшься, — медленно покачал он головой.

— Мы больше не принимаем деньги у населения, — равнодушно бросила Маша. — За это надо платить проценты, а денег у нас нет. Через месяц вы придёте сымать проценты, а платить нам нечем.

Нет, — мотнула она головой. — Обратитесь в другой банк. Или в любую клановую расчётную кассу. Там вас с радостью примут, и будь уверен, ваши проценты выплатят без звука.

Это всё? — равнодушно поинтересовалась она. Встав с кресла она протянула руку для прощания. — Если всё, то извини Иван, я занята. Всего хорошего.

— Стоп-стоп-стоп, — даже не шелохнулся Дюжий. — Не так быстро.

— Что ещё? — с тяжёлым вздохом опустилась обратно Маша. — Говори быстрей, а то скоро Белла придёт а я ещё к встрече с ней не подготовилась.

Ты меня задерживаешь Иван, — с лёгким раздражением в голосе поторопила она его.

— Мы тут с ребятами подумали и готовы предложить тебе

интересную схему, — сразу же начал Дюжий, словно только и ждал этого приглашения.

Мы делаем в ваш банк целевой вклад в десять тысяч, золотом разумеется, а вы на эти деньги нанимаете нас же на выполнение всего комплекса работ по восстановлению вашего винного заводика на Рожайке. Мы там были, смотрели. С людьми поговорили и знаем, что практически всё оборудование завода цело и готово хоть завтра к установке. А стены восстановить — раз плюнуть. С деревом мы все хорошо знакомы, так что к весне завод будет стоять как новый.

Вот ребята и хотели бы чтоб ты на их деньги наняла бы их на работы по заводу. Такой своего рода денежный целевой кредит.

Если ты согласна, то мы завтра же передаём тебе оговоренную сумму и приступаем к работам. Дело нам там знакомое. Так что проблем в этом мы не видим.

Со старым управляющим завода мы тоже уже переговорили. Он тоже не против и готов подключиться. Дело только за вами.

— Нет, — холодный равнодушный голос Маши мигом стёр появившуюся было на губах Ивана улыбку.

Нет, не потому, что мы не хотим именно с вами работать или нам не нужны ваши деньги, это не так. Деньги нам нужны, а со своими хотеньями мы как-нибудь бы разобрались. А потому что у нас на тот завод совсем другие планы. И ваше предложение совсем туда не вписывается.

Да и что это за бред. Дать нам деньги чтобы мы же потом вам же их и заплатили, но уже в виде зарплаты.

Хотя, — задумалась она. — Почему бы и нет. Задумка неплохая. Чтобы сберечь деньги от амазонок, идея не такая уж и плохая. Жаль только что нам не подходит.

— Ну почему же, — раздался от двери знакомый голос.

— Добрый день господин Дюжий.

Поздоровавшись, в комнату стремительным шагом вошла баронесса Изабелла де Вехтор.

Извинившись что не присутствовала при разговоре с самого начала, она с удобством устроилась за столиком в гостевом кресле, в углу комнаты. Больше никаких других мест где можно было присесть здесь не было, так что с удобством откинувшись на мягкую бархатную спинку гостевого кресла, она не глядя на настороженно повернувшегося в его сторону гостя, продолжила:

— Десять тысяч чтобы поднять спирто-водоный завод на Рожайке не хватит. Надо больше, много больше. По той простой причине, что мы больше не будем строить деревянных стен. Крепостные стены будут восстанавливаться в камне, как и все заводские корпуса. А для этого потребуется не только камень, но и

кирпичь.

А это значит, что там рядом, на месте, будет дополнительно построен ещё и кирпичный завод. Глина хорошая там есть, её уже нашли.

Плюс к этому ещё до окончания основного строительства будут введены в строй очистные системы, чтобы сразу же, с первого дня у завода не было проблем с мохнатыми экологами. Нам не нужны проблемы с медведями.

Ну и плюс сюда, будет изменено место расположения заводского поселка. Он будет на новом месте ниже по течению. Это тоже требует больших подготовительных работ по расчитске нового места. И соответственно дополнительных затрат.

Как видите, концепция строительства и развития. завода сильно поменялась. На всё это требуются деньги. Много денег.

И мы бы с удовольствием взяли ваши, если бы вы рассмотрели два наших предложения.

Первое. Сумма взноса значительно увеличивается. Минимум в пять раз. Желательно больше.

И второе. Денег за вашу работу мы вам не платим. Все полученные от вас средства пущены будут на закупку и доставку дополнительного необходимого оборудования, а с вами мы рассчитаемся по окончанию строительства продукцией этого завода.

Желаете спиртом — значит спиртом. Пожелаете водкой, любых сортов — значит водкой.

Рассчитываться будем исходя из себестоимости продукции.

Надеюсь, господин Дюжий, вам не надо объяснять что такое стоимость, а что такое себестоимость. Тем не менее, — осеклась она. — Всё-таки немного уточню.

Стоимость это то, что я хочу с вас получить, продавая вам свою продукцию. А себестоимость — это то, во что она реально обходится. Это, так сказать в общих чертах и вкратце.

В чём может быть ваша выгода?

Бутылка нашей водки, объёмом в один литр в Приморье стоит один золотой.

Повторяю, господин Дюжий, слушайте внимательно. Одна литровая бутылка — один золотой. Здесь же, с завода, она вам будет отпускаться по серебрушке — то, во что она реально обходится.

Думаю, нетрудно подсчитать будущую выгоду от Нашего предложения, — чётко голосом выделила она обращение.

А доставка? — пронзительно глянул на неё Дюжий. — Что если рыцари на перевале не откроют к тому времени проход? Что тогда?

Первая партия продукции будет не раньше следующеей осени, — недоумевающе подняла брови Белла. — Чтоб за такой срок ничего не изменилось?

Тем не менее, — холодно уточнила она. — Если произойдёт нечто подобное, мы выплатим вам всю вашу сумму в течении двух, трёх месяцев после окончания работ и сли вы так потребуете. Всё, как это обычно и делается. Плюс процент по вкладу. Два процента годовых, — холодным жёстким голосом отсекла она радость, вспыхнвшую было в глазах мужика.

Промышленные деньги давайте отсекать от торговых кредитов. Тут совсем другие условия.

Согласны — будем дальше работать. Нет — будем считать что мы с вами сегодня не встречались. Дело есть дело и мы прекрасно вас поймём если вы откажитесь. Без обид.

— Надо подумать, — хрипло проговорил Дюжий, внимательно глядя на Беллу. — Я так понимаю что это предложение вашей компании, а не ваше лично, госпожа баронесса?

Переглянувшись с Машей, Белла утвердительно кивнула головой.

— Это предложение нашей компании. Как вы понимаете, во время отсутствия на месте моего мужа, я за него. Надеюсь с этим ясно и вопросов в дальнейшем не возникнет.

Если всё ясно, — сказала она поднимаясь из своего кресла. — Ждём вашего решения. Но не затягивайте. Обстоятельства меняются каждый день и возможно весьма скоро вы такого предложения от нас больше не получите. Думайте быстрей. У вас есть три дня. После чего будем считать что данное предложение снято.

До свидания господин Дюжий, — пожала она ему руку на прощанье. — Ждём вашего решения.

Дождавшись, когда за посетителем закрылась дверь, Белла повернулась к Маше. Уверенная улыбка деловой, занятой женщины медленно сползла с её лица.

— Ну ты как тут? Как себя чувствуешь?

— Не видишь, — слабо улыбнулась Маша. — Развлекаюсь, глядя на твоё представление.

— Ну и что это было? — улыбнулась она одними губами. — Ты соображаешь что ты им только что предложила? Денежный кредит под последующее товарное обеспечение. А если у нас ничего не получится? Если медведи, как ты и говорила, предъявят нам претензии по прошлой деятельности и прикроют завод?

Я вот тут подумала над твоими словами по поводу очистных и ужаснулась. И скажу тебе, дорогая, что церемониться они с нами

не будут. Это точно. Я тут послушала разговоры, крутящиеся вокруг проблем Головы с его доменными печами и отвалами шлаков, и как-то мне сразу поплохело. Как бы они нам не зарубили стройку ещё до начала работ. Какая уж тут осень, как бы нам совсем не пришлось с тем заводом сворачиваться.

— Сделаем очистные, как я говорила — проблем не будет, — холодно отрезала Изабелла. — Оставим, как у тебя было — завод медведи остановят и у нас будут с ними серьёзные проблемы.

Но по любому нам нужны деньги. И чем раньше, тем лучше. Раньше начнём — быстрее рассчитаемся. И как можно больше, — тихо добавила она.

Хотя, — криво улыбнулась она. — Я бы и от десятки не отказалась. Честно говоря, нам бы и её за глаза на всё хватило. Тем более — учитывая их дармовой труд.

— А чего ж ты тогда так его шуганула? — неподдельно удивилась Маша.

— Никогда не соглашайся на первое предложение, — улыбнулась Белла. — Да и честно говоря, хотелось бы знать, на какую сумму мы на самом дел можем рассчитывать. Сколько они наскребут, эти самые ваши контрабандисты?

*Корнеевский полигон.**

— Профессор, вам никогда не говорили, что так поступать не стоит?

Обернувшись на едва слышный шорох за своей спиной, Корней сердито смотрел на якобы незаметно подошедшего со спины своего старого друга.

— Так можно и на серьёзные неприятности нарваться, — недовольно буркнул он, отворачиваясь. — И что самое печальное, не только на грубость. Отвечай, старый дурак, какими судьбами, тебя чёрт сюда занёс?

— Эк вы, батенька, не ласковы.

Профессор, демонстративно старчески покряхтев, устроился с ним рядышком на большом, до половины стёсанном бревне, согнав пригревшуюся на солнцепёке кошку.

— Что б вы знали, батенька, то вашими судьбами, вашими.

— Вот решил заехать, узнать, как ты дружище пребываешь, в сей сирой юдоли печали. Или, — с усмешкой нахмурил он брови, — в юдоли сирой печали. Не помню, — грустно вздохнул он. — Старость. Многое забываться стало.

Он повертелся на месте, поудобнее устраиваясь на жёстком и совсем для того не предназначенном бревне, и с задумчивым

видом посмотрел в ту же сторону, что и Корней.

— И что видно? — с искренним любопытством поинтересовался он у него спустя несколько минут безсмысленного созерцания пустого речного залива и пустынного луга за ним.

— Долго ты ещё намерен сидеть здесь в одиночестве и рассматривать сей унылый пейзаж? Народ беспокоится, что с тобой происходит.

— Народ это ты? — усмехнулся Корней, не оборачиваясь.

— Ты уже второй день как вернулся с гор и ходишь словно в воду опущенный. Сидишь здесь целыми днями, ничего не делая. Так нельзя. Ну нет для тебя там места, нечего тебе там делать, ну и что. Каждому своё.

Вот и сегодня опять чуть ли не пол дня тут сидишь, в пустоту пялишься. Надо что-то делать, а ты одним своим видом подтверждаешь уверенность городской Старшины, что они всё сделали правильно.

— Что тут делать? Пусто! Инструктора твои и те все разбежались. Клановщики тройным окладом переманили. Выучил, что называется на свою голову.

— Тройной оклад, дело серьёзное…., - тихо, едва слышно откликнулся Корней, криво улыбнувшись. — И значит, я их действительно чему-то выучил, раз их бросились сразу переманивать. У нас же, сам знаешь как с деньгами.

— Хотя…, честно скажу, не ожидал я, что они вот так. Поголовно все бросят нас из-за денег. Всех сманили.

— Перед таким искушением трудно устоять, — тихо проговорил профессор. — Тем более если ты на старом месте не видишь перспективы.

А что тройной оклад, так это же не им в карман. Это в клановую кассу, чтоб отпустили человека, хотя бы на время.

Переход человека из клана в клан стоит денег, — Профессор, задумчиво пальцем почесал свой нос. — Надо клану платить отступного. Много. Большие деньги, да и зачем. Никому такое нахрен не надо. Ни тем, ни тем.

Людям? Лишаться поддержки клана? Дурных нет.

Другим кланам, сманивающим работников? Ещё больше выкинуть денег чтоб компенсировать клану затраты на выращивание специалиста — дурных тоже нет. Зачем усиливать конкурентов своими деньгами, ослабляя себя. А так, — профессор пожал плечами. — Поработает человек немного, обучит чужих всяким премудростям, за что, кстати заплачено — можно и расстаться.

Окинув полигон немного рассеянным взглядом, профессор

вдруг с неожиданно прорезавшимся любопытством поинтересовался.

— А кто это у тебя там бегает? — отвлёкшись от Корнея, профессор присмотрелся к редкой цепочке каких-то людей в грязно-зелёной камуфляжной форме, выбежавших их леса и принявшихся выполнять гимнастические упражнения на дальнем краю речного залива. — Вроде, у тебя здесь быть никого не должно? Или решил, кого из своих поднатаскать?

— Да…, - едва заметно смутившись, как будто его, в чём уличили, Корней отвёл глаза в сторону. — Вот, отобрал группу перспективных ребят из лесных хуторян, решил поднатаскать немного. Сорок человек — всё что осталось от моих бывших курсантов из последнего набора. От всех полутора тысяч, что остались после мятежа амазонок.

Кстати, в подтверждение того что ты и сказал — из самых бедных семей. Семьям этих ничего платить не надо. Им платить за науку нечем, вот их семьи и не прочь чтобы парни потом у нас на работе остались. Так сказать в отработку.

Ты знаешь, после того, как мне Голова в лоб заявил, что мне моих парней обучать больше нечему, у меня внутри прям что-то оборвалось. Поначалу хотел было в морду ему дать, а потом понял, что на самом деле он прав. Как это не неприятно признаваться, но это правда. Мне их действительно нечему было больше учить.

Профессор, повернувшись обратно к полигону, внимательно присмотрелся к прыгающим там по полю фигуркам и негромко заметил:

— Судя по тому, как они ловко расправились с амазонками, то действительно нечему. А если судить по тому, как с ними самими легко расправлялись Волчьи наёмницы, или, по тому сколько их осталось после стычки с теми же амазонками в Южном заливе, — профессор задумчиво пожевал губу, вспоминая. — То учить их ещё и учить.

Вот только чему ты их будешь учить?

— А вот в этом-то и основная загвоздка, — задумчиво пробормотал Корней.

Я их учил битве строем, в составе подразделения. Учил тому, что сам прекрасно знаю. А теперь думаю, что учить надо было по-другому. Здесь другие задачи, значит, другая программа, — тихо добавил он. — Да и Сидор ещё задачки подкидывает со своим Приморьем. Там совсем другие знания нужны…

Голова пухнет. С непривычки, наверное, — тихо проговорил он. — Знаешь что, — заметил он, молча и внимательно смотрящему на него профессору. — Кто-то из наших, уж не

помню кто, был прав, говоря, что надо учить своих, а не чужих. По-моему это была Белла. Вот, гляди, забрали у нас в очередной раз курсантов и что? С чем мы остались? Опять начинай по новой?

Корней, замолчав, долго смотрел на молча глядящего на него профессора и, не дождавшись ответа, продолжил:

— Одним словом, малое количество бойцов мы должны компенсировать высоким уровнем подготовки. Там, где раньше у нас было десять курсантов, теперь будет один егерь. Свой! И я с него семь шкур спущу, но он таким будет. Заодно и школу диверсантов на Ягодном расширим. Перспективное, думаю, дело.

И ещё! — отвернувшись в сторону, он негромко, внешне совсем безразлично поинтересовался:

Профессор, а как там то убоище, что Сидор прислал, поживает? Эта то ли тачанка, то ли броневик? Сделали вы с ним чего-нибудь, что Сидор просил, или оно так и стоит на заднем дворе стекольного завода, догнивая понемногу?

— Стоит, батенька, стоит, — профессор равнодушно покивал головой, и отвернувшись, снова уставился куда-то вдаль.

Чего ему не стоять, родимому. Есть, пить не просит, а что делать с ним, пока непонятно… Трошинские кузнецы пытались что-то сделать, бросили. Говорят металлов необходимых нет. Только окончательно арбалет доломали. Вот теперь сталевары им нужные марки стали и выплавляют. Экспериментируют себе понемногу, да жалуются что не всё выходит. Ругаются между собой порой так, что до драки дело доходит. А тачанка так на месте и стоит.

Гниёт помаленьку, — пожал он плечами.

Плотники сунулись было, да плюнули. Говорят, что если всё сделать что Сидор просил, то это не тачанка будет, а броневик какой-то. И броневик этот с места не сдвинется. Нужен или движок помощнее, или другие материалы на обшивку, или ещё что. А с лошадьми такого монстра с места не сдвинешь. Вот так то.

— А отдайте ка её мне, профессор, — с флегматичным видом попросил Корней. — Я смотрю, вам он совсем ни к чему, а мне, глядишь, и пригодится.

— Зачем же оно вам, батенька, сдалось? — поинтересовался профессор, снова поворачиваясь обратно в его сторону. — Да ещё к тому же, ломаное.

— А вы это почините, — с усмешкой посоветовал Корней. — Ну, право слово, не мне же этим заниматься. Мастерские Трошинские у вас там под боком. А вы этот броневик всё никак не почините. Нехорошо это, профессор. Такое добро пропадает. В

конце концов дайте братьям Трошиным пинка под зад, что шевелились, глядишь, дело и пойдёт.

— Ну, — протянул профессор, — раз ты просишь…, а дать пинка хочется…

Профессор, повернувшись в сторону беспокойно глядящего на него Корнея, несколько минут рассматривал его, как какого-то надоеду, а потом, неожиданно душераздирающе зевнув, лениво поинтересовался:

— Никак задумал такой же торговый обоз организовать, по типу как и у Сидора с Димоном в Приморье?

— Торговые обозы, это не по моей части, — с усмешкой возразил Корней. — Этим пусть Машка или Сидор с Димоном занимаются. Это по их части. Тем более что у Машки в последнее время появился дельный советник в лице баронессы.

Вот же въедливая баба, — недовольным тоном проворчал он. — Везде так и лезет, так и лезет. Полгода тихой мышкой сидела в вашей землянке и никуда не совалась, никому не мешала. А тут, как узнала что беременная, словно с цепи сорвалась. Вот что с бабами дитяти делают, — усмехнулся Корней.

Она ещё к вам в лабораторию не заявилась командовать? Никаких вам новых идей не советовала? Колбы на столе ещё не переставляла?

Странно? — насмешливо недоумённо качнул он головой, бросив косой взгляд на безмятежного профессора. — А мне казалось, что она у вас из лаборатории не вылазит. Буквально днюет и ночует там.

— Мне повезло, — скупо улыбнулся профессор. — Она нашла у меня кучу интересных для неё книжек и теперь сидит их перечитывает, чуть ли не по два раза каждую. А что непонятно, у меня спрашивает.

— Что же есть такого у вас для неё интересного? Какие-нибудь любовные рыцарские романы?

Корней, словно очнувшись, недоумённо глядел на профессора, широко раскрыв глаза.

— Вы, батенька, не поверите, — широко улыбнулся тот, насмешливо глядя на него. — Она справочники по химии перечитывает. Те самые, что мы у Подгорного князя из его библиотеки украли. А потом копается в моих записях и сопоставляет одно с другим. Хочет свод новый сделать по химии.

— Что она хочет сделать? Свод по химии?

Корней, потрясённый до глубины души, смотрел на профессора, словно на какое-то чудо. Чудо на его потрясённый взгляд никак внешне не реагировало, само с усмешкой глядя на

него.

— Вы, профессор, часом не бредите? — на всякий случай переспросил Корней.

Или она чего, больная? У неё же дитё скоро будет. Какая химия в её положении?

— Представьте себе, да! — профессор с не менее удивлённым видом смотрел на Корнея. — И надо сказать, что у неё это отменно выходит. Тот, кто её раньше химии учил, надо сказать, что дело своё знал неплохо.

Более того. Она сама уже ведёт чуть ли не половину исследований у меня. И должен вам сказать, что дело своё она поставила на достойном уровне. Сформировала свою группу, и сейчас как раз девочки у неё заканчивают разработку процесса производства пивного солода. Чтобы был постоянно высокого качества. Так что, думаю рынок пивного солода в городе, мы скоро перехватим полностью. Тихой сапой, так сказать.

Весьма энергичная особа, — с невольно прозвучавшими в голосе одобрительными нотками сказал он.

— Одна? Девочки? — недоумённо поднял брови Корней.

— Она амазонок Димкиных припахала, — с заговорщицким видом наклонился к нему профессор. — Чем-то их так заинтересовала, что они теперь днюют и ночуют в моей лаборатории. Заказали в Трошинских мастерских и у Марка кучу оборудования и собираются ещё одну лабораторию организовывать, теперь уже у Димона в Долине. Чтобы так сказать работать не выходя из дому, — ухмыльнулся он.

— Они что, тоже разбираются в химии?

Корней, расширенными от ужаса глазами глядел на профессора с видом окончательно съехавшего с ума человека.

— Не волнуйся, — усмехнулся профессор. — Они нет. Их просто Изабелла по мелочам натаскивает. Ну, они у неё что-то типа лаборантов. А параллельно, конечно обучает понемногу, и грамоте, и прочему. Говорит, что неучи ей не нужны. Ну, те и стараются. Пашут, как звери, прям из шкуры выворачиваются.

Я сам диву даюсь, — покрутил он с немного растерянным видом головой. — Слушают её, разве что только в рот не смотрят.

Вот и меня припахала, неугомонная. Говорит, что надо учебник для начального уровня составить, а то, мол, девочкам трудно разбираться в мудрёных книжках и многое непонятно. Вот я и сижу каждый вечер, как привязанный, пишу для неё учебник по начальной химии.

Профессор растерянно развёл широко руками и с чуть виноватым видом посмотрел на уже откровенно смеющегося Корнея.

— Значит, она и тебя, старый, построила, — уже чуть ли не давясь хохотом, едва выдавил он из себя. — Ну, баба. Ну, ураган. Бедный Сидор. Он ещё не знает, с кем связался. Наплачется он с ней. А может, ему такая и нужна? — вопросительно посмотрел он на профессора.

— Посмотрим, — криво усмехнулся тот. — Но пока что нам приходится принимать на себя удар этой стихии.

— Но мы что-то отвлеклись, — всё ещё морщась, посмотрел он на развеселившегося Корнея.

Так что ты там хотел сделать с этим броневиком или с тачанкой? Зачем это убоище тебе вдруг понадобилось?

— Не поверишь профессор, но я с ним поработать хочу. Пока только здесь, на полигоне. Хочу проверить одну идею.

Идея, в общем-то, простая. И вкратце её можно сформулировать так.

А как у нас могло бы получиться, если бы мы действительно организовали такой обоз здесь у нас, на Левобережье?

— Ага, — удовлетворённо констатировал профессор. — Значит, я всё-таки был прав.

— Речной торговли сейчас практически никакой нет, — хмыкнул покосившись на него Корней. — А будет у нас такой, как у Сидора обоз, глядишь, мы здесь и денег заработаем. А то Маша меня постоянно шпыняет, что я только транжирить деньги могу, а зарабатывать ничего не зарабатываю. Даже с этим нашим училищем, мол, ничего толкового не вышло. Мол, всё, что заработали, в землю и закопали. В крепость эту, — кивнул он себе за спину. — А прибыли мол, никакой.

— Да, — с сожалением протянул профессор. — Не успело оно окупиться, не успело.

Но насчёт перевозок по суше ты, по-моему, немного погорячился. На приморской равнине, там где Сидор с Димоном бабки рубят, обозы выгодны тем, что там нет больших рек, и как следствие не развита речная торговля. Всё держится на телегах и караванах.

А тут рек полно. И торговать выгоднее по рекам. Дорог нормальных нет — топко. Так что проще и дешевле перевозить грузы на речных судах. И больше перевезти можно и дешевле. Да и основные центры торговли расположены практически все в устье Лонгары или на впадающих в неё реках.

Да и расстояния, — с равнодушно недоумённым видом профессор развёл руками, окидывая взором прилегающие окрестности. — Одни мы тут, на тысячи вёрст вокруг. С кем торговать то?

Не получилось с учебным центром, так думаешь, получится с

торговлей?

— А почему нет?

Корней замолчал, глядя на удивлённо разглядывающего его профессора и слегка улыбнувшись, заметил:

— Да вы профессор не беспокойтесь. Всё это дело далёкого будущего. Так сказать — перспктива. А пока я решил проверить, как себя поведёт этот броневик на наших дорогах. На сырых лугах, болотинах, да и вообще.

Говорите монстр, — хмыкнул он. — Ну что ж, посмотрим на монстра.

— Где ты тут дороги видел? — насмешливо фыркнул профессор. — Здесь тебе не Приморье. Это там у Сидора земля, как камень, слона выдержит. Куда не едь, везде дорога. А тут, если ты ещё не забыл, пока довезли этот броневик с перевала до начала нормальной дороги, которую сами же и построили, раз пять намертво застревали. Думали, что придётся вообще бросить.

— Так не бросили же, — усмехнулся Корней, насмешливо посмотрев на него.

— Не бросили, — улыбнулся профессор.

— А вот по поводу того, что броневик тот в любой промоине застревает, у меня есть свои соображения, — заметил Корней.

Чтобы эта таратайка в каждой луже не застревала, обод у колеса надо сделать гораздо уже, чем нынешний. С узким ободом у неё проходимость больше будет.

Ещё эту таратайку надо уменьшить чуть ли не вдвое, — добавил Корней. — Не расширить, как Сидор просил, а уменьшить. Такой боезапас, как у них там, в Приморье, нам ни к чему, да и под склад всякой мелочи, пусть даже и сундуков с золотом, её нечего приспосабливать. У нас на всём Левобережье столько бандитов нет, сколько у ребят там, в Приморье под одним кустом сидит. Да и ящеры у нас не такие злые.

Тут и десятка снаряжённых магазинов на весь день хватит.

И два человека всего на управление, не более, — повернулся он к профессору. — Стрелок и кучер.

Ещё можно количество пар колёс увеличить, хотя бы до трёх. Тогда, в случае если одну пару разобьют, две другие вынесут.

Профессор немного помолчал и, бросив на пустынный полигон ещё раз задумчивый взгляд, заметил:

— Сидор просил подумать, что с этой таратайкой сделать можно. Вот ты и разбирайся, раз уж взялся, а я завтра же её к тебе пригоню. И…

— Слушай! — внезапно звонко хлопнул его по плечу Корней

Он с отчётливо видимой смешинкой в глазах ехидно смотрел на сидящего рядом с ним профессора, ухмыляясь каким-то своим

мыслям.

— А чего ты, в самом деле, не сделаешь этот ваш порох, о котором все из ваших, из землян, только и говорят? Ведь ты же химик, господин профессор, и неплохой химик, насколько я знаю. В чём проблема то?

Неужели это такая большая трудность? Даже я, совсем в этом деле несведущий человек, знаю, что там надо просто смешать в равных пропорциях серу, селитру и древесный уголь. Вот тебе и порох.

— Проблема в самом порохе, — поморщился профессор. — Проблема в том, что у нас здесь нет никаких составных частей для него. Ну где вы, батенька, видели в нашем городе эту вашу серу? А селитру? Я что, по-вашему, должен очистить все городские сортиры, чтобы набрать себе килограмм селитры на опыты? Да меня народ местный просто засмеёт. Да я и сам не буду в дерьме возиться. Нет уж, обойдётесь без пороха.

Посмеявшись, они снова замолчали, меланхолично созерцая пустынный пейзаж перед ними.

— "Ну да, — хмурился профессор, отворачивая глаза от Корнея. — Так я тебе всё и сказал. Порох тебе подавай. Зачем? Чтоб потом на меня насели городские власти требуя передать им технологии изготовления порохов? Дымный, бездымный, белый, жёлтый и прочие, прочие, прочие? Чаз-з-з! взять возьмут, а заплатить забудут. Скажут на благо отечества, то есть в их личный карман. А ты опять лапу соси и выклянчивай у них гроши на свои исследования. Не уж. Не можешь сам производить конечный продукт и сам же его продавать — нечего и рыпаться.

Хватит и того что с газами засветились. Ну, тут уж вынуждено. Но и то городские власти вмиг оборзели. Требуют передать из формулу и всю технологию производства. А заодно и боевые газы хотят заполучить. За компанию, так сказать. Зорин с заманом покоя не дают идиотам. И тоже всё даром".

Корей был слишком прям, чтоб с ним обсуждать такие тонкие вещи. Он что думал, то и говорил. И если ему сейчас скаать что с изготовлением любых порохов нет проблем, с него станется побежать к властям и потребвать с них чего-либо взамен. Тех же новых курсантов, как это пару раз уже и было.

— "Хватит, — чуть не ляпнул вслух профессор. — Хватит наступать на одни и теже грабли".

— Хотя, конечно жаль, — Корней снова нарушил установившееся молчание. — Жаль, что невозможно сделать порох, — посмотрел он на профессора.

Профессор, даже подскочив от возмущения на своём месте, раздражённо оглянулся на Корнея.

— Да можно его сделать, можно! Никаких на самом деле сложностей в этом нет. Только толку то с того? Я же вам, батенька, не оружейник. Тут же хороший порох нужен, а не абы какой. А это деньги, деньги, деньги на опыты. А их нет. Денег нет!

И ещё не забывай что кто платит за исследования — того и продукт. Тебе это надо?

— Да хоть какой сделай, — перебил его Корней. — Хоть плохонький. Что ты всё вертишь вокруг да около!

— Эх, батенька, — с сожалением покачал головой профессор. — Помимо пороха ещё ведь и винтовку надо, какую-никакую. Не изобретать же заново фузею или аркебузу какую-нибудь.

— Зачем? — удивлённо уставился на него Корней. — Давно бы сказал, так я бы тебе сотню винтовок притащил, самых разных. Потолще, потоньше, подлиньше, покороче — на выбор.

У нас в городском Арсенале взял бы, — пояснил Корней на растерянно недоумённый взгляд профессора. — Там этого добра, вся оружейная башня забита. Все подвалы под ней ящиками с барахлом этим уставлены. Валяются без дела, ржавеют помаленьку.

— "Дубина генеральская, — рассерженно думал про себя профессор. — Сколько раз было сказано. Не понимаешь — не лезь! Как ты меня достал".

Э-э-э, профессор, — неожиданно протянул Корней, присмотревшись к растерянному профессору. — Да вы никак не знаете, что у нас везде этого добра полно. Да не может этого быть, — неверяще посмотрел он на него.

Да ты же сам, старый, когда занимался стеклобронёй, испытывал её на прочность при помощи винтовки. Ты же сам!

— Да не я её испытывал, а Васятка, — растеряно проговорил расстроенный окончательно профессор. — А я и близко не подходил. Дело своё сделал, а что потом было, я и не смотрел толком. Не интересно было.

— Ну ты старый даёшь! — восхищённо покрутил головой Корней. — У тебя под самым носом творятся такие дела, а ты ни сном и не духом. Какой же ты после этого начальник контрразведки?

— Мне ещё и винтовками заниматься! Разорваться, что ли? — мгновенно раздражаясь, возмутился профессор, отчётливо понимая, что Корней прав, и он тут прошляпил. Отмазка выходила какая-то неубедительная.

— Не надо, — успокаивающе поднял руки Корней. — Не надо, — по слогам повторил он. — Винтовками, я сам займусь. Выкачу пару бочонков нашего лучшего когнака ребятам из

Арсенала, они мне не только винтовки, они мне и пулемёт притащат. А хочешь, ещё и парочку орудий из своего арсенала отдадут. С новенькими стволами, не то что наши.

Вот только что мы с ними потом делать будем? Снарядов то нет.

— Да-а, — задумчиво протянул профессор, наконец то придя в себя от недоумения, — заменить арбалет на пулемёт было бы неплохо. Он бы явно там не помешал.

— Ну, так в чём же дело, — раздражённо чуть ли не выругался Корней. — Сколько можно тебе говорить — сделай порох. Аж голова от этих пустых разговоров уже пухнет.

Ведь вся проблема только в том, что пулемёты есть, винтовки есть. а патронов к ним нет.

— А заказать их у наших оружейников? — осторожно посмотрев на него, поинтересовался профессор. — Раз уж ты так хорошо осведомлён о порохе, то и оружейники наверняка о том же знают.

— Если их заказывать у наших оружейников, то никакого золота не хватит. Ручная работа, — тяжело вздохнув, пояснил Корней. — У них каждый патрон выходит, чуть ли не на вес золота.

— Ну, — хмыкнул профессор. — Ничего удивительного, зная их безумные расценки и огромное количество ручного труда. Столько им платить, сколько они хотят, нафиг надо.

— Тут ещё и другая проблема, — вздохнул Корней. — Если родным патроном из винтовки я могу и на версту стрельнуть, то теми, что они делают, метров на двести, триста. Вот и считайте, профессор. Арбалетный болт из ящерова арбалета, или пулька Марка, летят на те же самые триста метров, ну, может чуть меньше. А стоят они не в пример дешевле — медяшка за пучок. А в пучке том может быть и один, и два, а, если не придираться к качеству, то и три десятка арбалетных болтов.

Про пульки я вообще молчу — практически ничего не стоят.

А патрон один на целый золотой потянет. Вот тебе и вся экономика. Стрелять из винтовки, а особенно из пулемёта, это всё равно, что чистым золотом разбрасываться.

Поэтому все, кому надо заказывают у наших оружейников гильзы а не патроны. Потому и стоят они такие безумные деньги.

Если вы и это не знаете, так вот запомните. Здесь, в нашем городе торгуют гильзами, а не патронами. Патроны дороги и далеко не стреляют, а зачастую и вообще не стреляют. Порохов нормальных нет. Потому патроны тут и не делают. Дешевле арбалетами обойтись или ещё проще — луками.

А вот в Приморье, или в дальних баронствах ситуация видать

иная. Вот они здесь гильзы у наших оружейников и заказывают. И не удивительно, что это единственная статья торговли, которая не облагается диким налогом после того, как в горах перекрыли перевал. Видать, очень они нужны пиратам и баронам и в Приморье, и на Западе.

— Первый раз слышу что-то подобное, — Профессор, задумчиво посмотрев на него, хмыкнул. С сожалением покачав головой, нехотя заметил:

Ты, Корней, не понимаешь. Патрон — это высокотехнологичное изделие. Там, помимо самого пороха, очень большое значение имеет гильза, не говоря уж про капсюль и пульку. А в гильзе, помимо жёстко выдержанной геометрии, ещё очень важен сплав, из которого она сделана. Поэтому то, что у нас в городе делают гильзы под патрон меня, к твоему сведению не удивляет. Это очень точно попадает в уровень технологического развития местного производства. Дерьмовое производство делает дерьмовые дорогие гильзы.

Медь, латунь, доложу вам, батенька, это не самый лучший материал для гильзы. Это, в первую очередь дорого, а, во-вторых, плохо для самого стрелка. Медь очень мягкий металл, поэтому случаи застревания гильзы в стволе после каждого второго выстрела, явление отнюдь не редкое для подобного уровня развития оружейного производства.

Надо, батенька, подбирать сплав. Лучше всего стальной. А для этого надо особое производство налаживать. Лаки особые, защитные. И для таких исследований нужна уже не моя маленькая, можно сказать, домашняя лаборатория. Это должен быть большой, оснащённый всяческим оборудованием цех, вплоть до нескольких сталеплавильных печей. Завод нужен, настоящий патронный завод, если уж не лукавить перед самим собой.

Надоело. Одно тянет за собой другое. Другое — третье. Третье — четвёртое. И так до бесконечности. И на всё нужны деньги, деньги, деньги.

Нужен серьёзный завод, Корней. А такого завода то у нас до сих пор как такового и нет, Так, — профессор с задумчивым видом покрутил пальцами у виска. — Что-то есть у сталеваров. Что-то у братьев Трошиных. Что-то у Марка. Стоит там-сям пара, тройка амбаров за низкой оградой, где десяток, другой умельцев ради собственного интереса делают что пожелают.

За наш счёт, между прочим, — сердито проворчал профессор. — Лампу бензиновую — обязательно высокохудожественное произведение искусства. Биноклю, с мутным стеклом, но отделанную так, что хоть завтра на художественную выставку посылай.

Желают наши мастера только собственными руками творить. И это у них великолепно получается. Возьми те же бинокли, что они делают. Произведение искусства, не меньше. А оптические прицелы для арбалетов — игрушка. Залюбуешься. Только вот не видно в них ни хрена, — тут же сердито проворчал он. — Но это уже не они. Это уже как бы Марка проблема.

У нас же никто так до сих и не озаботился, чтобы сделать им цех нормальный. Чтоб собрать всех в одном месте. Чтоб действительно, какой-нибудь инструментальный заводик построить. Как привыкли, так и работают, как бы каждый в своей кузне.

— Вечер уже.

— Что?

Профессор, вздрогнув от неожиданности, даже привстал со своего места, недоумённо оглядываясь вокруг, с растерянным видом ища то, о чём только что, говорил Корней.

— Тьфу ты, — тихо рассмеялся он, поняв, что плохо расслышал. — А я то думал, что ты мне что-то показать хочешь.

— Вечер, профессор.

Корней, откинувшись на лежащую сзади плаху, используемую всеми как спинка для бревна, на котором они сидели, с мечтательно задумчивым взглядом смотрел на закат и, по всей видимости, давно уже не обращал внимания на то, о чём ему твердил профессор.

— Пока мы тут с тобой сидели, трепались, вечер уже наступил, — тихо пояснил он, не поворачивая головы к профессору.

Закинув руки за голову и сцепив их замком на затылке, он с всё тем же мечтательно задумчивым выражением на лице молча смотрел на закат.

— А если их со сталеварами свести? — не поворачиваясь к нему, неожиданно поинтересовался он.

— Не поедут, — обречённо отмахнулся от него профессор. — У них с теми ребятами какие-то свои нелады. Не поделили что-то, вот теперь и дуются друг на друга.

— Как же они работают?

— Так и работают. Заняли два сарая на складах, что возле твоей крепости, там, где мы ещё с зимы понастроили амбары под всяческие хранилища. Так там и кукуют. Им хорошо, рядом с городом, да и нам спокойнее, всё же крепость рядом.

Господи! — с тоской протянул профессор, глядя на заходящее солнце и появившиеся на поле косые тени. — Ну что за скотина этот Сидор. Чего он там застрял в этом Приморье, когда он здесь, кровь из носу, нужен.

— По-моему, мы оба знаем причину. Как ты догадываешься, причина этому, проживает сейчас в его землянке, у тебя под боком.

— Не любишь ты её, — тяжело вздохнув, повернулся к нему профессор.

— Любишь, не любишь, какое моё дело.

— Маня то зачем её в наши дела втягивает?

Профессор, вопросительно подняв бровь, вопросительно посмотрел на Корнея.

— Нравится она ей чем-то, — с оттенком лёгкого недоумения на лице, пожал плечами Корней. — Говорит, девка хорошая. Вот и тянет её в наши дела. Зря!

Хотя, жаль, конечно, что у них с Сидором ничего не получилось.

— Нравится, не нравится, а Сидора возвращать надо. А то он в этом своём Приморье окончательно застрянет. А! — профессор обречённо махнул рукой. — Вечер уже. Поехали домой! А то Маня, наверное, заждалась совсем. Забыл сказать, но это она меня собственно сюда к тебе и послала, чтобы посмотрел что с тобой не так.

Поднявшись с бревна, профессор с удовольствием потянулся, с хрустом разминая затёкшую спину, отряхнул брюки от налипшей на них несуществующей пыли и грустно добавил.

— Что-то меня последнее время в город не тянет, не охота даже домой возвращаться. Как ни уговариваю себя, а видеть лишний раз видеть эту девицу не хочется.

Пройдя мимо пустынных стен, где пара одиноких часовых лишь подчёркивала установившуюся здесь тишину, они свернули к конюшне и, забрав оттуда своих лошадей, теперь медленно ехали обратно в город, покачиваясь в сёдлах.

— Так всё никак к лошадям и не привыкну, — машинально пожаловался профессор, задумчиво глядя на виднеющиеся вдали стены города. — Мне бы машину, вездеходик какой-никакой. Или на худой конец мотоцикл. А то на старость лет привыкать к лошадям, это тяжело.

— Взял бы Сидоров цундап, или Димона? — удивлённо посмотрел на него Корней.

— Дороги хреновые, — тяжело вздохнул профессор. — Не по моим старческим силам.

— Так завёл бы коляску себе, как у Мани, — усмехнулся Корней, глянув на неуклюжую, скособоченную посадку профессора в седле, — и катался бы, горя не зная. Или вообще, завёл бы самоходную паровую повозку, если лошади не нравятся. Маня, как-то говорила о подобном. Кажется, паровоз, что ли,

назывался?

Неожиданно кобыла, на которой ехал профессор, задрала хвост, и разразилась серией громких и отвратительно вонючих звуков.

Профессор, вздрогнув от неожиданности, растерянно посмотрел на Корнея, и виновато передёрнув плечами, открыл рот, собираясь что-то сказать. Но его сразу же перебил Корней.

— Во-во, — нахально ухмыляясь, весело оскалился он на совершенно смутившегося профессора. — Не можешь, старый, сделать порох, так вот этим пердячим паром ты из своего пулемёта и стрелять будешь.

Профессор, совершенно растерявшись, недоумённо посмотрел на него, оглянулся назад, растерянно глядя на задранный хвост кобылы и вываливающиеся на дорогу конские каштаны. Неожиданно звонко, от всей души он хлопнул себя по лбу.

— Ну, конечно! Как же я про это забыл! Что вы все упёрлись в этот порох! Есть ж пневматика!

— Правда, я в этом деле не большой дока, но если подумать, то ничего сложного в ней нет. Больше давление, дальше полёт пули, всего делов то, — весело протянул он, глядя на Корнея сумасшедшими от счастья глазами. — И ни одна зараза нам тут конкурентом не будет. Потому что дорого. Дороже чем порох.

— Во-во, — насмешливо перебил его Корней. — Будет у вас, профессор, не пулемёт, а взбзднолёт. Или коротко — взбздышек.

— Ладно, наплюй, — весело расхохотался он, махнув рукой на чего-то задумавшегося вдруг профессора. — Что-то мы с тобой отвлеклись не по делу. Ты мне лучше вот что скажи. Откуда у вас такая нелюбовь к баронессе? По-моему, она неплохо себя показала во время мятежа. Да и сейчас без дела не сидит, Маше серьёзно помогает. И если бы не она, ещё неизвестно куда бы дело повернулось с этим мятежом. Фактически именно ей мы обязаны разгромом набега.

— Так то оно так, — буркнул профессор. Корней своей трескотнёй сбивал его с какой-то упорно вертящейся в голове важной мысли, и он сердито посмотрел на него. — Только, если ты ещё не заметил, сам факт её присутствия в городе привёл к фактическому развалу всего того, что мы добились за последний год. Потрясающе, словно фурия, прям какая-то.

Сидор уехал, Димон уехал. До их отъезда всё прямо кипело, а как их не стало, так всё замерло и стало разваливаться. Какая-то пустота образовалась и неопределённость. Главное, появилась неопределённость. Деньги все мы просрали. Что делать дальше, чем заниматься — непонятно.

Перед отъездом Сидор говорил что-то о фарфоре, о лабораторной посуде для моей лаборатории, о её расширении. Говорил что-то о том, что надо ещё несколько цехов открыть на заводах. О найме ещё рабочих, об их обучении. А с его отъездом всё как-то сразу заглохло.

Немного помолчав, профессор повернулся к Корнею и вопросительно посмотрел на него.

— Когда Сидор ещё обратно будет? А я что, так и буду непонятно чего-то ждать? Как будто у меня есть время. Я уже старый, — криво улыбнувшись, тихо заметил он. — И если ты скажешь, что во всём этом не замешана баронесса, то, извини, но я тебе не поверю.

Из-за одной сопливой девчонки может развалиться так прекрасно начавшееся дело, — тяжело и обречённо вздохнул он. — Вот же свалилась на нашу голову, несчастье такое.

*Маня. Залив.**

Утро в Речной Пристани у местных обитателей не задалось, если так можно выразиться, с самого утра. Ещё с самого рассвета, с первыми лучами солнца в крепость заявилась мрачная, угрюмая Марья Корнеева Корнеева, проверить чем это тут каждый день с самого утра занимается её муженёк.

Посланный недавно сюда для проверки профессор, так со дня их последней встречи и не появился в Берлоге, занятый какими-то своими сверх важными, безусловно срочными проблемами. И гнетущее чувство тоски и безысходности, не знание чем бы заняться и за что схватиться, погнало этим утром ещё до рассвета Машу сюда, в недостроенную крепость Речная Пристань.

И теперь она одиноко слонялась между недостроенных оборонительных стен крепости, немым укором его жизнерадостным обитателям. Корней же оказался занят какими-то своими военными игрушками и своего времени ей уделить не мог.

Всё утро, пробродив неприкаянно по практически безлюдной крепости, Маша, не выдержав окружающей её пустоты, и улыбающихся, радостных лиц её немногочисленных обитателей, усталой, вялой походкой вышла за ворота.

Неяркое зимнее солнце скупо освещало пустынные, безлюдные берега, ещё недавно кипящего активной, бурной жизнью удивительно теперь просторного речного залива речки Каменки, примыкающего своим одним краем к недостроенной крепости. Повсюду, на всём протяжении его низких,

заболоченных берегов виднелись едва проглядывающие из-под недавно выпавшего кипельно белого снега следы прошлой бурной деятельности, теперь казалось позабытые и никому не нужные.

Единственно, чуть в стороне, в длинной и широкой искусственной губе залива, прорытой ящерами для строительства своей персональной лодьи, желтела одиноким остовом недостроенного каркаса их будущая, пока не состоявшаяся гордость, заложенная ящерами этой весной большая речная лодья, первая из судов их будущего торгового флота. Лишь она сейчас высилась одиноко над белым, нетронутым снегом заболоченной низины торчащими высоко в небо мощными деревянными шпангоутами. Словно обглоданные рёбра какого-то мёртвого, гигантского животного недвусмысленно напоминая о бренности бытия.

Только возле неё ещё наблюдалось какое-то шевеление снующих вокруг немногочисленных ящеровых мастеровых.

На всём остальном берегу просторного речного залива сверкал девственной белизной чистейший пушистый снег, без единого следа какого-либо хозяйственной деятельности. И повсюду, куда бы ни обращался её взгляд, везде он натыкался на чёрные пятна полуобгоревших и сверкающих свежей древесиной остовов таких же недостроенных лодий, рядом со сгоревшими во время набега амазонок штабелями заготовленных здесь досок и дерева.

Маша, раздражённая ясно ощущаемой ею волной тоски, которую она, одним только своим видом нагоняла на местных обитателей, решила пройтись по пустынному речному берегу.

Глядя на её решимость, Корней бросил дела и поспешил присоединиться к ней. Сопровождаемая своим мужем, вызвавшимся скрасить её одиночество, Маша стремилась развеять глухую тоску, грызущую её последнее время.

— Да-а…, - равнодушно глядя на окружающее их безлюдье, печально заметила она. — Смотришь на весь этот разгром, и хочется удавиться. Кажется, что оно так никогда и не кончится.

— Сперва одно, потом второе, потом третье…

Корней, молча, стоял рядом и с мрачным видом угрюмо рассматривал царящее вокруг белое безмолвие.

— Так везде?

Зябко уткнувшись мёрзнущим на лёгком утреннем морозце носом в роскошный козий пуховой платок, накинутый поверх её любимой простенькой шубки с широким лисьим воротником, она какими-то резкими, рваными движениями плотнее обхватила себя руками.

Тихий, какой-то шелестящий голос Маши, и сам по себе

негромкий, но даже на фоне царящего вокруг белого безмолвия был едва слышен.

— Здесь хуже всего, — негромко проговорил Корней.

Повернувшись к ней всем корпусом, он взял её под руку, помогая перешагнуть через наваленные поперёк дороги брёвна, загораживающие проход на узкие деревянные мостки. Небрежно брошенные через какую-то осушительную канаву, они, по-видимому, когда-то изображали из себя пешеходный мостик. Сейчас же переправиться по нему можно было лишь очень и очень аккуратно. Подёрнувший их сверху тоненький ледок представлял на самом деле нешуточную опасность. Можно было с него с звиздануться. А то и сломать ещё чего-либо.

— Непонятно почему, но тут была самая большая паника, — пояснил он. — Как только на верфях стало известно о претензиях городских властей к твоему банку, так здешние мастеровые, буквально, как по команде, прямо с цепи сорвались. Тут же побросали работу и потребовали немедленного расчёта.

— Ну, потребовали и потребовали, — равнодушным голосом устало пожала плечами Маша. — А чего за собой не убрали? — осторожно перешагивая через очередной валяющийся поперёк пешеходных мостков брус, она аккуратно перебралась на другую сторону промоины.

— Видела бы ты их лица в тот момент, не спрашивала бы, — угрюмо буркнул Корней. — Казалось, что большего врага, чем мы, у них нет. А я так вообще — полное чудовище. Прямо массовое помешательство какое-то. Чего я тут тогда не наслушался. И обманщик, и скотина, и босяк, и…, - запнулся он. — Это наиболее вежливое обращение тогда ко мне, было, — мрачно хмыкнул он.

— Странно, как я их тогда всех не поубивал, — с задумчиво недоумённым видом Корней равнодушно пожал плечами. — Что мне тогда тут наговорили, — покачал он головой. — И за меньшее убивают. Впрочем, ты и сама можешь догадаться. Самой из того же огорода с лихвой досталось.

— Убрать бы надо.

Маша с совершенно равнодушным лицом и потухшими, какими-то неживыми, тусклыми глазами, совершенно не похожая на себя прежнюю, бездумно глядела прямо перед собой. Со стороны казалось, что она даже не замечает царящего вокруг хаоса.

— Кто будет этим заниматься? — равнодушно, всё так же на одной ноте тихо, монотонно проговорила она.

Едва услышав подобный вопрос, Корней почувствовал, как у него перехватило спазмом горло.

— "Слава Богу!" — промелькнула в голове радостная

мысль. — "Раз спрашивает, кто это будет убирать, то не всё ещё потеряно — "Жить будет"!

— О-о-о! — боясь спугнуть повернувшуюся лицом к нему удачу, осторожно протянул Корней. — Вы, матушка, никак делами заинтересовались? Никак снова интерес к жизни появился?

Появится тут, — с едва слышными в голосе сварливыми нотками, слабо улыбнулась Маша. — Сколько труда вложено, сколько денег вбухано, страшно даже подумать. И что? На радость врагам всё на ветер пустим? Не дам!

— Сколько денег на одно только осушения этого болота ушло. Сколько труда вложено. И в эти чёртовы канавы, на которые ты чуть ли не палками гонял своих вечно ворчавших недовольных курсантов. А сколько мы потом объяснялись с их кураторами из кланов? Пришлось даже деньги некоторым возвращать, — слабая, едва заметная улыбка тронула на миг её губы.

— А какие тут были заросли ивняка с клещами? Жуть просто!

— Да-а! — Корней с кривой улыбкой медленно покачал головой. — Одних только клещей собирали вечерами, чуть ли не по ведру с каждого. А гнус, змеи, комары? Чего тут только не было. И так, почитай что всё лето. До сих пор страшно вспомнить.

— И это всё бросить? — задумчиво промолвила Маша, обводя захламлённый брошенным стройматериалом берег усталым, снова ставшим безразличным ко всему взглядом.

А это та самая башня?

— Она самая, — хмыкнул Корней. Приложив ладно козырьком ко лбу, он посмотрел в дальний конец залива. — Сторожевая. Тот самый бывший острожек, что чуть было не сгорел во время последнего набега амазонок.

Почти добрались, — остановился он, следом за Маней.

Идти дальше не было желания. И так забрались уже далеко, и на башню, едва виднеющуюся вдалеке, он давно уже насмотрелся.

Высокая, достигающая высоты более шести метров, сложенная из могучих, даже на один только вид неподъёмных дубовых брёвен, она уже издали производила впечатление чего-то могучего и монументального. Вблизи же, стоя возле её подножья, у любого создавалось впечатление чего-то колоссального и одновременно жутко приземистого и какого-то…. Основательного, что ли?

Возле подножья приткнулись остовы двух вытащенных последними на берег трофейных лодий амазонок. Частично обгоревшие и так не очищенные от болотной грязи, только вычищенные изнутри от трупов погибших, они производили

неприятное, неряшливое впечатление, портя весь радостный зимний пейзаж.

— Так, значит, и не начали? — грустно заметила Маша, кивнув на высящиеся у подножия башни горы сваленного кое-как булыжника.

Глядя на разбросанные вокруг кучи песка, Маша устало присела на комель одного из неаккуратно торчащих из небрежно сложенного неподалёку высокого штабеля больших, длинных, полуобгорелых брёвен, видать оставшихся ещё со времён мятежа от сгоревшего тогда Нижнего склада.

— Так и не начали, — сразу ещё больше помрачнев, как будто было куда, Корней с сожалением качнул головой. — Пока договаривались, пока мастера к нам сюда добирались, пока макет крепостицы для того угла залива соорудили, пока покрутили его со всех сторон, и так и этак, пока утвердили… А тут и эта эпопея с банком завертелась.

Одним словом, как пришли мастера, так и ушли. Ещё и неустойкухотели с меня слупить, якобы за напрасный вызов. Скоты! Еле отбился.

— Кто же это у тебя там хозяйничает? — перебила его Маша, слегка оживившись и с чуть заметным интересом разглядывая единственный на всём этом берегу аккуратно сложенный и прикрытый навесом штабель досок у подножия башни.

— Жильцы это, — слегка улыбнувшийся Корней, с заметно оживившимся и повеселевшим лицом с довольным видом из-под козырька руки посмотрел на аккуратно сложенные доски у подножия башни. — Из тех сорока, что у нас остались из последнего уурсанткого призыва.

Не все с гнильцой оказались. А там в башне сейчас трое молодых ребят из охотников-хуторян с семьями живут. Вот, порядок вокруг понемногу и наводят. За башней ухаживают. Печку внутри из булыжника выложили, подтапливают понемногу, чтобы зимой не вымерзла и дух жилой оставался. Простенькую конечно, печурку, но раньше и того не было.

За крепостью нашей егерям помогают присматривать. Ну, и вообще…, - Корней ненадолго замолчал. — Помогают, одним словом.

— Чем платить думаешь?

Это был самый болезненный для Маши последнее время вопрос, и первый, что теперь сразу приходил ей в голову.

— Жильём на зиму и кормёжкой. Уж чего-чего, а жратвы у нас тут навалом. Заготовили, — невесело хмыкнул он, — на три тысячи человек и чуть ли не на пару лет сытой жизни.

А им много и не надо. Они и на это согласны. Лишь бы жильё

было, да с жёнами где голову склонить. Вот я им хоромы, что для мастеров муроделов приготовили, и отдал. Пусть живут. Глядишь, к весне и пополнение своим семьям получат, — Корней, с прищурившимся, весёлым взглядом лукаво посмотрел на Машу. — А детишки появятся, так они отсюда вообще никуда не денутся. Ну, куда им с грудными детьми то. А там и у нас дела, глядишь, наладятся, снова лодьи строить начнём.

Ну что, Маш, двинулись обратно? Вроде как здесь всё посмотрела?

Не отвечая, Маша, молча, задумчиво смотрела на виднеющуюся невдалеке высокую сторожевую башню "Острожек", возле которой, прямо на берегу залива курился дымком небольшой, дымный костерок, возле которого сейчас никого не было.

Судя по долетавшим до них запахам от висящего над костром котелка, там сейчас как раз доходила до кондиции рыбья уха, которая даже сюда, за десятки метров от костра, доносила тонкий аромат каких-то незнакомых специй и трав.

— Пожалуй, дальше не пойдём, — остановил её Корней, как только она попыталась что-то сказать, кивнув в ту сторону.

А то ребята ещё на уху позовут, неудобно будет отказываться. А у нас ещё дел полно, — с сожалением посмотрел он вслед за её взглядом.

— Да! — устало откликнулась Маша, медленно подымаясь с комля, и опять зябко кутаясь в свою шубейку. — Пойдём, здесь делать больше нечего.

В лучшем случае, лишь весной сможем сюда вернуться, а пока придётся тебе всё тут законсервировать, чтобы не пропало.

— Да, — с непонятным выражением лица медленно протянул Корней. — Видел бы это Пашка, поубивал бы гадов.

— Вот и хорошо, что его нет, и что он этого безобразия не видит, — Маша с безнадёжным, обречённым видом обвела пустынный берег мрачным, тоскливым взглядом. — Это же была его мечта. Он ради этого даже свою шахту с серебром нам отдал, чтобы только помогли ему эту флотилию поднять. Целых двенадцать лодий! И каких! Больших, речных! Не менее двенадцати тыщ пудов водоизмещением каждая! Это же настоящий речной флот был бы.

Уцелел в набеге, а тут такой разгром! Такой разгром, — медленно и тихо повторила она.

Они мне за это заплатят! — едва слышно, со скрытой угрозой в голосе, тихо выговорила она. — За всё заплатят.

— Профессор говорил, что ты просила его навести какие-то справки? — снова повернулся к ней Корней. — У тебя что,

появились какие-то подозрения?

— А тебе что, дорогой муженёк, глаза застило?

С отчётливо выступившими желваками на скулах Маша медленно, всем телом повернулась в его сторону, глядя ему прямо в глаза.

— Ты что, не видишь, что это всё не просто так? Что это всё подстроено!

— Ну, — задумчиво протянул Корней, отводя глаза. — Они конечно козлы, но чтобы обвинять наши городские власти, в чём либо, одних только твоих подозрений маловато будет.

— Корней, Корней, Корнеюшка…, - с усталой, снисходительной улыбкой, полной глубокого сожаления, Маша тихо покачала головой. — Да причём тут Голова со своим дураком подпевалой Старостой. Их ушки из всего произошедшего, конечно, торчат. Буквально отовсюду торчат. Хапнули они тогда здорово, чуть по миру нас не пустили. Но именно хапнули, воспользовавшись удобно сложившейся конъюнктурой и удачным моментом, а не организовали разгром и грабёж всего имущества бывшего банка.

Поверь мне… — Маша ненадолго замолчала, о чём-то глубоко задумавшись. — Это не их работа. У них бы мозгов на такую комбинацию не хватило, — тихо проговорила она. — Так лихо всё организовать. Так провернуть, так вовремя, и так чисто смыться?

— Тот же Кидалов. Думаешь, он просто так? Якобы просто вытащил капиталы своей семьи из банка и всё? Как я раньше думала. Нет, Корнеюшка, это была многоходовая операция именно по нашему разорению. Это был удар именно по нам. И, может даже по городу. И это наверняка была лишь часть какого-то общего плана, — тихо добавила она. — Всё это жу-жу неспроста.

Даром что ли он позакрывал свои отделения и пропал из города в тот же день, когда произошло нападение на обоз возле перевала. Сразу после того как ему могло стать известно, что нападение не удалось и бумаги ревизионной комиссии целы.

Мы с профессором недавно буквально по минутам сравнили время нападения на обоз и время, когда последний раз Кидалова видели в городе. И сани с его семьёй амазонки без всякого досмотра в устье Каменки пропустили, дальше на реку и в низовья. Что тоже кое о чём говорит. Кому блокада, а кому и нет.

А голубиную почту, мой дорогой, если ты всё ещё сомневаешься, — усмехнулась она краешком губ, — в этом мире весьма активно используют. К твоему сведению.

Думай обо мне что хочешь, — неожиданно жёстко

проговорила она. — Но Кидалова надо убрать. Про первого не говорю — Бог с ним, он нам особых беспокойств не доставил. Но, второго… Суку! Тварь! — жёстко, совершенно безцветным голосом проговорила она.

По коже Корнея прокатился невольный холодок. Такую Машу он до сих пор ещё не видел. Такой, свою жену он не видел никогда. Сильно она изменилась после болезни. Очень сильно.

Немного помолчав, Маша снова продолжила говорить своим, ставшим в последние дни тихим, шелестящим голосом.

— Но Кидалов пешка.

Тебе, дорогой муженёк, ни разу не приходило в голову, что всеми своими проблемами последнего времени мы обязаны исключительно нашей незабвенной подруге из Подгорного княжества? А то и ещё кое-кому, кто невидимо маячит за её спиной. К примеру Императнице Сухайе? А может и дядьке её родному, князю Подгорному. Может ещё кому?

Да, да, — вяло покивала она головой, с лёгкой усмешкой на губах глядя на сразу насторожившегося Корнея. — Ты не ошибся. Той самой! Той самой наследной княжне правящего дома Подгорных князей. Ея высочеству злобной нимфоманке Лидки Подгорной. Мать, мать, мать, шлюху эту по отчеству.

Той самой шлюхе, стерве, проститутке, которую за последний год несколько раз демонстративно совал мордой в грязь наш незабвенный Сидорушко.

Совал, а надо было убить, — тихо проговорила Маша. — Такая тварь и так зажилась на этом свете.

Вот она и отыгрывается, сучка. Точнее, отыгралась, — грустно усмехнулась Маша.

А профессор то, шельма, — невесело усмехнулась она. — Похоже, так тебе ничего и не рассказал.

Заметив его полный сомнения, неуверенный взгляд, которым он мимолётно наградил свою жену, она со вздохом пояснила.

— Ну, так, значит, первым из моих уст узнаешь, что это она. Точно! Не сомневайся! Ребята из ящеровых кланов расстарались, вызнали. Кое-что…, - тихо добавила она, осторожно перешагивая через какую-то доску, валяющуюся под ногами.

— Вот как?

Мгновенно сбросив с себя сонную, утреннюю дурь, Корней настороженно повернулся, внимательно присматриваясь к своей жене, неожиданно открывшей ему какие-то неизвестные ранее таланты и стороны своего характера.

— Ящеры же раньше демонстративно не лезли, ни в какие местные дела? Тем более в наши? Ведь был же между нами уговор не совать свой нос, куда не надо. По крайней мере, пока не

попросят. Что это их подвигло?

— Интриги их молодой Императрицы, — криво усмехнулась Маша. — Вдруг неожиданно выяснившаяся во всём нашем деле роль молодой Императрицы, недовольной их поведением. Но это уж выяснилось потом. А поначалу…, - со сразу ставшим злым, некрасивым лицом Маша замолчала.

Белла! — тихо прошелестела она. — Белла пошла и жёстко поездила им по ушам. Не знаю уж, чего она им там такого наговорила, но после её визита они и заносились по всему городу как наскипидаренные. Вот тогда-то ушки нашей княжны и высунулись. А потом и дальше подарки пошли, уже из Империи.

Стоило только хорошенько кое-кого потрясти, парочке болтунов языки поприжать, правда-матушка то и полезла, — грустно усмехнулась она.

Даже городские власти теперь прикусили язык, — невесело улыбнулась она. — Поначалу попытались было возбухнуть, а тут им профессор под нос результаты своих с ящерами исследований и сунул. Те и припухли. Теперь сидят и не вякают. Понимают что прокололись, вот и молчат в тряпочку.

Но даже такие спецы ничего бы толком не вызнали, если бы один дурак не прокололся. Ты же помнишь, — слегка повернула она голову в сторону Корнея. — Белла ещё в самом начале этой грязной возни вокруг нас, когда весь город вдруг ломанулся в банк забирать свои денежки, она всех в городе предупредила. Демонстративно так, во всеуслышание, чтобы потом не говорили, что не слышали.

Это когда она в самом дорогом кабаке города, в "Золотом Глухаре", вышла на середину танцевальной залы и во всеуслышание заявила, что зарубит каждого, кто будет распускать порочащие её слухи и позорить дворянскую честь и достоинство рода баронов де Вехтор и их друзей. Не зависимо ни от пола, ни от возраста, ни от социального статуса.

После того любые разговоры как ножом отрезало. Наши-то кумушки, как оказалось весьма падкие на всякие сплетни, сразу язычки то свои прикусили. Знают, шалавы, чем это может для них кончиться. А этот дурак оказался, видимо, из пришлых. Говорят, какой-то охотник был с верховий Каменки, чуть ли не с самого перевала. Или вообще откуда-то ещё дальше, с юга, — безразлично передёрнула она плечиком.

Скорее всего, не поверил, или посчитал себя круче всех.

Чуть ли не в глаза ей начал рассказывать какую-то очередную про неё гадость. Так она ему, для начала, уши обрубила. Сказала, что раз уж не слушает, что люди добрые говорят, то они теперь ему без надобности. Ну а дальше ящерам отдала.

— Вот так просто? — с лёгким недоумением на лице поднял левую бровь Корней. — Взяла и обрубила? И никто ничего ей не сделал? Ничего не сказал? Городские власти не вмешались? Боровец, поборник справедливости и известный законник, ничего ей не сделал и не сказал? — буквально ошарашенный, Корней удивлённо вытаращился на неё.

Когда же это было?

— Когда я болела, а ты за каким-то чёртом попёрся к Сидору в горы, — сухо отрезала Маша. — На лошадей своих пялиться вместо того чтобы следить что о нас здесь говорят.

А Боровец ничего не сделал, не так просто, а по древнему шляхетскому праву, которое даже здесь никто не отменял. За оскорбление — смерть!

Маша, с тяжёлым, обречённым вздохом, как будто общаясь с тяжелобольным, уныло посмотрела ему прямо в глаза.

— Никто и не пикнул, — с тусклой улыбкой на губах заметила она. — Тем более, что оказалось и некому.

Это, кстати, к вопросу о судьбе одиночек, — мрачно констатировала она. — Если ты один, то любая банда из тебя фарш сделает, а никто и не вступится.

Ну а как ящеры умеют пытать, не тебе рассказывать.

В общем, уже через пару часов он пел соловьём, торопясь рассказать всё, лишь бы она только не нахмурилась.

Тут-то всё и вылезло, — снова тяжело вздохнула Маша. — Тут-то и оказалось, что все наши проблемы последнего времени не сами по себе на пустом месте возникли, а плод тяжёлого неустанного труда нашей незабвенной подруги-нимфоманки. А Голова со Старостой, даже тот же Кидалов — это так, — небрежно махнула она рукой, — мелкие сошки, марионетки, не понимающие, что их в тёмную использовали.

— Насколько я успел узнать Голову с его приятелем, — задумчиво продолжил за неё Корней. — Если это так, как ты говоришь, и если они оба об этом узнают… То им это о-очень не понравится.

— Утрутся, — небрежно, с лёгким оттенком презрения отмахнулась Маша. — И не от такого раньше утирались, утрутся и сейчас. Побесятся, конечно, особенно первое время, а потом постараются забыть. Скажут, что есть дела поважнее, чем месть за какое-то там оскорбление.

А вот ни я, ни Белла, так это дело не оставим, — Маша мстительно прищурила глаза, глядя куда-то вдаль, на серые холодные валы снега замёрзшего, заснеженного залива.

— И всё же я бы им рассказал, — Корней осторожно посмотрел на свою жену. — Такими союзниками грех

пренебрегать.

Но, надо так понимать, что об этом никто из них пока ничего не знает? — бросил он на неё вопросительный взгляд.

— Откуда? — хмыкнула Маша. — Все думают, что Белла срубила башку тому болтуну, вот слухи и прекратились. Всё, мол, в прошлом.

— А на самом деле? — всё более настораживаясь, тихо поинтересовался Корней.

— А на самом деле даже я не сразу узнала о результатах интимного разговора её и ящеров с тем дураком, — так же тихо откликнулась Маша.

Вот когда я ей остро позавидовала, — грустно заметила она. — Хотя, чего завидовать то. Я бы точно так не смогла. Для такого хладнокровия и жёсткости надо иметь настоящее дворянское воспитание, а не эти либеральные бредни о ценности человеческой жизни, всосанные в нашу плоть и кровь.

— Такое всасывают с детства, — задумавшись, рассеянно откликнулся Корней.

Ну! — обрывая сам себя, неожиданно отбросил он философский тон, мгновенно переходя на деловой. — Что ещё вызнали? Чем порадуешь?

— Увы!

Маша с искренним сожалением развела руками в стороны.

— Оказалось, он был мелкой пешкой. Простым "шептуном", как у вас здесь про таких говорят. А рыбу покрупнее, как волной смыло. Сразу же после того, как Белла схватила этого болтуна. Весь город Белла вместе с ящерами буквально перевернула, и ни следа! За пару часов, как в воздухе растворились. Никого!

Вот тогда то и пошли на спад всякие разговоры, и обо мне в том числе. А потом и вообще прекратились. Видать, золотой источник иссяк, — с кривой улыбкой Маша задумчиво уставилась на залив.

Кстати, тот же Голова самолично ручку свою приложил, чтобы прекратить все разговоры и пресечь болтовню. Но всё равно я ему, гаду не прощу. Ничего не прощу, пусть он потом и опомнился.

— Ну что ж, — Корней, став рядом, приобнял свою жену за плечи. — Возвращамся к нашим баранам. Я так понимаю, что касса в банке окончательно пуста?

— Ты не ошибаешься, — грустно улыбнулась Маша, невесело глядя на него.

Потрясающе, — покачала она головой. — Как быстро, буквально, как мышиный бздох, может раствориться в воздухе несколько большущих сундуков с серебром и золотом. Как

неизвестно куда, словно в прорву исчезают наши огромные рюкзаки с дорогущим жемчугом. Как, словно в кислоте растворяются тяжеленные слитки Пашиного серебра…

Остановившись вдруг прямо посреди разбросанных вокруг куч новеньких, не успевших ещё посереть досок, она грустно посмотрела на своего мужа:

— Ну что ж, начнём, как высказался намедни профессор, по новой, с чистого листа.

Если бы. Если бы мы только так могли, — тихо прошептала она. — С чистого…

Разом как-то выговорившись, они оба внезапно замолчали и оставшийся до крепости путь шли молча, не разговаривая.

Погрузившись в свои мысли, Маша никак не реагировала на красоты зимней природы, рассеянно не отвечая на редкие вопросы, которыми Корней временами пытался её расшевелить.

— Все-таки, — снова, тихим голосом, нарушила она молчание. — Какие у тебя соображения на сей счёт, — кивнула она на рёбра шпангоута, торчащие из остова высящегося рядом с ними корабля, мимо которого они как раз проходили.

Двенадцать больших речных лодий, — грустно констатировала она. — Пять обгоревших трофейных, которые тоже наверняка можно восстановить. Сколько денег, — медленно, тяжело покачала она головой, — сколько денег выброшено на ветер. Нет, Пашка, как появится, нас точно убьёт, — грустно повторила она снова.

Весной в половодье не смоет?

— Смоет, если борта доской хотя бы до половины не зашьём, не поставим на якорь и не вывезем оставшийся материал куда-нибудь на высокий, сухой берег, — мрачно проворчал Корней. — Вот тогда действительно, с таким как здесь половодьем, точно смоет. Ну а пока этого не произошло, я уже тут договорился с кое-какими ребятами, что живут здесь в окрестностях. Они нам и с консервацией помогут и материал нужный подвезут. В долг, пока деньги не появятся.

Ну а потом, когда мы всё это достроим, мы возьмём их с товаром в первый же караван, что пойдёт вниз по реке. Так что, всё по-честному, баш на баш.

Ну вот, — расстроено добавил он, из-под козырька руки рассматривая что-то в воротах речной крепости, привлекшее его внимание. — Я был прав. Профессор с Изабеллой нас уже ждут, а нам ещё топать и топать.

Несмотря на безпокойство Маши, ни Белла, ни профессор, ни словом не упрекнули обоих за то, что им пришлось долго ждать на холодном зимнем ветру, дожидаясь пока они неспешной

походкой добирались к ним чуть ли с другого конца залива.

Изабелла только вздохнула, когда увидела чуть порозовевшее и разрумянившееся после прогулки лицо своей подруги и её повеселевшие немного грустные глаза.

Ни слова не говоря, они все вместе вернулись обратно в хорошо протопленную жилую комнату крепостного арсенала, где обитал последнее время Корней, утрясая вопросы, свалившиеся на него с ликвидацией учебного центра.

Там, возле большой, занимающей чуть ли не весь угол, круглой, крашеной белой извёстью печи, можно было отогреться после долгой, морозной прогулки и поговорить.

Глава 10 Великий Озёрный путь в 1000 вёрст

.

Знакомство.*

Всякое большое дело начинается с самого первого маленького шага.

Постоянные посиделки с банкиршей за чашечкой лимонного чая, поиски выхода из сложившегося положения и мозговой штурм, как Маша называла их тихие, вечерние беседы за жизнь, привели к закономерному результату. Они обе вспомнили странную фразу, слышанную ими обеими от сталевара Василия, в бытность их первого посещения железодельного завода.

Странная фраза о каком-то "Великом Озёрном Пути в Тысячу Вёрст".

Вот баронесса Изабелла де Вехтор и сидела теперь с задумчивым видом посреди хаоса, устроенного ею в личном кабинете Сидора и с любопытством созерцала устроенный ею самый настоящий погром. Того, что она искала, не было. И не было и малейшего намёка где бы оно могло быть. Что делать дальше, она просто не знала. Теперь она сидела, молча разглядывая то, что сотворила, и терпеливо дожидалась прихода Маши, втайне надеясь, что та подскажет что-нибудь дельное.

Убираться пока что она не спешила, справедливо рассудив, что Маша, со своей недоверчивой натурой сама захочет лишний раз перетрясти все углы и в комнате, и в землянке, чтобы самолично убедиться в правоте баронессы.

— Ба-а!

Весёлый голос, раздавшийся из открытой двери прихожей, подтвердил то, что она уже и так поняла, услышав приглушённый звук открывающейся входной двери и чьи-то тихие разговоры с наружной охраной.

Пришла Маша. И едва поздоровавшись, тут же включилась в процесс исследования пыльных закромов и забытых уголков в хорошо знакомых ей углах землянки.

Когда спустя полтора часа, удовлетворённая своими неудачными поисками, Маша вошла в гостиную, там её уже дожидалась безмятежная Изабелла, сидящая возле разожжённого по случаю прихода гостьи камина и с блаженным видом пьющая

лимонниковый чай. В воздухе стоял тонкий, одуряюще приятных аромат лимонникового напитка и Маше сразу страстно захотелось чаю.

С блаженным видом, устроившись на стоящем возле камина большом удобном кресле, оббитом какой-то незнакомой красной бархатистой тканью, Маша с удовольствием приняла из рук Беллы небольшую изящную чашечку из только накануне привезённого специально для Беллы чайного сервиза со стекольного завода.

Откинувшись устало на удобно выгнутую спинку кресла, она с нескрываемым наслаждением потянула полюбившейся ей за последнее время напиток из круто пережаренных зёрен шишко-ягоды с добавлением нескольких капель бодрящего лимонникового ликёра и горячего настоя сушёных листьев и ягод лимонника лонгарского.

— Балует тебя Марк, балует, — с искренней завистью посмотрела на сервиз Маша. — Мне, сколько бы я его ни просила, персональный сервиз так и не сделал. Всё времени у него видите ли нет. А тебе стоило только сказать что чай из кружек пьёшь, так он тут же буквально в лепёшку расшибся. Балует он тебя Белка, балует.

— Ну, как? — Изабелла вопросительно смотрела на Машу с ясно видимой смешинкой в глазах. — Удовлетворилась?

— Ну и выраженьица у тебя, — поморщилась Маша, тихо буркнув что-то ещё невнятное себе под нос.

— Нету! — широко разведя руками с обречённым видом, она устроилась напротив Изабеллы за столом. — Как сквозь землю провалились!

— Может, Васька сталевар напутал чего? — вопросительно взглянула она на Изабеллу. — Или мы что-то не так поняли?

— Вряд ли, — отрицательно покачала головой Изабелла. — Я с профессором потом ещё раз переговорила, и он наводил справки у ваших егерей. Было! — твёрдо сказала она, посмотрев на Машу. — И не абы что, а две, пусть и немногочисленные, но хорошо оснащённые и вооружённые экспедиции в те края, помимо той, самой первой разведочной с инженером. И о них никто, кроме Сидора с Димоном и тех кто с ними там был, ничего не знал. Даже Корнея твоего не поставили в известность, настолько всё было засекречено. Даже профессор мало что знает.

И егерей, принимавших участие в тех экспедициях, Сидор потом забрал с собой, в Приморье. Так что здесь в городе узнать что-либо — глухо, — Белла безнадёжно махнула рукой.

Но отчёты по экспедициям должны быть. Если верить тому, что выяснил профессор, это чуть ли не два огромных, тяжеленных

короба пергаментов с картами и описаниями. Плюс, множество карт с топографической съёмкой местности.

Потом, проектная группа, те кто работал тогда на Сидора, говорили, что они считали что-то Сидору по его данным. Что — непонятно. Всё какое-то раздёрганное и разрозненное, словно специально перепутанное.

И все расчёты он тут же забирал с собой и у них ничего не осталось, даже черновиков. Всё изъял. Секретность Сидор развёл страшную. Говорят, что помимо того что заставил всех черновики свои сжечь, так и полевые дневники забрал себе. Все! И запретил даже во сне упоминать о том что было.

— Может, он их с собой забрал? — Маша с сомнением посмотрела на Изабеллу. — Ну, это, конечно, вряд ли. Не дурак же он, в конце то концов постоянно с собой тяжести такие таскать. Насколько я поняла, даже просто из угла в угол перетащить всю эту кучу пергаментов с картами и бумаг с описаниями, занятие весьма обременительное.

Но куда же он их всё-таки дел?

Маша, откинувшись на спинку своего кресла, с задумчивым видом окинула рассеянным взором царящий вокруг беспорядок.

— Больше комнат для осмотра здесь нет, — тяжело вздохнув, пожаловалась ей баронесса. — Все, что есть, я перед тобой пересмотрела чуть ли не дважды. Да и ты руку приложила.

— А все ли?

Маша, с каким-то торжествующим видом уставилась на недоумённо глядящую на неё удивлённую баронессу.

— Белла, я забыла про долину!

Маша, судорожно вцепившись пальцами в резные подлокотники, медленно поднялась из кресла и наклонилась над удивлённо глядящей на неё Изабеллой. Победно улыбаясь, блестя горящими от возбуждения глазами, она тихо, на грани слышимости, с торжествующим видом, чуть ли не по слогам, медленно проговорила:

— До-ли-на!

Белла, я забыла про долину! Я так давно там не была, что совсем про неё забыла! А там же Димон! А он в этом деле обязательно должен быть замешан! Чтобы без него что-то обошлись? Да не может такого быть! Он же каждой бочке затычка. Бумаги должны быть у него!

Завтра же едем! — хлопнув ладонью по стулу, заключила она. — И так уже задержались на столько времени. Надо что-то делать, а у нас информации с гулькин нос.

Может у него там ещё один сундучок с золотишком завалялся, — мечтательно подняв глаза к потолку, Маша

тоскливо смотрела на низкие, закопченные дымом из камина деревянные потолки.

Ну это вряд ли, — с тяжёлым, обречённым вздохом хлопнула она себя ладонями по бокам. — Всё, хватит мечтать. Сказки кончились и придётся теперь тяжким трудом денежку себе добывать. Как все здесь. Халявы больше не будет, — грустно констатировала она.

Следующим же утром, когда солнце ещё только подымалось над вершинами деревьев, они уже подъезжали к жилым пещерам в долине, где с самого начала обосновался с жильём Димон, а теперь жили его жёны, ведя обширное, разросшееся за последний год хозяйство.

В отличие от первого посещения, когда здесь очутилась баронесса, столкнувшись с заговором амазонок, на сей раз, долина охранялась не в пример более тщательно. Поэтому, постоянно останавливающие их патрули вооружённых егерей и ящеров, чередующиеся на всём пути, под конец стали даже немного раздражать.

— "Сколько людей и нелюдей, занятых пустым трудом, охраняющих голые, никому не нужные камни, — промелькнула сердитая мысль у Маши. — Денег нет, а приходится содержать столько дармоедов. Нахрен! Всех к Сидору в Приморье, пусть там деньги нам зарабатывают. А здесь пусть Димкины девчонки сами себя охраняют. Они вроде девки толковые, вот пусть и подберут сами себе охранников. Из своих. Всё одно здесь кроме голых скал ничего нет".

Похоже, что с развившейся у них у всех после мятежа паранойей они явно перестарались. В свете своего, последние дни откровенно нищего существования, надо было серьёзно урезать осетра. Люди остро нужны были в других местах, там где можно было заработать хоть какие-то живые деньги, а не проедать то чего нет, на охране голых камней.

А нанять в охрану амазонок — это вообще был бы прорыв. Им не надо было платить. Они отрабатывали долги и вполне могли обойтись одной лишь едой да одёжкой. Следовало лишь подобрать девочек полояльнее, чтоб не получилось так как в прошлый раз. Волчьи вдовы до сих пор ещё снились Маше в кошмарных снах, и повторения раз уже пережитого она не желала.

Вдруг, в неожиданно резко накренившуюся, чуть не опрокинувшуюся на ходу коляску, задрав хвост трубой, влетел рыжий здоровущий ком какого-то серебристо-стального рыжего меха.

— Фоксик! — восторженный вопль баронессы шибанул по

расслабленным лесной тишиной ушам Маши визгом рашпиля по стеклу.

— О-о, блин, — тихо зашипела Маша от боли, острой иглой прошившей голову.

Схватившись за виски, она с откровенной ненавистью посмотрела на бешено вертящегося в коляске, яростно вылизывал лицо визжащей от счастья Изабеллы молодого, красивого лиса. Какой же он был неуклюжий, здоровый, да ещё и вонял псиной.

— Господи! Толстый то какой, — восторженно верещала баронесса, тиская в объятьях довольно урчащего лиса. — Отъелся на мышах, мой милый. А я без тебя совсем соскучилась, — тут же пожаловалась она ему. — Ты бы рыжий, домой, что ли возвращался, а то без тебя как-то скучно и одиноко. Сидора нет, тебя нет, совсем никого дома нет. Советник, мерзавец, и тот последнее время чего-то не заходит. Скучно!

— "Ого, — отметила про себя Маша. — Сидора уже поминают что его нет и о том жалеют? Однако это уже прогресс".

— А вот мы и приехали, — перебила её восторги Маша, аккуратно, с недовольной миной отстраняясь от мечущегося по сразу вдруг ставшей тесной коляске лиса.

— Гони ты его отсюда, — возмутилась она, отряхивая заляпанное снегом своё роскошное дорожное пальто — Не умеет себя вести в приличном обществе, — недовольно ворчала она, глядя на выскочившего из коляски и наматывающего бешеные круги вокруг них Фокса.

— Здравствуйте, девочки, — повернулась она к незаметно подошедшим Димкиным жёнам. — Я смотрю, вы тут развернули бурную деятельность, — кивнула она на спины множества работающих в долине амазонок.

— Да, работы хватает, — кивнули головой девчонки, осторожно отстраняясь от бешено вертящегося у них под ногами весёлого зверька. — Взяли ещё девочек, двенадцать человек, да и с ними уже не справляемся. Работы много.

Вы нам столько задач сразу поставили, — неуверенно улыбнулась она при взгляде на Беллу.

— Принимайте гостей, — улыбнулась Маша, заметив слегка напряжённые улыбки девчонок и их чуть скованное поведение. — Надеюсь, на этот раз у вас без неожиданностей?

Скупо улыбнувшись, обе амазонки, пропустив Машу с Изабеллой вперёд, прошли следом за ними в жилой комплекс, выгороженный Димоном из большого числа комплекса естественных пещер, во множестве усеивающих этот край долины.

Пройдя в гостевую залу, Маша с Изабеллой с удобством расположились за низким, широким столом одиноко стоящим

посреди просторной гостиной. Высокие потолки подземного зала ярко освещали низко свисающие с потолка две большие бензиновые лампы, сразу же зажжённые засуетившимися хозяйками.

Дождавшись, пока девочки накроют им чего-нибудь перекусить, и, взяв в руки чашки с любимым горячим кофе, они неспеша приступили к изложению причин своего столь внезапного прибытия.

— Я так понимаю, что вы гадаете о причинах нашего визита? — Маша вопросительно посмотрела на напряжённо ждущих непонятно чего амазонок.

— Мятеж провалился. Времени после того прошло уж немало, а вас всё нет и нет, — тихо начала какая-то из них, по всей видимости, Лия, как самая бойкая. — Мы давно уже вас ждём, гадаем, чего вас нет. А тут ещё и слухи нехорошие из города доходят. Говорят нас разорили? — кольнула она Машу коротким, внимательным взглядом.

— Нас? — подчеркнуто высоко подняла левую бровь Маша, бросив на них короткий внимательный взгляд. — Это хорошо что вы говорите Нас. Это сразу всё определяет.

Но что не были — честно говоря, просто времени не было, — виновато развела она руками. — Дела так закрутили, что стало совсем не до вас. Хотя, должна признаться, что это было неправильно. Вы тут, я смотрю, все изпереживались что у нас да как.

Вкратце! — начала она. — Просели мы здорово, трясанули нас не просто серьёзно, а более чем. Сидим мы теперь в большой дупе и как оттуда выбираться — вот собственно и цель нашего визита сюда.

Думается нам, что здесь у вас есть нечто, что нам сильно поможет выбраться из того болота, куда нас загнали.

Вы, девочки, вот что, — повернулась она к амазонкам. — Думайте. Думайте и вспоминайте. Вспомните время до отъезда Сидора в Приморье. Не приезжал ли он к Димону сюда в долину ещё до своего отъезда. И не передавал ли он ему большую кипу разных карт и пару толстенных томов бумаг с разными расчётами.

— Нет, — тут же синхронно затрясли головой обе близняшки. — Не приходил и ничего не передавал, это точно. Он, в последние две недели перед отъездом к нам вообще не приходил.

— И ничего не передавал, — эхом повторила вторая. — Это совершенно точно, потому что мы его последние дни совсем не видели. В рабочем кабинете работал только Димочка.

— Что? — удивилась Маша. — У Димона есть свой личный рабочий кабинет? — Маша от удивления невольно встала в ступор. — Что-то новое, — растерянно проговорила она, повернувшись к Белле. — Димон и рабочий кабинет? Вы что-то путаете, девочки. С каких это пор у Димона вдруг появился свой рабочий кабинет? Что-то на него это совсем не похоже.

— Вообще-то это рабочий кабинет барона Сидора, — обе амазонки словно синхронно повернули обе головы к Изабелле. — Он там постоянно работает, точнее работал. А когда задерживался допоздна, так вообще оставался там же и ночевать. Но в последнее время перед отъездом, там чаще работал Димон. Он перед отъездом очень много работал, торопился. Говорил, что выполняет какое-то срочное задание. Настолько срочное что даже нас туда не пускал. Ругался и гонял, чтоб не мешали.

— Но что он делал, нам и без разницы, — обе амазонки синхронно пожали плечами. — Мы туда к нему и не ходили. Нам запретили, мы и не ходили. И что он там делал, не имеем ни малейшего представления. Он нам даже убираться там не позволял.

— А у нас и без их кабинета своих дел хватает.

Мы в его дела с бароном вообще старались не соваться. Мало ли что. Барон, он ведь… такой, — замолчала она, не зная что сказать. — Как зыркнет!

Изабелла с задумчивым видом барабанила пальчиками по столу, молча глядя на амазонок. Быстро переглянувшись с Машей, решительно поднялась.

— Пойдёмте, девочки, покажите, что это у него за кабинет такой был и где он находится.

Нахмурившись, обе амазонки настороженно переглянулись между собой. Даже не шелохнулись, они явно не собираясь никуда двигаться.

Заметив столь странное поведение, Изабелла повернула в их сторону голову и, слегка нахмурясь, ледяным тоном поинтересовалась.

— В чём дело?

Снова переглянувшись между собой, девчонки замялись в нерешительности, а потом, по-видимому, старшая решительно заявила:

— Барон Сидор категорически запретил в его отсутствие заходить кому-либо в его кабинет. Да и Димочка нам не велел туда заходить. Поэтому и вам там делать нечего.

Внимательно посмотрев на решительно глядящую на неё хмурую амазонку, Изабелла медленно подошла к ней и слегка наклонясь к ней, тихим голосом спросила.

— Лая…,

— Я Лия, — негромко, холодным голосом жёстко осекла её амазонка.

Изабелла без всякого труда могла бы заставить эту строптивую молодую девчонку сделать то, что ей надо. Но она не хотела насильно принуждать человека, близкого другу её мужа. Поэтому она постаралась решить дело мягче.

— Ты извини, но я пока ещё плохо вас различаю. Так вот, запомни Лия. Вопрос осмотра рабочего кабинета барона не является моей, либо Машиной дурацкой прихотью. И мне самой не нравится копаться в чужих вещах. Но это вопрос жизни и смерти для всех нас. Вопрос дальнейшего существования всей Компании. И в значительной степени он касается именно вашего Димочки. И я не думаю, что он будет доволен тем, что в столь тяжёлых для всего клана обстоятельствах вы препятствовали его спасению.

Идёт борьба, Лия. Жестокая борьба за само наше существование. И она не закончилась с разгромом вашего мятежа. И не закончилась с разгромом банка "Жемчужный". Всё только начинается. И возможно у вашего Димочки находятся материалы, которые помогут нам в этом деле. Они с Сидором перед отъездом чем-то занимались, чем-то очень важным. Так вот это теперь надо обязательно найти. И постарайтесь нам помочь в этом деле, а не мешать. Это во многом и вас лично касается, в том числе. Будите ли вы и дальше жить здесь и обустраивать свой дом или нас всех отсюда вышибут. И даже не подгорные ящеры, как вы могли бы подумать, а разные доброхоты, вроде Городского Головы или ещё кого-либо из городской Старшины.

И ещё подумайте. Сам факт что долиной заинтересовались волчьи вдовы уже о многом говорит. Что-то здесь не так. И нам надо разобраться. И вы будете принимать в этом самое непосредственное участие.

Смерив стоящую перед ней Изабеллу внимательным, оценивающим взглядом, амазонка, ни говоря ни слова решительно поднялась и твёрдым, решительным шагом двинулась куда-то в глубь пещеры.

Чуть задержавшись, вторая амазонка, молчаливым кивком позвав их за собой, уверенно двинулась следом.

Пройдя три или четыре полутёмных залы, освещаемых едва светящими в темноте тусклыми бензиновыми лампами, они обе остановились перед неприметной, выкрашенный в неяркий, бурый цвет неказистой дверью, в дальнем, скрытой за углом нишей какого-то небольшого зала.

При всём желании, не зная где, заметить эту небольшую

дверцу было довольно сложно. Неказистая, внешне небрежно сколоченная из толстого, плохо ошкуренного крашеного горбыля, кособокая дверь была закрыта только на накидную защёлку со вставленной в неё маленькой щепочкой, запирающей накидную пластину.

Небрежным рывком откинув пластину, Лия достала из кармашка на поясе небольшой толстый фигурный ключик. Чем-то щёлкнув внутри, она аккуратно приоткрыла дверь с неприметным внутренним замком.

Не зная что он там есть, эту дверь вряд ли можно было открыть.

Массивная, тяжёлая металлическая дверь на толстых, хорошо смазанных петлях, замаскированная сверху небрежно ошкуренными толстыми досками горбыля, она сразу производила впечатление крепкой сейфовой двери.

— "Упс, — ошарашенно пробормотала про себя Маша, неверящими широко распахнутыми от изумления глазами глядящая на невиданное чудо. — Это что, Форт Нокс? Или рабочий кабинет? Чем это он тут занимался?"

— Это здесь, — остановившись перед дверцей, Лия нерешительно посмотрела на стоящую у неё за спиной Машу.

— Показывай! — обернувшись, Маша окинула тёмную, чисто убранную залу пещеры у себя за спиной, внимательным, недоумевающим взглядом.

Догадаться что здесь рядом есть что-то ещё, было невозможно. И не зная, легко можно было пройти дальше, не заметив этой маленькой дверцы.

Повернувшись к Изабелле, задумчиво проговорила, тщательно подбирая каждое слово:

— Посмотрим, что это у него за кабинет такой… странный.

— Это вообще-то…, - неожиданно замялась амазонка.

— Вот и посмотрим, — перебила её Маша, аккуратно отодвигая в сторону и небрежно выдёргивая так и торчащую, словно приклеенная, щепочку из ушка защёлки.

Широко распахнув широкую, массивную дверь, она решительно шагнула в открывшийся им зал.

— Нихрена себе! — ахнула Маша, столбом застыв на пороге. — Это кабинет?!

Большая, точнее просто чудовищно огромная зала, открывшаяся им за широко распахнутой дверью, была воистину настоящим чудом природы. В это утреннее время, вся она была залита ярким, до боли ослепляющим солнцем, особенно нестерпимым после тёмных залов, которые они только что прошли. И весь этот чудовищно огромный просторный зал

пещеры освещался всего лишь пятью большими, расположенными высоко под потолком широкими окнами, в живописном безпорядке рассекавшими стену этого роскошного подземного чуда.

Массивные оконные переплёты чёрного, морёного дуба, с хорошо различимым с порога толстым стеклопакетом бронированного стекла, усиленные скрещивающимися внутри двойных дубовых рам мощными витыми прутьями толстого, кованого железа, полностью перекрывали возможное проникновение снаружи, одновременно надёжно отсекая помещение от любых посторонних шумов с внешней стороны.

Помимо окон, везде по комнате на массивных крюках висели самые большие, какие только у них были, бензиновые лампы из тех, что делались в их мастерских.

Повернувшись в сторону входной двери, Изабелла заметила в стороне, в маленькой нише небольшую канистрочку, в которой здешние жители обычно держали керосин, или, в последнее время, чаще всего бензин для освещения.

— Да-а! — задумчиво протянула Маша, медленно входя в просторный, ярко освещённый утренним солнцем подземный зал. — Это действительно похоже на Кабинет с большой заглавной буквы К!

Всё свободное пространство просторного зала было заставлено грубо сбитыми из толстых неструганых досок столами, с наваленными на них какими-то высокими стопками бумаг, кусками бересты и разномастными рулонами пергамента. Повсюду на стенах висели какие-то цветные графики и странные, непонятные чертежи.

Оба противоположных угла комнаты занимали два больших макета с чем-то непонятным, напоминающим рельеф окружающей их город местности, а между ними высились несколько узких высоких этажерок с кипами бумаг, пергаментов и бересты на полках.

Подойдя к макетам вплотную, девицы нескольких минут с растерянным видом рассматривали большой макет очевидно верховий Левобережной части речной долины Лонгары с горами, и утыкавшими всё это пространство маленькими флажками с начертанными на них какими-то мелкими, непонятными значками.

— Вот значит, чем он здесь занимался всё это время, — разглядывая макет, задумчиво проговорила Маша. — Пиз…ц! — выругалась она от полноты чувств.

— Вот тебе и Великий Озёрный Путь, — донёсся до неё тихий голос Изабеллы, рассматривающей какой-то другой макет в

противоположном углу залы. — И действительно в тысячу вёрст.

Не желаешь взглянуть? — окликнула она Машу, замершую в глубокой задумчивости у первого макета.

Похоже, мы нашли что искали, — тихо проговорила она, глядя на стоящий перед ней макет.

То, что перед ними было, действительно можно было с полным правом назвать "Великий Озёрный Путь в Тысячу Вёрст". Говоря проще, это был своеобразный дубликат водного пути всех верховий Лонгары.

На макете был охвачен огромный левобережный регион. Начинался он с запада, от речки Ключевки, на которой стоял их город Старый Ключ. С севера, представленный район ограничивался береговой кромкой реки Лонгара, в её верхнем течении от устья Каменки и до междуречного волока с Малой Лонгарой.

А с юга макет обрывался горным массивом Большого камня с обоими известными им перевалами, старым и новым, подземным.

С восточной же стороны макет простирался далеко на территорию Империи Ящеров, охватывая земли за восточным склоном гор Большого Камня и низовья русла реки Малая Лонгара, как раз от района её поворота к Югу, с местом волока, и ниже — до самых устьевых болот.

В принципе, он частично повторял первый макет, только в центральной его части была чётко выделена голубой краской новая водная система, создаваемая на базе существующих в предгорьях на большой подгорной террасе множества мелких и больших озёр и соединяющих их рек и протоков. И вот тут то, картина радикально менялась. Часть озёр исчезала совершенно, сужаясь фактически до широкого русла судоходного канала, но другая часть довольно значительно увеличивалась за счёт разлива. Вода, подпёртая большим количеством невысоких плотин по всем понижениям, в некоторых озёрах увеличивала площади оных чуть ли не в несколько десятков раз.

Но самое удивительное было то, что при весьма значительных изменениях гидрорельефа, количество труда, затрачиваемое на этот проект, было довольно умеренное. Висящие рядом с макетом на отдельно стоящих досках листы с длинными расчётами, совершенно определённо показывали подъёмность подобного предприятия даже с их незначительными, если не сказать убогими, возможностями по привлечению работников на эти территории.

Косой свет из расположенных под самым потолком четырёх больших, застеклённых окон, яркими лучами утреннего солнца освещал весь великолепно сделанный макет новой водной

системы, с отчётливо читающимися элементами планируемой системы, предельно чётко передавая окружающий будущую водную систему рельеф и планируемые сооружения.

Тут было всё. И Лонгара, одним своим, левым краем берега отмечающая границу контролируемых городом земель. И сам город, впрочем, довольно схематически представленный. И русло речки Каменка, отошедшее от стен города далеко в сторону, на которой он ранее стоял, и оставившее за собой многочисленные старицы и протоки, густо усеивающую речную долину,

Ясно было видно, что местность вокруг города для создателя макета была явно первоочередной задачей. Все земли возле города были в наиболее детальной степени проработаны и чётко отчерчены, значительно лучше чем всё остальное.

И особенно чётко это было видно по детально проработанным перекатам вдоль всего русла реки Каменка. Здесь были как ранее бывшие, так и ещё оставшиеся перекаты и мели, с мельчайшей проработкой деталей рельефа долины реки.

Всё русло Каменки от города и до самих верховий было густо испещрено какими-то значками возле каждого переката, какими-то непонятными значками и обозначениями, несущими в себе какую-то информацию, пока недоступную стоящим перед макетами женщинам.

Судя по пояснительной записке, найденной здесь же, в груде лежащих сверху документов, строительство этой водной системы диктовалась не только экономической блокадой, введённой на реке амазонками.

Даже больше того. То, что сейчас было перед ними само по себе представляло огромную ценность. По крайней мере, не затрагивая никакие другие проблемы, вроде лёгкого транспортного сообщения по воде со всем прилегающим к этой системе озёр краем, вопрос с доставкой руды и каменного угля к их металлургическому заводу по воду снимался полностью.

— Твою жеж мать, — тихо, едва слышно, раз за разом бормотала себе под нос Маша, внимательно рассматривая непонятные значки, мелким шрифтом начертанные возле первого, ещё этой весной ликвидированного ими переката у Речной Пристани. — Да они тут работы чуть ли не на сто лет вперёд распланировали. А я то дура думала, что он с бухты барахты все свои прожекты на нас вываливает. А они с Димоном вона чего удумали…

— А вот и проект по Каменке…

Внимательно рассматривая макет, Маша с Изабеллой раз за разом убеждались, насколько вся округа вдоль русла реки была местами детально проработана. Все дороги, мосты, хутора, поля,

реки и ручьи — всё было нанесено.

Это был отдельный, огромный, тщательно проработанный кусок макета, выделенный от остальной территории толстой прерывистой линией красного цвета, нанесённой прямо на макет. В правом верхнем углу с трудом читалась короткая надпись маленькими, небрежно начертанными буковками: "Транспортный речной коридор до Басанрогского перевала".

И рядом же зияли огромные пустые куски без малейших пометок.

Отдельными цветами были выделены перспективные с точки зрения разработчиков макета территории, чем-то привлёкшие их внимание. Были даже показаны отдельные источники, обозначенные отдельно стоящими флажками, густо испещрёнными непонятными значками.

Маша с горечью для себя отметила потерянные ими водочные заводы и места рядом с ними.

Здесь же, самым краем был захвачен и единственный перевал, через который город имел сообщение с Приморьем.

Единственно, что было практически никак не проработано, так это земли, расположенные на запад за левым, западным берегом Каменки в сторону других городов Левобережья. Всё здесь было плоско, невыразительно и просто замазано густым слоем какой-то грязно-зелёной субстанции, по виду похожей то ли на глину, то ли на пластилин.

Отчётливо было видно, что над макетом до последнего дня упорно работали, то и дело внося в макет всё новые и новые уточнения. Даже сейчас, местами на нём лежали маленькие кусочки пергамента, бересты или обрывки бумажек с какими-то непонятными значками. А отдельные места на макете были даже выделены прикреплёнными к поверхности толстыми, разноцветными нитками, ограничивающими зону будущих изменений.

Это была большая, серьёзная работа, делаемая на перспективу и с дальним прицелом. Она позволяла любому, только взглянувшему на макет, получить довольно чёткое, ясное представление о процессах, происходящих на прилегающих к городу территориях.

— О! — тихо подошедшая к ним Лия, ткнула пальчиком в какой-то маленький домик, стоящий на макете. — А вот этот домик я вырезала. Его Димон амбаром почему-то называл не смотря на размер. А вон ту крепость, что у реки, Рвица, кажется, это Лая резала.

— А я то всё думала, зачем ему эти фигурки? А он в солдатики, оказывается не наигрался, — насмешливо фыркнула

она. — Верно девчонки говорят, что парни вечные мальчишки, им бы только в солдатики играть.

— Так это значит, вы вырезали, — Изабелла, бросив на амазонку внимательный, оценивающий взгляд, кивнула на стоящие перед ними отдельные детали сооружений для макета.

— Я и Лая. Мы обе старались. Только Димон был вечно недоволен, что мы мало делаем, постоянно просил ещё впрок наделать. Ругался что слишком тщательно вырезаем фигурки в ущерб количеству. Всё ему надо было побольше да побыстрей. А мы так не можем. Мы плохо не работаем.

— Хорошо, что вспомнили, — довольно кивнула Лия головой. — А то за этими нашими проблемами, мы совсем забыли о его просьбе.

— А он что, ещё что-то просил сделать? — повернулась к ним Маша, бросив на Изабеллу короткий предостерегающий взгляд.

— Ну да, — кивнула та головой с безмятежным видом. — Он даже говорил, что список составил. Однако почему-то никому ничего не вручил. Так что мы даже не знаем, что надо делать.

Ну, — пожала она плечами, — сделаем что-нибудь, пусть будет.

— Наверное, вот этот.

Маша с задумчивым видом подняла какой-то листок, лежащий у края макета и внимательно вчиталась в написанное.

— Список. Для девочек.

Лодьи, дома, амбары, крепости, в скобках стены, башни, рельсы, конка… Экскаватор?

Что? — растерянно посмотрела она на девочек. — Он вас что, просил сделать экскаватор?

— А что такого? — удивлённо посмотрела на неё Лая. — Димочка сделал нам три образца, по образу и подобию которых просил сделать ещё по парочке.

— Хорошо что напомнили, — пробормотала она озабоченно. — Совсем из головы вылетело с этими проклятыми вдовами и дурацким мятежом. Там столько работы, столько работы, а Димочка ругаться будет если не сделаем к его возвращению.

— Три образца? — тупо переспросила Маша. — Зачем три?

— Ну как же, — обернулась в её сторону другая амазонка, Лия. — С прямой лопатой, с обратной и драглайн.

— Пипец, — закатила глаза к потолку Маша. — Аборигены местные знают что такое экскаватор-драглайн. Я не знаю, а они знают. Пипец!

А ещё о чём у вас с ними была речь? — совсем слабым, умирающим голосом вяло полюбопытствовала Маша, нервно

обмахиваясь листочком в руке. — Он вас межконтинентальную баллистическую ракету вырезать не просил? Действующий образец?

— А это что? — с искренним любопытством в глазах уставились на неё двойняшки.

— Короче, — вскипела Маша. Чистые наивные глаза амазонок так и напрашивались на хорошую оплеуху. — Что он ещё вас просил вырезать?

— Ещё люди, ящеры, лошади, деревья и прочая, прочая, прочая, — негромко проговорила Изабелла, протягивая ещё какой-то листок Маше.

Бросив на него короткий, мимолётный взгляд, Маша протянула Лие оба листа и негромко заметила:

— Полагаю, вы должны немедленно приступить к изготовлению всего здесь перечисленного. Думаю, оно скоро нам понадобится. Ещё учтите, что проставленное в списке количество, надо бы сразу увеличить в пять раз. Даже то, что представлено на макете явно недостаточно.

И было бы хорошо, если бы ко времени, когда оно понадобится, всё уже стояло готовое, а не надо было бы ждать, пока вы что-то доделаете. У вас получается всё довольно неплохо, так что давайте приступайте.

Немедленно! — холодным, деловым тоном резко приказала она.

— А ничего, если мы подруг привлечём? — настороженно посмотрев на Машу, осторожно поинтересовалась Лия. — У нас тут есть несколько мастеров резчиков знакомых. У них гораздо быстрее и лучше получится, чем у нас. Они у нас в казарме раньше часто резчиками на поделках подрабатывали.

— Привлекайте, — согласно кивнула головой Маша, бросив на Изабеллу вопросительный взгляд. — Обязательно привлекайте. И сразу предупредите что работа надолго им будет обеспечена.

— Но только чтобы об этой комнате и о том что здесь находится никто ничего не знал, — довольно резко заметила Белла. — И чтобы во все помещения этого пещерного комплекса, доступ посторонним был закрыт. Раз и навсегда. Всем, без исключения.

Если кто здесь сейчас вместе с вами живёт — выселить в дальние пещеры на другом краю долины.

Никто, кроме вас двоих, нас и профессора с Корнеем сюда доступа с этого дня не имеет. Запомните это! О любых попытках проникновения докладывать немедленно. Немедленно! — подчеркнула Белла, внимательно посмотрев прямо в глаза Лии,

своими серьёзными, строгими глазами. — Надеюсь, это понятно, — тихо добавила она. — Секретность должна быть абсолютной.

Здесь чтобы не было никого, — тихо, чётко, внятно выговаривая слова, повторила она.

А сейчас девочки, оставьте нас. Нам надо будет здесь ещё серьёзно поработать. Возвращайтесь к исполнению своих обязанностей. Как закончим, мы к вам подойдём.

И ещё, — неожиданно резкий, холодный голос Беллы остановил девчонок в дверях.

Подберите несколько знакомых девчат, из тех кого вы знаете и на кого можно положиться. Будем на базе вашей долины формировать особую сотню. Особая сотня, особые цели, особые задачи. Особое, много выше других содержание.

Маша покосилась на деловитую Беллу. Та словно читала её мысли. Это было хорошо, значит скандалом между ними не будет.

— Подбирать только тех за кем никто не стоит, — сухим, деловым тоном наставляла меж тем амазонок Белла. — Без корней, без родственников, без долгов, без обязательств и без связей в Амазонии у себя дома. Сирот желательно.

Разговор пока предварительный. С кандидатками желательно заранее переговорить. Но так, ни о чём, вскользь. Ничего не обещая. Сразу предупреждаю, проверять кандидатов будем серьёзно, вплоть до седьмого колена. Идите!

Дождавшись, когда за вышедшими амазонками закроется дверь, Маша с Изабеллой молча переглянулись и сразу же углубились в дальнейшее исследование того, что они неожиданно обнаружили.

Первое, с чего они решили начать, это с детального осмотра самого помещения. До этого, захваченные необычностью ситуации и множеством открывшихся любопытных вещей, они как-то не обращали на окружающее внимание. Но теперь, когда схлынул первый восторг, и притупились самые яркие первые впечатления, они смогли сосредоточиться на последовательном, внимательном осмотре комнаты.

Первое же на что они обратили внимание, был просторный, высокий подиум, в самом дальнем от входной двери углу. Да и мудрено его было сразу заметить. Со стороны двери его заслонял высокий платяной шкаф и какая-то фигурная этажерка, заставленная множеством непонятных, вырезанных из дерева фигурок.

Возвышаясь чуть ли не до низкого в этом месте потолка, как раз между макетами, она полностью перекрывала вид в тот угол

со стороны входной двери. Только специально заглянув за неё, Маша с Изабеллой с удивлением обнаружили с тыльной стороны широкий и просторный деревянный подиум в углу. Он был весь по краю обставлен самодельной, грубо сработанной, неказистой на вид, но какой-то уютно удобной мебелью.

Там же, с краю, под широким и низким окном, стоял массивный, грубый на вид, широкий рабочий стол, сидя за которым из низко расположенного окна можно было наблюдать великолепный вид на далёкую реку Каменку и леса, синеющие вдали на горизонте.

Попытавшись определиться с местом выхода окна наружу, ни Маша, ни Изабелла, так ничего и не смогли сразу определить, настолько снаружи всё было тщательно замаскировано растущими прямо под окном кустарником и деревьями, да и местность отсюда, сверху из окна, им представлялась совершенно незнакомой. К тому же сейчас окно с наружной стороны было прикрыто щелевыми деревянными жалюзями, не позволявшими не только заметить блеск стёкол со стороны, но и не дающими возможности изнутри свободно любоваться ландшафтом.

Сквозь голые ветви произрастающего прямо перед окном дерева разглядеть с наружной стороны окно было весьма и весьма проблематично. А скорее всего просто невозможно. Наверняка летом листья скрывали стекло.

И тут Маша заметила странный буроватый налёт на стекле.

— Защитный маскировочный окрас, — растерянно вспомнила Маша.

Что-то такое делал когда-то давно профессор. Она слышала краем уха, а потом вылетело из головы. Тогда ей этого было не надо. Сейчас ж всё вдруг поменялось.

Если только представить, как это всё выглядело с наружи, то маскировка должна была быть просто великолепной. К тому же, становилось ясно, что расположено окно было где-то на высоком, обрывистом откосе, по всей видимости, на том самом знаменитом скальном обрыве, ограничивающим долину со стороны реки. По крайней мере, если судить по тому, что они видели сквозь щели ставней, это так и было.

— Вот, значит, где он ночевал.

— Что? — повернулась к Изабелле Маша.

Изабелла медленно подошла к широким нарам, стоящим в дальнем от окна углу, застеленным сверху каким-то кожушком, и медленно провела ладонью по бело-синему, полосатому матрасу, набитому какой-то душистой травой, распространяющей по всей пещере лёгкий аромат летнего сеновала.

Маша только сейчас поняла чем же так тут хорошо пахло, что

она отметила как только они зашли в подземный зал.

Молча, постояв рядом с нарами, Белла со странно задумчивым видом приподняла кожушок двумя пальчиками и негромко, чуть слышно проговорила.

— А я то всё думала, куда он пропал, кожушок этот. Думала, какой-то своей ляльке его сволок, — посмотрела она на молча стоящую рядом Машу. — Вот, значит, где его надо было искать, когда он домой не приходил.

— Да, — задумчиво протянула Маша, с недовольным видом окидывая подиум внимательным, ищущим взглядом, — видать частенько он тут ночевал, частенько.

Остановив взгляд на валяющейся на столе большой глиняной тарелке с заплесневевшим, надкусанным бутербродом, и на двух свисающих с высокого потолка на кованых крючьях больших, бензиновых лампах, как раз по краям рабочего стола, она с недовольным видом проворчала:

— Вот это место действительно похоже на рабочий кабинет Сидора. Узнаю его дурацкую манеру допоздна работать и жрать на рабочем месте. Или ещё эту его привычку забиться куда-нибудь в угол, чтоб никто не видел и не слышал, и работать, работать, работать. Ильич, блин, на чердаке в Разливе, — тихо выругалась Маша. — Так и сидит, что-то постоянно высчитывая. Ульянов, блин Ленин недоделанный, — сердито проворчала она.

— Значит, здесь и будем искать нужные бумаги, — негромко заметила она, внимательно перебирая лежащие на столе пергаменты.

Перебрав все листы на столе, она переключилась на валяющиеся у ножки стола толстые, грубо переплетённые тома каких-то бумаг. Положив их на стол, углубилась в изучение лежащего перед ней чтива.

Пока Маша внимательно изучала лежащие перед ней бумаги, периодически отвлекаясь на разбросанные по столу листы с незнакомыми чертежами, Изабелла, какая-то рассеянная и молчаливая, медленно ходила по подиуму, с задумчивым видом перебирая разбросанные по всем углам подиума листы пергамента, карты каких-то местностей и непонятные чертежи.

— Да, — негромко, так что её почти не было слышно, заметила Маша. — Это то, что нам нужно. То, что мы искали.

Это копии с моих закладных из банка, — медленно проговорила она, подымая перед собой кусок какой-то бересты — Ишь, шельма, — хмыкнула она пожав плечами, — даже печатями банка заверил. А я ведь и забыла что сама же ему когда то их и подготавливала.

Ба-а-а, — медленно протянула Маша. — Да тут подписи

господина Кидалова? Не хренась себе? — удивилась она. — Да это же юридический документ тогда получается. И нахрена он ему сдался?

Да-а-а, — медленно протянула она, окидывая взглядом кипу бумаг, бересты и каких-то кож, разбросанные вокруг. — Ничего не понимаю.

Придётся нам с тобой Белла здесь хорошенько посидеть. Слишком всего тут много, сразу не разберёшься. Но сколько ж здесь много всего, — пробормотала она. — Непонятно, чего это он столько внимания уделял нашим закладным. Странно это…

— Вот куда стремились вдовы.

— Что? — заторможено повернулась в сторону Изабеллы Маша. — Какие вдовы?

— Волчьи вдовы с островов, — холодным, буквально ледяным голосом уточнила Белла. Глаза её как-то нехорошо блеснули.

— Глянь! — ткнула она пальчиком куда-то в сторону окна.

— Что? — непонимающе уставилась на окно Маша.

— Валун, — непонятно пояснила Белла. — Валун, которым пытались разбить бронестекло с наружной стороны.

Маша неверяще смотрела на то, на что с самого начала должна была обратить внимание. Прямо перед стеклом, за окном перед которым стоял заваленный бумагами стол Сидора, лежал большой, круглый камень. Прямо по центру большого оконного стекла виднелся слабо видный след от удара, вокруг которого разбегались кольцами следы от треснувшего стекла.

— Хорошо кто-то врезал, — неверяще уставилась на окно Маша. — От души.

— Та самая, последняя вдова, перед тем как сбежать в город, — со знанием дела пояснила Белла. — Одна отвлекала наше внимание дракой в пещере, жертвуя собой, а эта, последняя, попыталась разбить камнем стекло, чтобы под шумок драки проникнуть в этот зал. А как только поняла, что невозможно — сбежала в город.

Вот тебе и объяснение тому, чего их так тянуло сюда в пещеры — им нужна была не карта ваших пещер, а информация с этого макета. Наверняка здесь много чего интересного есть. Карта же была отвлекающим моментом.

Что? Что же их так заинтересовало?

Что может заинтересовать волчьих вдов, что они пойдут на мятеж, — задумчиво бормотала себе под нос Белла. — Сразу, не раздумывая и не откладывая? Боясь упустить время?

Золото, — хмуро бросила Маша.

Пока Белла рассуждала сама с собой, она постепенно пришла в себя и теперь мрачно разглядывала макет.

— Где-то здесь на озёрах должно быть золото. Я помню. В закладных, внесённых городскими властями как часть уставного капитала, указаны были золотые рудники, расположенные как раз где-то в тех краях. То ли три, то ли четыре рудника. И ещё россыпи, золотые россыпи на какой-то горной речке. Это же бывшие человеческие земли, покинутые людьми под натиском ящеров. Земли покинули, а закладные остались.

Значит, Сидор всё это тут проектировал, разбирал, а Димон, соответственно, макеты строил. И проверяли банковские закладные выходит? И на свой макет они наносили всё, чем можно в тех краях поживиться, — задумчиво потеребив пальчиком кончик носа, сделала она глубокомысленный вывод. — Вот жеж два мерзавца, — с искренним восхищением покачала она головой. — И ведь как затаились, как затаились. Даже девочки Димкины ничего об этом не знали.

— Девочки не знали, а волчьи вдовы разнюхали, — негромко возразила ей Белла.

— Конспираторы фиговы, — недовольно буркнула Маша. — Ничего толком сделать не могут.

Белла удивлённо покосилась на возбуждённую Машу. Как-то та странно, нелогично рассуждала. В конце концов, волчьи вдовы были профессионалы шпионажа. И знать подобное — их прямая обязанность.

— Но макеты хороши, — подняв от бумаг голову, и бросив на макет ещё один, более внимательный взгляд, Маша восхищённо покрутила головой. — Всё словно на ладони видно. Даже объяснять ничего не надо.

Спустившись по широкой, пологой лестнице обратно на нижний уровень, они подошли ко второму макету, показывающему будущий проект, и замерли перед ним в задумчивости.

— Действительно "Великий Озёрный Путь" — тихо проговорила Маша, внимательно рассматривая стоящий перед ними макет. — Только насчёт тысячи вёрст это он загнул, — пробормотала она, внимательно присматриваясь к шкале масштаба, прикреплённой в задней стороне макета.

Но, вёрст шестьсот, восемьсот наверняка будет, — вопросительно посмотрела она на задумчиво разглядывающий макет Изабеллу. — А может и больше, — с сомнением всё же уточнила она.

Не дождавшись от Изабеллы никакого отклика, она снова принялась тихо бормотать что-то себе под нос, нервно выстукивая пальцами какой-то разухабистый мотивчик по краю макета.

— Тэк-с! — тихо протянула она. — Местность восточнее и

севернее города проработана значительно более подробно, чем запад, но тоже недостаточно. Надо будет поправить.

Углубившись в изучение макета, она, внимательно рассматривая его, делала Изабелле постоянные пояснения и уточнения по ходу дела, не обращая внимания на то, что та практически её не слушала, углубившись в какие-то свои мысли:

— Вот что тут наиболее полно проработано, так это земли к югу от города. Жаль только отдельными, хорошо нам знакомыми полосами. Что это тут у нас? — Маша задумчиво почесала кончик носа. — Полоса леса вдоль построенных нами дорог, более детально исследованное русло реки Каменки, да маленький кусочек гор, примыкающий к нашему новому перевалу. Болото с ягодником и тамошним новым хуторком. Крепость его каменная, в предгорьях. Дорога, — задумчиво бормотала она. — Даже дорога есть. Хм?

Ещё что-то непонятное… Не густо, — снова задумчиво потеребила она пальчиком кончик носа. — С рельефом ещё работать и работать. Даже речки не все полностью показаны.

Где же конечный сток из его межозёрной системы? У сталелитейного, что ли? — высоко задрала она бровь с удивлением.

Ну не фига себе баян. Да у него тут место под мини ГЭС оказывается предусмотрено.

Так вот чего Васька орал про электричество-то, — чуть было матом не выругалась Маша. — Ну, конспираторы, блин! Пока мы там в городе клювом щёлкаем, они себе ГЭС маленькую забубенить вздумали. А мы? Мы что, рыжие? Нам что, лампочки Ильича не надо, что ли? — сердито проворчала она.

Но, как же всё оно ещё сыро, не проработано, — тихо пробормотала она, рассматривая куски какой-то бумаги с непонятными обозначениями, прикреплённой к этим, выделенным ею местам. — Здесь работать и работать…

Было похоже, что всё, что находилось дальше, за этими малоизвестными, схематично отражёнными местами, разработчикам макета было неизвестно или на данный момент неинтересно. Только чуть в стороне, с того края стоял большой, дополнительный стол с наваленными на нём глыбами окаменелой глины и кое-как обозначенными вершинами каких-то гор.

На этом новом столе кто-то пытался отдельно воспроизвести их заново открытый перевал, но было видно, что работа была брошена в самом начале.

— Да-а, здесь надо работать и работать, — задумчиво повторила Маша, расстроено покачав головой. — И это

правильно, что ты девочек посадила за выполнение разных, как они считают, игрушек. Нам амбары всякие, домики и лодьи, совсем не помешают. Вот куда бы я лодью поставила, — ткнула она пальчиком в какое-то место на макете, совсем рядом со схематично обозначенным металлургическим заводом, выделяющимся на макете своими двумя большими, коряво сделанными плавильными домнами. — Вот сюда, где явно пристань напрашивается.

А у Сидра, однако, и размах, — задумчиво покачала Маша головой, рассматривая несколько странных формочек, стоящих возле их завода и по виду очень похожих на те доменные печи, в которых варили чугун. — С таким размахом мы металлом весь город завалим. Да что там город, всё Приморье.

Но куда? Куда ему столько? Ведь не собрался же он на самом деле торговать одним чугуном. Куда он денет столько металла?

И Васька этот со второй домной? — тихо пробормотала она себе под нос. — Не понимаю, не понимаю. Они что, действительно собрались строить экскаваторный завод. Совсем с ума съехали что ли, — растерялась она.

А это что? — замерла она возле макета соляным столбом. — Пашина шахта? Серебряная? — брови Маши уверенно поползли вверх. — Совсем рядом с его водной системой? Бог мой!

Но ишь ты! Замаскировал то как! — восхищённо покрутила она головой. — И не догадаться, если не знать. Глянь! — махнула она рукой Изабелле, показывая на макет. — можешь полюбоваться. Та самая Пашина серебряная шахта, продукция которой так тебя впечатлила в литейке на железодельном заводе. Вишь на флажке значок — аргентум и имя — Паша.

Он что, совсем дурак, этот Сидор. Здесь же кругом полно землян. Они этот значок мигом расколют.

О? — пришла она в сильнейшее возбуждение. — Каналы. Натуральные каналы под баржи. Вишь как ловко доставку организовали, — восхищённо помотала она головой. — Всё! Теперь оттуда можно баржами таскать серебряную руду и не напрягаться. А про идею с вьючными лошадьми можно спокойно забыть.

Это какая же экономия то выходит, — восхищённо воскликнула она.

И доставка действительно плёвая, — окинула она взглядом весь путь по цепочке озёр, тянущейся вдоль предгорий от значительно увеличившегося в размерах бывшего небольшого озерца возле литейного завода и до самых дальних мест предполагаемой добычи железной и серебряных руд, включая сюда же и каменный уголь. — Хоть я в этом деле ничего и не

понимаю, но по воде, оно действительно должно быть сущие копейки.

Только давай мы сразу внесём сюда кое-какие изменения, — тихо пробормотала она себе под нос. — Вот этот значок серебра, аргентум, уберём отсюда к такой-то матери. — Маша лизнув кончик мизинца старательно замазывала чернила на флажке. — Не стоит привлекать чужого внимания. Мы знаем, а другим ни к чему.

Нет, — решительным движением выдернула она флажок из макета. — Нахрен. Ничего здесь нет, никто ничего не знает, — Маша осторожно затерев след от ножки флажка на макете, аккуратно опустила флажок с мелкими надписями себе в карман юбки. — Вот так лучше всего будет. Никто, ничего не знает.

А это ещё что? — удивлённо склонилась она ещё ниже над макетом.

Да это же лагеря наших пленных амазонок, — растерянно протянула она, внимательно вглядываясь в макет. — Тех, что у нас остались после мятежа, и с которыми мы до сих пор не знаем толком что делать. Вот же стервец, — неожиданно восхищённо покрутила она головой.

Повернувшись к Изабелле, она с отчётливо различимой смешинкой в глазах посмотрела на неё и, улыбнувшись, спросила, кивая на макет:

— Ничего не замечаешь?

Бросив на Машу недоумённый взгляд, Изабелла более внимательно присмотрелась к макету, и у неё от удивления медленно поползли брови вверх.

— Это что же, — возмущённо повернулась она к Маше. — Он из Приморья нами управляет, а мы даже не понимаем, что происходит?

— Ловкач, — невесело хмыкнула Маша. — Ох, ловкач. А я то всё никак не могла взять в толк, почему он в своём последнем письме так жёстко и упорно настаивает именно на этих местах расположения лагерей и ни на каких других. Откуда он так детально знает места и так подробно описывает где их следует расположить. Почему, прям так детально прописывал где, чего и сколько. А оно вона что!

— Нет, — тихо протянула она. — Теперь тебе Белла, точно надо собираться и немедленно ехать в те места. Пока ты ещё не на слишком больших сроках, — кивнула она на видимо обозначившийся уже живот Беллы. — Нравится, не нравится, а именно тебе надо на месте проверить что там и как. Кроме тебя с амазонками разобраться некому.

Маша с Изабеллой, стоя перед макетом водной системы,

только теперь начали постепенно понимать, что программа строительства Великого Озёрного пути уже давно реализуется, хоть они, принимая в этом деле самое активное участие, как оказалось, даже о своей собственной роли совершенно не догадывались.

На макете озёрной системы прекрасно были видны места расположения лагерей строителей, занятые ныне тайными лагерями пленных амазонок, которые должны были заниматься расчисткой трассы под будущие каналы и затапливаемые участки озёр.

Личная поездка в те места становилась неизбежной.

Глава 11 Далеко в предгорьях Большого Камня

Зима на безымянном озере. *

То что с этим островом посреди безымянного озера в глухих предгорьях Большого Камня не всё так просто, полностью подтвердилось, как только последняя лодья последнего прибывшего перед зимой каравана с разнообразным имуществом и оружием, отчалила от хлипких жердяных мостков, по какому-то недоразумению названных здесь пристанью. И бывшая сотница окончательно поняла что четыре сотни человек теперь уж окончательно остались на острове одни, на всю зиму. Одни, посреди студёной воды на каком-то безымянном озере в предгорьях, в самом сердце земель подгорных ящеров.

Боже, какая же она была тогда дура, когда думала что для них на том всё кончилось, и теперь они наконец-то обретут свободу и выберутся отсюда, с этого дикого, затерянного в предгорьях Большого Камня одинокого острова посреди безымянного озера. Какая слепая, тупая наивность. Какое недомыслие. Ведь были же, были у неё мысли что всё это не просто так, что пленившие их таким подлым образом люди, с помощью какой-то мерзкой химии, ещё чего-нибудь придумают, не менее мерзкое. Хватило же у них мозгов на сонный газ. Что никто просто так их не отпустит и что никто, никогда, никому за просто так оружие возвращать не будет.

Какая же она была тогда дура, что хоть на секунду поверила в благородство этих чудовищ, по ошибке называемых людьми.

Утешением служило лишь то, что она была не одна такая, и что не только лично её обманула та видимая забота и доброта, проявленная врачами ящеров к раненым. Какая наивность. Им нужны были здоровые рабочие руки и ничего более. И все лекарства, все эти редкие, жутко дорогущие лекарства, к которым обычному человеку и подступиться то страшно было из-за их безумно высокой цены, им придётся потом отрабатывать. Всем вместе, всё до последней монетки.

"Хорошо хоть какая-то появилась определённость, — поморщилась старая сотница своим мрачным мыслям. — Пять лет. Ровно столько, сколько им надо, чтобы на этой мелкой рыбёшке отработать словно из воздуха появившийся долг".

"Ничего, — мстительно подумала она. — Пять лет быстро

пролетит, и если останусь к тому времени жива, я ещё сюда вернусь, расплатиться по долгам. За всё! И за эту рыбу, и за наш погибший легион".

Рука пленной привычно скользнула к лежащему рядом у ноги цепу. Длинная, крепкая трёхметровая деревянная рукоять с тяжёлой, метровой металлической болванкой на конце, соединённой с рукоятью толстой металлической цепью, привычно легла в руку. Цеп! Старый, хорошо знакомый крестьянский цеп, удачно модернизированный и приспособленный под изменившиеся нужды. Страшное оружие на трёхаршинной дистанции и прекрасный инструмент для колки льда. Женщина и сама не заметила насколько привычно он лёг в её руку.

Сегодня был её черёд ежевечернего обхода и колотья наледи. Широкая, незамерзающая полынья у внешнего подножия трёхметровой высоты ледяного вала, по периметру охватывающая их, как теперь оказалось чудовищно большой остров, требовала постоянного внимания.

Слишком длинный для оставшихся в живых амазонок был охраняемый периметр. Слишком длинный. Людей для надёжной охраны и перекрытия мест всех возможных лозеек не хватало и они каждую ночь несли потери. Каждую ночь сквозь щели слишком редкой цепи часовых в лагерь незаметно пробирались подгорные людоеды, и на утро они кого-нибудь обязательно не досчитывались.

По началу это были мечущиеся в безпамятстве тяжелораненые, тихо умыкнутые и не могущие оказать сопротивления. Потом, уснувшие на посту слишком переутомившиеся за день часовые, не сумевшие перебороть дрёму, и за то поплатившиеся своей жизнью. Теперь это были те, кто за это время сумел всё-таки выжить и понял, что если они хотят вернуться домой, спать на посту нельзя. Ни ночью, ни днём. Как нельзя и не заметить осторожно перебирающегося через регулярно замёрзающую под утро полынью подгорного людоеда.

Спасало пока лишь то, что за раз, за длинную зимнюю ночь перебраться через широкую полынью много людоедов не могло. А днём они нападать опасались, слишком хорошо амазонки выучились последнее время стрелять. И раньше это делать неплохо умели, а последнее время когда вопрос меткой трельбы перешёл в разряд выживания, так вообще стрелять стали можно сказать великолепно. Тех, кто не умел или стрелял медленно и неточно — давно уже съели людоеды.

Малая, слабая надежда на возможность выжить.

А раз так, то и большое нападение, сразу разорившее бы весь лагерь, им больше не грозило.

Впрочем, у неё уже окончательно сформировалась твёрдая уверенность что ослабший последнее время напор подгорных людоедов никак не связан с меткостью их луков. Захотели б — задавили бы числом, не считаясь ни с чем. Нет. Последнее время она окрепла в твёрдой уверенности что их лагерь на острове служит ящерам своего рода тренировочным полигоном, на котором они оттачивают своё мастерство и умение воевать с амазонками. Зачем им это было надо, было непонятно, ведь у Амазонии с подгорными ящерами вроде бы как мир и дружба. Но от таких мыслей её до костей пробирал смертный озноб.

И поняв это, она уже окончательно утвердилась в мысли — подгорные людоеды теперь рассматривали их лагерь, как своего рода дарованные им свыше живые мясные консервы, которые из-за свирепствовавшего в этих краях голода, и из-за ограниченности данного ресурса, следовало расходовать экономно.

Только поэтому их ещё до сих пор всех и не съели.

Вот теперь ей уже не казалось оставленного осенью оружия много. Теперь его постоянно не хватало. И самый большой дефицит были стрелы, которые постоянно приходилось экономить, осторожно выбираясь за охраняемый периметр и вырезая стрелы из тел нападавших. Хорошего дерева, идущего на стрелы, на острове не было, да и как не осторожничай, а всё одно они ломаются. Поэтому стрелы были только у самых метких.

Рыбные обозы, доставлявщие к ним сюда продукты и самое главное стрелы, давно уже ими всеми воспринимались как своего рода недолгая отсрочка от смерти. Потому что слишком мало они привозили стрел. Слишком мало. Будь больше, им бы не пришлось экономить каждый выстрел, подпуская плохо видимые на белом снегу укрытые белыми маскировочными халатами фигуры подгорных ящеров слишком близко, с постоянной, с каждым днём всё увеличивающейся угрозой прорыва больших групп людоедов внутрь лагеря.

"Хорошо что практически все раненые уверенно пошли на поправку. Будет теперь кому им помочь, — вернулась она мыслями опять к предмету своих постоянных мыслей за последнее время. — Но как же медленно, как медленно. Как нехватает людей".

Тот кто на сегодняшний день уверенно не повернул на выздоровление, давно уже переселился на местный погост, сто с лишним крестов которого каждый день напоминали им всем об их будущей судьбе, если они хоть на секунду будут не внимательны. Не под каждым из них покоилось тело. Даже мороженым мясом мёртвых эти твари не брезговали.

"Завтра хороший день. Спокойный, — опять вернулась она мыслями к приходу продовольственного обоза. — Завтра приходит обоз. Значит сегодня вечером следует ожидать более упорного ночного нападения. Подгорные людоеды до судорог боятся арбалетов приезжающих егерей. Те слишком хорошо для местных племён стреляют, и в отличие от амазонок, никогда не экономят арбалетные болты, мгновенно всаживая его в любую подозрительную кочку. Поэтому минимум неделю, пока обоз будет находиться здесь, нападений не будет. А значит будет голод в ближних селениях людоедов. Поэтому, они постараются напасть сегодня ночью".

С тяжёлым вздохом амазонка поднялась и двинулась к ступеням, ведущим на верх ледяного вала, где её терпеливо ждала сегодняшняя смена. Оттуда надо было с помощью длинных помочей осторожно спуститься вниз, к подножию обрывистого ледяного склона, и пока светло обойти весь выделенный им участок, где аккуратно, без остатка разбить наросший за сегодняшний день лёд. Только чистая вода, на которой хорошо были видны белые фигуры переползающих по перекинутым брёвнам на их сторону людоедов, пока их спасала, и давала надежду всё-таки выжить. И это был единственный момент, когда ящеров можно было спокойно перебить до того, как они кинутся на часовых. Слишком хорошо людоеды умели маскироваться на снегу.

На беду, обоз задержался, и ночь перед его приходом на всю жизнь запомнилась старой амазонке. Никогда ни до, ни после не было такого упорства со стороны подгорных ящеров, стремившихся прорваться в лагерь за ледяной вал. К их телам, к их мясу, а значит и к их жизни. Даже вставшее средь тяжёлых зимних облаков низкое зимнее солнце, серым, невыразительным рассветом осветившее место побоища, не остановило нападавших.

Лишь подоспевшая к полудню помощь от близкого уже обоза, по наитию высланная вперёд начальником обоза, чтоб заранее подготовить временный разборный мост для переправы через полынью, спасла их всех от полного уничтожения. Схватки шли уже внутри последнего обороняемого периметра и лишь егеря, растрелявшие из своих великолепных арбалетов в спины всех нападавших, позволили им в этот раз выжить.

Из четырёхсот бывших на острове первоначально, к прибытию обоза в живых осталось не более двухсот. Все поголовно раненые. Больше ни о каком существовании этого лагеря пленных, занимавшихся зимним подлёдным ловом рыбы на озере не могло быть и речи. Их осталось слишком мало, чтобы оставаться на старом месте и везти прежний образ жизни: ловить рыбу,

сортировать её, замораживать в компактные пудовые брикеты и паковать их в большие плетёные короба, и с каждым дежурным обозом отправлять в бездонные коптильни пленившей их компании из Старого Ключа.

Теперь амазонок было слишком мало для того чтобы даже просто ловить рыбу на этом озере. Мало даже для того, чтобы хотя бы просто выжить в этих местах. Безумный эксперимент захвативших их в плен людей провалился. Лагерь следовало сворачивать. Если только их пленители не собирались их всех окончательно уничтожить руками людоедов.

Но все её надежды развеялись как дым, как только она увидела кто пришёл начальником этого каравана. Баронесса Изабелла де Вехтор, толстая тварь, собственной персоной. Сама беременная, но не усидевшая дома и соблаговолившая лично осмотреть и проверить условия в которых содержались её персональные пленные. Лично ответственная за то, что тут последнее время происходило. За все эти смерти, за гибедь чуть ли не половины всех здешних пленных в постоянных, изматывающих ночных атаках, от которых даже днём им порой не было ни покою, ни отдыха.

Но то с чем и с кем она прибыла с лихвой перекрыло ту ненависть, жарким пламенем полыхнувшую в первый момент в душе амазонки. Вспыхнувшую и тут же погашенную рассказами прибывших вместе с ней их товарок.

Оказалось не погиб полностью в набеге на Старый Ключ их легион. Оказалось многие выжили, отравленные как и они сонным газом, и теперь также как и они отрабатывающие поставками рыбы навязанные им долги здесь, рядом, на соседних озёрах. Но в отличие от них намного более легко справившиеся со своими проблемами первоначального обустройства на месте и защиты своего лагеря. За счёт того что там, в тех лагерях с самого начала не было так много раненых. Успешно справившиеся с трудностями первого периода и теперь спешащие им на помощь.

"Завтра! Завтра придёт первая сотня. Моя сотня, — в душе старой амазонки расплылось горячее тепло. — Не все погибли оказывается. Её первая сотня пятой дружины Речного легиона, командиром которой она была безсменно последние десять лет и которая, как она думала полностью сгорела сонная в пламени загоревшейся лодьи, оказывается выжила. Пусть не вся, пусть кто-то погиб, задохнувшись в трюме, или утонул, свалившись сонным в стылые воды залива, но завтра я увижу многих из своих девчат".

По рассказам пришедших с обозом амазонок. Когда она без чувств свалилась на палубу, отравленная сонными газами, оказывается у многих из вылезших из трюма амазонок ещё

хватило сил, чтобы в последний момент загасить занявшуюся от разлившейся нефти палубу, и лишь потом провалиться в безпамятство. Только это их всех тогда и спасло, а не та дурная сказочка, рассказанная им после пробуждения местными егерями и ящерами, о которой теперь даже вспоминать не хотелось, до чего было мерзко и противно на душе.

Как же их провели. Чтоб с места не рыпались и не искали своих по окрестным лесам. А оказывается они все были здесь, рядом, кто в двух, кто в трёх, а кто и в одном дневном переходе от их острова. Так же как и они добывая озёрную рыбу и выживая в агрессивной среде людоедов. И завтра они придут. Сюда, им на помощь".

"Чтобы и дальше ловить и поставлять в их коптильни выловленную нами редкую, деликатесную рыбу. Этот сниток и эту озёрную деликатесную сельдь я на всю жизнь запомню", — горько подумалось ей.

Остров. Вечер. Надежда умирает последней.*

Вот кого она меньше всего ожидала увидеть на следующий день после прихода обещаной сотни, была Кара, её старая, закадычная подруга.

— Игрена. Игрена Молчаливая, старая кляча, — пряча счастливую улыбку, демонстративно сердито проворчала она, только увидев идущую к ней погибщую казалось чуть ли не пол года назад старую, боевую подругу. — Как услышала что где-то на озёрах есть молчаливая старая грымза, которую все безпрекословно слушаются, так сразу поняла что это ты. Больше некому. Жива, как я посмотрю, — криво ухмыльнулась она.

— А нам сказали что вас всех того, — амазонка сделал характерную отмашку поперёк горла. — Навроде тех рыцарей с Девичьего поля, всех вырезали.

— Где ты пряталась, подруга?

— Потом расскажу, — сдавленным голосом пробормотала Кара, крепко обнимая старую боевую подругу. Переполненная чувств, говорить она как и Игрена не могла. — Чуть позже, — посмотрела она ей прямо в глаза, словно на что-то намекая.

— Ну, позже, так позже, — проворчала Игрена. — А сейчас пойдём отметим твоё счастливое появление. Как я понимаю, это тебя прислали сюда нас спасать. Это хорошо, — уж не сдерживаясь, расплылась она в счастливой, радостной улыбке. — Значит, жить будем. А то мы уж тут собрались помирать, до чего нас местные людоеды достали. Никогда не думала, что эти твари

могут быть такими упорными. Сколько ни били, сколько ни стреляли. а они всё лезут и лезут, лезут и лезут. Прям, мистика какая-то.

— Жить будешь, — расплылась Кара в ответной улыбке. — Только никакой мистики. Жрать хотят, вот и лезут. У нас тоже самое. Было, — чуть с запинкой добавила она.

— Но ты извини, мне пока не до отмечаний. Надо разгрузиться и подготовить жильё для твоей старой сотни. А то будут девочки ругаться что их тут плохо встречают, — расплылась она в улыбке, довольная своей незамысловатой шуткой.

— Я их специально по одному из всех лагерей собирала, чтоб тебе приятно было, — похвасталась она.

— А потом нам надо будет с тобой определиться. Кое в чём, — добавила она едва слышно, чтоб лишь старая подруга её при том услышала.

Бросив ей предостерегающий взгляд, она махнула рукой, подзывая кого-то из своих, пришедших с обозом, и принялась отдавать распоряжения, командуя по выгрузке с саней привезённого с собою имущества.

В этот раз привезли всего действительно много. Даже зимние спальные мешки из шерсти горских яков привезли, чуда невиданного и страх как дорогого. Похоже, хозяева пленных всерьёз озаботились здоровьем и сохранностью тех кто ещё остался и до сих пор был не съеден местными людоедами. По крайней мере, оружия в этот раз было не в пример больше, чем когда их оставили одних, здесь на острове накануне зимы. Плюс на днях прибывала ещё одна сотня лучников из соседнего лагеря, для большего укрепления обороны.

Теперь уж точно можно было быть спокойным за своё ближайшее будущее. Отбиться было чем.

Разгрузка заняла весь день и весь вечер. Даже на следующее утро осталось множество каких-то мешков и перевязанных толстыми верёвками упаковок самых разнообразных вещей и продуктов.

Будь они как и раньше одни, по тому, сколько на этот раз привезли, до весны они могли о еде больше не беспокоиться. Но учитывая скорое значительное увеличение числа отдыхающих в этом лагере поселенцев, даже того что привезли могло до следующего обоза не хватить.

Обрадовавшиеся было амазонки, проверив и уточнив количество присланного продовольствия сразу поняли, что разносолы и чревоугодие им опять не грозят. Плотное, сытное питание — да. Но из самых простых продуктов: крупы, гречка,

сухофрукты, мороженное мясо и соленья. Ещё что-то по мелочи: мука, соль, сахар, специи. И всё в самый притык, до следующего обоза. Особо, не разгуляешься.

Похоже, местные хозяева, при всём проявившемся вдруг внимании и заботе, не желали допускать ошибок и провоцировать пленных на побег. Отношение к ним как к дармовой рабочей силе осталось прежним. Продукты как и прежде придётся опять отрабатывать. День в день.

Уже глубоко вечером второго дня, когда в лагере вроде бы всё угомонилось и все готовились ко сну, у Игрены с Карой наконец-то нашлось время спокойно поговорить.

Выбравшись вдвоём на излюбленный Игреной плоский камень, на котором она за последний месяц полюбила провожать день, и встречать рассвет, они обе с удобством расположились на большой толстой войлочной кошме. Рядом с пышущей жаром жаровней им было по особому, привычно уютно. Тонкими ломтиками нанизанное на толстые деревянные прутики, к тому моменту там уже шкворчало поджареваемое на углях свиное сало, испускающее вокруг одуряюще вкусный запах свиных шкварок. Здесь два старых боевых товарища наконец-то могли спокойно поговорить. Две пары амазонок внушительных габаритов, поровну от каждой из встречающихся сторон, со стороны острова отсекали любого постороннего, решившего бы вдруг нарушить уединение двух старых товарищей.

С четвёртой, ограждённой чуть дальше от берега острова высоким ледяным валом, никого не было. Обе они не хотели лишнего присутствия, так что часовой, обычно целыми днями маячивший в этом месте, на сей раз был отослан подальше в сторону. Чтоб не мешал.

День сегодня был особенно шебутной. За валом была только что очищенная ледяная полынья, но местный ящер, напуганный прибытием столь большого каравана сидел по своим лесным норам, так что угрозы с той стороны пока можно было пока не бояться. По крайней мере до темна. А больше им было и не надо.

Если у Игрены Молчаливой до этого момента ещё и были какие-то иллюзии, что Кара попала в её лагерь случайно, то увидев сколь жёстко, с какой тщательностью и сноровкой телохранители Кары отсекли от пятачка с горящей жаровней желающих к ним присоединиться, из числа их старых подруг, у неё окончательно развеялись последние иллюзии. Разговор предстоял именно с ней, серьёзный и что самое главное, что особо настораживало, хозяева пленных, что привезли сюда Кару с несколькими сопровождавшими её бойцами, совсем не имели ничего против, и не собирались мешать явному сговору двух

бывших сотниц, происходящему у них буквально на глазах.

Пара егерей, заметивших подготавливаемое место для разговора, даже не подошла к ним проверить чем это они тут занимаются. Похоже, с этими уже всё было заранее обговорено. А четвёрка вооружённых до зубов имперских ящеров, вставших со своими страхолюдными копьями чуть в стороне, навевала на совсем грустные, нехорошие мысли. Представители личной охраны баронессы, как её первым делом известили по прибытии обоза. Игрену во что-то упорно втягивали, во что, она пока не знала.

— "Слишком много странностей, — думала Игрена, наблюдая за суетой возле своего излюбленного камня. — Сотня лучниц уже на острове. И баронесса совершенно не обращает на них внимания. Ещё одну сотню обещают на днях прислать. А охрана баронессы как-то странно себя ведёт, как будто не видит что мы тут собираемся чуть ли не на глазах у неё совещаться. А может мы о побеге будем договариваться. А может ещё что? Ей что, всё равно?

Ящеры эти у нас за спиной в рядок выстроились. Прям, переговоры на высшем уровне. Странно это. Словно им чего-то от нас надо. И Кара, какая-то странная, не такая как прежде".

— Ну давай выпьем, старая подруга, — пробился до её сознания негромкий, чётко акцентированный голос Кары. — Думаю, ты такого ещё не пила, — продолжила та, аккуратно разливая по маленьким изящным гранёным стаканчикая тягучую коричневую жидкость.

— Нектар! — закрыв глаза, Кара с мечтательной улыбкой на губах втянула в себя аромат налитого в стаканчики напитка. — Ореховый когнак называется, — просветила она подругу. — Безумно дорогой, зараза, но для такого случая…, - бросила она на подругу многозначительный взгляд.

— Кстати, делают наши нынешние хозяева из ягоды, которую выращивают где-то у себя в лесу, в глухомани за болотами. Где именно никто толком не знает, но насколько точно до меня доходят слухи, — Кара кольнула Игрену взглядом, — наши уже несколько раз пытались прибрать к рукам эту ягоду. Да что-то у них всё никак не выходит.

— Ну…, - Игрена задумчиво пожевала губами. Немного помолчав, глухим голосом негромко продолжила. — Не очень то они и пытались, следует сказать. Хотели бы, давно уже выкрали. Уж чего-чего, а черенок редкого растения выкрасть для наших умельцев дело привычное.

— Тебе видней, — флегматично, внешне равнодушно поиграла бровями Кара. — Это ты у нас спец была по всяким

таким штучкам.

Помолчав, негромким голосом и как бы демонстративно невзначай поинтересовалась:

— Тогда мне вообще непонятна цель, за каким хреном вы полезли в этой мерзкий городок. Ну, мы то ладно. Нас на Девичьем поле взяли, а там вроде бы как всё было понятно — надо было отобрать украденных лошадей обратно.

— Но вот за каким хреном вы в этот город полезли. И раз, и два. И каждый раз с одним и тем же успехом. Может, поделишься мыслями?

— Не знаю, — хмуро бросила Игрена. — Если ты интересуешься о целях нашего набега, то персонально у нас была простая и ясная задача. Высадка в каком-то глухом заливе южнее Старого Ключа, выше города по течению реки. Место высадки нам показывали местные проводники из тех кто был до того в городе. Причём в самый последний момент накануне. Потом следовало собрать в заливе всё что там было ценного, как обычно, и на вывоз. Сжечь все постройки существующей там воинской школы, якобы там в тот момент никого не должно было быть, и особо в том заливе не задерживаясь, быстро выдвигаться к главным южным воротам. Там нас уже должны были ждать с открытыми воротами, и там же должны были поставить новую задачу. Что за задача не говорили. Мол, всё скажут на месте, в зависимости от обстоятельств, а пока не суйся куда не просят.

— С самого начала мне это не нравилось, — хмуро буркнула она. — Особенно эта история с открытыми воротами. Кто их откроет? Понятно что кто-то изнутри. А изнутри некому, кроме наших девочек, что в городе на тот момент были.

— А вот это уже прямое нарушение нашего с левобережцами соглашения о пленных, — кривая злая гримаса перекосила её лицо. — За что и получили, — поморщилась она.

— Так что, на свою судьбу или на отношение к нам, обижаться нам не стоит. Сами виноваты. Никто нас туда силой не гнал. Могли бы и отказаться. Нет, понесла нелёгкая.

— Командиром опять была княжна, — скорее утвердительно, чем спрашивая, констатировала Кара.

— Она, тварь, — сквозь зубы процедила Игрена. — Шмара безмозглая. Нет чтоб всем прямо высадиться в речном порту города, не разбрасывая и так небольшие силы во все стороны. Одни ворота, вторые, третьи, — зло процедила она сквозь зубы. — Дура!

— Ну а Дуону, нашего нового командира легиона ты знаешь. Она не за подвиги в боях значёк тысячника получила. Что скажут — то не рассуждая и делала. Ещё и покрикивала что вяло

поворачивались.

— Будь кто другой на её месте — не сидели б мы с тобой сейчас тут на ледяном камне и не разговаривали бы о жизни, вспоминая былое. А где-нибудь в хоромах местной Старшины принимали бы богатый выкуп и отступного.

— Ладно, — безмятежно отмахнулась Кара рукой. — Что говорить о прошлом. Давай поговорим о будущем. В конце концов, как ты уже наверняка поняла, именно за этим мы здесь с тобой и встретились.

— У нас что, есть будущее? — поморщилась Игрена. — Ещё вчера я думала что уже не доживу до вечера.

— А сегодня мы будем говорить о будущем, — жёстким голосом отрезала Кара.

Игрена поморщилась. Такая хорошо знакомая ей самоуверенность Кары в том что та делает, ей никогда не нравилась. Как правило следом за такой самоуверенностью шли самые грубейшие ошибки. Кару всегда следовало осаживать.

— Ну давай, начинай, — невозмутимо проговорила она. Перед тем как объяснить Каре её место, следовало хотя бы выслушать. Иначе выволочка для Кары не будет столь убедительна. — Интересно услышать сколько пудов мороженной рыбы ты собираешься добыть, чтобы на пару дней раньше покинуть эту дыру. Или у вас не рыба, а что-то другое? Я правильно тебя поняла, — усмехнулась она. — Думаешь, это имеет смысл?

— Железная руда, — невозмутимо отозвалась Кара. Подначки Игрены она словно и не заметила. — Но речь не о руде и не о рыбе. Хотя они тоже занимают в наших раскладах немаловажное место.

— Тот же когнак, — Кара с любовью посмотрела на полупустую посудину, — мною получен не за красивые глазки, а за вполне реальные пуды железной руды сверх плана. Об этом, кстати, мы тоже с тобой поговорим. Если захочешь — обеспечим. Хозяева не жадные и ударный труд поощряют, — с двусмысленной ухмылкой на лице она подкинула на ладони полупустую бутылочку.

— Но речь, опять же повторюсь, не о рыбе и не о руде.

— Думаю, что торопиться покидать эту дыру нам не стоит, — невозмутимо проговорила Кара, словно о чём-то само собой разумеющимся.

— О, как? — удивлённо подняла брови амазонка. — Поясни.

— Подставь ладонь, — тихо проговорила Кара, глядя ей прямо в глаза.

— Ну подставила, — проворчала Игрена. Опять старая

подруга чего-то чудила. Неугомонная. — Что дальше?

Сложенная лодочкой широкая, мозолистая, изъеденная цыпками ладонь пожилой амазонки протянулась вперёд.

— Что это? — едва слышно прошептала она.

Тяжёлая, тягучая струя мелкого жёлтого песка медленно, тяжело ссыпалась из небольшого кисета Кары в подставленную ладонь.

— Думаю, ты уже догадалась, — тихо проговорила Кара.

Поднеся ладонь близко к глазам, Игрена Молчаливая долго, внимательно рассматривала золотой песок у себя на ладони.

— Рудное месторождение, — глухим, враз севшим голосом констатировала она. — Не россыпи.

— Ну и как вы умудрились скрыть это от хозяев? Так как лично у нас проверяют норму выработки на человека и ежедневную добычу, и рыбку тощую не украдёшь. А тут, — Игрена медленно качнула ладонью с песком перед собой. — Тут труд многих людей на много часов. И как это вам удалось?

— С трудом, — расплывшись в широкой, довольной ухмылке, буквально проворковала Кара. — С большим трудом. Но способ нашли.

— Смеяться будешь, но это именно наши хозяева нам его подсказали, — расплылась она в победной улыбке.

— А эта молодая сучка чуть было нас не засыпала, — сцепив зубы, тут же выругалась она. — Но, слава Богу, удалось отвести ей глаза. Этой соплюшке ещё далеко до нас, ветеранов.

— Это поречную ведьму ты называешь соплюшкой? — невозмутимо подняла высоко левую бровь Игрена. — Ну-ну. С огнём играешь, Кара.

— К-какую ведьму? — вдруг сразу севшим голосом просипела Кара. — Где ты её здесь видела? — буквально в ярости зашипела она на старую подругу. — Соплюшка не ведьма, она вообще не при делах.

— Молодая, не обученная, ещё не вошла в полную силу, может даже сама о том ещё не знает, но ведьма, — глухим, невыразительным голосом констатировала Игрена. — Настоящая поречная ведьма. Из старых. Не играй с ней, Кара, не надо.

— Можешь доказать? — мгновенно сникнув, мёртвым голосом тихо проговорила Кара. В слова Игрены она поверила сразу и безоговорочно. Та ни разу за всё время их знакомства не ошибалась. Ни в чём, никогда. Поэтому, ей надо было верить. — Докажи. От этого зависит слишком многое. Может, ты всё же ошибаешься? — с тайной надеждой посмотрела она на подругу.

— Пожалуста, — невозмутимо пожала та плечами.

— Летом прошлого года некий господин из города на

который мы недавно опять напали, женится на некоей девице. Зачем, почему — не ведаю, но нам это и не важно. Важно другое. Этот господин закупает у нас огромные массы элитных лошадей и…, - амазонка замолчала, внимательно смотря на подругу, — что самое странное, ему это сходит с рук.

— Посланный вдогонку отобрать ворованное, а не по закону купленное это ворованное и есть, спешно собранный для того четырёхтысячный отряд молодняка неведомым образом разбивают.

— Ну, — безразлично пожала она плечами. — Бывает. Случайность, от которой никто не застрахован.

— То что там при этом разбивается полуторатысячное рыцарское войско, это тоже можно было бы списать на случайность. Если бы не дальнейшие странности.

— Посланное в это же время пограбить окрестности Старого Ключа наше войско неожиданно разбивают. И кто? Наши вчерашние союзники. Имперские ящеры! Которые ещё вчера всегда выступали на нашей стороне. Всегда! А тут они ударили в спину.

— Случайность? Подлость? Может быть. Но стоит отметить, что именно в это время в городе находится некая баронесса Изабелла де Вехтор, жена того самого местного жителя, кто по странному совпадению и являлся владельцем тех самых фактически украденных у нас табунов.

— Дальше опять идут одни сплошные случайности.

— Наши готовят захват так раздражающего их города. Всё вроде оговорено, со всеми договорено, но почему-то всё оттягивают и оттягивают. Как нам объяснили, ждали удобного случая. Но и с ним вроде бы определились. Остаётся только подтянуть войска и накануне оговоренной даты одним мощным ударом овладеть богатым городом.

— И тут вмешивается случайность, — с кривой улыбкой на лице заметила Игрена. — Обрати внимание, опять случайность. Правда, странная какая-то.

— Некая небезызвестная нам баронесса едет прогуляться в поместье к своим друзям. По странному совпадению оказавшейся вдруг той самой плантацией ягоды, чудный напиток из которой мы здесь с тобой пьём, — Игрена с вдруг проявившейся неожиданно любовью погладила небольшую бутылочку с когнаком. — И по странному стечению обстоятельств раскрывает готовящийся заговор.

— Дальше она мчится в город предупредить местные власти. Ей не нужны в городе захватчики и связанное с этим беспокойство. Ей, в её нынешнем положении нужно спокойствие и

любое напряжение ни к чему. Поэтому она предупреждает городские власти, что по её мнению готовится мятеж.

— Заметь — по её мнению. Не по мнению кого-либо, а именно по её.

— Далее городские власти почему-то отмахиваются от её предупреждения. Не странно ли? Отмахнуться от предупреждений поречной дворянки? — Игрена задрала бровь высоко вверх. — Пусть даже они не знают кто она на самом деле есть, но не обратить внимание на подобное грозное предупреждение? Тебя это не заставляет ни о чём задуматься? Не правда ли знакомо? — амазонка криво ухмыльнулась.

— Тогда некая молодая особа сама берётся за дело. Проводит беседу с местной стражей и те, хотя окончательно ей и не поверили, всё же хоть и вяло, но зашевелились. Сама же она в это время, правильно рассчитав кого и где следует ожидать, готовит на нас ловушку.

— Куда мы все со всей дури и влетаем.

— Результат — набег сорван, мы здесь. На скале посреди острова на озере, Бог знает где именно. Но, как я подозреваю, до наших земель отсюда вёрст с пару тыщ будет.

— Всё. Угрозы для её спокойствия больше не существует. Она может спокойно выполнить функцию, ради которой забилась в эту глушь, родить здоровое сильное потомство.

— Длинная череда странных совпадений, результатом которых стало то что есть. Очень конфортное для ведьмы окружение.

— И всё, тем или иным образом связано с этой, как ты её назвала соплюшкой.

— Тебе ещё что-то надо доказывать? Может, достаточно?

— Не играй с огнём, Кара. Легион разгромлен. И ещё до вчерашнего дня я думала что мы были единственные из тех кто выжил, — внимательно посмотрела она ей прямо в глаза. — Будем упорствовать, почувствует с нашей стороны угрозу, уничтожит нас окончательно.

— Небольшая задержка с очередным караваном с продуктами и оружием, и от нас здесь не останется даже костей. Местные людоеды всё подчистят.

— А ей и делать то ничего особо не придётся. Только попридержать дежурный караван с оружием и всё.

— Повторяю. Кара, не играй с огнём, — тихо, с внезапно проявившимися угрожающими нотками в голосе, тихо прогворила Игрена. — Один твой неосторожный шаг и мы все погибли.

На долгое время возле дымящей рядом с ними жаровни, меж двух сидящих друг против друга подруг стояло напряжённое,

грозовое молчание.

— Не верю, — угрюмо буркнула Кара. — Не хочу верить и не верю, слишком всё за уши притянуто.

Ты её не видела, — вдруг хрипло, сдавленным голосом проговорила Кара. В голосе её вдруг прорезалась такая глухая, звериная тоска, словно она уже с ней прощалась.

— Шахту? — равнодушно хмыкнула Игрена. — Кстати, забери, — протянула она ладонь с золотым песком в сторону подруги. — Не стоит из-за пригоршни золота умирать.

— Пригоршни? — как-то странно глянула на неё Кара. — А что если я тебе скажу, что это далеко не пригоршня? Что это вообще, даже не малая, а самая ничтожная часть уже добытого? — играя интонациями хриплого голоса, подчеркнула она. — И привезла я её лишь чтобы тебе показать.

— Специально выбралась ко мне сюда, чтобы показать эту малость? — насмешливо подняла левую бровь старая амазонка. — Не смеши меня росказнями. В отличие от тебя я не считаю наших хозяев дураками и будь уверена, даже если у вас что-то есть, всё придётся здесь же и оставить.

Более чем уверена что баронесса уже что-то заподозрила. Не зря она вас, по твоим же словам долго и упорно трясла. А раз так, то тем или иным образом обязательно вытянет из вас это золото до последней крупинки. Ну и стоит ли тогда так корячится? Даже из-за лишней рюмки этого столь чудного напитка.

Вряд ли что отсюда вывезешь через их земли. А через земли ящеров вы наверняка уже пытались выбраться.

— За прошедшие полгода небось уже не одну попытку сделала? — усмехнулась на понимающе. — Что в результате? — требовательно взглянула она на Кару.

По странно дрогнувшему голосу амазонки, Кара сразу поняла что её подруга лишь старается выглядеть невозмутимой, а сама небось голову себе сломала, как бы сбежать из этих краёв.

— Три, — невозмутимо отозвалась она. — Две группы на север, в сторону Лонгары, одна на юг, в сторону Поморья. На восток, к Малой Лонгаре даже не пытались соваться. Слишком далеко и слишком много впереди ящеров. Все три попытки неудачные.

Первой попробовали на юг, через горы. Сама Танька Дьяченко пошла. Мы с ней решили не рвать друг дружке гланды, а разойтись полюбовно. Тогда это казалось возможным. Я остаюсь и держу лагерь пока она находит дорогу. Горы Танька прошла без проблем. Там вышли на поморскую равнину и быстро, быстро смотались обратно. Страшное место. Все воюют против всех. Анархия. Никаких законов, никаких правил. Из отправленной в ту

сторону полусотни обратно вернулись трое, включая и Таньку. С нашим скудным запасом оружия соваться туда гарантированная смерть.

Следующий наш шаг был уже в сторону севера. Теперь энтузиазма у неё было меньше, — хищно ухмыльнулась Кара. — Но всё одно, решала идти сама. Посовещавшись выбрали маршрут к Большой Лонгаре, а там, на берегу попробовать как-нибудь переправиться через реку. Камышовые плоты — вещь знакомая, — усмехнулась с ноткой ностальгии в глазах Кара. — Ушла Танька и не вернулась. Через неделю, не дожидаясь возврата группы, сразу отправили вторую следом. Очень уж нетерпелось.

Вторая группа вернулась через две недели. Сказали что в неделе пути от лагеря нашли останки первого отряда. Съеденными. Дальше они уже не пошли, поняли что шансов прорваться нет. Решили немедленно возвращаться. Из всей группы вернулось менее половины. И то только потому что смогли оторваться от погони.

Но зато разобрались куда нас занесло. Предгорная терраса северного склона Большого камня. До Лонгары, до дома — полторы тысячи вёрст, — тихо, на грани слышимости проговорила Кара. — Через земли подгорных, через их леса и поля. Польоры тысячи вёрст, — словно сомнамбула глухо повторила Кара. — Шансов пройти ни малейших.

Там в селеньях подгорных ящеров творится что-то непонятное.

— Что именно, — хмуро перебила её Игрена. — Говори чётче, не мямли. Командир ты или так, погулять вышла.

— Их слишком много, — тихо проговорила Кара. На вспышку подруги она не обратила внимания. — Их непонятно слишком много. Деревни подгорных, которые должны были бы стоять полупустыми из-за постоянных потерь в стычках с пограничными левобережцами, переполнены молодняком. Такого просто не может быть. Но это есть. Непонятно, откуда их столько.

Но ты и сама должна была что-то такое почувствовать. Эти странные, непрекращающиеся нападения, о чём все в вашем лагере, да и в соседних только и говорят, как нельзя лучше укладываются в то о чём рассказала вторая группа.

Ящер здесь какой-то странный. Выше, крепче и совсем не тупой, как у нас здесь в предгорьях и дома, на границе.

Видать постоянные стычки с левобережцами способствуют росту умственных спсобностей особей, — невесело усмехнулась она. — Что ещё более странно.

Но всё равно это не объясняет почему у них деревни переполнены молодняком.

Собственно именно из-за этого наша вторая группа и не прошла. Все дороги оказались перекрыты плотными, многочисленными заслонами. Такого никто из нас просто не ожидал.

Так что, дороги у нас, кроме как обратно через Старый Ключ нет. Вот я и думала, если что, то добытым втихаря золотом откупиться от наших хозяев.

Малой его частью, — многозначительно посмотрела она в глаза Игрены.

— Насколько малой, — хрипло проскрипела та. — Настолько малой, что ведьма отберёт всё? Ты же знаешь, с поречной ведьмой нельзя договориться. Она всегда сделает так как надо ей. И как только она узнает про вашу шахту — отберёт всё. Потому что ей нужно золото.

Между подругами установилось мрачное, тягостное молчание. Безысходность тяжким грузом давила на пленчи.

— А может и не отберёт, — вдруг неожиданно проговорила Игрена. — Даже наверняка не отберёт.

Если мы поведём себя правильно и… если мы ей будем нужны, — тихо проговорила она, глядя прямо в глаза Кары.

Слушай сюда, подруга, — склонилась она близко-близко к лицу подруги, словно собираясь поцеловать.

На лице Кары не дрогнул ни один мускул. Подобные провокации давно её уже не трогали. Прищурив глаза, она настороженно смотрела ей в глаза. Способности Игрены Молчаливой мгновенно оценивать и анализировать окружающую обстановку она всегда завидовала. Потому сразу и пришла к ней, понимая что одной ей из капкана, куда они попали, не выбраться.

Кара была не дура и давно уже, не хуже своей подруги всё просчитала. А просчитав поняла, что одной ей, даже с золотом, и даже с несколькими сотнями вооружённых амазонок у себя за спиной, с этих озёр не выбраться. Единственный путь был через Старый Ключ. А там… Золото неизбежно отберут, а отряд её уничтожат. Не та добыча золото, чтоб оставлять его каким-то пленным. И это была одна из основных причин, по которой она, как только узнала что Игрена жива, бросила всё и примчалась к своей старой подруге. Примчалась сама, а не послала кого-нибудь из младших. Дружба дружбой, а золото золотом.

— Золото мы отдадим ведьме. Не спорь! — резко осекла она вскинувшуюся было подругу. — Не спорь, а выслушай.

Если мы тупо пойдём против ведьмы, она нас тем или иным способом, но уничтожит. Но если мы сыграем на её стороне, она хоть часть, но обязательно нам оставит. И часть немалую, потому что мы будем ей нужны, а своих ведьмы поддерживают всегда.

Даже потом, когда мы расстанемся, если у нас дома что-то пойдёт не так, мы всегда сможем попроститься у неё помощи. Поречные ведьмы добро никогда не забывают. Даже в самой ничтожной доли.

Впрочем, как и зла, — с кривой гримасой на лице тихо проговорила Игрена.

Надо только её заинтересовать. Серьёзно заинтересовать.

А вот как раз заинтересовать то её мы и можем. У нас есть то, что ей надо. Первое — само это золото.

Но то, что ты мне принесла и то, на что намекала — это для неё так, мелочи с которыми не стоит и возиться.

Ну сколько могут добыть твои девочки в шахте, урывками от основной работы по добыче железной руды? Пусть даже и в очень богатой шахте на очень богатом месторождении. Мелочь. Ничтожно мало по сравнению с тем, что потребуется ведьме для возвращения домой. Да ещё к тому ж чтобы и нам что-то весомое осталось.

А домой она вернуться захочет, тут можно не сомневаться.

Поэтому, стоит ей только узнать о золоте, мы останемся на этих озёрах навсегда. И будь уверена, внешне совершенно естественная причина для того чтобы оставить нас здесь навеки, у неё найдётся.

Я долго думала, зачем нас так поспешно бросили на город? И пришла к выводу что настоящей целью набега был не захват и не грабёж города, а уничтожение ведьмы. Кому-то она очень сильно мешает. И это наш шанс.

Эти два дня я не только тяжёлые мешки разгружала, но ещё и слушала, о чём между собой говорят прибывшие с обозом ящеры и егеря. Расспрашивала девочек, что пришли с моей сотней из других лагерей. И думала.

Вывод однозначен. Из своего дома ведьму выгнали. Но и в городе, куда она забилась, чтобы в спокойном месте выносить и родить своё потомство, у ведьмы проблемы. Большие проблемы. Никому в своём городе не нужна поречная ведьма с которой одни только проблемы.

И она это понимает.

А раз понимает, будет искать пути как бы выполнить своё предназначение: родить здоровое, сильное потомство и вернуть утраченную собственность. Культ семьи. Семья не должна иметь никаких проблем. Очень сильно развитый культ семьи у поречных ведьм. И на это надо сделать упор.

На эти две важнейшие для неё цели ей нужно золото и армия. Ни того, ни другого у неё сейчас нет. Но есть у нас, — хищно улыбнулась амазонка. — Я тут подсчитала и поняла, что легион

наш не пропал. Если собрать всех вместе, у нас будет не менее пяти-шести тысяч, если считать с теми кого выгнали и кто остался дома. Добрать недостаток не проблема. Обучить новобранцев — ещё легче. Есть даже база — здешние острова.

Но легион — это деньги, большие деньги. На его возрождение. Оснащение и содержание нужны очень большие деньги. Вспомни, какое у нас было огромное вспомогательное хозяйство, на котором собственно всё и держалось.

Остаётся — самое главное. Решить вопрос с золотом. Будет золото, на него у той же ведьмы купим оружие и она с охотой нам его продаст. Будет оружие — будет совсем другая игра. Ведьме не так нужно золото, как нужны наши мечи. Опираясь на них она выполнит обе функции. А мы вернёмся домой. Но не нищими оборванцами и попрошайками, а с деньгами и боевой слаженной единицей, с которой Совету Матерей придётся считаться.

И мы заставим их ответить за всё что они сделали. Слишком многие в республике недовольны творящимися в Совете делами. Но пока за недовольными нет реальных сил. С нами и нашим золотом они будут.

Времени у нас до весны. Сколько золота реально вы можете добыть? Какова месячная добыча? — требовательно уставилась Игрена на Кару.

— Пока что месячная добыча под две сотни золотников. Этого мало, я понимаю. По любому этого мало. Потому я и здесь.

— Два фунта, или чуть больше восемьсот грамм, — задумчиво проговорила Игрена. — Не густо. С такой добычей к ведьме не подойдёшь, ловить нечего. И на наших планах можно спокойно ставить крест. Подумай хорошенько, что можно сделать? — требовательно уставилась она на Кару.

— А вот это зависит от тебя, — тихо проговорила Кара, пронзительно глядя на неё.

— Поясни, — сухо буркнула Игрена.

— В последние дни перед тем как у нас произошёл спонтанный бунт, — Кара многозначительно улыбнулась, — мы решили прислушаться к рекомендациям наших тюремщиков и загнали под землю на добычу руды ящеров, — улыбнулась Кара. — А потом нам пришлось изобразить внезапно возникшие средь них беспорядки и побег пленных с нашей шахты. Добыча сразу упала и хозяева всполошились. Думаешь просто так эта ведьма тут же примчалась к нам на рудник, проверить почему упала добыча.

Еле отбрехалась, — Кара с облегчением вытерла мгновенно выступившую на лбу холодную испарину. Даже до сих пор она с содроганием вспоминала недавний визит баронессы в свой

лагерь.

В результате она теперь пригнала меня сюда, чтобы я с тобой договорилась о ловле пленных.

— О ловле чего? — изумлению Игрены не было предела. — У вас там что, ящеров своих мало? Ты ж сама говорила что соседние деревни переполнены ящерами. Так в чём дело. Взяла сеточку и сбегала в соседнюю деревеньку на ловлю парочки пленных, — с отчётливо различимым ядом в голосе заметил она.

— Не шибко то и сбегаешь, — сразу помрачнев возразила Кара. — На мне одна шахта, так твоя ведьма норовит повесить ещё одну. Да и с ящером у нас там проблемы.

Я же тебе русским языком говорю, с ящерами творится что-то странное. Все соседние с нашей шахтой роды подгорных ящеров откочевали от нас подальше. Не понравилось им что мы больше не довольствуемся тем что они сами в охотку за хлеб нам добывают, а требуем гарантированной нормы. Да и норма выросла вдвое, — Кара хитро, с намёком подмигнула подруге.

Сунулись из предгорий на равнину. А там те самые, странные молодые яшеры. Если загнать в шахту, то работают как звери, но… Большое такое но. Чтобы добыть одну такую особь, нам приходится за ней чуть ли не неделю бегать по лесам, пытаясь её отловить. Да и не факт ещё кто кого поймает. Я же говорю, какие-то они эти молодые, умные. Пару раз в такие засады попадали, что едва сами ноги унесли.

Вот я, как только узнала что ты жива, так сразу к баронессе, так, мол, и так, есть такой товарищь у нас, большой спец в этом деле. И если она хочет чтобы добыча руды была на том же уровне что и прежде и даже росла, то нам необходимы рабы. Тьфу ты, — выругалась Кара. — Опять забыла что здесь нет рабов. А мы с тобой не рабы, а эти, — она сморщила брезгливо лицо, — как их — военнопленные.

А тут эта ведьма ещё потребовала от нас выделить дополнительно людей для организации тут неподалёку на озёрах ещё и добычу каменного угля. У неё, видите ли сталевары жаловаться стали что ящеры, доставлявшие им ранее оттуда каменный уголь в обмен на хлеб, перестали уголь поставлять. Зима у них, транспорта нет, а на себе, да на волокуше, мол, много не уволочёшь.

Вот она с нас и потребовала организации ещё одного рудника, теперь уже по добыче каменного угля. Проблем больших в том нет, добыча идёт открытым способом, в карьере. Но рук рабочих не хватает. Вот мне и поставлена задача — где хочешь, а добыть шахтёров.

Не добуду, сама в шахту пойду кайлом махать. Тогда и о

золоте придётся забыть, — угрюмо проворчала она. — Так что, выручай подруга.

— Интересно девки пляшут, — задумчиво пробормотала себе под нос Игрена. — Очень интересно. И что? Они действительно работают? Хорошо работают?

— А чего им не работать, — Кара равнодушно пожала плечами. — Жрать захочешь, будешь работать. А жрать им там в предгорьям, ближе к горам, совсем нечего. Голод там, ещё страшней чем ты можешь себе даже представить. Там, честно говоря, они сами в шахту лезут, даже понукать не надо. Вот только одна беда, мало их, чертовски мало. Но я подумала и решила, что если тут набрать пленных, и загнать побольше пленных на добычу и золотой руды, и каменного угля, и железной руды, то тех, местных послушных ящеров можно поставить над ними надзирателями, чтоб контролировали добычу.

— Они хоть и тупые-тупые, но управляемые, в отличие от новых. Вот с теми — не договоришься. Тех можно только заставить. Но заставить — можно, — подчеркнула Кара, многозначительно глядя в глаза Игрены. — Сложно, тяжело — но можно.

Ну а если ящера и вовсе под землю загнать, то его и охранять не надо. Каменные стены лучший охранник. А ты выдаёшь ему норму жратвы в соответствии с количеством добытой руды, или того же каменного угля, и живи себе спокойно. Сбежать ему из-под земли некуда. Жрать хочется, вот и будут вкалывать. Проверено. Главное, чтоб пленные были. А у нас их там уже нет. Тех, кого ещё не выловили — откочевали далеко, твари. Боятся уже. Вот я и говорю, на тебя вся надёжа. У нас на сотни вёрст вокруг всё буквально вымерло, а у тебя они сами чуть ли не в самый лагерь лезут. Такая удача.

Ведьма как про то узнала, так её прямо всю затрясло. Всё бросила и поспешила сюда, чтоб здесь на месте организовать ловлю рабов. Вот и меня с собой взяла, чтоб было с тобой легче договориться. Понимает, что мы ей нужны.

Вот тебе и зацепка — можно сыграть на этом её интересе. А чем больше пленных, тем нам легче будет смухлевать с добычей. Тогда и добыча золота пойдёт уже не на золотник, а на пуды. Думай, подруга, думай. Где нам взять пленных?

— Сколько тебе надо, — хрипло пробормотала Игрена. Похоже, идея с ловлей ящеров для работ на шахтах ей понравилась. — И какова моя доля, — вдруг неожиданно деловым, сухим тоном холодно поинтересовалась она.

Помолчав, Кара некоторое мгновение молча смотрела на неё.

— Половину добычи сразу кладём на общие нужды: оружие,

амуниция, то, сё. Четверть равными долями всем островам и нам. Последнюю четверть делим по процентам в зависимости от доли добытых каждым пленных.

Кроме твоего, тут ещё шесть островов таких. С нами — всего восемь долей.

Ваша основная задача — поставка рабов. Нужны здоровые, крепкие мужские особи. Дети, женщины — половинная доля. Соответсвенно, чем больше особей ты поставишь, тем выше и доля твоего острова. Тем более, что, как я договорилась с ведьмой, часть стоимости от добытой вашими пленными руды пойдёт на погашение и ваших долгов.

— Что ни говори, а знать, что ты кому-то чего-то должна, не доставляет большого удовольствия.

Сухой, деловой тон Игрены тут же согнал появившуюся на лице Кара лёгкую улыбку.

— Я спросила, ты не ответила. Сколько надо рабов? — чётким, акцентированным голосом тихо проговорила она.

— Тысячу, — улыбнулась Кара. Ситуация её забавляла. Тут бы хоть сколько-нибудь рабов добыть, хоть десяток, а эта интересуется их количеством.

— Будет, — глухо отозвалась Игрена. — Я этих тварей не то что тысячу, я тебе за наших съеденных ими девочек две тысячи добуду. А понадобится и три. Главное, моя сотня со мной. А с ними я тут таких дел наворочу…

Улыбка медленно сползла с лица Кары. Безумный план, в реальность которого она и сама ещё недавно не верила, хоть всем упорно твердила обратное, прямо на глазах начинал претворяться в жизнь.

— За победу, — разлила она по рюмкам последние капли когнака.

— За победу, — поддержала тост Игрена, чокаясь.

Возвращение.*

Баронесса Изабелла де Вехтор сидела дома, возле своего любимого камина, и сунув ноги в тёплых меховых тапках вперёд, чуть ли не в самое пламя, наслаждалась комфортом любимого кресла. Наконец-то она была дома.

Нет! Всё же эта дурацкая идея с инспекционной поездкой по озёрам, по Великому Озёрному Пути в Тысячу Верст, при всей её привлекательности, богатстве полученных результатов, красивости горных потрясающих пейзажей и выявившихся просто шикарных перспектив, досталась ей тяжело. Даже несмотря на то,

что все с нею в поездке носились буквально как с хрустальной вазой.

И ящеры и егеря всячески старались услужить ей и облегчить тяготы пути, прекрасно понимая насколько ей в её нынешнем положение это может быть тяжело и тягостно.

Но вся их помощь помогала мало. Две тысячи вёрст по зимнему лесу, по льду рек и озёр. Тысяча туда и тысяча обратно…

Если только там действительно тысяча в один конец, а не полторы и не все две. Кто их там считал эти зимние вёрсты. Слава Богу что у самой ума хватило вернуться обратно с половины пути, и не заезжать во все дыры, куда первоначально так хотелось заглянуть. Хватило и того что она увидала в первых же дух лагерях. Желания ехать дальше и смотреть на нечто подобное и в других местах, отбило сразу же.

У Беллы словно вживую перед глазами всплыли самые разнообразные сценки, увиденные ею во время экспедиции. Слишком много она увидала, слишком были яркие впечатления…

— Слишком много информации, — как высказала ей сразу же после приезда банкирша Маша во время их первой же встречи. — Сиди Белка дома, отдыхай и вспоминай, — посоветовала она. — Что ты видела, где. И всё, всё, всё. Отдохнёшь недельку — поговорим. Если кое-кто нам не помешает, — с грустной улыбкой кивнула она на уже большой, чуть ли не на последних сроках живот Беллы.

Белла осторожно погладила живот. Всё же хорошо что она прервала свою экспедицию и поторопилась обратно домой. Подошло время рожать и делать этого в глухом заснеженном лесу, даже несмотря на то, что вокруг тебя будут суетиться десятки самых дорогих, самых знающих врачей ящеров и местных травниц с повитухами, не было ни малейшего желания.

Как хорошо что она успела вернуться до родов.

Белла взяла с маленького круглого столика, стоящего рядом с её креслом чашечку с лимонниковым напитком. Он хорошо прочищал мозги. И пока её ещё окончательно не отвлекли заботы о будущих детях, надо было постараться вспомнить что же там на самом деле произошло, при посещении лагерей пленных амазонок. И что там было такого, что резануло ей по глазам, но осмыслить тогда у неё так и не получилось.

— "Всё же беременной, да чуть ли не на последних сроках, отправляться в тяжёлую зимнюю экспедицию на санях куда-то в Пущу, могла только идиотка. Верх идиотизма, — мягко пожурила она сама себя. — Но заниматься самобичеванием не будем. Тем более что всё более менее нормально кончилось. Вернёмся лучше мыслями к тому что там произошло".

Отхлебнув горячего тонизирующего напитка, Белла погрузилась в воспоминания…

*Карьер…**

Широкие, но мелкие угольные ямы, многочисленными чёрными на белом пятнами покрывающие склон какой-то широкой долины, в первом месте их посещения, не произвели на Беллу поначалу должного впечатления. Сколько глава местного рода подгорных ящеров Шир Гурый ни пытался убедить её, что именно его роды, род Ржавого Камня и Бурой Лисицы, готов поставить к ним на завод требуемое сталеварами количество угля, в обмен на продовольствие, Белла не впечатлилась. Даже с учётом копающихся в этих мелких копанях стариков и детей, было сразу понятно что к весне, ко времени когда вскроются реки и можно будет сплавлять на плотах и дощаниках уголь на завод, много, сколько Василию было надо, эти не добудут. Их было слишком мало. На такое богатое месторождение угля и при такой лёгкой, поверхностной добыче, местных подгорных ящеров было откровенно мало.

Первый угольный карьер откровенно разочаровал её.

Зато второй — порадовал.

Но гораздо большее впечатление на неё произвёло не само второе место добычи каменного угля, честно говоря, мало чем отличающееся от первого, а способ. Способ добычи угля здесь — это было нечто.

Распятые для устрашения, на косых крестах из толстых брёвен подгорные ящеры с равнины не заметить было трудно, однако, она умудрилась.

— Более тупые охраняют более умных, — было первое, что она услышала, остановившись потрясённая прямо перед одним из таких крестов.

Сразу не замеченный за огромным валуном, закрывающим вид на место распятия, перекрещенный буквой "Х" большой толстый крест с привязанным к нему живым ещё ящером, производил — потрясающее впечатление. Которого, в её положении, Белле всё-таки следовало стараться избегать. Такие сильные впечатления ей ныне были прямо противопоказаны.

Впрочем, равнодушие с которым она осмотрела тогда казнённого, признаться, удивило и её саму.

— Что это? — безразлично поинтересовалась Белла. Что-то бело пятнистое на белом, привязанное к каким-то косым столбам, первоначально её совсем не впечатлило, оставив равнодушной.

Да и что ей было до каких-то ящеров.

— Консервы, — точно такой же равнодушный отклик Кары, местной хозяйки и начальника одного из лагерей пленных амазонок не вызвал в душе Беллы ни малейшего шевеления.

— Мясные консервы, — уточнила Кара. — Хлеба не хватает, вот и пришлось пойти на кое-какие издержки. Пусть своих едят. Раненых и ослабших. Всё нам меньше мороки с погребением.

— Откуда здесь раненые? — нахмурившись, Белла внимательно посмотрела на внешне старающуюся держаться невозмутимо амазонку.

— Так они тут между собой всё никак не выяснят, кто из них главнее, — с коротеньким смешком хохотнула амазонка. — Род какого-нибудь Чёрного Муравья, воюет с родом Серой Утки. Когда от того и от другого остаются лишь женщины, старики и малые дети, на их земли приходит род Зелёной или Колченогой улитки с равнины, и подъедает оба ослабших рода. Причём, съедает в самом натуральном смысле этого слова, прямо с костями. Они из них варят какую-то особую костяную похлёбку, которая у них очень ценится беременными и ослабшими.

— Не желаешь попробовать? — с невинным видом поинтересовалась она у Беллы.

Добившись в ответ яростного, бешеного взгляда, невозмутимо продолжила, словно ничего и не говорила.

— Но и этот третий род тоже, в свою очередь подпирается откуда-нибудь с севера ещё каким-нибудь другим родом, ещё более мощным. И которому, что удивительно, тоже хочется кушать.

Места здесь бедные, почвы тощие, песчанистые. Много на их не вырастишь. Да и земледельцы из подгорных ящеров — аховые. Вот они и жрут друг друга.

Круговорот питательных веществ в природе, — с глубокомысленно довольным видом пробормотала Кара. Видно было что ей нравится, то, что она говорит.

— Угу, — задумчиво хмыкнула Белла. — Если только не считать того, что слабых и ослабших вытесняют всё более и более сильные роды подгорных ящеров с Прилонгарской равнины. А там копятся сильные и мощные. Которые уже потом, когда кончатся свои, примутся за нас. Мы для них ведь тоже звено в пищевой цепочке, тоже мясо, — сердито бросила она удивлённой её недовольством Каре.

Белла с нескрываемой брезгливостью смотрела на творящуюся вокруг мерзость.

Периодически подходя к распятым, охранники и жители посёлка из местных ящеров отрезали острыми ножами куски мяса

с тел распятых. Места отреза тут же чем-то присыпали, каким-то серым порошком, и поливали сверху беловатой, вязкой жидкостью, после которой крики распинаемых тут же прекращались. Похоже, это было какое-то сильное антисептическое средство, приносящее быстрое забытьё съедаемым.

Крупные белые пятна этой вязкой белой субстанции густо-густо покрывали тела распятых. Казалось, они уже совсем покрылись белой, внешне как бы известковой коркой, мало чем отличимой от белого снега вокруг.

— А белое это что? — хмуро поинтересовалась Белла.

— Какая-то растительная анестезия, — постаралась удовлетворить её любопытство Кара. — Что это — нам не интересно. Дрянь какая-то. Жуют какие-то корни, потом сплёвывают в кувшин, добавляют ещё какой-то дряни и оставляют всё это на какое-то время в тепле и в темноте. Через неделю получается вот такая гадость.

Чего эта странная баронесса, сама непонятно с чего в её положении потащившаяся куда-то зимой по тяжелой дороге, интересуется такой ерундой, Кара совершенно не понимала, и оттого испытывала сильный дискомфорт. Всё непонятное настораживало. А баронесса эта вообще была одна сплошная загадка.

— "Надо взять на заметку, — думала Белла, провожая глазами отошедшего от креста охранника. — И поговорить с Ли Дугом или с кем-либо другим, кто у них ведает врачеванием. Вдруг это что-то интересное, что-то новое в медицине".

Повернувшись к постоянно держащемуся за её спиной старшему десятка её охраны Крутур де Суану, тихим невыразительным голосом, чтобы не слышала Кара, приказала.

— Анестезию эту белую, растительную добыть. Но аккуратно, не привлекая особого внимания. Если кто заинтересуется, отвечайте — мол, чудит баронесса. И только. Или вообще на себя сваливайте, мол, вам самим интересно. Но всё об этом продукте узнать. И чтоб к нашему отъезду был не только сам образец, но и вся технология его изготовления. Даже если это просто пожевали и выплюнули, а потом приложил к больному месту.

Если это обезболивающее — надо взять рецепт на заметку. Нам надо всё. Всё что только может пригодиться.

Откинувшись на бархатистую спинку любимого кресла, Белла невольно поёжилась. Воспоминания были крайне неприятные. Даже сейчас, спустя несколько недель после посещения той небольшой деревеньки подгорных ящеров, её пробирал мертвящий душу озноб.

Она поспешила переключиться на другие, более приятные воспоминания. Белла постаралась вспомнить хоть что-то, что было хоть каким-то светлым пятном в ту её поездку. Вспоминалось плохо. Светлых моментов было откровенно мало.

Если не считать за такое использование откровенно рабского труда, двулично называемого в этой приютившей её компании. трудом военнопленных.

— Ящеры охраняют ящеров, — тихо хмыкнула Белла.

Протянув ноги ещё ближе к огню, она задумалась. В этом что-то было, какая-то внутренняя правда. Одни подгорные ящеры людоеды охраняли других подгорных ящеров людоедов. Вторые добывали для первых каменный уголь в карьере и железную руду в шахте. И за это получали хлеб, который и позволял им и их семьям не вымереть в нищих предгорьях от голода. Откровенно рабский труд, ничем даже для приличия не прикрытый.

И никого это не волновало, потому что одни людоеды истребляли других людоедов. А за победителями в свою очередь следили опять пленные. Теперь уже для разнообразия амазонки.

— Тонкая политика, — хмыкнула Белла. — Настолько тонкая что и не понять кто есть кто.

"Но зато какая эффективность. И какой странный выверт мозгов, — подумала она. — Да-а, господа Сидор и Димон неплохо придумали. Горы каменного угля, горы заготовленной на вывоз весной, богатейшей, перебранной умелыми руками железной руды.

И всё это фактически даром".

А вот даром ли, — едва слышно прошептали губы Беллы. — Что-то в такое плохо верится. Зная амазонок, верить в то что они добровольно остались и вкалывают, имея все возможности сбежать? Я не такая наивная как Маша. Что-то их держит. Что?

Что же там на шахте было такого, что неприятно царапнуло? — опять вернулась она мыслями в прошлое.

И это не распятые на косых крестах пленные ящеры, — пришло холодное понимание. — Ящерами отвлекли моё внимание, как в иных местах говорится: "Врезали по мозгам", чтобы что-то я там не заметила. Что? Что я там не должна была заметить?

Будем думать, — прошептала Белла. — Вспоминать и думать. И надо обязательно покопаться в бумагах на доставку. Вся их жизнь там закручена на доставку. Есть доставка — есть и они. Нет доставки, и в первую очередь хлеба и оружия — неделя, другая и никого там в лагерях не найдёшь — съедят. Местные всех съедят. Голодные.

А нам не надо чтобы их всех съели, — медленно проговорила

она, глубоко задумавшись.

Ей опять вспомнилось, пожалуй одно из немногого, что было там хорошего.

Всё тот же лагерь с пленными, всё те же косые кресты с распятыми ящерами, поедаемыми живьём. И огромное светлое пятно, что откровенно бальзамом легло Белле на душу. Настоящее потрясение.

Делаемые там на месте дощаники, на которых уже этой весной довольная до невозможности Кара готова была сплавлять им на завод и каменный уголь и руду.

Визг двуручной пилы, распускавший бревно на доски до сих пор, ка вживую вставал в её ушах. Это было настолько неожиданно, услышать там, в глухой подгорной пуще услышать визг пилы, что Белла в тот момент восприняла этот звук как нечто родное, любимое, хоть казалось бы давно и прочно забытое.

Возле замка Советника, когда она там жила, тоже была такая вот пилорама на козлах, где нанятые кастеляном сезонные рабочие вот так же зимой распускали на доски толстые стволы дубов из баронской рощи. А потом, по весне, продавали их подсушенными на ярмарке возле стен её баронского города Вехи.

Продажа досок была весьма весомым прибытком к их скудным доходам от немногих остававшихся ещё тогда у неё поместий. И Белла ещё с тех времён прекрасно запомнила как одуряюще вкусно пахнет свежераспускаемая пилой буковая и дубовая древесина.

Здесь, в горах пахло сосной, свежераспущенной хвойной древесиной: кедр, пихта, лиственница, но больше всего сосной и елью.

И ещё смолой. Кипящей горячей смолой. Той самой смолой, которую они просто в немыслимых количествах везли с собой на санях как раз в этот лагерь.

Оказывается, здесь у амазонок была своего рода верфь, где они в больших количествах готовили к весне огромное количество плоскодонок дощаников, на которых собирались весной спустить всю добытую за зиму руду и каменный уголь в низовья озёр, на железодельный завод Василия.

И занималась там этими делами какая-то невероятно толстая бабища, сама себя шире.

Белле при одном взгляде на неё стало страшно, настолько она была толстая. Но, это отнюдь ей не мешало умело командовать на той импровизированной верфи.

Оказывается амазонки из Речной Стражи были не только хорошими воинами, матросами, но ещё многие из них были и корабельными плотниками, и мастерами по пошиву парусов, и

кожевниками. И многими и многими другими, столь необходимыми на реке и на лодьях специалистами. Это же была Речная Стража, поняла она тогда.

Вот на таких специалистов она тогда во втором лагере и наткнулась. И здесь работали ящеры. Только не из пленных, а те, кто вроде бы как сами взялся надзирать за своими собратьями, из как бы коллаборационистов, как ей с гордостью тут же подтвердила начальник этого лагеря Кара.

Вот из этих досок, распускаемых ящерами, амазонки и клепали на весну дощаники.

— "Пожалуй, это самое ценное, что я из этой поездки извлекла", — мысленно похвалила сама себя Белла.

Захваченная ею с собой в город та самая толстая бабища, назвавшаяся бригадиром корабельных плотников, — это пожалуй самое ценное приобретение Беллы в той поездке.

— "Хотя, опять очень странно, — осекла Белла свои собственные восторги. — С чего бы это амазонкам соглашаться на моё первое же предложение проехать сюда в город, в залив, посмотреть нельзя ли что сделать со сгоревшими во время набега лодьями. Их же собственными лодьями, доставшимися Компании в виде трофеев во время последнего набега, и с другими двенадцатью, брошенными на половине работ лодьями.

Им же с каждого готового дощаника идёт немалая деньга, существенно сокращающая всю их задолженность компании. И, несмотря на это, бригадирша корабельных плотников всё бросает на несколько недель, и едет сюда, в город. С чего бы это?

И Кара, её начальница, казалось бы кровно заинтересованная в скорейшем освобождении от долгов, безропотно согласилась на эту поездку? На то что важнейший в деле строительства дощаников человек будет чуть ли не на несколько месяцев отстранён от её работ? И даже Кара сама всячески уговаривала сомневавшуюся было поначалу толстую амазонку проехаться в город", — Белла озадаченно схватилась рукой за подбородок.

Только сейчас, когда она сидела здесь дома у камина и размышляла над всеми странностями своей поездки на озёра, она первый раз серьёзно задумалась над многими и многими странностями, сопровождавшими её на всём этом пути.

— Мама, — тихо проговорила она, осторожно кладя руку на живот. — Ой мамочка! — невольно повысила она голос.

— Дашка! — заверещала она. — Зови повитуху! Началось!

До неё только сейчас наконец-то дошло, что всеми странности, замеченными ею в последнее время она заняться сможет уже не скоро. В ближайшие несколько недель, а то и месяцев, ей явно будет не до того. Новые бароны де Вехтор

стремительно просились на свет. Время пришло.

Глава 12 Звенят ручьи, кричат грачи… Пришла весна и сердце тает…

Компромат — как много в этом слове…*

Весна вовсю уже буянила за окном звонкой капелью, а Маша, как погрузилась прошедшими долгими зимними вечерами в бумаги, привезённые ею с Беллой из Долины, захватив их из рабочего кабинета Сидора, так, казалось, и не расставалась с ними до сих пор. И только сейчас, понемногу, еле-еле, одним краешком до неё начало доходить, с чем они с Беллой там столкнулись.

Оказывается, Сидор с Димоном, давно разобравшись в какую бяку они влетели с этим банком, готовили реванш. Только вот, сильно опоздали с этим. Судьба так сложилсь и у того, и у другого, что им обоим стало совсем не до того, и они оба бросили начатую работу.

— "Жаль всё же, что в самом начале бросили, — с горечью думала Маша, в который уже раз по счёту перебирая бумаги. — Столько наработано, столько наработано, сколько одних только денег потрачено на топографическую съёмку и поиск доказательств несоответствия заявленного места с описанной местностью. А предъявить претензии всё одно не в чем. На всё гарантированно найдётся убедительная отмазка.

У таких зубров, что управляют нашим городом, на таких новичков в тонком искусстве шантажа как мы, найдётся тысяча отмазок, со сто процентной гарантией докажущих, что они здесь ни при чём и что сами пострадали".

Получалось так, что прямым путём ничего добиться в их положении было нельзя. Следовало искать косвенные, обходные пути.

Маша опять погрузлась в исследование бумаг. Сегодня следовало разобрать ещё один сундук, вчера привезённый Димкиными девочками из долины.

— Какая тщательная проработка, — зацепилась она взглядом за какую-то несуразность.

Странно.

А это что?

Маня с задумчивым видом копалась в вываленных на стол

больших листах топографических карт. Теперь, когда сразу после разгрома банка схлынул вечный ажиотаж от нескончаемой работы, и в банке не стало клиентов, у неё появилось много свободного времени. И она могла сосредоточиться на первоочередных задачах — надо было разобраться с привезёнными из долины бумагами, и с тем что же дальше делать. Белла пока помочь ей не могла, а первое же ознакомление с бумагами принесло буквально ворох новых проблем.

Оказывается Сидор с Димоном давно занимались закладными, внесёнными уредителями как уставной капитал банка со стороны города.

Следовало проверить их наработки и решить что с этим делать. Пока что в огромном ворохе бумаг и каких-то планов она буквально тонула. Ничего понятно не было.

Копия закладной? Ещё одна. Опять! Ещё одна. Нахрена? Нахрена ему эти копии, — Маша раздражённо откинула какой-то пергамент в сторону.

Наклонившись под стол, она сердитым, резким движением сбросила серую, мохнатую по краям тряпку, прикрывающую лежащую на полу невысокую кипу ещё каких-то, захваченный без разбора из кабинета Сидора бумаг.

— Подшито и пронумеровано, — тихо проговорила она, аккуратно вытаскивая из-под стола и кладя на рассыпанные по столу карты перевязанную толстым шпагатом стопку.

А вот и пояснительная записка, — вчиталась она в белый листок, скрепкой прикреплённый сверху. — Компромат. Сбор и систематизация информации.

Блин! — выругалась она сквозь зубы. — Бред. Что ещё за компромат. Это он что, собирал компромат на Голову? Пытался доказать что они нам в банк подсунули заведомую лажу?

Опа-па, — едва слышно пробормотала она. — Как интересно то. И как всего много-то, — довольно мурлыкнула она сытой кошкой. — Думаю, Голова за эти бумаги дорого бы дал. Но, торопиться не будем.

Маша любовно, нежно провела по пыльной папке ладошкой. Наконец-то ей хоть немного повезло. В хаосе непонятной, порядком поднадоевшей макулатуры, попалась наконец-то настоящая жемчужина. Жизнь налаживалась. Её Цель неожиданно получила мощную подпитку и Маша внутренне замерла, боясь спугнуть вдруг повернувшуюся к ней удачу. Наконей-то она доберётся до горла этой сволочи Головы.

Вот только торопиться не следовало. В прежние времена, как только бы она поняла что за документы у неё оказались на руках, она бы не задумываясь побежала в Управу, требовать возмездия и

спеша расправиться с мерзавцами. Но с того времени случилось много чего, и Маша, умывшись собственным дерьмом и грязью, поумнела.

Теперь она не спешила. Теперь она поняла слышанную когда-то давно, ещё в прошлой жизни фразу: "Месть — блюдо холодное и подавать его надо не сразу". Да и само отношение к этому понятию совершенно неожиданным образом трансформировалось в её сознании.

После долгой болезни, нервного срыва и потери нерождённого ребёнка, она поумнела.

Теперь она была не уверена что ей нужна просто кровь Головы и всех причастных к их разорению лиц. Это было слишком просто. А месть, настоящая месть, как она теперь это понимала, должна была быть такой, чтоб все их враги навек бы зареклись с ними связываться. И настоящая месть должна быть по настоящему эффективной, а не простым, привычным, не страшным никому кровопусканием паре зарвавшихся идиотов.

Маша сама себе усмехнулась. Последнее время ей порой самой казалось диким то, насколько изменился сам подход её к этому непростому делу. Насколько даже ей самой порой казался странным выверт её мозгов. Но отступать она была не намерена. Просто жизнь мерзавцев ей была не нужна. Требовалось чего-нибудь особого, необычного, чтоб всем на всю жизнь запомнилось. Чтоб больше боялись не того что она отомстит, а того — как это будет сделано.

Громкий грохот в коридоре прервал её мысли.

— Дашка, — мгновенно рассердилась Маша.

За последний месяц она настолько уже привыкла к тишине и покою в помещнях банка, что едва слышный шум за стеной мгновенно вызвал всплеск глухого, злого раздражения.

— Дашка, — рявкнула она. — Что за дела? Что за шум у тебя?

В распахнувшуюся со стуком дверь ворвался бело рыжий вихрь. Приближался день весеннего солнцестояния, двадцать второе марта по земному календарю, или какой-то там день по местному, и Дарья, неофита, фанатка Большого Рыжего Зверя и просто увлекающаяся натура, активно включилась в творческий процесс по подготовке праздника.

Глядя на стоящее перед ней бело-рыщее чудо, Маша с мгновенным всплеском сожаления вспомнила, что так и не удосужилась попросить Дарью подготовить и вывесить у неё в кабинете оба календаря: земной и местный. И если ей в своих делах внутри города было всё равно, какое нынче число, особенно последнее время, когда у них не стало клиентов, то в связи с подготовкой праздника, точная дата приближающихся торжеств

принимала принципиальное значение.

Собравшись было возмутиться подобной небрежностью вечно чем-то непонятным занятой секретаршей, её тут же осекли.

— Там опять этот, Могутный, — возмущённо фыркнула Дарья, пренебрежительно мотнув головой в сторону распахнутой настеж двери Машиного кабинета.

Я не пускаю, а он всё лезет и лезет. Требует встречи с тобой. Я говорю что у них все сроки вышли и ты не будешь с ним разговаривать, а он настаивает на встрече.

Я всё правильно сказала? — возмущённо запыхтела она, словно перегретый чайник.

Правильно, — кивнула головой Маша. Сроки, отведённые Беллой Ивану Дюжему на сбор и договоренности со своими компаньонами истекли Бог знает сколько времени назад, а тот только сейчас заявился.

Да и не собиралась Маша с ним говорить вообще. Всеми делами по водочному заводу на Рожайке занималась Белла, а ей сейчас было не до того. Двое рождённых пацанов требовали постоянного пригляда и Белле сейчас совершенно было ни до каких-то там заводов. У неё сейчас были гораздо более важные и интересные дела. Она выкармливала родившихся ниже нормального веса двух малышей, активно сейчас набиравших положенный им вес, и это сейчас её интересовало гораздо больше, чем какой-то Дюжий и какой-то завод.

Маша знала это совершенно точно, поскольку сама недавно видала Беллу у неё дома, когда пришла полюбоваться на мальцов и та ей тогда же открытым текстом и скала чтобы её в ближайший месяц, два ни с чем не тревожили. И вот в этом воросе, Маша была абсолютно солидарна с баронессой. Дюжему придётся подождать. Не пан, перебьётся.

— Машка, ты чё творишь, — прервав её мысли, в кабинет спокойно вошёл Иван.

Широкой, лопатообразной рукой он схватил за шею пискнувшую придушено Дарью, и аккуратно, но неумолимо выставил её за дверь, захлопнув следом за возмущённо заверещавшей из-за двери Дарьей.

— Ну вот, — удовлетворённо заявил он, с явным облегчением усаживаясь в гостевое кресло, стоящее перед Машиным столом.

С обречённым вздохом, Маша перевернула лежащий перед ней лист топографической карты обратной стороной, и прикрыла им разбросанные по всему столу бумаги. Знать посторонним чем это она тут занимается, не следовало.

— Ну раз пришёл, говори, — обречённо вздохнула она.

Впрочем, с чем тот пришёл, было понятно. Дело касалось

винного завода на Рожайке. Теперь следовало подумать, как бы ему отказать в его просьбе, чтобы не слишком обиделся. Соваться в дела которые последнее время перед родами вела Белла, Маша не собиралась.

— Да ты уже догадалась, — ухмыльнулся понятливо Дюжий. — Принёс согласие народа на ваше предложение и просьбу поторопиться с началом работ, а то уже весна на носу и давно бы пора была приступить к работам.

— И сколько принёс? — равнодушно поинтересовалась Маша.

Сколько бы тот ни принёс, ничего решать без Беллы нельзя было, а то не дай Бог, ещё обидится. А волновать её в послеродовом положении, всё же не следовало. Мало ли что.

Но, поинтересоваться всё же надо было, вдруг Иван чего нового скажет.

— Сто! — с непередоваемо гордым видом вывалил на неё Дюжий. — Сто тыщ!

— И чего? — не менее равнодушно переспросила Маша, словно речь шла не о деньгах, которых у них не было и которые были им остро необходимы, а о чём-то ненужном, несущественном. — Тебе было сказано определиться в три дня. Ты этого не сделал. Пришёл когда уж прошло чуть ли не месяц, а то и ещё больше.

И чего ты от нас хочешь?

— Маша-Маша-Маша, — покачал головой мужик. — Срок в три дня это не реально. И ты не хуже меня это понимаешь. Поэтому, мы и не торопились. Навели справки, поговорили с народом, посчитали, определились в приоритетах. И вот я здесь со ста тысячами золотых в кармане. Теперь можно вести серьёзный разговор.

— Нет, — хмыкнула Маша. — Теперь — нет…

Словно не слыша, Дюжий, немного повозившись, с ещё большим удобством устроился в кресле.

— Не в службу, а в дружбу, — невозмутимо начал он, словно и не слышал что ему отказали. — Скажи Дашке чтоб она нам поставила самовар и налила вашего чудного лимонникового чайку.

Кроме как у тебя в банке, такого чудного напитка нигде в городе не попробуешь, — тяжело, с нотками безысходности в голосе, вздохнул он.

— Хм, — хмыкнула Маша. Поведение Дюжего её заинтересовало. Что же такого странного произошло, что тот так настаивает и готов чуть ли не силой навязать им свои деньги.

— "А! — мгновенно пришло понимание. — Весна на носу, а дальше и лето. А у них дома такая куча денег без дела валяется, и

фактически без охраны. Ну в самом деле, какая на одиноком хуторе в глухом лесу охрана. Любой бы забеспокоился".

Даша! — крикнула она в закрытую дверь.

По скорости с какой она была распахнута, было предельно ясно что та стояла прямо под дверью и слушала что тут в кабинете происходит.

— Хрен ему, а не чаю, — отрезала Дашка гневным голосом. — У нас самих его мало.

Уперев руки в бока она в этот момент была похожа на злобную маленькую сабачонку, наскакивающую на презрительно её рассматривающего медведя. Вид Даши в этот момент был столь комичен, что Маша наконец-то не выдержала и весело, заливисто расхохоталась.

— Да ладно, — махнула Маша рукой. — Сделай нам малый заварной чайничек, побалуем гостя. Чай не чужой, — улыбнулась она, видя счастливую улыбку расплывшуюся на предвкушающем удовольствие лице гостя.

Дождавшись когда тот утолит первую жажду, нетерпеливо поторопила его. С гостем было заранее всё ясно, так что терять своё дорогое время на то чтобы просто напоить человека чаем, не хотелось.

— Ну что, скажешь ещё чего нового? Или просто расстанемся?

— Вот что я тебе Машка скажу, — сразу взял быка за рога гость. — Ты не кобенься. Мы знаем что у вас сейчас с деньгами туго. А деньги вам нужны. Ты также знаешь, что нам кровь из носу надо наши деньги убрать из дома. Если амазонки будут знать что у нас дома ничего нет — нам спокойнее будет. Если будут знать что деньги в вашем банке — вообще вопросов не возникнет и сразу отстанут. Поэтому, прими вклад на год и не выпендривайся.

В принципе, если вы наши денежки покрутите годик, до следующей весны. хуже нам от того не будет. Всё одно в ближайшей перспективе девать нам их некуда. Ни этим летом, ни по осени, ни следующей зимой снятия торговой блокады не будет. По всему видать амазонки решительно настроены и уступать не собираются.

Верные данные, — мрачно констатировал он. — Ребята за рекой пошуршали, связи свои старые подняли и вести оттуда, скажу я тебе, самые неутешительные. В этом году никакой торговли на реке для нас не будет. Это точно. Не простят они нам последний разгром. Не простят.

Сколько ребята не пытались поискать обходных путей — бесполезно.

Замолчав, Иван Дюжий на какое-то время замолчал, мрачно думая какую-то свою думу.

И вот ещё что. По поводу надвигающегося на нас весеннего прздника. Вы там, мы смотрим, дело своё замутили впротиво Городской Старшины. Так вот. если вы тысчонку, другую из этих денег пустите на всякие свои там барабаны, сопелки, знамёна и дудки, мы возражать не будем.

— Как это? — растерялась Маша. — Тысчонку, другую…, вы не против. А пояснее, без вот этого вот…, - Маша резким рассерженным движеним ладони изобразила волновое движение руки, вроде змейки.

— Как, как, — рассердился Дюжий. — Мы тебе даём сто две тысячи. Бумаги оформляем на сто. На две вы шьёте свои сторонникам всякую амуницию и всё что им там необходимо барабаны, дудки, флейты и прочее. За эти две тыщи спрашивать с тебя ничего не будем.

И мы здесь, как ты понимаешь, как бы ни при чём. Откуда деньги никто не знает. Ваши это деньги, ваши! Теперь понятно? — Дюжий буквально воткнул в глаза Маши свой рассерженный, злой взгляд.

— Две тыщи… золотом…? — Маша в рстерянной задумчивости медленно откинулась на спинку своего кресла. — Иван, это очень большие деньги. Очень.

Даже сразу и не соображу куда такую просто гигантскую сумму можно потратить.

— А ты с подругой своей поговори, посоветуйся, — скупо усмехнулся Иван, — с баронессой своей.

— Это как же вас выходит Голова зацепил, что вам таких денег не жалко, лишь бы только ему насолить, — медленно проговорила Маша, не сводя с Дюжего своего взгляда. Неужно так до сих пор и не успокоились?

— Успокоились? — вопросительно поднял правую бровь Иван. — Как говорят в иных, хорошо знакомых здесь присутствующим местах: "Мы парни не злопамятные. Мы просто злые и память у нас хорошая".

— Ну так как? Устраивают тебя наши условия? При прочих ваших: два процента годовых и расчёт продукцией по себестоимости. Если да, то завтра я пришлю ребят сюда с нашим золотишком. Нет — нет. Как говорится, без обид.

— Думаю, такой расклад нас устроит, — задумчиво проговорила Маша. — Присылай завтра своих, примем ваше золото.

"Ого, как их зауздило, — пронеслась в голове встревоженная мысль. Знакомые вроде мужики показали себя совсем с

неожиданной стороны. — Видать пары фингалов, наставленных Голове при личной встрече, мужикам показалось мало.

Хотя, нет. Врёт стервец. Чем-то другим Голова им дорожку перебежал. Серьёзно перебежал. Так, что они даже двух тысяч золттом не пожалели, лишь бы ему хоть чем-то насолить. Нет, надо будет поточнее разнюхать, разобраться что у них там с Головой на самом деле произошло. Чего это ребят заколбасило, словно озверинчику хватили".

— По рукам, — протянула она руку, прощаясь с гостем. — Жду завтра ваше золото. Документы я подготовлю.

Проводив гостя, она медленно подошла к окну и застыла перед ним, обдумывая только что произошедшее. По всему выходило, что местные контробандисты в чём-то очень серьёзно поссорились с властями. И решили круто сменить политику, сделав ставку уже на других.

— А это значит, что они узнали что у нас есть свой выход в Приморье, минуя Басанрогский перевал. И они будут через нас искать выходы на Приморские маршруты.

А это в свою очередь значит, что с амазонками у них точно, труба. Не будет этим летом отмены блокады на реке. Не будет.

Визит минотавра…*

— Однако, сегодня работы уже не будет, — Маша с сожалением посмотрела на сложенные под столом сидровы бумаги. Настроения работать не было ни малейшего.

— Ладно, — решила она. — На сегодня сворачиваемся. Лучше зайду в гости к Белле и профессору. На малышей посмотрю, а заодно и узнаю как у него там дела с его лабораторией.

— Ну никак не желают власти оставлять нас в покое, — с сожалением посетовала она.

Городские власти последнее время, как широко для всех было объявлено, взялись наводить порядок в своих финансах и первым делом озаботились наконец-то разобраться, а куда у них уходят казённые средства. И, как не трудно было догадаться, первым делом потребовали именно от профессора отчитаться по договорам, заключённым ими с профессорской лабораторией на выполнение всяческого вида химических работ.

И как не трудно было догадаться, профессор влип. Отчитаться у него получалось не очень, даже с помощью Маши. Небрежное отношение властей к своим обязанностям, к перечислению денег и оплате выполненных этапов работ, давно уже привело к немыслимой чехарде в отчётах и делах

профессора.

Умножьте всё это на нежелание самого профессора вообще что-либо последнее время отдавать властям. Вот и получите результат. Скандал на весь город и угрозы отобрать его лабораторию в счёт погашения долгов от не выполненных по обязательствам работ.

— Маш! — стоящая в открытых дверя дашка, выпученными от изумления глазами смотрела на Машу.

— Что, что такое? — встревожено повернулась Маша к Дарье. Такой ошарашенной она свою секретаршу давно уже не видела и забеспокоилась, не случилось ли чего.

— Там этот, — Дарья растерянно потыкала своим пальчиком себе за спину.

— Что? Опять? — изумилась Маша. — Чего ему ещё надо? — решительно собралась Маша. Подобная частота посещения его Иваном Дюжим наводила уже на нехорошие мысли. Что-то у них там явно произошло.

— Да нет, — придушенно зашипела Дарья, торопливо захлопывая за своей спиной дверь. — Там член городского Совета Потап Буряк и Рафик Мурадян, Пашин зам и казначей.

— Кто? — растерялась Маша.

— Потап и Рафик, — Дашка кивком головы подтвердила что Маша не ослышалась. — Я ещё утром эту сногшибательную новость слышала что вчера вернулся наш Рафик, через Басанрогский перевал до нас добрался. А сейчас оказывается, что первое что он сделал — не к нам пошёл, а заявился в Управу и потребовал от руководства города вернуть ему его серебряную шахту.

— Что он потребовал? — до изумления растерялась Маша. — Пашину шахту? Рафик? Наш Рафик? С какого это бодуна?

— С такого что мол наследник и всё такое. И уже всех в Совете подговорил что ему надо возвращать его имущество, как единственному наследнику погибшей банды.

— И вот Буряк пришёл из нас её выколачивать. Я так понимаю, — Дарья испуганными, круглыми глазами смотрела на Машу.

— Ах, выколачивать. Наследник, значит, — Маша, сразу став спокойной, деловой, холодно улыбнулась. Улыбка её стала какой-то нехорошей, многообещающей.

— Зови, — кивнула она головой. — Будем разговаривать.

С каменным лицом Маша сидела в своём кабинете и слушала страшный рассказ Рафика Мурадяна, пашиного закадычного друга, казначея его отряда и просто ушкуйника. С каждым новым словом рассказ нравился ей всё меньше и меньше. А сидящий

напротив человек, наоборот, с каждым прошедшим мгновением не нравился ей все больше и больше. Веры ни ему, ни тому что он говорил не было ни малейшей.

Начать с того, что Рафик Мурадян никогда ей не нравился. С самой первой встречи, с самого первого дня, когда Паша ещё только первый раз представлял им всем свой экипаж, а чеснее сказать, свою банду. Именно стого дня ей не понравился этот человек. И она никогда не понимала Пашку, когда тот защищал его от нападок с её стороны.

Хотя, что это были за нападки. Так, простое несогласие её с назначением этого мужика казначеем Пашиной банды ушкуйников. Даже не то чтобы несогласие, а простое сомнение, неясное самой себе внутреннее неприятие этого человека.

Тем более что был тогда выбор. Была у Паши тогда на должность казначея другая кандидатура — Камиль Рудый. Только вот почему-то именно в то время он вдруг внезапно и так некстати тяжело заболел. И болел ровно до того самого дня, пока Паша не определился со своим выбором и собственным приказом окончательно не утвердил Рафика в должности отрядного казначея.

А ещё больше ей не нравилось, что потом, когда вдруг возникали вопросы о смене казначея на его посту, Камиль каждый раз вдруг необъяснимым образом неожиданно и надолго заболевал. Тем самым сводя на нет всякую возможность самому принимать участие в борьбе за столь выгодное и серьёзное место во внутренней иерархи Пашиной банды.

Среди пашиных ушкуйников даже возникла в связи с этим довольно грубоватая шутка, ставящая под сомнение саму способность этого парня заниматься вообще каким-либо серьёзным и ответственным делом.

Происхождение подобных слухов никто тогда серьёзно не выяснял, но у Маши уже тогда стали появляться некоторые соображения в источнике происхождения подобной клеветы. Уж очень они появлялись всегда очень кстати и всегда вовремя, и сразу же после того, как исчезала в них надобность быстро сходили на нет.

Такие совпадения никоим образом не могли быть случайностью. И они с профессором даже пытались одно время эти случаи расследовать, но им элементарно не хватило времени. Подошёл срок начала операции "Бешеные лошади" и они надолго отвлеклись.

Да и парень тот, Камиль, жертва клеветы, в последний раз почему-то сам не стал поднимать скандала, видать смирившись. Он тихо отошёл в сторону и после старался лишний раз не

сталкиваться с другими ушкуйниками. И, как он тогда от них отошёл, так с тех пор и держался в стороне, тихо занимаясь какими-то своими, не связанными с основной группой ушкуйников делами. Тем не менее, членом Пашиной команды он быть от этого не перестал, что не раз перед всеми подчёркивал и сам атаман.

А теперь, по словам последнего оставшегося в живых пашиного бойца, выходит по всем прошлым делам и спрашивать было уже не у кого. По словам Рафика всех ребят казнила княжна. И он остался последним и единственным наследником.

И что самое страшное, что наводило на серьёзные размышления, его слова подтверждали некоторые амазонки, лично присутствовавшие на устраиваемых княжной казнях.

Что Маше в амазонках всегда нравилось, так это честность и открытость. Полная открытость и способность нести личную ответственность за содеянное. И если они считали что никоим образом не виновны в чьей либо смерти, то и скрывать то что там происходило они не собирались. Потому Маша чуть ли не в мельчайших деталях была осведомлена обо всём там происходившем.

И во многом, то что она знала, совпадало с рассказом Рафика.

Но были, были некие нестыковки в том что и тот и другие рассказывали.

И самая главная нестыковка, совдяшая на нет все требования мурадяна, это было количество погибших.

Не сходилось число доказанных казней с общим числом пашиных ушкуйников. Категорически не сходилось. Ровно на тридцать восемь человек. А последний, тридцать восьмой, сидел сейчас напротив неё и пытался уверить её в том, что остальные — все тридцать семь его напарников погибли. И он теперь остаётся один единственный наследник оставленного Пашей богатства. И соответственно, требовал его себе.

Но даже и это можно было бы стерпеть. В конце концов выплачивать положенную долю что одному, что пятидесяти членам банды Маше было без разницы. Проблема заключалась в том, что Рафик Мурадян, от лица единственного оставшегося в живых из старых владельцев серебряного рудника, требовал немедленного разрыва договора о совместном владении серебряным рудником с компанией землян и возвращении его в свою личную собственность. Или, если нынешние пользователи с тем несогласны — изменении процента распределения прибыли. Причём себе он во втором случае требовал не менее девяноста процентов дохода, что автоматически ставило жирный крест на

любой деятельности компании в этой сфере.

И ещё, что настораживало, — он пришёл не один. Рядом с ним сидел Потап Буряк, ещё один член городского Совета, с которым у Маши с её друзьями с самого начала серьёзно не заладились отношения. И если со своими постоянными противниками Головой, Старостой, Боровцом или рядом других членов городской Старшины они то ругались, то мирились, то этого Буряка, они всегда старательно обходили стороной. Мутный он был какой-то, непонятный.

Маша снова глубоко задумалась, внимательно следя за сидящей напротив парочкой.

Чем они друг другу с самого начала, с первой же встречи не понравились, сейчас уже и не упомнишь, но с тех пор они больше не пересекаясь, старательно избегая возможных мест общения. А общих знакомых у них не было с самого начала.

Теперь же выходило что общий знакомец у них появился. Сидел напротив. И с полным на то основанием, как он считал, требовал своё. А в качестве, так сказать тяжёлой артиллерии, или гаранта законности своих прав на рудник, он притащил с собой Потапа.

— "Наверняка ведь что-то ему предложил, за то что тот его сейчас поддержит", — Маша мысленно пробежалась по списку требований. Выходило, что она с самого начала была безусловно права. Доказательств гибели Пашиной банды, кроме голословных утверждений казначея не было. Тогда возникал вопрос: "Откуда у парня была такая железная уверенность что все погибли? Прям таки железобетонная, что отчётливо видно у него по глазам".

— "Озвучить? Сказать вслух что подозреваю его во всех смертных грехах, а именно в предательстве и пособничестве врагу?"

— "Хм. А ведь они именно этого от меня и ждут. Откажусь — обвинят в воровстве", — Маня, чуть прищурив глаза, внимательно рассматривала сидящую напротив парочку. По всему их настороженному, готовому к неприятностям виду, выходило что в своих предположениях она была не так уж и не права.

У неё и в мыслях не было воровать чьё-либо имущество. И именно этому заранее отказалась бы поверить сидящая напротив парочка.

Стоило ей только сейчас обвинить Мурадяна в предательстве, как тут же со стороны Совета против них, против всей их компании будет выдвинуто обвинение в попытке присвоения чужого имущества. И тут уже, не смотря на все их доводы, у них в приказном порядке конфискуют рудник. С формулировкой: "До момента установления истины". А момент сей можно потом

оттягивать очень надолго. На любое удобное время.

И далее уже новые хозяева спокойно бы пользовались рудником без всякого контроля с чьей бы то ни было стороны. Вот тогда бы точно, ни о каких проверках и контроле не было бы и речи. И сколько бы реально владеющие рудником на тот момент хозяева не выкачали из него серебра, отчитываться в том они бы ни перед кем не стали бы.

По одной простой причине — не было бы никого, кто имел бы право поднять этот вопрос.

— "Дурачьё, — мысленно хихикнула она. — Не знают что кроме Пашки никто точно не знает места. А тот его так зашифровал, что без ключа фиг разберёшься".

— "А значит, опять возвращаемся всё к той же мысли: "Откуда у парня…", — Маня мысленно хмыкнула, — продолжение фразы"…испанская грусть" напрашивалось сама собой.

Мысленно собравшись, она отбросила посторонние мысли. Дело было не шуточное и следовало максимально сосредоточиться. Глупое хихиканье было неуместно.

— "Так откуда у парня такая железная уверенность, что никто не вернётся? Тридцать семь человек пропало неизвестно куда. Никто толком ничего не знает, никаких сведений об их смерти нет. Нигде документально или просто свидетельскими показаниями это не зафиксировано. А он кричит что все они погибли, а его, наследника всего пашиного состояния — грабят".

— "И главное, не приводит никаких реальных доводов чтоб можно было проверить. Голый расчёт на глотку".

— "Что ж, придётся сразу вводить тяжёлую артиллерию. Иначе — никак".

И ты ему веришь? — Маша с откровенным скепсисом смотрела на члена Городского Совета Потапа Буряка. Тот, как и следовало ожидать, утвердительно кивнул в ответ. Раззявить пасть, чтоб издать хотя бы звук, он не соизволил.

— А вот я — нет, — усмехнулась Маша…

— А тебе не надо верить, — наконец-то хоть какие-то эмоции прорезались на бесстрастном до того лице члена городского Совета.

— Тебе надо выполнить просто условия вашего договора с ушкуйниками. И всё.

— Условия…, - задумчиво пртянула Маша. — Ну что ж, поговорим об условиях.

Поднявшись со своего кресла, Маша прошла в угол комнаты и распахнула дверцу стоящего там небольшого металлического сейфа для документов. Несколько минут копавшись в нём, вернулась обратно.

— На, — протянула она Потапу какую-то бумагу. — Почитай наш договор с Пашей.

Пакт Молотова-Риббентропа. А секретная часть, протокол и приложения — отдельно.

Прочитал, — Маша откровенно нагло ухмыльнулась. — Тебе ещё рано, — выдернула она из-под носа у Рафика документ. — Так что, дорогой ты наш член…

Прервавшись, Маша долго, внимательно, молча смотрела на Потапа. С нехорошим прищуром ухмыльнувшись, продолжила:

— Даже если я соглашусь с вашими требованиями, исполнение их невозможно.

Как бы извиняясь, Маня виновато развела руками.

— Это как это? — подобрался Потап Буряк.

— Согласно секретного протокола к пакту Молотова-Риббентропа, то бишь нашим с Пашей секретным договорённостям, смена нынешнего владельца и все права на рудник могут переходить в другие руки только в одном единственном случае.

И случай этот определён тем самым протоколом. Только в случае предъявления официльных претензий. Вот тогда, я вам его предъявлю. Нет — ни хрена вы не не увидите.

— Я говорил! — от вопля Рафика зазвенели стёкла в оконных рамах. — Я говорил!

Маня смотрела на устроенную Мурадяном в её кабинете комедию, и возникшие у неё неясные сомнения сразу начали приобретать всё более и более чёткие очертания. У неё появилась чёткая уверенность что в своих подозрениях она более чем права.

— Прекрати балаган! — ледяным голосом она враз оборвала завывания Рафика. — Если у вас есть претензии, господа, то предъявляйте их в официальном порядке в городской Управе, а не тайком, уединившись со мной в этом кабинете.

И, кстати, вы не дослушали, — чуть прищурив глаза она холодно смотрела на возмущённого ушкуйника. — Секретный протокол он потому и секретный, что озвучен он может быть в одном единственном случае — в случае общей гибели.

— Или…, - Маша замолчала, выжидательно глядя на Потапа Буряка.

Дождавшись когда он недовольно завозится, нетерпеливо ожидая от неё продолжения, она с откровенной насмешкой закончила.

— Или в случае возникновения каких-либо сложностей и странностей с наследованием. Что имеет место в данном случае быть. В обоих этих случаях все дела по правоприемности переходят к…

— Переходят к…, - медленно повторила она, уже откровенно насмехаясь над Бурым и Рафиком, — … к Камилю Рудому.

Как раз именно на этот случай он здесь и был оставлен без права покидать город до окончательного выяснения вопроса.

Обычная практика, — развела она руками. — Обычная пиратская практика сохранности награбленного. А ушкуйники это и есть натуральные пираты. И кто-то всегда тайно остаётся на берегу, присматривать за сокровищем.

Краски, до того бурно покрывавшие смуглое лицо Рафика, медленно покидали его.

И могу вас уверить, дорогие претенденты на чужое добро, это не единственный камешек, о который вы споткнётесь. Это я вам сразу говорю.

Несколько последующих долгих, томительных минут, наполненных руганью Рафика, Маша мерялась взглядом со злобно глядящим на неё Потапом.

— И последнее, — тихо проговорила она с совершенно невозмутимым видом. — В случае внезапной, неожиданной смерти данного человека, имеется в виду Камиль Рудый, все права на рудник переходят к…., - с таинственным видом насмешливо замолчала она.

Не к нам, — вдруг злобно оскалилась она в ответ на разразившуюся гневную тираду ушкуйника. — Все права переходят в собственность Центра. То есть того самого Территориального Совета, который вы все тут так в городе не любите. Всецело распоряжаться рудником тогда будет так вами всеми не любимый Ведун. Это требование хозяина рудника — Паши-ушкуйника.

Хау! Я всё сказала, — подняв сжатую в кулак правую руку вверх, весело и задорно расхохотась она в ошарашенные лица собеседников.

Глядя, как ругающийся Рафик вместе с Потапом покидают её кабинет, негромко кинула в спину выходящим гостям:

— А с тобой, Седой, мы ещё отдельно потом поговорим. Откуда у тебя такая уверенность что все погибли.

Оглянувшись, Рафик Мурадян несколько долгих, пронзительных мгновений смотрел прямо в глаза Маши. Ни слова не сказав, он вместе с Потапом молча покинул кабинет.

Уже следующим же вечером Маша узнала, что Рафик Мурадян, по кличке Седой, старый друг и товарищ Паши-ушкуйника, казначей его пропавшей неизвестно где банды, покинул город. Не став выдвигать против Компании землян никаких требований, он собрал свои вещи, забрал хранившиеся до того по знакомым деньги, и покинул город в неизвестном

направлении.

Впрочем, направление то, как раз и было известно. Басанрогский перевал — это на настоящий момент было единственное место, через которое кто-либо извне мог попасть в пограничный город Старый Ключ, на границе земель людей и ящеров.

Того же дня вечер.*

Вечерний визит Маши к Белле и профессору, в этот раз не затянулся. Как ни была она настроена посидеть вместе с Беллой за чашечкой чая и погугукать с малышами, расстроенная, недовольная физиономия профессора с самого начала испортила всё настроение.

И так его не было, из-за этого неприятного визита в банк члена городского Совета Потапа Буряка и внезапно появившегося в городе члена Пашиной банды Рафика Мурадяна. Так ещё и он тут бухтел над ухом, переживая свои неприятности.

— "Подумаешь, лабораторию отобрали. А о чём сам раньше думал? — недовольно подумала Маша, покосившись на бухтящего что-то своё профессора. — Сколько раз говорила чтобы следил за своей бухгалтерией. Всё пофигу. В одно ухо влетает, в другое вылетает".

— Стоп, — зацепилась Маша за что-то в речи профессора краем сознания. — Что вы только что сказали профессор? — переспросила она его.

— Что? — сердито повернулся он к ней.

— Что-то про порох и газы.

— А что про порох и газы, — сердито проворчал тот. — Город настаивает чтобы я передал им формулу и того, и другого. А я не хочу. Моя хотелка пересилила их желалку. И вот я здесь, без лаборатории, только со своей домашней комнаткой для исследований. А они там, у себя. Вместе со всей моей лабораторией.

Сейчас уже наверное последний ящк заколотили и всё упаковали. Завтра с утра вывезут и адью, — присвистнул он. — Уплыла у меня из-под носа моя шикарная лаборатория. А я, дурак, только на днях в неё перетащил из нашей землянки единственный наш микроскоп. Как специально, — с горечью добавил он. — Как специально…

— Глядя на вас не скажешь что вы так уж сильно расстроены тем что у вас отобрали лабораторию, — Маша не сводила с профессора подозрительного, оценивающего взгляда. Слишком

уж тот был спокоен.

— Было бы из-за чего расстраиваться, — пренебрежительно отмахнулся профессор. — Неприятно, конечно. Но не более того. В моих исследованиях они меня если и задержат, то ненамного.

— Как это?

— Так это, — рассердился профессор. — Вспомни Маша, сколько раз я тебе говорил, буквально в голову вдалбливал: "Не клади все яйца в одну корзину". Вот и меня уже ждёт практически готовая новая лаборатория, только уже у Василия на железном заводе. Там, куда жадные ручки городских властей ну никак не дотянутся. А дотянутся, так всегда по ним от всей души врезать можно. Не то что здесь.

Вася недавно как раз был в городе, спрашивал, когда я соизволю вступить в свои права хозяина. А то, мол, и у него свои интересы на лабораторию имеются. Наглы-ы-ый, — расплылся профессор в довольной, поощрительной улыбке.

И потом, — интригующе посмотрел он на Машу. — Эти дураки ещё не знают с кем связались. Думают, наложили лапу на лабораторию и всё? на этом всё кончилось?

Как только Ведун появится в городе, так я сразу передам через него официальную жалобу в Территориальный Совет на притеснения и произвол, творимые властями Старого Ключа. Раз он пайщик нашего банка, то пусть отрабатывает будущие денежки.

А городские власти, как бы ни кичились своей независимостью, а от общеземельного левобережного совета зависят. Одним остаться против всех подгорных ящеров дураков нет. Так что если оттуда рявкнут, как миленькие прибегут обратно и в клювике принесут весь мой инструмент. Да ещё и извинятся.

А предмета для жалобы более чем достаточно. Лабораторию, стоимостью в несколько десятков тысяч, конфисковать из-за задолженности менее чем в десятку?

Нет, Маша, — протянул довольный профессор. — Они сами не знают какую гадость сами себе сделали. Вот я и не возражаю — пусть тешатся. Пусть поглубже увязнут. Чтоб как в старой присказке было: "Коготок увяз — всей птичке пропасть".

Я этих бл. й, — неожиданно громко и зло выругался профессор, — научу, как надо к учёным относиться. Думают, раз в городе хозяева, раз денег много, так и хамить можно? Ну-ну. Я их заставлю пожалеть о том что они сделали.

— Профессор, — перебила его длинный, слишком возбуждённый монолог Белла. — А что же их так заинтересовало в ваших работах, что они сразу пошли на изъятие? — сидящая

рядом Белла, до того не принимавшая никакого участия в разговоре, неожиданно включилась в беседу. — Вроде вчера ещё вы довольно мило с ними беседовали и никаких таких жёстких решений никем не планировалось. И вдруг такое? Что им надо? Что именно?

— Порох и газы, — невозмутимо отозвался проф, словно и не он только что буквально брызгал во все стороны ядовитой слюной. — Ничего другого их в упор не интересовало. Только это. А у меня был такой шикарный рецептик пахучего мыла, — насмешливо ухмыльнулся профессор.

— Ну и?

— Ну и…, - профессор презрительно поморщился, выражая тем самым своё истинное отношение к тем кто предъявил ему подобные претензии. — Мы с Машей как-то посидели вечерок, посчитали, и поняли, что эти козлы наказали сами себя. Так нерегулярно платили за работы, что у нас появилась возможность отделаться лёгкой кровью. Но, как видишь, не отделались!

Отдали им все наши исследования по мелочёвке всякой: по морилкам всяким, по дублению кож и прочей ерунде. А вот ничего более серьёзного они не получили. И не получат.

И им это не понравилось!

Во время платить за работы надо было, — злобно, буквально оскалился профессор.

Проще говоря, мы с Машей суммировали все деньги что они мне выплатили за разные исследования, а потом под эту сумму подогнали первое попавшееся, что они когда-то заказывали. Что-то такое, нам не нужное и самое бесполезное. Вот лёгкой кровью и думали что отделались. Ошиблись! — раздражённо покрутил он головой.

И они, разобравшись, в отместку отобрали лабораторию? — воззрилась на него Белла.

— Отобрали, — отрезал профессор.

И лабораторию в Берлоге отобрали, и ещё раскладку на охотничий порох отобрали. Но это я уж сам отдал, чтоб только отвязались. Не жалко.

— Какой? Охотничий?

— Дымный охотничий порох. На снове…. Э…, - замялся профессор. — Не важно, — махнул он рукой. — Главное, он очень удобен, долго хранится, в отличие от бездымного пироксилинового. И много у него всяких других ценных качеств. Главное из них — дёшев.

— Может, не надо было отдавать?

— Может, — равнодушно пожал плечами профессор. — Но тогда бы они от меня так легко не отстали. А так только этим

порохом и отделались.

Ну, ещё бумагу на моё имя выписали. Грозную и страшную до невозможности. Я как прочитал, так сразу испугался. Не видишь, что ли, — усмехнулся он, поёрзав и поудобней устроившись на своём стуле. — До сих пор трясусь.

Теперь, если я когда-нибудь захочу заняться исследованиями или производством пороха, любых порохов, — с тяжёлым вздохом уточнил профессор. — Мне придётся как бы за свой счёт восстановить весь процесс своих новых исследований по данной тематике, предъявить их, чтоб эти мерзавцы убедились, что я на свои деньги проводил исследования, и лишь потом я смогу продолжить дальше работы. И соответственно использование готового продукта. А это всё, чтоб вы сразу поняли — не менее года. Так, по крайней мере по их раскладам выходит.

Так что на ближайший год допуск у меня к исследованиям порохов считайте что закрыт.

— А зачем нам порох? — удивилась Маша. — Вы что, профессор, решили серёзно заняться огнестрелами? Зачем?

— Не я, а власти и все кто причастен к оружейному производству у нас в городе. Голова, Стальнов, Сиговы, семья Бурцевых, братья Демьянки — все трое. И многие, многие другие, — грустно констатировал профессор. — Столько можно было заработать, страшно даже подумать, — грустно пожаловался профессор. — А теперь всё — пшик. Теперь мне к этой тематике дорожка на ближайший год заказана. По крайней мере официально.

— А чего это они? — всё ещё недоверчиво Маша смотрела на профессора. — Всё сидели, сидели в своём средневековье с луками и стрелами, а тут словно с цепи сорвались?

— Увидели ящеровы арбалеты в действии, вблизи, так сказать, вот и озаботились разработкой противодействия, — ещё более помрачнев, пояснил профессор. — А может и ещё что их на это подвигло. Всё-таки мы с сонным газом громко о себе заявили. Вот и им хочется. Нахаляву то, чего не получить такое нехилое преимущество перед другими городами. А что не платили вовремя, когда я им об этом раз десять на дню напоминал, так это они уже позабыли. Это было давно и неправда. А газ вот он здесь рядом, под боком. Кажется, стоит только руку протянуть и вот оно, счастье. Прям само в руки свалится, стоит только захотеть.

Хот-ца, понимаешь, халявы.

Чувствовалось что неудача в разборках с городскими властями его серьёзно гнетёт. Похоже, он никак не рассчитывал на то что так оно выйдет. Да ещё к тому же он лишится своей самой любимой, самой совершенной лаборатории, в оснащение

которой вложено было так много и денег, и сил.

— Лабораторию жалко, — тут же подтвердил он Машины мысли.

— А бездымный? — недоверчиво переспросила Маша. — Это что? Только вы один, профессор, в силах восстановить его формулу?

— Почему один, — пожал тот плечами. — Кому очень будет надо — элементарно вспомнит. С Земли тут на планете народа много всякого шляется. И если нет никого в этом городе, кто бы мог, точнее, кто бы захотел вспомнить, это отнюдь не исключает того, что их нет где-нибудь в западных баронствах или ещё где.

— Северо-Западное Герцогство, — тихо проговорила Белла.

— Что? — повернулись к ней разом и профессор, и Маша.

— В Северо-Западном Герцогстве и в Торговом Береговом Союзе Западного Берега, давно производят этот ваш бездымный порох. Правда, не скажу какой он там на вкус, цвет или на запах, то есть об его качестве не имею ни малейшего представления, но что производят, и что производят достаточно много и давно — знаю совершенно точно. Потому как одно время мой Советник — барон Ивар фон Дюкс, пытался купить там оружие для борьбы с мятежниками, но не преуспел. Слишком много запросили, безумно много.

— Проще было самим удавиться, чем им заплатить.

— Может, тогда бы тебя не выгнали из твоего гороад? — тихо спросила Маша.

— Тогда бы меня оттуда ещё быстрей выгнали, — сухо отрезала Белла. — Нищего выгнать из дому, только пинка дать. И наличие у нищего сотни пудов непонятно на что пригодного чёрного пороха ничего в таком случае не изменит.

*Закладные: Швейная мастерская.**

Сегодня всё утро Маша вела целенаправленный поиск. Вчера вечером Белла, перед её уходом домой, подошла к ней и тихо, на ушко, попросила поискать в закладных, оставшихся в банке, какой-либо небольшой текстильной фабрички или пошивочной мастерской. Ничего толком не объясняя, жутко смущаясь пообещала потом объяснить зачем ей это надо, а пока что, просто навести справки. Есть что в банке интересного, из уже существующего, что хоть завтра можно использовать, или нет.

И практически весь сегодняшний день у Маши ушёл на составление справки по запросу баронессы. Мало того что она всё утро просидела за бумагами, так ещё потом чуть ли не до вечера

промоталась по городу, осматривая найденные объекты.

Хорошо что хоть осматривать особо было нечего. Так, пришёл, глянул, развернулся, предварительно плюнув в ту сторону, и убрался обратно. И так везде. Иначе бы она точно за день не управилась, настолько оказалось среди закладных много чего интересного. Поправочка. Когда-то интересного, а сейчас находящегося в таком ужасном состоянии, что лучше всего было даже не связываться с тем, что Маша вытащила из старых бумаг.

Быстренько подбив баланс и собрав в стопочку выписки из всех, чем-либо заинтересовавших её закладных, Маша аккуратно сложила их в специальную папочку и поднялась из-за стола. Шесть часов пополудни — конец рабочего времени. Всё, сегодня больше никого не будет. можно идти в гости к Изабелле, докладывать что нарыла.

Машу буквально раздирало острое любопытство. Зачем это Изабелле понадобились старые пошивочные мастерские, когда-то отданные в залог бывшими их владельцами городским властям. Она что, собралась устроить собственную швейную мастерскую? Зачем? В городе полно пошивочных мастерских с прекрасными портнихами, и если так уж Белле потребовалось перешить на изменившуюся после родов фигуру какое-нибудь своё старое платье, то сделать это можно было легко. По крайней мере гораздо легче, чем связываться с какими-то старыми долговыми расписками и залогами.

На всякий случай, уже достаточно хорошо зная Беллу, Маша решила захватить с собой все бумаги, хоть как-то связанные с текстильным производством. Если уж ту что-то зауздило, то с её странно вывернутыми мозгами никогда нельзя было быть уверенным, что её вдруг не заинтересует что-либо из близкого по тематике.

Может ей вдруг интересна окажется сукновальная фабричка по набойке валенков? Или небольшая текстильная фабричка по производству шерстяных тканей. Или ещё что, подобное же. Правда, все они находились далеко за городом, где-то на впадающих в Ключевку маленьких речках. И Маша там на месте ещё не была. И какое там состояние построек, оборудования и самого производства понятия не имела совершенно никакого. Но на всякий случай бумаги с описанием залогового имущества прихватила.

То что она в своих расчётах на Беллу оказалась абсолютно права, Маша убедилась буквально после первых пяти минут разговора с Беллой. Та жутко заинтересовалась всем что она подобрала и попросила оставить папочку на пару дней для ознакомления.

— "Всё-таки то что у нас в кармане появилась нежданно сотня тыщ золотом, резко подвигло Беллу на изменения своего созерцательно ленивого образа жизни последний месяц", — усмехнулась про себя Маша, глядя как Белла с горящими возбуждением глазами просматривает принесённые ею бумаги.

— Ну, так я оставлю пока это у себя, — подняла Белла глаза на Машу. — Надеюсь они тебе прямо сейчас не нужны?

— Нет, нет, — отмахнулась Маша. — Смотри, разбирайся. А если что интересное тебе покажется, ты только скажи. Съезием на место, посмотрим. Глядишь, из твоего интерса что-нибудь серьёзное выйдет.

С денежками у нас сейчас полегче стало чем ещё месяц назад. Помимо того что Дюжий нам в банк подкинул, так ещё и с заводов ручеёк тоненький потянулся. Марк денег немного передал. У него Голова недавно стекла много купил, так что не всё он теперь отправляет Сидору за Камень. Пнемногу и с городом начинает торговлю.

С железодельного завода на днях Василий сундучок с золотом привёз. Немного, тыщи три всего. Но хоть что-то. Это из того, что ещё Сидор им передавал на развитие. Они посчитали и решили сами ужаться, а нам денежку подкинуть. Чтобы и у нас здесь хоть какая-то копеечка была. А то ведь на нас пленные висят. Три с половиной тысячи голов. Их же кормить, поить надо. Одевать. В валенки те же, — улыбнулась она. — Шинельку какую-никакую смайстрячить бы им надо. Небось мёрзнут работая на открытом воздухе. Думаю, им в своих летних одежонках несладко там. Я им конечно в начале зимы смайстрячила кое-какую одёжку, но это так, ерунда. Надо бы чего потеплее подобрать.

Там в папочке, кстати, есть залоговая бумага как раз на сукновальную фабричку. Может займёмся производством валенков? Валенков и шинелей?

Считай у нас уже есть три с половиной тысячи заказчиков. Которые хорошо платят. Уже хорошо.

Внезапно Маша запнулась о задумчивый, какой-то остановившийся взгляд Беллы.

— А это что? — спросила та.

Швейная, пошивочная мастерская семьи Саниных. Тут интересно, — Белла помахала перед собой коро енькой выпиской из закладной.

— Забудь! — мгновенно раздражаясь резко махнула Маша рукой. — Это вообще полный отстой. Какие-то два прогнивших насквозь амбара с обвалившимися крышами, из которых только один более менее целый. Да и тот грозит в любой момент обвалиться тебе на голову. Ещё какие-то фундаменты рядом. А из

всего бывшего оборудования осталась одна ножная, вдрызг разбитая швейная машинка Зингер.

Маша внезапно запнулась.

— Или нет, другой какой фирмы? — задумалась она, мучительно пытаясь вспомнить видимое ею в последние посещение того амбара клеймо на машинке. — Нет, — с сожалением качнула она головой. — Вид клейма не помню, а название фирмы — это единственное что я помню из ножных швейных машинок ещё по молодости, когда у бабки в деревне на чердаке мне на голову свалилось нечто подобное.

Но это, кстати, не важно. Каким ветром её сюда закинуло, хрен его знает. Важно другое. Владеют этой мифической швейной мастерской две малолетки: Светик и Лизонька Санины. И это единственное их средство к существованию. Предъявим на него права, — оставим детей без единственного, что у них ещё от родителей осталось.

Сунемся туда, сразу огребём кучу проблем. Купим — все хором закричат что лишаем сирот последнего достояния. Всем всё равно, но лишь бы сирот не трогали. А как они там сами поживают — всем на это наплевать.

А если не покупать? Так завтра они сами совсем загнутся.

Я же говорю — там одни проблемы.

Сарай не сегодня-завтра окончательно развалится, а машинку окончательно вдрыск разобьют. Девочки конечно стараются, ухаживают за ней, буквально дышать на неё боятся, да что толку. Там мастер хороший нужен чтобы наладил разбитый вдрыск инструмент. А девочки если что и умеют, так это только нитки в шпульку вставлять и ничего более.

Ну, ещё педали крутить, — невесело улыбнулась Маша своей, ставшей последнее время её фирменной грустной улыбкой.

— Выкупаем у банка эту закладную, — холодно проговорила Белла. — Рассчитываемся с долгами, и делам себе нормальную пошивочную мастерскую. Свою собственную. А то я уже замучалась с местными портнихами разбираться. То одно платье пошьют криво, то второе, то третье. А на все претензии ответ один: "И щё вам дамочка нэ нравыца. Я вже нэ понымаю. Така гарна матэрыя. Такий гарный хфасон".

Мало того что ничего не понятно из того что они говорят, так ещё имеют наглость указывать мне, что одевать и как носить. Мне, поречной шляхтянке!

Ладно бы хоть что-то сами в шитье понимали. Хоть бы сами одеты были красиво. Нет! Ведь это же какой-то ужас! Ходят в каких-то бесформенных балахонах, которые носили чуть ли не их прабабки. И ещё рассуждают об искусстве пошива верхней

женской одежды.

И ведь не просто не понимают. Ещё имеют наглость настаивать на собственном мнении. И указывать мне, заказчице, что я должна носить.

Это просто какой-то беспредел, — Белла в сильнейшем раздражении хлопнула ладонью по столу.

Говоришь одно. Соглашаются. Слушают, головами кивают. Приходишь принимать работу — делают совершенно противоположное. И ничего не докажешь. Упёртые как волы непояные. Ты им одно, они тебе в ответ десять другого. И всегда считают себя правыми.

— Да, крепкий здесь народ, самостоятельный, — с коротеньим смешком поддержал баронессу профессор. Как и когда он успел просочиться в гостиную, Маша так и не поняла. Но к тому моменту когда она его заметила, он уже сидел за столом и с довольным видом прихлёбывал чай из своей любимой большой кружки. — У меня самого по первости были те же самые проблемы со своими работниками. Говоришь одно, слушают, соглашаются. Спрашиваешь всё поняли — кивают головами.

Приходишь принимать работу — всё сделано с точностью до наоборот. Словно специально вредительством занимались. Спрашиваешь чем слушали, почему не сделали так как говорил. А в ответ: "А мы думали так будет лучше".

Профессор столь похоже передразнил местный, легко узнаваемый акцент, что все в землянке залились весёлым смехом.

— Пока добился чтобы в точности выполняли отданные распоряжения — семь потов сошло. Да и то, до сих пор приходится по десять раз одно и тоже повторять.

Приходилось, — враз помрачнел он, вспомнив что не далее как сегодняшним утром лишился собственной лаборатории.

А вы что, баронесса, собрались искоренить местные нравы, — профессор с откровенной насмешкой посмотрел на Беллу.

— Зачем, — равнодушно пожала та плечами. — Абсолютно неблагодарное дело искоренение устоявшихся привычек и обычаев. Я предлагаю сделать по другому. Поскольку мы нигде в этом городе не можем пошить себе нормальной верхней одежды, ни я, ни Маша, то нам следут озаботиться созданием собственной мастерской.

Почему нет? — вопросительно посмотрела она на собравшихся.

— А работать кто будет? — растерялась Маша. — На местных надежда, как…, - Маша запнулась. — Я даже не подберу сразу сравнение, как на что, — пожаловалась она.

— Я буду, — пожала плечами Белла. — Дарья, будет, —

кивнула она на любопытный нос, торчащий из приоткрытой двери на кухню. — Сирот этих твоих наймём. Не выкидывать же их на улицу. Да и раз что-то сами шили, значит знают с какого конца нитку в иголку вдевать. Уже хорошо. А дальше научим делать то что нам надо. Вот вам уже первые работники. Дарью над ними поставим командовать, — кивнула она на неё. — Не мне же им говорить что и как прибирать в мастерской.

К этому времени Дарья уже полностью просочилась в гостиную и с горящими от возбуждения глазами принимала в обсуждении самое горячее участие. По крайней мере, беззвучное размахивание в сильнейшем возбуждении руками и притопывание на одном месте ногами, ясно показывала насколько близко та принимает предмет разговора к сердцу.

— Да! — тут же, не выдержав, набросилась она на собравшихся. Похоже, терпение девочки истощилось и она затараторила словно та самая швейная машинка.

— Светка с Лизухой ничего не понимают в шитье. Вот мамка у них была, баба Галя, дело другое. Хорошо шила. Оттого они так и поднялись. Правда давно это было. Лет десять назад. Тогда же они и свою фабричку в районе порта заимели. Тогда же и машинкой швейной из Берегового Союза разжились, дорогущей. Да не одной. Они тогда хорошо зарабатывали.

— А потом отец их, Сила Санин, как-то не вернулся из поездки в их хутор на речке Молодня. Говорят, ящерам на вертел попался. Вот с тех пор всё под гору у них и покатилось. А машинка эта — это всё что у них на настоящий момент осталось. Если её отобрать, то они с голоду умрут.

— Ну, — задумчиво хмыкнула Маша. — С голоду в этом городе никто пока что ещё не умер. А вот победствовать им придётся.

— А сейчас что? — холодным голосом переспросила Машу Белла. — Они как сыр в масле катаются?

— Тоже верно, — покладисто согласилась с ней Маша.

Так что? — повернулась она к профессору. — Будем у прежних хозяев отбирать собственность? А точнее — банк наконец-то вступит в свои права? Как давно уже следовало сделать.

А потом я, безвозмездно, — Маша улыбнулась, глядя на Беллу, — передам эти руины в собственность Белле, под мастерскую. С обязательством проводить все свои денежные операции через наш банк. Надо же и мне хоть что-то с того поиметь, кроме прямых потерь по выплате долгов разорённой фабрики, — улыбнулась грустно она.

— И почём пучок? — поморщился профессор.

— Недорого, — хмыкнула Маша. — Здание и инструмент заложены были в своё время всего за сотню золотых.

Проблема не в этом. Здание насквозь всё прогнило, того и гляди на голову крыша обвалится. От былого инструмента и оборудования, как я уже сказала, осталась одна только старая швейная машинка. Да и та вся раздолбанная. А долгов на мастерской висит, помимо закладной, как блох на шелудивой собаке. Ещё ровным счётом на четыре сотни золотых умудрились прежние хозяева набрать. Никто их уже и не надеется назад получить, плюнули все. Но если мы возьмёмся устраивать себе мастерскую, от такого обременения надо обязательно избавляться.

Ну и зачем нам такой геморрой? — вопросительно воззрился Маша на Беллу. — Может, передумаешь? Приобрести себе одну старую швейную машинку реально за пять сотен? Золотом? Когда можно подождать и летом тебе привезут из того же самого Берегового Союза точно такую же швейную машинку, только новую. И не за пятьсот, а всего лишь за пятьдесят. И то, если дорогую. А если брать попроще, то и за десятку можно уложиться.

Я цены узнавала, — пояснила она вопросительно глянувшей на неё Белле.

— А привезут ли? — суховато возразила Белла. — И когда? Блокаду, пока что никто ещё не снимал. А сколько возьмёт за доставку такой машинки Голова, единственный, имеющий доступ к товарам из-за Басанрогского перевала — это надо ещё посмотреть.

А если верить тому что вы, Маша, заподозрили из разговора с Иваном Дюжим, что и в этом году амазонки не собираются снимать с этого города блокаду, то картина представляется мне совсем безрадостной.

Кроме как этой старой машинки, ничего и близко подобного мы в самом ближайшем времени не получим. В городе их не продают. А на возможности господина Сидора купить нечто подобное в Приморье, если возникнет у кого такая глупая мысль, можно сразу поставить жирный крест. Своя промышленность там не развита. А где-то, у кого-то, что-то заказывать, потом везти морем, ждать — не менее полугода, а то и целый год, я не собираюсь.

У меня уже ни одно платье на мою фигуру не налазит. После родов вообще хожу в каком-то домашнем халате размахайке. Стыдно в город выйти. Все остальные платья трещат на мне при малейшем движении. А стоит их только одеть, как сразу снять хочется, грудь давит до невозможности.

— Ну хорошо, — Маша безразлично пожала плечами. Раз

Белла хотела возиться с таким старьём, то пусть возится. — Но сначала мы с тобой сходим на место и ты сама посмотришь что оно из себя представляет. Когда ты увидишь эту развалюху с проваленной крышей в старом портовом районе, на кривой, грязной улочке, заваленной всяческим мусором, думаю энтузазизьма у тебя поубавится. А нет — так шей себе на здоровье что хочешь. Думаю, ребята из Трошинских мастерских тебе быстро ту старую машинку поправят.

А чтоб сирот не обижать, дадим мы тем девчонкам, Светику с Лизонькой, сумму их первоначального залога — сто золотых, так сказать отступного.

Эти деньги нам погоды не сделают, а им серьёзная подмога будет. Лет на десять, если будут экономно расходовать, им хватит. А там и замуж выйдут.

"Хотя, кто их только возьмёт таких, без приданного, — пронеслась у неё в голове грустная мысль. — Народ тут конкретный. Нет приданого — сиди всю жизнь в девках, какая бы ты раскрасавица бы ни была".

Думаю, пять сотен из Дюжинского капитала мы всяко выделить сможем. На Рожайке они нам погоды не сделают.

*Визит.**

В том что Машка Корнеева дура и так ничему за прошедшее время и не научилась, а малолетняя соплячка баронесса Изабелла де Вехтор под стать ей, Староста города Старый Ключ Сила Савельич Худой убедился этим зимним утром окончательно. Такую дурость, что эти две малохольные глупые бабёнки учудили, трудно было даже вообразить. Они по старой закладной купили разорённую швейную мастерскую.

Да не просто купили, а с каким-то хитрым вывертом. Сначала банк по старой закладной забирает у бывших хозяев старые гнилые развалины, погашает все накопившиеся к этому времени долги, а потом безвозмездно, то есть даром, передаёт полученные строения и оборудование в собственность баронессе Изабелле де Вехтор. С какой-то непонятной, мутной формулировкой, что баронесса отныне все денежные операции связанные с этой мастерской будет проводить только через банк "Жмчужный". Мутатень какая-то. А что, до этого дня она делала как-то иначе?

И такие траты, пятьсот золотых, после того, как этот славный в прошлом банк, скатился на грань нищеты, не имея фактически никакой наличности, чтобы даже расплачиваться с собственными работниками. Не зря же они всех уволили, не имея чем им

платить зарплату.

И, эта самоназначенная банкирша Марья Корнеева, вместо того чтобы самой привести дело в порядок, раз уж потратила свои средства, и самой получить с того прибыль, передала фабрику баронессе. Да за так, задаром.

Впрочем, подобные расклады Старосте были совершенно не интересны, да и не касались его. А вот вопрос со старой закладной и старыми владельцами его касался непосредственно. Все вопросы надзора за сиротами в этом городе, вопросы пользования их движимым и недвижимым имуществом, его касались самым непосредственным образом. Он обязан был следить чтоб сирот не обижали. И к своим обязанностям Сила Савельич Худой относился более чем серьёзно.

Человеку, вздумавшему бы обидеть сироту в этом городе, от него бы не поздоровилось. В чём, в чём, а в подобных вопросах, Сила Савельич был неумолим и беспощаден. За что в городе и уважаем весьма. Что, собственно и позволяло ему вот уже более сорока лет занимать хлопотную должность городского Старосты, к собственному своему удовольствию.

Силе Савельевичу нравилась его должность. Ему нравилось быть честным и справедливым по отношению к сиротам. К другим? Сила Савльич придерживался мнения, что другие сами о себе позаботятся. А вот сирот обижать нельзя. Он сам в детстве хлебнул нмало лиха, оставшись в десять лет круглым сиротой. И знал, что это такое, когда ты никому не нужен. Поэтому любому, вздумавшему бы нажиться на сироте или попытаться ограбить его, он бы сам, самолично вырвал гланды. А потом бы ещё и поплясал на них.

Поэтому когда к нему в усадьбу с раннего утра пришла Марья Корнеева и поставила его в известность что банк рассчитывается по закладной семьи Саниных и вступает в права по имуществу, он поначалу взбесился. Сами нищеброды, так и других такими же сделать хотят. Вздумали выкинуть сирот на улицу.

Но когда узнал, что банк платит за эту развалюху отступного в размере пяти сотен золотых — первоначальной суммы залога с накопившимися за прошедшее время долгами, тем самым полностью рассчитываясь по старым долгам фабрики семьи Саниных, он успокоился.

Четыре сотни уйдут на сторону — это было понятно, но с оставшейся сотней золотых в кармане старым хозяйкам была гарантирована минимум десятилетняя безбедная жизнь в городе.

А когда, пошарив по пыльным углам и найдя на чердаке, в чулане и на фабричной свалке ещё с десяток каких-то старых, разбитых остовов, то ли от швейных, то ли ещё от каких-то

машинок, бывшего когда-то многочисленного фабричного оборудования, и Машка согласилась заплатить за этот хлам ещё полсотни золотых, он окончательно успокоился. С сиротами рассчитались полностью и по справедливости. Теперь у этих двух чересчур гордых соплюшек сестричек Светки и Лизки было на что жить.

*К вопросу об иерархии…**

Оформление окончательно всех бумаг, много времени не заняло. Быстренько подмахнув представленные ему документы и тут же, прямо на старом листе акта приёмо-передачи имущества небрежно зачеркнув цифру один, напротив графы "оборудование", и проставив там цифру десять, и тут же под ней расписавшись, Староста пересчитал полученные деньги.

Довольный, как человек, честно выполнивший трудное, но нужное и важное дело, с чувством глубокого удовлетворения он вручил сто пятьдесят золотых сёстрам Саниным, а сам с чистой совестью отбыл домой с четырьмя сотнями в кармане. С должниками по фабрике он потом уже сам рассчитается. Его главное дело было сделано. Сирот не обидели.

На фабрике же остались лишь Маша с Беллой, да Дашка, с самого этого утра, казалась приклеившаяся к ним намертво, словно пластырь.

— А кстати, — помахав на прощанье Старосте рукой, Маша оглянулась в поисках пришедшей с ними девочки. — Ты Дашку часом не видала? Только что здесь вертелась и уже нет. Смылась домой, что ли, егоза?

Заметив что Белла к чему-то прислушивается, чуть склонив к правому плечу голову, и тихо, непонятно чему улыбаясь, Маша тоже замерла. Из-за неплотно прикрытой двери в соседний цех доносились тихие, едва слышные детские голоса.

— Т-с, — поднесла палец к губам Белла, увидав чо Маша собралась что-то сказать. — Давай, послушаем.

— Лучше, подсмотрим, — прошептала Маша, расплывшись в ехидной хитрой ухмылке. Вид у прислушивающейся к чему-то Беллы в этот момент был самый потешный.

Осторожно поднявшись, они аккуратно, стараясь лишний раз не скрипнуть рассохшимися половицами, подобрались к приоткрытой двери в соседний цех. Обе подруги замерли перед приоткрытой дверью. Через разбитую верхнюю филёнку двери прекрасно было видно что происходит за дверью.

Перед двумя худенькими, тоненьким до прозрачными,

невысокими девочками-подростками, вытянувшимися в струнку перед стоящей перед ними уперев руки в боки серьёзной до невозможности Дарьей, стояли две бывшие малолетние владелицы мастерской.

Видать, предварительная накачка новых подчинённых была уже закончена и Дарья перешла к непосредственной раздаче практических указивок.

— Значит так, — донёсся до Беллы с Машей деловой, явно важничающий голос их малолетней воспитанницы. — Ставлю первую задачу. Всё лишнее убрать, всё вымыть. Окна не рогать, весной помоем. Полы отдраить с ножом, так чтоб блестели. Щели паклей забить, чтоб не дуло.

Сама проверю, — тут же обвиняюще ткнула она пальчиком прямо в нос младшей из девчонок.

— "Где-то я уже этот жест видела, — чуть не в голос рассмеялась Маша. В этот момент Дашка явно копировала поведение Сидора, который точно также когда-то наставлял и саму Дарью. — Заразная однако у Сидора привычка, — подумала Маша. — Нет чтобы чему хорошему ребёнка научил. Как же, выучил распоряжаться и командовать. Теперь Дашка будет дрессировать своих новых подчиненных".

— Стоп, — зашептала она на ушко стоящей рядом Белле. — Это что же? Дарья наняла девочек нам на рабты.

— Ну да, — ехидно разулыбалась та в ответ. — Пока мы разбирались с бумагами, Дарья времени не теряла. Неужели ты думаешь, что Дарья, наша Дарья, будет сама что-либо делать? Да ни в жизнь. У неё для этих целей есть Колька. А теперь ещё и Светка и Лизонькой появились. Теперь совсем у девчонки крышу снесёт.

— Упс, — растерялась Маша. — Надо что-то срочно с этим делать. Добром это не кончится.

— Не надо, — тихо дёрнула ей за рукав Белла. — С нашей командиршей прекрасно девочки Димкины разбираются. А сейчас помолчи, дай послушать. Когда ещё такой цирк увидишь.

Дарья меж тем, почувствовав вкус послушания новых своих подчинённых вконец распоясалась. Держа руки за спиной, на неспешно прогуливалась перед коротким строем и гордо подняв голову, выгнув грудь вперёд, на манер баронского гвардейца, вещала, наставляя новичков в их новой нелёгкой службе, теперь уже у неё под началом. По всему её виду было понятно, что Дарья жуть как довольна своим новым положением начальника, получившего под начало непосредственных подчинённых, и буквально упивалась этим новым для себя ощущением.

— Не понимаю, — снова зашептала Маша на ухо Белле. —

Такое впечатление что командовать ей нравится. Вроде бы раньше такого не было.

— Тлетворное влияние амазонок, — быстро зашептала в ответ Белла. — Да и Колька последнее время вышел из-под её влияния и на нём уже как прежде не поездишь. Ей требуется новый объект приложения своих буйных сил. И похоже она его нашла.

— Что значит нашла? — удивилась Маша. — Мы же вроде бы как не планировали сразу никого нанимать. Потом — да. И то, если дело пойдёт. Но поначалу думали обойтись своими силами. Ты же собиралась сама шить. Я думала, что твои слова про найм этих двух сестёр это так, шутка.

— Я собиралась, я и буду, — улыбнулась Белла. — А Дарья с самого начала ничего не собиралась делать сама. Она с самого начала знала что здесь уже есть две работницы, её будущие подчинённые. Потому и поторопилась сюда с нами, чтобы никто не успел перехватить контроль над её будущими работниками.

— И ты с самого начала это знала? И так спокойно об этом говоришь?

— Девочек нельзя сейчас оставлять одних, — грустно проговорила Белла. — Они только что лишились последнего отцовского достояния, своей мастерской, и если их сейчас не взять под крыло — пропадут. Полторы сотни полученных за этот гнилой сарай золотых в их представлении просто безумно большие деньги. Завтра же они их все до последней монетки потратят на всякие вкусности и сладости, и останутся снова ни с чем. Ни о каких десяти годах безбедной экономной жизни не может идти и речи.

Они маленькие девочки, Маша. Пойми это. Им всего по тринадцать, двенадцать лет. Что ты от них хочешь. Какого планирования и расчёта на будущее.

Посмотри на них. Внимательно! Они светятся от голода, а в общественную столовку идти питаться отказываются. Мол, сами заработаем себе на питание. Да они скорее умрут от голода, чем признаются что у них нечего есть. И эти полторы сотни золотых монет они профитькают враз.

А Дашка их остановит, — неожданно прорезавшиеся в голосе Беллы холодные, жёсткие нотки, заставили Машу более внимательно присмотреться к тому что творилось в цехе.

— Будете меня слушаться, будете как и я в масле кататься, — как раз донеслось до Машиного слуха

— "Это когда же эта засранка в масле каталась? — ошарашенно подумала Маша. — До сих пор она только и делала что всем жаловалась будто её угнетают и заставляют

перерабатывать. Спать не дают и держат в чёрном теле. Ни поят, ни кормят".

Маше тут же вспомнились всякие разносолы, которыми в изобилии закармливают её, стоит ей лишь прийти к Белле в гости, и сытое, круглое личико Дарьи, в дорогой, явно на неё персонально шитой одежде, с ханженским хитрым видом жалующейся на голод, холод и эксплуатацию детского труда. Картина настолько не соответствовала реальности, что она невольно фыркнула.

Слава Богу тихонько, иначе бы Дарья услышала. Но всё равно, Маша заработала сердитый взгляд Беллы, недовольной её несдержанностью.

— Такие же вот как у меня раскошные кожушки вам справим. Если будете меня слушаться и хорошо работать, — донёсся до Маши голос Дарьи. — Не совсем такие, конечно, попроще. Но, вполне, вполне. Это я вам обещаю.

Глядя на старое, неказистое, хоть и аккуратно заштопанное местами старенькое зимнее платьице стоящий напротив Дарьи девчонок, так и хотелось взять хворостину и поучить обнаглевшуюдевчонку.

— "От засранка! — внезапно рассердилась Маша. — А мне жаловалась что, не успели купить — протёрся. Надо бы новый уже покупать. Вот хитрая лиса. Ну погоди! Я тебе покажу потёртый старый кожух, который приличной девушке нельзя надеть. Оказывается, он уже у неё шикарный! Для других. А для меня, значит, протёртый. Ну погоди, хитрюга. Ты ещё не знаешь кого пыталась обмануть".

Так что ты там говорила, что Димочкины девочки присмотрят за Дарьей? — решила она тут же выяснить заинтересовавший её вопрос. Металл надо было ковать горячим и сразу выяснить все неясные моменты.

— Как-то дома застала картину, — зашептала ей над ухом горячим шопотом Белла. — Захожу, вижу. Сидят! Две здоровые дылды сидят в наших крелах перед камином, и задрав на ограждающую решётку ноги в наших домашних тапочках, нагло пьют наш кофе. Видите ли, воспитывают Дарью.

А та безропотно стоит на коленях в углу и читает им какие-то заметки по военной топографии, что поставил им в урок профессор. Сами же же эти две дылды наслаждаются комфортом в наших креслах, в наших тапочках. И с нашим кофе!

— Не поняла, — растерялась Маша. — Как это?

— Что-то они её попросили сделать, а та по своему обычаю вздумала отказаться. Или проигнорировала. Уж не упомню. Так они взяли её за шиворот и поставили на коленях в угол. А перед

этим насыпали там сухого гороху. Перед носом же повесили толстую динную лозу, мочёную, как напоминание что с ней будет, если сдвинется в сторону хоть на миллиметр.

Два часа голыми коленками на сухом горохе удовольствие сомнительное, — с сочувствием констатировала Белла. — Зато потом сразу стала как шёлковая. А то всё не допросишься. То одно забыла, то второе. А тут и напоминать лишний раз не надо. Стоит только сказать что отправлю на воспитание в Долину, как тут же шёлковая становится.

Ну я им и показала, — хихикнула от приятных воспоминаний Белла.

— Правильно, — зашептала Маша. — Такие зверства надо наказывать.

— Что? — удивлённо посмотрела на неё Белла. — Какие зверства? Эти негодницы сидели в наших креслах и пили моё кофе! И грелись у моего камина! Я как раз с утра нажарила зёрнышек себе на вечер. Размолола! Сама! Так как мне нравится, самым тонким помолом! Составила смесь. Ушла ненадолго по делам. И пока я где-то гуляла — они его выпили! Всё! Да ещё мои домашние тапки надели, мерзавки!

Как я их тогда обеих не поубивала, сама не понимаю.

— А Дарья? — вконец растерялась Маша.

— Что Дарья? — непонимающе посмотрела на неё Белла.

— Ну, Дарью ты конечно тут же освободила?

— С чего это?

— Что? — растерялась Маша. — Ну, ведь, коленками на горохе это же больно.

— Конечно больно, — всё так же непонимающе Белла смотрела на неё. — И что?

— Э-э, — окончательно растерявшись, Маша не знала что и сказать. Местные способы воспитания попахивали откровенным садизмом.

Теперь ей многое стало понятно. По крайней мере она поняла, почему теперь Дарья, стоило ей только прийти, тут же бросалась принимать у неё шубку и помогала раздеться, чего раньше от неё нельзя было добиться никакой руганью.

Махровая дедовщина в лице амазонок, только что самих после своей бурсы, вмиг всё расставила по своим местам, и выстроила свою своеобразную иерархию.

Наверху были она с Беллой, ниже — Димкины амазонки, ещё ниже — Дарья, и в самом низу пирамиды, новое их приобретение — две сиротки из швейной мастерской.

— Так это по твоей наводке, значит, Дарья так тут перед этими молоденькими девочками распоясалась, — понимающе

кивнула Маша. — Значит это ты ей сказала…

— Ещё чего, — с усмешкой перебила её Белла. — Дарье не надо ничего указывать. Она сама знает что делать. Тем более что все её желания просто написаны у неё на лице. Простодушная душа наша Дарья. Всё что думает, всё понять можно. Ну а если ошибётся, ничего. Всегда поправим младшего товарища.

— "Хм, — невольно задумалась Маша. — Непрямые способы управления людьми? Или — как это там по научному умно называется? Неважно. Главное, оказывается, наша юная Беллочка в столь непростом вопросе специалистка оказалась. Будем иметь в виду".

*Закладные — продолжение…**

Всё таки Маша за последнее время научилась немного разбираться в людях. И замеченный ею в глазах Беллы интерес к её закладным, в самое ближайшее время нашёл полное тому подтверждение.

Наладив дело в пошивочной мастерской, выразившееся в том, что Белла следующим же утром сразу послала Дарью на железодельный завод за братьями Трошиными, и отдав им в починку всё найденное на руинах мастерской оборудование, первым же делом снесла все строения на участке под ноль. И уже заново, правда на старых, ещё крепких фундаментах начала возводить корпуса своей новой мастерской.

Правда, возводить, это громко сказано. На самом деле Белла разобрала несколько готовых изб, из тех что подготовили под заселение Василий с Лёхой у себя на заводе, с их согласия, конечно, и за три дня получила на старом месте совершенно новое качество. Несколько красивых, больших, прекрасных производственных помещений с огромными стеклянными окнами, дающими много света и прекрасно сохраняющими тепло. И несколько хозяйственных амбаров под хранение товара и другие производственные нужды.

Вот теперь там точно была новая мастерская. И всё это было собрано всего лишь за три дня из готовых срубов.

Когда Маша первый раз всё это великолепие увидела — она просто ахнула. Теперь там оставалось лишь поставить новые печи, протопить как следует, поставить отремонтированные братьями Трошинами швейные машинки, и можно было уже там жить и работать.

И естественно, кто бы сомневался, Беллу тут же заинтересовали другие возможности, что она ещё нашла среди

других закладных. И как не трудно было догадаться, заинтересовали её в первую очередь те самые сукновальная и ткацкая фабрики, про которые Маша первым делом и упомянула уже как неделю назад.

Тем более что расположены обе они были в одном месте, совсем рядом, в паре вёрст от города на речке Пьянке. Той самой, что в свою очередь впадала в ту реку, что проходила с севера прямо под самыми стенами города и далее, возле Сенных ворот впадала в портовый залив, как раз в той северной её части, что в своё время зачем-то прикупил у города Сидор.

Правда с тех пор, после того как почистили основное русло и большую часть, портового залива города, в северной её, сидоровой части, никто так ничего больше и не делал. А то безобразие, что образовалось там после очистки основной части залива и падения уровня воды в нём, так и осталось торчать во все стороны гнилыми концами топляков и прочего разного мусора, пугая окружающих.

Из городской управы к ним даже было одно время регулярно приходили, требовали навести там порядок и разобрать поскорей. А то, мол, там в гнилье этом среди тпляков завелись всякие крысы и ондатры. И активно там размножаются.

Но после того как профессор пообещал потравить тех тварей какой-нибудь химией, устрашённые последствиями сразу отстали. Так оно до сих пор и стояло, убоище это неразобраным.

Но, непосредственно этих двух фабричек история с заливом совершенно не касалось. Если не считать единственно общего между ними — это речки. Это было так, лирическое отступление.

Маша привычно поморщилась. Всё что связано было с городскими закладными всегда сопровождалось какой-нибудь гадостью. Так что она даже начала к этому привыкать. Вот и с этими фабричками наверняка вылезет какая-то бяка. Знать бы заранее какая.

Ну и зачем Белле тогда очередной геморрой? Мало было швейной мастерской?

Быстро наладила мастерскую, так теперь думает что и там также быстро всё устроится. Наивная. То что бросили так близко от города, явно имеет какие-то неизлечимые или трудно излечимые болячки. А это значит деньги. И как правило — большие деньги.

Настроение у Маши окончательно испортилось. Если дело так и дальше пойдёт, то и денег, полученных от Дюжего им не хватит на подъём винного заводика на Рожайке. Беллу надо было попробовать ограничить. Не слишком ли она сильно зарывается.

— "Поговорю ка я с профессором, — решила Маша. —

Посмотрим что он скажет.

Но это потом. А пока скатаемся ка мы с подругой на лыжах по последнему зимнему снежку, пока он ещё есть.

Давненько я на лыжах не стояла".

Добраться до тех мест, где были когда-то фабрики, зимой можно было только на лыжах. Никаких дорог туда не было. Ни к одной, ни к другой. Закладные были, а фабрик, похоже, уже давно не было.

— "Хотя, — Маша мысленно пожала плечами. — Чему удивляться. Стали бы городские власти что-либо ценное передавать в собственность банка, даже по закладным. Нет, конечно".

*Лыжная прогулка.**

То, что это была прекрасная идея — отправиться в лыжный поход по весеннему лесу, Маша поняла ещё с утра, когда они с Беллой, под звонкую музыку падающей с крыш капели добравшись на машиной коляске до края города. Там, на краю объездной дороги, в том месте где в крепостной ров впадала речка Пьянка, их уже ждали ящеры с десятком выделенных для их охраны корнеевских курсантов-егерей, решивших на практике проверить полученный опыт охраны персон.

Одетые в белые маскировочные костюмы, на фоне серого, подтаявшего снега, ни выделялись на снегу, как одинокие пожарные каланчи посреди чистого поля. Понимая что прокололись, они не стали таиться и изображать из себя не пойми что, а просто взяли обеих подруг в коробочку, и, не приближаясь ближе ста, пятидесяти метров, не маяча перед глазами, аккуратно сопроводили их до места.

Хотьба на широких лыжах, по подтаенному плотному снежку, больше походила на гулянье прогулочным шагом по брусчатке площади, чем на лыжные катанья. Но, наврное именно от этого обе они получили непередаваемое удовольствие, которое не смогла испортить даже открывшаяся на месте картина.

Что сказать. Как Маша с самого начала и подозревала — никакой фабрички ни там, ни там не было. Были какие-то развалленные гнилые сараи, в которые им охрана даже зайти не позволила, настолько это было опасно к ним даже приближаться. Были останки каких-то плотин, со спущенными прудами и заросшими по всему своему бывшему ложу густыми зарослями камыша и рогоза. Было ещё много такого же интересного.

И нашли два больших старых мельничных колеса, по одному

на фабричку. Точнее останки от них. С большими широкими лопастями, словно вывернутые наружу здоровенные зубы дракона красиво торчащими во все стороны. И руины водяных мельниц рядом.

И всё это, покрытое ноздреватым, серым снегом.

И быстрая мелководная речка в крутых, красивых берегах

— Красота!

Маша, с непередаваемо счастливым лицом и блаженной улыбкой на устах медленно вдохнула сладкий, напоённый весенней влагой морозный воздух.

— Ну и зачем с этим связываться? — повернулась она к Белле, с не менее блаженным видом разглядывающей всё вокруг. — Из всего что здесь по закладной пречисленно, одна речка и осталась. Всё как и ожидалось.

— Что здесь есть?

— Земельные участки, — довольно мурлыкнула Белла. — В отличие от Маши, они не чувствовала ни малейшего сожаления что они выбрались на лыжах загород и устроили зимнюю прогулку.

— Затем, что тут земельные участки уже в собственности, — добавила она. — А в любом другом месте так близко к городу. Городские власти потребуется что-то оплатить. Тут же всё же оформлялось давно, когда ещё не было такой глупости, как безумные платежи за землю. Вот можно и получить земельные участки.

— Пусть небольшие, — улыбнулась Белла, довольная что можно Машу поучить. — Но без малейших затрат на вступление в права.

— Надеюсь, тут нет сирот, которым надо бы заплатить отступного, чтоб какого скандала не было, — улыбнулась она, вспомнив недавнюю эпопею.

— Тут не то что сирот. Тут даже владельцев уже нет, — ухмыльнулась Маша. — Последние кто мог на эти участки претендовать, давно растворились в нетях. Так что имеем на всё что ты видишь вокруг полные права. И никаких обязательств. Ни перед кем.

— И во что же это первоначально оценили.

— Эту, что перед нами в полторы, а ту, предыдущую, где мы были часа дыва назад — в три.

— Что три? — замерла ошарашенная Белла.

— Полторы и три тысячи, — с совершенно невинным видом уточнила Маша.

— Шутишь?

— Если бы, — Хмыкнула она. — И такое не одно сокровище

нам досталось. Такого сотни две будет, если не больше.

— Я ещё все бумаги не разобрала, так что точно тебе сказать пока не могу. Но что всё в таком вот виде — можешь быть уверена.

— А за что же здесь платили? — потрясённая, Белла всё никак не могла прийти в себя.

— Это же какие деньги плачены?

— По бумагам — три с половиной миллионов, или что-то около того. Это только то, что вложил город. Хотя, сейчас точно не помню размер уставной доли города, — безмятежно отмахнулась от Беллы Маша.

Дело было уже прошлое, так что и расстраиваться по таким пустым тратам уже давно не было ни сил, ни желания. Маша смотрела вокруг себя равнодушным взглядам. Потраченные на эти закладные деньги она уже воспринимала как нечто эфемерное, пустое.

Может ту есть что?

В отличие от Маши, Белла всё никак не хотела успокоиться.

Земля, угодья, рыбные ловы, в конце концов какие?

Ну, — хмыкнула Маша. — По поводу местных ловов и их состояния это тебе лучше всех Сидор расскажет. Угодий иных здесь нет. Участки маленьки, только-только под строения и кое-какой хоздвор.

Если только посчитать лесосеку, что в своё время выделена была фабричкам для отопления. Но и той уже нет давно вырублена, а поляны как правило заболотились и там если что и растёт, то только рогоз и камыш. Ещё ивняк с кдещами, — вспомнитла она точно такую же ситуацию в Южном заливе с участками.

— Может эти участки до сих пор и не выкупили потому что производственные помещения отапливать нечем. Лес весь ближайший свели на дрова. Нового не выделили. Не было поблизости лесосеки. Издалека везти торф для обогрева — накладно. Да и много его надо.

— Наверняка после того как дожгли последнее дерево фабрика после этого сразу стала сезонной. А работала только тёплый период сама знаешь насколько эффективна.

— Значит зимой здания стояли пустыми. В какой-то момент не доглядели, — Маша ивнула на выглядывающие из-под снего обгоревшие стволы какой-то сгоревшей избы. Молния осенней грозы попала в здание — и ага. Вся фабрика сгорела. Сразу за зиму не восстановили. Потом ещё что-то помешало, какой-то набег или ещё что. Вот так и бросили. Пока ждали когда новый лес на дрова вырастит — прошло сто лет. А сто лет — срок

немалый. Тут никакое здание не сохранится.

— Прекрасно, — расплылась в улыбке Белла. — То что надо. Едем домой.

— Пойдём, — поправила её Маша, поудобнее перехватывая лыжные палки и с весёлым смехом скатываясь с обрывистой, покрытой плотным слоем снега плотины к подножью. — Кажется сто лет на лыжах не стояла, — Маша остановившись у подножия склона, задрав голову любовалась пейзажем и заснеженными кустами кругом.

— Едем обратно? — Белла с улыбкой смотрела на довольную Машу. Та была необычно оживлена. Только из-за этого одного и стоило устроить эту прогулку.

Честно говоря, Белла с самого начала и не собиралась смотреть никаких развалин. Да ещё чуть ли не столетней давности. Главной её целью было вытащить Машу прогуляться за городом на лыжах. Теперь же оказалось что здесь есть и что-то интересное.

То что при этом несчастные ящеры, надух не переносящие ни дождя, ни снега будут себя чувствовать отвратительно, напрягаясь с охраной своего Главу, да и её в том числе, Беллу заботило меньше всего. Это была их работа. Вот пусть как хотят, так и выворачиваются.

Что ни говори, и чего бы хорошего они для Беллы не делали, а она всё равно их недолюбливала.

В общем, можно было считать что прогулка удалась. О том что из себя представляют закладные, заложенные в банке городскими властями, она получила ясное представление.

— И так везде? — решила она всё же уточнить.

— Как правило да, — кивнула Маша головой. — Правда, везде я не была, но практически все закладные из доли ставной города имеют одно и тоже описание. А значт — такие как вот всё это,

Маша лыжной палкой обвела заснеженные кусты вокруг.

— Такого, — усмехнулась она. — Только в ближайшей к городу тридцати вёрстной зоне штук с тысячу наберётся. Небось лет двести копили всякуюподобную гадость, — Маша весело улыбнулась. — Много очень закладных на брошенных за Чёрной речкой землях. Но про те вообще можешь забыть — там ящеры.

А если ещё что интересует, олее серьёзно, — то лучше всего это посмотреть на Сидоровом макете в пещере. Там Димкины евочки расстарались и окончательно нанесли на макет всё что у нас пока есть. И рельеф уже более-менее выверили, пока ты с детьми своими занималась, да и вообще… работают девочки, несмотря на то что сами недавно родили.

Как свободное время появляется от хлопот с Димкиными малышами, так сразу за макет и принимаются. Когда поняли, что это такое, так их такой энтузиазм обуял. Буквально днюют и ночуют там в кабинете.

Надо, — улыбнулась она. — Надо и тебе там побывать. Проверить, так сказать своим личным опытным оком, то что они натворили. Ты в военной топографии больше моего разбираешься, и уж во всяком случае больше чем они. Так что тебе и карты в руки. А то профессор жаловался что ему тяжело туда постоянно отвлекаться. Много времни говорит занимает одна дорога, а он уже старенький. Устаёт, жалуется, что всё вечно не успевает.

— Хорошо, — покладисто согласилась Белла. — Прокатимся для начала вместе, покажешь что они уже наделали.

А дальше я уже сама.

Маша довольно кивнула. Белла обещала снять с её шеи ещё одну тягость, а это уже было хорошо.

Глава 13 Весенняя, радостная

***Рыжий лис.** **

Простились они уже под вечер возле Сидоровой землянки. Поездка явно удалась. Обе они пребывали в приподнятом, радостном настроении. И хоть увиденное впечатления особого не представляло, но прогулялись они хорошо.

Уже отъехав достаточно далеко, Маша оглянулась.

Фигурка Изабеллы, стоящей одиноко в широко распахнутых воротах усадьбы легко угадывалась. Возле её ног, как в последнее время стало привычно, ярким, рыжим пятном пламенел Фокс. Никем иным это пылающее на ослепительно белом снегу ярко рыжее пятно быть просто не могло, так как только у Беллы в городе был, можно сказать, персональный лис.

— "О! — довольно подумала Маша. — Ещё один наш обитатель подземелий на поверхность выбрался. Наконец-то и Фокс из болезни начал выкарабкиваться. А то завтра у него генеральное представление. Ему надо быть в форме".

На Фокса назавтра у них были особые планы.

Раньше он всегда сопровождал Беллу, куда бы она не шла, но последнее время приболел. Всё никак оправиться не мог после удара бревном во время мятежа.

От души у Маши отлегло. Фокс поправлялся, а значит приближающийся праздник не будет лишён главного своего украшения.

Дружба эта, иначе и не назовёшь, возникла совершенно спонтанно, сразу после отъезда Сидора в Империю ящеров и Приморье. И окончательно окрепла, когда баронесса одна, единственно только с тонкой сабелькой в руке, сдерживала натиск чуть и не десятка мятежниц, стремившихся добраться до придавленного упавшим с крыши арсенала бревном бешеного лиса за её спиной. Баронесса с Фоксом тогда на какой-то момент оказались единственными, кто встал у мятежниц на дороге к городскому арсеналу. И фактически они вдвоём тогда с Фоксом сорвали захват города.

Потом, после мятежа Изабелла ещё долго выхаживала больного Фокса, чуть ли не с ложечки выкармливая не могущее подняться на ноги животное, настолько тот ослаб после контузии.

А после, их иначе уже и не видели, как только вдвоём — изящная, стройная фигурка баронессы и кусок рыжего, с серебристым стальным отливом меха у её ног, неизменно

сопровождающий баронессу, куда бы она ни шла.

Популярность Фокса в городе после мятежа была огромной. Но ещё большей, самой искренней любовью он пользовался у всей городской детворы за свою героическую борьбу во время мятежа. Да ещё и потому, что когда был здоров, всегда принимал самое активное участие в детских проделках и играх.

В городе после мятежа даже успели сформироваться группы, или скорее можно сказать, целые кланы его фанатов. Ну а поскольку лис проживал в южной части города, в землянке у баронессы, то и основные друзья и поклонники у зверька сформировались здесь же. Так сказать, по территориальному признаку.

И безраздельному господству медведей на улицах города был нанесён смертельный удар. Город раскололся на две части. На две неравные части.

Южная, значительно меньшая, проще сказать — ничтожная его часть, в пику остальным, стали самыми ярыми поклонниками рыжей зверушки, а большая его часть, в основном северная и северо-западная, к слову сказать, постоянно сокращающаяся за счёт перебежчиков в другой лагерь, так и осталась за поклонниками медведей.

Остальные концы города были неопределившимся болотом, где в равных долях представлены были обе группировки.

И шуточное поначалу соревнование постепенно переросло во вполне серьёзное противоборство.

В городе разгорались уже нешуточные баталии между сторонниками тех и других групп. Доходило даже до драк, настолько оказались накалены страсти. А на завтрашний городской праздник весеннего равноденствия, пока ещё небольшая, но весьма активная и агрессивная группа юных поклонников рыжего меха, в пику поклонникам медведей готовила свой собственный макет — движущийся макет Фокса, раз в пять больше натуральной величины.

К слову сказать — в пику сторонникам медведей, каждый год выставлявших макет бурого медведя в натуральную величину на главной площади города. В этот раз эти сорванцы намеревались свой макет перед этим пронести на руках по всему городу. Распевая хвалебные гимны лисьему мужеству и ловкости, маршируя в колоннах по трое, потом они собирались водрузить его там же на площади, напротив своего конкурента.

Песенка же поклонников лиса была их основной ударной силой. Незамысловатая, немного переделанная на новый манер любимая песенка Марьи Ивановны Корнеевой про Джона Брауна, павшего на поле боя.

Правда теперь это был не мифический никому здесь неизвестный Джон Браун, а самый натуральный, всамделишный, знакомый всем и каждому Рэд Фокс. Главное — что мелодия не поменялась.

Песенка как звучала ранее на один мотив, так звучала и до сих пор:

"Рэд Фокс пал на поле бо-оя…"

"Рэд Фокс пал на поле бо-оя…".

Ну и так далее…

Боевой гимн южан неизвестной в этом мире Конфедерации стал любимой песенкой детей Старого Ключа.

Естественно, подобные грандиозные планы не могли остаться тайной для другой, противоборствующей группы молодёжи. И в другой, северной части города, в пику зарвавшимся южанам "тайно" теперь строился ещё больший, чем в прошлом году макет бурого медведя.

Правда, песенок здесь особо не пели, ограничившись какой-то невнятной песенкой про лесного мишку. Здесь решили взять ещё большим размером и совершенством форм.

Так уж исторически сложилось, что южная часть, особенно южный посад, в отличие от северной части города, была не самой богатой, если не сказать откровенно бедной. Поэтому всем было понятно, что в неожиданно возникшем конкурсе макетов заведомо бы победили "северяне".

Но это ничуть не смущало фанатов новой идеи и рыжего лиса. И каждый вечер накануне праздничной недели по улицам города маршировали небольшие отряды его маленьких жителей с оранжевыми флажками в руках, на которых неумелыми детскими ручками был намалёван чёрно-серебристый лис.

К тому же, яростно барабаня в некое подобие барабанов, представленных по большей части мамкиными кастрюлями и глиняными горшками, они доставляли большое безпокойство местным кумушкам своим грохотом на тихих, спокойных прежде улочках города.

Вся остальная, взрослая часть со стороны с интересом следила за развернувшимся соревнованием. Отцы маленьких сорванцов, поклонников рыжего и бурого меха, активно обсуждали в кабаках перспективы развернувшегося на улицах города состязания, весело делая ставки на того, чья возьмёт. Кто кого перепоёт и у кого выйдет лучше макет.

На то кто займёт первое место на конкурсе песен делались ставки. Про макеты речь не шла. Там было всё ясно. Но чем ближе был финал, то есть день весеннего равноденствия, тем ставки всё больше росли и росли, вместе с прямо на глазах растущим

мастерством юных певцов и макетчиков.

Однако, неизвестно чем бы это всё закончилось, скорее всего ничем, поскольку финансовые ресурсы противостоящих сторон были уж очень не равны, что неизбежно бы вылилось в массовую драку противоборствующих сторон, если бы неожиданно в это дело не вмешалась баронесса.

Совершенно неожиданно для себя самой она оказалась втянутой в детские разборки из-за своей слишком тесной связи с Фоксом. Её и раньше то не воспринимали, иначе как друга и его покровителя. Как человека, спасшего раненое животное от неминучей гибели. А теперь, когда она только с лисом везде и появлялась, иначе её и не представляли.

А может в какой-то момент ей захотелось чем-нибудь новеньким заняться, отвлечься от текущих проблем и тягостных дум, связанных со своим неопределённым статусом сломенной жены — неизвестно. Непонятно по какой причине, но она решила вмешаться. И придумала для сторонников своего рыжика новый, красивый бело-красный с серебряным отливом наряд.

И новенькая, только на днях открывшаяся швейная мастерская баронессы заработала полным ходом.

Нарядив членов одного из отряда поклонников лиса в яркие, вызывающие наряды с красивыми вышитыми шевронами на рукаве, в виде оскаленной морды рыжего лиса на серебряном фоне, пошитые руками юных мастериц, она резко перевела противостояние на качественно иной уровень.

Теперь это уже было равное противостояние. И вот теперь победить должны было не деньги, а мастерство.

А поскольку теперь Фокса никто и не воспринимал в отрыве от баронессы, то и она, для всех, да и для себя в том числе, неожиданно превратилась в фактического лидера детской оппозиции сытой, зажравшейся, северной части города.

Теперь дети получили лидера и не шатались безтолку по улицам, занимаясь неизвестно чем. Теперь у детей появилась цель — победа в весеннем конкурсе. И подкреплённое неожиданно невиданно щедрым финансированием со стороны баронессы детское соперничество вышло на ещё более весомый, более значимый уровень. Теперь маленькие детишки и подростки, забросив все свои обычные детские шалости, старательно маршировали по пустырю, примыкающему к землянкам баронессы, размахивая своими флажками и яростной дробью профессиональных боевых барабанов распугивая окрестных ворон.

Вот теперь это было много лучше того времени, когда они, забросав домашние дела, шлялись неорганизованными толпами

по улицам города, пугая редких ночных прохожих неожиданным барабанным грохотом по жестяным кастрюлям и треснутым глиняным горшкам. И к баронессе, совершенно для неё неожиданно, прониклась искренней признательностью вся женская часть южной половины города, чьи дети теперь не слонялись безтолку по улицам, а получили какое-то дело, пусть даже на взгляд взрослого человека и такое пустое, никчёмное.

— "Завтра, — подумала Маша. — Завтра всё решится".

Грохот барабана очередного марширующего по проулку отряда мальцов, врезал ей по ушам. После зимнего тихого леса, попасть на шумные улицы было некомфортно. Но Маша улыбнулась. Завтра они Голове и всей северной части города сделают большую козу. Завтра финальный конкурс — выставление макета на всеобщее суждение и принятие окончательногь решения кто победил.

Завтра детский хор, сделав пару кругов по центральной площади вместе со своим макетом на плечах и спев гимн южан, водрузит свой макет перед зданием Управы.

Завтра тоже самое сделает и северная группа конкурсантов.

И завтра выборный совет представителей всех концов города во главе с самим Головой примет решение кто победил.

Осталось последнее.

Надо было заскочить в трактир к Брахуну и проконролировать готовность последнего элемента завтрашнего праздника. Убойный сюрприз, который готовился в тайне ото всех, и который должен был принести победу.

Следующим утром город был потрясён.

Север был посрамлён.

Чем?

Леденцами!

Оба макета при прочих разных особенностях, внешне были подобны друг другу и особого впечатления на приёмную комиссию из отцов города не произвели. Песни пели и те и те более-менее равно.

Два детских хора, примерно равных по спевке и по голосам. Ни у тех, ни у других не было много времени чтобы потренироваться и лучше спеться. Поэтому оба хора были признаны равными. Тексты песен тоже были всем известны и особого восторга не вызвали.

Но потом!

Большая группа разряженных в яркие рыжие одежды мальцов выкатила на середину центральной площади города два накрытых скатерью огромных стола на колёсах, под которыми что-то бугрилось. И перед потрясённой публикой под сдёрнутым

покрывалом предстал огромный кремово-вафельный торт "Фокс" в натуральную величину.

К слову сказать — прототип сидел рядом с тортом и хищно облизывался на лакомство по соседству. На втором столе громоздились валы кружек в подарок, расписанных ярко рыжим фоксом на белом фоне, и стоял огромный, пышущий паром самовар с горячим кофейным напитком. Новое изобретение Марьи Корнеевой — кофейный сбитень "Фокс"!

И горы тающих во рту леденцов рядом, в виде Фокса на тоненькой деревянной палочке, раздававшиеся всем желающим.

Враг был посрамлён. О конкурсе мгновенно забыли и вся детвора с визгом устремилась к столу с угощением. Через минуту ни там, ни там уже ничего не было, а тем кому не хватило, из трактира Брахуна быстро подтаскивали новые огромные коробки с леденцами.

А потом было торжественное присуждение победного приза команде Фокса.

Даже медвелюбы были на то согласны, с удовольствим облизывая кофейные леденцы и тающие во рту ягодные пастилки, по спецзаказу изготовленные к празднику из мякоти шишко-ягоды.

Такого лакомства в городе ещё никто не едал. И с тем что победил Рыжий Лис согласны были все. Сладкий праздник удался!

*Субботние посиделки…**

Замотанный в толстое шерстяное полотно домашней выделки, Сильвестр Андреич Косой сидел в своей горнице, с блаженством откинувшись на высокую гнутую спинку широкой хозяйской лавки. Довольно прищурясь он из-од полуприкрытых глаз смотрел на своих старых товарищей, бурно обсуждавших самый главный на сегодняшний день вопрос.

Не прошло и пары недель после бурно окончившегося оказавшегося необычайно сладким весеннего конкурса, а город опять грозил взорваться. И снова в центре назревавшего скандала оказалась так надоевшая ему за последний год группа землян.

— "Ну что же им всё неймётся-то, — с тяжким вздохом обречённости, понимая что ничего с этим уже не сделаешь, Голова покорился неизбежности. Самый беспокойный клан опять влип в проблемы.

Плохо, — решил для себя Голова. — Очень плохо. Ещё не успели шерстью обрасти, после последней стрижки, а уже

приходится стричь. Опять, — с горечью подумал он — С такой частотой много шерсти не нарастёт".

Вчера в город со стороны Лонгары через Рвицу, с предварительным уведомлением о визите, дабы чего нехорошего не вышло, прибыла полномочная делегация от руководства республики Амазонии по выкупу из плена ещё оставшихся в городе после всех прошлогодних стычек амазонок.

Предложение делегации было просто шикарным. За оставшихся ещё в плену амазонок они предлагали триста пятьдесят тысяч золотых, по одной сотне за голову, и за гуманное обращение с пленными гарантировали тишину и спокойствие на границах сроком на пять лет.

Но, это была лишь внешняя сторона. То, что озвучили для всех. На самом же деле предложение было несколько иным. Официально амазонки предлагали семьсот тысяч золотых, по две сотни за голову, и спокойствие на землях Старого Ключа сроком на десять лет, но… Было одно жирное но, и оно перечёркивало буквально всё.

И это "но" заключалось в том, что за мир и спокойствие на землях Старого Ключа они требовали откат. Обычная практика подобных соглашений. Платят за всех, а наживается кто-то один. То есть не они все, не руководство республики, а некоторые конкретные члены в правительстве республики требовали вернуть половину выкупа, иначе разговоров о мире вообще не будет.

А это значило одно. Деньги на выкуп были не их. Со своими деньгами они бы так никогда бы не поступили. Значит, деньги дал кто-то со стороны.

— "О-ля-ля, — мысленно прокомментировал собственные мысли Голова. — Похоже у знакомой нам компании землян серьёзные враги. Пойти на такие издержки, нажать на руководство республики, подкупить его, и всё это лишь затем чтобы убрать дармовых рабочих у этой компании. Кое-кому эти ребята серьёзно наступили на мозоль, раз за них платят такие деньги. И кажется я знаю кому они перешли дорожку и откуда ноги ростут. Никак Подгорная княжна не может всё успокоиться, неугомонная. И одна ли она такая?

Империя или Подгорное княжество. Больше никого заинтересованного в освобождении амазонок не было.

Поодиночке, или вместе?

Вместе, пришёл сразу к однозначному выводу Голова. Кому либо одному такую сумму потянуть будет накладно.

В то что вместо затребованных за голову пяти тысяч золотых, власти Амазонии согласились выплатить лишь двести, а официально, как доведено было до Городского Совета — вообще

сто, он не поверил ни на секунду, слишком он хорошо знал самолюбивый норов амазонок. И знал какое для них это будет оскорбление. Скатиться с пяти тысяч, цены выкупа дворянина, до жалкой сотни? Такого они не простят. Никогда и никому.

А это значит, те кто сейчас организовывает этот выкуп, не рассчитывают на то что пленные когда-либо появятся дома. Уверены в обратном — почему? Потому что дома тем кто положил в собственный карман семнадцать миллионов, они не нужны. Дома они им только мешают. Дома они начнут задавать неприятные вопросы. И, что хуже всего, получать на них ответы. А вот это тем лицам нужно меньше всего.

Тогда остаётся узнать последнее — куда делись семнадцать с половиной миллионов, выложенных Империей и княжеством за то, чтобы отобрать у клана землян фактически бесплатных рабочих. От которых на настоящий момент осталось всего семьсот тысяч, да и то до города дойдёт в лучшем случае лишь половина.

"Что у нас там дальше по заинтересованным лицам?

С Империей всё понятно — ей не нужно чрезмерное усиление союзников её старых кланов, из тех что прижились в городе, и оно готово идти на любые издержки дабы не допустить их чрезмерного усиления.

А вот с Подгорным княжеством всё не так очевидно.

"Очень похоже на то, что Подгорные князья всерьёз озаботились чрезмерным расползанием по чужим землям своей шишко-ягоды", — подумал Голова.

Голова неожиданно всерьёз задумался. До сего дня он ни разу не рассматривал привезённые из земель подгорного княжества черенки шишко-ягоды как что-то серьёзное. Оказывается, это была с его стороны большая ошибка. У князей Подгорных на сей счёт было своё, особое мнение.

— "Это же сколько они тогда зарабатывают на своём вине, хотелось бы знать, если готовы вот так, не глядя, идти на такие издержки".

Голова понял что не ошибается. Запахло деньгами, серьёзными деньгами. А в подобных вопросах он не ошибался никогда. А это значило, что последние сомнения, ещё недавно одолевавшие его в этом деле и связанную с ним несправедливость по отношению к клану землян следовало безжалостно отринуть прочь. В делах, жалость была плохим союзником. Это он знал по собственному богатому опыту.

И это значило что никаких денег земляне не получат. Всё, граница была перейдена и пути назад больше не было. Всё дальнейшее следовало планировать исходя из этого посыла.

Теперь возвращаемся назад. Опять к заинтересованным лицам. Почему посольство попросило откат в половину и какова во всём это деле роль "главного инициатора процесса" Потапа.

"Хотя, — поморщился Голова. — уже понятно что Потап не главное здесь действующее лицо и он не главный инициатор. Значит, что на него просто вышли и через него действовали. А это значит…

Ничего это не значит, — рассердился Голова. — Это может значить всё что угодно. От того что он агент Империи или Подгорного княжества, и до того что у него просто есть знакомцы которые вовремя подсуетились.

И очень на то похоже, что так оно и есть. Слишком уж радостная была встреча с посольством Потапа. Не хватило мужику видать опыта, или мозгов, чтобы это получше скрыть. А это в свою очередь однозначно значит, что в тех трёхсот пятидесяти тысячах что отойдут посольству, есть и его денежки.

И я даже знаю сколько.

Пятьдесят тысяч, — мрачно сам себе подтвердил собственные мысли Голова. — Три посла по сто и один, "консультант", так его назовём, — мрачно хмыкнул Голова, — по пятьдесят".

Ловкость Потапа, с которой он наверняка подсуетился и тут, ничего кроме раздражения не вызывала. Сам Голова не собирался по его примеру крысятничать за спинами собственных товарищей. Но, Потап есть Потап, тут уж ничего не сделаешь. Его Голова знал с детства и что тот в подобном случае поступит именно таким образом, не сомневался ни мгновения.

И ещё он ничуть не сомневался что это было не единственное что тот собирался получить с этой операции.

Главное было, что он знал что теперь делать.

И если по поводу денег основная масса членов совета первоначально осталась равнодушной, прекрасно понимая, что деньги уйдут в клан, в руках которого до сих пор находятся пленные, то предложение по миру на пять лет, буквально взовало Совет.

Это было просто немыслимо! Шикарно! Великолепно! Грандиозно! Пять мирных лет! Только за то, чтобы просто отпустить пленных на свободу и не мешать отправиться попавшим в город амазонкам обратно к себе домой.

Была только одна проблема. Пленные не принадлежали городу. Ими владел тот самый шебутной клан, которого только что, буквально на днях как следует растрясли, ввергнув буквально в нищету.

— "Если, конечно, рассматривать время не в физическом, а в историческом плане, — ехидно прокомментировал сам для себя

собственные мысли Голова.

— И если сейчас им сказать что у них отбирают ещё и бесплатную рабочую силу, благодаря которой они ещё хоть как-то держатся на плаву, неприятностей с кланом, думаю не избежать".

Да и ещё была одна проблема, как разобраться с которой Голова даже не представлял.

Деньги! Чуть ли не три с половиной сотни золотом — выкуп за пленных! Давать клану землян такие безумно большие деньги никто не собирался.

Стая волков почувствовавшая добычу не желала отпускать ничего из попавшего им в рот.

Проблема была лишь в том, как бы было обойти банк, через который пойдут деньги.

Все собравшиеся здесь прекрасно понимали что компания землян, получив такую огромную сумму, сразу же пустит их в оборот. А как они умело могли бы ими распорядится, все уже убедились на примере возникших словно из воздуха в городе золотых двойных ящеров.

Шороху тогда ни с этими двойными золотыми ящерами навели…

Так что, предоставлять такие прекрасные возможности для развития каким-то новичкам, никому из присутствующих не хотелось.

Этот клан уже доказал что умеет зарабатывать деньги. И давать ему ещё больше возможностей подняться, ни у одного из присутствующих сейчас на собрании не было ни малейшего желания. В новичках почувствовали конкурентов и готовы были давить их любыми способами.

Но вот — как дать чтобы не дать, да чтоб не возникло претензий с той стороны — было непонятно. Тут надо было думать.

Думалось плохо. Какое-то пиво и в этот раз получилось неудачное. После него жутко болела голова.

— "Эх, — мечтательно вспомнил он прошлогодний весенний конкурс. — Сейчас бы Ключовского, тёмненького, Васяткиного.

Да где ж его нынче возьмёшь. Всё эти земляне извели на какие-то свои нужды, или куда-то сбагрили, как некоторые товарищи последнее время тут упорно утверждают.

Вот же глупость, — мысленно посетовал Голова на людскую глупость. — Нашлись умники, говорят что Сидор нашёл какой-то новый проход под горами и теперь беспошлинно торгует себе в Приморье, минуя баронов. Правда, те же умники говорят что у него какие-то там большие проблемы, связанные именно с этим проходом. Так что, надо будет навести справки и выяснить

поточнее, — сделал Голова себе зарубку на память.

Но в любом случае, давать им в руки такие деньги — лишнее.

Наверняка в этих разговорах что-то есть. Ведь ушёл же Сидор со своим другом Димоном в Империю ящеров торговать. Ушёл! А через Басанрогский перевал сведений что он там проходил — не поступало, — вдруг пришла в голову Головы нежданная мысль.

А на самом деле, — встревожился он. — Как это. Отсюда ушёл, туда не пришёл. А в Империи торгует? Деньги оттуда идут. И немалые, между прочим. Или всё же в Приморье? — озадачился он. — Надо разобраться. Ведь откуда то они набрали же целый сундук золотых двойных ящеров, новеньких к тому ж, словно только что из-под пресса.

И ведь не фальшивка оказались. Настоящие! Мы с Силой Савельичем тщательно всё проверили, чтобы самоделок не подсунули. А то ведь с этой компании станется. Паша их печатал же фальшивые серебряные монеты — печатал. Хорошо что вовремя за руку схватили, а то были бы у нас тут проблемы.

Кстати, — холодный озноб вдруг пробил Голову. — А ведь Паша так и не отдал нам свои матрицы, с которых штамповал серебряные монеты. Ни одной не отдал. А где они?"

Настроение резко испортилось. За общей какой-то суетой и ежедневной текучкой он совершенно упустил из виду дело с фальшивыми серебрушками. А теперь и спросить было не с кого. Ведь не с этого же их фальшивого казначея спрашивать, с Рафика Мурадяна. Появился на один день в городе, скандал поднял, по мордасам за свою наглость получил — тут же и убрался. Видать отправился искать доказательства гибели остальных членов Пашиной банды.

Ну-ну, — скептически хмыкнул про себя Голова. — Это какие же такие доказательства он найдёт. Ведь столько времени уже прошло, чуть ли не год минул, как Паша пропал, а никто ничего не знает. Ни слуху, ни духу.

Ну и слава Богу", — пришёл он к неожиданной мысли.

Союз Паши-ушкуйника с группой беспокойных землян ему никогда не нравился. И когда тот пропал, Голова вздохнул с облегчением. Ни к чему хорошему ни лично для него, ни для города такой союз бы не привёл. Слишком Паша был шебутная, беспокойная натура, некротимая.

Таких людей Голова отлично знал и не любил — с ними было одно беспокойство. А у него и своей головной боли хватало, связанной с огромным и своим клановым, и с городским хозяйством. Таких людей он старался от города отваживать. Жаль не всегда получалось.

Сильвестр Андреич прищурился на жаркое весеннее

солнышко, бьющее ему прямо в глаз сквозь стекло.

С приходом лютня, а потом и праздника весеннего равноденствия, белое, стылое зимнее солнце как-то сразу превратилось в настоящее пекло. На улице солнышко просто резало человеку глаза, ослепляя на белом, сверкающем льдистыми снежинами снегу.

Но в избе, с толстыми, тёплыми стенами из векового дуба, и с высокими и широкими окнами, установленными недавно из дорогущего тонкого и плоского стекла, купленного Сильвестром на стекольном заводе у Марка Склянского, да ещё за двойными рамами, оказывается было ещё хуже. Здесь сейчас было настоящее пекло.

Кто бы мог подумать что под обычным двойным стеклом, плоским, но с двойной рамой, может быть так жарко, словно в парной хорошо протопленной бани.

Голова, тяжело вдохнув густой, спёртый воздух, большим носовым платком с мученическим видом вытер обильно выступивший на лице пот. Надо же было ещё так тепло одеться, в самое настоящее шерстяное одеяло. Вот же идиот, не подумал. Нет бы взять лёгкую, льняную простыньку. Нет! Взял толстую, из шерсти горных яков. Хотел похвастаться, показать что у него и такая редкость есть. Идиот! Но кто ж знал что за этими стёклами на солнце так жарко.

Идея с установкой таких высоких и широких окон, как предложил и претворил в жизнь его друг Сила Савельич, конечно себя оправдала, света в гостиной зале его терема стало значительно больше, но, боже ж мой, какая тут стала жара, в дополнение к привычной духоте.

Раньше хоть одна духота доставала, когда они тут так же вот засиживались за решением какого-нибудь срочного и животрепещущего вопроса. Теперь же к духоте добавилась ещё и безумная жара. И это зимой. Какой кошмар!

— "Хорошее Марк делает стекло, хорошее, — вынужденно констатировал Голова. — Хоть и жарко за ним, да и прекрасно видно с улицы всё что здесь происходит, но уж больно света много. Хорошо!

Надо будет и в зал Совета в Управе заказать у него такие большие стёкла, — принял он окончательное решение. — Плотники свои у меня есть, к лету, думаю, сделаем.

Будем сидеть при свете. А чужие пусть видят как наш город богатеет. Пусть завидуют".

Пьяные субботние посиделки в доме Головы города Старый Ключ, после роскошной головинской баньки, после купанья в ледяной проруби, в специально устроенном на заднем дворе для

таких целей особой банной купальне, пусть и не каждую субботу, но давно уже стали в городе знаменитыми посиделками.

Два, три жбанчика дорогого хорошего пивка потом, да под вяленую корюшку. Две, три жмени солёного снетка, или, для разнообразия, под вкуснейшую, особого пряного посола жирную озёрную селёдочку с дальних подгорных ключевых озёр — давно уже стали для клана Головы знаковым, определяющим событием.

Да и не только для своих. И для остальной Старшины города, допущенной в узкий круг избранных, такие сборища давно уже приобрели своё особое значение, сразу устанавливая и показывая всем в городе высокий статут приглашённого гостя, и его истинный уровень в незримой городской табели о рангах.

Многие стремились попасть в узкий круг, да не всякого туда допускали.

Но и помимо этого, для очень многих в городе, этот день давно стал чуть ли не настоящим праздничным днём. Да-да, именно праздничным днём, который все терпеливо ждали неделю, а то и две и три. И который потом неизменно, из раза в раз с завидным другим постоянством нахваливали приглашённые гости, сразу после очередной посиделки с его пивком в узкой компании избранных.

— "Правда, пивко последнее время всё больше не его и не его пивоварен", — Голова привычно недовольно поморщился.

После того как прошлой весной на конкурсе пивоваров его сорта пива заняли первое место, а на самом деле, если уж положа руку на сердце и говорить по правде, одно из последних, с пивом у него не заладилось. Первое место на конкурсе по праву надо бы было присудить тогда ещё новичку в городе, Сидору с компанией, выставившем на конкурс бочки с молодым пивом дальнего родственничка Головы Васятки, из семьи весьма уважаемых и известных по всему их пограничному краю пивоваров, но… Тогда он откровенно сглупил. Упёрся рогом, мол, ничего не знаю, не по правилам и прочую какую-то чушь спорол. Вот и получил.

Теперь ему при каждой встрече обязательно вставляют шпильку, чтобы он на их встречи выставлял не своё, а пиво именно этой компании. Слава Богу что у тех его не так много оказалось, а последнее время и вообще оно куда-то пропало. Видать, кончилось.

Теперь он с полным правом говорит что того пива в городе нет и поит гостей только своим, самым лучшим. Пусть и не таким отличным, как васяткино, но тоже неплохим.

Его дом, его компания, его гости, его угощение и его пиво.

С такой точкой зрения народ соглашался, и подтверждал, что да — вот это, правильно.

Праздник, набирающий обороты независимо от его размышлений, шёл своим чередом.

— "Вот, уже и до гусляров дело дошло", — довольно отметил Голова.

Сам же он мыслями вернулся к больному вопросу: "Как не допустить передачи выкупа в клан землян?"

Мыслей пока не было.

Голова снова вернулся ко всему, что связано было с этой компанией. Он словно акула в океане, кружил вокруг одного и того же вопроса. Как?

Потому что проблема действительно была. И можно было не сомневаться, что деньги на выкуп пойдут через банк "Жемчужный". Деньги платили амазонки. А последнее время, перед тем как банк чуть не разорился, амазонки только через него и осуществляли все свои тайные и нетайные платеж и связь с городом. И нет сомнения что они не будут отказываться от сложившейся практики.

А то что банк в настоящее время вроде бы как разорился и стоит закрыт, мерцая вечерами тёмными провалами окон, было ему только в плюс. Ни о его закрытии, ни о распродаже имущества банка никто не объявлял. А это значит — что банк был жив. Хоть и в таком куцем, обрезанном виде, нищий словно портовый босяк-переселенец — но жив.

Голова поморщился. Это не было хорошо. Он надеялся что именно с этим банком им в дальнейшем не придётся никогда иметь никаких дел. Выходило наоборот. Это было нехорошо.

Голова не любил ни Сидора, ни всю их компанию. Слишком те были самолюбивы и неуправляемы. И чем больше и быстрее они богатели, тем становились всё более и более неподконтрольны, грозя в скором времени окончательно выйти из-под контроля и доставить ему массу хлопот.

Таких людей Голова знал, их было много среди землян. Тихие, тихие, а в какой-то момент регулярно взбрыкивали. Важно было не упустить этот момент и вовремя пресечь поползновения контролируемых личностей вырваться на свободу. Вольные и независимые они здесь были никому не нужны.

Хотя, Голова не раз уж мысленно признавался сам себе, что именно эта компания никогда, на самом деле и не подчинялась ему. Он всегда заставлял её делать то, что на какой-то определённый момент надо было ему, силой. И именно заставлял, потому что договориться с этой компанией по хорошему, никогда не получалось. На самом деле те всегда и всё стремились делать по своему, так в конечном итоге выворачивая его, Головы, интересы, что с этой компашкой снова приходилось

начинать новую борьбу.

Вот это то его больше всего в этой компании и раздражало. С ними никогда нельзя было быть спокойным, надо было вечно присматривать за ними, контролируя каждый их чих. Это раздражало.

— "Чу? — насторожился он. — Что это Потап говорит?"

Потапушка, — Голова перебил увлечённо доказывающего что-то Потапа Буряка. — Повтори, пожалуйста то что ты только что сказал.

Насчёт чего? — мгновенно сделал невинный взгляд Потап.

Это у него хорошо получалось. Невинный взгляд. И знай его Голова чуть меньше, он бы может и поверил. Только вот знал Голова Потапа Буряка с самого детства. И в такие вот невинные взгяды Потапа не верил совершенно.

— Насчёт необходимости обеспечить проживание в городе посторонних и беглецов с границы.

— А что такого? — пожал плечами Буряк. — Ничего нового я не сказал. Если амазонки желают чтоб мы отпустили пленных, то пусть выделят городу подъёмные.

— А почему городу, — тут же поторопил ускользающую мысль Голова.

— Да потому, что и козе понятно, что никуда амазонки в случае освобождения не уедут. Это совершенно очевидно.

— "Вот, — понял Голова. — Вот она мысль, почему мы не дадим денег землянам — необходимость обустройства в городе не желающих уезжать на родину амазонок.

Ну и зачем это надо Потапу? Зачем он выступил с такой инициативой и теперь столь яростно её отстаивает? Зачем ему надо дожать земной клан.

Зачем ему это было надо — было непонятно. Хотя…

Глядя на то с какой лёгкостью земляне вывалили им в золоте их уставного долю банковского капитала, можно было Потапа Буряка понять. Тот боялся потерять так удачно приобретённую им лесопильную мельницу.

— "Уж очень хочется Потапу получить в свои руки все права на эту мельницу, — с раздражением подумал Голова. — Уж слишком лакомый для любого это кусок".

Неумеренность аппетитов Буряка даже его раздражала. И ещё он знал истинную подоплёку такой торопливости Потапа.

В Управу совсем недавно поступила жалоба от работников с той мельницы. Они жаловались, что новое руководство лесопилкой не обращает внимание на условия труда работников и на соблюдение технологической дисциплины, и техники безопасности, всецело озабоченное выколачиванием

максимальной прибыли из существующего оборудования. Лесопилка работала двадцать четыре часа в сутки и при такой работе полный износ установленного оборудования грозил не задержаться. Но, похоже, новых пользователей завода данный вопрос не волновал, в отличие от рабочих совершенно.

Благо, несмотря ни на что. воды за плотиной хватало.

Пусть до конца так и не достроенная, Быстринка всё одно обеспечивала пилы требуемым напором, и несмотря на нещадную эксплуатацию, до сих пор прекрасно справлялась с возложенной на неё миссией.

Да и плотина, несмотря на недостроенность, выдерживала увеличившийся напор.

Заложенный в плотину изначально запас прочности давал уверенность рабочим что всё не развалится у них тут же прямо под руками.

Но вот будет так же и дальше, они уже были неуверены. Даже пилы хотя бы иногда следовало точить. Но даже этого не делалось. А это вело к быстрому износу и выходу из строя всего оборудования.

Было полное впечатление, что Потап Буряк собрался за полгода выкачать из лесопилки всё что можно. И что нельзя, тоже выкачать. А потом бросить то что от неё останется в ни на что непригодном виде. Бросить так, чтобы потом, после него, никто бы на той мельнице ничего бы не смог сделать.

Такой подход даже Голове, мягко говоря, не нравился. Но ничего поделать он не мог. Пилорама досталась Потапу по праву, по результатам свободного конкурса на право пользования имуществом должника. И он мог теперь делать с ней всё что считал нужным, правда, в определённых законом рамках. И не нанося, естественно, непоправимого вреда.

Он не имел права сжечь её, не имел права сломать, разрушить прямыми и косвенными действиями. Этого он не мог. Всё же остальное он имел полное право делать сколько угодно. Никто ему ничего запретить не мог. И Потап нагло, откровенно и совершенно не скрываясь вытягивал из мельницы всё что только можно было вытянуть.

И вот это уже городские власти не касалось. Совершенно. Это касалось бывшего владельца, но никак не власти.

И немного, конечно, касалось работников, которым приходилось перерабатывать. Но, городское трудовое право гласило однозначно. Если что-то тебе у работодателя не нравится — увольняйся. Ты вольный человек и никто тебя насильно держать не имеет права. Всё.

И при всём его хорошем отношении к Лысому, бригадиру

рабочих с лесопильной мельницы, с кем они были давние хорошие товарищи, ничего сделать Голова не мог. Эти дела регулировались исключительно двусторонними отношениями между землянами и Потапом. А они гласили однозначно: "Пока за лесопилку не будет внесена сумма в шестьсот пятьдесят семь тысяч золотых — сумма кредита, предоставленного банку Потапом Буряком ещё в те давние времена, когда банком управлял Кидалов Поликарп Евграфыч, лесопилку обратно им не видать.

Плюс к этому ещё должны были гаситься постоянно набегающие проценты, которые по новому договору обязаны были погашаться из производимой лесопилкой продукции. И почему-то так у Потапа получалось, что сумма стоимости выпускаемой продукции как раз равнялась сумме набегающих процентов.

Явное жульничество, но никто в это вмешиваться не хотел и не собирался. На момент, когда пилораму выставили на продажу, все её рассматривали как своё будущее приобретение и данные условия более чем устраивали всех возможных пользователей, на тот момент учавствующих в аукционе. На протесты же хозяев привычно не обратили внимания, просто проигнорировав их. Горе побеждённым, гласит давняя мудрая пословица.

Потом, правда раздались голоса, тех кто проиграл конкурс, что так нельзя, что это явная несправедливость. Но! Как земляне сами же говорят: "Поезд ушёл". Теперь с этой явной несправедливостью ничего не поделаешь. Статус кво.

Добились лишь того, что сумма, выплаченная на аукционе городу за возможность участия в конкурсе, а также сумма, опять же заплаченная городу за право пользования пилорамой, отступное, не будет учитываться при окончательном расчёте нынешнего пользователя с прежним владельцем. И тому останется только внести требуемую сумму в шесьсот с лишним тысяч золотом. Безумные деньги. И явно что никто никогда их сразу не внесёт.

Но тем не менее Потап чрезвычайно этим озаботился, и теперь выжимал из лесопилки всё что только возможно, заставляя работать её двадцать четыре часа в сутки и организовав трёхсменную работу.

— Пусть будут довольны, что городские власти обязали нового пользователя придерживаться восьмичасового рабочего дня, а не десяти, как тот поначалу хотел. И запретили сменить существовавший там рабочий коллектив на новый, на своих.

— Но, похоже, и тут Потап нашёл выход. Если и дальше так дело пойдёт, то старый коллектив сам быстро разбежится. И Потап Буряк со своими людьми будет уже творить на пилораме

всё, что ему заблагорассудится.

— И если через полгода такой эксплуатации там ещё что-то останется, что-нибудь ценное, то я буду не я".

Голова поморщился от пришедших ему в голову странных мыслей. Мало того что лично его подобное положение не касалось, так от него тянуло ещё каким-то нехорошим душком. Слишком уж всё это было как-то холодно, цинично, как-то не по людски.

— "Пусть разбираются между собой сами", — выкинул он из головы странные, не к месту мысли.

В конце концов, чужие проблемы его не заботили, своих хватало.

Тем более что в любом предложении Потапа Буряка всегда надо было искать двойное дно. Никогда тот не делал ничего прямо и открыто. Всегда с какой-то подковыркой, с тайным умыслом. Ну что поделаешь, человек Буряк был такой, сложный и неоднозначный.

А поэтому в первую очередь надо было озаботиться поиском двойного дна данной его инициативы. А то что это именно Потапа Буряка была инициатива досрочного освобождения всех пленных амазонок, на настоящий момент скопившихся в городе и во всём пограничье, Голова ни чуть не сомневался.

Он был прекрасно осведомлён насколько у Буряка тесные связи с Правым берегом. И даже мог назвать кое-какие интересные фамилии оттуда, озвучив связи которых с Буряком, тот бы точно лишился если не головы, то уж во всяком случае практически всего своего нынешнего немалого влияния в Совете.

Только вот делать этого Голова категорически не собирался. Буряк, в борьбе за власть в городе был ему не соперник. Он не лез в эту сферу городской жизни, всецело отдав её на откуп Косому, и занимался исключительно своими, не связанными с интересами кланами Головы делами.

И всё равно, за такими людьми как Буряк, надо было постоянно присматривать. Мало ли чего тому в голову взбредёт.

Внешне внимательно вслушиваясь в разворачивающиеся в зале заседаний членов Совета дебаты, Голова тем временем, прокручивал в голове одну и ту же мысль: "Сколько уровней дна есть у инициативы Потапа".

Первый был на виду и просматривался легко. И это было хуже всего, слишком всё было очевидно. Радение интересам общества — весьма высоко чтимое простыми людьми качество общественного руководителя.

— "Потап пошёл разрабатывать выборную программу, — дошла до Головы очевидная и самая для него неприятная

мысль. — За два года до выборов он начал нарабатывать себе авторитет. Защитника и радетеля.

— Да, — вынуждено должен был признаться сам себе Голова. — Пять гарантированных лет без набегов амазонок с того берега реки — это серьёзный аргумент на выборах. С таким багажом он мне составит серьёзную конкуренцию".

При самом первом, самом поверхностном взгляде на принесённые Потапом вести — предложенные амазонками целых пять лет без набегов, грабежей и насилий — это был серьёзный аргумент в его пользу. Но было ли это всё чего добивался Потап.

— "Второе дно, — мысленно сделал себе зарубку в памяти Голова. — Деньги. Триста пятьдесят тысяч золотом, полученные от амазонок в виде выкупа за три с половиной тысячи пленных, томящихся у нас в плену. По сотне золотых за голову. Не Бог весть что, но… хоть что-то.

— Проблема только в одном. Как их не заплатить тем, кому они предназначены, — Голова мысленно поморщился, опять возвращаясь мыслями к наболевшму вопросу. Внешне, на его лице это не отразилось никак. — Пленные были того самого беспокойного клана, что последний год доставил городу и лично Голове столько беспокойства. И у Головы была твёрдая уверенность, что подобный расклад с деньгами этой компашке очень не понравится. А времена, когда он мог принудить землян задёшево, или вообще за спасибо, отдать своё имущество кому-либо канули в прошлое.

Как те в случае чего готовы драться за своё имущество он уже имел сомнительное удовольствие один раз наблюдать. И второй такой возможности он уже сам постарался бы избежать. В городе их неожиданно поддержали старые, уважаемые семьи горожан, посчитавшие что с землянами поступили несправедливо. И если бы не это, Голова сейчас бы не задумываясь отдал соответствующее распоряжение и те, нравится им это, не нравится, безропотно бы отдали городу своих пленников, как это не раз уже и бывало с иными и в других аналогичных случаях. И с этими, и с другими такими же черезчур самостоятельными группами такое уже не разбыло. Интересы коллектива, общества превыше всего. В конце концов, ни они первые, ни они последние.

Но после истории с разорением банка "Жемчужный", столь однозначно несправедливый наезд на эту компанию вызовет в городе нешуточные волнения. И у Головы были более чем веские основания полагать, что в этом случае, конфликт коснётся уже его лично и так легко как в прошлый раз, не разрешится.

— "А не это ли является одной из причин инициативы Потапа с возвращением амазонок домой?"

От понимания того, чем ему грозят возможные беспорядки в городе, Голова похолодел. За два года до будущих выборов никто в городе не забудет такой провал его городской политики. Такой скандал просто так не забудут. И не дай Бог дойдёт до крови. Такого не забудут никогда. А забудут — так найдётся кому напомнить.

Косому стало неуютно. Вылезающие на поверхность нижние планы инициативы Буряка нравились ему всё меньше и меньше. Выходило, что он должен был выступить против подобного предложения Буряка. То есть, против пяти спокойных лет, без набегов амазонок. А это ещё больше бы добавило негатива против Головы.

В городе явна начиналась политическая возня против него. Задолго до выборов, но процесс уже пошёл.

— "И так клин, и так клин", — пришёл к неутешительному выводу Голова.

"Ну всё! Довольно о грустном. Будем думать позитивно.

Что у нас в позитиве?

В позитиве у нас, в самом скором времени три с половиной тысячи пленных амазонок, в одночастье ставших самыми дешёвыми рабочими в городе. Что-то есть у меня такая уверенность, что сразу они домой не отправятся в случае освобождения. Нечего им там делать. Да и вести оттуда, доходящие, однозначно должны сказать им, что дома их не ждут и им не рады.

Это же какая оплеуха по их самолюбию. Вместо пяти тысяч золотом, как их оценила Компания землян, и как они сами с удовольствием всегда это подчёркивали, тем самым как бы признавая свой высокий статус пленных, приравненный к дворянству. И скатиться до каких-то двух жалких сотен?

Это же какой плевок по самолюбию этих самолюбивых девиц.

И если та жалкая тысяча пленных, что осталась в распоряжении компании со времён битвы на Девичьем Поле, ещё сможет подобное стерпеть, поскольку понимают что лично им на такой высокий статус ещё нет серьёзных оснований претендовать. То те две с половиной тысячи попавших в плен к землянам амазонок, матёрых вояк из последнего набега на город, такой плевок себе в лицо своему руководству не простят. Эти не утрутся.

Это кто же у них такой умный, что придумал такую хитрую операцию, — подивился Голова. — Оттуда, из Амазонии, вести доходят что у них на границе с ящерами возникли проблемы. Им сейчас кровь из носу стали нужны все, кто умеет и знает с какой стороны держать меч в руке и куда надо посылать стрелу. А тут —

такое пренебрежение. И ведь есть же у них деньги. Ладно бы не было, так ведь точно известно что есть. И сами пленные амазонки об этом прекрасно осведомлены.

Кто-то очень не хочет чтобы они оказались дома, — понял Голова. — И совсем не обязательно что эта заинтересованная личность сидит именно в Амазонии. Даже наверняка нет.

Тогда кто? Империя или Подгорное княжество. Два друга-врага, самых ближних соседа и оба имеющие колоссальное влияние в республике. Кто-то из них один, или оба разом?

А не всё ли равно, — отмахнулся мысленно Голова. — Недостаточно информации для анализа".

"Всё-таки Потап предложил прекрасную идею. И если земляне будут возражать, их можно прижать пятью спокойными мирными годами. И пусть там с ящерами пока непонятно что будет, но убрать со своих земель хотя бы одного врага, уже большое достижение.

На это надо и давить, — принял окончательное решение Голова. — А там, будь что будет. Посмотрим как они попрут против общественного мнения. А нужное общественное мнение я организую. Те ж контрики, так пострадавшие во время последнего набега. Кому как не им быть теперь на моей стороне. Они то лучше любого другого представляют что такое пять мирных лет. И пусть блокада с реки не сымается, но мирный год — это мирный год. За него можно многое успеть.

Да и с ящерами мы разберёмся. Они последнее время присмирели. Их практически не видно и не слышно стало. Так что и с этой стороны я думаю получу от контриков мощную поддержку. Глядишь, и помиримся, — мрачно констатировал он, понимая всю несбыточность своих таких мыслей. — Хуторяне из чернореченских верховий и с Рожайки славились своей упёртостью. Уж это Голова хорошо знал.

Жаль, конечно, что он поссорился с ними. Но и денег, которые пришлось бы непонятно за что выплачивать хуторянам было ещё больше жаль. Деньги вообще — конечный ресурс и его требовалось экономить. Всегда!"

Вот теперь Голова успокоился. Теперь можно было вызывать в Управу на Совет представителей компании землян и разговаривать с ними. Теперь у него были все козыри на руках. И хоть сразу было понятно что земляне что-то потребуют взамен, но об этом сейчас можно было не думать. Главное стало понятно. Те сами, вынужденно пойдут на такое соглашение. И мало того что деньги не получат, по крайней мере все, но и отпустят пленных, хоть это им наверняка очень и не понравится. Но пойти против мнения народа они не посмеют.

Если только не вылезет не к месту эта их баронесса.

Голову прошиб холодный пот. За всеми этими рассуждениями он позабыл про баронессу. А от неё обязательно надо было ожидать какой-нибудь подлянки.

Ну да ладно, — мысленно махнул он рукой на проблемы. — Что будет, то будет. Завтра будут проблемы, завтра будем решать".

Ещё раз мысленно махнув на будущие проблемы рукой, Голова уже без всяких мыслей погрузился в набирающее обороты торжество. Дошло до торжественного выноса на стол парадного торта и Голова мысленно облизнулся. Он тайно подговорил одну из своих дворовых девок, Полинку Жемчугову, неожиданно выскочить из торта, на потеху гостям, и уже мысленно предвкушал будущее веселье.

Нет, что ни говори, а эти земляне знают толк в гулянках, — была его последняя трезвая мысль. — Не зря я приблизил к себе Кондрата Стальнова. Кузнец кузнецом, а толк в развлечениях знает. Завтра по городу ещё больше пойдёт разговоров о сегодняшнем сборище. Пусть все знают, как гуляет местная Старшина".

Заноси! — окончательно отбросив все несвоевременные мысли, весело и разудало махнул он рукой Кондрату, с интригующим видом выглядывающего из-за чуть приоткрытой двери в горницу.

Гулянка набирала обороты…

*Воля для избранных.**

Вчера казалось бы ясная и прекрасно выверенная стратегия принуждения строптивых землян к послушанию, сегодня с утра дала трещину. В чём тут дело Голова долго не мог понять. Видать сказывалось вчерашнее неумеренное возлияние.

— "Всё-таки эти земляне неумеренны в питье, — вынужденно констатировал про себя Голова. — Этот Кондрат всех так завёл. Ну какой смысл надо было устраивать соревнование "Кто больше выпьет рюмок. На спор". Победил естественно он, как самый опытный знаток в этом деле. А теперь у Головы болит голова".

Голова поморщился от не слишком удачного каламбура. Такие прямолинейные сравнения он не любил. Какие-то они были… Ну…, неудачные что ли.

Мыслями он вернулся во вчерашнее. Было там что-то такое, что мельком царапнуло сознание и оставило в памяти зарубку. Нечто такое что обязательно надо було продумать и

проанализировать со всех сторон.

Это обязательно надо было вспомнить, а для этого постараться буквально по секундам, по долям секунд восстановить в памяти всё что было вчера.

Голова привычно напрягся. Сосредоточившись, низкие деревянные потолки хозяйской спальни привычно надвинулись близко-близко к глазам, помогая сосредоточиться. Отодвинув в сторону давно ставшую привычной после таких посиделок головную боль, мысли Головы завертелись калейдоскопом.

Стоп! Вот оно.

На неуловимо краткое мгновние вспыхнувшие торжеством глаза Потапа, когда они вчера приняли окончательное решение потребовать от землян вернуть пленных и постараться ничего им за то не заплатить.

Он ещё сам вчера орал пьяным голосом что они перебьются и он не позволит использовать рабский труд у себя в городе. Что давно пора прекратить подобную практику.

— "Хорошо что он вчера рано ушёл, — поморщился Голова. Эти игры с выскакиванием полуголых девок из торта кончаются заведомо известным концом. Сперва просто девка в платье, потом полуголая девка, а потом уже голая девка. А потом уже и панибратством с ним, с Головой. Вместе пили, вместе одну и ту же девку…, - Голова опять поморщился. Нарисовавшаяся в голове перспектива ничего кроме омерзения не вызывала. Да и проблемами в случае подобного развития грозила нешуточным. Он осторожно покосился на тихо посапывающую рядом жену.

— "М-да, узнает о Полинке, будет мне… и дудка, будет и свисток".

— "Что же здесь не так? — мысли ворочались тяжело и плохо поддавались анализу. Вчерашнее расплывалось перед глазами.

— Вот оно…, - прошибло понимание. — Безвозмездная передача. То есть, деньги, все триста пятьдесят тысяч остаются в городской казне, а значит можно будет потом их перераспределить в свою пользу.

Следовало бы сейчас облегчённо вздохнуть. И он бы так и сделал, если бы в какой-то миг не пришло чёткое понимание всего дальнейшего, что с железной неизбежностью повлекёт за собой крайне неприятные лично для него последствия, и того, почему вчера в глазах Потапа на миг проскользнуло торжество.

Сделать так — гарантировано поссориться со всей южной частью города. А после окончания весеннего праздника равноденствия те старались всегда держаться вместе, сплотившись вокруг вчера казалось бы такой глупой игрушки как макет рыжего лиса. Идти сейчас с ними на скандал, а подобное

требование они бы все безусловно восприняли именно так, а не иначе, — значит гарантировано лишиться их голосов на будущих выборах.

Пришло чёткое понимание произошедшего. Вчера началась избирательная компания. И это была явная, тщательно подготовленная попытка его дискредитации.

— "Нет, — похолодел в тот же миг Голова. — Не вчера. Компания началась месяц назад, когда семья Бурцевых справляла какое-то мелкое семейное торжество и у них по этому поводу собиралось местное общество. Но торжество, как заявлено было настолько мелкое, что даже меня не позвали.

А вот Потап там был. Его позвали".

Перед прищуренным взглядом Головы особенно чётко и контрастно прорезался красивый крупный сучок, как раз посередине на идущей через всю спальню массивной матице. Род Бурцевых был давним врагом и главным конкурентом рода Косых во всех городских делах.

— Вот чего ты Потапушка так радуешься…, - тихо прошептал Голова. — Приняли в ближний круг…

— Что? — донеслось с соседней подушки.

— Спи, спи, дорогая, — привычно успокоил он поцеловав обычно чутко спящую супругу, поднявшую голову.

Дождавшись когда она снова уснёт, разбуженная его беспокойным шевелением в кровати, снова вернулся мыслями ко вчерашнему.

— "Выходит, у этого вчера казалось бы невинного дела имеется ещё один нижний слой, — Голова мысленно хмыкнул. — Потап Буряк, поддерживаемый родом Бурцевых начал предвыборную компанию. А я этого и не заметил.

И начал он её с дискредитации нынешнего Головы в глазах всех жителей южного посада. Ни много, ни мало.

Молодца, Потап, — мысленно похвалил он своего давнего тайного недоброжелателя и конкурента. — Ой, молодца! Так ловко чуть не подловил старого дурака. Ну да на то мы на своём месте и сидим уже двадцатый год, чтоб такие вот подставы ловко обходить.

Думал, нашёл поддержку у ящеров, точнее у Империи, — тут же поправился Голова. — Договорился с Подгорными князьями. Здесь дома, на Бурцевых решил опереться, на старый, влиятельный род. И думаешь моё место у тебя в кармане? Нивный. Борьба только начинается.

Но какие же у нас противники, — внутренне поморщился он. Сразу стало тоскливо и вспомнилось прошлое спокойное житьё. Как было раньше хорошо без подобных интриг. Без князей и

императриц, какая раньше было милая, патриархальная жизнь…

"О которой теперь остаётся только мечтать".

— А схожу ка я завтра…, забывшись, вполголоса пробормотал он.

Бросив корткий взгляд на уже сереющее стекло небольшого оконца в своей горенке-спальни, поморщился. Идти надо было сегодня. Более того, идти надо было прямо сейчас, иначе будет поздно. Потап и тут его переиграл. Он не оставил ему времени на то чтобы сообразить, что здесь может быть засада, и не оставил ему времени чтобы всё переиначить.

Заседание Совета, на котором будет объявлено об изъятии пленных у клана землян, планировалось сегодня на полдень. А учитывая сколько они вчера выпили, сразу становилос понятно, что если бы сегодня Голова рано не проснулся, томимый беспокойствием и неясными предчувствиями, то встал бы он сегодня как раз к полудню, минута в минуту перед началом заседания. Как не раз последнее время и было.

— "Нельзя быть таким предсказуемым, — посетовал он сам на себя. — Меня уже просчитывают и пользуются моими слабостями. Такую практику надо ломать. Иначе мне на моём месте долго не просидеть.

Осторожно вынув руку из-под головы жены, чтобы не разбудить, Голова медленно поднялся. Следовало торопиться, пока ещё было время.

Одевшись, Голова привычно раздал подивившейся столь раннему его подъёму челяди обычные с утра распоряжения. Тщательно проинструктировав своего личного порученца Петьку Дёмченко, постоянно ночующего в людской, как раз на такой случай, ненадолго успокоился.

Петьке же постарался вбить в его тупую бошку главное, что он должен был передать этой банкирше, без которой в той компании дела к сожалению не решались. Что он, Голова города Старый Клюс Сильвестр Андреич Косой просит… особо подчеркнув, что не требует, а именно просит, Марью Ивановну Корнееву присоединиться к их совещанию дома у баронессы Изабеллы де Вехтор. Крайне желательно прямо сейчас, не позже двух часов до полудни.

Сам же торопливо стал перебирать бумаги в кабинете и готовиться к встрече. Надо было просмотреть бумаги и освежить в памяти чем вообще владели эти земляне и что можно было бы им предложить. Не особо ценное, но и такое, чтобы сразу не возникло подозрение в пренебрежении.

На конфликт с ними сейчас идти было категорически нежелательно. Очень не вовремя. К тому ж это явно были

ставленники Ведуна, а кроме как на Территориальные власти сейчас Голове опереться было не на кого.

Вот теперь вроде бы было всё.

Уже через час Голова сидел в гостиной Сидоровой землянки, за большим гостевым столом, и, втайне дивясь радикально изменившейся внутренней обстановке, неторопясь, с достоинством вёл деловую беседу.

*Договор.**

То что всё будет не так просто с этой компашкой, Голова предполагал, но что всё будет так плохо, он не мог себе предположить и в самых буйных фантазиях.

Первое же что они ответили на его предложение договориться полюбовно — да. Уроды! И Голова понял, что это будут тяжёлые переговоры.

Те кто сразу не раздумывая, без малейшего возражения, даёт своё согласие на то, чтобы триста пятьдесят тысяч золотых, выплачиваемые руководством республики Амазония за своих пленных, остались в городской казне, обязательно за это что-то потребуют. И все разговоры о том, чтобы эти деньги потом пошли на создание новых рабочих мест для переселенцев в городе, и на трудоустройство уже свободных амазонок, если те пожелают не покидать пределы города, для этих людей оказалось не значат ничего. Даже меньше чем ничего.

Прекрасно поняв, что лично им из этих денег не достанется ни монетки, разве только их банк получит какую-то мелкую денежку за обслуживание такого крупного платежа, они легко согласились с требованием города.

Как было бы хорошо если бы это было всё, и на этом бы они успокоились. Нет!

Компания землян за свой отказ от получения выкупного платежа, столь несоответствующего их первоначальным требованиям, потребовала взамен погашения всех своих долгов городу. То есть фактически бесплатной передачи компании всех занятых ими на настоящий момент пахотных земель. И ещё — возврат конфискованной властями профессорской лаборатории и снятие запрета на использование его исследований.

Корней потребовал погашения всех задолженностей перед кланами немногих оставшихся у него курсантов по их долговым обязательствам, за счёт города.

А баронесса, вот уж воистину совсем молодая глупая девчонка, у которой в голове одни лишь свадьбы да гулянки,

попросила Голову поспособствовать договорённости с семьями тех парней, которые пожелали взять себе в жёны каких-то девчонок из числа пленных амазонок. Мол, семьи парней выдвигают какие-то несусветные требования, вот она и просит Голову, со своей стороны помочь в разрешении данного конфликта.

На осторожный вопрос: "Сколько таких несчастных?", последовал невозмутимый ответ, что немного, порядка двух с половиной сотен.

Проглотив готовое сорваться с губ матерное ругательство и отчётливо представив как ему, лично ему придётся теперь идти в составе двухсот пятидесяти посольств сватов договариваться с семьями женихов, Голове чуть там же на месте не поплохело.

Однако сразу за тем поняв во что ему реально это встанет, и какую выгоду он с того может для себя поиметь, мгновенно сменил гнев на милость. Это был прекрасный повод начать собственную рекламную компанию перед выборами. И две с лишним сотни благодарных лично тебе парней с молодыми жёнами, пусть на данный момент и чужих работников, но из семей старых горожан, — это уже была весомая заявка на будущую победу на выборах.

За одно это можно было легко пойти на такое соглашение.

С профессорской лабораторией вообще было всё не просто. Он с самого начала был недоволен самоуправством Кирюхи Сапрыкина, проявившем чересчур вольное толкование собственных прав, и непомерено активную прыть там где вообще не должен был суетиться.

Чесно говоря, если бы не это требование профессора, то он сам бы скоро постарался вернуть тому лабораторию. Потому как удерживание её за собой грозило городу большими проблемами, стоило лишь тому пожаловаться в территориальный Совет. У профессора были слишком весомые связи в том Совете, а дурак Кирюха этого не понимал.

Да и всё одно, никто кроме самого профессора не мог его лабораторией воспользоваться. Во-первых прав таких не имел, потому как конфликт так окончательно и не был разрешён, а во-вторых, в городе просто не было специалистов уровня профессора. А хранение её на складах, пусть и упакованной в ящики, гарантированно со временем привело бы к утрате многого и многого из собранного там ценного оборудования. Что в перспективе грозило уже самому городу нешуточными штрафами за утерю и порчу чужого имущества.

Немного напрягало, конечно, что стоимость земель, передаваемых клану в собственность, превыщала один миллион

золотом, при том, что город получал всего лишь три с половиной сотни золотых компенсации. Но, вскользь брошенная Машей фраза о том, что им известна первоначальная сумма выкупа в семь сотен и десятилетний срок мирного периода, сразу снял все возникшие было возражения.

Озвучивание перед всеми членами Совета таких тонкостей, гарантировано грозило уже нешуточными разборками внутри самого Совета. А вот этого допускать было категорически нельзя.

В общем, можно было сказать, что встреча двух вчера ещё враждебных, антагонистических сторон, этим утром прошла на высшем уровне. Он отделался малой кровью.

*Каждому — своё. Кому — воля, кому — мир.**

В том что он был более чем прав в своих догадках, Сильвестр Андреич понял перед самым началом Совета, когда краем глаза увидал мельком проскочившую на лице Потапа лёгкую гримасу недовольства при взгляде на пришедших землян.

— "Знает, — пришло понимание. — Уже знает что я встречался с землянами. А раз знает, то наверняка уже догадался что я о чём-то с ними договорился. А раз я с ними договорился — значит уже понятно, что не будет так нужного Потапу скандала. Потому и недоволен. Хорошо".

Голова почувствовал мстительную радость. Значит, всё сделано было правильно. А значит, и в этот раз он переиграл своих вечных соперников из числа городских старых родов. А значит, есть ещё порох в пороховницах, как говаривал один его хороший знакомец из числа землян.

А на то что и землянам, и этой баронессе пришлось пойти на некоторые мелкие уступки — на это можно было посмотреть и с другой стороны. Как на то что теперь земляне ему должны. Что он не отобрал вот так, забесплатно их пленных, а всё-таки компенсировал им хоть что-то. Мог ведь просто забрать, а не забрал, компенсировал. Значит, они ему должны.

Про то что у самих землян может быть собственное мнение на сей счёт, он не подумал, привычно выкинув из головы подобные глупости.

Хитрый выверт мозгов, как ни странно, принёс Голове настоящее удовольствие. Вот такой вот подход ему нравился. Вот это было правильно.

Дальше ничего интересного уже не было. Всё с самого начала было ясно и понятно. На общем собрании всего Городского Совета, прошедшем в полудень в зале заседаний Городской Управы, землянам зачитали требование Совета о безвоздмезной передаче городу всех их пленных амазонок, которых город тут же обязывался передать прибывшей недавно из-за реки делегации.

За это, город получал целых пять долгих лет мира с амазонками и триста пятьдесят тысяч.

И компания землян, понимая что им деваться некуда, и идя навстречу пожеланию Совета, а соответственно и всех жителей города, согласилась вернуть всех пленных, правда выдвинув свои встречные требования.

И Городской Совет города Старый Ключ, не вдаваясь в разборки, детали и подсчёты, всеми голосами членов Совета,

проголосовали — за, фактически единогласно согласившись с требованиями землян: безвозмездную передачу в собственность того, что и так ничего не стоило. Каких-то мелких участков пахотной земли, ценных лишь тем что рядом с городом, да какого-то собрания многим непонятных стекляшек, составлявших костяк профессорской лаборатории. И вообще ерунды — простить какие-то мелкие долги одних граждан города другим. Такая малость!

За пять лет мира им бы согласовали и не такое ь, если бы они запросили

Общие высказывания по данному пункту свелись к одной короткой фразе: "Хотят? Да и хрен бы с ними! Пусть берут! Лишь бы у нас было впереди пять спокойных лет".

Но что совсем уж Голове не понравилось, так это торжество, на миг проступившее на лице Потапа Буряка. Видать тот до последнего мгновения беспокоился, как бы земляне не потребовали от него возврата принадлежащей им лесопильной мельницы. Вот тогда бы и у Головы и у Потапа были проблемы.

Видать поэтому первым и поторопился проголосовать за передачу им всех прав на землю, возврат лаборатории и прочие мелочи. Ему явно повезло, что те ограничились такой сущей малостью.

— "Всё же баронесса, и в этот раз возглавившая пришедшую на заседание Совета делегацию от компании, дура дурой, а мудрая женщина, — сделал неочевидный вывод Голова. — Хоть и соплюшка, а понимает, что лучше ограничиться малым, но достижимым, чем, раззявив рот на большой кусок, не получить в ответ ничего".

*Освобождение. **

Весна уже вовсю бушевала вокруг, звенела капель, текли ручьи, в лесу уже проклюнулись первые подснежники, все кругом радовались скрому приходу лета, дороги развезло, а настроение у двух женщин, отправившихся принести радостную весть последним двум сотням пленных амазонок об их окончательном освобождении из плена, было хуже некуда.

В душах их царила чёрная мрачная тоска.

Такого жёсткого, такого подлого удара под дых от городских властей они так скоро не ожидали. И хоть постарались сделать хорошую мину при плохой игре, и та, и другая прекрасно понимали — мина морды лица как раз самая плохая.

Все кланы города, кому достались пленные из полона с

Девичьего Поля давно уже получили положенный выкуп. И именно в том самом размере что выставил клан землян. Ту самую, вчера ещё всем казалось бы безумную цифру в пять тысяч золотых за голову. И лишь у одних у них до этого дня не было окончательного расчёта по пленным.

Лавко подсуетившиеся в самом начале клановщики, действуя через своих агентов среди корнеевских курсантов с самого начала отобрали в свою собственность самых перспективных в плане выкупа пленных. Правда на тот момен никто не думал о таких безумно высоких размерах выкупного платежа. Думали что это, как обычно будет много меньше — один, два золотых за голову, если вообще что-то будет. Но когда в первый раз возникла эта цифра — 5000 Z за голову пленной амазонки, они первыми поспешили выкуп получить. И что самое интересное, получили.

И хоть бы одна зараза выразила клану землян за то благодарность. Нет. При первой же возможности постарались отобрать у них и ту малось, что ещё осталась у них на руках.

Маша привычно погрузилась в транс, в уме подсчитывая сколько же у них осталось на сегодняшний день человек. На дороге работало четыре сотни, на горельнике — две с половиной, и в Долине — сотня. Всего, здесь, возле города — семь с половиной сотен.

Из четырёх сотен, отправленных осенью на озёрные рудники, к весне в живых осталось что-то около трёхсот человек. А из двух с половиной тысяч захваченных в заливе пленных, а сегодняшний день выжило что-то чуть более пары тысяч. Остальных съели подгорные ящеры.

— "Чуть более трёх тысяч человек общим числом, — с горечью констатировала Маша. — Три тысячи великолепных работников, для которых мы не жалели ничего. Ни еды, ни оружия, ни денег. Ничего! Лишь бы работали. И как они вкалывали…, - Маша мысленно мечтательно закатила глаза вверх, к небу. — Как они работали", — снова с горечью вернулась она на землю.

Это были великолепные работники, прекрасно справлявшиеся со своими обязанностями. И лишить всех их враз, для их компании могло оказаться смертельным ударом.

И если с отсутствием денег ещё можно было как-то смириться, то с отсутствием рабочих, тем более стольких опытных рабочих, смириться было нельзя. Но ничего и поделать было невозможно, они были связаны обязательствами.

Чересчур плотная завязка на использование труда пленных оборотилась к ним своей чёрной стороной. Практически все работы у них должны были встать. А времени чтобы

подготовиться и хоть как-то минимизировать ущерб, им не дали.

Это был хорошо проработанный и чётко реализованный удар по их компании. И все у них прекрасно это понимали.

Как понимали и то, что после такого удара подняться будет не просто трудно. Это уже шла речь о самом их существовании. По крайней мере в нынешнем их состоянии.

Маша с Изабеллой, сидя в любимой коляске Маши и с любопытством осматривая окрестности, медленно катились по прекрасно выровненному полотну широкой и прямой насыпи новой дороги, ведущей от железодельного завода дальше в горы. Они неторопливо подъезжали к видневшейся неподалёку группе женщин, возившихся с чем-то в придорожном кювете.

Коляска, слегка покачиваясь на мягких рессорах, тихо шуршала металличскими ободьями колёс по хорошо утрамбованному, уже кое-где подтаевшему снежку, слегка припорошенному сверху недавно посыпанным песочком.

— Хорошо работают, — негромко заметила Маша. — Даже жалко отпускать.

— Жалко, — согласилась с ней Изабелла, кивнув головой. — Но ничего не поделаешь. Не держать же их в плену ещё десять лет.

— Почему нет, — флегматично заметила Маша. — Хочется. У нас вот, после последней большой войны как раз десять лет пленных продержали. Так они за это время столько хороших домов понастроили в стране, до сих пор по городам кое где ещё стоят. Никак желающие не могут окончательно доломать.

Здорово бабоньки! — негромко поздоровалась она с амазонками, как только коляска приблизилась к работающим. — Чего работаете? Сегодня же выходной, воскресенье.

— Кому выходной, а кому и надо домой, — мрачно скаламбурила ближняя к ним амазонка, старательно махающая лопатой, перебрасывая подмёрзший песок.

— А, — протянула Изабелла, признав говорившую, — Илона Бережная. Сам команданте сего лагеря работает. Хм. Понятно. Торопишься домой, значит.

Бросай работу, Илона, — обратилась она непосредственно к ней. — И строй всех своих на общее построение, говорить буду.

Настороженно посмотрев на неё, Илона воткнула лопату в кучу песка, сваленную возле дороги, и занялась общим сбором.

На удивление быстро, буквально за пять минут, перед коляской уже стоял ровный квадрат двух сотен амазонок, чисто для проформы охраняемый по периметру тремя ящерами арбалетчиками.

— Хорошо, что вы внимательно ко мне прислушались и не

стали устраивать никаких коллективных побегов, — заметила баронесса, оглядев плотные ряды квадрата. — В другой группе не были столь внимательны к моим словам. А жаль.

Баронесса замолчала, внимательно рассматривая амазонок, а потом продолжила:

— Как обычно у меня для вас несколько вестей. Хорошая и плохая. С какой начать?

— Начни, для разнообразия, с плохой, — усмехнулась стоящая в первом ряду Илона. — А то в прошлый раз, говорят, начав с хорошей, ты плохо кончила. Может быть, в этот раз всё будет наоборот.

— Плохая новость это то, что уже конец зимы, — Изабелла кивнула на голые, припорошенные снегом ветки окружающих деревьев. — И вам для дальнейшей работы понадобится летняя одежда, непромокаемые плащи, для защиты от дождя, и сапоги. Болотные в том числе. А это дополнительные расходы. Большие и опять же за ваш счёт.

— Ну, а хорошая, — угрюмо спросила её Илона, бросив на Изабеллу неприязненный взгляд.

— Хорошая та, что с этого дня вы свободны. Все. На днях прошло совещание в городском Совете где было постановлено освободить вас из плена за ту сумму выкупа, что готово предъявить руководство республики в счёт погашения ваших долгов.

— Желаете узнать?

— Ну? — донёсся до Беллы чей-то нетерпеливый возглас из задних рядов.

— По сотне за голову, — флегматично бросила Белла в ахнувшую от неожиданности толпу. — И за пять спокойных лет, без набегов с той стороны реки на левобережные земли.

— А кто-то хотел и пять тысяч с нас поиметь? — всё тот же, уже насмешливый голос из глубины строя всё никак не унимался, желая детально разобраться в происходящем. — Как с этим быть?

— Никак, — равнодушно отозвалась Белла. — Это уже наши личные договорённости с местными властями и вас они никоим образом не касаются.

Поэтому с сегодняшнего дня вы можете проваливать на берег Лонгары и ловить перевозчика к себе домой. Но учтите, что в город вам проход запрещён. И дабы не нарываться на неприятности, вам туда не следует соваться.

— А одёжка? — тут же перебил её голос из смешавшейся толпы амазонок. — А жрачка?

— Жрачка только та, что у вас в лагере осталась, — равнодушно заметила Маша, оглядывая взволнованное море

голов амазонок, окруживших коляску. — Можете взять на первое время сколько на своей спине унесёте. Одёжка только та, что на вас. А на другие шмотки у вас, как вы понимаете, нет денег. Нет ни у кого, ни единой монетки. Вы только отработали долги и всё, — Маша внимательно присмотрелась к взволнованным лицам амазонок, — можете уезжать. Имеете полное право.

Но если кому нужны деньги, то может остаться. Она их может заработать тут, на дороге, или там, на горельнике. Ни в город, ни в его окрестности, кого-либо из вас пускать запрещено. С нас хватит проблем, что вы создаёте. До Рвицы вас проводят, чтобы не разбежались или конфликта какого с местными не было. Если кто вздумает скрыться, чтобы остаться, то быстро о том пожалеет.

— Вот значит, как, — угрюмо заметила так и стоявшая всё это время возле коляски Илона. — Ну и что же мы будем делать у себя на берегу, дома, без единой серебрушки в кармане? Что-то я плохо верю в то, что нас примут обратно в Стражу. Особенно после того разгрома, что вы нам учинили на том вашем Девичьем поле, а потом ещё в заливе. Да и судьба командира легиона Тары нас что-то не вдохновляет. А после мятежа соваться на тот берег что-то охоты совсем мало.

— А чем вам не нравится судьба Тары, — усмехнулась понимающе Изабелла. — Почётная отставка с не менее почётной последующей службой не менее почётным рядовым в самом дальнем и самом глухом непочётном гарнизоне посреди гнилых болот верховий Лонгары. Чем плохо. Да и чего вам бояться, — усмехнулась она. — Ведь не вы же говорили правду в лицо Совету Матерей. Ведь не вы же уличили их в продажности. Чего вам то бояться? — насмешливо посмотрела она на притихшую враждебную толпу.

— У вас открываются прекрасные перспективы, — продолжила Маша после недолгого молчания, когда накал страстей достиг казалось уже практически высшей отметки. — Или нищета в батраках, но зато у себя дома, или служба в глухих, богом забытых гарнизонах. Чем же вы так недовольны?

— Ну и тут, конечно, вы, — недобро взглянула на неё Илона, — такие добренькие с хорошей работёнкой и высокой оплатой. Я вас правильно поняла? — зло уставилась она на баронессу, а потом, переведя взгляд обратно на безмятежно глядящую на неё Машу, спросила:

— Ну и что же это будет за работёнка, что вы для нас подготовили?

Маша, чуть повернув в её сторону свою голову, минуту, не менее, глядела ей прямо в глаза, а потом медленно проговорила:

— Умная. Это хорошо.

— Так вот, тем, кто не захочет больше возиться на обустройстве дороги, можем предложить поработать наёмниками. Есть тут у нас парочка упрямых кланов подгорных ящеров в предгорьях, что не хотят покидать насиженные места. Вот нам бы и хотелось их оттуда сковырнуть. Хоть в прямом, хоть в переносном смысле. Оплата обычная для таких дел, плюс премиальные в случае успешного исхода. Если кого заинтересует, милости просим. А пока пакуйте свои вещички и собирайтесь в город. Возле него, в хорошо знакомом вам дворе, прекрасно известной вам крепости, назначен для вас сборный пункт. Берлог к вашим услугам, девочки.

Путь обратно. *

Спустя час, когда они возвращались обратно в город, сопровождаемые толпой весело галдящих амазонок, радостно обсуждавших будущие перспективы службы в дальних гарнизонах, Изабелла решила всё-таки поинтересоваться у Маши:

— Ну и на что ты рассчитывала, когда им предлагала послужить, или поработать у нас?

— На их трезвые головы, — мрачно буркнула Маша. — Козе понятно, что ничего хорошего их дома не ждёт, да и здесь, в других владениях, тоже. Так ведь нет же. Не остались даже на время, чтобы заработать себе хотя бы на одёжку. Так и идут в арестанских робах, как будто это у них другой одежды нет.

Баронесса, хмыкнув что-то про себя, несколько минут безразлично рассматривала бредущих за коляской амазонок, нагруженных немногочисленным имуществом, а потом неожиданно заметила:

— А им, однако, идёт эта их рабочая одежда. Подправить кое-что по мелочи и вполне, вполне. Очень даже неплохая униформа получилась бы. Кто это им шил рабочую одежду? — заинтересованно посмотрела она на Машу. — У этого человека явно хороший вкус, да и стиль рабочий тщательно выдержан. Очень практичная и удобная одежда. Не даром же они даже не стали переодеваться, когда им вернули их вещи.

Маша, удивлённо посмотрев на баронессу, оглянулась на гомонящую сзади них толпу, а потом, присмотревшись, перевела удивлённый взгляд обратно на баронессу.

— Действительно, прям, как униформа какая-то, — немного растерянно заметила она. — И на самом деле им идёт.

Наверняка Дашка, паршивка руку приложила, — легонько хлопнула она ладошкой по коленке. — Что-то я такое помню, что

она носилась с проектом какой-то одежды. То ли для курсантов, то ли для ещё кого. Точно! — восторженно хлопнула она себя по коленке. — Дашка, зараза! Больше просто некому. Вот же паршивка! — восхищённо заметила Маша. — Стоило только отвернуться, как она уже у нас за спиной в ателье хозяйничает.

Ну я ей покажу, паршивке, как без старших в подобные дела влезать, — тут же мстительно заявила Маша. — Не отведав мочёной хворостины, она сегодня спать не ляжет.

Хотя бы предупредила, что материал берёт. Может, он у нас для чего-нибудь нужного припасён был, а она его без спросу взяла. Две сотни амазонок одеть, — схватилась она в ужасе за голову. — И ещё половна из тех что на горельнике. Ведь я же хорошо помню, что кое у кого из той группы, на горельнике, я видала точно такую же амуницию. Как я тогда не обратила на это внимание.

Она балдеет от амазонок, — тут же пояснила она удивлённо глядящей на неё баронессе. — Прям тащится. Как узнала, что мы их перевели на тюремное положение, так прямо разревелась вся. Никак не могла успокоиться. Вот, видимо и решила немного подсластить им пилюлю, пошив изящную рабочую одежду. Хотя, — задумалась она. — Быстро столько одежды не пошьёшь, значит, она работала не одна. Точно! — весело хлопнула она ладонью по колену. — Светика с Лизонькой припахала. Вот шельма, — восхищённо покрутила она головой. — Уже как хозяйка вертит девчонками.

— Надо будет и себе у неё заказать нечто подобное, — заметила баронесса, ещё раз, внимательно присмотревшись к одежде идущей рядом амазонки. — Вот только кое-что всё-таки изменить не мешало бы.

Пояса не хватает, — пояснила она Маше, кивнув на амазонку, — для оружия, для спичек, да и карманов бы побольше под штуковины разные.

— Ты вообще-то слышала, что я сказала, — удивлённо посмотрела на неё Маша. — Это рабочая одежда, — потыкала она пальцем в идущую рядом амазонку. — Рабочая, а не военная.

— Ну и что, — насмешливо посмотрела на неё баронесса. — Была рабочая, а сделаем военную. Надо только побольше разных карманчиков пришить в удобные места. Да и как рабочая, она ещё не совсем пригодна. Панамки не хватает, — ткнула она в сторону идущей рядом с их коляской амазонки. — Лето как раз на носу.

— Причём здесь панамка, — возмутилась Маша в полный голос. — Тут бы курточка не помешала, чтоб от весеннего холода прикрыться, да плащика непромокаемого с капюшоном от дождя. Тулуп нужен от мороза, а без панамки то уж, как-нибудь можно и

обойтись.

— Ага, — насмешливо хмыкнула баронесса. — А голову от солнца, что защищать будет, лопух, что ли?

— Косынка, — возмущённо фыркнула Маша. — У всякой уважающей себя женщины должна быть косынка.

— Тото же они есть у этих, — насмешливо кивнула Изабелла в сторону уже внимательно прислушивающихся к их громкому спору амазонок. — Да что спорить, — махнула она на Маню рукой. — Давай спросим. Эй, — крикнула она ближайшей к ним амазонке, так же, как и соседние с ней, внимательно прислушивающейся к голосам, доносящимся из коляски. — Ты, ты, — кивнула она настороженно посмотревшей на неё амазонке. — А ответь ка мне на один вопрос. Что тебе лучше иметь, косынку, или панамку?

— Хорошо бы ещё и зонтик от солнца, — ядовито заметила та, чуть скосив насмешливый глаз в сторону спорщиц. — И опахало сзади с двумя мужиками.

Баронесса, недоумённо уставилась на неё, не зная в растерянности, что и ответить, а потом неожиданно весело и заливисто рассмеялась, вслед за безудержным хохотом прыснувшей Маши.

Больше они уже не спорили и до самого города так эту тему и не поднимали, только возле Медвежьей крепости они ещё раз тепло попрощались с амазонками и выразили сожаление, что те отказались с ними сотрудничать.

Расставшись с ними, они, весело перешучиваясь, вспоминая зонтик от солнца, двинулись дальше, в сторону города и неожиданно возле городских ворот заметили группу членов Городского Совета, явно поджидающих их.

— Ба-а, — немного настороженно заметила Маша, когда они подъехали непосредственно уже к ним. — Опять! Городской Совет, чуть ли не в полном составе. Никак, нас поджидаете, дорогие? — прищурив глаза, настороженно она полюбопытствовала. — Опять грабить будете, или случилось чего?

— Ничего не случилось, — усмехнулся Голова. — По крайней мере, ничего, что требовало бы твоего участия, дорогая ты наша банкирша, — тут же добавил он.

— Чем же тогда вызвана столь представительная встреча нас аж в городских воротах? — ледяным тоном поинтересовалась баронесса. — Помнится, при последних наших встречах вы, господин Косой, не были столь любезны, чтобы встречать нас у дверей.

— Ну что вы, баронесса, — расплылся Голова в вымученной

улыбке. — Зачем старое вспоминать. Просто мы узнали, что вы сегодня освобождаете амазонок и хотели бы узнать, правда ли это.

— Не беспокойтесь, — Маша откинулась на спинку дивана коляски, легко переведя дух и улыбнувшись остальным членам Совета. Повышенное внимание Совета к пленным она истолковала совершенно превратно. — Они в крепости и под надёжной охраной. Сегодня же к вечеру доставят последнюю партию с горельника. И завтра же поутру всех оставшихся у нас от семисот пятидесяти человек пленных с Девичьего Поля, за исключением тех, что успели выскочить здесь замуж или собираются совершить подобный подвиг, и духу не будет не то что в городе, но и в окрестностях. Как видите, — Маша обвела внимательным взглядом всех членов городского Совета, — мы свои обещания по защите города от амазонок выполняем.

Остальные будут отпущены чуть позже, как только соберёмся с экспедицией на дальние озёра. Сами понимаете, это дело не простое, так что придётся чутка подождать.

Или что-то не так? — настороженно посмотрела она на так смущённо и мнущихся возле ворот мужиков.

— Да видишь ли, Маша, тут такое дело…, - неожиданно встрял Кондрат Стальнов, неожиданно затесавшийся в компанию к Голове.

Хоть последнее время Кондрат Стальнов вместе со своей гильдией кузнецов и поднялся серьёзно в негласном рейтинге богачей города, но, в первую очередь он был землянин, новичок, как и компания Сидора в этом городе. И встретить его в такой тесной компании старых, именитых семей города, так называемой Старшины, для Маши было странно. Странно и неожиданно. Хотя о чём-то подобном она последнее время и догадывалась. Да и сталкиваться приходилось мельком.

Старательно пряча от неё взгляд, и упорно глядя в сторону, Кондрат, немного ещё помявшись, добавил:

— Мы тут подумали и решили, что нельзя их вот так просто отпускать. Ну, ты же понимаешь, что в городе дефицит рабочих рук, людей не хватает. А тут у вас чуть ли не семь сотен хороших работников, не лодырей, людей, не боящихся никакой работы. Ты думаешь, мы не знаем, как они вкалывали на этой вашей дороге, ведущей в никуда, — усмехнулся он. — Или на горельнике. А это уже говорит о том как они работают.

— С этого дня, это свободные люди, — угрюмо бросила Маша, перебив Кондрата. — И я не позволю никому, ни из каких побуждений держать их и дальше под стражей.

— Да ты чё, Мань, — даже отшатнулся от неё Кондрат. — Да

как ты могла даже подумать о нас такое, — возмутился он. — И речи нет о том, чтобы их держать дальше в плену и заставлять работать. Нет! — возмущённо воскликнул он. — Просто мы решили им предложить поработать пока у нас. За деньги, конечно, — тут же поторопился уточнить он, под гневным взглядом Маши.

— Бесполезно, — хмуро бросила баронесса. — Мы им уже предлагали поработать на нас. Даже нашли им работёнку по их прошлой профессии вояк. Бесполезно, — повторила она недовольно. — Не соглашаются. Говорят, что их дома ждут.

— И всё-таки, мы попробуем, — мягко вмешался Голова в их разговор.

Маша удивлённо на него покосилась. Такого приторно ласкового Голову она никогда ещё не видела.

— Может быть, у нас что и получится, — буквально проворковал он. — Может, это они с вами не хотят работать, а с нами и согласятся. Всё-таки слава у вас, — поморщился Голова, — не самая лучшая.

— Это какая же у нас такая особая слава? — тихим, ледяным голосом спросила вмиг побледневшего Голову баронесса. — Может быть, ты нас просветишь, ещё пока Голова?

Изабелла, медленно повернулась в сторону Головы, и гневно подняв подбородок, в упор уставилась на бледного, как сама смерть Городского Голову.

— Вы, баронесса, не обижайтесь, — хмуро бросил ей Кондрат Стальнов, постаравшийся тут же перехватить инициативу в разговоре и отвлечь гнев баронессы, — но слава о вас идёт жуткая. Вы так лихо расправились с теми диверсантами, что вашим именем теперь даже детей в городе пугают. Не в обиду Вам будет сказано, но таких мастеров меча, как Вы, здесь нет. Поэтому Вас и боятся.

— Вы умеете польстить, господин Стальнов, — ледяным тоном отозвалась баронесса. — Поэтому можете обратиться к пленным с любыми вашими предложениями. Но учтите, что все последствия того, что они останутся в городе, ложатся уже на ваши плечи. Не думайте, что мы выявили всех, как вы их назвали, диверсантов. Это не так. Наверняка ещё много осталось, только сейчас они затаились. И я бы Вам, — ядовито подчеркнула она обращение, — не советовала бы их оставлять в городе.

— Точнее, — теперь уже Маша, посмотрев на бледного Голову, решила уточнить, — баронесса хочет сказать, чтоб в городе их и духу не было. Ни в каком качестве. И тем более чтоб они не имели ни малейшего доступа к городскому арсеналу. Если я увижу их в составе охраны арсенала, или вертящихся возле

него, то ты, — она наклонилась из коляски и вперила ледяной взгляд в Начальника Городской Стражи Боровца, будешь висеть на городских воротах, пока тебя вороны не склюют. Я ясно выразила свою мысль? — обвела она своим чистым, ясным взглядом всю группу встречающих.

— Ясно, ясно, — Начальник Стражи вытер мокрым платком холодный пот, выступивший на лбу. — Только ты вообще уже нас за идиотов держишь. Хватит и одной ошибки. Такого больше не повторится, чтобы они имели туда свободный доступ.

— Тогда, будем считать, что договорились, — мрачно усмехнулась Маша, бросив на Кондрата многообещающий взгляд. — Идите уж, отцы города, — невесело усмехнулась она. — Может, у вас чего и получится, — добавила она устало.

Проводив взглядом поспешно вскочивших на своих лошадей членов Совета, бросившихся чуть ли не на перегонки к видневшейся вдалеке Медвежьей крепости, Маша грустно поинтересовалась, задумчиво глядя на нахлёстывающих лошадей всадников:

— Как думаешь, у них что-нибудь получится?

— Да, — коротко бросила баронесса, глядя куда-то в сторону тоскливым, остановившимся взглядом.

— Не кручинься, — тихо ободрила её Маша. — Время пройдёт и всё забудется. И нашим именем детей уже не будут пугать. Я тебе раньше не хотела этого говорить, но он прав, — кивнула она куда-то в сторону, имея в виду, видимо, Кондрата Стальнова, — нашим именем, действительно, уже детей пугают. Мол, не будешь слушаться, отдам баронессе де Вехтор на воспитание, узнаешь тогда, как мать не слушаться.

— Зато для тех, кто постарше, — весело улыбнулась она, — ты непререкаемый авторитет. Особенно для девочек. Как только скажешь, что ты будешь недовольна, так мигом шёлковыми становятся. Особенно Димкины жёны, — ухмыльнулась она. — Мне то, со стороны, виднее как они сразу бросаются выполнять всё, что ты только ни скажешь.

Ты для них абсолютный авторитет. Что ни делается, так только через призму того, как ты на это посмотришь. Так что не печалься подруга, — ткнула она локтем в бок загрустившую баронессу, — прорвёмся. Да и Сидору, твоему, такая твоя слава, точно понравится. Он любит неординарных баб, — усмехнулась она, глядя на немного повеселевшую Изабеллу. — Не даром же он на тебя с самого начала глаз положил. Как чувствовал, что ты у нас незаурядная личность.

— Да уж, — шмыгнула носом баронесса. — Только и умею, что саблей махать.

— Не только, — внимательно глядя на неё, уточнила Маша. — Если бы не ты, не твоё чутьё, и не твоё знание местных реалий, то неизвестно ещё, как бы дело обернулось с теми же амазонками.

Грустно улыбнувшись на эту её поддержку, Изабелла безнадёжно махнула рукой, и дальше по городу они ехали уже молча, ни о чём не разговаривая. Расстались они возле землянки баронессы, где рядом со входом нетерпеливо приплясывал баронский Советник, с нетерпением её оживавший.

*Костюм для баронессы.**

Наверное, Изабелле можно было подрабатывать Кассандрой.

Как она сказала, так оно и вышло. Ни одна из бывших их пленных амазонок не отказалась от многочисленных предложений по подработке, поступивших к ним со стороны заинтересованных горожан. Ни одна из них не отправилась на берег Лонгары, ловить проходящее мимо санные обозы и поезда своих товарищей, спешащих обратно домой. Все, поголовно все нашли себе дело по интересу и в городе, и в прилегающих местностях. И запрет на нахождение в городе никого не остановил, что совершенно точно указывало на заинтересованность в том практически всех членов городского Совета.

На работе в компании остались лишь те что прижились на горельнике, около двух с половиной сотен девчонок, умудрившихся за прошедшее время повыскакивать замуж за местных парней, да ещё где-то около сотни, что остались с Лией и Лаей на сельхозработах в Райской Долине. Остальные четыре сотни рассосались по городу и окрестностям.

Об основной массе пленных амазонок, что ещё оставались на озёрах, речи пока не шло. Надвигался паводок и соваться туда по готовым в любой момент вскрыться рекам, дурных не было. Поэтому, весть туда конечно послали, заставили городские власти, но вот официального освобождения тем амазонкам объявлено ещё не было. И судя по высоте снежного покрова и ожидамому бурному половодью, раньше начала мая, а то и вообще — начала лета, соваться туда не стоило. По бурным рекам было не пробиться, а лес представлял из себя такое… болото, что сидеть там было бывшим пленным до тепла — точно.

— Я что думаю…

Как-то сидя вечером в землянке у Изабеллы, промычала набитым иголками ртом Маша, вертя из стороны в сторону

грустную баронессу и подкалывая ими новый рабочий костюм, сшитый гордой своим новым успехом юной портнихой Дашкой, но уже по уточнённым замечаниям Изабеллы.

Правда сама изобреательница регулярно что-то последнее время старательно почёсывала собственную задницу, ещё не отошедшую от знатной порки, устроенной ей баронессой за самоуправство в мастерской. Но судя по горящим возбеждеием глазам, она бы выдержала и более серьёзное наказание, лишь бы слава о ней, как о незаурядном мастере разнеслась по городу. Что, впрочем, именно так и произошло, как только бывшие пленные появились на городских улицах.

— Так вот, — продолжила Маша, аккуратно втыкая оставшиеся иголки в подушечку. — Надо с этих хмырей из Совета, что растащили по своим домам всех наших рабочих, процент брать со всех работ, что им делают амазонки. Как ящеры нам платят. А то хорошо, понимаешь ли, устроились, — возмущённо фыркнула она. — Мы горбатились, всю грязь, можно сказать, разгребли, вымуштровали соплюшек, а они пришли на всё готовенькое и пользуются нашими амазонками, как своими собственными. И только нахваливают, мол, какие девочки работящие, да послушные. А то, что для этого лично нам пришлось перепороть чуть ли не половину пленных, чтоб остальные стали послушными, им и дела нет.

Так что, подруга, — насмешливо посмотрела она на Изабеллу, — и ты попала в число золотарей этого города. Допрыгалась! Сабелькой своей домахалась.

— Я, вот, другое думаю, — не поддержала её разговор баронесса. — Как бы нам наладить производство таких вот рабочих костюмчиков на продажу, чтобы хоть на этом немного заработать.

С деньгами что-то последнее время плохо стало, — грустно вздохнула она. — Как ни экономим на оплате труда по работам на Рожайке, а деньги словно вода сквозь пальцы уходят.

— Нет проблем, — хмыкнула Маша. — То, что ты привнесла в Дашкин комбинезон и вправду совсем не помешает. Так что она этим и займётся. Правда, Даш? — повернулась она к восторженно смотрящей на Изабеллу Дашке. — Правда, — усмехнулась она, глядя на Дарью, любовно перебирающую ткани, из которых был скроен рабочий костюм Изабеллы. — У неё, за что ни возьмётся, ко всему есть талант, — похвалила она покрасневшую от похвалы Дашку. — Вот она, со своими подругами и займётся этим у тебя в мастерской. Будет белошвейкой.

Сделаем ателье индивидуального пошива, как ты и хотела. Пусть приходят и у нас заказывают. Я думаю, многим понравится

такая одёжка. Больно уж она удобная и практичная, — с удовольствием повертела она баронессу из стороны в сторону.

— Ну, — задумалась баронесса, оценивающе посмотрев на красную от смущения Дарью. — Раз уж вам понравился этот рабочий костюм, то попробуем что-нибудь и с тем, что я бы назвала, боевым, а точнее, военным. А ещё точнее…, - проговорила она, пытаясь поймать ускользающую мысль. — А, — обречённо махнула она рукой, — в общем, рабочее-военная одежда.

— Только вот, как нам быть с коптильным цехом? — задумалась Маша, бросив лукавый взгляд на Дашку. — Там же без неё всё встанет. Опять без коптильни останемся, в который уже раз. А Дарья сама говорила, что без неё там всё встанет, что она самая незаменимая. Придётся идею с пошивочным ателье бросить, — демонстративно тяжело вздохнула Маша. — Ну да ладно, — беззаботно махнула она рукой. — Найдём кого-нибудь другого. Из её же подруг. Ту же Лизоньку главной сделаем, — поверувшись к Белле, незаметно для Дарьи подмигнула.

— К-как это, — мгновенно встревожилась Дашка. — Я этот костюмчик придумала, я его пошила. Я четыре сотни амазонок одела. А теперь делать его будут другие? Как же это без меня то? — растерялась совсем Даша.

— А рыба? — возмущённо посмотрела на неё Маша. — Это же какой доход! Какие деньги! А тут что? Пока наладится производство, пока появятся заказчики, да постоянные клиенты, можно будет и ноги с голоду протянуть.

— А я и так достаточно там заработала, — тут же принялась канючить Дарья. — А там Колька справится. Он и так последнее время один справляется, практически без меня.

— Как это без тебя, — удивилась Маша, глядя на Дашу широко открытыми глазами. — А где же тогда была ты?

Вконец растерявшаяся Дарья, поняв, что засыпалась, окончательно замолчала, смешавшись, и только хлопала глазами, не зная, что и ответить.

— Проболталась! Сама! А то всё не я, да не я, — кивнула в сторону Дарьи, Маша. — Теперь остаётся только узнать, где она материю взяла и всё, преступник окончательно пойман.

Весело перемигиваясь, они принялись выпытывать у Дарьи, где она взяла столь мягкие и плотные ткани, но неожиданно наткнулись на столь стойкое и упорное молчание, что поначалу, даже растерялись. Наверное, битых полчаса они бились с Дарьей, пытаясь узнать у неё, откуда она взяла ту материю, из которой были пошиты все рабочие костюмы для амазонок. И только добившись от них клятвенного обещания, что никаких репрессий

к ней применено, не будет, Дарья раскололась.

— Здесь она, в землянке, — потупившись, призналась, в конце концов, Дарья. Невольно почесав недавно поротую задницу, виновато прошептала. — Там, где Сидор складировал парусину для своих кораблей. Там ещё профессор что-то делал с ними, а потом бросил, сказал, что ничего не получается. Вот я и воспользовалась его отбросами, а он и не возражал, сказал только, чтобы убрала я эту дрянь, с его глаз долой. Вот я и убрала.

— Дря-я-янь? — удивлению Маши с баронессой не было предела. — Этот старый дурак так и сказал? Убери эту дрянь?! — потрясённо уставились они на Дарью, держа в руках куски материи из которой только что пошили Изабелле рабочий костюм.

— Да нет, не то чтобы…, - тут же заюлили Дашка, собственным не раз поротым задом мгновенно почувствовав чем такое неосторожное утверждение может для неё и в этот раз кончиться.

— Да он что, больной? — ахнула баронесса, не слушая её. — Такой чудный материал, дрянью назвал?

— Да-а-а, — задумчиво протянула Маша. — Вообще то, он у нас с причудами, — глубокомысленно заметила она, вспомнив ещё один подобный же эпизод, но только в замке у Подгорной княжны. — Но, всё-таки даже для него это чересчур. Надо уточнить, что же он имел в виду?

На следующий день в комнате Изабеллы стоял смущённый профессор и с недоумевающим видом мял в руках ткань, сунутую ему прямо под нос с любопытством глядящей на него баронессой. Судя по ошарашенному виду профессора, то, что он держал в руках, он видел впервые в жизни.

— Не знаю, — недоумевающе посмотрев на сидящую здесь же рядом Машу, пожал профессор плечами. — Ничего не знаю. Я эту ткань вижу впервые в жизни.

— Как же так, профессор, — тут же встряла в разговор повеселевшая Дашка. Видя растерянного профессора она тут же поняла что лично для неё её неосторожное обвинение профессора в глупости ничем не кончится. И тут же обнаглела. — Ведь вы же сами мне сказали, что я могу пользоваться этим материалом в своих целях.

— Нет, — отрицательно покачал головой профессор. — Этого я не мог говорить, поскольку я никогда не видел этого материала.

— Как же это не видел, — растерялась от неожиданности Дарья. Под подозрительными взглядами взрослых она почувствовала лёгкое беспокойство. — Вы же сами мне его

показали и сказали, что это ваш брак, и я могу пользоваться им по своему усмотрению. Всё равно, мол, материал испорчен и годен только на выброс.

— Ну да, — кивнул головой профессор, — это я хорошо помню. Был такой разговор. Но я тебе позволил взять хоть и тонкую, но жёсткую, как жестянка парусину со склада, к тому же, испорченную моими опытами, а не эту чудную бархатистую материю. Я тебе позволял брать совсем другую ткань.

— Так это же и есть та самая парусина, — чуть не плача заголосила Дарья. — Я её только вашим порошочком постирала, чтобы она не так воняла пролитым на неё рассолом из бочки с селёдкой и была помягче. А то она вся грязная, жёсткая и вонючая была. Вот я и решила её отстирать. Все руки стёрла, пока её отстирывала. А вы говорите, что ничего не знаете.

— Она оказывается ещё и рассолом её полила, — Изабелла бросила короткий, насмешливый взгляд на понимающе улыбнувшуюся Машу. — Наш пострел везде поспел.

— Каким порошком, — недоумевающе воззрился на Дашу профессор, удивлённо хлопая глазами.

— Стиральным, — растерянно посмотрела на него Дарья. — Тем, что вы сказали, годится для стирки.

— Господи! — схватился профессор за голову. — Да это же была шутка. Откуда здесь могут быть стиральные порошки. Да для их производства надо целый завод химический открывать. Кто это тут будет делать? Да и зачем? Где здесь специалисты, где сырьё? Где оборудование, наконец-то? Это же было какое-то удобрение для Сидора в долину. То ли калийное, то ли азотное, сейчас уж и не упомню.

Он же даже не мылился. Я же пошутил, — снова схватившись за голову, безнадёжно протянул он.

— Ну, вот вы и дошутились, профессор. Удобрение сработало, — хмыкнула насмешливо Маша, внимательно рассматривая ткань с довольным видом. — Теперь бы ещё восстановить этот ваш хитрый процесс катализации, чтобы заново получить подобную ткань и всё, можно открывать ателье.

Эй, кто там? — неожиданно заорала она в полный голос, повернувшись в сторону задней двери, ведущей к складам из жилой части землянки. — Охрана! Что там за шум?

В полутёмном проёме медленно, с душераздирающим скрипом, приоткрывшейся двери, появилась смущённая физиономия Варуса, начальника телохранителей баронессы, осторожно выглядывающего из-за створки. Сильно смущаясь, он виновато откликнулся на вопль Маши:

— Да мы это, мы, охрана. Тут кое-что ищем, никак найти не

можем.

— И что это вы потеряли в моём доме? — удивлённо глядя на, невиданное дело, смущённого ящера, насмешливо поинтересовалась баронесса. — Опять какой-нибудь крыс забежал?

— Нет, нет, баронесса, — тут же всполошился ящер. — что вы. Никаких крыс нет. Мы тщательно контролируем периметр. Просто тут у нас один дурак сильно порезался на учениях, вот мы и ищем материал для перевязок. А тут, за дверью, раньше ящик со всякими обрезками стоял, откуда мы всегда брали выброшенные обрезки на свои нужды. Да вот смотрю, куда-то он пропал. Вы случаем не знаете, куда ящик делся?

— Ты что это Варус, — баронесса уставилась на ящера широко распахнутыми от изумления глазами. — Часом не заболел ли? С каких это пор у вас нет денег на то, чтобы купить себе добротный перевязочного материала. Да вашими же бинтами с мазями мы все пользуемся. А тут ты ищешь какие-то обрезки. Что происходит?

— Видите ли, баронесса, — замялся ящер, стоя в дверях. — Больно уж это хороший материал для перевязок. Вы же знаете, что наша кровь очень текучая, вот нам и приходится пользоваться очень дорогими препаратами, чтобы её сразу остановить, а то, при больших и обширных ранах можно истечь кровью, прежде чем дождёшься, пока кровь остановится под перевязкой.

А эта ткань, прямо чудо какое-то, вмиг кровь останавливает. Только вот, смотрю, куда-то ящик этот пропал, а я с дуру не догадался запас себе сделать, — добавил расстроенный ящер, рассеянно шаря по комнате озабоченным, ишущим взглядом. — Думал, всё потом, да потом…

Изабелла, внимательно посмотрев на ящера, о чём-то ненадолго задумалась, а потом решительно направилась к стоящему за дверцей платяного шкафа манекену с незаконченным костюмом и взяв со стола ножницы, отрезала широкий, длинный кусок от лежащего рядом рулона.

— Столько пойдёт? — поинтересовалась она, подходя к мнущемуся в дверях ящеру и протягивая ему небрежно сложенный кусок ткани.

— О-о-о! — восторженно завопил Варус, хватая из рук баронессы ткань и радостно тиская её в лапах. — То, что надо! Самый тонкий, самый лучший. Как раз подойдёт!

Ни слова больше не добавив, ящер бегом бросился в глубь комплекса, радостно что-то крича спешащим навстречу ему другим ящерам.

Завидя Варуса, несущегося им навстречу и размахивающего

куском ткани, они резко затормозили, а потом, вместе с ним побежали в обратную сторону, откуда только что пришли, радостно крича что-то от возбуждения.

— Ну и что это всё значит? — вопросительно взглянула на баронессу Маша. — Зачем надо было отрезать от рулона такой большой кусок ткани? Они же сами говорили что им нужны обрезки.

— Ну вы же слышали Маша, — посмотрела ей прямо в глаза Изабелла. — Им нужен был кусок нашего полотна для перевязок. Я его им и дала. Пусть знают из чьих рук получают.

— Что? — тупо глядя на неё, растерянно спросила её Дашка, так и стоящая в своём углу. — Что получают? — совсем смутившись под недоумёнными взглядами Изабеллы с Машей, уточнила она

— А, — облегчённо рассмеялась баронесса. — Ткань, — пояснила она. — Ткань, которая останавливает кровь ящеров.

— А чем же тогда им не нравятся их перевязки? — удивлённо посмотрела на неё Маша.

— Тем, что плохо останавливают кровь самих ящеров, — недовольно поморщившись, просветила её Изабелла.

Вопросительно посмотрев на Машу с Дарьей, растерянно переглянувшихся, она недоумённо проговорила:

— У меня складывается такое впечатление, что это для вас новость?

Профессор, внимательно наблюдавший за всем происходящим в комнате, быстро подошёл к свёрнутому рулону ткани, лежащем на столике возле манекена и взял в руки лежащий рядом с ним кусок раскроенной ткани. Поднеся полотно практически к самому носу, он стал внимательно его разглядывать, периодически озадаченно хмыкая.

Потратив на разглядывание совершенно невинной на вид ткани не менее пяти минут, он перевёл недоумённый взгляд на баронессу и поинтересовался:

— Может быть, вы всё же объяснитесь, баронесса, что там такое с этой ящеровой кровью?

Изабелла, чуть прищурив глаза, окинула всю группу внимательно глядящих на неё людей весёлым, насмешливым взглядом, а потом, не спеша, подошла к профессору.

Аккуратно взяв из его рук кусок ткани, который тот держал в руках, она молча, немного потрясла его прямо перед его носом, а потом вернулась обратно к Маше и ткнула его прямо ей в руки.

— Глянь получше на неё, — насмешливо попросила она её. — Как что заметишь, скажи.

Повертев в руках, так же, как и профессор, этот кусок, Маша,

так ничего и не поняв, сунула его обратно баронессе под нос, и раздражённым голосом заявила:

— Всё, хватит! Давай, выкладывай, что там с этой кровью и с этой тканью.

— Эта ткань держит их кровь, — флегматично откликнулась баронесса. — Это только что подтвердил Варус, начальник моей личной охраны. Вы все его прекрасно слышали. Так вот. — Изабелла медленно прошлась по комнате и, посмотрев ещё раз на ткань в своих руках, пояснила:

Дело всё в том, что у ящеров кровь плохо сворачивается. Не совсем плохо, чтоб помереть от любого пореза, но достаточно медленно. Поэтому, в бою они стараются очень быстро разделаться со своими противниками, чтобы раненые не погибли от элементарной кровепотери. Именно поэтому все приёмы их боя и тактика очень скоростные. И именно поэтому, у рыцарей есть даже такой специальный приём, используемый исключительно против ящеров. Ему наносится совершенно невинное ранение, буквально просто царапина, а потом раненому не дают выйти из боя, сковывая схваткой. Очень быстро ящер лишается своих сил и уже достаётся рыцарю практически без боя. Надо только продержаться эти пять-десять минут и всё, победа обеспечена. Именно поэтому ящеры и не участвуют в рыцарских турнирах, особенно в сабельных поединках.

У ящеров же, в отрядах, легионах и прочих воинских формированиях обязательно присутствует хотя бы один врач на десяток легионеров, а если его нет, то назначаются специальные, скажем так, особи, которые внимательно следят за ранениями и тут же выводят раненых из боя. Для командира отряда, или легиона, это одна из наиболее важных задач, за которые он отвечает. Но и перевязка, не панацея. Кровь всё равно сочится через повязку, ослабляя раненого. И только особые мази, применяемые одновременно с этим, с трудом останавливают их кровь.

Именно поэтому у них так сильно развито врачевание, особенно полевая военная хирургия.

Сюда же можно отнести и ту белую субстанцию, анестезию, что мы привезли из поездки на озёра, которой сами ящеры прижигают обширные ранения, чтобы те не кровили.

Поэтому же нет ничего удивительного и в том, что Варус сам, лично прибежал к нам, искать куски какой-то ткани. Что-то в этой ткани есть такое, что вынудило его самого, лично, бросить все свои дела и побежать к нам за этой тканью. Что-то очень важное, — задумчиво проговорила она.

Изабелла ещё раз поднесла ткань к самим глазам, и

внимательно присматриваясь, яростно потеребила её.

— Кроме того, что она необычайно мягкая и пушистая, ничего сказать нельзя, — с сожалением сунув кусок обратно в руки профессору, заявила она.

— Эх, — вздохнул профессор, принимая из рук баронессы этот злосчастный кусок и опять его внимательно рассматривая, — микроскоп бы сюда. Я бы вам мигом объяснил, что там такое.

— У вас же есть в лаборатории, — удивилась Маша.

— До неё ещё добраться надо, — проворчал профессор.

— Не надо, — спокойно бросила ему Изабелла. — Не надо пока никакого микроскопа. И так всё ясно.

Изабелла прошла в угол комнаты, где стоял широкий диван, и с удобством на нём устроилась, с насмешкой в глазах глядя на сгрудившихся напротив Машу, Дашу и профессора.

— Даша каким-то образом придала новые свойства старой ткани, которая теперь останавливает текучую кровь ящеров.

Этой ткани цены нет. Видимо, всё дело в том "стиральном" порошке, что она использовала для стирки ткани после того, как её испортил профессор.

Кстати, профессор, — повернула она голову в его сторону. — А что вы такого сделали с тканью, после чего решили, что она испорчена.

— Да обработал одним хитрым составом, — пожал плечами профессор. — По просьбе Сидора хотел сделать воздухо- и влагонепроницаемую ткань на всякие его нужды. Что-то он там говорил тогда о воздушном шаре. Хотел ему подарочек сделать, чтобы он паруса на своих новых лодьях сделал из воздухо- и влагонепроницаемого материала. Чтоб меньше гнили от сырости, да дольше бы служили.

Успел обработать практически все его старые запасы парусины. Да тут что-то там пошло не так и пришлось эту затею бросить. А потом опять что-то как всегда отвлекло. Как-то не до того стало. Потом ещё что-то. В общем, как испортил я тогда чуть ли не все паруса Сидору, так потом и не успел исправить. А дальше и вовсе забылось. Тем более что Сидор не стал связываться со старым материалом, а сразу закупил новый, сказав, что этот пусть остаётся. Может быть, потом его, куда и пристроим. Вот собственно на этот материал я и указал Дарье, — кивнул профессор на притихшую Дашку.

— Ну а ты хоть помнишь, в каком порошке его стирала? — вопросительно взглянула на Дарью Маша. — Чтоб нам заново ничего не изобретать.

— А чего тут помнить, — оживилась необычайно Даша. — Он у меня ещё и остался. Я в нём потом ещё полотно отстирывала,

когда на всех амазонок стало испорченной парусины не хватать. Но тут оно стало выходить почему-то грубее и не такое нежное.

— Тащи, — буркнул профессор. — Всё тащи, разбираться будем.

Весь вечер у них ушёл на разбор того, что же всё-таки такое сотворила Дарья. Использовав профессорскую домашнюю лабораторию долго терзали найденные в чулане позабытые куски профессорской парусины, но так ни в чём и не разобрались.

Единственное лишь что поняли, что оно необычайно ценно по своим свойствам. И в торговле с ящерами просто незаменимо.

За то время, пока они копались с порошком, притащенным Дарьей из своей комнаты, в землянку ещё раза два заскакивали ящеры с лихорадочными глазами уже буквально выпрашивающими у них куски этого полотна. И как Дарья не возмущалась, но Изабелла ещё отрезала им два куска от холста, окончательно его испортив и сделав ни на что уже не пригодным.

Поэтому, Дарья сейчас молча сидела в углу и дулась на Изабеллу.

— Профессор! — баронесса вот уже в десятый раз повторяла ему одно и тоже, доведя того буквально до белого каления.

— Профессор, это крайне важно! — вещала снова и снова она. — Да умея изготавливать такую ткань, мы будем держать за горло буквально всю империю ящеров. Да они с нас пылинки сдувать будут, — необычайно воодушевившись, с горящими лихорадочным блеском глазами, бегала она в возбуждении по комнате.

— Ага, будут, — старалась сбить её восторги прагматичная Маша, более реально оценивающая ожидающие их перспективы. — Где-нибудь на рудниках, или в сыром сарае, в рабских колодках. Забыла, что у них там каждый второй рабовладелец? Будут они её покупать, — хмыкнула она. — Как же!

*Легенда.**

— А зачем нам её продавать, — вдруг остановилась на месте Изабелла. — Мы сделаем по другому.

— Мы через своих ящеров займёмся реализацией, — задумчиво проговорил профессор, внимательно глядя на неё. — Никто и знать не будет, где и как делается эта ткань. Да и так все знают, что наши ящеры известные учёные и изобретатели. Вот они и изобрели для себя, любимых, такую перевязочную ткань, — хмыкнул он.

— Сидя в горах, возле Подгорного княжества, — медленно и задумчиво дополнила его мысль Маша, недобро блеснув глазами. — Изобрели, а производство передали своим союзникам, Подгорным князьям. Так сказать в благодарность. Ведь все же знают, что он приютил их. Спас, как бы от полного уничтожения, — недобро усмехнулась она. — По крайней мере, так утверждает сам князь, и так передают его версию нам ящеры.

Ну, а поскольку у них на новых местах нет никакой собственной промышленной базы, вот они и отблагодарили князя, передав ему эту технологию, а себе, оставив только реализацию. Да и то только части произведённой материи.

Пусть ка Подгорная княжна теперь посуетится, отбиваясь от набегов других ящеров за этим полотном, — зло прищурила она глаза.

А вот мы ей его и подкинем, — задумчиво протянула она. — Как, ещё не знаю, но гадость такую, сделать ей надо бы обязательно.

— Без Ведуна туда соваться никак, — отозвался профессор, с интересом глянув на Машу. Маша вдруг необычайно вдохновилась и глаза её горели лихорадочным, нездоровым огоньком.

— А что тут думать, — внимательно посмотрела на неё баронесса. — Начать распространять эту ткань оттуда, всего и делов то. Производим здесь, а продаём там.

— Ну, в самом деле, какому нормальному человеку ли, ящеру ли, придёт в голову, что для того, чтобы продать свой товар, его перед этим привели чуть ли не с другого края континента. Да ещё и заводик там ткацкий для видимости поставили. Как будто там же на месте и производят, — задумчиво протянула она, тихо барабаня пальчиками по манекену. — Так, одна только видимость, но вполне достоверная видимость. Чтоб стояла там парочка амбаров, станочки. Всё по минимуму, чистая лажа, но максимально достоверная.

Если уж лепить легенду, то максимально правдоподобную. Чтоб комар носа не подточил.

А для надежёности легенды, ещё ведь можно и саму княжну взять в покровители данного предприятия, — задумавшись, она снова тихо пробормотала себе под нос. — Многие купцы и промышленники, чтобы избежать лишних издержек на взятки, берут себе в компаньоны высоких покровителей. И тем, и этим хорошо.

Заводик формально считается, например, княжеским или баронским, а на самом деле, у него совсем другой настоящий владелец. Вот и будет наша княжна таким фрмально-

официальным производителем столь редкой и нужной для ящеров ткани. Ну а когда они к ней подступятся, требуя продать им, или секрет производства, или саму ткань, вот тогда-то она и повертится, как гадюка под вилами.

— Надолго этой легенды, конечно, не хватит, — задумчиво проговорил профессор. — Но отношения княжны с имперскими ящерами подпортим серьёзно. Пока разберутся, крови друг у друга много выпьют.

Если разберутся вообще, — мстительно уточнил он.

— Вот и чудненько, вот и чудненько, — криво усмехнулась Маша. — Такой твари, каждое лыко в строку. Пусть повертится.

— Костюм! — Маша, вскочив со своего места, хлопнула себя ладонью по лбу, и в возбуждении пробежалась по комнате. — Ну конечно, костюм!

— Надо пошить для княжны костюм из этого материала, — замерла она соляным столбом посередине помещения. — Что-нибудь такое шикарное, чтобы она не смогла ни за что отказаться. И чтобы она не знала, из какого материала он сшит. А потом их надо свести вместе.

Столкнуть лбами, ящеров, ищущих материал, и княжну, якобы, не знающую, о каком материале идёт речь, но присутствующей на встрече именно в нём.

— Ц-ц-ц, — заметалась она по комнате. — Какие богатые открываются перспективы…

Восстановление технологии. *

Две недели профессор с Дарьей бились над тканью, пытаясь восстановить случайно найденный рецепт создания столь нужного всем материала. И только к концу недели у них стало что-то получаться. К сожалению, далеко не то что было нужно. До требуемых кондиций ему было очень и очень длеко. Главное, что таким материалом нельзя было столкнуть лбами имперских ящеров с Подгорным княжеством.

Всё что они сумели воссоздать было совсем не то.

Особенно усердствовали в поиске сами ящеры. Как только они поняли, что чудесный материал, обладающий волшебными свойствами останавливать чуть ли не мгновенно их кровь в один момент может просто кончиться, а другого не будет, так у профессора с Дарьей появилась масса добровольных помощников.

Каждый ящер в городе согласен был выдержать процедуру рассечения собственной шкуры, только бы дать профессору возможность сравнить свойства нового материала по заживлению

полученных ран. И теперь весь город был наводнён ящерами, щеголявшими тряпками, намотанными на разные части тела.

— Никогда бы не подумал, что подобная кровавая работа может вызвать столь высокий энтузиазм, — удивлённо глядя на Дарью, как-то признался профессор, глядя во след ещё одного порезанного и обмотанного испытуемым материалом ящера. — Вот уж воистину припекло так припекло, — покачал он головой.

— Ещё бы, — раздражённо хмыкнула Дашка. — Им же обещана изрядная доля с продажи, если они будут участвовать в испытаниях.

— Не жадничай, — усмехнулся профессор. — Твоя доля, тоже немаленькая. Ты у нас и так, почитай уже самая богатая невеста в городе, а как наладим производство этой ткани, так вообще будешь самая богатая.

— Причём тут богатство, — тут же возмутилась Дашка. — Они претендуют на первенство в её изобретении, говорят, что без них бы и ткани этой бы не было, а она была уже до того, как выяснилось, на что она способна.

— Ах, вот оно что, — задумался профессор. — Это значит у вас борьба за первенство, значит. Ну что ж. Тогда следует их поставить на место, а то это действительно не дело. Мы изобретаем, а они всех начинают уверять, что без них бы и этой ткани не было бы. Это всё равно, как лабораторные мыши утверждали бы, что это они генетику изобрели.

И всё-таки что-то здесь не так, — вздохнул профессор. — Ну ка Дашка, напрягись и ещё раз постарайся вспомнить, что ты делала и в какой последовательности.

— Что, что, — сразу же скуксилась Дарья. — Всё, что могла, я вспомнила. Всё, что делала, восстановили до мельчайших подробностей, — чуть уже не плача, пожаловалась она. — Единственное что, так это Кольки, мерзавца, не хватает, с его вечными подколками. Но их к делу не пристроишь, это вам не порошок стиральный, — Дарья тяжело и тоскливо вздохнула, с отчаянием глядя на очередной испорченный кусок ткани, не оправдавший их надежд.

— Может Колька твой, чего подсыпал? — вопросительно глянул на неё профессор.

— Да куда ему, — снисходительно махнула рукой Дарья. — Он ещё совсем маленький и глупый. Что он в этих делах понимает? Только и горазд, что пакости всякие амазонкам пленным подкидывать, а чтоб ткань новую изобрести, так на это у него мозгов не хватит.

Профессор, видимо в первый раз столкнулся так тесно с Дарьей, поэтому был слегка шокирован подобной сентенцией

совсем ещё молоденькой девчушки. От неожиданности он даже несколько растерялся.

Бросив на Дарью внимательный взгляд, профессор с задумчивым видом потеребил указательным пальцем губу, разглядывая Дарью, как какое-то диковинное насекомое. Потом, бросив на Дарью ещё один задумчивый взгляд, неожиданно кликнул Варуса. Этот ящер, последнее время явно пренебрегал своими непосредственными обязанностями, и каждый день теперь с утра до вечера торчал в землянке, буквально за плечом у профессора, по первой же его просьбе бросаясь выполнять мельчайшие поручения. Хорошо ещё, что баронесса, занятая изобретением и пошивом своего боевого костюма, и по сему поводу постоянно возившаяся поблизости, как-то не имела возможности обратить на это небрежение своего внимания, иначе бы тому здорово влетело.

— Варус, — обратился профессор к мгновенно нарисовавшемуся в дверях ящеру. — Пошли кого-нибудь из своих ребят в коптильный цех. Пусть кликнут там Кольку. Он там нынче за главного, пока Дарья ко мне приписана. Пусть передадут ему, чтоб он в ближайшее же свободное время заскочил к нам. Надо мне у него кое-что спросить. Пусть уважит старые кости и заскочит в ближайшее же время.

— Яволь, мин херц, — тявкнул каким-то придушенным голосом Варус и мгновенно растворился в дверях, оставив сидеть профессора с ошарашенным видом и отвалившейся челюстью.

— Это что такое было? — неуверенно глядя на Дашку, ткнул он пальцем в сторону хлопнувшей входной двери. — Это что, ящер был?

— Угу, — яростно затрясла головой Дарья. — Он самый. Самый здесь главный. Это его так баронесса выдрессировала. Чуть что не так, она ему: "А что это вы, мин херц, мышей не ловите", ну и далее, как повернётся. Или шею намылит, или похвалит за что-то. Вот он и повадился последнее время всё "мин херц, да мин херц" вставлять в разговоре, по любому самому пустому делу. А где сама баронесса, это словцо подхватила, я не знаю. Наверное от Сидора. Тот раньше это словцо всегда любил вставлять по поводу и без. Вот, она и жаловалась, что смысла не понимает, а словцо привязалось.

Этим же вечером, уже довольно поздно, когда все там собирались уже укладываться спать, в дверь землянки неожиданно постучали и, открывшему дверь часовому, предстал невысокий, аккуратно одетый худенький паренёк, неизвестно с чего заглянувший к ним поздно вечером.

— А-а, — тут же раздался радостный вопль Дашки,

выглянувшей вслед за ящером за дверь. — Колька! Явился мерзавец! Ты где пропадал весь день! Тебя когда ещё просили прийти, а ты заявился, на ночь глядя! У тебя совесть есть! Тут мы с профессором совсем извелись, изобретая вместе жутко нужную вещь, а ты всё где-то шляешься! У тебя совесть есть! Ты, вообще, о чём думаешь….

— Входи, входи, Колька, — оборвал Дарьины вопли профессор, отстраняя яростно теребящую ошеломлённого паренька Дашку и пропуская того в землянку. — Хорошо, что зашёл, а то я уж думал и сам к тебе наведаться.

— Да я эта, — засмущался Колька, — не мог раньше. Хотел, да не получилось. Работы много, потому и задержался. Дарьи нет, вот одному и приходится справляться. Хочу кого нанять в помощ, да пока никого не согласен, больно ленивые все. Не хотят работать по двенадцать часов.

— Заходи, заходи, — профессор помог пареньку раздеться, приняв у него его пальтишко. — Тут Дашка совсем по тебе соскучилась. Весь день только и слышу, что Колька то, Колька сё. Значит, соскучилась, — подмигнул он зардевшемуся пареньку.

— Колька, мерзавец, — тут же встряла Дашка, до того молча вертевшаяся у них под ногами. — Признавайся, это ты мне нагадил с моими тканями?

— С какими такими тканями? — недоумённо посмотрел на профессора паренёк. — Да я кроме рыбы, за последнее время ничего то и не видал. Она мне уже по ночам снится, эта рыба, в кошмарных снах. Солёная, копчёная, вяленая, даже варёная в казане, с пампушками. А тканей никаких я не брал и ничего с ними не делал. Мне для работы никакие ткани не нужны.

Профессор, с любовью посмотрев на смущённого столь бурной встречей паренька, пояснил:

— Речь идёт не о настоящем времени, а о том, когда в город пригнали пленных амазонок, — уточнил он. — Где-то в конце лета, начале осени.

Устроив паренька за столом, он тут же погнал возмущённо фыркнувшую Дарью на кухню, ставить чайник и готовить угощение для позднего гостя. А сам расположился напротив него, и, внимательно глядя на паренька, попытался настроить того на деловой лад.

— Судя по твоему озадаченному виду, ты ничего ещё не знаешь, — задумчиво покивал он головой. — Ну что ж, это хорошо. Значит, компания по дезинформации проходит как надо.

— Так вот, понимаешь, Колька, — профессор яростно почесал у себя в затылке, а потом внимательно посмотрел пареньку прямо в глаза, — это очень важно для нас, для всех. У нас каким-то

образом, получился великолепный материал, из той ткани, что была заготовлена Сидором на паруса для своих лодий. А теперь мы пытаемся вспомнить, как это вышло и ничего у нас не выходит.

— Что вышло, чего не выходит? — вконец растерялся паренёк. — Причём здесь я? — удивлённо посмотрел на него Колька. — Я занимаюсь рыбой, и ни на какую ткань, у меня просто времени нет. А последнее время вообще стало тяжело, как Дарья пропала. Работы много, а вертеться приходится одному. Сидора в Приморье не интересует сколько нас здесь работает. Ему вынь да положь положенную норму и остальное его не интересует.

Недавно писал, что если я не буду еженедельно закатывать по полной колоде бочек пряного снетка в неделю, он у меня с задницы ремней нарежет. А полная колода вы знаете сколько — это двенадцать пудовых бочек, больше одной бочки в день, — возмущённо воскликнул Колька. — А задница у меня одна, — робко улыбнулся парень, — и мне её жалко.

— Колька! — Дашка хлопнула поднос с нарезанными бутербродами на стол и уперев руки в бока яростно воззрилась на него. — Ты чего?! Тупой!? Тебе чего говорят!? Какая рыба! Что это ва-ажно! — Дашка в ярости притопнула ногой, глядя на него с неприкрытым возмущением. — А ты несёшь глупость всякую. Рыбу к чему-то приплёл. Ничего кроме рыбы своей не видишь! Говори, мерзавец, что натворил! Я знаю, что это ты что-то напортил. Небось, гадость, какую подсыпал, когда я отстирывала эти ткани.

— Так вы что, — удивлённый Колька рассеянно посмотрел на них, — про ткань, что ли, спрашиваете, из которой Дашка потом робы арестантские пошила?

— Какие такие робы! — взбешённая Дарья в ярости хлопнула пустым подносом по голове съёжившегося Кольки. — Такие шикарные костюмчики получились, а ты меня перед людьми позоришь! — замахнулась она снова подносом.

Бедному профессору потребовалось не менее пяти минут, чтобы хоть немного успокоить разбушевавшуюся Дашку, до глубины души возмущённую чёрствостью и тупостью безтолкового Кольки, как громко разорялась Даша.

— Да что ты, в самом деле, сбесилась, — Колька, опасливо косясь на поднос в руках Дарьи, бочком, бочком постарался пробраться к выходу, и теперь стоял уже в дверях, готовый каждую минуту выскочить на улицу.

— Что здесь происходит?

Раздавшийся неожиданно холодный, женский голос,

мгновенно превратил разгневанную фурию в кроткого ягнёнка. И Дашка, неуловимым глазу движением, спрятав за спиной поднос, поспешила скрыться в дверях кухни, изображая из себя самое невинное создание, не имеющее к происходящему ни малейшего отношения.

— Стоять! — остановил её в дверях всё тот же голос.

— Слава богу, что вы появились, — облегчённо перевёл дух профессор. — Иначе, Дарья окончательно сорвала бы всё дело.

— Какое дело?

Изабелла, в свободном домашнем халате, прошлась по комнате и присела на стул перед разбросанными по всему столу нарезанными кусками хлеба и колбасы. Повернувшись к застывшим в различных частях комнаты подросткам, она, сдвинув недовольно свои брови, хмуро поинтересовалась:

— Так всё-таки, что здесь происходит? И кто посмел разбросать хлеб по столу?

Дарья, побледневшая, как полотно, с трудом проглотила комок, застрявший у неё в горле и, пару раз беззвучно открыв рот, наконец-то с трудом переборов замешательство, смогла выдавить из себя пару слов.

— Я это. С Колькой дралась, вот он и рассыпался.

— Уже лучше, — холодно посмотрела на неё Изабелла. — Раньше ты всегда говорила, что виноват кто-то другой.

— Что ещё? — повторила она свой вопрос, поворачиваясь к Кольке и внимательно глядя на него.

— Не знаю, — недоумённо пожал тот плечами, мрачно поглядывая на Дашку. — Зачем-то позвали, от дела оторвали, а теперь по голове подносом лупят, — мрачно пожаловался он.

— А мне, между прочим, — мрачно покосился он в сторону тут же независимо задравшей нос Дашки, — завтра рано с утра на работу, в отличие от некоторых, — тихо проворчал он.

— Профессор, — Изабелла повернулась к третьему участнику драки. — Объясните, пожалуйста, что здесь происходит?

— Всё очень просто, — тяжело вздохнул профессор, проходя обратно на своё место за столом и присаживаясь напротив баронессы.

Я позвал Кольку, поскольку подумал, что может быть он, что-то знает о том, как получилась та самая ткань, из которой пошили тюремные робы для амазонок.

Костюмы, костюмы, — успокаивающе повернулся он в сторону сердито зашипевшей в дверях кухни Дашки.

А Дарье это не понравилось. Как же так, её милые костюмчики назвали столь бранным, по её мнению, словом. Вот она Кольку по голове и хряснула подносом, а потом попыталась

ещё добавить, — неодобрительно покосился он на Дарью.

Дарья, пару раз шмыгнув носом, тем не менее, упрямо набычила голову и угрюмо уставившись в пол, тихим голосом проговорила:

— А всё равно это не тюремные робы.

— Да, — кивнула головой баронесса, с осуждением глядя на опустившего голову паренька. — Это рабочий костюм. И очень удачный. Очень удобный и красивый. Так что называть его арестантской робой, это несправедливо обижать Дарью. Да и Даше обидно, ведь она приложила столько сил и старанья на его изобретение, на пошив, на отстирывание тканей, испорченных профессором, как она тогда считала. И после всего этого называть её костюмы арестантскими робами, это нехорошо, — Изабелла осуждающе покачала головой, недовольно глядя на Кольку.

— Ну да, — хмыкнул Колька, насмешливо глядя на воспрянувшую духом Дарью. — Много бы она отстирала своим дурацким порошком. Если бы я ей мыльнянки не подсунул в тот порошок, она бы до сегодняшнего дня её отстирывала. Все бы руки до локтей стёрла, дурёха, — ухмыльнулся он.

— Какой мыльнянки? — мгновенно насторожился профессор. — Что-то я не помню такого, чтобы Дарья говорила о какой-то мыльнянке.

— Вот, — возмущённо уставилась на Кольку Дарья, — что я говорила! Это точно он какую-то гадость мне подсунул. Всё испортить хотел! Я знаю! Он никогда не любил амазонок и постоянно мне говорил, чтобы я бросила это дурацкое занятие.

— Расскажи поподробнее, — остановила вновь разошедшуюся Дарью Изабелла, строго взглянув на неё и покачав головой.

Присмиревшая Дарья, мгновенно угомонилась и быстренько перебралась в угол за её спиной, чтобы в ближайшее время не попадаться на глаза.

— Что это за мыльнянка такая, о которой никто из нас ничего не знает, и почему ты добавил её в порошок профессора.

— Да обычный корешок, — недоумевающе глядя на них, пожал паренёк плечами. — Я вообще не понимаю, почему его здесь никто не знает. У нас в семье им постоянно пользовались при стирке. После него вещи становятся мягкими и нежными на ощупь. Мать всегда его имела под рукой, особенно когда надо было много стирать. Мы с отцом его ещё с осени на болотах заготавливали, а потом сушили на печи в противнях. Ну а уже потом он у нас хранился в мешках на чердаке. Вот с тех пор, его у меня немного и осталось. Сейчас то он уже кончился. Всё на Дашкины тряпки извёл, а она дерётся, — снова пожаловался он. — Так что надо уже было бы и сходить за ним, да работа всё

не пускает. Дашка застряла у вас в городе, а мне цех нельзя оставить без присмотра.

Сидор в письмах постоянно давит: "Давай, да давай рыбу. Чем больше, тем лучше". Ну я и даю. По двенадцать часов уже в день работаю. А ему всё мало.

И Дашка, ленивка, смылась, всё у вас тут околачивается.

Вот вернётся Сидор, я всё ему расскажу, — сердито пригрозил парень.

— Врёт он всё, — тут же встряла Дашка и, прикрываясь спиной Изабеллы, как щитом, обвинительно ткнула в паренька всё тем же подносом. — Я всю парусину профессорским порошком отстирала, а не его дурацкой мыльнянкой. А рыбу пусть он сам коптит. Мне она надоела. Я уже вся насквозь провоняла этой рыбой, а он только и твердит, Сидор-Сидор, рыба-рыба. Надоело! Я ему не батрачка!

— Да кто ж такую грубую ткань, каким-то порошком отстирывает, — покачал Колька головой, глядя на Дарью с жалостью. — Ты бы с ним ещё года два возилась, я же видел, как ты маялась.

— Неправда! — топнула раздражённо ногой Дарья, чуть ли не со слезами на глазах глядя на него. — Это был профессорский порошок, а не твоя мыльнянка.

— Даша, — осторожно тронул рукой её за плечо профессор. — Он прав. Это был не стиральный порошок. Он ничего не мог отстирать. Совершенно ничего.

Следующие полчаса у них ушли на то, чтобы успокоить разревевшуюся Дарью, всё никак не желающую принять то, что это не она своим порошком отстирала ткани, превратив их в столь важную и нужную всем вещь.

— И всё равно, это я её изобрела, — утирая слёзы, и продолжая ещё изредка судорожно всхлипывать, говорила она, когда всё уже успокоилось.

— Ты, конечно, ты, — улыбнувшись, Изабелла погладила её по голове. — Без тебя бы ничего не было. Ни ткани, ни костюмов этих рабочих, — продолжала успокаивать всхлипывающую Дарью Изабелла. — Вообще ничего. А теперь, если ты не против, то мы продолжим разбираться с тем, что произошло, а ты уж иди, отдыхай, — отпустила она спать утомлённую всеми этими перипетиями Дарью.

Но этой ночью им так и не случилось отдохнуть. Чуть ли не до самого утра они допытывались у Кольки, что это за мыльнянка такая, да где она растёт, да как её заготовлять, да как сушить, и прочее, прочее, прочее. Тысячи вопросов требовали уточнения и прояснения, ибо каждый Колькин ответ порождал десятки, если

не сотни уточняющих вопросов профессора и Изабеллы, пытавшихся выяснить всё, вплоть до мельчайших подробностей.

Только поняв, что ничего больше они от него не добьются, когда Колька уже откровенно спал, положа голову на стол, профессор с Изабеллой угомонились и отослали его, вслед за Дашкой отдыхать. Видя абсолютно уже невменяемое состояние пацана, они наказали ему спать спокойно и на всякие мелочи, вроде утренней загрузки коптильного цеха, не отвлекаться, пообещав проследить за соблюдением столь важной для него технологии.

— Ответственный пацан, — тихо заметил профессор, когда за ним закрылась дверь гостевой спальни. — Эх, — выдохнув из груди воздух, и с наслаждением потянувшись, расправил он свою затёкшую за ночь спину.

Подойдя к окну, профессор посмотрел в глухую ночную темень за стеклом, и, грустно вздохнув, заметил:

— Вот и ещё одна длинная зимняя ночь прошла. Скоро рассвет.

Придётся мне теперь вместо Кольки тащиться в засолочный цех, и командовать там вместо него, — устало зевнул он.

— Это ни к чему, — отмахнулась Изабелла, недовольно поджав губы. — Гораздо важнее сейчас найти эту мыльнянку, а в цеху уже и без него справятся. Дело налажено, заменить его там есть кем. В цеху у него помощничков образовалось, прорва. Вы просто об этом ещё не знаете, целиком занятые у себя в лаборатории. Утром пошлём казачка, он передаст, что пока Николая нет, на его место назначается, — Изабелла глубоко задумалась, перебирая в уме имена всех, связанных с цехом, а потом, задумчиво глядя перед собой, медленно проговорила:

Есть там у него приятель один, Гришаня. Они как раз вместе занимаются этой рыбой, в отсутствие Дашки. Вот пусть он ею один теперь и займётся. Дело нехитрое и он уже достаточно взрослый, чтобы отвечать за свои поступки.

Пройдя на кухню, она разбудила спавшего на печи казачка, взятого на место Васятки и, отдав ему необходимые распоряжения, вернулась обратно в гостиную.

Оставшееся время до восхода солнца они уже не ложились, справедливо рассудив, что толку от такого сна уже не будет, а вот за оставшееся до рассвета время, можно ещё многое успеть.

Так и вышло. Ещё не менее трёх часов они просидели над профессорской картой верховий Чёрной речки, пытаясь точнее определиться с местом, на которое указывал Колька. Как они не вертели, а выходило, что то болото, на которое он упрямо, раз, за разом указывал, находится на территориях, контролируемых

ящерами.

— Ну, и как такое может быть? — в конце концов, отчаявшись найти другое, подходящее под описание место, в раздражении воскликнула баронесса. — Ведь это же самые ящеровые земли. Чуть ли не середина их земли. Вот тут у вас, профессор, так и обозначено, — ткнула она раздражённо пальцем в его карту. — Подгорные ящеры, клан Волка, — прочитала она в раздражении, чуть ли не по слогам. — И он хочет меня убедить, что они с отцом ходили на эти земли, собирать какую-то там мыльнянку?

Это невозможно! — в раздражении с силой хлопнула она ладонью по карте.

— А почему нет? — вопросительно взглянул на неё профессор, так же, как и она, с недоумением глядя на карту. — Не верить его описанию, у нас нет оснований. Это с одной стороны.

С другой стороны, расстояние там, от места расположения бывшего их поселения до того болота, не такое уж и большое. Вполне можно за сутки уложиться в один конец. Шли они, как рассказывает пацан, по каким-то лощинам и буеракам, что вполне можно рассматривать, как попытку скрыть следы их прохождения, что тоже укладывается в предлагаемую схему. Костров они, по утверждениям пацана, тоже не жгли, ограничиваясь питанием всухомятку, что также укладывается в схему. Что тогда остаётся? — вопросительно посмотрел на неё профессор. — Только недавно завоёванные ящерами земли, расположенные между нашими городами. Ныне занятые новыми кланами подгорных ящеров.

А это не день, и не два в пути, — грустно вздохнула Изабелла. — Это, почитай что неделя в один конец. Единственно, что радует, так это то, что их там не так много. Не успели ещё размножиться, да и наши клановщики их изрядно с завидной регулярностью прореживают. Но всё равно, без вооружённой охраны в пару сотен клинков, туда нечего и соваться.

— М-да, — задумчиво крякнул профессор. — Дела. А у нас и человека то свободного сейчас никого нет, что про сотню говорить. Хоть сам иди.

Снега сойдут, в лесу подсохнет — пошлём туда для начала небольшую группу. Человек пять, шесть. Думаю, Корней сумеет отобрать пару, тройку таких групп из тех кто у него ещё остался. Сначала пойдёт одна, а когда вернётся с каким-нибудь результатом, отправим вторую группу для подтверждения и контроля. Жаль, что пацана нельзя туда отправить, опасно больно. Придётся полагаться на его описание.

— Неужели во всей здешней округе нет этого растения? — в

отчаянии всплеснула Белла руками. — Да быть того не может. Столько болот вокруг, а какая-то там травка, растёт только в одном месте. Невероятно!

— Эндемик, — тяжело вздохнул профессор, обречённо глядя на Изабеллу. — Как ни жаль, а это вполне возможно, — развёл он руками.

В раздражении, Изабелла снова хлопнула ладонью по профессорской карте. Поднявшись со своего места, она устало потянулась, душераздирающе зевнув, а потом, повернувшись к профессору, и с милой улыбкой заметила:

— А не пошло бы оно всё… Лично я, пошла спать, и все вопросы буду решать потом, как высплюсь.

Профессор, с трудом подавив зевок, навеянный видом сладко зевающей баронессы, сонно посмотрел на неё. Устало двигаясь, молча свернул свою карту, и, не обращая внимания на разбросанные по всему столу куски хлеба и колбасы, отправился, вслед за ней досыпать свои, не выспанные сны.

Глава 14 Найм…

Илона Бережная. *

На просторной приречной Лонгарской равнине вовсю бушевала весна. Половодье вскрыло льды на реках, всё что могло разлилось безбрежно вокруг, так что невозможно стало перебраться с одного берега любой реки на другой. Жизнь в крае замерла, пережидая буйство стихии. Весна света сменилась весной воды и всё вокруг звенело капелью и ручьями.

В воздухе стояли одуряющие, кружившие голову запахи подтаявшей сырой земли и снега, а в дверь землянки баронессы Изабеллы де Вехтор, поздним весенним вечером в совсем неурочное время раздался негромкий, чётко акцентированный стук уверенного в себе человека. Сидевшая за столом в большой гостиной зале молодая женщина, в накинутом на плечи домашнем шёлковом халате, недоумённо подняла голову, явно никого не ожидая в столь поздний час, и, внутренне насторожившись, кивнула головой десятнику из охраны, послав того открыть дверь.

— "Кого это допустили в пределы внутреннего охраняемого периметра так поздно", — удивлённо полумала Белла.

В едва приоткрывшуюся дверь, вместе со звуками позднего городского вечера, спокойно отстранив рукой настороженного ящера, вошла та, которую Изабелла меньше всего готова была здесь и сейчас видеть.

— Ба-а, — немного озадаченно протянула Изабелла, разглядывая позднюю гостью. — Никак сама Илона Бережная решила почтить нас своим присутствием, — насмешливо заметила она, с интересом её рассматривая. — А где же знаменитая арестантская роба которую чуть ли не со скандалом пришлось сначала заставлять одеть, чтоб не позамерзали в своих лёгких летних тряпках, а потом не смогли с вас снять? Никак, решила немного приодеться в нашем ателье? — с лёгкой усмешкой на устах поинтересовалась баронесса, разглядывая тряпьё, в которое была теперь одета вошедшая гостья.

Что-то я смотрю, ваши нынешние наниматели не торопятся вам предоставить новую рабочую одежду, — усмехнулась она, в открытую уже рассматривая рваньё, в которое та была в этот раз одета. — А старое, куда умудрились деть?

— Продала, — флегматично бросила Илона, бесцеремонно устраиваясь за столом, напротив баронессы.

— Неужто нашёлся покупатель на ваше старьё? — насмешливо вопросительно подняла брови Изабелла.

— Не поверишь, но наше старьё по стоимости превышает всё то, что мы здесь можем заработать за целых два месяца, — усмехнулась Илона. — Спасибо вашим ящерам, да и вам, что не отобрали рабочую одежду.

Когда они предложили продать мои тряпки за вполне приличные денежки, я поначалу подумала, что ослышалась. А потом решила с ними расстаться. Кто ещё подобное предложит. Да и деньги нужны, домой собираюсь, — тут же пояснила она. — Хотя странно, — задумчиво посмотрела она на баронессу. — За что они платили, непонятно. Тряпки и тряпки, чего в них такого. Или это не просто тряпки? — замерла она, не сводя с хозяйки глаз.

Ну да ладно, — безмятежно махнула она рукой, цепкие, внимательные глаза её при этом настороженно блеснули. — Может быть, потом разберёмся? — вопросительно посмотрела на баронессу, и, не дождавшись от неё никакой видимой реакции, продолжила. — А пока мне деньги нужны. Сами понимаете, и там, и здесь, без денег жизнь не сладкая. Да и везде оно так, как вы сама госпожа баронесса прекрасно представляете. Хотя, вам то чего безпокоиться. У вас денег полно. Да и муженёк ваш не из бедных будет. У вас, баронесса, нет такой нужды зарабатывать их в поте лица своего.

— Избавьте меня от необходимости выслушивать ваши бредни, — холодному тону, Изабеллы позавидовала бы наверное сама Снежная Королева, настолько от неё в этот момент повеяло стужей. Впрочем, никакого видимого эффекта её голос не принёс. С совершенно независимым видом гостья просто пропустила её тон мимо ушей.

Заинтересовавшись, было незваным появлением амазонки, Изабелла, едва услышав жалобы, сразу же потеряла к ней интерес. Да и любые намёки на своё замужество, мгновенно выводили её из себя. И теперь единственная мысль, которая ясно читалась на её лице, это было отчётливое желание немедленно выгнать за дверь позднюю гостью.

Однако, амазонка, прекрасно представляя себе характер баронессы, поспешила заинтересовать её своим посещением:

— Мы тут с девочками немного подумали и решили всё-таки принять ваше предложение, — перебила она только собравшуюся что-то сказать Изабеллу.

— Какое предложение? — настороженно переспросила Изабелла, мгновенно про себя решив немного подождать с изгнанием. — Я лично вам в последнее время ничего не

предлагала. Да и видеть я вас здесь, откровенно говоря, не ожидала, да и откровенно говоря не горю желанием что-либо предлагать. Насколько мне помнится, вам было запрещено появляться в городе.

— Горсовет снял это ограничение, — отмахнулась амазонка. — Давно снял. Практически сразу же как только мы после освобождения появились возле города. Удивляюсь, дорогая баронесса, что это для вас новость.

— Поскольку оно мне неизвестно, то посидите пока под арестом, — оборвала её Изабелла, подымаясь из-за стола и делая знак, настороженно стоящим по бокам амазонки ящерам.

— Оставьте её!

Голос, неожиданно раздавшийся от входной двери, мгновенно остановил ящеров, свалив ших уже позднюю гостью на пол и заламывающих ей руки за спину.

Удивлённой баронессе, в широко распахнутой двери землянке, предстал её Советник, сопровождаемый профессором, как раз входившим следом за ним и закрывающим тамбур входной двери.

— Оставьте, оставьте, — кивнул он ящерам, вопросительно глядящим на баронессу.

Аккуратно повесив свой плащ на вешалку, он, обернувшись, с удивлением обнаружил, что никто из ящеров на его слова никак не прореагировал, молча глядя на баронессу и ожидая её реакции.

— Однако, — удивлённо воззрился он на неё. — Да они слушают только вас, дорогая Изабелла, — удивлённый профессор с интересом разглядывал ящеров, замерших со скрученной на полу амазонкой. — Прикажите им отпустить её. Она сказала правду, — покивал он. — С сегодняшнего дня амазонкам вновь официально открыт свободный доступ в город. Да, честно говоря и раньше-то не особо строго этого правила придерживались. Так, одна видмоть была.

— Вот как? — поражённо посмотрела на него Изабелла. — Случаем, не этим ли вызван ваш столь поздний визит, дорогой Советник, — мрачно поинтересовалась она.

— Да отпустите вы её, — снова кивнул на скрюченную амазонку профессор.

По молчаливому кивку баронессы, ящеры мгновенно ослабили хватку и амазонка, кряхтя и постанывая, медленно поднялась на ноги, демонстративно отряхивая от несуществующей пыли своё рваньё.

— Как-нибудь встретимся на узкой дорожке, — недобро взглянула она на ящеров. — Тогда посмотрим, кто кого умеет

лучше ломать.

— Не обращайте внимания, дорогая Илона, — улыбнулся профессор. — У них служба такая, охранная. Скажите спасибо, что вам ещё чего-нибудь не сломали. Это у них запросто. Сколько я их с Корнеем не дрессирую, сколько не ругаюсь, а они всё равно сначала ломают что-нибудь, а только потом начинают разбираться. Нелюди, что с них возьмёшь, — с совершенно ханженским видом посетовал он. — Так что, вам ещё повезло, что все кости целы остались.

— Спасибо, — насмешливо склонила голову амазонка. — Спасибо за то, что, зайдя по нужному вам делу, ещё и целой отсюда выбралась.

— Если это связано с мифическим предложением, то выражайтесь конкретней. Что за дело, что вы собираетесь принять. Коротко и чётко, — раздражённо посмотрела на неё Изабелла

— Действительно, — следом поторопил амазонку Советник. — В чём причина вашего нынешнего сюда визита? Мы бы хотели услышать внятную причину, по которой вы явились в дом баронессы в столь поздний час.

— Для деловых визитов существует другое время. Признаться, не ожидал я вас здесь увидеть, не ожидал.

Амазонка, демонстративно тихо постанывая и кряхтя, принципиально как бы не обращая внимания на так и стоящих у неё за спиной ящеров, снова уселась на прежнее место, с которого её сдёрнули, и неожиданно уверенным наглым тоном заявила:

— Меня кто-нибудь накормит в этом доме, или мне так и сидеть весь вечер голодной.

— Что же тебя не накормили Голова со Старостой, — безразлично поинтересовалась баронесса, даже не двинувшись с места. — Кажется, это на них ты последнее время горбатилась? Или я ошибаюсь?

— На них, на них, родимых, — покивала головой амазонка. — Оттого и пришла в такое рваное состояние. Ну, так меня кто-нибудь покормит? — снова громко напомнила она о себе, поворачиваясь к стоящим рядом с ней профессору с Советником.

— Не кричи, — поморщилась недовольно Изабелла. — Где тебя обучали нормам приличия. Никто тебя здесь кормить не будет. Так что говори зачем пришла или убирайся.

— Ну зачем же вы так, баронесса, — Советник махнул рукой кому-то, показавшемуся на миг в распахнутой двери, ведущей на кухню, и, пройдя за спиной амазонки, пристроился напротив неё за столом.

Наша уважаемая Илона ведь не просто так пришла к нам в гости. Я вас правильно понимаю, — слегка склонив голову в полупоклоне, он бросил на амазонку внимательный, заинтересованный взгляд. — Насколько нам всем помнится, расставание наше было не слишком то дружественным, — продолжил он. — И после вашего ухода многие наши объекты просто встали. Так что, поведение баронессы имеет вполне объяснимые причины, а ваше здесь появление весьма странно. Не находите? — вопросительно посмотрел он на неё.

— Нет, не нахожу, — лишь слегка качнула головой Илона. — Всё течёт, всё изменяется.

— Что же у вас изменилось? — поинтересовался Советник, наблюдая, как неслышно появившийся возле стола невысокий, щупленький мальчонка казачок, на время отсутствия Васятки, взявшийся исполнять его функции, быстро расставляет на столе столовые приборы. — Поведайте нам свою тайну госпожа Илона. Что случилось такого, что сама госпожа Илона Бережная, сотник Речной Стражи, изволили нас посетить, в сей сирой юдоли печали, — обвёл он широким жестом полупустое помещение гостиной, занятое по центру единственным столом с несколькими стоящими по кругу стульями.

— Бывший сотник, — усмехнулась Илона.

— Не торопитесь отвечать, — остановил он Илону, поднявшую было голову от тарелки с какими-то холодными закусками. — Вы кушайте, кушайте, — кивнул он головой, внимательно наблюдая за ней.

— Вас что, действительно не кормят? — растерянно спросил он, чуть погодя, глядя на то, как Илона старательно наворачивает холодные колбаски, жадно заглатывая большие куски непережёваной колбасы. И пытаясь скрыть удивление, осторожно ещё раз спросил? — У Головы не кормят, что ли? Или вам так мало платят что вы недоедаете?

— То, чем там кормят, у вас собаки есть не будут, — хмыкнула Илона, откидываясь с довольным вздохом от стола и продолжая жадно шарить по нему голодным взглядом. — Да, — протянула она, с трудом отводя голодный взгляд. — Только зайдя к вам в гости, вспоминается старое доброе время, когда мы строили вам дорогу. Девочки до сих пор с теплом вспоминают что кормили нас там, в вашем плену, не в пример лучше, чем нынче на свободе.

Изабелла, так молча и наблюдавшая за жадно насыщавшейся амазонкой, наконец не выдержала затянувшейся прелюдии и решила поторопить её:

— Так чем же вызван ваш приход, дорогая Илона, —

ядовитым голосом поторопила она амазонку. — Если вы пришли к нам обедать, то выбрали не самое лучшее время и место. Уже довольно поздно и вам пора возвращаться обратно к своим обязанностям у Ваших нынешних нанимателей. Если не ошибаюсь, то вам завтра с раннего утра на работу. Так что вываливай с чем пришла или проваливай, — добавила она враждебно.

Илона, внимательно посмотрев на враждебно глядящую, на неё баронессу, тяжело вздохнула, окинула ещё раз, так и не насытившимся голодным взглядом пустой уже стол, и снова тяжело вздохнув, проговорила:

— Решили мы с девочками принять ваше предложение по поводу найма на работу по специльности. Кто-то может устроиться в городе на хорошей работе, а у нас, вот, не получается. Нашим нынешним работадателям надо чтоб мы под них прогибались, а у нас, — Илона криво ухмыльнулась, — спины не гнутся. Закостенели видать за давностью лет, — проворчала она. — Да и когда смотрят на тебя, как на холопку, не всем это нравится.

Но и со строительством дороги больше связываться как-то неохота. Землекопы из баб сами знаете — аховые.

Единственно, что хорошо у нас выходит, так это воевать. Да, да, — повернулась она к насмешливо хмыкнувшему профессору. — То, что нас так легко разгромили там, на Девичьем поле, это не в счёт. Такое у всякого может быть, и подобное с нами вам уже не повторить. Так что, не обольщайтесь. Да я думаю, что вы и сами это прекрасно понимаете. Поэтому, вот моё предложение. Вы нас нанимаете на то самое дельце, о котором тогда говорили, если оно, конечно, ещё не отпало, ну, а мы, со своей стороны, постараемся его максимально эффективно и быстро выполнить. В меру своих сил и возможностей, — сухо добавила она.

Ежели же оно уже отпало, то мы готовы рассмотреть и другие ваши подобные предложения.

— И сколько же вас таких, у кого не получается устроиться в городе? — с холодным любопытством посмотрел на неё Советник. Глаза его прищурились и в них заплясал огонёк неподдельного интереса. — Хотелось бы нам это знать.

— Со мной вместе, под сотню человек наберётся, — бросила на него косой взгляд Илона. — Остальные как-то худо-бедно пристроились и вполне довольны своим положением. А кто если и недоволен, то молчит. Хотя к описанию их нынешнего положения слово "худо" ближе, чем определение "бедно". Так что, если у нас с вами дело пойдёт, то, думаю, и они присоединятся. А

это, худо-бедно не менее трёх полных сотень не самых плохих в этом мире вояк будет.

— Значит, домой никто из вас не собирается? — Профессор, сидя напротив неё, внимательно наблюдал за её поведением.

— А что нам там делать? — раздражённо хмыкнула Илона. — Обратно в стражу нас уже точно никто не примет. Это нам популярно первым же делом добрые люди разъяснили, — Илона как-то нехорошо, зло улыбнулась. — А после того как история с разжалованием нашего командира Тары стала среди пленных широко известна, благодаря попавшим к вам в плен ветеранам легиона после последнего набега, это уже очевидно для всех нас.

Богатств ни у кого из нас нет. Иначе не сидели бы мы в вашем городе вплоть до настоящего времени.

На праздную жизнь, как вы понимаете, ещё не успели себе заработать. А теперь и не возьмёт никто на работу бывших пленных, опозоривших гордое звание воительницы. Так что делать дома нам совершенно нечего, и жить там не на что.

А с такими деньгами, что платят нам в вашем городе, мы и здесь не заработаем.

— Щас расплачусь, — буркнула себе под нос Изабелла, глядя на неё мрачным взглядом. — Надо было соглашаться, когда предлагали, а не теперь приходить и ныть, что мало платят, да кормят дерьмом, что собаки не едят.

Илона, бросив на Изабеллу сумрачный взгляд, тяжело вздохнула и неожиданно резко хлопнула себя ладонями по коленкам:

— Ну, нет, так нет, — мрачно покривившись, заметила она. — Будем считать, что не получилось. Не договорились! — мрачно пробормотала она себе под нос, и, поднявшись из-за стола, тяжёлым, усталым шагом направилась к выходу.

— Я бы на вашем месте, так не торопился, — глядя ей в спину задумчиво оценивающим взглядом, заметил профессор. — Может, у нас для вас и найдётся небольшая работёнка. Так сказать, по прямой специальности.

Изабелла, отлепившись от стенки, которую всё это время подпирала, прошла к столу, села на место Илоны и, уставившись прямо в глаза профессора, тихо, отчётливо выговаривая каждое слово, заметила:

— Сто человек нам мало. Даже триста и то мало. А их у неё нет.

— Если очень надо, могу набрать, — тут же откликнулась замершая у двери амазонка. — По округе тут много наших осело, недовольных своим нынешним нищим положением. Можно девочек из-за реки вызвать. Многие из наших там так же маются

от безделья. После того памятного разгрома на Девичьем поле, а особенно после уничтожения десанта Речной стражи во время последнего набега на ваш город, нам устроиться на хорошую работу у себя в республике практически невозможно. Никто не берёт. Поэтому они с удовольствием согласятся поработать даже на вас, лишь бы платили. Так что, если надо, могу набрать и три и четыре сотни. А постараться, так можно и пять, и шесть. Безработного народа, недовольного своим положением полно.

— А лошади? — внимательно глядя на неё, неожиданно спросил профессор.

— И лошади будут, — кивнула головой Илона. — При условии, что вы выделяете аванс. Чтобы было на что закупиться: и лошадей, и провизию, и оружие. Хоть плохонькое, для начала, но пока у нас и того нет. Казённое отобрали, а своего отродясь не было.

— Оружие мы вам выделим, из вашего же, трофейного. Оплатите потом, — хмыкнул профессор. — Если захотите, то можете найти и своё же, бывшее. Это, в счёт аванса. Амуницию, также можем кое-какую предоставить. Но за это уже придётся сразу заплатить, — усмехнулся он. — Хоть из аванса, хоть как.

— Ну, — усмехнулась Илона, сразу почувствовавшая себя намного увереннее. — В крайнем случае, сойдут и эти тряпки, — потрясла она перед носом профессора полой своей ветхой рубашки, прикрытой сверху таким же драным кафтаном.

— Дело ваше, — насмешливо буркнула Изабелла, — но я бы на вашем месте сначала поинтересовался тем, что вам предлагают. — Дашка! — неожиданно в полный голос крикнула она. Так, что даже невозмутимые ящеры у входной двери невольно вздрогнули.

Дашка! — снова крикнула она, заново всех напугав своим криком. — Спишь, что ли?

— Ну, чё надо? — тут же раздался недовольный, но совершенно не сонный голос Дарьи, вынырнувшей откуда-то из боковой дверцы и сверкающей горящими от любопытства глазами.

— Подслушиваешь, — обвиняюще попеняла ей Изабелла. — Ну, Дашка, погоди! Я же тебе говорили, чтобы спать ложилась. А ты чем занялась? Подслушиваешь!

Изабелла, грозно нахмурив брови, сердито уставилась на покрасневшую Дарью, стоящую в дверях комнаты и не знающую, куда руки девать.

— Ну да, — решилась всё же она возмутиться, опасливо покосившись на Изабеллу. — Легла бы я спать, так что бы я тогда узнала.

— Тащи женский манекен, Дашка, а с тобой я потом разберусь, непослушная девчонка.

Баронесса, с чуть заметной улыбкой на губах посмотрела на мгновенно захлопнувшуюся за Дарьей дверь и снова повернулась к амазонке.

— Ну вот, сейчас мы вам продемонстрируем последнюю нашу разработку, ну а там уж вам решать, будете покупать, или нет.

Не успела Изабелла закончить свою речь, как дверь в противоположном конце комнаты с грохотом распахнулась, отлетев и наотмашь хлопнув и напрочь вырубив стоявшего за ней ящера, и перед ошарашенной таким грохотом компанией предстала раскрасневшаяся Дашка, с трудом волочащая за собой манекен.

— Вот, — шумно выдохнула она из себя воздух, с облегчением усаживаясь на стоящий возле двери табурет. — Притащила, — обвела она всех присутствующих счастливыми, горящими от возбуждения глазами. — Ой, — тут же ойкнула она, заметив сидящего на полу ящера, ошарашено трясущего головой. — Это что, я?

— Ты, ты, — покивала головой Изабелла. — Сколько тебе ни говори, чтоб не носилась по дому сломя голову, тебе всё одно. В одно ухо влетает, в другое вылетает, — добавила она с безнадёжным видом.

Ну как? — тут же поинтересовалась она у амазонки. — Это новая модель, конечно, ещё во многом недоработанная и требующая проведения полевых испытаний, но уже где-то, как-то, — заметила она, с удовольствием глядя на замершую столбом перед манекеном Илону.

— Неплохо, — кивнула та головой. — Неплохо. Стильно. Да и расцветочка, — задумчиво обошла она манекен по кругу, — неяркая, пятнистая, как раз по будущему летнему времени в лесу не видимая. Лён, — хмыкнула она, насмешливо, пощупав ткань костюма. — Вы что, в нём на бал к герцогу собрались? — повернулась она к ним.

— Это офицерский костюм, — спокойно заметила Изабелла. — Парадный. Не беспокойся, тебе такой не предложат. Если только сама не захочешь купить. Вам предоставят похожий, но из местных шерстяных тканей, гораздо более дешёвых. Покупка подобного одеяния, обязательное условие найма, — хмуро добавила Изабелла, не глядя более на амазонку и присаживаясь обратно за стол. — Не устраивает, свободна.

— Решила на нас заработать, — понимающе поглядела на неё Илона. — Ну, так, сколько же этот стоить будет? — кивнула она на манекен.

— Не беспокойся, — усмехнулась Изабелла. — Такой, тебе точно не по карману. Да и полный комплект с оружием и сапогами с подошвой из акульей кожи, тебе ни к чему. Цена же простейшего полевого комплекта, включающего костюм с поясом, сапоги и плащ-накидку — один золотой.

— Что же входит в целый комплект?

Илона, вперив в баронессу внимательный, чуть прищуренный взгляд, присела напротив неё и требовательно уставилась на Изабеллу, явно ожидая от неё чёткого и ясного ответа на поставленный вопрос.

Изабелла, удивлённо посмотрела на амазонку

— Гляди ка. А высокая цена похоже тебя не смущает, — довольно заметила она.

— Поначалу неохотно, а потом всё более и более увлекаясь, Изабелла начала перечислять все предполагаемые достоинства и вооружение, входящие в комплект подобного костюма, пока наконец-то не выдохлась и без сил не откинулась на спинку стула, облегчённо переводя дух.

— Ну вот, кажется это всё, — улыбнулась она, весело глядя на удивлённые лица Советника с профессором. — Дальше следует провести полевые испытания и посмотреть насколько удобно то, что мы сделали. А потом можно будет и запускать в производство. Оснастим ими наших егерей.

— И сколько же это всё потянет? — настойчиво потеребила её за рукав Илона.

— После того как всё будет отлажено, цена комплекта возрастёт от тридцати, до ста золотых, — отмахнулась от её Изабелла, — в зависимости от целей и задач, поставленных перед бойцом. Ну, понятно же, что если ты идёшь в горы, то тебе нужны горные ботинки, а не болотные сапоги. Отсюда и разница в цене. Потом ещё оружие сильно влияет на цену, — повернувшись к профессору, начала заново пояснять она.

— Ну, — Белла неожиданно запнулась, подойдя опять к манекену. — Пока это всё. Дальше уже буду только повторяться. Да и много там всякого прочего, сразу всё не упомнишь.

— Ну и сколько будет стоить такой костюм для той задачи, что вы собираетесь нам предложить? — перебила её Илона.

— С полным оснащением, из льняного материала, около ста золотых, — повернулась к ней Изабелла. — Если исключить оружие, пятьдесят. Если местные шерстяные ткани, домашней выделки, и оружие попроще, то один, два золотых. Ну и надо определяться с тем, что необходимо из оснастки. Берёте ли арбалеты, или обойдётесь своими луками. Или то и другое. Нужны или нет вам сапоги с подошвой из акульей кожи для

абордажа, нужны ли непромокаемые накидки, сапоги, ботинки, ну и так далее. Всё решается индивидуально, в зависимости от финансовых возможностей каждого члена отряда, или отрядной казны.

— Я смотрю, вы серьёзно относитесь к той задаче, что требуется решить.

— Не только к этой, — холодно отрезала Белла. — Мы вообще ко всякому делу более чем серьёзно относимся.

Илона, внимательно оглядела всех присутствующих, задержав взгляд на восторженно глядящей на неё Дарье и слегка улыбнувшись, заметила:

— Мне надо сто таких костюмов прямо сейчас, чтоб были не позже, чем через неделю. Материал местный, самый дешёвый, шерсть. Через неделю будут ещё две сотни, которые также надо будет одеть в подобное же. Надеюсь, профессор, вы, не будете иметь ничего против того, чтобы мои девочки были одеты, как ваши егеря? — с усмешкой посмотрела она на него.

— И ты не хочешь примерить его и посмотреть, как он на тебе сидит? — удивлённо посмотрела на неё Изабелла.

— Нет, — ухмыльнулась Илона, — не хочу время терять. Баронесса точно сказала — уже поздно. А мне достаточно и прошлой вашей рабочей одежды. Так что эта, полагаю, будет не хуже. Завтра я подошлю тех, кто согласен на вашу работу, снимете мерки, чтоб моим девочкам ничего не жало, — снова усмехнулась она.

— И ты не хочешь узнать, куда надо отправляться и что делать? — внимательно глядя на неё, подал голос, молчавший до того Советник баронессы.

— Нет, — равнодушно пожала та плечами. — Меня всю жизнь отправляли туда, куда хотели. И совершенно не спрашивали моё приватное мнение на сей счёт. Не думаю, что в этой практике следует что-то менять. Да и вы не относитесь к тем людям, что посылают тупо на смерть, не оставляя путей отхода.

— Ну что ж, — хмыкнул профессор. — Мне нравится такой подход к делу. Меньше знаешь, крепче спишь.

— И дольше живёшь, — с улыбкой на губах, добавила Изабелла, внимательно глядя на амазонку холодными голубыми глазами. — Должна сразу заметить, что предательство будет жестоко наказано, не зависимо от срока давности и дальности бегства. Предупреди, пожалуйста, своих девочек, Илона. Чтобы у них не было иллюзий, что можно будет сбежать не отработав выплаченные деньги.

— Деньги, как обычно, вперёд? — вопросительно взглянула на неё Илона.

— Нет, — покачала головой Изабелла. — Вперёд только аванс в размере трети месячного гонорара. Как обычно, — с проскочившей в глазах весёлой искрой уточнила она.

На который вы, собственно и сможете закупить недостающую амуницию, продукты и снаряжение. Закупить у нас, но по вполне божеским ценам, — с усмешкой утонила она мгновенно насторожившейся амазонке. — Точнее, всё это вам будет поставлено в счёт аванса по согласованным ценам. У нас запасы большие, надо куда-то их реализовать, — с невозмутимым видом пояснила она той.

Ну а основная оплата, по окончании и независимо от результата, и от числа выживших, — холодным тоном уточнила она.

В случае же успешного выполнения задания и достижения поставленных целей, ещё и премия. Рядовым в размере половинного оклада, десятникам три четверти, сотникам целый, командиру двойной.

Ну и какаков же размер оплаты? — нстороженно поинтересовалась амазонка. — Хтелось бы знать за что мы будем кровь проливать.

Рядовой десятка в месяц, десятник — два, сотник — сорок, а командиру — сотня серебряных.

— Не густо, — поморщилась Илона. — Низовые бароны щедрее платят.

— Мы не бароны и тем более не низовые, — суховатым тоном отрезал профессор. — И это раз в десять больше того что вам сейчас платят в городе.

Как видите, на крови мы не экономим.

— Думаю, — криво усмехнулась Илона, — премию бойцам следует увеличить вдвое, до целого оклада, десятнику полтора, сотнику два, командиру четыре. Так будет более справедливо.

— Вы очень высоко себя цените, госпожа Илона, — медленно проговорила Изабелла, недовольно глядя на неё. — И подобное изменение условий требует некоторого согласования с нашим казначеем. Не уверена, что у нас есть сейчас в наличии сразу столько свободых денег.

В случае если Марья Ивановна Корнеева даст добро, то мы примем ваши условия. Если нет, то уж извините.

— Ну что ж, — хмыкнула, подымаясь со своего места, Илона, — думайте. Со своей стороны замечу, что три полные конные сотни, это большая сила. А в умелых руках, она многое может.

Пройдя к двери, она остановилась в дверях, повернулась, окинула взглядом оставшуюся компанию и как-то неопределённо

хмыкнув, вышла на улицу. В комнате после её ухода установилось надолго задумчивое молчание, нарушаемое лишь потрескиванием дров в кухонной плите.

— И куда вы собрались использовать три конные сотни, дорогая баронесса, — нарушил молчание её Советник. — Надеюсь, всё же не на обкатку мундиров егерей?

— Ну что вы, дорогой мой Советник, — усмехнулась ехидно Изабелла. — С мундирами мы и без них как-нибудь разберёмся, а вот разобраться с подгорными ящерами, без их помощи у нас похоже не получится. По доходящим до нас вестям, дела на озёрах не шибко хороши, хоть и не совсем отчаянные. Но с ящерами там похоже начались серьёзные проблемы. Зимой они наши ловы там всерьёз не беспокоили. Снег, далеко от их основных центров. А вот как будет летом, ни вы, ни я этого не знаем.

Так что, будет совсем неплохо, если три конные сотни амазонок пройдутся частым гребнем по деревушкам ящеров на границе системы озёр и равнины, как раз по границе предгорной террасы, там где горная тайга переходит в равнинные пущи.

Да и насчёт конных я не уверена. В пуще с лошадью особо то не развернёшься.

Или вы что, Советник, — неожиданно улыбнулась она, — оставили идею с каучуком, что подкинули нам наши зубастые союзнички? Надо же когда-то и начинать.

Полагаю, — заметила она с тяжёлым вздохом, — завтра же с утра надо известить Машу с Корнеем о появившихся новых возможностях, и вечером снова собираться. Время тянуть нельзя. День, два и весна воды кончится, придёт время весны земли. А к ней мы не готовы.

Профессор, поднявшись со своего места, пару раз с задумчивым видом прошёлся по комнате, а потом, остановившись перед молчаливо смотрящим на него Варусом, начальником личной охраны баронессы, заметил:

— Извести своё руководство. И если захотите принять в этом развлечении участие, милости просим.

Внутренний Совет.*

В просторной гостиной сидоровой землянки, вокруг длинного стола, единственного предмета мебели в этой комнате, не считая недавно появившихся там изящных кресел и стульев, следующим вечером собрались все, кто мог бы быть заинтересован в непонятном мероприятии, затеянном баронессой. Это был, так

сказать, внутренний круг.

Здесь были все. Ящеры, все двое оставшихся в городе исполняющих обязанности глав своих кланов: Ли Дуг и Бус Ур, Маша с Корнеем, профессор и, естественно Баронесса Изабелла де Вехтор со своим Советником, ставшая за последнее время большой занозой в заднице всей городской Старшины, и по сему поводу охотно принимаемая в среде собравшихся.

— Ну, — насмешливо оглядела всех собравшихся баронесса, — полагаю, совещание следует начать, раз уж все заинтересованные стороны собрались.

— Вряд ли здесь собрались все заинтересованные стороны, — слегка улыбнувшись одними губами, заметила Маша. — Наверняка, тот же Голова захотел бы услышать о том, что здесь сейчас будет говориться.

— Вы собираетесь держать от него всё происходящее в секрете? — вопросительно взглянул на неё Ли Дуг, неформальный лидер сообщества ящеров, вплотную завязанного на собравшийся здесь земной клан.

— Безусловно, — согласно кивнула головой Изабелла. — И не только от него. От всех в городе. Я полагаю, что помимо всего прочего, данное мероприятие должно окупиться, а это будет весьма сомнительно, если он поймёт, что происходит.

— Об этом поподробнее, пожалуйста, — остановила её Маша. — Пока что я слышала только о затратах.

— Всё очень просто.

Изабелла встала из-за стола и подошла к развешенной на стене карте. Обрисовав вкратце текущее положение, она ткнула куда-то в центр карты длинной острозаострённой лучиной, которую использовала в качестве указки.

— Давайте определимся сразу. Основная цель этого рейда — расчистка путей доставки каучука. А раз так, то не думаю, что об этой цели предприятия стоит ставить в известность местную Старшину.

Так что, основная цель данного рейда должна для всех официально звучать так.

В процессе зимней рыбной ловли на озёрах нами была обнаружена странная тенденция у местных племён подгорных ящеров. Необычно многочисленное и сильное новое потомство. Выявлена новая генерация, новый подтип подгорных ящеров.

Об истоках происхождения и связи этого нового явления с Империей упоминать я думаю не стоит. Захотят — сами узнают. Не надо пугать раньше времени.

Так что, мы просто выступим с предложением о превентивном ударе для снятия угрозы будущего вторжения,

которая обрушится на город с той стороны не далее чем через два года. Особенно акцентировав место выявления бедущей угрозы. Подгорная терраса с многочисленными озёрами.

Чётко и внятно проговорив будущую главную цель намечаемой операции, Изабелла неожиданно замолчала, выжидательно глядя на собравшихся.

— И всё? — неподдельно удивился Ли Дуг. Не дождавшись реакции других, он нетерпеливо выступил первым. — С каких это пор местные власти, или кто бы ни был ещё, стали бы заранее заботиться о том, что будет, даже не через месяц, не через год, а через целых два года. Всем сразу станет понятно что заявленная цель — заведомая ложь.

— Да, — задумчиво почесал затылок профессор. — Боюсь, что это не прокатит. Народ здесь не дурак, они постараются вызнать, что и как. А тогда весь наш интерес тут же вылезет на поверхность.

— Вы что, серьёзно рассчитываете получить от города помощь? — неожиданно подал голос Бус Ур.

Обычно отсиживающийся на своём месте всегда молча, никогда не принимая никакого участия в разговорах, он вдруг решил вмешаться.

— Вы серьёзно на это расчитываете? — неподдельно изумился он. — Вы считаете что они станут вам помогать?

— Конечно нет, — сердито перебила его возмущённый вопль Изабелла. — Думать подобным образом — полный идиотизм.

Никто из членов Совета, из тех кто имеет право решать такие вопросы не поверит нам ни на йоту. Именно по всем этим причинам. И нас тут же схватят за руку.

Обвинят в том, что все наши разговоры про новое поколение ящеров, грозящее городу через два года — пустая болтовня и трата их драгоценного времени. А главная наша цель получить доступ к золотым и серебряным приискам, указанным в закладных, хранящихся в сундуках банка. Они же прекрасно осведомлены что лежало в банковских хранилищах, поскольку сами же их туда и положили.

Поэтому, возмущённые нашим коварством члены городского Совета нам естественно в помощи откажут. Но, чтобы отмазаться, на тот случай если, а точнее когда, по их мнению, подгорные ящеры умоют нас кровью, чтобы их в дальнейшем не обвиняли, что они бросили новичков без помощи, они согласятся на то чтобы мы набрали себе наёмников сами.

Вот тут-то мы их и наберём — тех самых амазонок, что предложила Илона. Которые расчистят нам путь на восток по предгорьям к каучуку. Вполне официально и на вполне законных

основаниях. Потому как, не забывайте, что набирать себе наёмников из амазонок для каких-либо целей, без специального на то разрешения, на землях города запрещено.

*Горсовет. Наглая "просьба". **

Как Изабелла и предсказала, всё в городском Совете разыграно было как по нотам. Всё правильно! Нечего было и ожидать чтобы каким-то новичкам землянам поверили на слово о какой-то мифической угрозе с востока, откуда последних лет двадцать если что и поступало, то исключительно плохонькие кожаные доспехи и неказистые кольчужки в виде добытых в нищих ящеровых селеньях небогатых трофеев.

Поэтому сведениям клана землян о том, что через пару лет со стороны подгорных ящеров, закрепившихся на Чёрной речке, следует ожидать большого наступления, никто в Совете не поверил. Слишком они выпадали из сложившегося уже в сознании многих образа слабого и нищего ящера, живущего там, которого, если немного поднапрячься, славные доблестные дружинники богатых и сильных кланов Старого Ключа мигом вышибут обратно на их прежние места. А то и ещё выше по течению, вообще в верховья Лонгары.

Только вот, никому это не надо, потому как у всех и своих земель и угодий полно. Потому ящеров и не трогают. Есть на сегодняшний день определённый сатус кво, который всех устраивает, и ладно.

Старые роды и кланы города предпочитали действовать по принципу: "Есть война — есть проблема, нет войны — нет проблемы". А проблем никто не хотел. И соответственно самим затевать войнушку с сидящими спокойно и не рыпающимися никуда ящерами, никто не имел ни малейшего желания. И влезать в какие-то непонятные разборки новичков с подгорными ящерами не собирались ни в коем случае.

Только вот объяснить это новичкам надо было аккуратно. В городе полно ещё осталось с прежних времён беженцев из тех краёв, так что затевать смуту меж них охоты не было. Да и дураков тоже. Народ это был хоть и небогатый, но злой, опытный, как говорится жизнью битый, и неприятностей всем доставить мог немало.

Да и вдруг в городе нашёлся бы кто-то из своих — старых, коренных жителей, кто вздумал бы поддержать самонадеянных шебутных землян. Вот тогда бы это был точно непорядок. Тогда бы пришлось влезать в ненужные никому разборки. Потому как

своих надо было всячески оберегать и не позволять, чтобы их втягивали в свои игрища всякие беспокойные товарищи. Которые, как известно, никому не товарищи, а очень даже наоборот.

И вот уже всё утро в Городском Совете города Старый Ключ бурлили нешуточные страсти. Один из самых безпокойных земных кланов, успевший за недолгое время, как поселился в городе, достать всех до самих печёнок, опять лез не в своё дело. Опять выступил с очередным своим беспокойным предложением.

Теперь уже они просили город помочь им в одной из планируемых ими операций. Нанести превентивный удар по ящерам в предгорьях, мотивируя тем, что именно там они наименее сильны. Мол, за зиму они подгорных ящеров в тех краях серьёзно потрепали силами пленных амазонок, но этого недостаточно. Надо, мол, закрепить успех, а то на город оттуда якобы исходит нешуточная угроза.

Бред несусветный, и оттого крайне подозрительный.

Но предмет разговора был столь важен для всего города, что ради одного только этого совещания пришлось даже самому Старосте отложить весьма важную для того поездку в низовой город Плесков Левобережья, и остаться дома.

Именно по этой причине, тот последние дни пребывал в совершеннейшем раздражении, только и мечтая на ком-нибудь сорвать накопившееся зло, и сделать этим неугомонным землянам какую-нибудь очевидную гадость, чтоб всем запомнилась. И чтоб подобные землянам личности не забывали пословицу: "Всяк сверчок, знай свой шосток".

— То, что вы говорите, профессор, иначе, чем бред больного воображения нельзя даже назвать, — бушевал Голова. — Какие два года? Откуда вы это взяли? Да там особей то взрослых практически не осталось, всех давно повыбили. Уже несколько лет на границе практически спокойно, а вы бред какой-то несёте о двух годах и молодых, подрастающих ящерах. Откуда?!

По нашим сведениям и по всем нашим расчётам, которые за последние пятьдесят лет ни разу ещё нас не подводили, там на границе ещё лет двадцать не будет никого, кто даже теоретически мог бы представлять для нас серьёзную опасность. А вы упорно твердите о двух годах.

Голова встал со своего места и, подойдя вплотную к месту где сидел профессор, сердито посмотрел на него:

— Вы предлагаете нам самим напасть на подгорных ящеров? — сердито глядя на него, как на умалишённого, всё же решил ещё раз уточнить он. — Не ждать когда они нападут на нас? Не ждать осени, когда в их нищих селениях хоть чем-то можно будет поживиться, а напасть прямо сейчас? Напасть

самим? Мы вас правильно поняли?

— Правильно, — раздражённо рявнул профессор. — Мы предлагаем не ждать тупо, когда ящеры нападут на нас в удобное для них вермя, а напасть на них первыми. Бить на опережение.

— Вы все там с вашим Сидором сумасшедшие, — с сожалением глядя на профессора, неожиданно констатировал Голова, глядя на него, как на душевнобольного. — Чего вам спокойно не сидится. Чего вам не хватает? — неожиданно тихо, с нотками обречённости в голосе устало спросил он. — Ведь у вас, практически есть всё. У вас даже банк собственный есть, пусть теперь и не самый большой, и не самый богатый в наших краях, как раньше, но ведь есть же. Куча прекрасных предприятий, с новейшим оборудованием. которым многие в городе искренне завидуют, есть. Так какого же вам ещё надо? Зачем вы втравливаете нас постоянно в какие-то свои дурацкие предприятия? Кому нужен этот ваш идиотский поход. Да ещё весной, когда листва ещё не покрыла деревья и земля в лесу больше похожа на болото, чем на твердь. Когда нет уже времени на основательную подготовку. Когда леса все голые стоят, насквозь прозрачные, просматриваемые вдоль и поперёк. Когда любого человека в лесу видно за версту, и незаметно ни к одному их поселению не подберёшься.

Да единственно, чего вы своим дурацким наскоком добьётесь, так это разозлите их. И они не станут ждать ваши мнимые два года, а нападут на нас прямо сейчас. Мало нам проблем с амазонками, возникшими по вашей милости. Вы что, решили ещё и с подгорными ящерами разодраться?

— Мило, — раздражённо проворчала Маша. — Проблемы с амазонками возникли оказывается по нашей милости? Мило!

А подгорные ящеры оказывается белые и пушистые, которых ни в коем случае не надо трогать, а то они обидятся?

Мило! — Маша мрачно посмотрела на разошедшегося Голову и повернулась к остальным членам Совета. — Не сегодня, так завтра, они накопят достаточно сил и обрушатся на нас всей своей мощью. Вот мы и предлагаем их опередить. Опередили же мы амазонок с их мятежом, вот и добились нужного результата. Теперь они к нам уже не лезут, боятся. За всю зиму не было ни единого нападения с той стороны.

— Ничего удивительного. Зимой они всегда сокращают активность, — ехидно хмыкнул со своего места Кондрат Стальнов, насмешливо глядя на неё.

Введённый недавно по инициативе городских властей в состав Городского Совета от гильдии кузнецов, поддержанный старыми кланами города, он теперь старательно отрабатывал

оказанное ему доверие. И поэтому непонятные инициативы своих бывших товарищей, мешающие нормально, спокойно работать, готов был изничтожить собственными руками. Что при каждом удобном случае всем и демонстрировал.

— У нас даже количество заказов на оружие в это время ежегодно сокращается, — продолжал он возмущаться. — Так что, не выдумывайте того, чего нет. А с этой вашей очередной авантюрой, вы нас действительно во что-нибудь серьёзное втравите. Во что-нибудь похлеще этого мятежа амазонок.

— О, как? — деланно подняла брови Маша. — Уже оказывается, что в мятеж амазонок это мы вас втравили, а не сами амазонки подобное учудили. Интересно, интересно. Продолжайте в том же духе, господин Стальнов. Мне интересно вас слушать.

— Ну, и чего вы добились, — мрачно уставился тот на Машу. — Чего вы добились?

— Наверное, того, что нам не надо их больше лечить? — вопросительно взглянула на него Маша.

Кондрат застыл, внимательно глядя ей в глаза. История с бесплатным лечением всех пленных амазонок с Девичьего Поля, за которых этот клан землян потом не получил ни с кого ни монетки, была ещё свежа у всех в памяти. Насмешливая улыбка медленно сползла с его губ.

— Ну разве что так, — медленно проговорил, не сводя с Маши внмательного, вдруг ставшего очень серьёзым взгляда.

— Впрочем, — Маша, поднявшись со своего места, подошла к Голове и стала прямо напротив него, уперев руки в бока.

Раздражённо хмыкнув, она повернулась к находившемуся здесь же рядом Старосте и Стальнову. Насмешливо посмотрев на обоих, спросила:

— Мне вам напомнить, господа Старшина, — подпустила она яду в голос, многозначительно посмотрев при том исключительно на Стальнова, — как вы нас встречали в воротах города, когда мы собрались выгнать их из города. А потом наперегонки бросились вербовать себе на работу этих самых амазонок, твердя, какие они хорошие, да незаменимые работники?

— И с тех пор так в городе и торчат, между прочим, — ехидно закончила она.

— Ты их не замай, — недовольно буркнул Голова. — Они бабы справные и дело своё прекрасно знают. И место своё, кстати, тоже. Больше никуда не лезут. От них городу прямая польза идёт. Вон, — кивнул он на Кондрата, — даже главный кузнец наш подтвердит, что работники из них дельные.

— Ну да, — довольно кивнул тот головой. — Стал бы я иначе

за них тогда так хлопотать, кабы у них не было толковых кузнецов. Чуть ли не каждая вторая мастер, каких поискать. Что с кожей могут работать, что с металлом, что с деревом.

А у вас один сплошной перевод на корм подгорным ящерам, на мясо. Неудачникам, вытесненным конкурентами с равнины. По слухам, из тех двух с половиной тысяч, что вы там поселили на островах, уже осталось неболее тысяч двух. Остальный уже ящеры съели.

— Да уж, — насмешливо заметила Маша, — что есть, то есть. Питаются ящерки мясном, питаются. Но речь не о том. Ты в сторону то разговор не уводи, Кондрат. Сколько вы сами на них заработали? Много?

Да и со сбытом, как я слышала, у вас проблем нет, — усмехнулась она. — Почитай всё, что они делают, сбываете тут же через реку, тем же амазонкам. Не плохо, не плохо, — насмешливо покачала она головой. — Скоро можно будет устраивать постоянную паромную переправу через Лонгару возле устья Каменки, настолько там у вас хорошо налажено регулярное сообщение между берегами. Только вот что вы будете делать через пару лет, когда к городу подступятся ящеры. Два года, а то и меньше, это недостаточный срок, чтобы хорошо заработать, но вполне достаточный, чтобы снять угрозу с этой стороны.

Или вы думаете задержать их опять на Чёрной речке? Не выйдет, силёнок маловато.

— Опять ты за своё, — раздражённо бросил со своего места Староста.

Вот тут у меня лежит интересная записочка, — перебил он попытавшуюся возмутиться Маню, поднимая со своего стола какой-то листок пергамента. — И в ней перечислено имущество, на которое вы умудрились вступить в права всего за пару месяцев после банковского кризиса.

Я имею в виду те самые территории, занятые нынче подгорными ящерами, — ухмыльнулся он, глядя на Машу холодным, пронзительным взглядом. — Вы, наверное, думали, что ваши телодвижения по оформлению за собой прав на брошеное имущество никому не заметны и не интересны? Так вот тут то, вы и ошибаетесь. Мы сразу же стали пристально за вами наблюдать, как только вы стали этим заниматься.

— Мы в своём праве, — холодно улыбнулась Маша ледяной, явно скопированной у Изабеллы фирменной холодной улыбкой. — Ваши бывшие закладные, наше нынешнее имущество.

— И что же мы тем не менее теперь имеем? — криво усмехнулся Староста.

Он встал со своего места и медленно прошёлся перед рядом

сидящих по кругу членов Совета. Помахав молча в воздухе взятым листочком, он вернулся обратно на своё место и, повернувшись к Маше, с укором заметил.

— Здесь всё! — ткнул он пальцем в листок, повернувшись и внимательно посмотрев на собравшихся. — И если кто желает ознакомиться с этим перечнем земель, рудников, шахт, болот разных с рудными запасами и прочего всякого разного, — насмешливо склонил он голову, поворотясь обратно к Маше, — то прошу всех ко мне. Вам сразу станет ясна подоплёка и основная причина по которой эта неугомонная компания старается нас втравить в столь опасное и совсем нам не нужное предприятие.

Собственность! Брошенная прошлыми хозяевами безхозная собственность, — оглядел он всех собравшихся торжествующим взглядом. — Полученная банком практически за безценок, фактически даром.

— Но им этого мало, — понимающе усмехнулся он. — Вы себе даже представить не можете, сколько они дополнительно скупили за безценок брошенного там имущества, — усмехнулся он. — Практически всё, что мы когда-либо заложили в этот их банк, в напрасной попытке получить хоть малую толику средств на собственные нужды. Всё они присвоили себе.

Эти мерзавцы втихомолку оформили на себя все наши бывшие закладные, а теперь желают за счёт нашей крови вернуть себе эти земли и эту покинутую прежними владельцами собственность. Я уж не говорю, про те земли, на которые они покушаются у тех, кто их обрабатывает, — кивнул он в сторону Головы.

Или вы думаете, что мы не знаем об этой вашей программе возврата земель некоего Васятки, к слову сказать, родственника не вашего Сидора, а нашего Головы. И которого, вы умудрились принудить с вами остаться. А теперь вы претендуете уже и на эти земли.

— Давай ка ближе к теме, — вдруг резко оборвал его Кондрат Стальнов. — Если мы все начнём считаться здесь собственными проблемами, то засидимся заполночь. Так что со своими проблемами разбирайтесь в частном порядке, тем более что нам всем прекрасно известна вся эта грязная история с землями Васятки. И не тебе её вспоминать! — рявкнул он на Старосту в полный голос. — Короче! Давай по делу!

— Короче? — вопросительно изогнув бровь, переспросил Староста. На Кондрата при том он недобро, многообещающе покосился. Впрочем, тому было всё равно. — Пожалуйста! Они хотят за наш счёт поживиться, а я этого не хочу. Не желаю! Этого

достаточно? — вдруг рявкнул теперь уже он на кузнеца. — Так, короче?

— Достаточно, — нвозмутимо кивнул головой Кондрат. — Я думаю, что для всех собравшихся здесь картина вполне ясна, и дальше продолжать бессмысленное обсуждение бредней не имеет ни малейшего смысла. Я думаю, что выражу общее мнение, если скажу, что ряд новых жителей нашего Города явно зарвался в своих потугах выбиться в лидеры и готов подставить под удар все наши многолетние усилия по поддержанию мира в нашем регионе.

— "А ты сам разве не новый житель этого города? — пронеслась в голове у Маши ехидная, насмешливая мысль. — Чего ж ты тогда выступаешь?"

По-твоему то, что творится вокруг, можно назвать миром? — поражённо уставилась на него Маша.

Переглянувшись недоумённо с Корнеем и профессором, Маша, окинула взором всех присутствующих демонстративно недоумевающим взглядом и недоверчиво переспросила:

— Вот эта перманентная, не прекращающаяся ни на один день война с ящерами, это, по-вашему, мир?

— Да! — короткоо кивнул головой Кондрат. — Это мир! Худой, плохонький, но мир. А вот то, что предлагаете вы — вот это война.

— Значит, по-твоему, если грабить и убивать нас, то это мир. А вот, если делать всё то же самое, но только по отношению к подгорным ящерам, то это война? — Маша вопросительно взглянула на него, и, переведя взгляд на всех присутствующих, недоумевающе спросила:

Здесь что, все так думают?

— Не надо так всё усугублять, — попробовал исправить негативное впечатление от речи кузнеца Голова. — Конечно, то, что на границе происходит, нельзя назвать миром, но и ввязываться в открытые столкновения с вполне замирёнными ящерами, нам бы не хотелось.

— Какими ящерами? — ахнула Маша. — Замирёнными?

Да где вы тут видели замирённых ящеров? — недоумённо посмотрела уже на него Маша. — Вам же русским языком было сказано. Только что. Что всё это временно! Что не позднее, чем через два года они с новой силой навалятся на нас. И чтобы этого не допустить, надо их уничтожить сейчас, поодиночке, когда они ещё достаточно слабы и не вошли в полную силу.

Сейчас, весной, это наиболее удобное время. Не дать им отсеяться, чтоб ни у кого из них по осени не было своего зерна. Тогда многие ящеры из тех до кого мы не доберёмся, просто не

доживут до будущей весны. Это сразу подорвёт их силы и надолго освободит наши земли от их набегов. Ваши, между прочим, земли, в первую очередь, как наиболее ближние к ним, — повернулась она к стальным членам Совета.

Следующий час у них опять прошёл в дурацких спорах, пререканиях и обвинениях друг друга во всех смертных грехах. Ни до чего так и не договорились, лишь одно стало окончательно ясно. Погромить ящеров никто бы не отказался, но вот, одна только беда, никто не желал прикладывать для того никаких усилий.

Если бы кто-то это сделал, то все с удовольствием бы воспользовались плодами этой победы, но проливать свою кровь, никто не хотел.

В конце концов, все окончательно сошлись на том, что сформулировал Голова в своей заключительной речи:

— Мы всё понимаем и со всеми вашими доводами согласны. Кто бы спорил. Но у нас нет желания заниматься этими проблемами. Хотите, есть желание — возитесь. В конце концов, даже то, что вы вступили в права по старым закладным на всяческие ископаемые и земельные участки, это ваше право. Хотите себе вернуть? Сколько угодно!

Но только своими силами, — вдруг ставшим жёстких холотдным голосом отрезал он. — Всё, что только сможете. А не хватит своих сил, так наймите людей. Мы же со своей стороны, не будем вам ни в чём препятствовать. И пусть все, кто захочет, присоединяются к вам. В конце концов, если вы ящеров немного пощиплете, хуже от того никому не будет.

Мы даже не будем мешать вам нанимать своих людей, дабы кто из наших родов захочет присоединиться к вам и поучаствовать в вашей авантюре.

— Понятно, — устало кивнула головой Маша. Спорить и доказывать свою правоту ей надоело. — Это называется, колотитесь, как знаете, а мы потом поделим вашу добычу.

— Очень хорошо, что вы это понимаете, — с холодной усмешкой на губах заметил Староста. — Теперь уже у вас не будет иллюзий, на счёт нашей позиции.

— Её и не было, — раздражённо огрызнулась Машка.

На этом, собственно, совещание Городского Совета и закончилось. Единственное, что адовало — что все члены городского Совета подтвердили слова Головы. Теперь никто не будет препятствовать охотникам из кланов, если таковые вообще появятся, принимать участие в задуманном землянами предприятии.

*Интересный разговор… **

Рабочий кабинет Марьи Ивановны Корнеевой, после истории с визитом в банк Ивана Дюжего, когда на примере своей секретарши-подруги Дашки Маша поняла, насколько оказывается легко было подслушать любые ведущиеся в кабинете разговоры, был радикально перестроен.

Между её кабинетом и рабочим местом Дарьи был сделан небольшой тамбур с двумя, плотно закрывающимися массивными дверьми, а закуток, в котором ранее, практически среди посетителей банка сидела Дарья, теперь был отгорожен от основного помещения зала большими бронированными стёклами, по спецзаказу изготовленными Марком на стекольном заводе.

Для связи же с самой Дарьей, к её столу из кабинета был протянут шнурок с колокольчиком на конце, дёрнув за который, Маша всегда могла вызвать к себе секретаршу. А подёргав в определенной последовательности, так и сразу предупредить что ей в данный момент требуется.

Там же, рядом с Дарьей был оборудован и дополнительный пост охраны. Официально, так сказать внутренняя линия обороны, последний рубеж перед кабинетом, чтобы посторонний, минуя охрану напрямую не попадал к руководству банка.

Основная же цель этого поста была не допустить подслушивание кем-либо ведущихся в кабинете руководства деловых переговоров. Цель, как бы не афишировалась, но судя по недовольному лицу Дарьи, сердито посматривающей на Машу, та прекрасно поняла в чей огород был этот камень.

Наверное, после того случая она уже не раз и не два пожалела, что была в тот день несдержанна. Но, как говорится, поезд ушёл. И ничего сделать она уже не могла, хоть ей такое положение дел сильно не нравилось.

Но, теперь сохранности в тайне ведущимся в кабинете разговорам был дан жёсткий приоритет.

Вот потому-то сразу на следующий день после собрания в Городском Совете Маша с Беллой и уединились именно здесь, а не как обычно у Беллы в землянке.

Здесь не было ни ящеров, ни других посторонних ушей, а намеченные для обсуждения вопросы требовалось обязательно проговорить.

— Дорогая Изабелла, — Маша, сидя в своём кресле, медленно помешивала серебряной ложечкой в чашечке с лимонниковым чаем. Внимательно глядя в глаза баронессе, она полюбопытствовала:

— Развейте мои сомнения. Может, я, конечно, и ошибаюсь, но

мне показалось, что вы сознательно не поднимаете на наших общих с ящерами совещаниях вопрос о том болоте, где, предположительно находится корень мифической мыльнянки. Я права, или, всё-таки, ошибаюсь?

— Ничуть, Маша, — едва заметно склонила голову Изабелла. — Вы совершенно правильно заметили, что я не подымаю этот вопрос, и я удивляюсь, почему вы этого не заметили гораздо ранее.

— В чём же тогда дело, Изабелла? — Маша, вопросительно заломив бровь, смотрела на неё из-под чуть прищуренных век. — Они же как бы наши союзники? Или вы так не считаете?

Бароны Вехторы всегда тем и отличались, что никогда ничего не забывали и всегда хорошо учили историю, — негромко, чётко акцентированным голосом проговорила Белла. — А история сосуществования людей с ящерами на этом континенте никогда не отличалась ни дружбой, ни взаимопомощью.

Между людьми и ящерами всегда была кровь. И временное бедственное положение одного, двух, да пусть даже и трёх кланов ящеров, в этом многовековом противостоянии ничего не меняет.

Всё это благолепие лишь временно, — подчеркнула она.

В отличие от увлёкшихся опасной терпимостью землян, Белла вот именно этот момент понимала прекрасно. И была настроена крайне решительно, чтобы донести сей факт до их сознания. Затевать совместные дела с людьми, не разделявшими её взглядов на вполне определённые вещи, для их совместного будущего было чревато. А планы у неё были грандиозные.

Поэтому, начать соответствующую обработку она решила с Маши, как с наиболее подверженного её влиянию и наиболее близкого ей члена этого коллектива. И, просто как с женщины наконец-то.

— Поймите, Маша, — проговорила она жёстким тоном. — Вся прошлая история человечества однозначно учит. Пока ящеры слабы, они всегда добрые и послушные. И всегда готовы идти на любые формы сотрудничества с людьми. Но стоит им только окрепнуть и почувствовать свою силу, они всегда поворачиваются к людям совсем другой своей стороной. Совершенно не похожей на нынешнюю сусальную картинку.

И прецеденты в истории тому были. И не раз, и не два. Следовало только внимательно изучать историю. Особенно историю взаимоотношений людей и ящеров на этом континенте.

Когда-то давно, несколько сот лет назад, там далеко, на Малой Лонгаре тоже были человеческие государства, думавшие ужиться с ящерами бок о бок. С тех пор прошло много лет, и о тех государствах даже память стёрлась из людских воспоминаний. И

никто теперь в тех местах, кроме самих ящеров уже не живёт.

Где Малая республика, называвшаяся так по месту своего расположения ровно в середине течения Малой Лонгары, в месте поворота её на юг, там где сейчас волоки с Великой Лонгары на Малую? Сейчас даже забылось что и река там была названа по имени республики, а не наоборот, и совсем не потому что она короче Большой, или, как её ещё называют Великой Лонгары.

Где Низовое княжество князей Низовых, располагавшееся в устье Малой Лонгары, славившееся своими бескрайними лиманами с осетрами? У тех князей даже на гербе был отмечен осётр. Где баронство Исток, находившееся в верховьях всё той же Малой Лонгары, как понятно уже из самого названия. Где многие другие, бывшие там по реке и по соседству княжества и баронства? Где Малые вольные речные республики, от которых на сегодняшний день осталась одна Амазония, да какой-то рыхлый конгломерат вольных городов в центре Левобережной равнины? Причём вольных уже довольно условно, поскольку многие порядки на этих землях всё больше и больше напоминают баронские. А низовье, так совсем уже превратилось полностью в настоящие княжества. Там правит уже которое поколение князей Устьинских. Чего не было ещё с сотню лет тому назад.

И всё это напрямую связано с давлением со стороны ящеров. Люди сами вынужденно меняют формы общественной жизни и отнюдь не в лучшую сторону. Вам такие рассуждения могут показаться странными, — усмехнулась понимающе Белла, — но тем не менее это так. Бароны де Вехтор никогда сами себя не обманывали.

Но, возвращаемся к интересующему нас вопросу.

Как видите, Маша, вся река Малая Лонгара ещё четыреста лет назад была полностью заселена людьми. А о ящерах в тех местах и слыхом не слыхивали.

И где теперь они все?

Даже память о том из большинства архивов и исторических хранилищ людей постарались изъять всякие добрые господа, не желающие помнить, как они говорят, плохое, так называемые "чёрные года".

Таких существ история ничему не учит. Особенно, когда подобные им заинтересованные лица старательно помогают её забыть, аккуратно изымая из архивов и в тайне или под благовидными предлогами уничтожая покрытые пылью неугодные рукописи.

Я была хорошей учиницей, Маша. И в отличие от многих других, родовые и семейные архивы в своё время изучала внимательно. И у меня были прекрасные учителя, не обращавшие

внимания на хорошо проплаченные заинтересованными лицами из Империи модные веяния. И были тщательно сберегаемые родовые предания и семейные архивы, хранимые от разорения.

Они и сейчас у меня есть. Только вот место их нахождения никто кроме меня и иных, к сожалению, немногочисленных наследников рода Вехторов не знает. И никогда не узнает, чтобы их также не разорили, потому как на то слишком много охотников.

И в то, что возможен симбиоз с ящерами — я не верила никогда ни на йоту, чтобы вы все мне тут ни говорили. Потому как хорошо училась и и у меня были правильные учителя.

И я помню старую истину: "Знающий прошлое — владеет будущим".

У меня дети, Маша, — жёстко посмотрела она в упор, в самую глубину её глаз. — И я хочу, чтобы у них это будущее было. А с ящерами на одном континенте нам вместе не жить.

Поэтому, я не собираюсь делиться с кем-либо сведениями об этом корне. Даже с союзником. Дружба дружбой, а табачок врозь, как говорят в иных местах, — холодно усмехнулась она. — Сегодня он союзник, а завтра срашный враг который знает все твои сильные и слабые стороны.

Слишком велика цена вопроса, Маша. Если вывод о роли этого корня в процессе получения той самой ткани подтвердится, то тут возможны многие варианты. И практически все для нас неприемлемые.

Не забывайте — у нас сейчас практически нет сил чтобы сохранить за собой приоритет в этом вопросе. А значит и от основных доходов нас могут легко отстранить.

Не забывайте, формально то болото находится на землях ящеров. Пусть и подгорных, но ящеров. А с имперскими у них довольно близкие отношения. Да и сама Империя считает все занятые ящерами земли подвластными себе, не забывайте об этом. И если нас с вами там просто съедят, то с нашими так называемями союзниками, обойдутся очень даже вежливо. Глядишь, ещё и нашим мясцом их угостят, как знатных гостей.

И вот что я вам ещё скажу, уважаемая Марья Ивановна.

Изабелла прервалась, внимательно, демонстративно осмотрелась по сторонам в пустой комнате, где кроме них никого не было, словно выискивая не подошёл ли к ним кто со спины посторонний, и тихо проговорила.

— Маша, давайте договоримся не произносить название этого растения даже в разговорах между собой. Слишком велика цена вопроса, чтобы мы даже случайно выболтали кому-либо хоть какие-то данные, могущие навести врагов или конкурентов на

след. Пусть для нас всех это растение будет называться…, - Белла задумалась, подбирая подходящее название, и вдруг резко, словно только что вспомнила, бухнула. — Росянка!

Пусть будет обычная росянка. Тоже болотное растение. И тоже довольно редкое. И очень для нас со всех сторон удобное растение. Жрёт комаров и мух. И официально, для всех, выращивать её мы будем для борьбы с гнусом в болоте на дороге в Долину.

Мошка, мол, заела. Ищем любое средство чтоб хоть как-то облегчить наши здешние мучения. И там, и в иных подобных местах.

И это, кстати, вполне может быть достоверным. Потому как росянку, я знаю. У нас дома, особенно там где есть заболоченные участки вдоль торговых трактов, специально её высаживают. Чтоб на тракте было поменьше комаров и мух.

Кто там будет смотреть что мы сажаем на окрестных болотах, — усмехнулась она. — Росянку, или какую-то мыльнянку. Никто разбираться не станет. А то можно и в перемешку посадить.

А вот ящеры наши могут и заинтересоваться, хотя очень не любят воду. Поэтому из долины их следует аккуратно, но убрать.

Поэтому в настоящее время вопрос с корнем этого растения стоит следующим образом.

Белла, немного нервничая встала со своего места и несколько раз быстрым нервным шагом прошлась взад-вперёд по кабинету.

— Во-первых. То, что получилось у профессора без использования корня росянки, уже готовый товарный продукт, имеющий самостоятельные права на существование. Именно из него мы шьём полевую форму для амазонок. Требуется проверка в полевых условиях.

Но, что более важное, даже в нынешнем виде они вполне устраивают ящеров по предъявляемым требованиям к бинтам. То есть, поставленная задача практически решена. Вполне удобоваримый продукт.

Даже жалко переводить его на одежду для амазонок, — улыбнулась она.

— Ну да, — с коротким смешком бросила Маша. — Одна беда. Тот, первый продукт был лучше качеством. Намного лучше.

Тогда остаётся только прояснить для себя один вопрос. Удовлетворятся ли сами ящеры полученным продуктом? — Маша, высоко дугой выгнув бровь, вопросительно посмотрела на Беллу.

— Думаю, вполне, — суховато отозвалась та. — То, что профессор сделал с тканями путём своих опытов, намного подняло ценность этих, самых обычных тканей в глазах ящеров.

Они, практически такие, как им надо. Ну да, согласна, чуть хуже тех, первоначальных.

Да что там говорить, много хуже первоначальных. Но первые ткани уже практически все извели, и воспоминания о них начинают постепенно из памяти стираться. Уже нет такого чёткого понимания того, что вначале была принципиально другая ткань. Принципиально во многом лучше, чем то, что сейчас получается у профессора. Раньше было серьёзное качественное отличие. Теперь его нет, смазалось.

Но ящеры согласны и на это, ведь всё остальное много хуже. Кстати! Они усовершенствовали профессорские бинты, внеся свою лепту в процесс их производства. Они дополнили их своими мазями, и на выходе получился просто невероятный продукт. Бинт не позволяет быстро истечь кровью, а мази, на основе той белёсой дряни с озёр, заживляют, чуть ли не моментально.

И главное, обработанная этим составом ткань не вызывает нагноения на ране. Обладает явными антисептическими свойствами. Со всех сторон великолепный продукт. А то, что совсем не то что было первоначально, так и что. Что было уже забылось, — задумчиво хмыкнула Белла.

— Теперь, второе, — снова покосилась на Машу Белла. — Мы не знаем, что нам даст этот корень. Той пары корешков, что Колька нашёл у себя в котомке и отдал профессору на проверку, для полноценной серии опытов недостаточно. И планировать боевые действия в расчёте на то, что отбив это болото мы сразу решим всю проблему — гарантировано лишняя кровь.

Третье. Маша, представьте на миг, что нашим ящерам стало известно о существовании этого корня. Их действия? Представила?

Никого не слушая, они бросают всё, все свои силы на завоевания этого болота. Там идут бои — результат, запасы сырья уничтожаются.

В конце концов, в самом неблагоприятном случае, может быть уничтожена вся эта популяция. Поверьте, это вполне реально!

Вы что, не понимете? Любой эндемик можно элементарно уничтожить. Даже просто вытоптав, к примеру.

И самое плохое — о нём становится известно уже подгорным ящерам. Видя такой повышенный интерес к этому болоту, ящеры бросают все свои силы на нас, пытаясь выяснить что там может быть такого интересного, что привлекло к данному месту такое повышенное внимание.

И от нас остаётся одно мокрое место, — мрачно бросила она.

И где нас после этого надо будет искать? Нас сметут, как

прошлогодний лист.

На какое-то время в комнате установилось молчание.

— Если придерживаться данной концепции, то сразу возникает вопрос, — первой нарушила молчание Маша. — В чём тогда наш интерес?

Изабелла, глядя на Машу, загнула мизинец на левой руке.

— Во-первых. На отстаивание корня за собой. В любом случае, при любом раскладе — за собой.

Повторюсь. Слишком велика цена вопроса. Особенно для ящеров. Мы не знаем, как они себя поведут в этой ситуации. И желания это узнать лично у меня нет.

Знаете, как говорят. Хочешь потерять друга — дай ему в долг.

Во-вторых. Поняв из-за чего затеян весь этот сыр-бор, подгорные ящеры бросают на защиту болота все свои силы, и мы гарантировано его теряем. Наш важнейший ресурс, корень росянки мы потеряли. Вы этого хотите добиться?

Замолчав, Белла несколько мгновений выжидаельно смотрела на Машу. Не дождавшись ответа, продолжила.

— В-третьих. Мы ничего не знаем о его биологии. Абсолютно ничего! Надо бросить все силы на максимальное выяснения причин того, что с ним связано, с этим болотом. Почему именно там растёт эта трава и больше нигде в другом месте. Может это не так. Мы же не знаем ничего. А может его можно разводить как любое дикорастущее растение? Этим же надо заниматься! Кто это будет делать? Я? Вы? Ящеры?

Да они воды боятся, как огня. Для них выращивание растений — тёмный лес. А водное, или как в данном случае — болотное растение для них вообще чудо! У них же в Империи принудительно и достаточно давно были уничтожены все кланы земледельцев. Все! Поголовно! Почему они так за вас и схватились. Ведь на настоящий момент они простые собиратели и скотоводы, как говорят в наших местах, козопасы. Они не ростят, они собирают. Все их травянистые лекарства исключительно из дикоросов. Культурных растений нет ни одного. Почему лекарства их такие и дорогие. Потому что редкие.

И ещё вопрос. Кто его, этот корень, будет собирать? Мы, или ящеры? Может, они из-за такого ресурса, всё же нарушат свою нелюбовь к воде? Вдруг окажется что не такие уж они и водобоязненные неумелые земледельцы. Ведь занимались же они раньше земледелием? Занимались.

Ну и зачем нам это надо?

И я ещё раз повторюсь. Нам известно о факте его произрастании только в одном болоте. Но! Никого после Кольки там давно не было. Что там на самом деле произрастает и в каком

количестве, мы не знаем. Действовать надо тайно, и только тайно, и никак иначе.

— И без ящеров, — жёстко отрезала Белла.

— Сразу встаёт вопрос кто? И никого кроме вашего мужа, Корнея, я в этом качестве не вижу. Но у него своих дел, совершенно с этим не связанных, полно. Тогда опять вопрос всплывает. Кто?

— Сидор, — флегматично бросила Маша поморщившейся Белле. — Или он, или Димон. Больше некому. Но Димон отпадает, потому как к железкам всяким у него куда больше лежит душа, чем к растениям. Если возьмётся — гарантировано завалит. И остаётся у нас…, - Маша уже откровенно нагло ухмылялась глядела прямо в глаза Белле. — Остаётся у нас…, - подпустив в голос интригующих интонаций повторила она. — Один только Сидор.

— А если более серьёзно подойти к данному вопросу? — поморщилась Белла. — Поймите, Маша, я ничего не имею против господина Сидора, но нельзя же его совать в каждую бочку затычкой. Когда он появится в городе… Если, — жёстко осекла она холодным голосом возникшую на губах Маши улыбку. — Если он появится в городе, то у него тут хватит дел и помимо возни с какой-то мифической росянкой.

Подумайте? Может у вас есть соображения на тот счёт как бы можно было это дело провернуть тишком, без посылки на то болото большого отряда или даже целой экспедиции. Нужно то, два, три человека. Как Колька со своим отцом. Тихо сходили туда. Набрали что надо и сколько надо. И тихо обратно вернулись. Никто и не узнал: где были, что делали. Вот как надо действовать.

— Сучка что ли послать? — впав в задумчивость тихо пробормотала Маша. — У Сидора с Лешим дружба, не разлей вода. Сучок у него вроде бы как на посылках работает. Так что если тот прикажет, Сучок и не вякнет. Мухой сбегает и притаранит оттуда хоть мешок, хоть два. Да и внимания он к себе не привлекёт. А если захватит с собой ещё и Тихона, дружбана своего лохматого, то они не мешок, а несколько тонн того корня принесут. Надо только им будет авоську побольше на спину пошить. Ты лично этим и займёшься, — бросила она короткий, насмешливый взгляд на Беллу. — Скрытничать, так скрытничать.

— Тихон это?… — вопросительно взглянула на неё Белла.

— Медведь, Катенькин кавалер, — с тяжёлым обречённым вздохом пояснила Маша. — Уже весна. Скоро что тот, что другой проснутся после зимней спячки, если уже не проснулись. И не сегодня, так завтра обязательно появятся у нас. И ты с ними

обоими тогда поближе познакомишься. Тихон хороший мужик, правильный, хоть и медведь. Безбашенному Сучку он отличным противовесом будет.

— Вот этих двоих деятелей мы и пошлём. Надо их к делу пристроить, а то опять повадятся носиться с Рыжим по улицам на Сидоровом мотоцикле. Будут соседских кур давить, а мне потом с хозяйками объясняйся.

— И никто их в лесу даже не увидит, — пришла она к окончательному решению. — Вот!

В словах Беллы была несомненная правда. И как ни неприятно это было осознавать, но просить Сидора тишком сходить за каким-то мифическим корнем это было уже что-то из области фантастики. Слишком он стал в городе заметной фигурой. И если он пропадёт, да ещё сразу после возвращения, даже на несколько дней, это мгновенно вызовет ненужные толки и тут же привлечёт к ним внимание. А вот этого то как раз было и не надо.

— А Сучок это кто? — удивлённо воззрилась на неё Белла.

Если она до того и слышала от кого-либо какие-то невнятные разговоры о внуке Лешего Сучке, отданном Лешим в учёбу Сидору, то, похоже действительно только самые невнятные. И каких-либо планов на него строить не могла по определению — не знала о чём, точнее о ком идёт речь. Сейчас же, услышав о дружбе Лешего и Сидора, необычайно воодушевилась

— А что, — невнятно пробормотала Белла. — Вот это уже вполне реально будет.

Только про мотоциклы можешь сразу забыть. Тут недавно ребята сталевары с литейного приходили. Забрали к себе на завод оба мотоцикла, и Сидоров, и Димона. И даже не сказали за какой надобностью. Невнятное что-то пробормотали про какой-то сюрприз и больше я из них и слова не вытянула.

— И ты отдала? — изумилась Маша. — Вот так просто взяла и отдала? Два мотоцикла?

Щедро, — покрутила она головой. — Очень щедро с твоей стороны. Или чень глупо, — рассердилась она. — Они же стоят… тыщ по сорок каждый. И тебе не жалко?

— Не моё, — удивлённо воззрилась на неё Белла. — Я им предложила немного подождать, пока Сидор с Димоном в городе не появятся. Но они сказали что у них и так времени мало и они уже запаздывают.

— Куда? — непонимающе посмотрела на неё Маша. — Их что-то гонит? — удивлённо подняла она свои бровки. — Кто?

— Слухи всякие передавали, — тяжёло вздохнула Изабелла. — Последнее, что стало им совсем недавно известно,

так это то, что Сидор вместе с Димоном прошли свой подземный перевал и в настоящий момент пребывают в крепости Тупик, отдыхая после трудов праведных.

— О! — ошарашенная Маша замерла соляным столбом, подобно жене Лота. — И ты молчала! — заорала она в полный голос.

Всё! — нервно забегала она по комнате. — Надо немедленно ставить их в известность что оба они здесь нужны. Срочно!

Не грусти подруга! — шутливо пихнула баронессу в бок Маша. — Вернётся твой Сидор, помиритесь! Никуда он не денется.

А я пока подумаю кого к ним послать, — хищно прищурила она глаза. — Такого, чтоб оба с крючка не сорвались. И о своём любимом Приморье хоть на время да позабыли.

Советника! — буквально подпрыгнула она на месте, сразу сообразив кого надо туда посылать. — Твоего Советника! Он хам, а последнее время, как у тебя родились близецы, совсем охамел. Падла! — с удовольствием обругала она мерзавца, не раз уже нахамившего и ей самой. — Даже со мной через губу разговаривает, мерзавец, цедит слова, словно соизволил сойти до разговора с прилугой.

Так что нашего Сидора, не сомневайся, мгновенно выведет из себя. Да так, что тот непременно захочет приехать в город и на месте разобраться, что тут у нас происходит. Уж, эту-то его вредную привычку я прекрасно знаю, — Маша хитро, многообещающе прищурила глаза. Заискрившиеся, повеселевшие глаза её радостно блеснули.

Грустно улыбнувшись, баронесса неожиданно отчаянно махнула рукой. На этот день, все проблемы были решены, и оставалось только добиваться неукоснительного их исполнения